

ДЕПАРТАМЕНТЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗЕМЕЛЬНЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ.

ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ-АРЕНДАТОРЫ ТУРГАЙСКОЙ ОБЛАСТИ

(2-я ЧАСТЬ ОТЧЕТА СТАРШАГО ПРОИЗВОДИТЕЛЯ РАБОТЪ КАУФМАНА ПО КОМАНДИРОВКѢ ВЪ ТУРГАЙСКУЮ ОБЛАСТЬ).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. БЕЗОБРАЗОВА и Комп.
(Вас. Остр., 8 л., № 45).

1897.

Печатано по распоряженію Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ.

325.47

K164

Q

v. 2

Одно изъ порученій, возложенныхъ на меня при командировкѣ, лѣтомъ 1896 г., въ Тургайскую область, было — „собрать свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи и землевладѣніи десяти поселковъ, возникшихъ на арендованной у киргизъ землѣ и нуждающихся въ окончательномъ земельномъ устройствѣ“. Посильный отвѣтъ на эти вопросы и должна дать настоящая работа.

Къ сожалѣнію, располагая самымъ незначительнымъ временемъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи никакихъ сотрудниковъ, я не имѣлъ возможности прибѣгнуть, для выясненія хозяйственного положенія поселковъ, къ единственному приему, способному дать вполне точные и полные результаты, — къ сплошной подворной описи; такую опись я имѣлъ возможность произвести только въ трехъ небольшихъ поселкахъ, въ остальныхъ же я долженъ былъ ограничиться подробнымъ поселеннымъ опросомъ, а также изученіемъ всего доступнаго мнѣ документальнаго матеріала и собранныхъ официальнымъ путемъ статистическихъ данныхъ.

Съ другой стороны, однако, я счелъ своимъ долгомъ нѣсколько расширить рамки даннаго мнѣ порученія: упомянутыми выше десятию поселками далеко не ограничивается внѣ-городское населеніе Тургайской области: кромѣ жителей этихъ поселковъ, тысячи переселенцевъ-арендаторовъ проживаютъ въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ въ десяткахъ хуторовъ, заимокъ и заселковъ, — и мнѣ казалось не безполезнымъ собрать свѣдѣнія объ ихъ землевладѣніи и хозяйственномъ положеніи, — не безполезнымъ хотя-бы уже потому, что нѣкоторыя изъ этого рода поселеній легко могутъ упрочиться и потребовать, въ близкомъ

будущемъ, окончательнаго землеустройства. Посѣтить всѣ заимки, хутора и т. п., число которыхъ въ одномъ Кустанайскомъ уѣздѣ превышаетъ, по официальнымъ свѣдѣніямъ, полсотни, я не имѣлъ возможности; мнѣ удалось побывать только въ 18-ти поселеніяхъ этого рода, съ населеніемъ въ 245 дворовъ, но за то во всѣхъ этихъ 18-ти поселеніяхъ мною произведена, кромѣ поселеннаго опроса, и подворная опись.

Въ настоящей работѣ мнѣ казалось необходимымъ — между прочимъ и для чисто практическихъ цѣлей — дать, кромѣ общаго свода собраннаго матеріала, также и разработку этого послѣдняго по каждому поселенію особо. Общій сводъ составляетъ основную часть настоящей работы, поселенныя данныя — приложение къ ней.

Въ заключеніе мнѣ остается замѣтить, что всѣ тѣ приводимыя въ общей части данныя, подѣ которыми не сдѣлано спеціальныхъ ссылокъ на источники, заимствованы изъ разспроснаго и документальнаго матеріала, *in extenso* напечатаннаго въ приложеніи.

Сентябрь 1897 года.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стр.
Глава первая. Кустанай и Актюбинскъ	1
Возникновеніе Кустаная и уступка земли киргизами (1—5). Заселеніе города (5—6). Административное и земельное неустройство (6—10). Ростъ и убыль населенія (10—13). Причины выселенія (13—15). Возникновеніе и дальнѣйшая судьба Актюбинска (15—20).	
Глава вторая. Вліяніе законодательства и администраціи на внѣгородскую колонизацію Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ	21
Связь внѣгородской колонизаціи съ исторіей городовъ (21—22). Вопросъ объ устройствѣ поселковъ при г.-м. Проценко (22—26). Аренда, какъ единственный путь водворенія (26—28). Содѣйствіе мѣстной администраціи (28—31). Мѣры къ административному устройству поселковъ (31—33). Учрежденіе волостей и обществъ (33—35). Условія арендованія земель при Врем. положеніи 21 окт. 1868 г. (36—38). Вліяніе Положенія объ упр. Стенн. обл. 25 марта 1891 г. (38—42). Обходы закона и отношеніе къ нимъ администраціи: въ Кустанайскомъ у. (43—46), въ Актюбинскомъ у. (46—52).	
Глава третья. Кустанайскіе арендаторскіе поселки.	53
Ихъ возникновеніе и первоначальный ростъ (53—55). Выселеніе и новый приливъ поселенцевъ (55—59); численность ихъ въ 1896 г. (59—60); новыя ходатайства о выселеніи (60—61). Исторія образованія поселковъ, роль „первыхъ жителей“ (61—65). Первоначальные арендные договоры (65—68); современные условія землепользованія (68—71). Условія допуски новыхъ поселенцевъ (72—75). Какъ заключаются и исполняются арендные договоры (75—78). Борьба жителей поселковъ съ хуторянами (78—82). Распредѣленіе земли въ поселкахъ (83—84). Взаимныя отношенія поселенцевъ (84—86).	

Глава четвертая. Арендаторскія товарищества и арендаторы-одиночки 87

Хутора: ихъ численность (87—89), размѣры арендъ (89—90). Различіе между хуторами и заселками (90—95). Возникновеніе и ростъ тѣхъ и другихъ (95—99). Размѣры благосостоянія на хуторахъ и заселкахъ (100—102). Порядокъ пользованія заарендованною землею (102—104). Арендаторы-одиночки (104—107); бытовыя условія ихъ жизни; вопросъ объ утратѣ русскаго облика (107—112). Капиталистическія аренды (112—115).

Глава пятая. Артельные и единоличныя аренды (продолженіе). 116

Разные типы арендныхъ договоровъ: аренда участковъ въ опредѣленныхъ границахъ; два вида такой аренды (116—122); примѣры договоровъ (116—122); существенныя условія послѣднихъ (122—127); ограниченія въ правѣ принятія новыхъ пайщиковъ (127—130); другія оговорки (130—133); сроки арендъ (133—134). Аренда для распашки опредѣленнаго числа десятинъ (134—138). Издольные договоры (138—139). Основанія исчисленія и сроки взноса арендной платы (139—142); неустойки (142—143). Арендныя цѣны пашень по письменнымъ договорамъ (144—146), у арендаторовъ-одиночекъ (146—148); измѣненіе ихъ во времени (149—151); обезцѣненіе земли арендаторами (151—152). Аренды изъ части (152—153); арендно-супружныя сдѣлки (153—156); аренда обработанной земли (156). Условія арендованія покосовъ (157—160). Какъ исполняются арендные договоры; отношенія арендаторовъ къ киргизамъ (160—165).

Глава шестая. Очеркъ хозяйственнаго положенія переселенцевъ-арендаторовъ 166

Официальныя цифры о положеніи поселковъ въ 1891 и 1895 г. (166—169); разспросныя данныя (169—171). Хутора Кустанайскаго у. (171—174), Актюбинскаго у. (175—176). Что дало поселенцамъ переселеніе (176—180). Причины, мѣшающія ихъ благосостоянію: неурожан (180—182), конокрадство (182), низкія хлѣбныя цѣны (183—184). Характеристика хозяйства поселенцевъ (185—191). Вліяніе земельного неустройства (191—193). Стремленіе къ выселенію, бродячій характеръ (193—196). Подборъ поселенцевъ по происхожденію (197—200), по прошлому (200—205).

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Данныя поселеннаго и подворнаго опроса по отдѣльнымъ поселкамъ и хуторамъ.

	Стр.
А. Поселки Боровской и Александровской волостей.	1
№ 1. Пос. Александровскій	1
№ 2. „ Жуковскій	8
№ 3. „ Романовскій	14
№ 4. „ Борисовскій	25
№ 5. „ Давыденковскій	30
№ 6. „ Боровой	33
№ 7. „ Ивановскій	41
№ 8. „ Степановскій	48
№ 9. „ Михайловскій	57
№ 10. „ Владимірскій	64
Б. Хутора и заимки Кустанайскаго уѣзда	69
№ 11. Хут. Гребенкинъ (Алакуль, Долгущка)	69
№ 12. „ Давыденковыхъ	74
№ 13. „ Чистеньскій	75
№ 14. „ Никитина	79
№ 15. Саратовская заимка.	84
№ 16. Заимка Бислицына	87
№ 17. „ Аледекова	89
№ 18. „ Мѣшкова.	90
№ 19. „ Рязанцева	91
Общія замѣчанія по заимкамъ №№ 15—19	94
№ 20. Хут. Лѣтуновскаго	95
№ 21. „ Успенскій	99
№ 22. Засел. Смоляной заводъ	102
№ 23. „ Аульежуй	105
В. Поселки и хутора Актюбинскаго уѣзда.	109
№ 24. Засел. Можаровскій	109
№ 25. „ Ащибутакскій	116
№ 26. „ Ново-Уральскій	121
№ 27. Хут. Пароловъ	132
№ 28. „ Терновскаго	136
Списокъ хуторовъ и заимокъ Кустанайскаго уѣзда по свѣдѣніямъ, заготовленнымъ для всеобщей переписи 28 янв. 1897	139

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

КУСТАНАЙ И АКТЮВИНСКЪ.

Города Кустанай и Актюбинскъ съ Затобольскимъ и Михайловскимъ поселками — единственныя русскія земледѣльческія поселенія Тургайской области, получившія земельный надѣлъ, почему обследованіе условій ихъ землевладѣнія и хозяйства не входило, собственно говоря, въ мою задачу. Но исторія возникновенія и развитія Кустаная и до нѣкоторой степени — Актюбинска находится въ столь тѣсной связи съ исторіей возникновенія арендаторскихъ поселковъ и особенно хуторовъ, что этой послѣдней нельзя было-бы понять какъ слѣдуетъ, не ознакомившись, хотя-бы вкратцѣ, съ исторіей двухъ названныхъ городовъ.

Какъ городъ Кустанай, такъ и Актюбинскъ получили свое официальное бытіе въ силу Высочайше учрежденнаго 25 марта 1891 г. Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, сдѣланшаго ихъ центрами Актюбинскаго и Николаевскаго (нынѣ Кустанайскаго) уѣздовъ; но „поселенія“, обращенныя такимъ образомъ въ города, уже имѣли за собой довольно длинную исторію, которую я и считаю необходимымъ набросать здѣсь, хотя-бы въ самыхъ общихъ чертахъ. Начну съ Кустаная ¹⁾.

¹⁾ Источниками для ознакомленія съ исторіей Кустаная послужили, кромѣ разспросныхъ свѣдѣній, «дѣла» Кустанайскаго уѣднаго управленія № 86/1881 г. (о распредѣленіи зем. угодій между киргизами, зимовки которыхъ отошли подъ Кустанай), 53/1887 г. («о производствѣ отграниченія Кустанайскаго земельного участка»), 115/1893 и 33/1894 («о раздѣленіи на участки Кустанайской городской пахатной земли» и «объ отдачѣ въ арендное содержаніе» этихъ участковъ), — а затѣмъ составленная на основаніи документовъ Тургайскаго обл. правленія статья «Кустанай и арендаторскіе поселки», напечатанная въ № 8—12, 14—16, 18, 20, 21, 25 и 26 Тургайскихъ област. вѣдомостей за 1892 г.

При послѣдовавшемъ въ 1868 году образованіи Тургайской области, центромъ нынѣшняго Кустанайскаго уѣзда, за отсутствіемъ внутри его русскихъ поселеній, былъ назначенъ расположенный у самой границы уѣзда гор. Троицкъ. Неудобство такого мѣстоположенія уѣзднаго центра, „равно какъ и желаніе правительства видѣть въ степи русское поселеніе, въ которомъ могло-бы сосредоточиться и управленіе уѣздомъ“¹⁾, еще въ 1869 году выдвинуло вопросъ объ учрежденіи города на р. Тоболѣ; въ 1870 г. для этой цѣли намѣчено было урочище Урдобай-Тогай²⁾, которое и было астрономически опредѣлено полк. Тилло, но затѣмъ до самаго 1877 г. дѣло не выходило изъ сферы предположеній. Въ 1878 г. устройство города было окончательно разрѣшено бывшимъ Оренбургскимъ генераль-губернаторомъ, причемъ, по настоянію бывшаго въ то время военнымъ губернаторомъ области ген.-м. Баллюзека, генераль-губернаторъ разрѣшилъ отвести городу, кромѣ 3500 дес. подъ усадьбу и выгонъ, еще нѣкоторое количество земли для земледѣльческаго населенія. Въ томъ-же 1878 г. уѣздному начальнику разрѣшено было открыть приемъ прошеній о водвореніи въ новомъ городѣ и выдавать желающимъ поселиться здѣсь особьяя приемныя удостовѣренія³⁾.

Между тѣмъ, слухи о „новомъ городѣ“ еще съ 1870 года начали распространяться по губерніямъ Самарской, Оренбургской, Уфимской, Казанской, а затѣмъ проникли и въ центральныя губерніи, причемъ, какъ всегда, истина перемѣшивалась съ вымысломъ: рассказывалось о необыкновенномъ изобиліи угодій и плодородіи земли⁴⁾, о какихъ-то особыхъ суммахъ, ассигнованныхъ на ссуды переселенцамъ; привлекала и самая мысль о „вольномъ“ городѣ, и въ результатъ всего этого прошенія о разрѣшеніи водвориться въ послѣднемъ начали поступать съ самаго 1870 г., а когда въ 1878 г. уѣздный начальникъ началъ выдавать приемныя удостовѣренія, прошенія посыпались сотнями и тысячами; къ 1 января 1879 года поступили прошенія отъ 3.308 семей, и уѣздный начальникъ, опасаясь излишняго переполненія имѣвшаго возникнуть города, просилъ разрѣшенія прекратить приемъ прошеній; въ такомъ разрѣшеніи ему, однако, было отказано, и къ концу апрѣля 1880 г. число подавшихъ прошенія достигло уже 4.800 семей и 22.742 душъ обоюга пола⁵⁾. Со дня на день ожидая допуску въ „новый

¹⁾ Тург. обл. вѣд., 1892, № 11.

²⁾ Во всей официальной перепискѣ предполагаемый городъ называется Урдобаемъ.

³⁾ № 12.

⁴⁾ См. Дѣдловъ, «Переселенцы и новыя мѣста», 1894, стр. 47.

⁵⁾ Тург. обл. вѣд., 1894, № 14—15.

городъ“, вся эта масса расположилась по казачьимъ станицамъ и поселкамъ, растянутымся вдоль сѣверной и западной границъ уѣзда, и въ городахъ — Троицкѣ и Орскѣ.

Между тѣмъ, вновь назначенный военнымъ губернаторомъ г.-м. Константиновичъ, осмотрѣвъ совместно съ областнымъ врачомъ урочище Урдобай, нашелъ его не удовлетворяющимъ своему назначенію какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ гигиеническомъ отношеніи, и намѣтилъ для устройства города новое мѣсто, на бродѣ Кустанай, въ 8—9 верстахъ ниже по теченію Тобола, — причеиъ по произведенной рекогносцировкѣ оказалось, что для устройства здѣсь города пришлось-бы селить съ праваго берега Тобола 71 кибитку киргизъ Аракарагайской волости. Военный губернаторъ предполагалъ отвести подъ городъ, на обоихъ берегахъ Тобола, участокъ въ 13.300 дес. земли, въ томъ числѣ 10 тысячъ дес. — для образованія при городѣ земледѣльческаго поселка, численностью въ 1000 душъ муж. пола. Предположенія эти были одобрены генералъ-губернаторомъ, причеиъ послѣдній высказалъ, что „было-бы желательно имѣть приговоры отъ тѣхъ обществъ, во владѣніи которыхъ находятся эти земли, и вообще обусловить заблаговременно мѣры къ предотвращенію могущихъ возникнуть впоследствии столкновеній между киргизами и новыми поселенцами“¹⁾.

Полученіе приговора объ уступкѣ киргизами земли подъ новый городъ оказалось однако не столь легкимъ дѣломъ, какъ ожидало мѣстное начальство. Созванный уѣзднымъ начальникомъ, Аракарагайскій волостной съѣздъ, „повеиолѣ соглашаясь на уступку въ требуемомъ видѣ“, въ приговорѣ своемъ просилъ однако о дозволеніи „отводъ потребнаго городу съ поселеніемъ количества земли сдѣлать по одну сторону р. Тобола, на которой нѣтъ ни одной зимовки, а потому не придется никого выселять,“; проектируя наиболѣе удобныя, по его мнѣнію, границы отвода, площадью, приблизительно, въ тѣ-же самыя 13.300 дес., на одномъ лѣвомъ берегу Тобола, съѣздъ въ то-же время ходатайствовалъ „о возможно большемъ сокращеніи числа поселенцевъ, хотя-бы до 200 душъ, въ томъ, во-1-хъ, соображеніи, что и это число душъ ко времени окончательнаго установленія города путемъ естественнаго приращенія дойдетъ до цифры, которой совершенно будетъ достаточно для цѣли снабженія города продуктами сельскаго произведенія, а во-2-хъ, и сами мы, особенно тѣ изъ насъ, которые

¹⁾ № 12; см. также предложеніе губернатора уѣздному начальнику отъ 17 янв. 1880 № 442 въ дѣлѣ Кустан. у. упр. № 86/1881 г.

и теперь съ большимъ успѣхомъ занимаются хлѣбопашествомъ, сдѣлавшись къ тому времени также поселенцами, конечно увеличатъ число послѣднихъ при будущемъ городѣ“¹⁾. Приговоръ этотъ, однако, не удовлетворилъ областной администраціи: военный губернаторъ нашелъ, что въ проектируемыхъ киргизами границахъ Кустанайскій земельный участокъ получилъ-бы слишкомъ растянутыя очертанія и затруднилъ-бы для самихъ киргизъ перекочевываніе чрезъ р. Тоболь, а потому поручилъ уѣздному начальнику предложить волостному съѣзду составить новый приговоръ, въ которомъ было-бы, во-1-хъ, категорически заявлено о границахъ отводимого участка; и во-2-хъ, не заключалось-бы „постороннихъ элементовъ, не идущихъ къ сути дѣла“; вмѣстѣ съ тѣмъ уѣздный начальникъ долженъ былъ убѣдить киргизъ въ томъ, что „устройство обширнаго земледѣльческаго поселка никакимъ образомъ не можетъ отразиться неблагоприятно на благосостояніи киргизъ, но что совершенно напротивъ—обширное поселеніе во всѣхъ отношеніяхъ будетъ способствовать къ улучшенію ихъ быта, увеличивъ ихъ торговлю какъ скотомъ, такъ и хлѣбомъ“²⁾. Однако, несмотря на подтвержденіе со стороны военного губернатора и на усиленные настоянія уѣзднаго начальника, киргизы не сдавались: они согласились только взять назадъ ходатайство о сокращеніи размѣровъ русскаго поселенія³⁾, что-же касается до мѣстоположенія уступаемаго участка, то съѣздъ, несмотря на „личные и продолжительныя бесѣды“ уѣзднаго начальника, продолжалъ „отводить землю только по лѣвому берегу, но въ видахъ доставленія поселку болѣе удобныхъ для земледѣлія угодій соглашался отодвинуть границу отвода вглубь степи“,—а затѣмъ на всѣ дальнѣйшія убѣжденія киргизы отвѣчали „однимъ упорнымъ словомъ: не согласны дать оба берега“. Приписывая это упорство вліянію нѣсколькихъ богачей-широкодачниковъ и находя земли лѣваго берега сравнительно малоудобными, уѣздный начальникъ считалъ возможнымъ поступить „порядкомъ административнымъ, не испрашивая согласія киргизскихъ обществъ, вовсе не требуемаго временнымъ положеніемъ объ управленіи въ степныхъ областяхъ“⁴⁾. Также взглянулъ на дѣло и генераль-губернаторъ, и военному губернатору было поручено „настоять со своей стороны на томъ, чтобы киргизами былъ данъ приговоръ объ уступкѣ обоихъ береговъ, причемъ разъяснить имъ, для большаго убѣжденія, что въ

1) Приг. Аракар. вол. съѣзда 28 марта 1880 г.

2) Донесеніе 18 янв. 1881 г. № 18.

3) Предложеніе 22 мая 1880 г. № 1938.

4) Тоже 26 янв. 1881 г. № 21.

случаѣ ихъ отказа начальство, по смыслу 226 ст. Врем. положенія, и безъ согласія общества киргизъ можетъ само сдѣлать распоряженіе объ отводѣ требуемой земли¹⁾. На вновь собранный въ іюнь 1881 года волостной сѣздъ прибылъ лично самъ военный губернаторъ²⁾ и 17 іюня, наконецъ, составленъ былъ, уже безъ всякихъ разсужденій и оговорокъ, приговоръ объ уступкѣ мѣста въ намѣченныхъ администраціею границахъ, по обѣ стороны Тобола.

Между тѣмъ, „въ виду нетерпѣливаго желанія массы крестьянъ“, заселеніе города и проектированнаго при городѣ земледѣльческаго поселка разрѣшено было начать съ открытія весны, не ожидая отвода участка³⁾, и лѣтомъ того-же 1881 года на Кустанаѣ собралось уже до 1203 семей; изъ нихъ къ августу домами обзавелись 120, къ сентябрю — уже 180 семей, огромное же большинство поселенцевъ, обработавъ землю къ посѣву будущаго года и частью — посѣявъ озими, „разѣхались по селеніямъ, въ которыхъ они проживали прежде“ и гдѣ имѣли жилье и посѣвы⁴⁾; къ лѣту 1882 года, изъ числа 1303 семей, заручившихся увольнительными документами, на мѣстѣ водворилось уже 548 сем., изъ нихъ 453 въ городѣ и 95 — въ земледѣльческомъ поселкѣ, дома же построили въ городѣ — 257, въ поселкѣ — 48 семей; всѣ остальные, а также до 1700 семействъ, получившихъ пріемныя удостовѣренія, но еще не запасшихся увольнительными приговорами, продолжали оставаться „на временномъ жительствѣ въ ближайшихъ крестьянскихъ и казачьихъ станицахъ“⁵⁾. Въ частности, лицамъ, не имѣвшимъ увольнительныхъ приговоровъ, было объявлено, чтобы они до полученія таковыхъ не начинали строиться, а не получившіе увольненія въ трехмѣсячный срокъ должны были считаться утратившими право на водвореніе⁶⁾; съ другой стороны, еще ранѣе того, въ виду чрезмерно большого числа поданныхъ прошеній о водвореніи, уѣзднымъ начальникомъ высказана была мысль — отдавать преимущество переселенцамъ изъ внутреннихъ, малоземельныхъ губерній предъ другими переселенцами, какъ напр. Оренбургскими, Уфимскими, Пермскими и Вятскими, — и военный губернаторъ, соглашаясь съ мнѣніемъ уѣзднаго начальника, приказалъ не да-

1) Предлож. губернатора у. начальнику 6 март. 1881 № 909.

2) Обл. вѣд., 1892, № 14—15.

3) Предложеніе 6 апр. 1881, № 1332.

4) Рапорты у. начальника 6 авг. 1881, № 189, и 29 сент. 1881, № 4897.

5) Представленіе губернатора Министру В. Д. отъ 20 іюля 1882, № 2828.

6) Обл. вѣд., 1892, № 14—15.

вать приѣмныхъ удостовѣреній Оренбургскимъ выходцамъ, какъ „не гонимымъ нуждою“, и потому представляющимъ собой малонадежный въ колонизаціонномъ смыслѣ элементъ ¹⁾.

Но всѣ эти мѣры оказались совершенно неспособными прекратить или хотя-бы только сократить наплывъ переселенцевъ въ Кустанай; непрерывное движеніе переселенцевъ было особенно сильно съ 1884 по 1888 годъ: переселенцы приходили массами; одни изъ нихъ оставались въ Кустанаѣ, другіе уходили обратно, третьи шли дальше на югъ или на востокъ ²⁾. Во всякомъ случаѣ населеніе росло чрезвычайно быстро до 1884 г., когда послѣдовалъ первый сильный неурожай, и значительная часть населенія разбѣжалась во всѣ стороны (главнымъ образомъ въ Сыръ-Дарьинскую область). Съ 1885 г. опять пошли хорошіе урожаи, — разбѣжавшіеся-было жители Кустаная стали собираться обратно, и къ 1886 г., по даннымъ „обзора“ области, населеніе Кустаная дошло опять до 7.325 душъ.

Что касается до административнаго и поземельнаго устройства Кустанайскихъ поселенцевъ, то всю первую половину 80-хъ годовъ они оставались совершенно неустроенными въ административномъ отношеніи; уѣздная администрація продолжала имѣть мѣстопребываніе въ Троицкѣ, въ Кустанаѣ же единственнымъ органомъ власти былъ нѣкій писецъ Ивановъ, котораго первые поселенцы выбрали, съ утвержденія уѣзднаго начальника, своимъ старостой. Въ отношеніи поземельнаго устройства первоначально имѣлось въ виду проводить строгое различіе между собственно-Кустанайскими мѣщанами и крестьянами проектированнаго въ размѣрѣ тысячи душъ земледѣльческаго поселка: предполагалось, именно, дать первымъ только усадьбы и предоставить имъ право пользованія выгономъ, а десяти тысячный пахатный участокъ отвести земледѣльческому поселку. Но въ дѣйствительности провести такое различіе оказалось невозможнымъ: мѣщане оказались такими-же мужиками, какъ и крестьяне земледѣльческаго поселка, и въ такой-же мѣрѣ пуждались въ пахатной землѣ; вслѣдствіе этого послѣдняя не была передана поселковому обществу, а оставалась въ непосредственномъ распоряженіи администраціи и раздавалась уѣзднымъ начальникомъ желающимъ, по мѣрѣ дѣйствительной надобности; такъ, въ 1882 г. было роздано всего 1040 дес., въ томъ числѣ мѣщанамъ 676, жителямъ поселка — 364 деся-

¹⁾ Донесеніе у. начальн. 28 апр. 1880, № 2560 и предложеніе губернат. 22 мая 1880, № 1938.

²⁾ Обл. вѣд. 1892, № 18.

тины; начиная со слѣдующаго, 1883 года имѣлось въ виду давать землю только тѣмъ изъ мѣщанъ, кто не можетъ обезпечить своего существованія иначе, какъ земледѣльемъ, причеиъ администрація надѣялась, что такихъ семей съ каждымъ годомъ будетъ все меньше, а большинство мѣщанъ либо займется торговлей и промыслами, либо поведетъ земледѣльческое хозяйство, „такъ сказать, на коммерческихъ основаніяхъ“, т. е. на арендованной у киргизъ землѣ ¹⁾. Ожиданія эти оправдались однако лишь отчасти: довольно многіе поселенцы, дѣйствительно, заарендовали землю у киргизъ, причеиъ вѣкоторыя изъ нихъ снимали большіе участки и пересдавали въ нихъ землю, враздробь и по значительно повышеннымъ цѣнамъ, русскимъ-же поселенцамъ ²⁾; но большинство поселенцевъ предпочло самовольно распахивать городской отводъ, причеиъ совершенно не стѣснялось намѣченными для послѣдняго границами, а ссылаясь на неизвѣстность этихъ границъ, забиралось во всѣ стороны все дальше и дальше и къ 1886 году захватило, вмѣсто тринадцати, до 40 тысячъ десятинъ. Киргизы жаловались уѣздному начальнику, иногда пытались остановить захватчиковъ силой, и наприиъръ въ маѣ 1885 г. произошло столкновение, окончившееся, по официальнымъ свѣдѣніямъ, убійствомъ двухъ киргизъ ³⁾. Наконецъ въ началѣ 1885 г. уѣздный начальникъ нашелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія военнаго губернатора о такомъ ненормальномъ положеніи дѣлъ и указалъ на необходимость скорѣйшей варѣзки городского надѣла и проведенія ясныхъ границъ, съ отнесеніемъ расходовъ на счетъ города ⁴⁾. Со своей стороны, и киргизскій волостной управитель ⁵⁾ доносилъ, что хотя границы надѣла и были указаны поселенцамъ помощникомъ уѣзднаго начальника, тѣмъ не менѣе поселенцы, „самовольно вторгаясь годъ отъ году далѣе вглубь киргизскихъ земель, выкашивали чужіе луга на разстояніи отъ города по ту и другую сторону не менѣе 10 верстъ, а распахивали киргизскіе участки на разстояніи даже 20 и болѣе верстъ, не слушаясь при этомъ никакихъ властей“, — а потому управитель, отъ имени Аракарагайскаго волостнаго общества, ходатайствовалъ о возможно скорѣйшемъ проведеніи межи съ отнесеніемъ на счетъ киргизъ половины расходовъ по обмежеванію, „въ какомъ-бы размѣрѣ эта половинная часть ни была“. Въ то-же лѣто, дѣйствительно, командированъ былъ для обме-

¹⁾ См. представленіе воен. губернатора Министру В. Д. отъ 20 іюля 1882 г., № 2828.

²⁾ Обл. вѣд. 1892 г., № 18.

³⁾ Тоже, № 25.

⁴⁾ Донесеніе 25 февр. 1885 г., № 986.

⁵⁾ Рапортъ 3 апр. 1885 г., № 275.

жеванія Кустанайскаго надѣла межевщикъ Бѣлоглазовъ, который произвелъ обходъ дѣйствительнаго пользованія Кустанайцевъ, и военный губернаторъ вошелъ съ представленіемъ объ утвержденіи за гор. Кустанаемъ съ возникшими при немъ двумя поселками — Константиновичъ и Затобольскимъ — оказавшейся въ ихъ пользованіи, по сѣмкѣ Бѣлоглазова, земли, въ количествѣ уже слишкомъ 41 тысячи десятинъ; утвержденіе это однако, по разнымъ причинамъ, не состоялось и до настоящаго времени. Между тѣмъ захваты поселенцами киргизскихъ земель продолжались, и весной 1886 г. управлявшій уѣздомъ помощникъ уѣзднаго начальника вынужденъ былъ телеграфировать военному губернатору, что „возникшіе между Кустанайцами и киргизами споры изъ-за земельного отвода грозятъ серьезными недоразумѣніями“, и просить о немедленномъ командированіи землемѣра для указанія границъ или въ крайнемъ случаѣ — о высылкѣ плана ¹⁾; только въ сентябрѣ, однако, оказалось возможнымъ командировать на мѣсто того-же Бѣлоглазова; вмѣстѣ съ тѣмъ уѣзднему начальнику поручено было „всѣми мѣрами удерживать крестьянъ отъ распашки чужихъ земель“ подъ угрозой особаго штрафа, а киргизъ — отъ столкновеній съ крестьянами ²⁾.

Нечего удивляться, при такихъ условіяхъ, тому, что новый военный губернаторъ, г.-м. Проценко, прибывъ въ іюнь 1885 г. на Кустанай, засталъ здѣсь „полное неустройство во всѣхъ отношеніяхъ“ ³⁾. Переселенцы, привлекавшіеся, главнымъ образомъ, слухами о томъ, что „земли на Кустанай полное приволье, — стѣи сколько хочешь, и никакого стѣсненія отъ начальства нѣтъ“ ⁴⁾, по единогласнымъ отзывамъ какъ представителей мѣстной администраціи, такъ и вообще Кустанайскихъ старожиловъ, „знать никого не хотѣли“ — не признавали никакого начальства. Особую самонадѣянность внушала имъ увѣренность въ существованіи какихъ-то особыхъ привилегій, предоставленныхъ имъ „Царемъ-батюшкой“; благодаря почти полному отсутствію мѣстнаго надзора, среди нихъ было, повидимому, не мало нелегальныхъ элементовъ до бродягъ и бѣглыхъ каторжниковъ включительно, — а потому не удивительно, что дѣло нерѣдко доходило до крупныхъ безчинствъ и даже преступленій; особенно круто расправлялись Кустанайцы съ киргизами, которые за земельные захваты мстили барантай — покражами

¹⁾ Обл. вѣд. 1892 г., № 18.

²⁾ Телегр. 30 сент. 1896.

³⁾ Обл. вѣд. 1892, № 25.

⁴⁾ Тоже, № 18.

лошадей и вообще скота: киргизъ, заподозрѣнныхъ въ намѣреніи украсть лошадь, вѣшали и топили въ колодцахъ,—а заподозривали, верѣдко, просто ѣхавшихъ мимо; нѣсколько киргизъ было убито во дворѣ у уѣзднаго судьи—султана Сейдалина, котораго разсвирѣпѣвшая толпа хотѣла повѣсить и самого, заподозривъ его въ желаніи скрыть конокрадовъ. Для самовольной рубки лѣса поселенцы выѣзжали большими партіями, на нѣсколькихъ сотняхъ лошадей, такъ что лѣсная стража не смѣла и попытаться задержать порубщиковъ; а когда въ 1883 г. въ Кустанай впервые прибылъ лѣсничій и назначилъ торги на засекустрованный лѣсъ, то огромная толпа народу потребовала отъ него, въ удостовѣреніе его личности, „золотой царской грамоты“; такъ какъ у него такой грамоты, конечно не оказалось, то толпа заявила ему, что онъ „не настоящій“ лѣсничій, и собиралась его убить, и только случайно подѣхавшему судѣ удалось спасти лѣсничаго отъ смерти, а пока все это происходило, засекустрованный лѣсъ былъ растащенъ по дворамъ. Поселенцы мало признавали уже авторитетъ уѣзднаго начальника, и занимавшій эту должность ст. сов. Сипайловъ въ одномъ случаѣ не нашелъ другого способа успокоить толпу, угрожавшую ему смертью, какъ призвать священника съ иконою. Съ другой стороны, и киргизы, раздраженные постоянными захватами и самовольствомъ переселенцевъ, вели себя беспокойно, и до администраціи доходили даже свѣдѣнія о существующемъ у нихъ намѣреніи напасть на Кустанай и сжечь его ¹⁾.

Въ среднѣ 80-хъ годовъ военнымъ губернаторомъ, г.-м. Проценко, принятъ былъ рядъ мѣръ къ устраненію подобныхъ нежелательныхъ явленій: прежде всего, въ 1886 г., ген. Проценко приказалъ прекратить пріемъ въ Кустанай новыхъ поселенцевъ, а уѣздному начальнику предложилъ „встрѣчать партіи переселенцевъ въ мѣстахъ ихъ группировки — въ г. Троицкѣ и Орлѣ, и заявлять, чтобы они не ѣздили въ Кустанай, такъ какъ болѣе свободныхъ мѣстъ для нихъ уже не существуетъ“, — а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлать публикацію о томъ-же по всей имперіи ²⁾; въ видахъ поддержанія порядка въ Кустанай былъ переведенъ на жительство помощникъ уѣзднаго начальника, а въ 1886 году туда-же переведено и управленіе уѣзднаго начальника; около того-же времени учреждоа въ Кустанаѣ

¹⁾ Свѣдѣнія эти сообщены мнѣ бывшемъ уѣзди. начальникомъ Н. И. Карауловымъ, лѣснымъ ревизоромъ В. И. Богдановскимъ, письмоводителями у. управленія Г. Ф. Стадухинимъ и Х. К. Каржасовымъ, на глазахъ которыхъ, болѣе или менѣе, совершались описываемыя событія; нѣкоторые-же изъ упоминаемыхъ въ текстѣ случаевъ констатированы судебными приговорами.

²⁾ Обл. вѣд. 1892, № 26.

мѣстная команда, а для установленія нѣкоторой внутренней организаціи въ 1887 году, распоряженіемъ военнаго губернатора, учреждена Кустанайская *волокъ*, которая впрочемъ просуществовала только до 1891 года, а съ этого времени и до послѣдовавшаго 1 октября 1893 года учрежденія въ Кустанаѣ упрощеннаго городского управленія, Кустанай оставался совершенно безъ всякаго общественнаго управленія.

Всѣ эти мѣры оставались болѣе или менѣе безрезультатными: безчинныя дѣйствія Кустанайскихъ поселенцевъ сократились лишь до нѣкоторой степени, и только послѣ голодовки 1891—1892 годовъ поселенцы эти окончательно „присмирѣли“. Что касается до наплыва новыхъ поселенцевъ, то онъ не только не прекратился, но наоборотъ — значительно усилился; многіе переселенцы, правда, узнавая отъ администраціи, что въ Кустанаѣ „пріема болѣе нѣтъ“, либо перебирались изъ Кустаная въ поселки и хутора (см. главу III), либо вовсе не доходили до Кустаная, а прямо приселялись къ хуторамъ или поселкамъ. Но тысячи переселенцевъ водворялись въ Кустанаѣ, несмотря ни на какія запрещенія, такъ что къ концу 1889 года, по свѣдѣніямъ „обзора“ области, населеніе его дошло уже до 18.257 душъ, а бывшій переселенческій чиновникъ г. Дѣдловъ, посѣтившій Кустанай, повидимому, въ 1890 г., опредѣляетъ населеніе его уже въ двадцать тысячъ душъ¹⁾. Урожай все это время очень благопріятствовали поселенцамъ, которые однако совершенно не помышляли о какихъ-либо запасахъ; еще въ 1889 году „земледѣльцы, получивъ баснословный урожай, постарались поскорѣе почти всю массу зерна сбыть за самую ничтожную цѣну, въ надеждѣ на слѣдующій урожай, котораго вовсе не оказалось“²⁾: баснословные урожай смѣнились трехлѣтнимъ (1890—1892) почти полнымъ неурожаемъ, и приблизительно съ іюля 1891 года³⁾ начался голодъ, особенно обострившійся благодаря удаленности Кустаная отъ районовъ съ болѣе удовлетворительнымъ урожаемъ хлѣбовъ и благодаря отсутствію желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей, по которымъ возможно было-бы быстро и дешево подвезти хлѣбъ. Населенію Кустаная роздано было въ ссуду свыше 50 тысячъ рублей⁴⁾, хлѣбомъ и деньгами; но ссуды эти, въ значительной мѣрѣ способствовавшія поддержанію существованія Кустанайцевъ въ концѣ 1891 и въ началѣ 1892 г., затѣмъ прекратились, и тогда населеніе „по-

¹⁾ Назв. соч., стр. 47.

²⁾ Обл. вѣд., 1892, № 9.

³⁾ Дѣдловъ, назв. соч., стр. 59.

⁴⁾ Точная цифра—52.617 р.; см. вѣдомость Куст. у. управленія № 18/1896 г..

брело врозь". Полных свѣдѣній о числѣ поселенцевъ, ушедшихъ въ это время изъ Кустаная, нѣтъ, тѣмъ болѣе, что среди ушедшихъ было много непричисленныхъ, которыми администрація весьма мало интересовалась. Нѣкоторое понятіе о размѣрахъ бѣгства населенія изъ Кустаная можетъ дать только имѣющаяся въ „дѣлѣ о взисканіи продовольственныхъ ссудъ“ особая вѣдомость должникамъ, взисканіе съ коихъ не могло быть произведено за ихъ отсутствіемъ изъ Кустаная. По этой вѣдомости значится:

проживающихъ по киргизскимъ волостямъ Кустанайскаго уѣзда	162 семьи,
„ въ поселкахъ того-же уѣзда	90 „
„ „ Троицкѣ и казачьихъ станицахъ	28 „
ушедшихъ: „на старину“ (т. е. на родину)	38 „
„ въ области Туркестанскаго края	40 „
„ „ Сибирь	18 „
„ „ Акмолинскую область („на Ишимъ“).	21 „
„ на Кавказъ	8 „
„ въ Семирѣчье	2 „
„ на богомолье	2 „
„ по этапу	4 „
„не розысканныхъ“	642 „,—

а всего 1.055 семей или около 6.300 душъ обоого пола, т. е. приблизительно *одна треть* всего населенія Кустаная; изъ нихъ, впрочемъ, 252 семьи, собственно, не выселились, а перешли на жительство въ другія мѣстности того-же Кустанайскаго уѣзда. Но и за вычетомъ ихъ оказываются выселившимися *изъ числа однихъ только получавшихъ ссуды* 803 семьи или немного менѣе пяти тысячъ душъ,— а не мало ушло и состоятельныхъ семей, ссудъ не получавшихъ и потому не попавшихъ въ списокъ. Значительное большинство бѣжавшихъ изъ Кустаная направилось, по видимому, въ Сыръ-Дарьинскую область и въ Кокчетавскій уѣздъ, Акмолинской области; въ этомъ послѣднемъ, какъ кажется, изъ Кустанайскихъ выходцевъ цѣликомъ составились два поселка — Марьевскій и Коноваловскій.

Въ результатъ такого массоваго выселенія, населеніе Кустаная къ 1893 году упало до 13.267 душъ. Но затѣмъ очень многіе изъ ушедшихъ въ голодный годъ стали возвращаться обратно, понемногу подходили и новые переселенцы изъ Европейской Россіи (хотя громадное большинство

последнихъ уже не останавливалось въ Кустанаѣ и въ Кустанайскомъ уѣздѣ, а шло дальше, въ приобрѣтшій особую популярность Кокчетавскій уѣздъ),— и къ 1894 г. населеніе Кустаная снова возрастаетъ до 16.185 душъ¹⁾. Въ послѣдніе два года населеніе опять сокращается: въ 1895 г. общая цифра населенія понижается до 15.676 душъ, въ числѣ которыхъ 13.682 души русскаго населенія и 1.994 души магометанъ²⁾, а въ 1896 году общая численность всего населенія, включая магометанъ, какъ кажется, опустилась почти до 13-ти тысячъ³⁾, и притомъ довольно замѣтная часть наличнаго населенія тоже помышляетъ о выселеніи, — о чемъ оффиціальное ходатайство возбуждено 128 семьями³⁾.

Однако убыль самыхъ послѣднихъ лѣтъ лишь въ меньшей своей части можетъ быть приписана выселенію въ какія-нибудь болѣе или менѣе отдаленныя мѣстности: большая часть уходящихъ изъ Кустаная не выселяется за предѣлы уѣзда, а только расселяется по его площади, передвигаясь преимущественно въ направленіи на востокъ и на сѣверъ: одни изъ Кустанайцевъ переходятъ въ арендаторскіе поселки, другіе устраиваются болѣе или менѣе значительными отдѣльными хуторами, третьи просто поселяются въ киргизскихъ аулахъ; независимо отъ этого, множество поселенцевъ, продолжая числиться въ Кустанаѣ и проживая здѣсь, по прежнему, зимою, перенесло свое земледѣльческое хозяйство за предѣлы городского отвода: одни, опять-таки, заарендовали болѣе или менѣе обширные участки земли и устроились на киргизской землѣ хуторами, на которыхъ вся семья или часть семьи проводитъ цѣлое лѣто; другіе, бѣднѣйшіе, арендуютъ землю подесятинно, за деньги или изъ части урожая, и на лѣто либо переѣзжаютъ въ киргизскія зимовки, либо просто наѣзжаютъ на время пахоты, жнитва и т. п. и ночуютъ въ шалашахъ или землянкахъ; площадь земли, распаханной въ чертѣ городского отвода, по показаніямъ свѣдущихъ лицъ, не превышала въ 1896 году полуторныхъ, много двухъ тысячъ десятинъ, — все остальное пространство этого отвода — если не считать обширнаго выгона, представляеть собой сплошныя залежи, поросшія бурьяномъ.

Если затѣмъ обратиться къ вопросу о причинахъ этого явленія, то основную причину его надо видѣть въ истощеніи въ чертѣ городского отвода запаса цѣлинныхъ земель. Хозяйство Кустанайскихъ переселенцевъ,

¹⁾ Цифры эти взяты изъ «обзоровъ» области за 1893 и 1894 г.

²⁾ Эти цифры — изъ свѣдѣній, доставленныхъ для «обзора» за 1895 г.

³⁾ Эта цифра сообщена мнѣ Г. Ф. Стадунинимъ и мною документально не проверена.

⁴⁾ Дѣло Тург. обл. правл. II отд. З ст. № 52/94.

какъ обстоятельнѣе будетъ выяснено въ дальнѣйшемъ, всецѣло основано на эксплуатаціи естественной производительности цѣлинъ: снявъ съ цѣлины все то, что съ нея можно было снять, не прибѣгая ни къ уваживанію, ни даже къ пару, поселенецъ переходитъ на другую цѣлину, выпашавъ и ее, — на третью, и лишь крайне неохотно возвращается на землю, когда-либо ранѣе уже паханную. Понятно, при такихъ условіяхъ, что выпашавъ цѣлины въ чертѣ городского отвода, поселенцы либо переселялись въ какую нибудь другую мѣстность, либо переносили свое хозяйство на арендованныя земли; кому удавалось заарендовать землю вблизи города, — тотъ оставался жить въ Кустанавѣ и только выѣзжалъ пахать на киргизскія земли; кто заарендовывалъ землю болѣе или менѣе далеко и кто притомъ не успѣлъ слишкомъ прочно привязаться къ Кустанаву, тотъ бросалъ, сдавалъ внаймы или продавалъ городской домъ и переходилъ на постоянное жительство на хуторъ или въ киргизскій аулъ.

Независимо отъ истощенія запаса цѣлинъ — этой основной причины и совершеннаго выселенія Кустанайцевъ, и расселенія ихъ по территоріи уѣзда, это послѣднее явленіе опредѣлялось, въ значительной мѣрѣ, причинами другого, сравнительно случайнаго характера. Прежде всего, немаловажное вліяніе въ этомъ смыслѣ имѣла обширность городского выгона: пахатныя земли городского отвода начинаются, приблизительно, только въ семи верстахъ отъ города, почему пользованіе ими связано, конечно, съ существенными неудобствами; особенно ощутительны эти неудобства для болѣе бѣдныхъ поселенцевъ, многіе изъ которыхъ и предпочли, поэтому, перейти въ киргизскіе аулы, гдѣ они могли, по крайней мѣрѣ, имѣть пахатную землю непосредственно подъ руками. Что касается до болѣе зажиточныхъ поселенцевъ, то ихъ бѣгство изъ Кустаная, какъ мнѣ неоднократно заявлялось при обслѣдованіи арендаторскихъ хуторовъ, въ послѣдніе два-три года особенно усилилось подъ вліяніемъ не соответствующаго ихъ интересамъ порядка эксплуатаціи городскихъ земель; на этомъ обстоятельстве, какъ мнѣ кажется, стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе.

Въ 1887 г., какъ уже упоминалось, изъ жителей Кустаная и двухъ при немъ поселковъ — Константиновичъ и Затабольскаго, образоваца была Кустанайская волость съ обычнымъ общественнымъ управленіемъ, — и въ то же время поселенцы разбили землю на подворные участки, площадью: въ Кустанавѣ — по 16 дес., въ пос. Константиновичъ — по 14 дес. на дворъ. Фактически, однако, раздѣлъ этотъ не соблюдался, и пользованіе землею городского отвода имѣло захватный характеръ. Такъ продолжалось до обра-

щенія Кустаная виѣстъ съ пос. Константиновичъ въ городъ съ упрощеннымъ городскимъ управленіемъ, во владѣніе котораго и поступила вся земля городского отвода. Городское управленіе, въ лицѣ уѣзднаго начальника съ городскими депутатами, тотчасъ-же занялось вопросомъ о бездоходности городской земли, большею частью состоящей въ пользованіи жителей, и въ видахъ извлеченія доходовъ нашло необходимымъ разбить всю пахатную землю на участки и образовать оброчныя статьи; по предварительной съемкѣ, произведенной командированнымъ отъ областного правленія межевымъ техникомъ, городское управленіе предположило образовать 132 участка по 200 дес. въ каждомъ. Но военный губернаторъ области, г.-м. Барабашъ, не нашелъ возможнымъ утвердить этого предположенія, такъ какъ справедливо полагалъ, что при осуществленіи его „малоимущіе земледѣльцы будутъ лишены возможности арендовать пахатныя участки“, — и предписалъ уѣздному начальнику передать дѣло на обсужденіе „жителей гор. Кустаная“¹⁾. Собранные по попечительствамъ, эти послѣдніе высказались въ томъ смыслѣ, что городская земля должна быть разбита на участки никакъ не болѣе 15 дес. каждый, чтобы дать возможность пользоваться ею „каждому, бѣдному и богатому“, и только семь „депутатовъ гор. Кустаная“ въ особомъ заявленіи возражали противъ раздѣленія городской земли на 15-десятинные участки, указывая 1) на значительную стоимость самого обмежеванія; 2) на невозможность веденія на маленькихъ участкахъ правильного хозяйства: „арендаторъ будетъ переворачивать все одну и ту-же землю“, и этимъ „приведетъ ее въ истощеніе“, тогда какъ на 200-десятинныхъ участкахъ возможно уже правильное трехпольное хозяйство; 3) на то, что для бѣдняковъ и такъ уже предположено оставить особую площадь въ 6.400 дес., которую разбить на 15-десятинные участки, на участки же въ 200 дес. бѣдняки могутъ складываться въ артели, и 4) на то, что для зажиточныхъ приобрѣтеніе въ однѣ руки нѣсколькихъ 15-десятинныхъ участковъ будетъ неудобно, такъ какъ создастъ сильную чрезполосность²⁾. Несмотря на эти возраженія, областная администрація согласилась съ мнѣніемъ большинства жителей и сдѣлала распоряженіе „о раздѣлѣ всей предназначаемой для хлѣбопашества земли на участки, не превышающіе 15 дес., чтобы дать возможность арендовать не однимъ только богатымъ, но и бѣдному

¹⁾ Донесеніе уѣзд. начальника 19 апр. 93 № 5446, и предложенія военного губернатора 26 іюля и 7 сент. 1893 №№ 9626 и 17.

²⁾ Акты приходскихъ собраний и заявленіе «депутатовъ» — въ дѣлѣ Куст. у. упр. № 115/1893.

классу“¹⁾. Распоряженіе это было исполнено, и нарѣзанные 15-десятинные участки были предназначены къ торгамъ, причемъ кондиціями на арендаторовъ возлагалась обязанность, „по примѣру нынѣ существующей въ сельскомъ хозяйствѣ трехпольной системы“, распредѣлять снятые участки на три поля, изъ которыхъ одно—засѣвать, а два—оставлять подъ паръ и сѣнокошеніе. Но болѣе состоятельная часть горожанъ, дѣйствительно, нашла для себя неудобнымъ снимать 15-десятинные участки, и это обстоятельство, какъ я могъ убѣдиться при посѣщеніи худоровъ, побудило многихъ изъ нихъ перенести свое хозяйство на земли, заарендованныя у киргизъ. Торги на сдачу городскихъ участковъ не состоялись нѣсколько разъ подрядъ, и въ концѣ концовъ съ торговъ сдано было всего девять 15-десятинныхъ участковъ, съ платой по три рубля въ годъ за участокъ²⁾. Послѣ этого торги не возобновлялись, а городское управленіе сдаетъ участки хозяйственнымъ способомъ по той-же цѣнѣ—3 р. за участокъ—и по той же самой цѣнѣ взскивается съ самовольныхъ пользователей; въ 1896 г. сданныхъ подъ распашку участковъ числилось всего 130, площадью въ 1.950 десятинъ.

Наконецъ послѣднимъ толчкомъ, побудившимъ многихъ Кустанайскихъ жителей перейти на жительство на киргизскія земли, послужило послѣдовавшее нѣсколько лѣтъ тому назадъ обмежеваніе около города огромнаго участка для Кустанайской заводской конюшни: въ участокъ этотъ вошли почти всѣ киргизскіе луга, расположенные въ непосредственной близости города, почему арендованіе покосовъ сдѣлалось для горожанъ очень затруднительнымъ; съ другой стороны, и лѣтнее содержаніе скота, особенно такого, какъ коровы, благодаря обширности городского выгона связано было съ существенными неудобствами: скотъ приходилось гонять за нѣсколько верстъ, что конечно, связано было со слишкомъ большими хлопотами и потерей времени.

Я далеко не увѣренъ въ томъ, что исчерпалъ всѣ причины, которыми объясняется наблюдаемое въ послѣднее время выселеніе и расселеніе,—вообще разбреданіе Кустанайскихъ жителей; но самый фактъ такого разбреданія не подлежитъ сомнѣнію, какъ едва-ли можно сомнѣваться и вообще въ томъ, что феноменально быстрый ростъ Кустаная смѣнился, въ послѣдніе годы, нѣкоторымъ упадкомъ: о разбреданіи свидѣтельствуютъ и довольно многочисленные пустующіе дома, и почти полное отсутствіе пашень въ чертѣ город-

¹⁾ Предложеніе 12 окт. 1893, № 1336.

²⁾ См. дѣло Куст. у. упр. № 93/1894.

ского отвода; объ упадкѣ вообще—значительное сокращеніе городской торговли и почти полное прекращеніе новыхъ построекъ. Что касается до причинъ этого явленія, то здѣсь вліяютъ и тѣ обстоятельства, которыя очерчены на послѣднихъ страницахъ, и наступившее въ послѣдніе годы паденіе цѣнъ на хлѣбъ ¹⁾, сдѣлавшее земледѣліе болѣе или менѣе убыточнымъ. Но основная причина—несомнѣнно въ общемъ, такъ сказать собирательномъ характерѣ Кустанайскихъ поселенцевъ и въ тѣхъ свойствахъ ихъ хозяйства, на которыхъ придется подробнѣе остановиться ниже.

Нынѣшній городъ Актюбинскъ ²⁾ возникъ при укрѣпленіи Акъ-тюбъ, названномъ такъ по имени холма, на которомъ оно было устроено. Укрѣпленіе Акъ-тюбъ основано было въ 1869 году, къ укрѣпленію отведенъ былъ участокъ земли площадью около 8.900 дес., и повидимому тотчасъ же послѣ того на Акъ-тюбъ начали приселяться, отдѣльными семьями и небольшими группами, русскіе поселенцы, причемъ первое время водвореніе ихъ не обставлялось никакими формальностями, а происходило по простымъ дозволеніямъ мѣстнаго воинскаго начальника. Вопросъ о формальномъ водвореніи и припискѣ къ Акъ-тюбъ возникъ, какъ кажется, съ 1877—1878 гг., когда военному губернатору и уѣздному начальнику поданъ былъ рядъ прошеній о такомъ водвореніи и припискѣ; ходатайствовали о водвореніи частью лица, уже проживавшія на Акъ-тюбъ, большею-же частью—лица, только „присмотрѣвшія“ себѣ здѣсь мѣсто; прошенія подавались и отдѣльными семьями, и болѣе или менѣе значительными группами семей. Изъ числа послѣднихъ заслуживаютъ упоминанія:

Партія въ 31 семью (изъ нихъ 18—Воронеж., 9—Харьк. губ.), проживавшихъ по паспортамъ и билетамъ въ разныхъ селеніяхъ и станицахъ Оренбургской губерніи.

12 семей башкиръ и татаръ изъ Оренбургской и Уфимской губерній.

24 семьи изъ Воронежской губерніи.

3 семьи „мѣщанъ гор. Благовѣщенска“,—родомъ Самарцевъ, переселившихся на Амуръ и оставшихъ отъ своей партіи по недостатку средствъ.

25 семей башкиръ изъ Уфимской губерніи.

¹⁾ Нивкія цѣны стоятъ съ 1893 г.; въ 1895 г. цѣна на лучшую, «наборную» пшеницу падала до 28, 25 и даже 23 к. за пудъ, за простую—до 15 к., и не поднималась выше 30—40 к.; между тѣмъ даже при этой послѣдней цѣнѣ хозяйство, основанное на наемномъ трудѣ, при существующихъ на послѣдній высокіхъ цѣнахъ, совершенно убыточно.

²⁾ Давныя относительно этого города навлечены изъ архивныхъ дѣлъ уѣзднаго управленія №№ 50, 160, 501 и изъ дѣла № 101/1895 г.

14 семей изъ Саратовской губерніи, ранѣе проживавшія въ слоб. Еловаткѣ, Оренбургской губерніи.

Въ общей сложности, число изъявившихъ желаніе водвориться на Акъ-тюбѣ къ ноябрю 1877 г. достигло 133 семей. Разрѣшалось имъ водвореніе властью уѣзднаго начальника, которому сообщено было къ руководству при разрѣшеніи просьбъ башкиръ, татаръ и азіатскихъ выходцевъ, что „§ 1-мъ проекта положенія о льготахъ и преимуществахъ для степныхъ поселеній въ области установлено, что всѣ вообще лица свободнаго состоянія, *кромя башкиръ, татаръ и азіатскихъ выходцевъ*, а равно и иностранцы, могутъ приписываться къ степнымъ поселеніямъ въ купцы и мѣщане“, но что „примѣчаніемъ къ этому § обусловлено, что лица, не приписанныя къ поселеніямъ, не лишаются права временнаго проживанія и осѣдлости въ нихъ, съ правами торговли на основаніи общихъ законовъ“. Съ января же 1881 г. Акъ-тюбинскіе поселенцы получаютъ права сельскаго общества и избираютъ изъ своей среды старосту,—и послѣ этого, наряду съ водвореніями по разрѣшеніямъ уѣзднаго начальника, нѣкоторые изъ новыхъ поселенцевъ начинаютъ приселяться по пріемнымъ приговорамъ наличныхъ жителей.

Ростъ Акъ-тюбинска (обращеннаго въ городъ, какъ и Кустанай, положеніемъ 1892 года) не представляетъ ничего похожаго на поразительно быстрый, первое время, ростъ Кустаная, но за то этотъ ростъ и не смѣняется здѣсь, какъ случилось въ Кустанай, убылью и упадкомъ. Къ іюлю 1886 г. число дворовыхъ мѣсть въ Акъ-тюбинскѣ не превышало 177-ми,—и не быстрѣе возрастало населеніе въ послѣдующіе годы, до голодныхъ 1891—1892 гг. Голодъ погналъ довольно многихъ жителей и изъ Акъ-тюбинска, — но съ 1893 г. населеніе опять начинаетъ прибывать и растетъ сравнительно быстро, такъ что въ 1895 г., по даннымъ, заготовленнымъ для „обзора“ области, въ городѣ значилось уже 2.263 души об. пола, изъ нихъ 2.041 душа православныхъ и 202—магометанъ,—а въ 1896 г. вновь прибыло свыше 100 семей, по преимуществу изъ малороссійскихъ губерній.

Изъ поселенцевъ Акъ-тюбѣ, какъ и изъ Кустанайскихъ, первоначально имѣлось въ виду создать настоящихъ „мѣщанъ“, городскихъ обывателей безъ земельного надѣла, почему первымъ 37-ми семьямъ водвореніе разрѣшено было лишь по полученіи отъ нихъ утвердительнаго отвѣта на запросъ „согласны-ли они поступить въ городское населеніе Акъ-тюбѣ безъ надѣла земель“,—а 14 семьямъ, собравшимся въ сл. Еловаткѣ, было объявлено, что „1) земля можетъ быть дана имъ только для усадьбы, 2) ни для пашни, ни для сѣнокосенія земли никогда отведено имъ не

будетъ и таковую они должны нанимать у киргизовъ, и 3) по образованіи городского общества они должны будутъ приписаться въ мѣщане“. — Между тѣмъ, уже въ 1883 г. военный губернаторъ, г.-м. Константиновичъ, возбудилъ вопросъ объ отводѣ для будущаго города земли и потребовалъ отъ уѣзднаго начальника свѣдѣній о земельномъ обеспеченіи окрестныхъ киргизъ; уѣздный начальникъ однако, за неимѣніемъ точныхъ данныхъ, затруднился представить соображенія о необходимомъ для города и возможномъ безъ стѣсненія киргизъ надѣлѣ, и отозвался, что наличное, незначительное еще населеніе можетъ пока пользоваться землею изъ участка въ 8.900 дес., ранѣе отведеннаго къ укрѣпленію Акъ-тюбѣ, безъ всякаго стѣсненія для этого послѣдняго. Съ мнѣніемъ этимъ согласилась и областная администрація, и съ того-же 1883 года уѣздный начальникъ разрѣшаетъ поселеніе въ Акъ-тюбѣ уже „съ правомъ пользованія землею“. Затѣмъ, вопросъ объ отводѣ особаго участка собственно городу былъ вновь возбужденъ только въ 1887 г., уже при г.-м. Проценко, — и киргизами, повидимому безъ особыхъ затрудненій, составлено было три приговора: именно, киргизы 5 аула Акъ-тюбинской волости уступили подъ городской отводъ зимовья стойбища 81 кибитковладѣльца съ прилегающими къ нимъ пахатными, покосными и другими землями, а Акъ-тюбинскій и Уйсылкаринскій волостные сѣзды отвели мѣста подъ зимовья стойбища и угодья смѣщеннымъ съ городского отвода кибитковладѣльцамъ: первый — 18, второй — 63 кибитковладѣльцамъ ¹⁾, за переносъ же зимовокъ каждому было выдано по 35 рублей.

Что касается до порядка пользованія землей городского отвода, то порядокъ этотъ до 1895 года былъ захватнымъ, и хотя за распахку полагалась плата по 50 к. съ десятины, но ея никто не вносилъ. Съ 1895 г., постановленіемъ уѣзднаго начальника и городскихъ выборныхъ, введенъ другой порядокъ. Прежде всего, весь городской отводъ разбитъ былъ на 4 поля, и распахивать на 1895 и 1896 г. разрѣшено было только два изъ нихъ; затѣмъ, запрещенъ самовольный захватъ, — земля отводится каждому чрезъ стражника, „сколько кому нужно“, и лишь по предварительномъ заявленіи мѣщанскому старостѣ и по уплатѣ 50-копѣчнаго сбора; за всякое „самовольство“, обнаруженное при особой провѣркѣ посѣвовъ, —

¹⁾ Впослѣдствіи оказалось однако, что Уйсылкаринскій вол. сѣздъ уступилъ 63 кибиткамъ мѣстность, служившую общедѣловочнымъ мѣстомъ киргизъ Иргизскаго уѣзда, т.г. обр. Чингельской волости. Акъ-тюбинскій уѣздный начальникъ просилъ Иргизскаго принять мѣры, чтобы предупредить вторженіе Иргизцевъ въ эту мѣстность, но тѣмъ не менѣе Иргизцы, прикочевавъ на слѣдующее лѣто, переломали вновь устроенныя зимовки и едва не довели дѣло до кровопролитія.

полагается штрафъ въ 5 р. съ самовольно-распаханной десятины и отобраніе посѣва. На 1897 годъ признано было необходимымъ перенести запашки въ два другія поля, такъ какъ земли въ первыхъ двухъ поляхъ распахивались уже три года кряду и потому „уже достаточно обезсилены“; между тѣмъ эти два новыя поля оказались по площади гораздо меньше двухъ прежнихъ, а потому уѣздный начальникъ и выборные нашли невозможнымъ сохранить прежнюю систему отвода земли—каждому „въ той мѣрѣ, какая имъ предъявлялась“, такъ какъ при этой системѣ вся земля была-бы захвачена богатыми, а бѣднымъ ничего-бы не осталось; въ видахъ болѣе соотвѣтствующаго потребностямъ распредѣленія земли рѣшено было, поѣтому, отводить каждому подъ яровой посѣвъ не свыше трехъ дес., „и лишь по окончаніи всего отвода допустить прирѣзку и сверхъ нормы, если только обнаружится излишекъ земли“¹⁾.

Выше я упоминалъ о томъ, что въ Актюбинскѣ не замѣчается такого разбреданія населенія, и вообще не усматривается такихъ признаковъ упадка, какіе рѣзко бросаются въ глаза въ Кустанаѣ; уже изъ только-что сказаннаго видно, что Актюбинцы много пахутъ въ своемъ городскомъ отводѣ, и напр. по свѣдѣніямъ за 1895 г. въ этомъ отводѣ значится засѣяннымъ 1.196 сороковыхъ или 1.995 казенныхъ десятинъ, т. е. почти по десятинѣ на душу наличнаго населенія,—а въ бытность мою въ Актюбинскѣ, въ концѣ августа 1896 года, я видѣлъ расположенныя по всѣмъ окраинамъ гумна густо заставленными большими скирдами хлѣба. Тѣмъ не менѣе расселеніе—и это понятно при столь-же хищническомъ характерѣ хозяйства — наблюдается и въ Актюбинскѣ, хотя и въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ: изъ тѣхъ-же свѣдѣній за 1895 годъ видно, что Актюбинскими жителями засѣяно было на киргизской землѣ 875 сороковыхъ или около 1.460 казенныхъ десятинъ (дѣйствительная цифра значительно выше); это—частью запашки отдѣльныхъ зажиточныхъ лицъ, снимающихъ у киргизъ болѣе или менѣе значительныя участки земли, главнымъ-же образомъ—запашки нѣсколькихъ десятковъ семей, перешедшихъ на жительство по преимуществу въ сѣверную часть киргизской Актюбинской волости и образовавшихъ здѣсь нѣсколько болѣе или менѣе многочисленныхъ хуторовъ. По объясненію опрошенныхъ мною переселенцевъ, переходъ ихъ на хутора объясняется, въ сущности, тѣми-же причинами, что и расселеніе жителей Кустанаа: нѣкоторою „тѣснотою“, результатомъ

¹⁾ Журналы у. начальн. и выборныхъ 28 февр. 1895, 6 авг. 1895, 4 авг. 1896.

значительнаго, въ сравненіи съ размѣрами городского отвода, наплыва поселенцевъ („если мы всё, говорятъ хуторяне, въ Актюбу возвратимся, то и дѣваться некуда будетъ“); „малосильностью“ земель отвода, которыя уже въ значительной мѣрѣ истощены поселенскимъ хозяйствомъ, да и по естественнымъ свойствамъ хуже земель сѣверной части Актюбинской волости; и наконецъ тѣмъ, что „земля стала городская“, т. е. прекращеніемъ прежняго свободнаго захвата, столь выгоднаго для болѣе состоятельныхъ поселенцевъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ВЛІЯНІЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И АДМИНИСТРАЦІИ НА ВНѢГОРОДСКУЮ РУССКУЮ КОЛОНИЗАЦІЮ КУСТАНАЙ- СКАГО И АКТЮВИНСКАГО УѢЗДОВЪ.

Внѣгородская колонизація Кустанайскаго уѣзда стоитъ, какъ я уже упоминалъ въ первой главѣ, въ тѣснѣйшей связи съ очерченною въ этой главѣ исторіей заселенія Кустаная: арендаторскіе поселки, получившіе оффиціальное признаніе и сгруппированные въ двѣ особыя волости, возникли въ результатѣ того переполненія Кустаная поселенцами, которое обнаружилось въ срединѣ 80-хъ годовъ, и послѣдовавшаго въ 1886 г. прекращенія приписки къ Кустаная, и населены по преимуществу такими переселенцами, которымъ было отказано въ припискѣ или которые сами, убѣдившись, что въ Кустанай больше нѣтъ мѣста, предпочли устраиваться гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Таково-же возникновеніе нѣкоторыхъ изъ хуторовъ и приселеній къ киргизскимъ ауламъ,—но большинство тѣхъ и другихъ возникло позже, какъ слѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ, которыя мы очертили въ концѣ предыдущей главы: бѣдняки, которымъ неудобно было гонять корову чрезъ весь городъ и ѣздить пахать чрезъ 7-верстный выгонъ, или которымъ трудно было „подняться“ по недостатку средствъ, уходили въ киргизскіе аулы и пахали тамъ „съ киргизами“, изъ части урожая, отдавая свой трудъ и пользуясь киргизскою землею, рабочимъ скотомъ и сѣменами. Болѣе состоятельные и зажиточные горожане, желавшіе пользоваться большимъ просторомъ, заарендовывали участки у киргизъ въ окрестностяхъ города и, не порывая связи съ послѣднимъ, заводили на этихъ участкахъ болѣе или менѣе крупное земледѣльческое хозяйство, причеиъ большинство устраивало

займки, на которыхъ проводило всю лѣтнюю половину года, начиная отъ весенней нахоты и кончая жнитвомъ и молотьбою. А когда и въ городскомъ отводѣ, и въ ближайшихъ его окрестностяхъ всѣ болѣе или менѣе доброкачественныя цѣлины оказались распаханными, когда съ другой стороны городской отводъ разбитъ былъ на неудобные для крупныхъ хозяевъ 15-десятинные участки, а всѣ луга вблизи города отведены были заводской конюшнѣ,—тогда зажиточные горожане начали заарендовывать землю въ болѣе удаленныхъ отъ города мѣстностяхъ, причемъ многіе изъ нихъ нашли для себя болѣе выгоднымъ совершенно перейти на жительство на заарендованные участки.

Въ цитированной уже неоднократно статьѣ „Кустанай и арендаторскіе поселки“, составленной по официальнымъ источникамъ и напечатанной въ „Тургайскихъ областныхъ вѣдомостяхъ“, возникновеніе арендаторскихъ поселковъ Боровской и Александровской волостей обрисовывается слѣдующимъ образомъ: „Девять арендаторскихъ поселковъ принадлежатъ почину уже не правительства, а частныхъ лицъ. Исторія возникновенія ихъ немногосложна: арендаторовъ поселенцевъ привлекало сюда богатство нетронутыхъ земель и выгодныя условія аренды; обыкновенно партія въ 20—30 домохозяевъ высылала довѣренныхъ осмотрѣть мѣста и заключить съ киргизами условія, послѣ чего поселенцы двигались на облюбованныя мѣста, застраивали дома на бесплатно отведенныхъ имъ подъ усадьбу мѣстахъ.... Хорошіе урожаи, приволье въ земляхъ, льгота по отбыванію земскихъ повинностей и уплатѣ податей, все это привлекало къ поселку новыя партіи односельчанъ переселенцевъ, рисовавшихъ заманчивыя картины о своемъ житьѣ-бытьѣ въ своихъ письмахъ къ оставшимся на старинѣ роднымъ или знакомымъ“¹⁾.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло происходило не такъ однообразно и просто. Прежде всего, если „починъ“ устройства поселковъ, дѣйствительно, принадлежалъ не администраціи, то возникновеніе и ростъ десяти поселковъ и нѣсколькихъ десятковъ хуторовъ, конечно, не могли имѣть мѣста безъ ея вѣдома, и возможны были лишь при сочувственномъ или, въ крайнемъ случаѣ, безразличномъ отношеніи съ ея стороны. Поэтому намъ необходимо прежде всего остановиться именно на вопросѣ о роли мѣстной администраціи, — на вопросѣ о томъ, насколько ея распоряженія могли способствовать или,

¹⁾ № 10 за 1892 г.

наоборотъ, препятствовать образованію тѣхъ поселковъ и хуторовъ, о которыхъ придется говорить въ настоящей и послѣдующихъ главахъ ¹⁾).

Вопросъ о водвореніи русскихъ переселенцевъ въ Тургайской области, въ городскихъ поселеніяхъ, впервые возбужденъ былъ въ іюль 1884 г. Оренбургскимъ переселенческимъ чиновникомъ, г. Сувчинскимъ, который сообщилъ военному губернатору области, что переселенцы, направлявшіеся въ Семирѣчье, вслѣдствіе недостатка средствъ желали-бы сѣсть поближе къ Оренбургу, и просилъ, во 1-хъ, отвести этимъ переселенцамъ землю, и во 2-хъ, сообщить ему, чиновнику, свѣдѣнія о мѣстахъ, удобныхъ для водворенія переселенцевъ ²⁾. Губернаторъ, г.-м. Проценко, затребовавъ и получивъ отъ уѣздныхъ начальниковъ свѣдѣнія объ удобныхъ для водворенія переселенцевъ пунктахъ, сообщилъ о намѣченныхъ по Илецкому (нынѣ Актюбинскому) уѣзду мѣстахъ переселенческому чиновнику, причемъ добавилъ, что хотя вопросъ о колонизаціи области еще не разрѣшенъ, но переселенцы могли-бы уже приступить къ осмотру намѣченныхъ мѣстъ, а что затѣмъ онъ, губернаторъ, будетъ ходатайствовать, объ ихъ устройствѣ ³⁾. Когда вскорѣ послѣ этого, въ январѣ 1885 г., поступило прошеніе отъ 103-хъ, а затѣмъ — еще отъ ста душъ переселенцевъ объ отводѣ имъ участка въ одной изъ указанныхъ Илецкимъ уѣзднымъ начальникомъ мѣстностей (на р. Буртѣ и ея притокѣ Кызыль-Убалеѣ), то г.-м. Проценко предписалъ уѣздному начальнику немедленно отвести участокъ въ 1.000 дес., указать его переселенцамъ, встрѣтить ихъ лично весной и позаботиться объ установленіи добрыхъ отношеній между ними и киргизами ⁴⁾. Около того-же времени поступило ходатайство и отъ другихъ 300 душъ крестьянъ, проживавшихъ въ Оренбургской губерніи, на арендованномъ участкѣ, о разрѣшеніи поселиться въ другой мѣстности, въ томъ-же Илецкомъ уѣздѣ („на р. Буртѣ, ниже участка Хана, на средней дорогѣ“); военный губернаторъ тотчасъ-же запросилъ уѣзднаго начальника о возможности поселенія въ той мѣстности переселенцевъ ⁵⁾, и одновременно съ этимъ возбудилъ предъ

¹⁾ Нижеслѣдующія данныя извлечены изъ «дѣла» Тург. обл. правл., хоз. отдѣл., III ст., нач. 17 іюля 1884, конч. 28 янв. 1889, за № 86 («о колонизаціи Тург. обл. русскими переселенцами»).

²⁾ Отношеніе отъ 14 іюля 1884, № 60.

³⁾ Тоже отъ 6—7 сент. 1884, № 5189.

⁴⁾ Предпис. 25 янв. 1885, № 428.

⁵⁾ Предп. 5 февр. 1885, № 711; отвѣтъ отъ уѣзднаго начальника получился неопредѣленный, и никакихъ дальнѣйшихъ указаній на судьбу этой партіи переселенцевъ мы не имѣемъ.

министерствомъ внутреннихъ дѣлъ общій вопросъ о колонизаціи Тургайской степи. Въ представленіи своемъ по этому предмету г.-м. Проценко просилъ разрѣшенія, „въ видахъ вообще пользы колонизировать степь русскими поселенцами“, дозволить пожелавшимъ водвориться въ Илецкомъ уѣздѣ переселенцамъ поселиться на избранной ими мѣстности, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) отвести на каждого работника отъ 10 до 15 дес. или на душу м. п. отъ 5 до 10 дес.; 2) на земляхъ, свободныхъ отъ зимовыхъ стойбищъ киргизъ, произвести этотъ отводъ безплатно, въ случаѣ же необходимости занятія киргизскихъ зимовокъ вознаградить киргизъ за сносъ построекъ изъ мѣстныхъ источниковъ, именно изъ остатковъ отъ добровольныхъ земскихъ сборовъ, и 3) поселяемымъ крестьянамъ предоставить право образованія сельское общество на общемъ положеніи. На такихъ-же основаніяхъ г.-м. Проценко полагалъ отводить мѣста для поселеній и въ другихъ уѣздахъ, причемъ „при заселеніи вообще степи отдать преимущество тѣмъ пунктамъ, которые лежатъ на почтовыхъ трактахъ съ тою цѣлью, чтобы поселенія эти могли впоследствии служить удобными почтовыми станціями“¹⁾. До полученія отвѣта отъ министерства прошелъ почти годъ; между тѣмъ переселенцы, ходатайствовавшіе о разрѣшеніи водвориться на р. Кызыль-Убалеѣ, узнавъ о сдѣланномъ военнымъ губернаторомъ относительно ихъ распоряженіи²⁾, въ рядѣ прошеній ходатайствовали о скорѣйшемъ отводѣ имъ участка, и наконецъ въ октябрѣ мѣсяцѣ сами просили въ намѣченную для водворенія ихъ мѣстность и просили Буртинскаго волостнаго управителя немедленно отвести имъ мѣсто для поселенія и дозволить имъ строиться³⁾; въ то-же время поступилъ цѣлый рядъ прошеній и отъ другихъ группъ переселенцевъ, желавшихъ водвориться въ области,— и просителямъ объявлялось, что „устройство русскихъ поселеній пока не разрѣшено, а потому ходатайство ихъ нынѣ не можетъ быть удовлетворено“.

Отвѣтъ министерства на запросъ г.-м. Проценко полученъ былъ въ февралѣ 1886 года: „въ виду существующихъ условій пользованія землей кочевыми киргизами“, министерство признавало „устройство исключительно

¹⁾ Представл. 28 февр. 1885, № 1309.

²⁾ Объ этомъ распоряженіи было объявлено и киргизамъ; послѣдніе подали военному губернатору жалобу, въ которой указывали на стѣснительность для нихъ предполагаемаго отвода; по этой жалобѣ послѣдовала резолюція г.-м. Проценко: «Это обыкновенныя заявленія киргизовъ при заселеніи степей русскими. Будемъ имѣть ихъ въ виду, но вмѣстѣ съ тѣмъ и неослабно будемъ преслѣдовать интересы коренного русскаго населенія».

³⁾ Рапортъ уѣзди. начальника воен. губернатору отъ 5 нояб. 1885, № 4411.

земледѣльческихъ поселеній внутри степи неудобнымъ“, и разъясняло, что „вопросъ о колонизаціи степныхъ областей требуетъ, по своей важности, болѣе обстоятельнаго соображенія въ связи съ вопросами, относящимися вообще къ поземельному устройству этихъ областей“, и что въ частности представленіе военнаго губернатора „не даетъ основаній для разрѣшенія возбуждаемаго имъ вопроса о возможной колонизаціи области внѣ центровъ уѣзднаго управленія, такъ какъ не заключаетъ въ себѣ положительныхъ данныхъ ни о количествѣ земли въ избранныхъ для заселенія пунктахъ, ни о томъ, въ какихъ условіяхъ находятся эти земли относительно пользованія киргизами“; во всякомъ случаѣ, по замѣчанію министерства, „было-бы крайне несправедливо отбирать у киргизовъ необходимыя имъ зимовки для предпологаемыхъ поселеній съ вознагражденіемъ владѣльцовъ на счетъ киргизскихъ-же обществъ уплатою изъ сборовъ, предназначенныхъ для другихъ цѣлей“. Въ заключеніе, министерство поручало военному губернатору, „чтобы не вовлекать просителей въ напрасныя издержки“, разъяснить ходатайствующимъ о поселеніи въ области крестьянамъ „о невозможности удовлетворенія ихъ ходатайствъ въ настоящее время“¹⁾. Твердо убѣжденный въ необходимости, хотя-бы уже съ политической точки зрѣнія, русской колонизаціи степей, г.-м. Проценко въ новомъ представленіи указывалъ на то, что въ послѣднее время въ Сибирскихъ и Туркестанскихъ степяхъ основано, безъ всякаго вознагражденія киргизъ за отобранную у нихъ землю, нѣсколько русскихъ поселеній, успѣхъ которыхъ доказываетъ полную возможность колонизаціи степей,—и высказывалъ убѣжденіе въ полной возможности и необходимости разрѣшенія этого вопроса и въ Тургайской области; онъ указывалъ на то, что „въ общегосударственныхъ интересахъ невозможно оставлять огромное пространство, отдѣляющее Оренбургскій край отъ Туркестана, совершенно безъ русской колонизаціи“, и что „для связи нашихъ владѣній въ Средней Азійи съ внутренностью Имперіи необходимо основать цѣпи русскихъ земледѣльческихъ поселеній въ Тургайской области по направленію къ Туркестану“; для этой цѣли въ степи, по мнѣнію г.-м. Проценко, имѣется достаточно удобныхъ мѣстъ, а для киргизъ уступка части занимаемыхъ ими земель „не столь раззорительна, какъ это многимъ кажется“, ибо „киргизы легко отыскиваютъ себѣ другія мѣста для своего кочеванія и зимовыхъ стойбищъ“²⁾. Министерство внутреннихъ дѣлъ, однако, не согласилась съ соображеніями

¹⁾ Предлож. 14 февр. 1886, № 86.

²⁾ Представл. 5 марта 1887, № 1523.

военнаго губернатора и осталось при данномъ имъ указаніи, какъ основанномъ на постановленіяхъ имѣвшаго въ то время силу закона Временнаго положенія 1868 г., которое не допускало устройства осѣдлыхъ поселеній иначе, какъ въ уѣздныхъ пунктахъ¹⁾.

Указанія эти приняты были областною администраціей къ исполненію: на всѣ ходатайства крестьянъ о разрѣшеніи водворенія въ Тургайской области съ этого времени объявляется, что „поселеніе въ степи возможно лишь по соглашенію съ киргизами“, или что „желающіе арендовать землю у киргизъ должны обращаться непосредственно къ тѣмъ обществамъ или лицамъ, которымъ принадлежатъ земли“; переселенческимъ чиновникамъ, Оренбургскому и Уфимскому, предлагается „воздерживаться отъ направленія крестьянъ въ Тургайскую область впредь до разрѣшенія вопроса о колонизаціи въ степи“²⁾, а Тургайскому уѣздному начальнику, вошедшему съ представленіемъ объ устройствѣ двухъ партій переселенцевъ, дѣлается разъясненіе, что поселеній внутри степи нельзя допускать безъ соглашенія ихъ съ киргизами объ уступкѣ нужныхъ для каждаго такого поселенія участковъ земли³⁾.

Такимъ образомъ арендованіе земли у киргизъ, вообще соглашеніе съ киргизами осталось единственнымъ способомъ для водворенія русскихъ поселенцевъ въ Тургайской степи, внѣ городскихъ поселеній, — и изъ цитированной выше статьи Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей видно, что „и г.-м. Константиновичъ, и г.-м. Проценко дѣятельно поощряли пользованіе киргизскими землями на арендныхъ условіяхъ; они естественно полагали, что полюбовныя соглашенія на законныхъ основаніяхъ будутъ лучшею формою обоснованія русскаго элемента въ киргизской степи“⁴⁾, и генералъ Проценко, освѣдомившись о существованіи въ Куставайскомъ уѣздѣ нѣсколькихъ случаевъ аренды, 27 февраля 1886 г. разъяснилъ уѣздному начальнику, что „дѣлу этому надо содѣйствовать, какъ въ видахъ поселенія русскаго народа среди киргизъ, такъ и въ видахъ распространенія русскихъ пріемовъ хлѣбопашества среди ордынцевъ“⁵⁾. Независимо отъ такого рода административныхъ соображеній, содѣйствовать заключенію арендныхъ сдѣлокъ приходилось уже изъ простаго человѣколюбія, чтобы не дать пересе-

¹⁾ Предлож. 10 апр. 1886 № 208.

²⁾ Оренбургскому—отъ 26 авг. 1886, № 4826, Уфимскому—1 дек. 1887, № 7323.

³⁾ Предлож. 22 апр. 1887, № 2185.

⁴⁾ Обл. вѣд. 1892 г., № 18.

⁵⁾ Тоже, № 20.

ленцамъ умереть съ голоду; а потому даже тогда, когда при преемникѣ г.-м. Проценко областная администрація убѣдилась, что „подобное удовлетвореніе потребности населенія приносить одинъ только вредъ“¹⁾, ей все же „приходилось, въ силу необходимости, склонять киргизъ къ отдачѣ земель на арендныхъ условіяхъ переселенцамъ, дабы дать имъ средства существовать“²⁾. „Опасаясь за будущее, писалъ г.-м. Барабашъ въ запискѣ своей по поводу проекта нынѣ дѣйствующаго Положенія объ управленіи въ Степныхъ областяхъ, и не имѣя по этому предмету опредѣленныхъ указаній со стороны высшаго правительства, Тургайская администрація перестала благоприятствовать переселеніямъ, а напротивъ, приняла всѣ зависѣвшія отъ нея мѣры, не имѣвшія впрочемъ надлежащаго успѣха, къ ихъ прекращенію“. Очертивъ затѣмъ въ краткихъ словахъ процессъ дальнѣйшаго расселенія переселенцевъ на арендованныхъ у киргизъ земляхъ, г.-м. Барабашъ продолжаетъ: „водвореніе переселенцевъ на заарендованной у киргизовъ землѣ составляло вполнѣ законный видъ промысла, пренятствовать которому администрація не имѣла права, да кромя того — не имѣла ни средствъ, ни возможности, хотя она понимала, что на ея глазахъ совершается настоящее переселеніе, что большинству водворившихся на киргизскихъ земляхъ нѣтъ возврата изъ Тургайской области, по крайней мѣрѣ безъ пособій отъ правительства, и что рано или поздно придется устраивать ихъ на мѣстахъ водворенія окончательно. Мало того: администрація въ нѣкоторыхъ случаяхъ сама вынуждена была склонять киргизовъ къ уступкѣ переселенцамъ земель въ арендное содержаніе, потому что не знала, что дѣлать въ степи съ массою людей, остававшихся безъ всякаго заработка и безъ средствъ къ существованію“.

Впрочемъ, нѣкоторыя вредныя стороны поселенія на арендномъ правѣ, при существующихъ въ степи условіяхъ, были неизбежны администраціи и при г.-м. Проценко, хотя она въ то время и не придавала этимъ сторонамъ достаточно серьезнаго значенія: администрація понимала именно, что „арендованіе земель отдѣльными участками у киргизовъ затрудняется тѣмъ, что отводъ земли самимъ киргизамъ ничѣмъ не оформленъ и потому принадлежность того или другаго участка отдѣльному юртовладѣльцу или обществу не опирается на твердыя основанія, можетъ быть оспариваема другими кочевниками, отчего арендныя условія киргизъ съ крестьянами могутъ

¹⁾ Тамъ-же.

²⁾ Тоже, № 18.

оказаться впоследствии недѣйствительными“; въ силу этого администрація находила необходимымъ, „чтобы крестьяне входили въ соглашеніе съ киргизами не иначе, какъ при посредствѣ мѣстныхъ уѣздныхъ властей, къ которымъ они должны обращаться“, — и въ этомъ смыслѣ военнымъ губернаторомъ даны были указанія и Оренбургскому, и Уфимскому переселенческимъ чиновникамъ ¹⁾.

Итакъ, областная администрація первое время дѣятельно поощряла аренду крестьянами киргизскихъ земель, а уѣздная власть должна была содѣйствовать этому дѣлу, склоняя киргизъ къ заключенію арендныхъ сдѣлокъ и ограждая арендаторовъ отъ неприятныхъ случайностей, всегда возможныхъ при неопредѣленности киргизскаго землевладѣнія.

Благосклонное отношеніе областной администраціи было извѣстно переселенцамъ, среди которыхъ ходила по этому поводу масса самыхъ разнообразныхъ и нерѣдко — фантастическихъ слуховъ. Переселенцы были твердо увѣрены въ томъ, что генераль Проценко выхлопочетъ имъ болѣе прочное земельное устройство; какъ крѣпка была эта увѣренность, видно хотя-бы изъ того, что переселенцы, по словамъ бывшаго Кустанайскаго уѣзднаго начальника, полк. Караулова, засыпали военнаго губернатора жалобами на то, что уѣздный начальникъ „заставляетъ платить аренду“, причѣмъ высказывали убѣжденіе, что арендные договоры заключены „только такъ“, для вида, въ дѣйствительности же земля отведена имъ въ бесплатное надѣльное пользованіе. Не будь этой увѣренности, можно думать, что большинство переселенцевъ — кромѣ развѣ тѣхъ, кому дѣйствительно некуда дѣваться, — не водворилось-бы въ области на такихъ неопредѣленныхъ и непочныхъ условіяхъ, какія создавались заключавшимися ими арендными договорами.

Въ гораздо болѣе опредѣленныхъ и притомъ чрезвычайно разнообразныхъ формахъ проявлялось воздѣйствіе уѣздной администраціи, которое проходитъ чрезъ всю исторію поселковъ, начиная, такъ сказать, съ самой ихъ колыбели. Только два наиболѣе раннихъ поселка возникли безъ вѣдома уѣздной администраціи: о существованіи Боровскаго поселка, возникшаго въ 1883 году, уѣздный начальникъ, полк. Карауловъ, узналъ, повидимому, только въ январѣ 1887 года, и то только потому, что получилъ жалобу отъ киргизъ, недовольныхъ водвореніемъ на ихъ землѣ русскихъ поселенцевъ; о существованіи Александровскаго поселка, возникшаго въ 1885 году, уѣздное начальство узнало лѣтомъ 1886 года; въ первомъ оказалось уже 42

¹⁾ Отвошенія отъ 26 авг. 1886 г., № 4826 и 1 дек. 1887 г. № 7323.

двора, во второмъ — тоже до сорока, — и уѣздному начальнику оставалось только санкціонировать существованіе поселковъ, что онъ и сдѣлалъ, приказавъ поселенцамъ избрать себѣ старосту. Остальные поселки, какъ кажется, находились подъ наблюденіемъ и попечительствомъ уѣзднаго начальника съ самыхъ первыхъ моментовъ своего существованія: уѣздный начальникъ даетъ поселкамъ названія или приказываетъ замѣнить другими тѣ названія, которыя дали-было имъ сами поселенцы; онъ убѣждаетъ поселенцевъ какъ можно скорѣе приступать къ устройству молитвенныхъ домовъ, между прочимъ итѣя въ виду этимъ способомъ дать существованію поселковъ болшую прочность и устранить возможность удаленія поселенцевъ по произволу киргизъ-сдатчиковъ¹⁾; онъ оказываетъ давленіе на киргизъ, когда тѣ не хотятъ заключать съ крестьянами арендныхъ договоровъ, и принимаетъ мѣры къ устраненію возникающихъ между крестьянами и киргизами споровъ и недоразумѣній. Такъ, когда при возникновеніи пос. Романовскаго киргизы разбились на двѣ партіи и одна изъ послѣднихъ не захотѣла дать своего согласія на сдачу поселенцамъ земли, — уѣздный начальникъ посылаетъ своего помощника Эгерта присутствовать на аульномъ сходѣ и склонять послѣдній къ соглашенію съ поселенцами; когда вскорѣ по возникновеніи пос. Александровскаго и Жуковскаго у крестьянъ того и другого поселка возникаютъ между собой и съ киргизами крупныя недоразумѣнія, коренящіяся въ неопредѣленности киргизскаго землевладѣнія и доходящія до дракъ и чуть-ли не до убійствъ, — и когда попытки мѣстнаго волостнаго управителя достигнуть соглашенія остаются безрезультатными, — уѣздный начальникъ командировываетъ того-же Эгерта, который, послѣ многихъ хлопотъ, склонилъ стороны къ соглашенію и лично провелъ „межу временнаго пользованія“ пос. Александровскаго и Жуковскаго; въ Боровскомъ поселкѣ уѣздный начальникъ, г. Карауловъ, лично склоняетъ крестьянъ, перейти отъ „частной“ аренды, къ арендѣ у киргизъ округленнаго участка, въ черту котораго вошли-бы окружающія поселокъ озера, — и предлагаетъ даже внести плату за эти послѣднія, заимобразно, изъ своихъ собственныхъ денегъ; когда затѣмъ озера, за отказомъ крестьянъ отъ заключенія договора, попадаютъ въ руки частнаго арендатора, уѣздный начальникъ въ 1891 г. заставляеть расторгнуть эту аренду, крайне стѣснительную для поселенцевъ; а такъ какъ киргизы, наскучивъ постоянными ссорами и недоразумѣніями, стали вовсе от-

¹⁾ Въ запискѣ г.-м. Барабаша по поводу проекта новаго Степнаго положенія говорится: «они (поселенцы) усердно строятъ молитвенные дома въ увѣренности, что киргизская земля, на которой водруженъ крестъ, окончательно останется за ними».

казываться сдавать поселенцамъ землю подъ усадьбу и выгонъ, то понадобилось, чтобы спасти поселокъ отъ распадения, новое вмѣшательство уѣздной администраціи, которая и принудила обѣ стороны къ заключенію новаго, 6-лѣтняго аренднаго договора. Сходный случай имѣлъ мѣсто и по пос. Владимірскому: когда кончился здѣсь срокъ дѣйствія перваго аренднаго договора, то киргизы стали требовать удаленія поселенцевъ; въ дѣло вмѣшался уѣздный начальникъ г. Карауловъ и, не будучи въ состояніи убѣдить киргизъ заключить новый арендный договоръ, склонилъ ихъ однако разрѣшить поселенцамъ прожить еще 2—3 года „частно“, обѣщая, что послѣ того поселенцы уйдутъ куда-нибудь на другое мѣсто, — а затѣмъ, чрезъ два года, киргизы согласились заключить и новый шестилѣтній арендный договоръ.

Таковы тѣ случаи прямого вмѣшательства уѣздной администраціи въ дѣло поземельнаго устройства арендаторскихъ поселковъ, какіе мнѣ удалось точно установить по поселеннымъ опросамъ, документальнымъ даннымъ и показаніямъ лицъ мѣстной администраціи¹⁾. Въ дѣйствительности, однако, такіе случаи были гораздо чаще и составляли, можно сказать, общее правило; по крайней мѣрѣ управлявшій уѣздомъ въ эпоху возникновенія поселковъ полк. Карауловъ удостовѣрялъ мнѣ, что безъ такого вмѣшательства не обошелся ни одинъ поселокъ, и что лично ему, г. Караулову, приходилось употреблять нерѣдко всѣ силы убѣжденія, чтобы склонять киргизъ допустить переселенцевъ къ водворенію и сдать имъ землю въ аренду; приходилось для этой цѣли обращаться къ состраданію киргизъ, — уговаривать ихъ спасти обнищавшихъ переселенцевъ отъ голодной смерти, — приходилось даже, до известной степени, вводить киргизъ въ заблужденіе, обѣщая имъ, что поселенцы проживутъ только нѣсколько лѣтъ, тогда какъ не трудно было предвидѣть, что разъ возникшій поселокъ уже никогда не распадется и что земля, рано или поздно, поступитъ въ постоянное пользованіе поселенцевъ. Г. Карауловъ утверждаетъ, — и, повидимому, совершенно основательно, — что безъ такого рода постоянныхъ воздѣйствій администраціи едва-ли существовалъ-бы, въ настоящее время, хотя-бы одинъ поселокъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣятельность уѣздной администраціи была направлена нѣсколько иначе, именно, къ нѣкоторому регулированію колонизаціи и къ предупрежденію чрезмѣрныхъ захватовъ киргизскихъ земель. Такъ, въ 1887 году, узнавъ о возникновеніи Боровскаго поселка и при-

¹⁾ Подробности см. въ приложеніи.

казавъ поселенцамъ выбрать старосту, уѣздный начальникъ поручилъ послѣднему слѣдить, между прочимъ, 1) чтобы никто не проживалъ безъ письменнаго вида; 2) чтобы снятыя отъ киргизъ земли не передавались въ руки постороннихъ лицъ; 3) чтобы поселенцы снимали землю „лишь для себя“, въ размѣрѣ не свыше 20 дес. на семью, и при томъ не болѣе, чѣмъ на три года. А когда въ 1887 году основывался поселокъ Ивановскій, то уѣздный начальникъ, видя бѣдность и ненадежность большинства желавшихъ водвориться въ этомъ поселкѣ, пытался воспрепятствовать образованію послѣдняго и убѣждалъ поселенцевъ приписаться къ пос. Боровскому, гдѣ имъ „на міру“ было-бы легче устроиться. Но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣйствія уѣздной администраціи не имѣли никакихъ практическихъ послѣдствій: пос. Ивановскій возникъ и существуетъ по настоящее время, — и столь-же мало распоряженія уѣзднаго начальника оказались въ силахъ ввести въ разумныя границы аренды киргизскихъ земель.

Перехожу теперь къ вопросу о мѣрахъ, принимавшихся къ административному устройству арендаторскихъ поселковъ.

До 1888 года поселки эти оставались, „можно сказать, безъ всякаго полицейскаго надзора“¹⁾; въ то-же время они были лишены и какой-бы то ни было общественной организаціи: каждый поселокъ состоялъ изъ массы людей, ничѣмъ между собой не связанныхъ и не имѣвшихъ никакого выборнаго управленія, если не считать избранныхъ по приказанію уѣзднаго начальника старостъ, не имѣвшихъ, въ сущности, никакихъ законныхъ полномочій; всякое дѣло, какъ-бы оно ни было ничтожно, требовало поэтому непосредственнаго вмѣшательства уѣзднаго начальника или командированія какого-либо чиновника уѣзднаго управленія, что, при ничтожномъ штатѣ этого послѣдняго, далеко не всегда было возможно. Вслѣдствіе этого Кустанайскій уѣздный начальникъ еще въ 1888 года ходатайствовалъ о назначеніи въ поселки особаго старшаго конно-полицейскаго стражника, что и было, въ видѣ временной мѣры, разрѣшено военнымъ губернаторомъ²⁾.

Въ болѣе широкомъ видѣ вопросъ объ организаціи управленія въ Тургайской области былъ возбужденъ нынѣшнимъ военнымъ губернаторомъ области, г.-м. Барабашомъ, въ запискѣ по поводу проекта нынѣ дѣйствующаго Положенія объ управленіи въ Степныхъ областяхъ; въ запискѣ этой г.-м. Барабашъ указывалъ на безусловную необходимость „установленія

¹⁾ Рапортъ у. начальника В. Губернатору 25. I. 88, № 989 въ дѣлѣ Куст. у. упр. № 9/1888.

²⁾ Тотъ-же рапортъ и предложеніе Воен. Губ-ра 17. II. 89, № 1219.

въ арендаторскихъ поселкахъ надзора и управленія, для поддержанія въ нихъ общественнаго порядка и спокойствія и для рѣшенія хозяйственныхъ дѣлъ“; находя, съ одной стороны, неудобнымъ и несогласнымъ съ духомъ закона подчинять поселки, населенные христіанами, мѣстнымъ киргизскимъ властямъ, и признавая, съ другой, преждевременнымъ окончательное перечисленіе поселенцевъ и надѣленіе ихъ землею по мѣсту ихъ проживанія, г.-м. Барабашъ находилъ, что „наиболѣе подходящею при данныхъ условіяхъ формой общественнаго управленія для нихъ была-бы упрощенная форма, установленная закономъ для крестьянскихъ товариществъ, пріобрѣтающихъ участки земли при посредствѣ крестьянскаго земельного банка съ измѣненіями, которыя потребуются мѣстными условіями“, и съ предоставленіемъ губернатору права, по мѣрѣ надобности и возможности, испрашивать разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ на введеніе въ поселкахъ общаго крестьянскаго положенія; что касается до ближайшаго полицейскаго надзора, то въ виду разбросанности поселковъ по уѣзду и неустроенности ихъ, военный губернаторъ считалъ организацію такого надзора безусловно необходимою и потому полагалъ для завѣдыванія ими учредить особую должность полицейскаго пристава.

Предположенія эти не были однако приняты во вниманіе при окончательной редакціи положенія 25 марта 1891 года.

Между тѣмъ областная администрація, въ лицѣ г.-м. Барабаша, окончательно убѣдилась въ невозможности допускать дальнѣйшій наплывъ переселенцевъ въ Тургайскую область, такъ какъ послѣдствіемъ такого наплыва „является самовольное водвореніе переселенцевъ на земляхъ, состоящихъ въ пользованіи киргизовъ, возникновеніе между ними споровъ и установленіе между сторонами такихъ отношеній, которыя почти не обезпечиваютъ имущественнаго интереса ихъ“ ¹⁾. Въ виду этого командировано было въ поселки особое лицо—чиновникъ особыхъ порученій г. Мацуревичъ, которому поручено было, во 1-хъ) составить подворные списки о семейномъ и хозяйственномъ положеніи наличныхъ въ поселкахъ поселенцевъ; 2) строго слѣдить за тѣмъ, чтобы проходящіе чрезъ уѣздъ переселенцы отнюдь не водворялись на киргизскихъ земляхъ уѣзда, пріобрѣгая, въ случаѣ необходимости, къ водворенію упорствующихъ полицейскими мѣрами и допуская изъятіе лишь для тѣхъ поселенцевъ, которые предъявляютъ утвержденныя надлежащимъ порядкомъ условія на заарендованіе земли у киргизъ или будутъ слѣдовать

¹⁾ Введеніе къ инструкціи г. Мацуревичу, утвержденный Военн. Губернаторомъ 3 апр. 1891 г.

для совмѣстнаго жительства въ уже заарендовавшихъ землю родственникамъ; 3) завѣдывать полицейскою частью въ арендаторскихъ поселкахъ, и 4) принять мѣры къ урегулированію отношеній между арендаторами и киргизами, а именно, заботиться о заключеніи между ними письменныхъ условій объ арендѣ земли съ точнымъ означеніемъ пространства и правъ арендаторовъ и съ засвидѣтельствомъ въ надлежащемъ порядкѣ, а въ случаѣ споровъ между киргизами и русскими стараться приводить стороны къ миролюбивому соглашенію, при недостиженіи же соглашенія направлять стороны въ судъ и охранять полицейскими мѣрами всякое дѣйствительное владѣніе отъ насилія и самоуправства ¹⁾).

О командированіи г. Мадуревича (на смѣну которому вскорѣ былъ назначенъ чиновникъ г. Стадухинъ) военный губернаторъ счелъ необходимымъ довести до свѣдѣнія министерства внутр. дѣлъ, которое въ существѣ не нашло неудобствъ въ командированіи особаго лица для завѣдыванія поселками и указало только на рядъ исправленій, которыя надлежало ввести въ данную этому лицу инструкцію,—но вмѣстѣ съ тѣмъ обратило вниманіе военнаго губернатора на то, что „благоустройство въ русскихъ поселкахъ можетъ быть достигнуто приведеніемъ въ исполненіе отд. III закона 13 іюля 1889 г. (распространеннаго на Тургайскую область Высочайше утв. 25 марта 1891 г. мѣніемъ Государств. Совѣта), на основаніи котораго всѣ переселенцы, прибывшіе въ область въ прежнее время, должны быть перечислены по мѣстамъ новаго водворенія съ образованіемъ въ подлежащихъ случаяхъ отдѣльныхъ сельскихъ обществъ“ ²⁾).

Военный губернаторъ, однако, усумнился въ возможности примѣненія закона 13 іюля 1889 г. къ „такъ называемымъ арендаторскимъ поселкамъ, существованіе которыхъ вполнѣ зависитъ отъ доброй воли киргизовъ, сдавшихъ въ аренду свою землю, которая по окончаніи срока аренды, обыкновенно очень непродолжительною, можетъ понадобиться самимъ кочевникамъ. Прочное устройство поселившихся такимъ образомъ крестьянъ, писалъ военный губернаторъ, можетъ послѣдовать лишь съ отводомъ имъ земельныхъ надѣловъ и вообще не ранѣе разрѣшенія законодательнымъ путемъ поставленнаго на очередь вопроса объ устройствѣ русскихъ селеній въ Уральской и Тургайской областяхъ“ ³⁾; въ томъ-же смыслѣ военный губернаторъ еще

¹⁾ Инструкція г. Мадуревичу 3 апр. 1891 г.

²⁾ Предложеніе М-ва В. Д., по Зем. Отд., 11 іюня 1891, № 6199.

³⁾ Представленіе Воен. Губернатора 20 марта 1892 г., № 3731.

разъ высказался нѣсколько позже, указывая на неудобноисполнимость мысли о перечисленіи арендаторовъ безъ надѣла землю, по нѣмѣнію вблизи крестьянскихъ волостей; по нѣмѣнію г.-м. Барабаша надлежало-бы прежде всего озаботиться прочнымъ *поземельнымъ* устройствомъ поселковъ, что можно было-бы осуществить, склонивъ киргизъ къ добровольной уступкѣ необходимыхъ для того земельныхъ пространствъ, — послѣ чего уже не встрѣтилось-бы никакихъ особыхъ препятствій къ перечисленію поселенцевъ и къ образованію въ поселкахъ сельскихъ обществъ и волостей ¹⁾).

Министерство внутреннихъ дѣлъ, однако, не раздѣлило сомнѣній военнаго губернатора, и земскій отдѣлъ сообщилъ послѣднему, что „на основаніи закона 13 іюля 1889 г. перечисленіе переселенцевъ на арендованную землю не обусловлено предварительнымъ устройствомъ ихъ въ поземельномъ отношеніи, такъ какъ въ силу отд. III этого закона, всѣ переселенцы, прибывшіе до его обнародованія въ поименованныя въ немъ губерніи, подлежатъ обязательному перечисленію по мѣстамъ ихъ новаго водворенія, безразлично, проживаютъ-ли они на собственныхъ или заарендованныхъ земляхъ..., причѣмъ изъ поселившихся отдѣльными хуторами могутъ быть образованы сельскія общества при наличности въ поселкахъ не менѣе 40 душъ муж. пола; вновь образованныя общества, смотря по мѣстнымъ условіямъ, могутъ быть присоединены къ существующимъ волостямъ или-же соединены въ одну или нѣсколько новыхъ волостей“, — а потому, по нѣмѣнію отдѣла, всѣ переселенцы, прибывшіе въ область до обнародованія Высочайшаго повелѣнія 25 марта 1891 г. (въ томъ числѣ и не образовавшіе отдѣльныхъ поселковъ), немедленно должны быть перечислены съ образованіемъ изъ проживающихъ отдѣльными поселками сельскихъ обществъ; что касается до вопроса о поземельномъ устройствѣ Тургайскихъ переселенцевъ, то разрѣшеніе его земскій отдѣлъ находилъ невозможнымъ безъ соображенія съ положеніемъ переселенцевъ, водворившихся на заарендованныхъ у киргизъ земляхъ въ областяхъ Степнаго генераль-губернаторства и безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ государственныхъ имуществъ ²⁾).

Въ виду такого разъясненія министерства внутреннихъ дѣлъ, журнальнымъ постановленіемъ Тургайскаго областного правленія, состоявшимся 3 января 1893 года, въ Кустанайскомъ уѣздѣ образованы двѣ волости — Боровская изъ поселковъ Бороваго, Михайловскаго, Ивановскаго, Владимір-

¹⁾ Отношеніе Земск. Отдѣла къ Военн. Губернатору 13 іюля 1892, № 8754.

²⁾ Тамъ же, 12 ноября 1892 г., № 13540.

скаго и Степановскаго, и Александровская изъ поселковъ Александровскаго, Жуковскаго, Борисовскаго, Романовскаго и Давыденковскаго, и въ волостяхъ этихъ введено общественное управленіе на основаніяхъ, указанныхъ въ Общемъ положеніи о крестьянахъ, причемъ утвержденіе должностныхъ лицъ, разсмотрѣніе раскладочныхъ приговоровъ и т. п. обязанности возложены на мѣстнаго уѣзднаго начальника; этому послѣднему вмѣстѣ съ тѣмъ предписано было „безъ малѣйшаго замедленія войти въ сношеніе съ подлежащими крестьянскими учрежденіями объ истребованіи увольнительныхъ свидѣтельствъ и свѣдѣній о недоимкахъ, состоящихъ за жителями арендаторскихъ поселковъ, и всѣ эти данныя при именныхъ спискахъ отсылать въ Оренбургскую казенную палату отдѣльно по каждому поселку для распоряженій о перечисленіи“. Перечисленіе оказалось, однако, дѣломъ далеко не простымъ и не легкимъ: оно потребовало весьма большой переписки, особенно въ виду того, что лишь ничтожное меньшинство проживавшихъ въ поселкахъ переселенцевъ оказалось имѣющимъ надлежащіе документы. Несмотря на усиленную дѣятельность уѣздной администраціи, въ помощь которой неоднократно командировались особые чиновники, къ декабрю 1894 года оказались перечисленными всего 546 семей, изъ нихъ 241 по поселкамъ Александровской волости, 305 — по Боровской волости, а къ срединѣ 1896 года число причисленныхъ достигло 828 семей или 54% общаго числа переселенцевъ, состоявшихъ налицо въ поселкахъ; по поселкамъ Александровской волости причисленныхъ было 416 семей или 50%, по Боровской—412 семей или 59% общаго числа наличныхъ поселенцевъ.

Какъ-бы то ни было, но главная масса переселенцевъ, проживающихъ въ сѣверномъ районѣ Тургайской области, въ настоящее время имѣетъ уже надлежащее административное устройство, и областною администраціей возбужденъ вопросъ о распространеніи этого устройства и на другіе пункты, гдѣ русскіе поселенцы собрались въ болѣе значительныхъ количествахъ и гдѣ водвореніе ихъ имѣетъ, повидимому, не временный, а постоянный характеръ ¹⁾.

Административное устройство представляетъ однако лишь одну сторону дѣла, и притомъ сторону, сравнительно слабо отражающуюся на важнѣйшихъ и насущнѣйшихъ интересахъ переселенцевъ. Другая, важнѣйшая сторона,—именно поземельное устройство, до сихъ поръ остается въ прежнемъ, не упорядоченномъ положеніи. Временное положеніе 1868 года, при дѣй-

¹⁾ Представл. Воен. Губернатора Министру В. Д. отъ 6. X. 94, № 11320.

ствія котораго возникли и разрослись арендаторскіе поселки и хутора, вовсе не предусматривало возможности возникновенія осѣдлыхъ поселеній внѣ пунктовъ, назначенныхъ для мѣстопребыванія уѣздныхъ управленій. Нынѣ дѣйствующее Положеніе 25 марта 1891 года, хотя и содержитъ особую главу „о поземельномъ устройствѣ осѣдлаго населенія“, а въ главѣ о „подати съ осѣдлаго населенія“ касается государственныхъ земель, отведенныхъ въ надѣль, между прочимъ, и сельскимъ обществамъ изъ русскихъ крестьянъ (ст. 149), — совершенно не устанавливаетъ, однако, условій и порядка подобнаго отвода: статья 133 Положенія указываетъ только, что „устройство на государственныхъ земляхъ сельскихъ поселеній русскихъ и инородческихъ опредѣляется особыми правилами“, — а такихъ правилъ не издано и по настоящее время. Арендованіе до сихъ поръ остается, поэтому, единственнымъ путемъ для обезпеченія русскихъ переселенцевъ землею; но не говоря уже о томъ, что никакая аренда вообще, по самому существу своему, не можетъ создать вполнѣ прочнаго устройства переселенцевъ, судьба которыхъ всегда будетъ въ большей или меньшей мѣрѣ зависѣть отъ усмотрѣнія землевладѣльцевъ, — аренда земель у киргизъ поставлена нынѣ въ условія, противурѣчачія всему складу киргизскаго землевладѣнія и потому до крайности затрудняющія заарендованіе земли на указанныхъ въ законѣ основаніяхъ.

Постановленія Временнаго положенія 21 октября 1868 г. по разсматриваемому вопросу были очень удобны и не стѣснительны: на основаніи § 220 этого положенія, киргизы въ составѣ какъ обществъ, такъ и отдѣльныхъ лицъ, имѣли право уступать свои участки, или части ихъ, въ пользованіе русскихъ, по добровольному соглашенію, засвидѣтельствованному въ уѣздномъ управленіи. Такое неопредѣленно-редактированное постановленіе было, въ сущности, вполнѣ согласно съ недостаточно опредѣленнымъ складомъ киргизскаго землевладѣнія и позволяло каждому русскому поселенцу вступать въ непосредственное соглашеніе съ тѣмъ именно отдѣльнымъ киргизомъ или съ тою именно родою группою въ чьемъ владѣніи состояла подлежащая заарендованію земля. Нѣкоторое, впрочемъ совершенно неизбѣжное осложненіе вносилъ порядокъ засвидѣтельствованія сдѣлокъ, установленный областною администраціей: при отсутствіи опредѣленныхъ границъ между владѣніями отдѣльныхъ киргизъ и болѣе или менѣе мелкихъ родовыхъ группъ, при массѣ споровъ о землевладѣніи, уѣздное управленіе, свидѣтельствуя всякую предъявляемую кѣмъ-либо арендную сдѣлку, рисковало бы давать свою санкцію и всевозможнымъ неправильнымъ сдѣлкамъ, которыя крайне неблагопріятно отражались-бы на положеніи арендаторовъ-крестьянъ.

И вотъ, для того, „во-1-хъ, чтобы устранить часто возникающіе споры между киргизами изъ-за принадлежности уступаемыхъ ими земель, и во-2-хъ, чтобы оградить переселенцевъ отъ стѣсненій со стороны сосѣднихъ киргизовъ, нерѣдко заявляющихъ претензіи на принадлежность послѣднимъ отданныхъ въ аренду земель“¹⁾, — областное правленіе предписало уѣзднымъ начальникамъ свидѣтельствовать арендные договоры только въ томъ случаѣ, „если таковы составлены на основаніи общественныхъ удостовѣреній, засвидѣствованныхъ мѣстными властями, о принадлежности отдаваемыхъ въ аренду земель тѣмъ киргизамъ, которыми онѣ сдаются“²⁾. Въ дѣйствительности требованіе это исполнялось такимъ образомъ: переселенецъ или артель переселенцевъ, вступивъ въ соглашеніе съ отдѣльнымъ киргизомъ или чаще — съ главарями родовой группы, относительно заарендованія земли, обращались къ аульному старшинѣ, который созывалъ аульный сходъ; на послѣднемъ постановлялся приговоръ, удостовѣрившій, что сдаваемая земля дѣйствительно принадлежитъ тому киргизу или той родовой группѣ, которые имѣютъ въ виду ее сдать въ аренду; затѣмъ уже писался арендный договоръ, въ которомъ обыкновенно дѣлалась ссылка на приговоръ аульнаго схода, и договоръ вмѣстѣ съ приговоромъ представлялся въ уѣздное управленіе для засвидѣтельствованія и записки въ книгу.

При до-нельзя развитой у киргизъ привычкѣ къ угощеніямъ и подкупамъ, описанная процедура связана была для арендаторовъ съ извѣстными хлопотами и расходами: аульный сходъ, собравшись, прежде всего требовалъ угощенія, которое нерѣдко продолжалось по нѣскольку дней; аульный старшина дѣлалъ распоряженіе о созывѣ схода не раньше, чѣмъ получивъ нѣсколько рублей или барана, а затѣмъ — получалъ вторично за приложеніе печати къ приговору схода; нерѣдко приходилось давать деньги и волостному управителю или писарю, и въ концѣ концовъ необходимость запастись удостовѣреніемъ аульнаго схода ложилась на арендаторовъ расходомъ въ нѣсколько десятковъ рублей. Расходъ этотъ, впрочемъ, не особенно тяготилъ арендаторовъ, тѣмъ болѣе, что по формальнымъ условіямъ всегда снимались болѣе или менѣе значительные участки, и потому расходъ на угощенія и подарки относительно лишь немного повышалъ арендную плату. Значительно увеличивались расходы и хлопоты только въ томъ случаѣ, если предположенный къ сдачѣ участокъ оказывался спорнымъ, и особенно — если за

¹⁾ Донесеніе Воен. Губернатора Министру В. Д. 27. XI. 91, № 13322.

²⁾ Тамъ-же.

каждою изъ спорящихъ сторонъ стояла артель русскихъ-арендаторовъ, уже согласившаяся съ нею о заарендованіи земли ¹⁾); въ этомъ случаѣ отъ аульнаго схода всецѣло зависѣло рѣшить споръ въ пользу той или другой стороны, т. е. другими словами—допустить или не допустить заключеніе сдѣлки; по которой крестьянами, можетъ быть, была уже выплачена впередъ часть денегъ; крестьянамъ, чтобы склонить сходъ къ благопріятному для нихъ рѣшенію, приходилось устраивать особенно продолжительныя и прихотливыя угощенія, подаривать всѣхъ киргизъ-сходчиковъ, а нерѣдко, если сходъ разбивался на партіи, дѣлать отдѣльнымъ сходчикамъ особые подарки, чтобы перетянуть ихъ на свою сторону и склонить большинство въ пользу благопріятнаго для нихъ рѣшенія. При наличности споровъ по землевладѣнію, „темные“ расходы арендаторовъ нерѣдко измѣрялись, поэтому, уже не десятками, а сотнями рублей, и притомъ удостовѣреніе аульнаго схода далеко не всегда являлось дѣйствительною гарантіею правильности совершавшихся сдѣлокъ: подъ вліяніемъ подарковъ, сходы нерѣдко рѣшали споры несправедливо, давали удостовѣренія на сдачу чужихъ земель или въ разное время удостовѣряли принадлежность одного и того-же участка двумъ разнымъ лицамъ или группамъ лицъ; бывали случаи и подложныхъ удостовѣреній, которыя выдавались аульными старшинами совсѣмъ безъ схода или на основаніи мнѣнія недостаточнаго числа сходчиковъ ¹⁾).

Описанный порядокъ, такимъ образомъ, не могъ придать аренднымъ сдѣлкамъ той твердости и законности, какой недоставало и недостаетъ землевладѣнію самихъ киргизъ-сдатчиковъ,—а иногда требовалъ со стороны арендаторовъ очень значительныхъ хлопотъ и расходовъ. Но въ огромномъ большинствѣ случаевъ арендныя сдѣлки, при дѣйствіи этого порядка, заключались безъ особенныхъ затрудненій и создавали для арендаторовъ, на договорный срокъ, достаточно прочныя отношенія къ землѣ.

Значительно ухудшилось положеніе дѣлъ со времени вступленія въ дѣйствіе нынѣ дѣйствующаго Положенія объ управленіи въ степныхъ областяхъ, Высочайше утвержденаго 25 марта 1891 года. На основаніи 126 статьи этого Положенія, „впредь до приведенія въ извѣстность количества земель, подлежащихъ отводу кочевникамъ, обществамъ сихъ кочевниковъ разрѣшается сдавать земли, находящіяся въ предѣлахъ ихъ зимовыхъ стой-

¹⁾ См. въ приложеніи исторію заключенія аренды сдѣлокъ по пос. Александровскому съ Жуковскимъ, Романовскому съ Борисовскимъ, Ново-Уральскому.

бищъ, въ наемъ на срокъ не свыше 30 лѣтъ лицамъ русскаго происхожденія, для земледѣлія и устройства фабрикъ, заводовъ, мельницъ и другихъ подобныхъ заведеній; сдача сія производится по приговорамъ волостнаго съѣзда, утверждаемымъ областнымъ правленіемъ“, — а въ силу прилѣчанія къ той-же статьѣ „въ приговорахъ должны быть указаны опредѣленно тѣ общественныя надобности, для удовлетворенія которыхъ предназначается аредная плата“.

Такимъ образомъ новое Положеніе создало, прежде всего, гораздо болѣе сложную процедуру сдачи киргизскихъ земель въ аренду: сдача утверждается уже не уѣзднымъ управленіемъ, а областнымъ правленіемъ, и — что самое важное — для каждой такой сдачи требуется приговоръ волостнаго съѣзда. Уже это обстоятельство должно было весьма невыгодно отразиться на интересахъ арендаторовъ-крестьянъ: чтобы привести въ дѣйствіе сложный механизмъ волостнаго съѣзда, были нужны гораздо большія хлопоты и расходы, нежели при прежнемъ порядкѣ арендованія земель; для выборныхъ волостнаго съѣзда требуются гораздо болѣе дорогія и продолжительныя „угощенія“, каждому участвующему въ съѣздѣ аульному старшинѣ и выборному нужно дать денегъ, такъ какъ иначе онъ не дастъ своего согласія на сдачу, а волостной управитель и писарь не удовлетворятся подаркомъ въ нѣсколько рублей, какой прежде давался аульному старшинѣ за созывъ схода и приложеніе печати. Въ результатѣ „темныя“ расходы, при арендованіи земли у волостнаго общества, должны были съ немногихъ десятковъ подняться до нѣсколькихъ сотъ рублей на каждую аренду, — а при такихъ условіяхъ заарендованіе земли становилось доступнымъ лишь для очень состоятельныхъ отдѣльныхъ лицъ или для очень значительныхъ артелей переселенцевъ, которыя имѣли возможность сразу израсходовать нѣсколько сотъ рублей на „темныя“ расходы и которыя снимали, притомъ, очень большіе участки земли; аренда земли по мелочамъ, отдѣльными лицами или небольшими артелями, становилась невозможной, какъ потому, что такимъ лицамъ и артелямъ неоткуда было-бы взять потребныхъ на „темныя“ расходы значительныхъ суммъ, такъ и потому, что эти суммы, при небольшихъ арендахъ, ложились-бы на цѣну земли слишкомъ большимъ накладнымъ расходомъ.

Но еще гораздо важнѣе обстоятельство другаго рода, — а именно, несоотвѣтствіе устанавливаемого ст. 126-ю Положенія 1891 года порядка сдачи въ аренду съ бытовыми условіями киргизскаго землевладѣнія. Статья эта допускаетъ сдачу только изъ зимовочныхъ земель, причемъ право сдавать такыя предоставляется волостному съѣзду, и сдача обуславливается обра-

шеніемъ денегъ на общественныя надобности. Между тѣмъ, уже по статьѣ 122 того-же Положенія зимовыя стойбища „предоставляются въ безсрочное общественное пользованіе каждой волости и *каждаго аульнаго общества* отдѣльно, по дѣйствительному пользованію и согласно обычаямъ“, фактически же зимовыя стойбища и призимовочныя земли, по киргизскому обычному праву, расиредѣляются по небольшимъ родовымъ группамъ или ауламъ, а нерѣдко принадлежатъ даже отдѣльнымъ кибитковладѣльцамъ. Волостное общество, которое, по буквѣ закона, одно только имѣетъ право сдавать призимовочныя земли въ аренду, фактически не владѣетъ ни однимъ клочкомъ этихъ земель, и только изрѣдка, по какимъ-либо случайнымъ причинамъ, въ его распоряженіи могутъ оказаться свободныя зимовочныя земли; напротивъ отдѣльные кибитковладѣльцы и родовыя группы, т. е. фактическіе обладатели призимовочныхъ земель, которые одни, съ общеправовой точки зрѣнія, могли-бы сдавать эти земли въ аренду, по закону лишены права это дѣлать. Требованія закона могли-бы быть удовлетворены, если-бы сдача производилась съ согласія дѣйствительныхъ владѣльцевъ земли, утверждаемаго приговоромъ волостнаго съѣзда; но арендная плата, по закону, можетъ быть предназначена исключительно на *общественныя* надобности, т. е. на нужды административныхъ, волостныхъ и аульныхъ обществъ, а потому „отдѣльные кибитковладѣльцы очевидно, отнюдь не могутъ имѣть ни желанія, ни побудительныхъ причинъ сдавать свою землю на увеличеніе общественныхъ капиталовъ“¹⁾.

Такіе результаты Положенія 1891 года стали ясны для мѣстной администраціи тотчасъ-же по вступленіи въ дѣйствіе этого узаконенія: въ областное правленіе стали поступать приговоры волостныхъ съѣздовъ „о сдачѣ въ аренду русскимъ земли отдѣльными кибитковладѣльцами“; областное правленіе ясно видѣло, что „арендная сдача земель можетъ производиться глав-

¹⁾ Письмо Военнаго Губернатора Министру З. и Г. И. отъ 4. II. 96 г., № 2, въ дѣлѣ Департамента Гос. Зем. Имущ., IV отд., I ст., № 41/1895 г. На это обстоятельство неоднократно указывали и киргизскія выборныя власти, сообщая уѣздному начальнику свѣдѣнія объ арендахъ. Такъ, относят. хут. Ново-Уральскаго Терекинскій вол. управитель писалъ (отъ 14. III. 96, № 467): «Киргизы возобновить арендные договоры согласны, но лишь въ томъ случаѣ, если арендные деньги поступаютъ въ нихъ отдѣльное, владѣльцевъ земли, пользованіе, на условіяхъ-же, указанныхъ въ новомъ Положеніи 1891 г., сдача земли въ аренду для киргизъ нежелательна, въ виду того, что полученная за землю плата пойдетъ на нужды цѣлаго общества». То-же доносилъ и Актюбинскій вол. управитель (рапортъ 27. IV. 96, № 870): «Киргизы, говоритъ онъ, не желаютъ возобновлять аренды потому, что плата за оную идетъ въ пользованіе цѣлаго общества, а не отдѣльнаго кибитковладѣльца».

нымъ образомъ отдѣльными лицами, такъ какъ образованіе особнхъ участковъ, принадлежащихъ волостному обществу, можетъ быть лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ“, — а потому военный губернаторъ уже въ январѣ 1894 г. обратился въ земскій отдѣлъ съ просьбою разъяснить: „можетъ-ли допускаться сдача въ аренду зимовочныхъ земель аульными обществами и отдѣльными кибитковладѣльцами изъ числа назначенныхъ имъ въ пользованіе, и какимъ порядкомъ должны свидѣтельствоваться документы о таковой арендѣ“¹⁾. Но министерство внутреннихъ дѣлъ не могло, конечно, отступить отъ буквального смысла закона: этотъ послѣдній предоставляетъ киргизамъ, въ видѣ временной мѣры, сдавать въ аренду состоящія въ пользованіи какъ волостныхъ, такъ и аульных *обществъ* излишнія зимовочныя земли; что-же касается „зимовочныхъ угодій, отведенныхъ въ пользованіе *отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ*“, то министерство находило, что „земли эти не могутъ почитаться излишними для киргизскихъ обществъ, и что въ силу примѣчанія къ ст. 126 арендная плата предназначается на общественныя надобности“, — а потому сообщило военному губернатору, что „зимовыя стойбища отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ вовсе не могутъ быть предметомъ регулируемыхъ закономъ арендныхъ договоровъ“²⁾.

Совершенно согласное съ буквой и смысломъ закона, такое разъясненіе, въ сущности, окончательно устраняло всякую возможность сдачи въ аренду киргизскихъ земель: оно допускало сдачу лишь по отношенію къ землямъ, состоящимъ въ пользованіи административныхъ *волостныхъ* и *аульныхъ* обществъ — тогда какъ ни волости, ни административныя аулы не имѣютъ въ своемъ непосредственномъ распоряженіи зимовочныхъ земель, — и запрещало сдачу по отношенію ко всѣмъ землямъ, состоящимъ въ пользованіи отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ и мелкихъ родовыхъ группъ, между которыми всѣ зимовочныя земли распределены въ дѣйствительности. При строгомъ соблюденіи закона и данного министерствомъ внутреннихъ дѣлъ разъясненія едва-ли могъ быть заключенъ хотя-бы одинъ арендный договоръ; между тѣмъ невозможность заарендованія земель была-бы равнозначаща съ невозможностью дальнѣйшаго существованія какъ многихъ десятковъ арендаторскихъ хуторовъ и заимокъ, такъ даже и тѣхъ десяти поселковъ, которые, какъ выше изложено, уже получили административное устройство и съ

¹⁾ Отношеніе Военнаго Губернатора въ Зем. Отдѣлъ [10. I; 94, № 268 въ дѣлѣ Тург. обл. правл., II отд., 3 ст., № 4/1894 г..

²⁾ Отнош. 29. I. 94, № 25 въ томъ-же дѣлѣ.

судьбой которыхъ, конечно, не могла не считаться Тургайская администрація, — а потому эта послѣдняя, сдѣлавъ распоряженія къ распубликованію закона и разъясненія министерства во всеобщее свѣдѣніе, не нашла возможнымъ принимать особенно строгихъ мѣръ къ наблюденію за точнымъ исполненіемъ закона и, напротивъ, снисходительно относилась къ разнообразнымъ нарушеніямъ и обходамъ этого послѣдняго. Впрочемъ послѣдствія закона 1891 г. по отношенію къ вопросу объ арендованіи сложились нѣсколько иначе въ Кустанайскомъ уѣздѣ, нежели въ Актюбинскомъ.

Въ Кустанайскомъ уѣздѣ уѣздною администраціей были приняты, формально, строгія мѣры: въ виду того, что здѣсь и послѣ вступленія въ дѣйствіе Положенія 1891 г. продолжалась сдача земли отдѣльными лицами, безъ вѣдома не только волостнаго, но даже аульнаго общества, уѣздный начальникъ особымъ приказомъ ¹⁾ поручилъ волостнымъ управителямъ и аульнымъ старшинамъ собрать волостные и аульные сѣзды и разъяснить имъ смыслъ закона, именно, „1) что всѣ излишнія земли могутъ быть отдаваемы въ аренду только волостными сѣздами, о чемъ должны быть каждый разъ составляемы приговоры, въ которыхъ должны быть подробно указаны тѣ общественныя надобности, для удовлетворенія которыхъ предназначается арендная плата; приговоры эти волостные управители должны представлять къ уѣздному начальнику, который со своей стороны будетъ представлять въ Тургайское областное управленіе, и только по полученіи разрѣшенія земли отдаются въ аренду и заключаются установленныя законныя условія съ арендаторами; 2) что никто изъ кибитковладѣльцевъ, подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ, не имѣетъ права отдавать въ арендное содержаніе земли; 3) что виновныхъ въ нарушеніи этого закона волостные управители и аульные старшины должны неуклонно привлекать къ законной отвѣтственности, какъ за неисполненіе закона и распоряженій высшаго начальства, такъ и за отдачу въ аренду не своей, а принадлежащей волостному обществу земли, ибо согласно закона ни одинъ изъ кибитковладѣльцевъ не имѣетъ своей земли, и всѣ земли находятся въ пользованіи общества, и слѣдовательно только общество имѣетъ право распоряжаться землей, находящейся въ его пользованіи, и 4) условія, заключенныя отдѣльными кибитковладѣльцами съ арендаторами, будутъ считаться незаконными, какъ совершенныя на сдачу въ аренду чужой земли“. — Но этотъ приказъ остался, можно сказать, совершенно безъ практическихъ послѣдствій: на основаніяхъ,

¹⁾ Отъ 22. VI. 94, № 47.

указанных Положеніемъ 1891 года, по Кустанайскому уѣзду заключено было за все время дѣйствія этого Положенія всего пять арендныхъ договоровъ, причеиъ только въ одномъ изъ этихъ пяти договоровъ арендаторами являются причисленные къ Кустанаяу переселенцы, по остальнымъ же четыремъ договорамъ земля сдавалась купцамъ, казакамъ или киргизамъ. Затѣиъ вся громадная масса „частныхъ“ арендъ, на основаніи которыхъ пользуется землею большинство жителей поселковъ Боровской и Александровской волостей, а равно всѣ обитатели арендаторскихъ хуторовъ и замковъ, заключены съ пряиымъ нарушеніемъ или въ обходъ правилъ Положенія 1891 года. Въ частности, всѣ болѣе мелкія арендныя сдѣлки, на основаніи которыхъ отдѣльные крестьяне, по преимуществу бѣдные и средне-состоятельные, арендуютъ по мелочамъ пахатную или сѣнокосную землю, заключаются словесно или по простымъ роспискамъ, которыми сдатчикъ удостоверяетъ только полученіе денегъ отъ арендатора, и которыя либо завѣряются аульнымъ старшиною, либо остаются безъ всякаго засвидѣтельствованія; по словеснымъ-же соглашеніямъ продолжаютъ пользоваться землею какъ довольно многіе изъ хуторовъ, такъ даже и нѣкоторыя поселки, для которыхъ истекъ срокъ дѣйствія заключенныхъ до вступленія въ силу новаго Положенія договоровъ: крестьяне, не имѣя возможности добиться утвержденія вновь заключенныхъ непосредственно съ киргизами-владѣльцами земли сдѣлокъ и боясь вступать въ переговоры съ волостнымъ съѣздомъ, живутъ „таеъ“, безъ всякаго письменнаго договора, одни—на тѣхъ-же условіяхъ, какія ранѣе устанавливались договорами, другіе — на какихъ-либо новыхъ условіяхъ. Далѣе, нѣкоторыя хутора заключили и письменные арендныя договоры, уже въ прямое нарушеніе Положенія 1891 года, непосредственно съ киргизами-владѣльцами земли, и нѣкоторыя изъ этихъ договоровъ были даже засвидѣтельствованы аульными старшинами.—Во всѣхъ перечисленныхъ случаяхъ арендныя отношенія поселенцевъ—какъ они и сами прекрасно понимаютъ, не имѣютъ никакой юридической силы: киргизы-сдатчики исполняютъ свои обязательства, пока имъ заблагоразсудится, и въ случаѣ нарушенія сдѣлки, выражающагося въ отобраніи сданной и уже оплаченной земли или въ двойной сдачѣ, арендаторы не могутъ найти себѣ никакой защиты: зная, что заключенныя ими арендныя сдѣлки юридически недѣйствительны, они болшею частью и не пробуютъ обращаться ни къ суду, ни къ администраціи, а стараются ублажить своихъ сдатчиковъ подарками и угощеніями, платятъ имъ, въ случаѣ ихъ требованія, вторыя и даже третьи деньги,—словомъ подвергаются со стороны киргизъ-сдатчиковъ, чувствуя-

шихъ выгоды своего положенія, самымъ разнообразнымъ вымогательствомъ. Что касается до уѣздной администраціи, то она соблюдаетъ по отношенію къ подобнаго рода сдѣлкамъ, если можно такъ выразиться, благожелательный нейтралитетъ: отлично зная о такихъ сдѣлкахъ, она не только не протестуетъ, но наоборотъ, гдѣ только можетъ достигнуть этого путемъ негласнаго давленія, склоняетъ киргизъ сдавать крестьянамъ землю и соблюдать заключенныя съ ними, хотя и лишеныя формальной силы условія. Но когда случай „частной“ аренды доходитъ до свѣдѣнія уѣздной администраціи официальнымъ путемъ—что случается при жалобахъ крестьянъ на нарушеніе киргизами заключенныхъ ими договоровъ, при жалобахъ киргизъ на сдачу кѣмъ-либо не принадлежащей ему земли, и т. п., — то уѣздному начальнику не остается ничего другого, какъ стать на формальную точку зрѣнія: усматривая въ „частной“ арендѣ лишь видъ самовольнаго пользованія киргизскою землею, онъ не только отказываетъ арендаторамъ во всякой защитѣ ихъ интересовъ, но дѣлаетъ распоряженіе о прекращеніи „самовольнаго пользованія“, — распоряженіе, за исполненіемъ котораго, впрочемъ, никто не слѣдитъ и которое поэтому тоже остается мертвой буквой.

Такая полная необезпеченность „частныхъ“ сдѣлокъ, словесныхъ и письменныхъ, заключенныхъ съ отдѣльными кибитковладѣльцами въ прямое нарушеніе Положенія 1891 года, и невозможность, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, заключенія сдѣлокъ, удовлетворяющихъ требованіямъ этого закона, повела къ возникновенію въ Кустанайскомъ уѣздѣ особой формы обхода этого послѣдняго, а именно фиктивныхъ издольныхъ арендъ. Дѣло въ томъ, что, не свидѣтельствуя договоровъ о сдачѣ земли за деньги и запрещая киргизскимъ властямъ свидѣтельствовать такіе договоры, уѣздная администрація не распространяла этого запрещенія на очень развитыя среди Кустанайскихъ поселенцевъ и особенно — бѣднѣйшей части ихъ исполныя сдѣлки, которыя она разсматривала не какъ договоры объ арендѣ земли, а какъ сдѣлки найма крестьянъ на обработку киргизской земли съ вознагражденіемъ за трудъ въ натурѣ — частью обработанной пашни. И вотъ, желая обезпечить свое право на заарендованную землю хоть какимъ-нибудь документомъ, арендаторы начинаютъ облекать денежную аренду въ форму сѣма земли изъ части, большею частью — „изъ третьей части“: арендаторъ, распахавъ землю собственнымъ инвентаремъ, беретъ себѣ двѣ трети вспаханной площади, а остальную треть отдаетъ киргизу-сдатчику. Затѣмъ въ самый договоръ, иногда, включаются дополнителныя условія, фактически обращающія издольную сдачу въ денежную; такъ, въ одномъ договорѣ находимъ

слѣдующій пунктъ: „мы сдатчики въ случаѣ непосѣва нами причитающейся намъ земли самими, обязуемся слѣдующую намъ землю продавать аренда-торамъ, но никому другому, въ томъ случаѣ, если мы арендаторы откажемся отъ покупки назначенной цѣны сдатчиковъ, то этотъ отказъ должны ежегодно отмѣчать на семь условіи“¹⁾; въ большинствѣ случаевъ, впрочемъ, подобныя дополнительныя условія не включаются въ самый договоръ, а устанавливаются, въ дополненіе къ послѣднему, простымъ словеснымъ соглашеніемъ, на основаніи котораго сдатчики обязываются уступить свою треть вспаханной цѣлины, если не засѣютъ ея сами, арендаторамъ и имъ-же сдать на слѣдующій годъ всѣ „обороты“; при этомъ цѣна иногда устанавливается заранее, по 5—6 р. съ каждой доставшейся на долю сдатчиковъ десятины вспаханной цѣлины и по 1 р. 50 к.—2 р. съ десятины „оборота“,— иногда же цѣна заранее не условливается, а сдатчики обязуются, просто, отдать арендаторамъ свою часть цѣлины и обороты по такой-же цѣнѣ, ка-кая имъ будетъ предлагаться посторонними съемщиками или какая вообще будетъ существовать въ данной мѣстности. Фактически киргизы-сдатчики, при такого рода арендахъ, никогда, за самыми рѣдкими исключеніями, не засѣваютъ сами ни достающейся на ихъ долю трети вспаханныхъ цѣлины, ни оборотовъ,— а арендаторы никогда не отказываются отъ своего права преимущественной съемки тѣхъ и другихъ, и такимъ образомъ издѣльная аренда цѣлины сводится къ арендѣ ихъ за денежную плату по 5—6 р. съ каждаго трехъ десятины, т. е. по 1 р. 67 к.—2 р. съ каждой десятины. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ обходъ закона дѣлается еще проще: заключая договоръ на обработку земли „изъ третьей части“, заранее условливаются, что сдатчикъ можетъ отказаться отъ своего права на полученіе третьей части вспаханныхъ цѣлины и за это потребовать опредѣленную заранее сумму денегъ, съ полученіемъ которой прекращаются всѣ его притязанія къ арендаторамъ.

Было-бы, конечно, ошибкою думать, что всѣ вообще договоры издѣльной аренды, заключаемые между крестьянами и киргизами, имѣютъ такой фиктивный характеръ и служатъ только прикрытіемъ денежной аренды; напротивъ—на началахъ аренды изъ части пользуется землей очень значительная часть Кустанайскихъ переселенцевъ,—особенно такіе, которые, не имѣя инвентаря, берутъ у киргизъ не только землю, но и рабочій скотъ

¹⁾ Условіе между крестьянами с. Александровскаго Вас. Еремѣевымъ, Ант. Полюховымъ съ товарищами и 19 киргизами 7 и 8 ауловъ Аракараг. волости отъ 17. VI. 96.

и пользуются за это, на свой пай, соответственно меньшей долей вспаханной земли; къ дѣйствительно-издольной арендѣ прибѣгаютъ иногда и болѣе состоятельные арендаторы, по тѣмъ или инымъ причинамъ предпочитающіе этотъ способъ расплаты денежному; но подобнаго рода, дѣйствительно натуральныя сдѣлки, во-1-хъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ не оформливаются, а основываются на простыхъ словесныхъ соглашеніяхъ, а во-2-хъ—объектомъ ихъ являются всегда не сколько-нибудь значительныя, заключаемыя въ опредѣленныя границы земельныя участки, а право распашки земли, по мѣрѣ „возможенія“, по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ или въ какой-либо части этихъ владѣній. Что же касается до заключенныхъ на обработку земли „изъ третьей части“ *письменныхъ* договоровъ, особенно когда объектомъ сдѣлки является заключенный въ опредѣленныя границы земельный участокъ, предоставляемый арендаторамъ для всѣхъ видовъ пользованія, — то эти договоры почти всегда являются фиктивными и только прикрываютъ собой ту или другую форму денежной аренды.

Такимъ образомъ въ Кустанайскомъ уѣздѣ Положеніе 1891 года и распоряженія администраціи по вопросу объ арендованіи имѣли только то вліяніе, что частью толькнули населеніе на путь обходовъ закона, частью же поставили арендныя сдѣлки на вовсе нелегальную почву; о какомъ-либо сокращеніи арендъ, подъ вліяніемъ закона 1891 года, здѣсь какъ кажется, не можетъ быть и рѣчи. Значительно иначе отразилось положеніе 1891 г. въ Актюбинскомъ уѣздѣ: здѣсь вытекающее изъ смысла 126 статьи запрещеніе арендовать землю у отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ, по частнымъ съ ними соглашеніемъ, сразу получило совершенно реальное значеніе, которое рѣзко проявилось въ Тузтюбинской волости, служащей райономъ распашекъ переселенцевъ, проживающихъ въ гор. Илецкой-защитѣ и большею частью причислившихся въ мѣщане этого города. Многіе изъ этихъ мѣщанъ и по вступленіи въ дѣйствіе Положенія 1891 года продолжали-было арендовать землю на прежнихъ основаніяхъ: по частнымъ соглашеніямъ, частью словеснымъ, частью письменнымъ заарендовано было много земли еще подъ посѣвъ 1894 г., причемъ большинство арендаторовъ уплатило впередъ всѣ деньги или часть ихъ, многіе распашали снятую землю еще съ осени 1893 года, а нѣкоторые наняли распашивать землю киргизъ, которымъ уплатили за обработку до 10—12 рублей съ десятины. Между тѣмъ Тузтюбинскій волостной управитель, освѣдомившись объ этомъ, чрезъ полицію гор. Илецкой-защиты объявилъ арендаторамъ, что всякая аренда, заключенная съ отступленіемъ отъ правилъ закона, „будетъ считаться недѣйствительною и снятая земля

не будетъ предоставлена въ пользованіе, произведенные же посѣвы по распоряженію начальства будутъ арестованы¹⁾. Само собою разумѣется, что распоряженіе это вызвало между арендаторами величайшій переполохъ: военному губернатору былъ поданъ рядъ жалобъ²⁾, въ которыхъ просители ссылались на уплаченныя ими впередъ деньги и на затраченный на обработку земли трудъ, указывали на то, что они въ теченіе ряда лѣтъ арендовали землю по частнымъ соглашеніямъ, о чемъ было извѣстно киргизскому аульному и волостному начальству; что и на 1894 годъ они сняли землю, „не зная ничего о распоряженіи, въ силу котораго продажа земли воспрещается“, и киргизскія власти не только не мѣшали имъ арендовать землю, но аульные старшины свидѣтельствовали условія или по крайней мѣрѣ присутствовали при уплатѣ арендныхъ денегъ и при наймѣ на вспашку земли. Въ виду такихъ обстоятельствъ, областное начальство нашло невозможнымъ отнестись къ жалобщикамъ съ полною строгостью и безучастіемъ, и военный губернаторъ поручилъ уѣздному начальнику провѣрить заявленія и, буде они окажутся вѣрными, созвать волостной сѣздъ и привести его къ соглашенію съ арендаторами въ смыслѣ, указанномъ ст. 126-ю Положенія 1891 года³⁾. По произведенному помощникомъ уѣзднаго начальника дознанію оказалось, что мѣщанами и разночинцами гор. Илецкой-защиты на посѣвъ 1894 года заареновано въ Тузтюбинской волости всего до 2.271 дес., а созванный помощникомъ уѣзднаго начальника волостной сѣздъ принялъ во вниманіе, что „большинство покупателей земли оказались совершенные бѣдняки, затратившіе свое послѣднее имущество въ посѣвъ“, а потому согласился дозволить арендаторамъ воспользоваться снятою землею за плату въ пользу волостныхъ суммъ по 1 р. съ десятины, изъ которыхъ арендаторы немедленно обязывались уплатить всего по 10 к., а остальные 90 копѣекъ съ десятины отсрочивались имъ до 1 сентября⁴⁾.— Аналогичный, до извѣстной степени, случай имѣлъ мѣсто и въ Буртинской волости. Здѣсь бѣдняки-киргизы 3-го аула, въ числѣ до 50 человекъ, обязались въ 1895 году обработать и засѣять тремя Оренбургскимъ купцамъ—Щербакову, Иванову и Епанешникову—217 дес. земли, причемъ и земля, и работа должны были зачесться въ уплату долговъ, сдѣланныхъ въ

¹⁾ Объявленіе Илецкаго исполнит. чиновника отъ 24. III. 94, въ дѣлѣ Тург. обл. правл., II отд., 3 ст., № 27/1894 г.

²⁾ Жалобы эти находятся въ томъ-же дѣлѣ.

³⁾ Предложеніе военного губернатора отъ 8. IV. 94, въ томъ-же дѣлѣ.

⁴⁾ Рапортъ уѣзд. начальника 28. IV. 94, № 38, въ томъ-же дѣлѣ.

голодные годы. О сдѣлкѣ этой своевременно узналъ волостной управитель, который и воспретилъ сдатчикамъ приводить въ исполненіе заключенную сдѣлку до утвержденія послѣдней волостнымъ сѣздомъ. Сдатчики, дѣйствительно, обратились къ волостному сѣзду, причѣмъ объяснили, что „вызвало ихъ на эту сдачу неимѣніе другихъ средствъ для приобрѣтенія для себя сѣмянъ“, которые сѣмщики дали имъ взаймы и для ихъ посѣвовъ,— а „управитель волости заявилъ, что несмотря на сдѣланное имъ воспрещеніе, посѣвъ на вышеозначенной землѣ произведенъ, а сѣмщики Щ., И. и Е., заключившіе ранѣе условія со сдатчиками, изъ сожалѣнія къ послѣднимъ обязались подпиской уплатить въ общественныя суммы по 1 р. 50 к. за каждую посѣянную для нихъ десятину съ тѣмъ, чтобы имъ предоставлено было снять посѣянный хлѣбъ, а сдатчики освобождены были отъ отвѣтственности предъ обществомъ за самовольную сдачу земли“; сѣзды, со своей стороны, принялъ во вниманіе, „что самовольство сдатчиковъ было вызвано нуждой“, а потому постановилъ: „принять предложеніе сѣмщиковъ Щ., И. и Е., деньги обратить въ распоряженіе и на нужды общества № 3 аула, а сдатчиковъ отъ отвѣтственности освободить“¹⁾.

Такимъ образомъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ и уѣздное начальство, и киргизскія власти сразу отнеслись вполне серьезно къ постановленіямъ Положенія 1891 г., опредѣляющимъ порядокъ арендованія киргизскихъ земель, и попытки нарушенія закона навлекли на сѣмщиковъ довольно неприятыя послѣдствія: имъ угрожала опасность признанія сдѣлокъ не дѣйствительными и потери уплаченныхъ впередъ арендныхъ денегъ,— и только благодаря снисхожденію волостныхъ сѣздовъ имъ удалось отдѣлаться уплатой въ общественныя суммы, въ добавокъ къ ранѣе уплаченному, сравнительно небольшихъ денегъ. При такихъ обстоятельствахъ продолжать арендовать землю, въ нарушеніе закона, по частнымъ соглашеніямъ, представлялось слишкомъ рискованнымъ. „Частныя“ сдачи не прекратились, правда, окончательно, и напр. въ сѣверо-восточномъ углу уѣзда подосятинная аренда земли на одинъ посѣвъ и до сихъ поръ происходитъ по словеснымъ сдѣлкамъ съ отдѣльными кибитковладѣльцами; но случаи „частной“ аренды болѣе значительныхъ участковъ земли и на болѣе продолжительные сроки, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ волостяхъ (Актюбинской, Буртинской, Вистамакской) совершенно прекратились: съ одной стороны, на такія сдѣлки не рѣшаются уже сами арендаторы, а съ другой ихъ не допускаютъ кир

¹⁾ Пригов. Бурт. вол. сѣзда 8. V. 95, № 8, въ дѣлѣ Актюб. у. упр., 1 ст., № 13/1895 г..

гизскія власти, которыя слѣдятъ затѣмъ, чтобы сдача земли большими участками происходила не иначе, какъ въ установленномъ законѣмъ порядкѣ. Нѣкоторые маленькіе переселенческіе хутора, благодаря этому, почти прекратили свое существованіе: такъ не рѣшились на переговоры съ волостнымъ обществомъ поселенцы хут. Ащибутавскаго, а потому въ 1893 г., когда истекъ срокъ ихъ прежняго договора, почти всѣ хуторяне разбрелись въ разныя стороны; на мѣстѣ хутора осталось всего 4 семьи, которыя пока продолжаютъ пользоваться землею „частно“ и собираются переходить куда-нибудь на другое мѣсто. Подобнымъ-же образомъ разбрелись почти всѣ жители хут. Терновскаго (Кулешова), у которыхъ срокъ прежняго договора тоже окончился въ 1893 году; на хуторѣ осталось всего двѣ семьи, которымъ удалось, благодаря снисхожденію вол. управителя, заарендовать на годъ нужное имъ количество земли; „частно“ арендовать на болѣе продолжительный срокъ хуторяне боятся, главнымъ образомъ потому, что у земли „хозяевъ много: одинъ землю продастъ, а другой придетъ и скандалъ подниметь“, — да и сами киргизы не соглашаются сдавать. — Равнымъ образомъ, должны были прекратить свои запашки довольно многіе изъ тѣхъ арендаторовъ, которые снимали и пахали землю, продолжая проживать въ Актюбинскѣ или въ другихъ городахъ, лежащихъ вблизи границы уѣзда; при моихъ развѣздахъ, мнѣ пришлось видѣть въ окрестностяхъ Актюбинска довольно обширныя площади пахатныхъ земель, совершенно оставленныхъ арендаторами благодаря невозможности возобновить аренду.

Другая, довольно значительная часть арендаторовъ уже перешла къ арендованію земель на основаніяхъ, указанныхъ Положеніемъ 1891 года; большая часть сдѣлокъ, соотвѣтствующихъ требованіямъ этого закона, пока заключена, правда, отдѣльными состоятельными лицами изъ числа жителей городовъ Оренбурга и Орска; но довольно велико (особенно сравнительно съ очень небольшимъ общимъ числомъ хуторовъ) и число легальныхъ сдѣлокъ, заключенныхъ переселенцами-хуторянами. Такъ наприимѣръ, на основаніи договора, заключеннаго съ Араль-Тюбинскимъ волостнымъ обществомъ, существуетъ съ 1895 года пос. Можаровскій, который совершенно распался было въ „голодные“ годы, а затѣмъ въ 1892 и 1893 годахъ опять разросся до прежняго размѣра, — а въ 1896 году, на основаніи такихъ-же договоровъ, возникли два новыхъ хутора, по нѣскольку десятковъ дворовъ въ каждомъ, въ Актюбинской волости, на урочищахъ Таста-сай и Косъ-эстекъ.

Заключеніе cadaго изъ этихъ договоровъ было связано для арендаторовъ съ большими хлопотами, а расходы на угощенія, подарки и т. п.

составляли, по каждому отдѣльному договору, до 400—500 рублей. Независимо отъ необходимости крупныхъ угощеній и подарковъ, большія затрудненія возникали, какъ я уже упоминалъ, изъ противурѣчія между тѣми правами по сдачѣ земли въ аренду, которыя законъ предоставилъ волостному и отчасти аульному обществу, и основанными на обычаяхъ правами болѣе мелкихъ родовыхъ группъ и отдѣльныхъ кибитковладѣльцевъ: эти послѣдніе прямо отказываются сдавать землю на основаніяхъ, указанныхъ въ новомъ Положеніи, такъ какъ при такой сдачѣ арендная плата поступаетъ въ волостныя суммы, а дѣйствительные владѣльцы земли не получаютъ за отказъ отъ нея никакого вознагражденія. Въ большинствѣ случаевъ, повидимому, изъ этого противурѣчія выходили путемъ того или иного компромисса: иногда въ приговорѣ волостнаго сѣзда, а затѣмъ—и въ арендномъ договорѣ, означалась только часть дѣйствительной арендной платы, которая и поступала въ волостныя суммы, остальная же нерѣдко бѣльшая часть выплачивалась прямо, изъ рукъ въ руки, дѣйствительнымъ владѣльцамъ земли; въ видѣ примѣра можно указать на аренду по хут. Можаровскому: здѣсь договоромъ установлена такая ничтожная арендная плата (200 р. за 6 лѣтъ), что областное правленіе даже затруднилось утвердить договоръ и потребовало данныхъ по вопросу о томъ, не убыточна ли проектированная плата ¹⁾; между тѣмъ въ дѣйствительности 200 р. составляли лишь меньшую часть платежей за заарендованную землю, и крестьянамъ еще до утвержденія договора пришлось переплатить значительно бѣльшую сумму дѣйствительнымъ владѣльцамъ земли. На подобныхъ-же основаніяхъ, очевидно, заключенъ былъ первый, оставшійся впрочемъ не утвержденнымъ, договоръ по участку Косъ-эстець ²⁾: по договору этому участокъ сдавался на 6 лѣтъ за ничтожную плату въ 100 р. за все время, причеъ плата эта назначалась „въ уплату волостныхъ и частныхъ земскихъ повинностей, причитающихся... съ киргизъ № 4 аула“; въ приговорѣ волостнаго сѣзда прямо упоминалось о „согласіи“ и даже о „желаніи“ сдать землю тѣхъ пяти кибитковладѣльцевъ, которымъ земля собственно принадлежитъ и которые за свое согласіе получили, конечно, сумму во много разъ болѣе той, которая поступила на общественныя нужды. Въ другихъ случаяхъ компромиссъ достигался инымъ способомъ,—и при распредѣленіи арендныхъ денегъ въ самомъ приговорѣ волостнаго сѣзда

¹⁾ Въ отвѣтномъ донесеніи мѣстный вол. управитель объяснялъ низкій размѣръ платы худымъ качествомъ земли, «часть которой вовсе неудобная», и особенно — ея истощенностью, благодаря которой земля «удобна только для сѣва ржи». См. рапортъ отъ 29. III. 95, въ томъ-же дѣлѣ.

²⁾ Приг. Актыб. вол. сѣзда 4. III. 94, № 2, въ томъ-же дѣлѣ.

часть денегъ отдѣлялась въ платежи за тѣхъ именно лицъ, которымъ принадлежали сдаваемые угоды; такъ, Бистамавскій волостной съѣздъ, сдавая купцу Шибаету землю, принадлежавшую 13 кибитковладѣльцамъ, постановилъ арендную плату въ 200 р. „обратить въ кибиточную подать за общество № 6 аула слѣдующимъ образомъ: въ аулѣ числится по распологу 121 кибитка, проданная же земля отведена... 13 кибитковладѣльцамъ, почему изъ упомянутой суммы въ 200 р., 108 рублей обратить въ пользу 108 кибитокъ, т. е. по 1 р. на кибитку съ зачисленіемъ ихъ въ подати и повинности, остальные же 92 рубля оставляетъ въ пользу означенныхъ 13 кибитковладѣльцевъ, по равной части для каждого, съ зачисленіемъ денегъ тоже въ подати и повинности“^{1) 2)}.

Между тѣмъ уѣздная администрація, имѣя въ виду, съ одной стороны, интересы русскихъ арендаторовъ, а съ другой—стремясь къ образованію у киргизъ общественныхъ капиталовъ, изъ которыхъ могли-бы производиться расходы на различныя общественно-административныя нужды, стремилась поставить волостные съѣзды, въ дѣлѣ сдачи земель въ аренду, внѣ зависимости отъ отдѣльных кибитковладѣльцевъ и мелкихъ родовыхъ группъ, и для этой цѣли пропагандировала мысль о выдѣлѣ въ каждой волости и, по возможности, въ каждомъ административномъ аулѣ особыхъ оброчныхъ статей, которыя сдавались-бы по непосредственному усмотрѣнію волостнаго съѣзда или даже просто волостнаго начальства. Въ началѣ эта мысль высказывалась по разнымъ случайнымъ поводамъ; такъ, еще въ началѣ 1895 г. уѣздный начальникъ, по поводу ходатайства вышеназваннаго Шибаета о продленіи срока аренды въ предложеніи на имя Бистамавскаго волостнаго управителя высказалъ, „что образованіе арендныхъ участковъ въ волостяхъ желательно, почему онъ со своей стороны на арендованіе этого (ранѣе арендовавшагося Ш-вымъ) участка прещатствій не имѣетъ“; опираясь на такое предложеніе уѣзднаго начальника, и имѣя въ виду, что „земля арендуемая Ш-вымъ хотя и принадлежитъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ кибитковладѣльцамъ, но таковая съ давнихъ поръ ими сдается русскимъ въ аренду, слѣд. въ оной сдатчики нужды не имѣютъ“, съѣздъ рѣшилъ сдать участокъ Шибаету, несмотря

¹⁾ Приг. Бистамак. вол. съѣзда 12. XII. 95, № 15, въ томъ-же дѣлѣ.

²⁾ Одинъ сходный случай извѣстенъ мнѣ и по Кустанайскому уѣзду: при сдачѣ участка казаку Шарабакину въ приговорѣ волостнаго съѣзда было постановлено, что вся арендная плата уступается дѣйствительнымъ владѣльцамъ сдаваемой земли для поправки ихъ благосостоянія, подорваннаго падежомъ скота. Но областное правленіе отмѣнило этотъ приговоръ, какъ несогласный съ 126 ст. Положенія 1891 г., и тогда, по взаимному соглашенію, во вновь составленномъ приговорѣ была показана лишь небольшая часть аренд. платы (130 р. за 500 дес.), остальное же было негласно вручено арендаторамъ владѣльцамъ земли.

на отсутствіе согласія со стороны тѣхъ киргизъ, которымъ принадлежала сдаваемая земля ¹⁾). Затѣмъ, уже въ 1896 году, въ одной изъ волостей, Актюбинской, приступлено было и къ болѣе систематическимъ мѣропріятіямъ по образованію оброчныхъ статей: волостной управитель, согласно указанію, полученному отъ уѣзднаго начальника, имѣлъ въ виду образовать по одной такой статьѣ въ чертѣ каждаго административнаго аула,—и дѣйствительно, аульный сходъ 4-го аула согласился выдѣлить въ оброчную статью мѣстность на уроч. Косъ-эстекъ, гдѣ, какъ я уже упоминалъ, возникъ довольно большой переселенческій хуторъ, и предоставилъ управителю сдавать эту статью по его, управителя, усмотрѣнію, съ тѣмъ лишь условіемъ, чтобы вырученныя деньги поступали на общественныя нужды самого 4-го аула. Приговоръ этотъ переданъ былъ управителемъ на обсужденіе волостнаго сѣзда, который и сдѣлалъ постановленіе слѣдующаго содержанія: „такъ какъ означенный участокъ по объѣздѣ нашемъ дѣйствительно оказался свободнымъ, а для общества помимо этой земли достаточно для хлѣбопашества, а потому участокъ этотъ отнести въ оброчную статью, какъ свободную землю, для сдачи въ арендное содержаніе желающимъ лицамъ русскаго происхожденія; арендныя деньги должны поступать на нужды общества № 4 аула, какъ-то въ уплату земскаго сбора и прочихъ повинностей. Землю... сдавать предоставляемъ право по личному усмотрѣнію управителю нашей волости и заключать контракты съ арендаторами“ ²⁾). Въ такомъ-же порядкѣ предполагалось произвести выдѣлъ оброчныхъ статей и въ другихъ аулахъ и въ частности—имѣлось въ виду образовать такую статью при хут. Терновскомъ,—но дѣло это не получило пока дальнѣйшаго движенія, такъ какъ областное правленіе отказало въ утвержденіи приговора объ образованіи оброчной статьи въ 4-мъ аулѣ, на томъ основаніи, что по закону „сдача въ аренду земли производится приговорами волостнаго сѣзда выборныхъ, утвержденными областнымъ правленіемъ, поэтому уполномоченіе къ этому волостнаго управителя, сдѣланное въ представленныхъ приговорахъ, незаконно“ ³⁾).

¹⁾ Приг. Бистамак. вол. сѣзда 28. II. 95.

²⁾ Приг. аульн. схода 1. V. 96, № 1 и вол. сѣзда, 4. V. 96, № 4, въ томъ-же дѣлѣ.

³⁾ Предложеніе 5. VIII. 96 № 5165, въ томъ-же дѣлѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

КУСТАНАЙСКІЕ АРЕНДАТОРСКІЕ ПОСЕЛКИ.

Въ началѣ предыдущей главы я упоминалъ уже о томъ, что возникновеніе и ростъ арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда — результатъ того переполненія Кустаная поселенцами, какое обнаружилось въ срединѣ восьмидесятыхъ годовъ. Переполненіемъ этимъ вызвано было распоряженіе бывшаго военнаго губернатора, г.-м. Проценко, о прекращеніи приписки къ Кустаная; но ни это распоряженіе, ни мѣры, принятыя къ задержанію переселенческихъ партій „въ мѣстахъ ихъ группировки“ — Троицкѣ и Орскѣ, не могли остановить наплыва переселенцевъ: послѣдніе шли сотнями и тысячами, одни — направляясь специально въ Кустанай, другіе — слѣдуя чрезъ этотъ послѣдній въ Акмолинскую область, въ „прогрѣвшіе“ въ то время уѣзды — Кокчетавскій и Петропавловскій, и застрявая въ Кустанаѣ за истощеніемъ средствъ, болѣзнями и т. п. Въ Кустанаѣ, однако, водворялось лишь меньшинство этихъ вновь прибывавшихъ переселенцевъ: имъ, съ одной стороны, отказывали въ припискѣ, а съ другой — они и сами видѣли, что въ Кустанаѣ становится тѣсно, — что ближайшія къ городу земли уже захвачены и распаханы, — а потому часть переселенцевъ шла дальше, въ Акмолинскую область, часть возвращалась назадъ, въ казачьи станицы Оренбургской линіи, нѣкоторые уходили домой, „на старину,“ — но большинство останавливалось въ Кустанаѣ и затѣмъ, какъ жидкость, разливающаяся изъ переполненнаго сосуда, расплзлось во всѣ стороны; главная масса ихъ направлялась на сѣверъ и сѣверо-востокъ, гдѣ киргизы, по-видимому, охотнѣе всего соглашались допускать русскихъ на жительство и сдавать имъ землю въ арендное пользованіе. Именно этотъ процессъ и явился источникомъ возникновенія и роста арендаторскихъ поселковъ.

Если сопоставить сказанное съ напечатанными въ приложеніи данными о времени и условіяхъ возникновенія отдѣльныхъ поселковъ, то на первый взглядъ можно усмотрѣть нѣкоторое противурѣчіе: переполненіе Кустаная обнаружилось только съ 1886 г., когда и послѣдовало запрещеніе дальнѣйшей приписки; между тѣмъ возникновеніе Боровскаго поселка относится къ 1883 или даже къ 1881 году, возникновеніе Александровскаго и Жуковскаго — къ 1885 году. Но противурѣчіе это — только кажущееся: во всѣхъ трехъ указанныхъ случаяхъ на киргизской землѣ водворилось всего по нѣскольку семей, т. е. возникло нѣчто вродѣ тѣхъ хуторовъ и займокъ, которые нынѣ десятками разбросаны по территоріи уѣзда; и не будь обстоятельство, очерченныхъ мною выше, эти небольшія группы семей, проживъ на мѣстѣ по нѣскольку лѣтъ, вѣроятно перешли-бы, въ погонѣ за цѣлинами, на какія-нибудь другія мѣста, не положивъ начала никакому прочному водворенію. Только когда обнаружилась необходимость отлива переселенцевъ, переполнившихъ Кустанай, — только тогда начинается приселеніе къ указаннымъ тремъ пунктамъ десятковъ и сотенъ дворовъ ¹⁾, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ трехлѣтіе 1886—1888 г. возникаютъ вновь и быстро заселяются еще 7 другихъ поселковъ. Если обратится къ цифровымъ даннымъ ²⁾, то окажется, что къ началу 1886 года на мѣстѣ трехъ изъ нынѣшнихъ поселковъ находилась всего 21 семья, въ слѣдующіе-же пять лѣтъ число приселившихся по всѣмъ десяти поселкамъ выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ:

въ 1886 г.	160	семей
„ 1887 „	389	„
„ 1888 „	445	„
„ 1889 „	144	„
„ 1890 „	72	„

Такимъ образомъ въ теченіе трехъ лѣтъ, съ 1886 по 1888 г., въ поселкахъ водворилась почти тысяча семей или немногимъ менѣе шести

¹⁾ Вотъ какъ описываетъ возникновеніе Александр. поселка Кустанайскій уѣздн. начальникъ въ рапортѣ отъ 2 окт. 1886 г. (дѣло Кустан. у. управл., № 9, 1888 г.): объяснивъ, что на мѣстѣ нынѣшняго поселка нѣскольکو семей водворилось еще въ 1885 г., уѣздный начальникъ продолжаетъ: «затѣмъ, когда по вступленіи мною въ должность у. начальника я, руководствуясь предписаніями Вашего Пр-ства, строго наблюдалъ, чтобы въ Кустанай, а также въ пригородный и зарѣчный поселки, не принимались болѣе новые переселенцы, не имѣющіе приемныхъ и увольнительныхъ документовъ, — то таковыя постепенно начали прибывать къ вышеупомянутымъ арендаторамъ, и такимъ образомъ до іюня мѣсяца въ одной мѣстности сгруппировалось около 50 семействъ».

²⁾ Цифры эти извлечены изъ донесеній командированнаго въ 1891 г. для завѣдыванія поселками чиновника г. Мацуревича (дѣло Тург. обл. правл., Хоз. отд., 3 ст., № 80, 1891 г.).

тысячъ душъ. Затѣмъ, начиная съ 1889 года, наплывъ поселенцевъ замѣтно ослабѣваетъ, и къ веснѣ 1891 года населеніе поселковъ исчислялось слѣдующими цифрами:

	Дворовъ.	Душъ обоого пола.
Александровскій	284	1.757
Жуковскій	238	1.702
Романовскій	90	624
Борисовскій	88	674
Давыденковскій.	14	89
Боровской	245	1.441
Ивановскій	32	98
Михайловскій	103	621
Степановскій	47	271
Владимірскій	90	478
Всего по 10 поселкамъ.	1.231	7.755

Весной 1891 года, какъ сказано было въ предыдущей главѣ, приняты были нѣкоторыя мѣры, чтобы прекратить дальнѣйшій наплывъ переселенцевъ; но мѣры эти въ то время не имѣли уже практическаго значенія, потому что страшный неурожай 1890 года, повторившійся въ 1891 году, не только совершенно пріостановилъ приливъ въ поселки новыхъ поселенцевъ,—но наоборотъ, вызвалъ очень значительное выселеніе.

Въ сравнительно небольшихъ размѣрахъ выселеніе наблюдалось уже и до неурожаявъ. Такъ, изъ поселка Романовскаго, тотчасъ по его возникновеніи, ушло нѣсколько человекъ „первыхъ жителей“,—искать лучше мѣсть“; изъ пос. Давыденковскаго ушло до 14 семей, главнымъ образомъ изъ за притѣненій и эксплуатаціи, которымъ они подвергались со стороны перваго „рендателя“—Давыденкова, а въ началѣ 90-хъ годовъ ушелъ и самъ Давыденковъ и съ нимъ 4 семьи мѣщанъ, принятыхъ имъ въ арендный договоръ,—главнымъ образомъ изъ-за нежеланія жить вмѣстѣ съ крестьянами. Гораздо большихъ размѣровъ выселеніе достигло уже въ то время въ пос. Ивановскомъ и Владимірскомъ: первый поселокъ возникъ въ 1887 г. и въ томъ-же году былъ постигнутъ мѣстными неурожаемъ, а потому почти сразу совершенно опустѣлъ: поселенцы разбрелись, кто по заработкамъ, кто въ киргизскіе аулы, и только часть ихъ, одинъ за другимъ, вернулась въ поселокъ, многіе же ушли совершенно; при моемъ опросѣ крестьяне могли

вспомнить таких ушедших до 13 семей, но прибавляли, что „всѣхъ ушедшихъ не упомянь“; что касается до Владимірскаго поселка, то изъ него въ первые-же три года его существованія ушло до двухъ третей всѣхъ поселенцевъ.

Но въ особенно крупныхъ размѣрахъ началось выселеніе подѣ влияніемъ общаго неурожая 1890 и 1891 годовъ, въ высшей степени губительно отразившагося на благосостояніи большинства поселенцевъ. Къ этому времени значительная часть послѣднихъ была уже перечислена по мѣсту новаго жительства, а потому въ передвиженіяхъ своихъ не пользовалась уже тою свободой, какою располагала ранѣе; мѣстная администрація сначала, пока имѣлись средства для выдачи ссудъ, не дозволяла перечисленнымъ поселенцамъ уходить для пріисканія „повыхъ мѣстъ“, но затѣмъ, въ виду все обострявшейся нужды и отсутствія средствъ для выдачи дальнѣйшихъ продовольственныхъ ссудъ, уѣздный начальникъ нашелъ себя вынужденнымъ телеграммой донести начальнику области, что „масса переселенцевъ... заявила желаніе отправиться въ разныя стороны частью для заработковъ, частью — переселиться на новыя мѣста; точно опредѣлить мѣсто жительства не могутъ, ибо не знаютъ, гдѣ и что могутъ найти“, — и въ виду этого уѣздный начальникъ испрашивалъ разрѣшенія „дозволить свободный выѣздъ такимъ поселенцамъ изъ Николаевскаго (Кутанайскаго) уѣзда, въ виду наступающаго голода“. Разрѣшеніе со стороны Военнаго Губернатора дѣйствительно послѣдовало, о чемъ особымъ открытымъ предписаніемъ дано было знать старостамъ всѣхъ арендаторскихъ поселковъ ¹⁾; вмѣстѣ съ тѣмъ старостамъ поручено было каждыя двѣ недѣли доставлять свѣдѣнія о числѣ выселяющихся и о мѣстахъ, куда они будутъ направляться, и старосты въ промежутокъ времени съ 16 іюня по 1 октября 1891 г. донесли о слѣдующемъ числѣ выселившихся ²⁾:

по пос. Александровскому	20	семей
„ Жуковскому	19	„
„ Романовскому	12	„
„ Борисовскому	12	„
„ Боровскому	12	„
„ Степановскому	9	„
„ Михайловскому	12	„
„ Владимірскому	9	„ —

¹⁾ Телеграмма у. начальника и отвѣтъ на нее — въ дѣлѣ Куст. у. упр. № 111/1892.

²⁾ Свѣдѣнія эти — въ томъ-же дѣлѣ.

а всего о 105 семьях, изъ которыхъ направилось:

Обратно на родину	30	семей
Въ Семирѣчинскую обл.	27	„
„ Томскую губ.	19	„
„ Сырь-Дарьинскую обл.	13	„
„ Акмолинскую обл.	5	„
„ Оренбургскую губ.	5	„
На Кавказъ.	3	„
Неизвѣстно куда	3	„

Къ сожалѣнiю, свѣдѣнiя эти охватываютъ слишкомъ непродолжительный періодъ времени, между тѣмъ какъ выселеніе, подъ вліяніемъ неурожая и его послѣдствій, продолжалось до самаго послѣдняго времени. Полныхъ свѣдѣнiй о размѣрахъ выселенiя нельзя извлечь ни изъ одного оффиціального источника; въ волостныхъ правленiяхъ, Боровскомъ и Александровскомъ, хотя и есть свѣдѣнiя о выселявшихся, но эти свѣдѣнiя относятся только къ двумъ категорiямъ лицъ, отчасти покрывающимъ другъ друга: съ одной стороны — къ причисленнымъ, съ другой — къ получавшимъ ссуды въ неурожайные года. Изъ той и другой категорiи значатся выселившимися:

	изъ числа при- численныхъ.	изъ числа по- лучавшихъ ссуды.
По пос. Александровскому	86	88
„ Жуковскому	24	14
„ Романовскому	20	20
„ Борисовскому	7	5
„ Давыденковскому	3	—
„ Боровскому	14	129
„ Ивановскому	13	6
„ Степановскому	8	19
„ Михайловскому	15	35
„ Владимiрскому	5	41
Итого по Александровской вол.	140	127
„ „ Боровской „	55	230
А всего по 10 поселкамъ	195	357

Ни въ томъ, ни въ другомъ столбцѣ цифры далеко не охватываютъ всѣхъ выселившихся: въ первый попали одни только причисленные, — между тѣмъ значительное большинство выселившихся принадлежало именно къ непричисленнымъ; во второй вошли одни только получавшіе ссуды, — между тѣмъ въ числѣ выселившихся было много состоятельныхъ хозяевъ, не получавшихъ ссуды, и такихъ, которые пришли уже послѣ раздачи ссудъ или ушли, не дождавшись этой послѣдней. Чтобы составить себѣ понятіе о размѣрахъ разсматриваемаго явленія, остается, поэтому, обратиться къ свѣдѣніямъ, собраннымъ мною лично при помѣщеніи арендаторскихъ поселковъ. Изъ свѣдѣній этихъ оказывается, что по пяти поселкамъ выселеніе до сихъ поръ было не особенно значительно; именно, выселилось:

	въ «голодный годъ».	послѣ голоднаго года.
изъ пос. Жуковского	20 сем.	30 сем.
„ „ Романовскаго	17 „	3 „
„ „ Борисовскаго	15 „	2 „
„ „ Ивановскаго	5 „	—
„ „ Степановскаго	20 „	—

и такимъ образомъ число выселившихся по каждому изъ этихъ пяти поселковъ составляетъ отъ 16 до 22% проживающаго въ настоящее время въ поселкахъ числа домохозяйствъ. Значительно больше было выселеніе изъ поселка Александровскаго: отсюда въ „голодный годъ“, по однимъ только официальнымъ свѣдѣніямъ, ушло почти 90 семей, дѣйствительное же число выселившихся было едва-ли менѣе 150 семей; послѣ голоднаго года выселенія почти не было, — напротивъ, изъ числа ушедшихъ въ „голодные годы“ до десяти семей вернулось назадъ, совершенно разорившись. Но особенно значительно было выселеніе изъ трехъ поселковъ Боровской волости — Михайловскаго, Владимірскаго и въ особенности Боровскаго: изъ всѣхъ этихъ поселковъ, по словамъ крестьянъ, „больше ушло, чѣмъ осталось“, — а такъ какъ наличное число семей во всѣхъ трехъ — 524, то нивакъ не ниже этой цифры и число выселившихся; скорѣе можно думать даже, что оно значительно выше: по крайней мѣрѣ по поселку Боровскому ушло изъ числа однихъ только вносившихъ плату за пріемный приговоръ 233 семьи, — а по мнѣнію волостнаго писаря плату вносило менѣе половины всѣхъ выселившихся изъ поселка, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго пребыванія!..

Что касается до направлення выселеній, то большинство покидавших поселки направлялось, повидимому, либо въ разныя мѣстности Туркестанскаго края, — либо „на Ишимъ“ — въ Петропавловскій и особенно Кокчетавскій уѣзды Акмолинской области; многіе уходили обратно на родину, другіе шли: кто на казачьи земли Оренбургской линіи, кто въ киргизскіе аулы, кто въ Сибирь — по преимуществу въ Алтайскій горный округъ.

Параллельно съ выселеніемъ шель однако и приливъ новыхъ поселенцевъ: подходили то родственники и земляки лицъ, ранѣе водворившихся въ поселкахъ, привлекаемые извѣстіями о житьѣ-бытьѣ своихъ родныхъ и земляковъ; то лица, хозяйствовавшія на арендованныхъ башкирскихъ или казачьихъ земляхъ и привлекавшіяся слухами о непаханныхъ Кустанайскихъ цѣлинахъ; то Кустанайскіе мѣщане и вообще переселенцы, прибывшіе въ Кустанай и нашедшіе для себя болѣе удобнымъ перейти въ поселокъ; то отдѣльные переселенцы или небольшія группы переселенцевъ, имѣвшія въ виду идти кто на Алтай, кто въ Семирѣчье, кто въ Кокчетавъ, кто даже на Амуръ, и отстававшія отъ своихъ партій или отклонявшіяся отъ намѣченнаго пути по безденежью или какимъ-нибудь случайнымъ причинамъ; наконецъ, въ нѣкоторые поселки подходили и болѣе значительныя партіи переселенцевъ, посылавшія ходокъ и затѣмъ двигавшіяся по ихъ указаніямъ. И хотя популярность Кустаная среди переселяющихся со времени „голодныхъ годовъ“ значительно упала и смѣнилась даже, до нѣкоторой степени, дурною славой, — тѣмъ не менѣе число вновь приселившихся въ итогъ по всѣмъ поселкамъ оказалось не менѣе, а по большинству — даже больше числа выселившихся, — и въ настоящее время населеніе поселковъ не только не уменьшилось, но даже замѣтно возрасло въ сравненіи съ 1891 годомъ, когда производилъ свою регистрацію г. Мацуревичъ. Именно, лѣтомъ 1896 года, по весьма близкимъ къ истинѣ свѣдѣніямъ Боровскаго и Александровскаго волостныхъ правленій, было на лицо:

	семей.	душъ обо- его пола.	причислен- ныхъ семей.
въ пос. Александровскомъ	323	2.024	215
„ Жуковскомъ	284	1.834	128
„ Романовскомъ	90	707	40
„ Борисовскомъ	103	861	29
„ Давыденковскомъ	38	218	4
„ Боровскомъ	299	1.631	189

	семеѣ.	душъ обо- его пола.	причислен- ныхъ семеѣ.
въ пос. Ивановскомъ	32	171	31
„ Михайловскомъ	141	615	62
„ Степановскомъ	94	493	68
„ Владимірскомъ	131	619	62
<hr/>			
Итого по Александровск. вол. .	838	5.644	416
„ „ Боровской „ .	697	3.529	412
<hr/>			
Всего по 10 поселкамъ . . .	1.535	9.173	828

Такимъ образомъ наличное населеніе поселковъ доходитъ до полуто-
рыхъ тысячъ дворовъ и слишкомъ девяти тысячъ душъ обоого пола; но
только съ небольшимъ половина этого населенія (50⁰/₀ по Александровской
и 59,1⁰/₀ по Боровской волости) перечислена по мѣсту проживанія; всѣ
остальные продолжаютъ состоять на причисленіи по мѣсту своей родины,
или, иногда, по мѣсту, гдѣ переселенцы, оставивъ родину, проживали
раньше, чѣмъ перейти въ Кустанайскій уѣздъ. Въ большинствѣ случаевъ
обстоятельство это не зависѣло отъ воли самихъ переселенцевъ, а объясняется
различными замедленіями въ доставкѣ увольнительныхъ документовъ, кото-
рые въ 1895 г. затребованы были для всѣхъ переселенцевъ, и т. п. обсто-
ятельствами ¹⁾; но довольно значительное число переселенцевъ не перечисляется
потому, что *не желаютъ* причисляться въ Кустанайскимъ поселкамъ, — не
желаютъ же причисляться потому, что не хотятъ оставаться въ этихъ по-
селкахъ на постоянное жительство, а помышляютъ о выселеніи, по преиму-
ществу „на Ишимъ“, — въ Кокчетавскій и Петропавловскій уѣзды. Намѣ-
реніе это частью успѣло уже выразиться въ рядѣ прошеній, поданныхъ либо
военному губернатору области, либо министру внутреннихъ дѣлъ, и заклю-
чающихъ въ себѣ ходатайство о разрѣшеніи переселенія въ Акмолинскую

¹⁾ За послѣдніе 1½ года въ дѣлѣ перечисленія сдѣланы еще сравнительно очень большіе
успѣхи: къ 17 дек. 1894 г. на причисленіи состояло всего 546 семействъ, въ томъ числѣ:

по пос. Александровскому	97	по пос. Боровскому	140
» Жуковскому	93	» Ивановскому	25
» Романовскому	24	» Степановскому	43
» Борисовскому	23	» Михайловскому	42
» Давыденковскому	4	» Владимірскому	55
<hr/>		<hr/>	
Итого по Алекс. вол.	241	Итого по Боровск. вол.	305

(рапортъ н. с. Варлова отъ 17. XII. 94, въ дѣлѣ Куст. у. упр., 2 ст., № 37/1895).

область. Сколько видно изъ дѣлъ Тургайскаго областного управленія, такихъ прошеній подано было четыре:

- отъ 158 семействъ пос. Жуковского и Романовскаго,
- „ 33 семействъ пос. Степановскаго,
- „ 30 семействъ разныхъ поселковъ Боровской вол., и
- „ 41 семья пос. Владимірскаго и Жуковского ¹⁾.

Но этими 262 семьями не исчерпывается число поселенцевъ, собирающихся переселяться изъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда: въ дополненіе къ этой цифрѣ можно указать еще на то, что до 60 семей собираются уходить изъ пос. Борисовскаго, нѣсколько семей — изъ пос. Александровскаго; что число собирающихся уходить изъ пос. Степановскаго нѣсколько больше указанного выше и доходитъ всего до 42-хъ; что довольно много народу думаетъ идти „мѣста смотрѣть“ изъ пос. Ивановскаго, и т. д.. Ниже мнѣ придется нѣсколько обстоятельнѣе коснуться мотивовъ, побуждающихъ крестьянъ думать о новомъ переселеніи; здѣсь-же мнѣ достаточно будетъ сказать вкратцѣ, что главною побудительною причиною одни (пос. Жуковский, Владимірскій) признаютъ неопредѣленность своего положенія, коренящуюся въ отсутствіи земельного надѣла и въ шаткости заключаемыхъ съ киргизами арендныхъ договоровъ; другіе, и даже большинство, указываютъ на тѣ или другіе недостатки мѣстности, гдѣ возникли поселки — преимущественно на безлѣсность и на отсутствіе открытыхъ водъ, рѣже — на недостатокъ покосовъ и скорое истощеніе почвы; но и изъ числа ссылающихся на причины второй категоріи очень многіе, вѣроятно, откажутся отъ мысли о переселеніи, если получатъ опредѣленный земельный надѣлъ; — нѣкоторые, ходатайствуя или собираясь ходатайствовать о разрѣшеніи переселиться, дѣйствуютъ не столько по собственному побужденію, сколько по наущеніямъ тѣхъ или другихъ коноводовъ — профессиональныхъ ходоконъ, и едва-ли будутъ особенно настаивать на своемъ желаніи; что касается, наконецъ, до такихъ, которые проявляютъ твердую рѣшимость переселяться далѣе на востокъ, то это все — болѣе или менѣе состоятельные и даже зажиточные хозяева, побуждаемые къ выселенію не столько неудовлетворительностью условій жизни въ Кустанайскихъ поселкахъ, сколько стремленіемъ искать лучшаго, и въ частности — переходить все на новыя и новыя цѣлинныя земли.

¹⁾ Въ эти прошенія и переписка по нимъ — въ дѣлѣ Тург. обл. правл., II отд., 3 стола, № 52/1894.

„Обыкновенно партія въ 20—30 домохозяевъ высылала довѣренныхъ осмотрѣть мѣста и заключить съ киргизами условія,—послѣ чего поселенцы двигались на облюбованныя мѣста и застраивали дома на бесплатно отвѣденныхъ мѣстахъ“. Такимъ образомъ очерчиваетъ исторію возникновенія поселковъ авторъ уже неоднократно цитированной статьи „Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей“. Такая характеристика, однако, болѣе или менѣе соответствуетъ дѣйствительности только по отношенію къ меньшинству поселковъ. Такъ, поселокъ Александровскій былъ основанъ группою въ 10 семей переселенцевъ изъ Самарской губерніи, къ которымъ очень скоро подселились еще 3 группы, по преимуществу Самарцевъ-же и Тоболяковъ, численностью въ 29, 15 и 24 семьи; Жукловскій поселокъ былъ основанъ двумя небольшими артелями—4 семьями Саратовцевъ и 6 семьями Самарцевъ; Романовскій — артелью Самарцевъ-же, численностью въ 22 семьи; Степановскій поселокъ основанъ былъ группою изъ 30 семей, прибывшихъ изъ Челябинскаго уѣзда, Оренбургской губерніи. При этомъ только въ двухъ случаяхъ водвореніе поселенцевъ послѣдовало по предварительномъ соглашеніи съ киргизами; въ двухъ другихъ (пос. Александровскій и Романовскій) небольшія группы переселенцевъ, облюбовавъ мѣсто, приступали, никого не спрашивая, къ устройству землянокъ, и уже, такъ сказать, *post factum*, подарками и раболѣпнымъ поведеніемъ склоняли киргизъ разрѣшить имъ проживать и пользоваться землею на облюбованныхъ мѣстахъ ¹⁾).

Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ инициатива образованія поселковъ принадлежала отдѣльнымъ лицамъ, которыя принимали затѣмъ тѣ и другія мѣры для привлеченія другихъ поселенцевъ, извлекая себѣ изъ этого тѣ или другія, болѣе или менѣе значительныя выгоды. Не воплѣтенъ такой характеръ возникновенія только по отношенію къ пос. *Борисовскому*: основателями этого послѣдняго числятся двѣ артели Самарцевъ, — одна въ 4 семьи, другая—въ 12, первая—русскаго происхожденія, вторая—мордовскаго; но дѣйствительно — активная роль въ каждой артели принадлежала одному лицу: въ русской — Лобову, въ мордовской — Кокушкину; эти лица

¹⁾ См. книжку г. Дѣдова «Переселенцы и новыя мѣста», стр. 50. Сходный случай имѣлъ мѣсто и по пос. Борисовскому; здѣсь допустить переселенцевъ соглашалась только одна изъ партій киргизскаго схода, другая же не хотѣла этого; тѣмъ не менѣе поселенцы считали дѣло рѣшеннымъ и приступили къ проведенію межи участка; изъ этого произошелъ драка, въ которой 3 киргиза избиты были до полусмерти; на мѣсто выѣхалъ уѣздн. начальникъ, который объявлялъ крестьянамъ, что въ виду отсутствія общаго согласія киргизъ на сдачу имъ земли, водвореніе ихъ не можетъ состояться,—и тѣмъ не менѣе недѣли чрезъ три поселенцы успѣли уже даже построиться.

и до сихъ поръ остались наиболѣе вліятельными людьми въ обществѣ, и они-же въ настоящее время подбиваютъ другихъ бросить Борисовскій поселокъ и идти на „новое мѣсто“, „на Ишимъ“; впрочемъ, вкупная плата съ новыхъ пришельцевъ (см. ниже) распредѣлялась между всѣми членами той и другой артели, и всѣ они „грабили новенькихъ“ еще и другимъ способомъ—пересдавая имъ по тройной и четверной цѣнѣ землю, снятую за дешево у киргизъ. Такимъ-же образомъ дѣйствовалъ и мѣщанинъ *Давыденковъ*—основатель названнаго по его фамиліи поселка: поселившись заимкой въ 25 верстахъ отъ Кустаная, онъ принялъ къ себѣ еще пять человекъ, большею частью мѣщанъ-же, и совмѣстно съ ними заключилъ договоръ съ киргизами; новыхъ пришельцевъ они принимали безъ денежной платы, за одно „угощенье“,—но *Давыденковъ*, человекъ очень состоятельный, сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировалъ „новенькихъ“, недопуская ихъ снимать землю непосредственно отъ киргизъ и пересдавая имъ отъ себя снятыя у послѣднихъ пашни и покосы по тройной и четверной цѣнѣ; нѣсколько семей изъ за „притѣсненій“ *Давыденкова* ушло на другое мѣсто, а въ 1891 г. „бѣднота“ даже ходатайствовала объ его выдвореніи изъ поселка. Основателемъ *Владимірскаго* поселка былъ крестьянинъ *Шадринскаго* уѣзда *Юровскій* съ двумя товарищами, которые однако активной роли въ исторіи поселка не играли; облюбовавъ себѣ мѣсто и проживъ на немъ годъ, *Юровскій* подобралъ еще трехъ товарищей, и снявъ вмѣстѣ съ ними участки подъ усадьбу и пахоту, сталъ приглашать другихъ поселенцевъ, съ которыхъ бралъ, якобы на покрытие темныхъ расходовъ и въ вознагражденіе „за хлопоты“, большею частью по рублю съ души муж. пола, а „кому шибко нужно было“,—то и больше, до 5 и даже 10 р. съ души; по произведенному впослѣдствіи учету, оказалось, что *Юровскій* набралъ такимъ образомъ до 600 рублей; затѣмъ еще въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ завѣдывалъ всѣми дѣлами поселка, но впослѣдствіи, повидимому по совѣту уѣзднаго начальника, былъ совершенно устраненъ отъ участія въ этихъ дѣлахъ, благодаря чему арендный договоръ 1892 года былъ заключенъ уже безъ всякихъ „темныхъ“ расходовъ. Менѣе полныя свѣдѣнія имѣются у меня о первоначальной исторіи *Михайловскаго* поселка; извѣстно только, что основателемъ его былъ одинъ домохозяинъ—мордвинъ, родомъ изъ Самарской губ., который собралъ по окрестнымъ поселкамъ и хуторамъ нѣсколько семей мордовскаго-же происхожденія и съ ними вмѣстѣ положилъ начало поселку; немного позже явилось нѣсколько семей Самарцевъ-же, но русскихихъ, и потомъ къ мордвѣ стала приселяться мордва, къ русскимъ—рус-

скіе. Основаніе и ростъ поселка *Ивановскаго* являются всецѣло дѣломъ двухъ профессиональных ходоковъ-мѣщанъ, которые набрали до 60 семей, частью изъ лицъ, временно-проживавшихъ по казачьимъ станицамъ и поселкамъ, частью — изъ подходившихъ съ разныхъ сторонъ въ ранѣе образовавшіеся поселки, взямая съ каждой семьи „за хлопоты“ по 3 рубля. Когда затѣмъ, вслѣдствіе постигшаго поселокъ мѣстнаго неурожая, большинство поселенцевъ на другой-же годъ по его возникновеніи разбрелось, то одинъ изъ ходоковъ, нѣкто Тагильцевъ, спеціально отправился въ Камышловскій уѣздъ „набирать народъ“; сдѣлалъ онъ это по порученію киргизъ, которые въ то время очень старались привлечь какъ можно больше арендаторовъ и платили ему за каждую „записанную“ семью нѣкоторую сумму. Чтo касается наконецъ до *Боровскаго* поселка, самаго стараго изъ всѣхъ, то онъ разросся изъ заимки, еще въ 1881 году основанной нѣкимъ Игнатіемъ Семеновымъ; другіе крестьяне подселялись къ нему первые нѣсколько лѣтъ съ разрѣшенія по преимуществу киргизъ-землевлдѣльцевъ; но когда Семеновъ въ 1887 году былъ утвержденъ старостою, онъ началъ усиленно принимать и даже приглашать новыхъ поселенцевъ, не созывая даже для этого схода и взямая „могарычи“ въ свою личную пользу, большею частью по 3 рубля съ семьи.

Такимъ образомъ основателями, „первыми жителями“ поселковъ являлись иногда небольшія партіи переселенцевъ, иногда — отдѣльныя лица, причѣмъ въ рядѣ случаевъ въ роли такихъ „первыхъ жителей“ являлись сразу по два лица, дѣйствовавшихъ независимо другъ отъ друга, или по двѣ и даже по нѣскольку самостоятельныхъ партій. Такъ, Александровскій поселокъ былъ образованъ четырьмя, Жуковскій — двумя партіями; въ Борисовскомъ „первыми жителями“ являются Лобовъ и мордвинъ Кокушкинъ; въ Михайловскомъ также возникаютъ независимо другъ отъ друга „мордовская“ и „русская“ половины. Во всѣхъ этихъ случаяхъ и первоначальная аренда земли совершалась по нѣсколькимъ, именно въ Александровскомъ — по четыремъ, въ каждомъ изъ остальныхъ — по двумъ договорамъ, причѣмъ въ Борисовскомъ и Жуковскомъ поселкахъ договоры заключены были съ одними и тѣми-же, въ Михайловскомъ и частью Александровскомъ — съ различными родовыми группами киргизъ. Однако, только въ Михайловскомъ поселкѣ мордовская и русская половины до настоящаго времени остались обособленными въ земельномъ отношеніи; въ пос. Александровскомъ и Жуковскомъ землепользованіе было „сѣобчено“ тотчасъ по возникновеніи поселковъ, такъ какъ договоры отдѣльныхъ группъ заключены были на тождественныхъ условіяхъ и къ сохраненію ихъ обособности не было никакого основанія;

что касается, наконецъ, до пос. Борисовскаго, то здѣсь мордовская и русская артели первые нѣсколько лѣтъ пользовались землей отдѣльно и постоянно тягались и ссорились другъ съ другомъ, — но съ 1891 года, по настоянію завѣдывавшаго поселками г. Мацуревича, согласились о томъ, „чтобы земли были въ общемъ пользованіи и жить имъ въ мирѣ и согласіи“.

Затѣмъ я долженъ обратиться къ разсмотрѣнію содержанія тѣхъ арендныхъ договоровъ, которыми урегулированы были земельныя отношенія переселенцевъ въ первое нѣсколько лѣтъ существованія поселковъ. Изъ этихъ договоровъ, общее число которыхъ доходило до 17-ти, совершенно своеобразный характеръ имѣютъ три договора — по пос. Боровскому и Владимірскому, о которыхъ я и буду говорить впоследствии особо; остальные 14 имѣютъ между собой весьма много общаго и прежде всего — относительно самаго состава сдаваемыхъ въ аренду угодій: по всѣмъ 14 договорамъ земля сдается подъ устройство усадебъ, выпасъ скота, хлѣбопашество и сѣнокошеніе, — причеиъ однако специально-сѣнокосныхъ угодій киргизы не согласились включить ни въ одинъ изъ сдаваемыхъ участковъ, а предоставили своимъ арендаторамъ только право косить ковыли по непаханной степи и траву по кое-гдѣ вкрапленнымъ среди послѣдней низинамъ и болотамъ. По двумъ поселкамъ — Александровскому (всѣ четыре договора) и Ивановскому — объектомъ арендной сдѣлки не являются какіе-либо пространственно-ограниченные участки: крестьянамъ указывается только мѣсто для устройства усадебъ, а затѣмъ пахать и пасти скотъ, а также косить сѣно на окраинахъ пашень, имъ предоставляется по всему пространству владѣній сдатчиковъ, совмѣстно и чрезполосно съ этими послѣдними; но только въ одномъ случаѣ — именно по пос. Ивановскому, такимъ образомъ дѣйствительно сложилось землепользованіе арендаторовъ, по Александровскому же поселку, очень скоро по его возникновеніи, чрезполосное пользованіе арендаторовъ со сдатчиками-киргизами привело къ крупнымъ недоразумѣніямъ, вызвавшимъ вмѣшательство администраціи и закончившимся проведеніемъ границы, за которую киргизы обязались уже сами не переступать и не пускать другихъ арендаторовъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ договоры устанавливаютъ опредѣленныя границы, внутри которыхъ арендаторамъ предоставляется право на всѣ виды пользованія съ извѣстными ограниченіями только по отношенію къ усадьбамъ (см. ниже); иногда (пос. Степановскій, Михайловскій) арендаторамъ дозволяется пасти скотъ и внѣ этихъ границъ, по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ. Границы сдаваемыхъ участковъ во всѣхъ договорахъ описаны живыми урочищами и въ большинствѣ случаевъ были

обозначены и въ натурѣ бороздами или какими-нибудь другими знаками. Что касается до площади сдаваемыхъ участковъ, то большинство договоровъ даже не пытается опредѣлить ея. Въ договорахъ по пос. Борисовскому говорится о сдачѣ 200 (русская артель) и 100 (мордовск. арт.) десятинъ, по пос. Степановскому — 75 дес.; во всѣхъ этихъ трехъ случаяхъ, однако, дѣйствительная площадь сданныхъ участковъ въ нѣсколько разъ больше указанныхъ цифръ; для какой цѣли эти послѣднія введены въ договоры — это для меня осталось неяснымъ; съ нѣкоторою долей вѣроятности можно только предположить, что киргизы не соглашались сдавать земли болѣе указаннаго числа десятинъ, а потому крестьяне для вида соглашались ограничиться такою площадью и включить соотвѣтственныя цифры въ договоръ, а затѣмъ въ натурѣ обходили участки гораздо большаго размѣра. Что касается до платы, то эта послѣдняя по всѣмъ договорамъ устанавливалась въ опредѣленной подесятинной нормѣ; при этомъ только въ одномъ случаѣ, именно по пос. Степановскому, плата установлена была съ *каждой* десятины, или точнѣе — съ каждой изъ 75 десятинъ обозначенныхъ въ договорѣ; во всѣхъ остальныхъ 16-ти договорахъ плата устанавливалась съ десятины *дѣйствительно-распаханной* земли, причемъ иногда размѣръ подесятинной платы измѣнялся въ зависимости отъ степени свѣжести земли, въ значительномъ же большинствѣ случаевъ эта плата устанавливалась въ одномъ общемъ размѣрѣ, безъ всякихъ подраздѣленій; въ этомъ послѣднемъ случаѣ подесятинная плата въ большинствѣ договоровъ устанавливалась въ 1 р. 20 к. — 1 р. 25 к., по нѣкоторымъ же доходила до 1 р. 50 к. и даже 1 р. 60 к.; изъ тѣхъ случаевъ, когда устанавливалась классификація по степени свѣжести земли, въ двухъ (по пос. Борисовскому) подесятинная плата назначена за цѣлины — по 2 р., за обороть — по 1 р. 50 к., за болѣе старыя земли (о которыхъ впрочемъ въ договорахъ не упомянуто) — по 50 к., въ третьемъ (пос. Ивановскій) — за цѣлины по 1 р. 20 к., за обороты и третьяки — по 1 р. 50 к.. Значительное большинство договоровъ ограничивается установленіемъ такой подесятинной нормы; но договоры по пос. Романовскому и Жуковскому (одинъ) устанавливаютъ еще минимальное число десятинъ (100 и 33), за которое деньги обязательно должны быть уплачены сдатчикамъ, хотя бы въ дѣйствительности было распахано и менѣе. За то по этимъ двумъ договорамъ подесятинною платой исчерпываются всѣ платежи арендаторовъ ¹⁾, — и эти

¹⁾ Въ дѣйствительности однако въ пос. Романовскомъ за усадьбы было одновременно уплачено 70 руб.

обстоятельства очевидно находятся между собой въ тѣсной связи; связь эта ясно видна на примѣрѣ пос. Ивановскаго: здѣсь, по истеченіи трехлѣтняго срока дѣйствія перваго договора, тоже былъ установленъ минимумъ въ 50 десятинъ,—но за то были отмѣнены добавочные платежи за усадьбу и выпасъ скота. Эти добавочные платежи устанавливались первыми договорами во всѣхъ поселкахъ, кромѣ двухъ названныхъ выше: платежъ за усадьбу, въ однихъ случаяхъ, былъ установленъ единовременный, въ размѣрѣ отъ 2 до 6 р. 50 к. съ дома, въ другихъ — ежегодный, по 1 — 2 р. съ дома; въ пос. Давыденковскомъ арендаторы обязались ежегодно, въ видѣ платы за усадьбу, вспахивать киргизамъ по 2 десятины цѣлины, а въ пос. Степановскомъ они заплатили единовременно по пуду пшеничной муки, а затѣмъ платятъ ежегодно по рублю съ дома; наконецъ по Ивановскому поселку былъ установленъ еще особый платежъ за выпасъ скота—по 25 к. съ лошади, 20 к. съ рогатой и 15 к. съ овцы. Большинство договоровъ, далѣе, ограничиваетъ извѣстнымъ предѣломъ число поселенцевъ, допускаемыхъ къ водворенію на сдаваемыхъ въ аренду участкахъ, и въ то-же время содержитъ въ себѣ обязательство сдатчиковъ прекратить въ этихъ послѣднихъ всякое свое пользованіе (къ этимъ условіямъ я долженъ буду еще вернуться ниже). Что касается, наконецъ, до срока дѣйствія договоровъ, то большинство послѣднихъ заключено было на 6 лѣтъ; договоры по пос. Степановскому, Ивановскому и Романовскому—на 3 года; по пос. Александровскому одинъ договоръ былъ заключенъ на пять, остальные — на 8 лѣтъ.

Очеркъ арендныхъ отношеній самаго стараго изъ поселковъ — Боровскаго—будетъ представленъ ниже; что касается до пос. Владимірскаго, то основателями его было заключено два отдѣльныхъ 6-лѣтнихъ договора: у однихъ киргизъ снятъ былъ участокъ подъ усадьбу и выгонъ, съ правомъ пасти скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ и кромѣ того—распахать въ чертѣ участка 67 дес. оборотовъ, за годовую плату по 80 р.; у другихъ былъ снятъ за годовую плату въ 100 р. пахатный участокъ, площадь котораго въ договорѣ означена въ 50 дес., въ дѣйствительности же, по признанію самихъ крестьянъ, въ нѣсколько разъ больше.

Что касается, затѣмъ, до порядка утвержденія или засвидѣтельствованія договоровъ, то большинство послѣднихъ опиралось на приговоры соотвѣствующихъ аульныхъ сходовъ, которыми удостовѣрялась дѣйствительная принадлежность сдатчикамъ предположенныхъ къ сдачѣ участковъ, и засвидѣтельствовано было уѣзднымъ управленіемъ, съ внесеніемъ въ книги этого послѣдняго; исключеніе составляютъ только договоры по пос. Михай-

ловскому и одинъ изъ договоровъ по Александровскому: они не представлялись въ уѣздное управленіе, а были только засвидѣтельствованы соотвѣтствующими аульными старшинами и дѣйствовали, какъ „частныя“ соглашенія.

Срокъ дѣйствія первыхъ арендныхъ договоровъ оканчивался по 4 поселкамъ (Романовскому, Ивановскому, Степановскому и Владимірскому) къ 1890 или 1891 г.г., по остальнымъ пяти—къ 1893—1895 годамъ. По истеченіи этого срока арендныя отношенія поселенцевъ сложились въ чрезвычайно пеструю картину: въ сущности, только одинъ Степановскій поселокъ тотчасъ-же имѣлъ возможность формально возобновить аренду: по новому 6-лѣтнему договору, заключенному отъ имени всего общества, снятъ былъ участокъ, значительно бѣльшій по площади (въ договорѣ указана цифра 120 дес.), съ платой по 1 р. 25 к. съ десятины дѣйствительной распашки,— и договоръ этотъ тотчасъ-же былъ въ надлежащемъ порядкѣ засвидѣтельствованъ. Александровское общество еще до истеченія срока своихъ четырехъ договоровъ, въ концѣ 1892 г., снято за 115 р. въ годъ добавочный участокъ пахатной земли, и заключенный относительно этого участка договоръ тоже былъ надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованъ; затѣмъ, когда истекъ срокъ сказанныхъ четырехъ договоровъ, общество заключило одинъ общій договоръ, по которому снимало, уже на 10 лѣтъ, все то пространство, которымъ пользовалось по прежнимъ договорамъ, за годовую плату въ 350 р.; киргизы, подъ страхомъ неустойки въ 500 р., обязывались прекратить въ участкѣ всякое пользованіе и предоставляли обществу право принимать новыхъ членовъ безъ всякаго ограниченія,— по истеченіи же 10-лѣтняго срока они обязывались „ни подъ какимъ видомъ не препятствовать“ крестьянамъ возобновить договоръ; одновременно съ этимъ Александровское общество заарендовало еще небольшой участокъ, за годовую плату въ 60 р., по 10-лѣтнему договору; но оба эти договора, за вступленіемъ въ дѣйствіе Положенія 1891 года, не были утверждены уѣзднымъ управленіемъ, а были засвидѣтельствованы только аульнымъ старшиною и по настоящее время дѣйствуютъ „частно“.—Тотчасъ-же по истеченіи срока первыхъ договоровъ собиралось формально возобновить аренду и Жуковское общество,—но это ему не удалось: значительную часть состоявшей прежде въ пользованіи поселка земли перебили хуторяне-арендаторы изъ жѣщанъ, прельстившіе киргизъ, главнымъ образомъ, единовременною выплатою всѣхъ денегъ; Жуковскому обществу удалось заарендовать только сѣверную часть прежде арендовавшейся имъ земли, прилегающую къ участку, снятому Александровцами, а затѣмъ—добавить полосу, прилегающую съ юга къ „отби-

тому“ хutorьянами пространству; такимъ образомъ поселокъ пользуется въ настоящее время двумя, отдѣленными другъ отъ друга довольно широкимъ пространствомъ, полосами земли; обѣ эти полосы заарендованы по трехлѣтнимъ договорамъ, съ платой за каждую изъ нихъ по 130 р. въ годъ.—Наконецъ новый формальный договоръ удалось, тотчасъ-же по истеченіи срока перваго, заключить мордовской половинѣ Михайловскаго поселка; но такъ какъ срокъ перваго договора истекъ сейчасъ послѣ „голодныхъ годовъ“, то новый договоръ былъ заключенъ отъ имени не цѣлаго общества, а всего 23 человекъ („у кого силъ хватало“); это однако не отразилось дурно на положеніи остальныхъ, хотя многіе изъ послѣднихъ и до сихъ поръ не уплатили своей доли расходовъ по заключенію договора. Условія послѣдняго значительно измѣнены по сравненію съ первымъ договоромъ: плата за усадьбу и выгонъ отмѣнена; крестьянамъ за плату по 1 р. 20 к. съ десятины дѣйствительной распахки отведенъ совсѣмъ новый участокъ свѣжей земли, площадь котораго въ договорѣ обозначена въ 200 дес., да предоставлено право продолжать пахать ранѣе разработанную ими землю въ прежнемъ участкѣ; при этомъ по словесному соглашенію установлено, что крестьяне могутъ снимать цѣлины гдѣ и у кого имъ угодно, — киргизы-же въ установленныхъ договоромъ границахъ могутъ сдавать постороннимъ лицамъ только площади, уже паханныя и брошенныя Михайловцами.—Затѣмъ, три поселка, по разнымъ причинамъ, заключили новые арендные договоры лишь по прошествіи года или двухъ лѣтъ со времени истеченія срока первыхъ договоровъ: Ивановцы не возобновляли договора по крайней бѣдности; Владимірцы — потому, что сдатчики-киргизы не соглашались возобновить аренды и лишь по настоянію уѣзднаго начальника позволили имъ прожить „таеъ“ (съ платой за усадьбу и выгонъ, первый годъ — по 15 к., второй — по 25 к. съ головы скота) два года, по истеченіи которыхъ опять согласились заключить договоръ; Давыденковцы — изъ за распрей, происходившихъ внутри поселка между крестьянами и мѣщанами и завершившихся тѣмъ, что договоръ въ концѣ концовъ заключенъ былъ одними мѣщанами, которые и до сихъ поръ не допускаютъ крестьянъ къ пользованію заарендованнымъ участкомъ. Въ концѣ концовъ, новые договоры заключены были по всѣмъ тремъ поселкамъ, — но только по пос. Давыденковскому договоръ былъ засвидѣтельствованъ уѣзднымъ управленіемъ; по пос. Ивановскому киргизы не пожелали представить договора къ засвидѣтельствованію, по Владимірскому же договоръ оказался заключеннымъ уже по вступленіи въ дѣйствіе закона 1891 г., и потому уѣздное управленіе отказалось его засвидѣтельствовать; по обомъ

этимъ поселкамъ договоры дѣйствуютъ „частно“, причемъ однако Ивановцы, по поводу одного спора, представили свой договоръ въ видѣ доказательства, и онъ былъ принятъ уѣзднымъ управленіемъ во вниманіе. Что касается до содержанія договоровъ, то Давыденковцы снимали на 3 года свой прежній участокъ съ платой по 2 р. за усадьбу и по 1 р. 35 к. съ десятины запашки, и съ обязательствомъ платить не менѣе какъ за 50 дес.; такой-же минимумъ установленъ былъ въ договорѣ Ивановцевъ, вмѣстѣ съ обязательствомъ не снимать цѣлинъ ни у кого, кромѣ своихъ контрагентовъ, взаменъ чего имъ предоставлено было бесплатно пользоваться усадьбами и выпасомъ скота, и киргизы обязались не допускать по близости поселка постороннихъ арендаторовъ; что касается до Владимірскаго поселка, то по новому 6-лѣтнему договору онъ снялъ участокъ только подъ усадьбу и выгонъ, съ платой по 2 р. съ дома; пахатной земли крестьяне по этому договору не сняли, а должны были арендовать „частно“, причемъ однако сдатчики обязались не подпускать постороннихъ арендаторовъ къ поселку ближе, чѣмъ на $2\frac{1}{2}$ версты.

Наконецъ, поселки Романовскій и Борисовскій, а также русская половина Михайловскаго, вовсе не возобновили аренднаго договора: Романовцы собирались-было продолжить дѣйствіе своего договора и уже вступили въ соглашеніе съ тѣми киргизами, которымъ собственно принадлежала земля; но уѣздный начальникъ разъяснилъ, что для возобновленія аренды необходимо вновь созвать аульный сходъ; между тѣмъ годъ былъ голодный, созывать сходъ, въ виду „темныхъ“ расходовъ было не подъ силу, а потому Романовцы предпочли не возобновлять договора въ письменной формѣ и продолжаютъ пользоваться землею по словесному уговору, на прежнихъ основаніяхъ. Впрочемъ въ 1893 г., по 5-лѣтнему договору, снятъ былъ второй, добавочный участокъ; договоръ заключенъ былъ на имя десяти домохозяевъ, которые однако допустили къ пользованію участкомъ и всѣхъ своихъ односельчанъ; въ договорѣ плата назначена въ 55 р. за все время и за всѣ виды пользованія; въ дѣйствительности же платятъ по 1 р. 50 к. съ распаханной десятины, да кромѣ того за перенесенныя на участокъ усадьбы было заплачено киргизамъ отъ 5 до 10 р. за каждую. — Сходными обстоятельствами вызвано было невозобновленіе договора по русской половинѣ Михайловскаго поселка, которая тоже продолжаетъ пользоваться землей на прежнихъ основаніяхъ. Что касается до пос. Борисовскаго, то здѣсь срокъ дѣйствія перваго договора истекъ 1 янв. 1895 г., т. е. уже при дѣйствіи Положенія 1891 года, а потому крестьяне, боясь связанныхъ съ заключе-

ніемъ договора, по правиламъ этого закона, хлопотъ и расходовъ, тоже предпочли ограничиться словеснымъ соглашеніемъ.

Чтобы покончить съ обзоромъ арендныхъ договоровъ, надлежитъ еще остановиться на пос. Боровскомъ, который имѣетъ въ этомъ отношеніи совершенно своеобразную исторію. Первый 6-лѣтній договоръ заключенъ былъ основателемъ поселка, И. Семеновымъ, еще въ 1883 г., на право „проживанія и занятія сельскимъ хозяйствомъ“: Семенову предоставлялось допустить къ себѣ еще не свыше десяти семей, съ платой въ пользу киргизъ за усадьбу по 2 р. съ двора, и за выгонъ — по 15 к. съ лошади, 10 к. съ рогатой и 5 к. съ овцы; о пашнѣ и покосѣ въ договорѣ не упоминалось, такъ что эти угодья арендовались исключительно по „частнымъ“ соглашеніямъ. Неудобства такого порядка стали сказываться съ первыхъ-же лѣтъ, и потому уѣздный начальникъ, г. Карауловъ, настойчиво убѣждалъ крестьянъ снять такой участокъ, въ который входили-бы всѣ полевныя угодья, а въ особенности — озера, среди которыхъ стоитъ поселокъ. Но крестьяне, увѣренные въ томъ, что земля вмѣстѣ съ озерами не сегодня — завтра отойдетъ имъ въ надѣль, не пожелали заключить такой аренды, и продолжали жить на прежнихъ условіяхъ. Пока продолжалось дѣйствіе заключеннаго Семеновымъ договора и всѣ платежи производились чрезъ Семенова, особенно серьезныхъ неудобствъ изъ этого не возникало; но когда срокъ договора истекъ и каждый поселенецъ сталъ непосредственно отдавать деньги киргизамъ, возникла масса распрей и недоразумѣній; наскучивъ ими, киргизы начали отказываться возобновить сдачу мѣста подъ усадьбу и выгонъ; чтобы предупредить окончательное распаденіе поселка, пришлось вмѣшаться уѣздной администраціи, которая и принудила обѣ стороны заключить новый договоръ, который дѣйствительно заключенъ былъ при участіи аульнаго схода и засвидѣтельствованъ уѣзднымъ управленіемъ. Но и по этому договору Боровское общество снимало, за годовую плату въ 380 р., только мѣстность подъ усадьбы и выгонъ (съ правомъ ловли рыбы въ озерахъ), такъ что пахатными землями и покосомъ крестьяне и до сихъ поръ пользуются исключительно по „частнымъ“ аренднымъ сдѣлкамъ.

Такимъ образомъ, до настоящаго времени ни одинъ изъ арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда не заарендовалъ еще земли на основаніяхъ и въ порядкѣ, установленныхъ Положеніемъ 25 марта 1891 года; но въ положеніи семи поселковъ, подъ влияніемъ этого закона, не послѣдовало до настоящаго времени никакихъ измѣненій: они либо продолжаютъ пользоваться землею на основаніи договоровъ, заключенныхъ еще при дѣй-

ствіи Временнаго положенія 1868 года, либо, не возобновивъ договора съ киргизами въ 1890 и 1891 г.г., подъ вліяніемъ причинъ, съ разсмотрѣваемой точки зрѣнія постороннихъ, продолжаютъ жить и пользоваться землею „частно“, какъ жили и пользовались до вступленія въ дѣйствіе нынѣ дѣйствующаго закона. Напротивъ, въ юридическомъ положеніи остальныхъ трехъ поселковъ—Борисовскаго, Александровскаго и Владимірскаго,—уже наступила существенная перемена къ худшему: всѣ три поселка перешли съ формальной аренды на аренду „частную“, нелегальную, такъ какъ въ первомъ изъ нихъ крестьяне, узнавъ о законѣ 1891 года, даже не дѣлали попытки заключить письменнаго договора, по остальнымъ же двумъ договорамъ хотя и были заключены, но остались безъ утверженія и потому не имѣютъ никакой юридической силы.

Выше я упоминалъ уже, что большинство первоначальныхъ договоровъ такъ или иначе ограничиваетъ права арендаторовъ относительно допуска къ водворенію новыхъ членовъ: вовсе не было такого ограниченія, какъ кажется, только въ договорахъ¹⁾ по пос. Жуковскому, Ивановскому и Владимірскому; по ряду договоровъ — именно по пос. Александровскому, Романовскому, Давыденковскому и по мордовской половинѣ Борисовскаго, на сданныхъ въ аренду участкахъ разрѣшалось возводить жилия постройки лишь въ числѣ, соответствующемъ числу домохозяйствъ, участвовавшихъ въ заарендованіи земли, — т. е. другими словами допринятіе новыхъ членовъ не допускалось вовсе; наконецъ, по остальнымъ договорамъ арендаторы пріобрѣтали право допринять нѣкоторое число новыхъ товарищей, съ такимъ однако расчетомъ, чтобы общее число дворовъ не превысило указанной въ договорахъ цифры: по пос. Боровскому, Степановскому¹⁾ и по каждой половинѣ Михайловскаго — десяти, по русской половинѣ Борисовскаго — двадцати домохозяйствъ. Ограниченія эти однако не имѣли никакого практическаго значенія: приливъ новыхъ поселенцевъ происходилъ быстро или медленно, въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ условій и въ частности — отъ болѣе или менѣе удобнаго мѣстоположенія каждаго поселка,—но безъ всякаго отношенія къ тому, были-ли въ договорахъ какія-либо ограниченія по этому вопросу, или нѣтъ: населеніе чрезвычайно быстро возрастало, напр., въ пос. Александровскомъ, гдѣ первоначальные договоры

¹⁾ Любопытно при этомъ, что самый договоръ по пос. Степановскому былъ заключенъ доврѣнными отъ *тридцати* домохозяйствъ, которые, принимая на себя обязательство допустить къ водворенію не болѣе *десяти* домохозяйствъ, очевидно, уже имѣли въ виду неизбежное нарушеніе этого обязательства.

вовсе не допускали приселенія, и почти не росло въ пос. Ивановскомъ, хотя здѣсь въ договорѣ не было никакихъ ограниченій. Вопросъ о правѣ поселенцевъ допускать въ среду обществъ новыхъ членовъ неоднократно восходилъ, въ началѣ существованія поселковъ, на разсмотрѣніе уѣздной и областной администраціи, которая однако въ то время не обнаружила по этому вопросу полнаго единства взгляда: такъ, въ апрѣлѣ 1887 года¹⁾ уѣздный начальникъ, по поводу ходатайства двухъ небольшихъ переселенческихъ партій о приселеніи къ пос. Александровскому, высказался въ томъ смыслѣ, что въ поселокъ, какъ образованный на арендованной землѣ, приема новыхъ членовъ быть не можетъ; напротивъ, въ іюнѣ того-же года, по поводу жалобы киргизъ на массовыя приселенія, безъ ихъ согласія, къ пос. Боровскому, военный губернаторъ приказалъ объявить просителямъ, что „порядокъ основанія самаго поселенія и числа поселенцевъ не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію киргизовъ; они имѣютъ лишь только право отказываться отъ пользованія предоставленною имъ землею и за это получать извѣстное вознагражденіе, но входить въ дальнѣйшіе порядки переселенцевъ не могутъ“.

Самыя условія приема въ поселки новыхъ поселенцевъ и въ частности — участіе въ этомъ дѣлѣ поселковыхъ обществъ и киргизъ-землевладѣльцевъ представляются весьма разнообразными, и опять-таки — безъ всякаго отношенія къ постановленіямъ арендныхъ договоровъ. Такъ, въ Ивановскомъ поселкѣ приселеніе совершается, повидимому, безъ всякаго спроса киргизъ, и всякій приселяющійся сразу становится въ тѣ-же отношенія къ киргизамъ, какъ и прежніе водворенцы. Въ поселкахъ Александровскомъ, Жуковскомъ, Владимірскомъ и въ русскихъ половинахъ Борисовскаго и Михайловскаго приемъ новыхъ членовъ опредѣлялся исключительно усмотрѣніемъ поселковаго общества, въ пользу котораго шла и вся вкупная плата; что касается до размѣровъ послѣдней, то въ пос. Владимірскомъ и Михайловскомъ она не превышала 3—5 р., въ Жуковскомъ и Михайловскомъ колебалась отъ 5 и даже 3-хъ до 10 р.; въ Александровскомъ плата колебалась первые годы отъ 5—7 до 10 и даже 15 р., теперь-же наплывъ поселенцевъ уменьшился, общество стало принимать ихъ гораздо охотнѣе, и потому плата не поднимается выше 7—8 рублей. Тотъ-же порядокъ приема новыхъ членовъ установился въ послѣдніе годы въ пос. Степановскомъ и въ слившемся въ одно общество Борисовскомъ, — въ 1896 г. въ томъ и

¹⁾ Рапорты 2. IV. 87. №№ 2888 и 2905.

другомъ за пріемъ вѣзали по 5 р. съ семьи, причеиъ въ Степановкѣ вновь принятые получали право только на усадьбу и выгонъ, и давали обязательство не пользоваться пашней въ „рендвомъ“ участке. — Совсѣиъ иначе было поставлено допринятіе новыхъ членовъ въ пос. Давыденковскомъ, а также, при дѣйствиі первоначальныхъ договоровъ, въ Степановскомъ и на мордовской половинѣ Михайловскаго: во всѣхъ трехъ поселкахъ „общество“ получало за пріемъ только „угощеніе“, въ видѣ четверти или полуведра вина, киргизы же брали деньги „за усадьбу“, въ размѣрѣ: въ Михайловскомъ пос. по 3 р., въ Степановскомъ — по 6 р., въ Давыденковскомъ — отъ 5 до 10 рублей съ семьи. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ, далѣе, отмѣченъ смѣшанный порядокъ: именно, въ мордовской половинѣ Михайловскаго поселка вновь приселяющіеся со времени заключенія втораго договора платятъ обществу по 3 р. за пріемъ, а отъ 1 до 3 р. — киргизамъ за усадьбу; тотъ-же порядокъ до 1891 г. существовалъ въ мордовской-же половинѣ Борисовскаго поселка, гдѣ общество брало по 3—4 р., а киргизы — по 6 р. 50 к., и къ сходному порядку со времени истеченія срока первоначальнаго договора перешло и Романовское общество: вначалѣ пріемъ зависѣлъ здѣсь только отъ общества, которое брало по 8 р. съ семьи, но за то отводило и усадьбы; послѣдніе годы общество беретъ всего отъ 1 р. до 4 р. 50 к., но усадебъ не отводитъ; послѣдніа приходится покупать либо у болѣе раннихъ водворенцевъ, либо у киргизъ, которымъ въ такомъ случаѣ платятъ отъ 3 до 5 рублей съ усадьбы. Чтѣ касается, наконецъ, до пос. Боровскаго, то здѣсь, вначалѣ, пріемъ зависѣлъ главнымъ образомъ отъ киргизъ-землевладѣльцевъ, которые брали въ свою пользу до 5 р. съ усадьбы, — а кромѣ того приходилось платить и „рендателю“ Семенову; когда послѣдній былъ назначенъ старостой, онъ началъ принимать новыхъ членовъ по своему усмотрѣнію, причеиъ бралъ въ свою пользу по 3 р., въ пользу киргизъ за усадьбу — по 2 р., и въ пользу общества — отъ 1 р. 30 к. до 3 р.; со времени заключенія аренднаго договора отъ имени общества, всѣ крупныа деньги, въ размѣрѣ до 10 р. съ семьи, идутъ уже въ общественную кассу.

Надо однако замѣтить, что крупныа деньги выплачивались далеко не всѣми поселенцами, прибывавшими послѣ образованія поселковъ и заключенія первоначальныхъ арендныхъ договоровъ: многимъ изъ такихъ поселенцевъ общества „прощали“ крупную плату по бѣдности; особенно велико было число бесплатно-принятыхъ въ пос. Жуковскомъ, гдѣ крупныа деньги не были взысканы съ двухъ крупныхъ партій, направленныхъ въ поселокъ

мѣстной администраціей. Съ другой стороны, многіе изъ тѣхъ, съ кого общества требовали вкупной платы, не отдавали денегъ сразу, а обязывались подписками отдать ихъ впослѣдствіи,—и по многимъ изъ такихъ подписокъ деньги такъ и остались не внесенными. Наконецъ не мало поселенцевъ, главнымъ образомъ въ болѣе значительныхъ поселкахъ и въ тѣхъ, гдѣ составъ населенія былъ особенно измѣнчивъ, вовсе и не хлопотали о приѣмѣ: они просто покупали усадебныя мѣста, чаще всего съ постройками, у кого-либо изъ выселяющихся и селились, не уплачивая обществу ничего и не спрашивая у него разрѣшенія, — а „обществу съ ними не пособиться“: арендуя угоды непосредственно отъ киргизъ и владѣя усадьбой по частной сдѣлкѣ, такія лица „не нуждаются въ обществѣ“ и не находятъ нужнымъ исполнять его требованій („кабы надѣлъ былъ, говорятъ крестьяне, другое-бы было дѣло“).

Намъ предстоитъ, далѣе, остановиться на вопросѣ о томъ, какимъ образомъ заключались договоры и какъ они исполнялись договаривающимися сторонами. Заключеніе договоровъ, хотя и поставленное Временнымъ положеніемъ 1868 г. въ сравнительно легкія условія, тѣмъ не менѣе представляло собой дѣло далеко не простое. Правда, сдача зависѣла, въ сущности, исключительно отъ усмотрѣнія тѣхъ родовыхъ группъ, которыя являлись владѣльцами сдаваемыхъ участковъ, или точнѣе — отъ усмотрѣнія аксакаловъ, старѣйшинъ этихъ группъ, которые рѣшали дѣло и за себя, и за своихъ одноаульцевъ. Но для того, чтобы сдѣлка могла оформиться и получить юридическую силу, необходимо было, какъ указано въ предыдущей главѣ, удостовѣреніе аульнаго схода, а затѣмъ — дѣло должно было пройти чрезъ руки аульнаго старшины и волостнаго управителя. Между тѣмъ, при прочно укоренившейся среди киргизскихъ властей привычкѣ къ незаконнымъ поборамъ, и аульному старшинѣ, и волостному управителю приходилось платить за приложеніе ихъ печатей, и размѣръ платы, въ значительной мѣрѣ, зависѣлъ отъ скромности или притязательности того или другого управителя или старшины; далѣе, для того, чтобы получить отъ аульнаго схода удостовѣреніе въ дѣйствительной принадлежности земли заключившимъ арендную сдѣлку родовымъ группамъ, необходимо было „угощать“ сходъ — т. е. поить и кормить выборныхъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, дѣлать имъ подарки и т. п.. Но особенно затруднялось дѣло, когда предположенная къ сдачѣ земля оказывалась спорною или когда аульный сходъ принципиально высказывался противъ сдачи земли въ аренду; тогда крестьянамъ приходилось либо обращаться къ содѣйствию администраціи,

благодаря вѣшателству которой, какъ я уже упоминалъ, только и удалось добиться заключенія договоровъ, напр., по пос. Жуковскому и Боровскому, либо прибѣгать къ подкупу аульныхъ выборныхъ: „подарки“ въ видѣ барановъ и т. п., повидимому, играли въ такихъ случаяхъ рѣшающую роль, причѣмъ такими подарками не брезговали и богатые киргизы, соблазняемые не столько матеріальнымъ интересомъ, сколько тѣмъ почетомъ, который, по киргизскимъ понятіямъ, выражается въ подобномъ подаркѣ; характерный случай отмѣченъ мною по пос. Романовскому: здѣсь земля, на которой хотѣли водвориться русскіе поселенцы, оказалась спорною; на аульномъ сходѣ въ пользу тѣхъ киргизъ, которые соглашались сдать крестьянамъ землю, высказалось сначала только 14 изъ 30 голосовъ; но затѣмъ крестьяне склонили на ту-же сторону еще двухъ выборныхъ, подаривъ имъ по барану, и такимъ образомъ получилось благоприятное для нихъ большинство въ 16 голосовъ противъ 14-ти.

Результатомъ изложенныхъ обстоятельствъ являются такъ называемые „темные“ расходы, которые крестьянамъ приходилось нести при заключеніи договоровъ; въ рѣдкихъ случаяхъ дѣло обходилось совсѣмъ безъ такихъ расходовъ, — именно, повидимому, тогда, когда договоры заключались при сильномъ давленіи со стороны администраціи, — самые же размѣры ихъ, по записаннымъ показаніямъ, колебались отъ нѣсколькихъ десятковъ до нѣсколькихъ сотенъ рублей. При этомъ однако необходимо отмѣтить, что суммы, выплачивавшіяся крестьянами на покрытіе „темныхъ“ расходовъ, — нерѣдко далеко превышали дѣйствительный размѣръ этихъ послѣднихъ, и въ болѣе или менѣе значительной части поступали въ карманы Семеновыхъ, Юровскихъ и другихъ „ходателей“, которые непрерывно требовали съ общственникововъ, „то по полтинѣ, то по рублю, то на одно, то на другое“, и создавали для себя изъ этихъ якобы „темныхъ“ расходовъ источникъ постоянного дохода.

Переходя теперь къ вопросу о томъ, какъ исполняются, съ той и другой стороны, арендные договоры, нельзя не отмѣтить, прежде всего, что данныя, собранныя мною по этому вопросу, по необходимости неполны и односторонни: свѣдѣнія о положеніи арендаторскихъ поселковъ собирались мною, главнымъ образомъ, путемъ посѣщенія поселковъ и опроса поселенцевъ; а эти послѣдніе, очень охотно рассказывая о всякихъ „обидахъ“, испытываемыхъ ими со стороны киргизъ, конечно ничего не рассказывали объ обидахъ, чинимыхъ ими самими киргизамъ; хотя при опросахъ нерѣдко присутствовали и сами киргизы, но не зная или плохо зная русскій языкъ,

они либо вовсе не могли принять участія въ бесѣдѣ и вносить къ показаніямъ крестьянъ надлежащія поправки,—либо дѣлали это слишкомъ неясно и сбивчиво. Мои записи, поэтому, полны отиѣтками о нарушеніяхъ договоровъ, совершавшихся киргизами сдатчиками, и заключаютъ лишь очень мало отиѣтокъ о нарушеніяхъ, виновниками которыхъ являлись-бы сами поселенцы. Но едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, что нарушенія этого послѣдняго характера составляли скорѣе общее правило, нежели исключеніе. Въ замѣчаніяхъ на проектъ новаго Степнаго положенія военный губернаторъ области удостовѣрялъ, что „арендаторы очень тяготятся своими арендными договорами съ киргизами, думаютъ, что они вызваны несправедливостью и недоброжелательствомъ по отношенію къ нимъ мѣстной администраціи и что занятая имъ земля вскорѣ будетъ отдана имъ въ безвозмездное пользованіе“. Еще болѣе опредѣленно то же обстоятельство констатируется въ неоднократно уже приводившейся статьѣ „Кустанай и арендаторскіе поселки“: „въ убѣжденіи переселенцевъ арендаторовъ, читаемъ мы здѣсь, укореняется мысль, что арендуемая земля отведется имъ во владѣніе“,—а „вслѣдствіе убѣжденія переселенцевъ, что земли имъ передадутся правительствомъ, они *всемирно уклоняются отъ исполненія-арендныхъ условій*, киргизамъ приходится ихъ тянуть къ суду, что конечно влечетъ только къ обостренію взаимныхъ отношеній“¹⁾). Примѣръ особенно систематическаго нарушенія если не буквы, то смысла договора представляетъ собой пос. Борисовскій: платить киргизамъ Борисовцы обязаны только съ десятины дѣйствительной распашки, усадебною же землею, выпасомъ скота и покосами на степи они могутъ пользоваться бесплатно; при заключеніи подобнаго условія очевидно имѣлось въ виду, что плата за распашку будетъ вознаграждать киргизъ и за уступку прочихъ угодій. Между тѣмъ Борисовцы, пораспахавъ въ заарендованномъ по договору участкѣ всѣ цѣлины, нынѣ перенесли всѣ свои запашки на земли, снятыя по „частной“ арендѣ; въ „рендвомъ“ участкѣ они почти вовсе не пашутъ, слѣд. ничего за него не платятъ, и такимъ образомъ почти бесплатно пользуются усадьбой, выгономъ и покосомъ; это не помѣшало имъ еще въ 1896 году принять довольно большое число новыхъ поселенцевъ и взять съ нихъ въ свою пользу вкупную плату. Почти ничего не платятъ владѣльцамъ своего „рендвога“ участка и Ивановцы, потому что громадное большинство ихъ не ведетъ самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства, а работаетъ, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, „съ киргизами“, изъ части

¹⁾ Тург. обл. вѣд. 1892, № 18.

обработанной земли; на деньги снимают землю каких-нибудь 3—4 хозяина,—и следовательно киргизы и здѣсь, допустивъ поселокъ на свою землю, почти ничего за это не получаютъ.—Въ другихъ поселкахъ, видимо, сходныхъ явленій не наблюдается; по крайней мѣрѣ сами поселенцы увѣряли меня, что они аккуратно платятъ киргизамъ все, что имъ слѣдуетъ по договору,—и что, мало того, большую часть арендныхъ денегъ имъ приходится уплачивать киргизамъ задолго до наступленія условленныхъ сроковъ. Это послѣднее обстоятельство тѣсно связано съ другимъ явленіемъ, весьма вредно отражающимся на интересахъ киргизъ-сдатчиковъ: дѣло въ томъ, что послѣдніе, дѣйствительно, постоянно забираютъ арендную плату впередъ, и притомъ не столько деньгами, сколько натурой—хлѣбомъ, чаемъ, разными лакомствами, предметами домашняго обихода и т. п.; но подобнаго рода случаи крайне выгодны для поселенцевъ: если киргизъ приходитъ къ крестьянину до срока и просить хлѣба, то арендаторъ охотно даетъ ему хлѣбъ, но „дать пудъ,—а беретъ росписку, что получилъ за десятину“,—т. е. другими словами платитъ за землю вчетверо и впятеро дешевле договорной цѣны. Наконецъ при расчетѣ съ распаханной десятины въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практикуются обмѣры, да и при сдачѣ участками киргизы вводятся въ заблужденіе насчетъ размѣра этихъ послѣднихъ, такъ что фактически крестьяне платятъ за землю значительно дешевле указанныхъ въ договорахъ подесятинныхъ цѣнъ.

Что касается до киргизъ, то съ ихъ стороны нарушенія договоровъ выражаются главнымъ образомъ въ двойныхъ сдачахъ или въ допускѣ постороннихъ лицъ пахать или иначе пользоваться землею внутри районовъ, отведенныхъ для пользованія поселковъ. Такъ, при сдачѣ земли первымъ водворенцамъ пос. Борисовскаго, Лобову съ товарищами, киргизы обѣщались не допускать другихъ арендаторовъ,—но тотчасъ-же вслѣдъ затѣмъ сдали другой участокъ подъ мордовскую половину участка; общество Александровскаго поселка сняло въ 1893 году добавочный участокъ, который однако оказался уже сданнымъ другими киргизами Жуковскому обществу,—и послѣ многихъ перипетій участокъ, въ концѣ концовъ, присужденъ былъ этому послѣднему. Какъ три только-что названныхъ общества, такъ и Романовское, по договорамъ или по послѣдовавшимъ за заключеніемъ договоровъ особымъ соглашеніямъ, обезпечили за собой исключительное пользованіе полосами земли, протянувшимися на 15 и болѣе верстъ на западъ отъ р. Тобола, и составляющими въ совокупности одну сплошную, широкую полосу, протянувшуюся вдоль лѣваго берега этой рѣки,—но очень скоро по западной части этой по-

лосы стали возникать займки арендаторовъ-Кустанайцевъ, и въ настоящее время здѣсь расположена непрерывная цѣпь займокъ и хуторовъ, которыми киргизы предоставили въ пользованіе всѣ западные концы тѣхъ полосъ, которыя ими предоставлены были прежде для распашекъ жителей поселковъ, а въ распоряженіи послѣднихъ осталось пространство не далѣе 10—12 верстъ отъ Тобола; въ особенно затруднительное положеніе попалъ Жуковскій поселокъ, которому по истеченіи срока первыхъ договоровъ удалось, какъ уже упоминалось, заарендовать приблизительно только половину прежде состоявшей въ его пользованіи площади, — остальная-же половина была сдана киргизами подъ займки Кустанайцевъ, нѣкоторыя изъ которыхъ отстоятъ отъ поселка не далѣе 3—4 верстъ. Далѣе: крестьяне Ивановскаго поселка, хотя и не сняли особаго участка, но выговорили себѣ отъ киргизъ, „чтобы вблизи нихъ не было другихъ арендаторовъ“; между тѣмъ купцу Архипову сдать въ аренду участки, ближайшій край котораго подходит почти къ самымъ усадьбамъ поселенцевъ. Киргизы, сдавшіе участки подъ усадьбы и выгонъ пос. Владимірскаго, по первому договору отказались отъ права пахать въ предѣлахъ этого участка, — что имъ не помѣшало сдать въ этомъ участкѣ много земли (въ томъ числѣ и тѣ 67 дес. оборотовъ, которыя по договору надлежало засѣять Владимірцамъ) постороннимъ арендаторамъ; по второму договору они обязались не допускать постороннихъ лицъ ближе чѣмъ на $2\frac{1}{2}$ версты къ поселку, — между тѣмъ пашни Кустанайцевъ опять подошли къ поселку ближе чѣмъ на 400 саж., а мельницы арендаторовъ появились даже у самой околицы поселка.

Ниже мнѣ придется еще остановиться на вопросѣ о причинахъ указаннаго явленія; здѣсь мнѣ достаточно будетъ указать, какъ на такія причины, съ одной стороны, на неупорядоченность землевладѣнія самихъ киргизъ, дающую однимъ изъ нихъ возможность нарушать обязательства, заключенныя другими, а также на недостаточно серьезное отношеніе киргизъ вообще къ принимаемымъ на себя обязательствамъ; съ другой стороны — на то обстоятельство, что хуторяне представляются киргизамъ гораздо болѣе выгодными и главное — спокойными арендаторами, нежели обитатели поселковъ: они аккуратно платятъ деньги, нерѣдко прельщаютъ киргизъ выплатой впередъ всей договорной суммы, и притомъ не заявляютъ тѣхъ претензій на отводъ имъ въ надѣлъ киргизскихъ земель, какія предъявляютъ жители арендаторскихъ поселковъ.

Между тѣмъ рассматриваемое явленіе имѣетъ чрезвычайно вредное вліяніе на общій складъ хозяйства жителей арендаторскихъ поселковъ; значеніе

его станетъ особенно понятно, если вспомнить, какой характеръ имѣетъ хозяйство поселенцевъ, и особенно—того наиболѣе зажиточнаго элемента, которому принадлежитъ наибольшая часть запашекъ: хозяйство это сводится къ эксплуатаціи, съ возможно меньшею затратою труда, естественной производительности пашень; эти послѣднія засѣваются до тѣхъ поръ, пока онѣ способны давать хорошіе урожаи безъ уваживанія и безъ пара, а затѣмъ забрасываются, и посѣвъ переносится на новую цѣлину. Понятно, при такихъ условіяхъ, что хозяйство какъ отдѣльнаго лица, такъ и тѣмъ болѣе—цѣлаго селенія, нуждается въ огромномъ просторѣ; если оно не находитъ этого простора вблизи себя, оно въ поискахъ за цѣлинами перебрасывается куда-нибудь дальше, и только исчерпавъ всѣ возможные способы обезпечить себя цѣлинами, начинаетъ переходить къ болѣе интенсивной механической обработкѣ и иными способами повышенія производительности уже распаханыхъ земель. Такая-же постепенность наблюдается и въ арендаторскихъ поселкахъ. Между тѣмъ главная масса заимокъ и хуторовъ Кустанайскихъ мѣщанъ расположена, какъ я уже упоминалъ, непрерывною цѣпью въ 10—15 верстахъ къ западу отъ теченія Тобола, параллельно линіи поселковъ Александровской волости, и такимъ образомъ для жителей этихъ послѣднихъ отрѣзана возможность расширенія запашекъ въ ту сторону, куда имъ пришлось-бы распространяться при естественномъ ходѣ вещей; распахавъ и выпахавъ всѣ цѣлины въ чертѣ „рендowych“ участковъ, и не имѣя возможности подвигаться далѣе на западъ, жители поселковъ, особенно Александровцы и Жуковцы, перебросились за Тоболъ, въ ту лѣсистую мѣстность, гдѣ расположились пять поселковъ Боровской волости, и ихъ запашки вмѣстѣ съ запашками Кустанайцевъ-хуторянъ и нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ отдѣльныхъ хозяевъ до-нельзя стѣснили Боровчанъ: въ каждомъ изъ поселковъ Боровской волости, при посѣщеніи моемъ, раздавались горькія жалобы, что Александровцы, или Жуковцы, или мѣщане, „подпахались“ подъ самыя поселки, и что вокругъ поселковъ вовсе не осталось удобныхъ для распашки цѣлинъ; и дѣйствительно: къ поселку Степановскому запашки хуторянъ подошли такъ близко, что ихъ видно изъ оконъ; къ Владимірскому онѣ подошли на 400 саж., къ Ивановскому—почти вплотную къ усадьбамъ; сравнительнымъ просторомъ до послѣдняго времени пользовался пос. Михайловскій,—но теперь и этотъ поселокъ до крайности стѣсненъ послѣдовавшимъ въ 1895—96 гг. выдѣломъ участка для вновь образованнаго поселка новокрещенныхъ киргизъ.

Обстоятельство это не могло, конечно, не обратить на себя вниманія

мѣстной администраціи, которая нѣсколько разъ дѣлала попытки стать на сторону обитателей поселковъ въ ихъ борьбѣ съ хуторянами; изъ такого рода попытокъ можно отмѣтить прежде всего болѣе общую мѣру — именно приказъ или циркуляръ мѣстнаго уѣзднаго начальника волостнымъ управителямъ отъ 28 августа 1894 года за № 65; въ приказѣ этомъ констатируется, что „жители арендаторскихъ поселковъ... жалуются о своемъ безвыходномъ положеніи, заключающемся въ томъ, что снятыя ими въ аренду земли крайне ограничены, и тѣ за окончаніемъ условленнаго срока сдаются въ аренду другимъ лицамъ, не принадлежащимъ къ ихъ обществамъ, а также граничащіе къ нимъ участки снимаются въ аренду съ промышленною цѣлью пріѣзжающими изъ разныхъ мѣстъ богатыми людьми за ту-же цѣну, какую могли-бы дать крестьяне означенныхъ поселковъ; благодаря такому порядку они за недостаточностью хлѣбопахатныхъ земель терпятъ большую нужду для своего безбѣднаго существованія“; что въ виду этихъ обстоятельствъ жители поселковъ просятъ распоряженія его, уѣзднаго начальника, „о сдачѣ имъ въ аренду пограничныхъ къ ихъ владѣніямъ земельныхъ угодій за цѣну, назначенную хозяевами земли, — а не отдавать въ аренду постороннимъ лицамъ, берущимъ земли въ аренду не ради нужды, а ради спекуляціи. Находя просьбу крестьянъ арендаторскихъ поселковъ вполне справедливою и озабочиваясь объ огражденіи интересовъ этихъ крестьянъ, какъ людей, живущихъ исключительно только хлѣбопашествомъ, другими же промыслами не занимающихся за неимѣніемъ таковыхъ, и имѣя въ виду, что они, на основаніи закона 13 іюля 1889 г., уже составляютъ самостоятельныя общества“, — уѣздный начальникъ предписываетъ волостнымъ управителямъ „при сдачѣ сосѣднихъ съ поселками земель въ арендное содержаніе согласно правилъ изложенныхъ въ приказѣ отъ 22 іюня с. г. за № 47 ¹⁾, предварительно и преимущественно отдавать жителямъ арендаторскихъ поселковъ за назначенную обществомъ ²⁾ цѣну, постороннимъ же лицамъ отдавать въ аренду земли лишь только тогда, когда они, т. е. жители поселковъ, не пожелаютъ припать указанную землю въ аренду за назначенную плату“. Къ сожалѣнію приказъ этотъ не имѣлъ, да и не могъ имѣть практическихъ послѣдствій: онъ имѣетъ въ виду сдачу земли волостными управителями по уполномочію волостныхъ обществъ, т. е. тотъ видъ сдачи, который представляется единственно-допустимымъ съ точки зрѣнія закона 25 марта

¹⁾ См. выше, гл. II-ая.

²⁾ Подразумѣвается киргизское волостное общество.

1891 года; но онъ совершенно игнорируетъ, да и не можетъ не игнорировать всѣ тѣ сдачи въ прямое нарушеніе или въ обходъ сказаннаго закона, которыя производятся безъ всякаго участія волостнаго управителя и волостнаго общества, — а такія сдачи, какъ мы знаемъ, составляютъ огромное большинство, сдачи же на основаніяхъ, указанныхъ закономъ 1891 года, — самое рѣдкое исключеніе. Не будучи въ состояніи урегулировать сдачи киргизской земли въ смыслѣ, благопріятномъ для жителей поселковъ, какимъ-либо общимъ распоряженіемъ, уѣздная администрація неоднократно дѣлала попытки своимъ непосредственнымъ вмѣшательствомъ устранять вредную для жителей поселковъ конкуренцію хуторянъ и отдѣльныхъ состоятельныхъ лицъ, — но и эти попытки, какъ вѣжется, оставались безуспѣшными; такъ, уѣздный начальникъ устранилъ купца Архипова, неформально заарендовавшаго большой участокъ и тѣмъ сильно стѣснившаго поселки Ивановскій и Боровскій, — но Архипову удалось заключить формальную арендную сдѣлку по правиламъ закона 1891 года и добиться утвержденія ея областнымъ правленіемъ; уѣздный начальникъ, повидимому, принималъ мѣры къ устраненію хуторянъ, отбившихъ землю у крестьянъ Жуковского поселка, — но и здѣсь его старанія не имѣли успѣха, и хутора, значительно стѣснившіе жителей поселка, существуютъ и по настоящее время.

Единственнымъ дѣйствительнымъ средствомъ обезпечить жителямъ поселковъ надлежащій просторъ и предотвратить побѣдоносную конкуренцію хуторянъ, при существующихъ условіяхъ, было-бы заарендованіе поселковыми обществами на основаніяхъ, указанныхъ закономъ 1891 года, и на достаточно продолжительный срокъ, достаточно обширныхъ земельныхъ пространствъ. Но не говоря уже о тѣхъ общихъ условіяхъ, которыя затрудняютъ аренду на основаніяхъ сказаннаго закона, — не говоря и о томъ, что поселковое общество, какъ таковое, можетъ быть вовсе и незаинтересовано въ томъ, чтобы снимать огромныя пространства, нужныя для обширныхъ запасекъ зажиточнаго меньшинства, — не говоря обо всемъ этомъ, самая измѣнчивость состава большинства поселковыхъ обществъ является однимъ изъ существеннѣйшихъ тормазовъ, мѣшающихъ разрѣшить вопросъ этимъ наиболее простымъ и рѣшительнымъ путемъ: каждый изъ жителей поселковъ опасается заключать отъ имени общества какія-либо обязательства, особенно на продолжительный срокъ, — потому что не можетъ быть увѣренъ, не уйдетъ-ли, черезъ годъ или два, болѣе или менѣе значительная часть общественниковъ „на новое мѣсто“, и не окажутся-ли платежи за заарендованную землю непосильными для оставшихся.

Перехожу затѣмъ къ вопросу о томъ, какъ распредѣляются между жителями поселковъ заарендованная по договорамъ земля и слѣдующіе за послѣднюю платежи. По большинству поселковъ распредѣленіе это предопредѣляется уже самимъ смысломъ заключенныхъ съ киргизами договоровъ или словесныхъ соглашеній: если исключить одновременный или ежегодный платежъ за усадьбы, исчисляемый по домохозяйствамъ и вносимый въ равной суммѣ каждымъ домохозяиномъ, — плата за заарендованные участки въ значительномъ большинствѣ случаевъ исчисляется съ распаханной десятины; общество распахиваетъ столько десятинъ, сколько ему „подъ силу“, и вноситъ причитающійся за каждую десятину платежъ, — и тѣмъ-же принципомъ опредѣляются земельно-платежныя отношенія и внутри обществъ: заарендованъ ли обществомъ участокъ въ опредѣленныхъ границахъ, или выговорено право производства распашки по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ, — все равно, каждый пашетъ „по изможенію“ и платитъ по числу распашанныхъ десятинъ. Изъ всѣхъ десяти арендаторскихъ поселковъ только одинъ — Александровскій — съ 1895 года заарендовалъ землю на иныхъ условіяхъ — именно за заранѣе условленную сумму денегъ¹⁾; это обстоятельство заставило общество такъ или иначе разрѣшить вопросъ о распредѣленіи заарендованной земли и арендной платы, — и вопросъ разрѣшенъ былъ въ смыслѣ душеваго пользованія: заарендованные участки (основной и другой, добавочный), за исключеніемъ мѣстъ, оставленныхъ подъ выгонъ, разбиты были на три поля и передѣлены по рабочимъ душамъ, на которыя распредѣляется нынѣ и арендная плата, и мірскіе сборы; передѣлъ произведенъ былъ безъ подесятиннаго обмѣра: пашни разбили „глазомѣрно“ на участки, размѣромъ обратно пропорціональные качеству почвы, и распредѣлили эти участки по жребію.

Вопросъ о передѣлѣ возникалъ, однако, и въ тѣхъ поселкахъ, гдѣ арендная плата условлена съ десятины дѣйствительной распашки: пользованіе заарендованнаго землею облеклось здѣсь, какъ я сказалъ, въ форму, очень близкую къ захватной и связанную со всѣми присущими послѣдней неудобствами; не говоря уже о неравномѣрности распредѣленія земли, нерегулированное пользованіе дурно отражается и на самомъ земледѣльческомъ хозяйствѣ и ведетъ къ усиленному истощенію земли; послѣдняя не получаетъ надлежащаго отдыха, ибо если кто-либо броситъ полосу до совершеннаго ея

¹⁾ На сходныхъ основаніяхъ заарендовало землю и Жуковское общество; но послѣднему удалось заарендовать только небольшую часть нужныхъ для крестьянскихъ запасекъ земель; огромное большинство посѣвовъ — на землѣ, арендованной «частно», а потому вопросъ о передѣлѣ здѣсь не возникалъ.

истощенія, то полоса эта сейчас-же захватывается кѣмъ-нибудь другимъ; захватное пользованіе ведетъ, далѣе, къ расширенію запашекъ въ ущербъ сѣнокосамъ и выгонамъ; не связывая крестьянина крѣпко съ землею, оно устраняетъ возможность устройства колодцевъ и т. п. сооружений. Крестьяне не могутъ, конечно, не сознавать всѣхъ этихъ неудобствъ, — но въ большинствѣ поселковъ сознаніе это не выражалось ни въ чемъ, кромѣ разговоровъ и толковъ, — такъ какъ передѣлять землю крестьяне считаютъ возможнымъ лишь по отводѣ ея въ постоянное, надѣльное пользованіе. Только въ одномъ поселкѣ, Романовскомъ, дѣло пошло дальше разговоровъ и толковъ: здѣсь бѣдному и среднесостоятельному большинству три раза удавалось добиться составленія приговоровъ о передѣлѣ пашень, — но каждый разъ богатому меньшинству удавалось помѣшать осуществленію приговора; третій приговоръ уже былъ даже утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ, и уже было приступлено къ передѣлу, — но богачамъ удалось „смутить“ киргизъ, и по жалобѣ ихъ уѣздный начальникъ долженъ былъ запретить передѣлъ; въ душевомъ пользованіи въ пос. Романовскомъ состоятъ нынѣ только покосы, которые впрочемъ передѣляются только при хорошихъ урожаяхъ травы, такъ какъ при худыхъ урожаяхъ они слишкомъ ничтожны и не стоятъ передѣла.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ между самими поселенцами. Отношенія эти представляются, вообще говоря, очень недружелюбными, какъ внутри отдѣльныхъ поселковъ, такъ и во взаимныхъ отношеніяхъ поселковыхъ обществъ. Особенно выдѣляются въ этомъ отношеніи поселки Александровской волости: здѣсь взаимныя отношенія поселенцевъ представляютъ собой безконечный рядъ тяжбъ, споровъ и всевозможныхъ недоразумѣній, отъ которыхъ не остался свободнымъ ни одинъ изъ пяти поселковъ. Такъ, въ пос. Борисовскомъ дѣло началось съ того, что первая, русская артель, взявъ съ киргизъ обязательство не сдавать земли постороннимъ арендаторамъ, въ силу этого обязательства старалась не допустить водворенія второй, мордовской артели, а затѣмъ между обѣими артелями возникла тяжба изъ-за земли, которая прекратилась только въ 1891 г. подъ вліяніемъ настойчивыхъ требованій и даже угрозъ администраціи; однако, и по настоящее время общество осталось раздѣленнымъ на двѣ партіи, между которыми идетъ постоянный „вздоръ“. Затѣмъ, въ настоящее время у Борисовцевъ идутъ недоразумѣнія съ Романовцами, главнымъ образомъ изъ за совершаемыхъ первыми распашекъ земли въ заарендованномъ вторыми добавочномъ участкѣ. Въ свою очередь, въ средѣ Романовскаго общества вопросъ о передѣлѣ земель создалъ двѣ рѣзко враждеб-

ныя другъ другу партіи; затѣмъ, Романовцы имѣли тяжбу съ поселившимися въ чертѣ ихъ бывшаго аренднаго участка хуторянами, — при заарендованіи же добавочнаго участка имъ пришлось бороться съ интригами сосѣдей — Александровцевъ, которые сами хотѣли заарендовать тотъ-же участокъ и старались, посредствомъ вліянія на аульный сходъ, разстроить заключенную Романовцами сдѣлку. У тѣхъ-же Александровцевъ, далѣе, идутъ недоразумѣнія съ Жуковцами, начавшіяся съ самаго возникновенія обоихъ поселковъ: уже къ 1887 году отношенія между тѣми и другими обострились настолько, что для разграниченія сферы ихъ временнаго землепользованія пришлось выѣзжать на мѣсто помощнику уѣзднаго начальника, — а заарендованіе Александровцами, въ 1893 году, въ добавочный участокъ части земли, заарендованной у другихъ киргизъ Жуковцами, повело къ судебному дѣлу, которое только въ 1896 году окончательно разрѣшилось въ пользу Жуковцевъ. Наконецъ въ поселкѣ Давыденковскомъ идутъ постоянныя распри между двумя элементами населенія — крестьянами и мѣщанами: уже въ 1891 году крестьяне ходатайствовали о выдвореніи изъ поселка мѣщанъ, а въ 1893 году, при возобновленіи аренднаго договора, мѣщане исключили изъ него крестьянъ и хотѣли ихъ выдворить изъ поселка, — но крестьяне пока еще не дали себя выжить и продолжаютъ жить по частному соглашенію съ киргизами. Если къ этому прибавить эксплуатацію многими изъ „первыхъ жителей“ позднѣйшихъ водворенцевъ и раздоры между различающимися по происхожденію группами жителей отдѣльныхъ поселковъ (русскіе — мордва, великороссы — малороссы), то внутренняя жизнь этихъ послѣднихъ представитъ очень и очень печальную картину.

Въ поселкахъ Боровской волости взаимныя отношенія поселенцевъ сложились, какъ кажется, сравнительно болѣе благопріятно. Здѣсь до-нельзя обострены отношенія поселенцевъ съ киргизами, которыя въ поселкахъ Александровской волости имѣютъ сравнительно мирный характеръ, — но среди самихъ поселенцевъ не замѣчается такой обостренности отношеній: если въ пос. Боровскомъ и замѣчается нѣкоторая рознь между пермяками и другими элементами населенія, въ пос. Степановскомъ — между челябинцами и малороссами, то эта рознь не облакается въ такія рѣзкія формы, какъ въ поселкахъ Александровской волости, а между поселками мнѣ не пришлось отмѣтить никакихъ недоразумѣній. Тѣмъ не менѣе, и въ поселкахъ Боровской волости крестьяне неоднократно жаловались мнѣ на отсутствіе всякой солидарности, какъ между поселками, такъ и внутри послѣднихъ, и это обстоятельство, мнѣ кажется, легко объяснить себѣ, если вспомнить,

съ одной стороны, вѣчно измѣняющійся, можно сказать бродячій характеръ населенія поселковъ, не дающій времени и возможности возникнуть какимъ-либо болѣе близкимъ отношеніямъ, а съ другой — развитіе „частныхъ“ арендъ, на почвѣ которыхъ поселенцы непрерывно конкурируютъ другъ съ другомъ и естественно становятся въ антагонистическія отношенія.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

АРЕНДАТОРСКІЯ ТОВАРИЩЕСТВА И АРЕНДАТОРЫ-ОДИНОЧКИ.

Населеніе арендаторскихъ поселковъ, описанныхъ въ предыдущей главѣ, далеко не исчерпываетъ собой всего русскаго виѣгородскаго населенія сѣверной полосы Тургайской области, и арендныя условія, на основаніи которыхъ существуютъ эти поселки, охватываютъ лишь сравнительно небольшую часть всей огромной массы существующихъ въ этой мѣстности арендныхъ сдѣлокъ. Слѣдующую по своей многочисленности и, можетъ быть, первую по количеству арендуемой земли группу составляютъ обитатели такъ называемыхъ *заимокъ* или *хуторовъ*, — термины, подъ которыми, въ отличіе отъ поселковъ, разумѣются пункты, не имѣющіе правильнаго административнаго устройства и подчиненное въ административномъ отношеніи киргизскимъ властямъ тѣхъ волостей и ауловъ, на земляхъ которыхъ эти пункты возникли, — притомъ такіе пункты, гдѣ русскіе арендаторы не только ведутъ полевое хозяйство, но имѣютъ также и усадебную осѣдность, все равно, проживаютъ ли они здѣсь цѣлый годъ и въ полномъ составѣ семей, или же живутъ только лѣтнюю половину года, а зиму проводятъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, въ городѣ или селеніи. Общее число хуторовъ и заимокъ въ Актюбинскомъ и особенно Кустанайскомъ уѣздѣ очень значительно. Такъ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ, по списку населенныхъ мѣстъ, составленному для всероссійской переписи, хуторовъ и заимокъ насчитывалось 54

съ населеніемъ въ 2.571 душу обоого пола (или, считая въ среднемъ по 6 душъ на дворъ, около 428 дворовъ), въ томъ числѣ:

				число ху- торовъ и заимокъ.	насе- леніе ихъ.
въ 2, 3 и 4 аулахъ		Аманъ-Карагайской вол.		3	170
" 1	аулъ	Убаганской	"	6	90
" 2	"	"	"	2	55
" 1	"	Дамбарской	"	1	37
" 6	"	"	"	2	55
" 1	"	Аракарагайской	"	7	288
" 2	"	"	"	1	64
" 3	"	"	"	3	112
" 5	"	"	"	10	506
" 6	"	"	"	3	425
" 7	"	"	"	3	140
" 8	"	"	"	3	249
" 1	"	Кинъ-Аральской	"	5	87
" 2	"	"	"	1	142
" 4	"	"	"	2	67
" 2	"	Бистюбинской	"	1	18
" 1	"	Кумакской	"	1	64.

Такимъ образомъ болѣе половины всего числа хуторовъ и заимокъ и почти три четверти всего ихъ населенія,—именно 30 заимокъ съ 1784 душами обоого пола, сосредоточено съ пригородной Аракарагайской волости, вообще же говоря районъ хуторскихъ и заимочныхъ хозяйствъ тянется, главнымъ образомъ, на сѣверъ и на востокъ отъ Кустаная, съ каждымъ годомъ распространяясь все далѣе и далѣе и въ настоящее время простираясь почти до самой сѣверной границы уѣзда. — Приведенныя цифры, однако, далеко не даютъ полнаго понятія о числѣ и населенности заимокъ и хуторовъ: въ помѣщенномъ въ приложеніи спискѣ не упомянуты нѣкоторые хутора, мнѣ лично извѣстные; не говоря о такихъ случайныхъ пропускахъ, въ списокъ вошли только такіе пункты, гдѣ русскіе проживаютъ не только лѣтомъ, но и зимою, а въ цифры населенія вошли только тѣ семьи, которыя имѣютъ на хуторахъ и заимкахъ постоянное жительство, и остались невключенными всѣ тѣ, которыя наѣзжаютъ сюда только на лѣтнее полугодіе, а зиму живутъ въ Кустанай или по поселкамъ; между тѣмъ такихъ

семей—не менше, если не болше, нежели живущих на займкахъ и хуторахъ круглый годъ ¹⁾, — а потому общая численность русскаго населенія, участвующаго въ займочныхъ и хуторскихъ арендахъ, опредѣлится, вѣроятно, вдвое болшею противъ приведенной выше цифрой.

Если трудно составить себѣ точное понятіе о численности хуторянъ, то о количествѣ состоящей у нихъ въ арендномъ содержаніи земли нельзя составить себѣ даже приблизительнаго представленія; правда, въ значительномъ большинствѣ случаевъ хуторянами заарендованы участки, отдѣленные отъ прочихъ земель киргизъ-сдатчиковъ опредѣленными границами, а нерѣдко въ арендныхъ договорахъ оказывается обозначенною и какая-нибудь цифра, показывающая площадь арендуемой земли въ десятинахъ; но эти послѣднія цифры обыкновенно не имѣютъ никакого отношенія къ дѣйствительнымъ размѣрамъ участковъ, и общее протяженіе этихъ послѣднихъ могло-бы быть опредѣлено лишь путемъ съемки и спеціальнаго вычисленія.— Нѣкоторое понятіе объ общей площади арендуемыхъ хуторянами угодій можно извлечь изъ данныхъ о размѣрахъ запашекъ хуторянъ, — хотя и здѣсь, къ сожалѣнію, сколько-нибудь полныхъ данныхъ въ распоряженіи нашемъ не имѣется. Мнѣ лично удалось произвести подворный опросъ всего въ 13 хуторахъ Кустанайскаго уѣзда, въ которыхъ оказалось засѣянными:

	число дворовъ	десятивъ посѣва	въ среднемъ на дворъ засѣяно
Хут. Рязанцева . . .	14	297	21
Займ. Мѣшкова . . .	5	56	11
„ Алелекова . . .	1	75	75
„ Саратовская . . .	9	142	16
„ Кислицына . . .	11	129	12
„ Давыденковыхъ . . .	4	70	17
Хут. Гребенкинъ . . .	8	387	48
„ Никитиныхъ . . .	19	904	48
„ Чистенькій . . .	21	560	27
„ Лѣтуновскаго . . .	5	79	16
„ Успенскій . . .	8	65	8
„ Смоляной заводъ . . .	15	42	3
„ Аульекулъ . . .	13	55	4.

¹⁾ Изъ зарегистрированныхъ мною въ при-Кустанайскомъ районѣ десяти хуторовъ въ трехъ болше отдаленныхъ отъ города (Алакуль, Давыденковская и Чистенькій) изъ общаго числа 33 семей оказалось постоянно проживающихъ 27; въ остальныхъ семи изъ общаго числа 64 семей постоянно-проживающими оказалось всего семь.

Въ общемъ итогѣ 133 семьи оказываются засѣявшими 2.861 десятину (по 4000 кв. саж.), откуда средній размѣръ посѣвной площади для поименованныхъ 13 хуторовъ оказывается равнымъ слишкомъ 21 десятинѣ; но послѣдніе три хутора по своему хозяйственному складу являются скорѣе исключеніями изъ общаго типа хуторовъ Кустанайскаго у., а потому для приблизительнаго опредѣленія площади, засѣянной всѣми хуторами этого уѣзда, правильнѣе будетъ взять среднюю, которая получается для остальныхъ десяти хуторовъ, — именно 27 десятинъ. Принимая эту цифру за среднюю для всѣхъ вообще хуторовъ и заимокъ ¹⁾, получаемъ размѣръ посѣвной площади для всѣхъ тѣхъ, примѣрно, 428 семей, которыя значатся по официальномъ списку, равнымъ слишкомъ $11\frac{1}{2}$ тысячамъ десятинъ ²⁾ „сотенной“ или 19.000 десятинамъ казенной мѣры; а такъ какъ общая численность хуторянъ, въ дѣйствительности, гораздо больше приведеннаго числа семей, то соотвѣтственно больше должна была-бы получиться и цифра, показывающая дѣйствительную площадь ихъ запашекъ. Если затѣмъ принять во вниманіе, что хуторяне ведутъ земледѣльческое хозяйство по переложной системѣ, мѣняя землю еще гораздо чаще, нежели дѣлаютъ это обитатели поселковъ, пользующіеся, говоря вообще, значительно меньшимъ земельнымъ просторомъ; что поэтому въ чертѣ участковъ, кромѣ распаханыхъ въ данный моментъ площадей, всегда имѣются болѣе или менѣе обширныя площади цѣлинъ, еще ожидающихъ плуга, и земель, ранѣе служившихъ пашней и уже оставленныхъ въ залежь; что, кромѣ того, обширныя площади служатъ хуторянамъ исключительно для выпаса рабочаго или иного скота, а также для сѣнокосенія; что, наконецъ, въ виду простора и дешевизны земли земледѣльческая культура и всякая вообще эксплуатація можетъ, пока, ограничиваться участками съ лучшей почвой, съ наиболѣе густою травой и т. п., и потому значительныя площади, въ арендуемыхъ хуторянами участкахъ, остаются еще безъ всякой эксплуатаціи; — если принять все это во вниманіе, то ясно станетъ, что общая площадь земли, арендуемой хуторянами, должна быть въ нѣсколько разъ больше той площади, которая занята собственно ихъ посѣвами, и измѣряется по всей вѣроятности, значительно болѣе, нежели сотнею тысячъ десятинъ.

Гораздо меньше численность хуторскихъ хозяйствъ въ Актюбинскомъ уѣздѣ: мною лично посѣщены пять хуторовъ или заселковъ, съ населеніемъ

¹⁾ Что вполнѣ допустимо, ибо среди переписанныхъ мною есть нѣкоторые и изъ наиболѣе важнѣйшихъ, и изъ наиболѣе бѣдныхъ хуторовъ.

²⁾ Точнѣе $27 \times 428 = 11.556$.

всего въ 112 домохозяйствъ, и кромѣ того, сколько мнѣ извѣстно, въ фазисѣ зарожденія находились еще четыре хутора (Башарина, Алейникова, на уроч. Таста-сай и Косъ-эстекъ), населеніе которыхъ лѣтомъ 1896 года исчислялось уже нѣсколькими десятками семей. ¹⁾

Если затѣмъ ближе присмотрѣться къ характеру тѣхъ населенныхъ пунктовъ, которые мы до сихъ поръ соединяли и которые извѣстны на мѣстѣ подъ общимъ названіемъ хуторовъ или заимокъ, то придется раздѣлить ихъ не менѣе, нежели на двѣ различныя по своей численности и значенію категоріи. Одну, болѣе многочисленную, составляютъ хутора и заимки, имѣющія временный и, если можно такъ выразиться, промышленный характеръ; вторую, сравнительно многочисленную только въ Актюбинскомъ уѣздѣ и лишь весьма слабо представленную въ Кустанайскомъ, составляютъ такіе заселки, населеніе которыхъ думаетъ о постоянномъ водвореніи если не въ той самой мѣстности, гдѣ существуетъ заселокъ, то гдѣ нибудь по сосѣдству, въ мѣстности, привлекающей переселенцевъ лучшими природными условіями или большею свѣжестью земли. Къ заселкамъ втораго рода, которые, при благопріятныхъ условіяхъ, могутъ обратиться въ постоянныя осѣдлыя поселенія, относятся прежде всего заселокъ Ново-Уральскій, Актюбинскаго у., относительно котораго областною администраціей возбужденъ уже вопросъ объ административномъ его устройствѣ на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ устроены поселки Кустанайскаго у.; затѣмъ, такой-же характеръ имѣли хутора Пароловъ, Кулешовскій, Башаринъ, расположенные въ окрестностяхъ Актюбинска, а также вновь возникшіе въ 1894 — 95 гг., въ той-же мѣстности, хутора на урочищахъ Косъ-Эстекъ и Таста-Сай. Въ Кустанайскомъ уѣздѣ къ разсматриваемой категоріи относятся, повидимому, только небольшой хуторъ Лѣтуновскаго, расположенный въ 40 в. отъ Кустанаа, и особенно — возникшій въ 1895 г., въ киргизской Араль-Тюбинской волости, заселокъ Аулье-куль. Я не хочу этимъ выразить увѣренности, что всѣ перечисленные заселки и хутора дѣйствительно разовьются въ постоянныя поселенія; напротивъ, благодаря шаткости ихъ землевладѣнія, особенно при условіяхъ, изданныхъ Положеніемъ 1891 года, нѣкоторые изъ этихъ хуторовъ (напр. Кулешовскій) уже распались, другимъ тоже грозитъ распаденіе по истеченіи срока ихъ дѣйствующихъ арендныхъ договоровъ: всѣмъ вообще — въ виду крайней трудности, если не невозможности, возобновленія этихъ договоровъ, а зас. Ново-Уральскому — еще и потому, что въ виду

¹⁾ См. Тург. газета, 1897, № 44, статья «Русскіе поселенцы среди киргизовъ».

крайней обостренности отношеній поселенцевъ съ киргизами, эти послѣдніе, по истеченіи срока договора, едва-ли согласятся его возобновить. Но во всякомъ случаѣ жители всѣхъ перечисленныхъ заселковъ и хуторовъ *имѣютъ намѣреніе* прочно водвориться на заарендованныхъ ими мѣстахъ, мечтаютъ о „нарѣзкѣ“ имъ этихъ мѣстъ въ надѣлъ или долгосрочной арендѣ, и если уйдутъ съ этихъ мѣстъ, то не по собственному желанію, а лишь въ томъ случаѣ, если дальнѣйшее пребываніе окажется для нихъ невозможнымъ.

Къ той-же категоріи относятся, въ сущности, еще два другихъ заселка или хутора, расположенныхъ неподалеку отъ Орска, одинъ въ Актюбинскомъ у. (Можаровскій), другой—въ Кустанайскомъ (Успенскій): обитатели перваго изъ нихъ, по истеченіи срока своего договора, не рассчитываютъ его возобновлять въ виду якобы плохаго качества земли (вѣрнѣе—въ виду истощенія запаса цѣлинъ); жители втораго находятъ возможнымъ прожить на заарендованномъ мѣстѣ, по истеченіи срока договора, еще 3, много 5 лѣтъ, а затѣмъ думаютъ переходить на другое мѣсто. Но и тѣ, и другіе мечтаютъ о поселеніи „навѣчно“, о „нарѣзкѣ“ надѣла, для чего и присмотрѣли себѣ мѣсто неподалеку отъ своего нынѣшняго мѣстожительства.

Затѣмъ всѣ остальные заимки или хутора, въ томъ числѣ всѣ или почти всѣ заимки и хутора Кустанайскаго района, совершенно не могутъ быть разсматриваемы какъ зачатки будущихъ осѣдлыхъ поселеній. Жители ихъ не только не мечтаютъ и не хлопочуть о „нарѣзкѣ“ имъ земли въ надѣлъ,—напротивъ, они опредѣленно считаютъ себя лишь временными арендаторами и не желаютъ прикрѣпляться ни къ какому опредѣленному мѣсту: гдѣ мѣстность имъ не по вкусу или гдѣ уже пораспаханы всѣ цѣлины,—оттуда хуторяне имѣютъ въ виду уйти тотчасъ по истеченіи срока своихъ арендъ; гдѣ земля хороша и—главное—достаточно свѣжа, тамъ они имѣютъ въ виду, если удастся, по истеченіи срока своихъ арендныхъ договоровъ возобновить аренду на новый срокъ. Но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ они не имѣютъ никакого желанія быть прикрѣпленными къ мѣсту: „лучше жить въ мѣщанахъ, говорятъ они, — попашемъ, пока глянется, а тамъ пойдѣмъ на свѣжія мѣста“; „если поглянется, — можно пожить, а непоглянется — можно уйти“; что будутъ дѣлать — „Богъ его знаетъ“, „впередъ не извѣстно“; таковы отвѣты, какіе давали мнѣ хуторяне на вопросъ о своихъ дальнѣйшихъ намѣреніяхъ,—отвѣты, свидѣтельствующіе о томъ, что хуторяне должны быть разсматриваемы не какъ переселенцы обычнаго типа,—не какъ крестьяне, которые ушли отъ земельного утѣсенія и стремятся къ прочному устройству на новомъ мѣстѣ, а какъ предприниматели или сле-

вулянты, сдѣлавшіе себѣ нѣчто вродѣ промысла изъ эксплуатаціи цѣлинныхъ земель и сидящіе на каждомъ данномъ мѣстѣ лишь до тѣхъ поръ, пока эта операція даетъ имъ достаточно значительные барыши. Очень характерна для такого рода хуторянъ исторія возникновенія пос. Давыденковскаго; послѣдній разросся на мѣстности, гдѣ сначала возникъ хуторъ мѣщанина Давыденкова съ товарищами,—и Давыденковъ, „не желая жить съ мужиками“ ушелъ съ насиженнаго мѣста и устроился хуторомъ на другомъ мѣстѣ, уже приблизительно въ сотнѣ верстъ отъ Кустаная.

Различіе между указанными двумя типами арендаторскихъ поселеній имѣетъ однако скорѣе теоретическій характеръ и не можетъ быть строго прослѣжено въ дѣйствительной жизни.

Установить вполне точную границу между заселками, какъ зачатками постоянныхъ селеній, и хуторами въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. пунктами, гдѣ арендаторы вовсе не имѣютъ въ виду оставаться на всегда или даже на болѣе продолжительное время, нѣтъ возможности, хотя-бы потому, что сами поселенцы, нерѣдко, не имѣютъ опредѣленнаго представленія относительно своихъ будущихъ намѣреній; еще труднѣе поручиться за то, что заселки *дѣйствительно* обратятся въ постоянныя селенія, — что напр. одинъ или два неурожая, не говоря уже объ обстоятельствахъ, вытекающихъ изъ современныхъ условій пользованія землею, не побудятъ обитателей того или другого заселка „побрести врозь“, или что, наоборотъ, тотъ или другой хуторъ не окрѣпнетъ, не укоренится на своемъ мѣстѣ и не разрастется, мало по малу, въ постоянное селеніе, хотя-бы, можетъ быть, (какъ было въ пос. Давыденковскомъ) съ вытѣсненіемъ „первыхъ жителей“ и съ замѣною ихъ совершенно другимъ населеніемъ: изъ такихъ-же займокъ или хуторовъ разрослись, напр., пос. Боровской, Степановскій и др., и нѣтъ основанія отрицать возможности такого-же разростанія для всѣхъ или нѣкоторыхъ и изъ тѣхъ хуторовъ, населеніе которыхъ нынѣ этого вовсе не имѣетъ въ виду. Нѣтъ возможности установить такой границы между заселками и хуторами ни въ отношеніи внѣшнихъ признаковъ, ни въ отношеніи, такъ сказать, внутренняго устройства. Общею характерною чертою хуторовъ является чрезвычайно плохая и примитивная застройка: бревенчатая изба, мало-мальски исправная, на хуторахъ составляетъ большую рѣдкость; изъ лѣсныхъ матеріаловъ, по большей части, построены одни хлѣбные амбары, а жилищами хуторянъ, даже самыхъ богатыхъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ служатъ землянки, на половину врытыя въ землю; на многихъ изъ хуторовъ, особенно если они расположены въ небольшомъ раз-

стояніи отъ Кустаная и другихъ подобныхъ центровъ, хуторяне вовсе не имѣютъ постояннаго жительства, а наѣзжаютъ только на лѣтнее полугодіе, зиму-же проводятъ въ городахъ, гдѣ всѣ такіе хуторяне имѣютъ дома и полную осѣдлость; располагая, во многихъ случаяхъ, если не въ большинствѣ, вполне достаточными средствами для того, чтобы обзавестись на хуторѣ порядочнымъ домомъ, хуторяне не дѣлаютъ этого именно потому, что считаютъ свое пребываніе временнымъ, а потому находятъ излишнимъ тратиться на болѣе удобное обзаведеніе; нѣкоторые же хуторяне обходятся даже безъ землянокъ, а наѣзжаютъ на заарендованный участокъ только на время тѣхъ или другихъ работъ—пахоты, посѣва, жатвы, на время которыхъ ставятъ, для ночлега, легкіе шалаши. Сходную картину представляютъ и нѣкоторые изъ заселковъ: такъ, въ зас. Можаровскомъ, изъ наличныхъ 36 домохозяйствъ бревенчатую избу имѣетъ только одно, а въ хут. Пароловомъ и Кулешовскомъ такихъ избъ нѣтъ и вовсе, и большинство хуторянъ имѣетъ домообзаведеніе въ Актюбинскѣ и только на лѣто переезжаетъ на хуторъ. Болѣе удовлетворительно застройкой отличаются зас. Ново-Уральскій и Аульекуль: въ первомъ изъ 55 наличныхъ дворовъ 37 имѣютъ бревенчатые дома, по большей части съ каменными, дерновыми или саманными сѣнями, еще 4 двора имѣютъ саманные избы; населеніе мечтаетъ о постройкѣ церкви и школы, и для этой послѣдней уже заготовило и лѣсъ, на что употребило всѣ деньги, полученныя въ 1896 г. за пріемъ новыхъ поселенцевъ; во второмъ, возникшемъ, какъ сказано, только въ 1895 г., изъ наличныхъ 13 дворовъ 11 успѣли уже построить бревенчатые избы, три изъ нихъ — въ два и болѣе срубовъ, а нѣсколько избъ строилось уже такими поселенцами, которые даже еще не переехали въ заселокъ, и вся вообще внѣшность заселка производила вполне надежное и хозяйственное впечатлѣніе и внушала убѣжденіе, что поселенцы заводятъ здѣсь не временное пристанище, а прочную осѣдлость. — Далѣе: хутора въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, представляясь случайными соединеніями лицъ, связанныхъ между собою лишь совмѣстною арендой земельного участка, не имѣютъ ничего похожаго на общественное устройство. Не имѣетъ послѣдняго и большая часть извѣстныхъ мѣст заселковъ; исключеніе составляютъ зас. Ново-Уральскій и Можаровскій: въ томъ и въ другомъ для рѣшенія общихъ дѣлъ собирается нѣчто вродѣ схода, а въ Н.-Уральскомъ имѣется особый „выборный“, на которомъ лежитъ значительная часть обязанностей сельскаго старосты и десятскаго, — что впрочемъ не мѣшаетъ обоимъ заселкамъ въ административномъ отношеніи состоять въ вѣдѣніи

киргизскаго волостнаго и аульнаго начальства. Важнѣйшее практическое послѣдствіе сказаннаго относится къ порядку допущенія въ составъ хуторовъ или заселковъ: въ двухъ только-что названныхъ заселкахъ вопросъ о допущеніи новыхъ поселенцевъ разрѣшается сходомъ, который беретъ за это въ Можаровскомъ угощеніе виномъ, въ Н.-Уральскомъ — кромѣ того, и болѣе или менѣе значительную денежную плату, пропорціональную той долѣ (пай, $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$ пая) земельныхъ угодій, какою желаетъ пользоваться принимаемый. Въ зас. Аульекулѣ, какъ будетъ подробнѣе сказано ниже, водвореніе поселенцевъ разрѣшается администраціей. Въ остальныхъ заселкахъ и во всѣхъ хуторахъ приселеніе новыхъ поселенцевъ происходитъ путемъ частныхъ сдѣлокъ, именно, путемъ пріобрѣтенія вновь вступающими павъ или долей павъ у такихъ членовъ, которые почему-либо выбываютъ изъ артели или которымъ не подѣ силу цѣликомъ разработать взятые за себя пай.

Со сказаннымъ въ тѣсной связи находится вопросъ о возникновеніи и ростѣ хуторовъ и заселковъ. Эти послѣдніе представляютъ, въ этомъ отношеніи, значительное разнообразіе. Особенно своеобразна исторія зас. Аульекульскаго: мѣстность для водворенія была намѣчена здѣсь группою поселенцевъ, временно проживавшихъ въ 25 верстахъ, на хут. „Смоляной заводъ“; но такъ какъ киргизы не желали допускать ихъ водворенія, то поселенцы воспользовались тѣмъ, что при оз. Аульекулѣ незадолго передъ тѣмъ образованъ былъ школьный участокъ, и обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи водвориться на этомъ участкѣ сначала къ инспектору училищъ, а затѣмъ, по его совѣту, къ губернатору, который и разрѣшилъ имъ, если не будетъ препятствій со стороны учебнаго начальства, селиться на межѣ школьнаго участка, но безъ отвода земельного надѣла; затѣмъ, по распоряженію инспектора, учитель мѣстной киргизской школы нарѣзалъ имъ мѣста подѣ усадьбы, на которыя, кромѣ первоначальныхъ водворенцевъ, стали приселяться, съ разрѣшенія инспектора, и другія лица. Заарендовавъ у киргизъ общій выгонъ и распахавъ на правѣ „частной“ аренды нужное имъ количество земли, поселенцы сейчасъ же начали хлопотать о вырѣзкѣ для нихъ изъ пользованія киргизъ земельного надѣла, и несмотря на полученный отъ губернатора отказъ, пытаются полную увѣренность въ томъ, что таковой имъ будетъ отведенъ. — Не обошлось безъ дѣятельнаго содѣйствія областной администраціи и при образованіи зас. Косъ-Эстекъ. Здѣсь уже нѣсколько лѣтъ какъ проживала небольшая группа поселенцевъ, арендуя землю „частно“, безъ всякаго документа, съ негласнаго разрѣшенія бывшаго

Актюбинскаго волостнаго управителя. Затѣмъ, уже въ 1896 году окружающая заселокъ мѣстность была выдѣлена киргизскимъ волостнымъ съѣздомъ, согласно указанію, полученному отъ уѣзднаго начальника, въ оброчную статью, которую и предоставлено было волостному управителю сдать русскимъ поселенцамъ. Приговоръ этотъ однако, по указаннымъ въ своемъ мѣстѣ¹⁾ основаніямъ, не былъ утвержденъ областнымъ правленіемъ. Тогда поселенцы, при проѣздѣ губернатора, обратились къ нему съ изустною просьбой помочь имъ болѣе или менѣе прочно устроиться, и губернаторъ, войдя въ ихъ дѣйствительно затруднительное положеніе, поручилъ уѣзднему начальнику помочь поселенцамъ и склонить киргизъ сдать имъ землю не менѣе, нежели на 20-лѣтній срокъ²⁾. Затѣмъ, можно отмѣтить еще зас. Ново-Уральскій и Можаровскій, исторія возникновенія и роста которыхъ представляетъ не мало общаго съ исторіей нѣкоторыхъ изъ Кустанайскихъ арендаторскихъ поселковъ: основателемъ перваго изъ нихъ былъ „ходатель“, который, узнавъ по слухамъ, что киргизы имѣютъ желаніе сдать землю, собралъ изъ числа скопившихся въ г. Орскѣ переселенцевъ артель изъ 15 семей, которая и положила начало заселку и затѣмъ уже принимала по приговорамъ и за особую вкупную плату вновь подходившихъ поселенцевъ; число послѣднихъ къ іюлю 1896 г. дошло до 55 семей, причѣмъ принатіе ихъ было источникомъ безконечныхъ недоразумѣній какъ съ киргизами, которые по арендному договору согласились допустить всего 15 семей, такъ и среди самихъ жителей поселка: изъ 15 семей первоначальныхъ водворенцевъ оффиціальными „рендателями“, по договору, значилось всего шесть, которые сначала и брали всю вкупную плату новыхъ поселенцевъ въ свою пользу, — и только позже, отчасти подъ давленіемъ уѣзднои администраціи, вкупныя деньги стали дѣлиться между всѣми наличными поселенцами или поступать на общественныя нужды, а вопросъ о допринятіи новыхъ поселенцевъ сталъ разрѣшаться общимъ сходомъ всѣхъ наличныхъ домохозяевъ. Характерно при этомъ, что населеніе Н.-Уральскаго заселка, несмотря на массу взаимныхъ дразгъ и очень дурныя отношенія съ киргизами, росло непрерывно, выселенія же вовсе не было: ушолъ только одинъ „ходатель“, основавшій поселокъ, да и тотъ — по чисто случайнымъ обстоятельствамъ. Совсѣмъ иначе сложилась исторія зас. Можаровскаго: послѣдній былъ основанъ въ 1887 г. четырьмя домохозяевами, которые, присмотрѣвъ мѣсто, собрали въ Орскѣ и

¹⁾ См. выше, гл. II.

²⁾ Обстоятельства эти сообщены мнѣ уѣзднымъ начальникомъ г. Ревякиннмъ.

въ окрестныхъ станицахъ и поселкахъ артель въ 18 семей, которыя и заарендовали у киргизъ участки; на слѣдующій-же годъ къ нимъ приселилось еще 54 семьи, которыя покупали у первыхъ „жителей“ по $\frac{1}{2}$ или по $\frac{1}{4}$ пая, — но за тѣмъ въ 1890 г., послѣ перваго-же неурожая, болѣе 60 семей разбрелось во всѣ стороны, и въ заселкѣ осталось всего 11 семей; въ слѣдующіе три года къ нимъ вновь приселилось 17 семей, которыя покупали у киргизъ усадьбы выселившихся, а затѣмъ въ 1894 г. наличныя 28 семей заключили новый арендный договоръ; хотя на основаніи послѣдняго поселенцы не имѣли права принимать новыхъ пришельцевъ, тѣмъ не менѣе „общество“ приняло еще 8 семей, такъ что нынѣ составъ поселка опять дошелъ до 36 семей.—Сходнымъ образомъ возникли и нѣкоторыя изъ хуторовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, напр. расположенный вблизи Можаровскаго заселка Ащибутакскій и хут. Чистенькій, въ Кустанайскомъ у.; въ первомъ случаѣ земля была снята у киргизъ однимъ лицомъ, крестьяниномъ Е. Голубцовымъ, съ правомъ допускать къ себѣ товарищей, не свыше однако 15 человѣкъ; именно такое число поселенцевъ и было допущено Голубцовымъ къ водворенію, причемъ съ cadaго изъ нихъ Голубцовъ взымалъ, кромѣ соотвѣтственной доли въ понесенныхъ расходахъ, еще и нѣкоторую плату въ свою пользу. Затѣмъ въ 1893 году, когда кончился срокъ заключеннаго Голубцовымъ договора, и когда возобновлять послѣдній пришлось-бы уже, на основаніи Положенія 1891 г., съ волостнымъ обществомъ, что было-бы связано съ непосильными для маленькаго общества расходами, почти все населеніе хутора разбрелось во всѣ стороны, и на хуторѣ осталось жить, безъ всякаго формальнаго договора, всего 4 семьи, къ которымъ подселилось позже еще 3 семьи новыхъ. Хут. Чистенькій былъ основанъ по инициативѣ двухъ человѣкъ, которые на свой страхъ заключили съ киргизами предварительный договоръ, причемъ издержали довольно значительную сумму на задатки и угощенія; эти двое набрали въ Кустанаѣ еще 13 человѣкъ товарищей, съ которыхъ брали „за хлопоты“ небольшую сумму денегъ и угощенье виномъ, и всѣ 15 семей заключили съ киргизами арендный договоръ. Затѣмъ, изъ 15 первоначальныхъ арендаторовъ девять семей въ „голодный годъ“ ушли въ Туркестанскій край, а на ихъ мѣсто въ 1892 — 93 г.г. вошло девять новыхъ пайщиковъ, которые, покупая у ушедшихъ усадьбы и снимая землю у киргизъ, должны были угощать виномъ и „общество“, т. е. наличныхъ арендаторовъ.

Во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ, т. е. во всѣхъ почти хуторахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова и въ нѣкоторыхъ заселкахъ, взаимныя

отношенія арендаторовъ складывались гораздо проще, и если можно такъ выразиться, на чисто гражданско-правовой почвѣ: земля у киргизъ арендовалась отдѣльными лицами или чаще—небольшими группами лицъ, почти всегда лично между собою знакомыхъ и болѣе или менѣе подходящихъ другъ къ другу по степени зажиточности; болѣею частью въ составъ артелей входили земляки, знавшіе другъ друга еще съ родины, но нерѣдко—и выходцы изъ разнообразныхъ мѣстностей, сблизившіеся въ Кустанаѣ или Актюбинскѣ. Согласившись совместно заарендовать участокъ земли, всѣ они вмѣстѣ прискивали участокъ или поручали сдѣлать это кому-либо изъ товарищей; арендный договоръ заключался съ киргизами отъ имени всѣхъ вообще участниковъ артели, которые, такимъ образомъ, всѣ и становились равноправными арендаторами; если, при этомъ, въ составъ артели входили лица, болѣе и менѣе состоятельныя, то участники артели брали на себя не одинаковыя доли въ арендныхъ платежахъ и получали право на не одинаковыя пай—доли въ пользованіи землею: въ нѣкоторыхъ хуторахъ по первоначальному-же договору одни брали за себя двойные пай, другіе—одиночные, третьи—половинные. Если, затѣмъ, оказывались желающіе присоединиться къ артели, то они всегда могли это сдѣлать, купивъ у кого-либо изъ первоначальныхъ пайщиковъ всю его долю въ пользованіи участкомъ или часть ея, что почти всегда оказывалось легко сдѣлать, такъ какъ площадь заарендованныхъ участковъ, по болѣею части, значительно превышала дѣйствительную потребность арендаторовъ и мало кто изъ послѣднихъ успѣвалъ цѣликомъ разработать свой пай, — а нѣкоторые нарочно брали за себя лишній пай или полъ-пая, чтобы имѣть возможность пересдать съ нѣкоторою для себя выгодой; „общество“, т. е. остальные пайщики, получали только небольшое угощеніе виномъ, а иногда приходилось еще спрашивать согласія киргизъ—сдатчиковъ земли. Составъ нѣкоторыхъ изъ хуторскихъ артелей подвергался при этомъ лишь ничтожнымъ измѣненіямъ; такъ напр. на хуторѣ Алакульскомъ остались всѣ первоначальные пайщики, а вновь прибыло двое, которые купили по полу-паю у двухъ изъ „первыхъ жителей“ и получившійся полный пай раздѣлили между собой пропорціонально числамъ 3:2. Изъ хутора Никитиныхъ выбылъ одинъ пайщикъ, на пай котораго вступили двое новыхъ полупайщиковъ, да кромѣ того приселились еще 3 семьи „бѣднаго состоянія“, которыя въ арендѣ не участвуютъ, а только поставили себѣ, съ разрѣшенія хуторянъ, землянки и живутъ заработками у богатыхъ хуторянъ, получая отъ нихъ присѣвки; составъ хуторовъ Лѣтуновскаго, Давыденкова и Алелекова оставался безъ всякихъ из-

мѣненій. Напротивъ, составъ другихъ хуторскихъ артелей измѣнялся очень сильно, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ, весьма разнообразныхъ обстоятельствъ. Такъ, Саратовская займка основана была въ 1891 г. артелью изъ 12 пайщиковъ; въ 1896 г., по истеченіи срока аренды, четверо изъ нихъ перешли на другую займку, по близости, на болѣе свѣжія земли,—а остальные восемь остались на новое шестилѣтіе. Займка Кислицына образована была въ 1888 г. артелью изъ четырехъ участниковъ; къ концу срока аренднаго договора одинъ изъ нихъ умеръ, другой ушелъ, а остальные возобновили аренду прежняго участка, добавивъ къ нему еще новый, уже совместно съ 8-ю новыми товарищами, такъ какъ жить на участкѣ вдвоемъ имъ показалось „скудно“; при этомъ однако двое изъ вновь вступившихъ въ артель явились позже назначеннаго времени, а потому не получили пая въ новомъ участкѣ, который и раздѣленъ былъ всего между 8-ю пайщиками. Займка Мѣшкова была заарендована однимъ лицомъ, Кустанайскимъ мѣщаниномъ, который, принявъ въ товарищи мѣщанина-же Мѣшкова, вскорѣ умеръ, а Мѣшковъ въ свою очередь принялъ трехъ товарищей; вчетверомъ они раздѣлили участокъ на неравныя доли, а затѣмъ два двора изъ числа пайщиковъ развернулись въ 3 двора, благодаря чему нынѣ одинъ дворъ владѣетъ полнымъ паемъ, одинъ— $\frac{2}{3}$ пая и три—по $\frac{1}{3}$ пая каждый. Займка Рязанцева была образована въ 1890 г. артелью изъ восьми товарищей, которые и раздѣлили между собой участокъ на 8 равныхъ паевъ; но составъ пайщиковъ постоянно измѣнялся: одни пайщики уходили на другіе хутора, взаимнѣ ихъ подходили другіе, которымъ „первые жители“ уступали кому по $\frac{1}{2}$, кому по $\frac{1}{3}$ пая; въ настоящее время въ арендѣ участвуетъ 14 лицъ,—изъ нихъ только трое принадлежатъ къ числу „первыхъ жителей“; двое изъ послѣднихъ имѣютъ по полному паю, четверо—по $\frac{1}{2}$ пая, 8 дворовъ—по $\frac{1}{3}$ пая. Хут. Успенскій образованъ въ 1890 г. 10-ю дворами, изъ которыхъ однако въ „голодный годъ“ ушло шесть, а вмѣсто нихъ вновь приселилось три семьи, которыя снимали у первыхъ жителей по $\frac{1}{2}$ или по $\frac{1}{4}$ пая, такъ что изъ нынѣшнихъ обитателей хутора одинъ лишь владѣетъ полнымъ паемъ, одинъ— $\frac{1}{4}$ пая, остальные-же имѣютъ по $\frac{1}{2}$ пая. Наконецъ на Пароловомъ хуторѣ земля была заарендована пятью товарищами, ранѣе жившими на хут. Кулешовомъ; одинъ изъ нихъ, однако, не захотѣлъ перебраться на Пароловъ хуторъ, а передалъ свой пай двумъ другимъ лицамъ; затѣмъ, въ разное время прибыло еще 4 семьи; одной изъ нихъ однимъ изъ „первыхъ жителей“ было уступлено $\frac{1}{2}$ пая, а остальные три не вошли въ артель, а арендуютъ у послѣдней землю подесятинно.

Заслуживаетъ особаго упоминанія то обстоятельство, что въ хуторскихъ артеляхъ наряду съ крестьянами и Кустанайскими, Актюбинскими и Орскими мѣщанами, т. е. переселенцами-же, перечисленными въ мѣщане названныхъ городовъ и вполнѣ сохранившими свой крестьянскій обликъ, иногда участвуютъ и лица другихъ общественныхъ классовъ. Такъ, въ числѣ пайщиковъ по хут. Никитиныхъ состоитъ одинъ Кустанайскій купецъ, который ведетъ земледѣльческое хозяйство на чисто-коммерческихъ основаніяхъ, безъ собственнаго инвентаря; въ числѣ первоначальныхъ арендаторовъ по Саратовской заимкѣ былъ священникъ изъ одной изъ ближайшихъ казачьихъ станицъ, который, по истеченіи 6-лѣтняго срока перваго договора, перешелъ съ нѣсколькими другими пайщиками на другой хуторъ. Но особенно важную роль лицо некрестьянскаго состоянія играетъ въ жизни хут. Успенскаго. Здѣсь весь участокъ заарендованъ на имя священника стан. Кумакской, о. Успенскаго, который половину его передалъ артели изъ 10 крестьянъ, а вторую половину оставилъ за собой, рассчитывая пристроить своего брата къ сельскому хозяйству; чрезъ о. Успенскаго хуторяне вели и ведутъ всѣ свои расчеты съ киргизами, и ему же передали свои пай тѣ 6 семей, которыя ушли въ „голодный годъ“, а о. Успенскій переуступилъ эти пай казакамъ изъ ближайшихъ станицъ, которые производятъ здѣсь посѣвы, но на хуторѣ не живутъ.

Едва-ли не наиболѣе рѣзкое различіе между заселками, могущими, при благоприятныхъ условіяхъ, разростись въ осѣдлыя поселенія, и хуторами или заимками, которыя представляютъ собой лишь временныя хозяйственныя единицы, можно усмотрѣть въ томъ, что жители первыхъ, въ общемъ выводѣ, далеко не столь зажиточны, какъ участники хуторскихъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, арендъ. Мною произведена подворная опись въ семи заселкахъ, населеніе которыхъ рассчитываетъ или рассчитывало жить осѣдло на заарендованныхъ имъ мѣстахъ, и по этимъ заселкамъ площади посѣвовъ выражаются въ слѣдующихъ цифрахъ:

	Число дворовъ.	Засѣяно десятинъ (по 4.000 саж.).	Въ среднемъ на семью десятинъ.
Хут. Лѣтуновскаго . . .	5	79	15,8
Зас. Аулекулъ . . .	13	55 ¹⁾	4,2 ¹⁾
„ Можаровскій. . .	36	237	6,6

¹⁾ Эта цифра, въ виду недавняго возникновенія заселка, не можетъ дать понятія о дѣйствительной состоятельности поселенцевъ.

	Число дво- ровъ.	Засѣяно деся- тинъ (по 4.000 саж.)	Въ среднемъ на семью десятинъ.
Зас. Н.-Уральскій . . .	55	317	5,8
Хут. Пароловъ . . .	11	86	7,8
„ Успенскій . . .	8	65	8,1
„ Терновскаго . . .	2	15	7,5.

Въ общемъ итогѣ по 7 заселкамъ 130 семей засѣваютъ 854 дес., что составляетъ въ среднемъ по 6,6 дес. на семью. Выше приведены данныя о всѣхъ вообще переписанныхъ мною подворно хуторахъ Кустанайскаго уѣзда; если исключить цифры по хут. Лѣтуновскаго, Успенскому и Ауль-екуль, которые мы отнесли къ разряду заселковъ, и по хут. „Смоланой заводъ“, гдѣ населеніе живетъ главнымъ образомъ лѣсными промыслами, и если прибавить цифру по хут. Ащибутаскому, Актюбинскаго у. (7 дв., 70 дес.), то окажется, что въ 10 хуторахъ, въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, 99 дворами засѣяно 2.690 дес., что составляетъ въ среднемъ на дворъ по 27,2 десятинъ, т. е. почти вчетверо болѣе, нежели въ заселкахъ. И это совершенно понятно: въ то время, какъ бѣдный и, частью, среднесостоятельный элементъ, говоря вообще, мечтаетъ только о томъ, чтобы прочно устроиться въ какой-нибудь мѣстности и получить въ надѣлъ или вообще въ постоянное пользованіе достаточное количество пригодной для культуры земли, наиболѣе состоятельные изъ числа переселенцевъ, какъ я уже упоминалъ въ предыдущей главѣ, предпочитаютъ вести хозяйство на арендныхъ на-чалахъ и переходить съ мѣста на мѣсто, эксплуатируя естественную произво-дительность непаханныхъ ранѣ цѣлинъ и бросая аренду, лишь только да-ваемые послѣдними урожаи начинаютъ нѣсколько понижаться. Вотъ почему въ заселкахъ богатые дворы, засѣвающие по нѣскольку десятковъ десятинъ, насчитываются немногими единицами, а средняя цифра посѣва только въ одномъ маленькомъ заселкѣ превышаетъ 10 дес. на дворъ, въ остальныхъ же не превышаетъ 6—8 дес. на семью. Напротивъ, на хуторахъ въ тѣсномъ смыслѣ слова изъ 99 зарегистрированныхъ мною семей 42 или 42,2% ока-зались засѣвающими свыше 20 дес. (по 4000 кв. саж.!), изъ нихъ 23 или 23,3%—свыше 40 дес., а у 14 семей или 14,4% общаго числа по-сѣвная площадь колеблется отъ 60 до 100 дес. мѣстной или отъ 100 до 167 дес. казенной мѣры; только по одному изъ 10 хуторовъ средній размѣръ посѣвной площади опускается до 10 дес.; по четыремъ онъ колеблется отъ 11 до 16 дес.; въ двухъ хуторахъ средній размѣръ посѣвной пло-

щади достигаетъ 21 и 27, а въ двухъ онъ доходитъ до огромной цифры въ 48 дес. мѣстной или 80 дес. казенной мѣры!...

Что касается, затѣмъ, до порядка пользования заарендованною землею или точнѣе—порядка распредѣленія земли и арендныхъ за нее платежей между домохозяйствами, участвующими въ арендѣ, то въ этомъ отношеніи между заселками и хуторами въ тѣсномъ смыслѣ слова не замѣчается никакого различія: ни въ тѣхъ, ни въ другихъ нельзя усмотрѣть чего-либо похорошаго на общинные порядки, при которыхъ земля распредѣлялась-бы по *дѣйствительной потребности*. Земля, а съ нею и платежи, вездѣ и во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ распредѣляется, говоря вообще, по *хозяйственной силѣ* участниковъ арендующихъ участки артелей, поскольку эта послѣдняя опредѣляется какъ рабочимъ составомъ семей, такъ и въ особенности—размѣромъ денежныхъ средствъ каждаго участника. Затѣмъ, форма, въ какую облакается этотъ общій принципъ, зависитъ отъ характера тѣхъ условій, на которыхъ заарендована земля у киргизъ. Въ слѣдующей главѣ я подробнѣе остановлюсь на этихъ условіяхъ. Здѣсь для меня достаточно отмѣтить два основныхъ типа арендъ: одинъ, къ которому относятся аренды заключенныхъ въ опредѣленные границы участковъ за плату, заранѣе условленную въ опредѣленной суммѣ денегъ; другой—, къ которому принадлежать аренды участковъ съ платой деньгами съ десятины дѣйствительной распашки или аренды изъ части обработанной земли, а также случаи, гдѣ арендаторъ получаетъ право пахать не въ какихъ-либо опредѣленныхъ границахъ, а по всему землевладѣнію сдатчиковъ, платя деньгами за каждую распаханную десятину или отдавая сдатчику часть обработанной земли,—словомъ всѣ случаи, гдѣ сумма арендной платы не опредѣлена заранѣе, а находится въ прямой зависимости отъ количества разработанной артелью и каждымъ отдѣльнымъ ея участникомъ земли. При арендахъ *перваго* типа каждый участникъ артели обязуется платить опредѣленную долю слѣдующей за весь участокъ арендной суммы, и заключающіяся въ границахъ заарендованнаго участка угодья распредѣляются между ними пропорціонально приватой каждымъ на себя долѣ платежей; получается упоминавшееся уже неоднократно распредѣленіе земли *по паямъ*, причѣмъ пай эти, какъ я уже говорилъ, даже при первоначальномъ образованіи артели распредѣляются иногда не цоровну, а затѣмъ, благодаря вступленію въ артель новыхъ членовъ и выходу старыхъ, сопровождаемому переуступками цѣлыхъ паевъ или дробныхъ частей паевъ, распредѣленіе послѣднихъ дѣлается очень неравномѣрнымъ: одни имѣютъ по цѣлому паяу или по два пая, тогда какъ другіе доволь-

ствуются половиной, третью и даже четвертою частью пая. При арендах второго типа никакою предварительнаго распределенія земли и платежей между пайщиками не дѣлается: каждый пашеть, сколько можетъ, и затѣмъ платитъ по числу распаханныхъ имъ десятинъ. Единственное известное мнѣ исключеніе составляетъ хут. Никитиныхъ, гдѣ арендный договоръ заключенъ на условіи платы съ распаханной десятины, и тѣмъ не менѣе участокъ раздѣленъ былъ, по числу первоначальныхъ участниковъ артели, на 12 паевъ; но со времени возобновленія, по истеченіи первыхъ шести лѣтъ, аренднаго договора, дѣленіе участка на пай было отмѣнено: каждый пашеть „по возможности“, и хотя большею частью держатся границъ старыхъ павыхъ участковъ, по „не обижаются“, если кто заѣдетъ въ границы чужаго пая.

Что касается до техники раздѣла угодій на пай, то въ этомъ отношеніи посѣщенные мною хутора и заселки представляютъ большое разнообразіе. Проще всего раздѣлъ произведенъ былъ въ названномъ только что хут. Никитиныхъ: здѣсь былъ заарендованъ прямоугольный участокъ въ 7 верстѣ длины и $4\frac{1}{2}$ в. ширины; каждому пайщику на одной изъ короткихъ сторонъ отмѣрили по 200 саж. и проложили приблизительно параллельныя линіи, которыми и разбили участокъ на 12 болѣе или менѣе равныхъ прямоугольниковъ, а затѣмъ „каждый гналъ свою полосу, сколько силы хватало“. Въ большинствѣ случаевъ дѣлили, повидимому, землю не сразу, а по частямъ, по мѣрѣ надобности; такъ, на заимкѣ Рязанцева землю разбили на „столбы“, а затѣмъ каждый „столбъ“, по мѣрѣ надобности, дѣлили на 8 (по числу паевъ) отрѣзковъ, по 15—20 дес. въ каждомъ, и отрѣзки эти разбирали по жребію; въ хут. Успенскомъ ежегодно отводилось на каждый пай по нѣскольку дес. лучшей по почвеннымъ условіямъ цѣлины; въ 1896 г. были подѣлены, по словамъ хуторянъ, послѣднія доброкачественныя цѣлины, и всего на пай оказалось отведеннымъ по 16 дес. Въ зас. Ново-Уральскомъ, снимающемъ два отдѣльныхъ участка, на каждый наличный пай ежегодно отводилось по равной и приблизительно равноцѣнной полосѣ, и такія же полосы нарѣзались и вновь приселявшимся дворами; всего пока отведено по 6 полосъ:

- въ 1-мъ участкѣ: 1) по „сотеннику“ (100×100 саж. = $2\frac{1}{2}$ сороков. дес.)
2) „по 20 саж.“ ($\times 100$) подъ бахчи
3) по 3 дес.
4) по 2 дес. подъ просо
во 2-мъ участкѣ: 5) по $2\frac{1}{2}$ дес.
6) „по 25 саж.“ ($\times 100$),

а всего на пай подѣлено пока по $11\frac{1}{8}$ сороковыхъ десятинъ, но при этомъ почти всѣ имѣли возможность пахать нѣсколько больше (на пай до 14 дес.), а довольно много удобной земли еще до сихъ поръ не раздѣлено. Наиболее точно и подробно передѣлъ земли по паямъ произведенъ на хут. Пароловомъ: здѣсь лучшей земли (которую одну только и напуть) отведено на каждый пай по 10 полосъ, размѣромъ, большею частью, по десятинаѣ; столь мелкія полосы нарѣзаны были ради уравнинія разстояній и различій въ естественной производительности и свѣжести почвы.

Послѣдній разрядъ переселенцевъ-арендаторовъ составляютъ тѣ, которыхъ можно объединить подъ общимъ названіемъ *арендаторовъ-одиночекъ*, — разрядъ, о численности котораго въ настоящее время не имѣется не только точныхъ, но даже приблизительныхъ свѣдѣній, и который не имѣетъ даже сколько-нибудь опредѣленныхъ границъ, отдѣляющихъ его отъ тѣхъ разрядовъ переселенцевъ-арендаторовъ, о которыхъ была рѣчь на предыдущихъ страницахъ. Арендаторы-одиночки — это, прежде всего, Кустанайскіе и частью — Актюбинскіе жѣщане, которымъ стало тѣсно внутри городского отвода и которые ведутъ хозяйство на арендованной у киргизъ землѣ, не соединившись для этого въ артели и не заарендовавъ заключенныхъ въ опредѣленные границы отдѣльныхъ участковъ. Далѣе, къ той-же категоріи относится значительная часть населенія арендаторскихъ поселковъ Боровской и Александровской волостей. Одни изъ этихъ поселковъ, какъ мы знаемъ, вовсе не располагаютъ заарендованными отъ имени цѣлаго общества участками полевыхъ угодій: пос. Боровской, Владимірскій, Ивановскій снимаютъ на имя общества только усадебныя мѣста и выгоны, пашнями-же и покосами жители ихъ пользуются исключительно на основаніи „частныхъ“ арендныхъ сдѣлокъ. Остальные поселки снимаютъ болѣе или менѣе значительные отрубные участки, заключающіе въ себѣ не только усадьбы и выгоны, но и полевые угодья; но участки нѣкоторыхъ изъ нихъ, напр. Степановскаго, Борисовскаго, Жуковскаго, слишкомъ малы по площади и не могутъ удовлетворить всей потребности въ землѣ населенія поселковъ; какъ въ этихъ поселкахъ, такъ равнымъ образомъ въ Александровскомъ и Михайловскомъ, совершенно истощился запасъ доброкачественныхъ цѣлинъ, на эксплуатаціи которыхъ всецѣло зиждется хозяйство переселенцевъ. Сравнительно болѣе обезпечиваютъ потребность переселенцевъ въ пахатной землѣ участки, заарендованные пос. Давыденковскимъ и Романовскимъ, — но и въ этихъ участ-

кахъ, какъ и въ участкахъ всѣхъ прочихъ поселковъ, очень мало доброкачественныхъ покосовъ,—и такимъ образомъ громадная часть потребности населенія названныхъ поселковъ въ пахатной землѣ и почти вся потребность его въ сѣнокосныхъ угодіяхъ удовлетворяется именно путемъ „частной“ аренды. Часть жителей поселковъ, главнымъ образомъ Алесандровскаго и Жуковского, составляетъ для этой цѣли небольшія артели, которыя снимаютъ у киргизъ заключенныя въ опредѣленныя границы земельныя участки или участвуютъ въ хуторскихъ артеляхъ Кустанайскихъ мѣщанъ; но бѣдное и среднесостоятельное большинство арендуетъ землю поодиночкѣ, подесятинно или, болѣею частью, изъ доли обработанной земли, причѣмъ нерѣдко пользуется, на тѣхъ или другихъ условіяхъ, не только землею киргизъ, но и ихъ рабочимъ скотомъ.

Такимъ образомъ въ составъ контингента арендаторовъ-одиночекъ входятъ и даже, по всей вѣроятности, наибольшую часть его составляютъ Кустанайскіе и (несравненно меньше) Актюбинскіе ¹⁾ мѣщане, а затѣмъ — жители десяти арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда, причѣмъ составъ этого рода арендаторовъ представляется довольно непостояннымъ: крестьянинъ арендаторскаго поселка, хуторянинъ или Кустанайскій мѣщанинъ, благодаря неурожаю, падежу или покражѣ скота лишившійся возможности вести самостоятельное хозяйство, переходитъ въ киргизскій аулъ и начинаетъ „пахать съ киргизами“; напротивъ, крестьянинъ, живущій въ аулѣ, если ему удалось стать на ноги или даже просто если ему наскучило жить среди киргизъ, вдалекѣ отъ русскаго населенія, возвращается въ Кустанай или въ поселокъ, и т. д.. Но независимо отъ разсмотрѣнныхъ категорій лицъ, по ауламъ проживаетъ, въ качествѣ арендаторовъ-одиночекъ, не мало лицъ, которыя не принадлежатъ къ составу ни Кустанайскихъ мѣщанъ, ни жителей арендаторскихъ поселковъ, а которыя приходятъ, болѣею частью съ самыми ничтожными средствами, изъ внутреннихъ губерній селятся по зимовкамъ, болѣею частью у богатыхъ киргизъ, и ведутъ здѣсь хозяйство на испольныхъ началахъ, пользуясь при этомъ и принадлежащимъ киргизамъ рабочимъ скотомъ. Сколько-нибудь точно опредѣлить численность этого рода лицъ можно было-бы развѣ только на основаніи матеріаловъ всероссійской переписи; но можно думать, что въ настоящее

¹⁾ Въ книгѣ на записку аренд. догов. Актюб. у. упр. за два года занесено (не считая хуторскихъ аренд): за 1892 г.—4 договора, за 1893 г.—5 догов., по первымъ четыремъ 6 лицами заарендовано 97 дес., по послѣднимъ пяти—29 лицами 226 дес..

время, когда, съ одной стороны, переселенцы имѣютъ возможность водворяться въ арендаторскихъ поселкахъ Боровской и Александровской волостей, а съ другой,—подъ вліяніемъ неурожаевъ начала нынѣшняго десятилѣтія, значительно сократился, и самый наплывъ переселенцевъ, — численность этой группы арендаторовъ-одиночекъ гораздо ниже, нежели была въ концѣ 80-хъ и самомъ началѣ 90-хъ годовъ, когда свѣдующіе люди опредѣляли число ихъ въ 5.000 душъ ж. п. ¹⁾.

Наконецъ послѣднюю группу арендаторовъ-одиночекъ составляютъ многочисленные переселенцы, частью временно проживающіе по казачьимъ станіцамъ Оренбургской линіи, вдоль сѣверной и западной границъ Тургайской области, частью живущіе въ городахъ—Илецкой-Защитѣ, Орскѣ и Троицкѣ и, въ большинствѣ, перечислившіеся въ мѣщане этихъ городовъ. Относительно численности этого рода арендаторовъ и количества арендуемой ими земли совершенно нѣтъ свѣдѣній, и такихъ свѣдѣній не могли бы даже дать, по всей вѣроятности, и матеріалы всероссийской переписи: по этимъ матеріаламъ можно было-бы приблизительно опредѣлить численность живущаго въ названныхъ городахъ и по казачьимъ станіцамъ пришлагаго населенія, — но болѣе или менѣе значительная часть послѣдняго занимается земледѣліемъ на земляхъ, арендуемыхъ не у киргизъ, а у казаковъ, и для опредѣленія численности той части, которая ведетъ хозяйство на киргизскихъ земляхъ, нѣтъ рѣшительно никакихъ данныхъ. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что число арендаторовъ-одиночекъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, довольно значительно, и что площадь киргизской земли, прошедшей чрезъ ихъ руки и частью находящейся подъ разработкой, частью заброшенной въ залежь, измѣряется десятками тысячъ десятинъ. Вдоль сѣверной границы Кустанайскаго уѣзда, какъ я лично могъ удостовѣриться, въ предѣлахъ волостей Миядыгаринской, Кинъ-аральской и Карабалыкской, такого рода арендаторами почти сплошь распашана непрерывно тянущаяся полоса, шириною въ 6—7 и до 10 верстъ. Очень велики распашки арендаторовъ-одиночекъ и въ окрестностяхъ Орска ²⁾, что же касается до района, тяготящаго къ г. Илецкой-защитѣ, то для этого района имѣются и цифровыя данныя, позволяющія составить себѣ понятіе о размѣрахъ переселенческихъ

¹⁾ Записка, приложенная къ донесенію завѣдывавшаго поселками г. Мадуревича на имя Военнаго Губернатора области отъ 16 іюня 1891 г., № 56.

²⁾ По книгѣ Акт. у. упр. за 1892 г. значится 5 договоровъ, по которымъ 14 лицами арендовано 480 дес..

арендѣ. Данныя эти относятся къ началу 1894 года, когда по указанному выше (гл. II) поводу исправляющему должность уѣзднаго начальника поручено было произвести дознаніе о количествѣ земли, сданной киргизами Тузтубинской волости въ аренду русскимъ поселенцамъ, — и по этому дознанію оказалось, что „общая площадь пашни, арендуемой мѣщанами и разночинцами гор. Илецкой-защиты въ Тузтубинской волости, исчисляется въ 2.271 десятину“¹⁾. На основаніи разспросныхъ данныхъ можно предполагать, что численность этой группы арендаторовъ киргизскихъ земель за послѣднее время довольно сильно возросла: въ прежніе годы „припущенники“, жившіе по казачьимъ станицамъ, снимали землю у казаковъ, платя послѣднимъ сначала по 20—30, потомъ—по 50 к. за десятину, и пораспахали, такимъ образомъ, значительную часть какъ поселковыхъ земель, такъ и офицерскихъ участковъ. Уже это самое обстоятельство, другими словами—истощеніе запаса цѣлинъ, должно было заставить арендаторовъ направить свое вниманіе на смежныя съ „линіей“ киргизскія земли. Но независимо отъ этого, важное значеніе имѣли принятія со стороны войсковаго начальства мѣръ, направленныхъ къ урегулированію аренды казачьихъ земель и къ предупрежденію сдачи ихъ за безцѣнокъ („чтобъ казаки зря землю не разматывали“). Въ значительной мѣрѣ, повидимому, изданныя въ этомъ смыслѣ распоряженія нарушаются и обходятся („сдасть казакъ 5—6 дес. по полтиннику, да говорить, что его посѣвъ“), — но большинство припущенниковъ должно было прекратить распашку казачьихъ и перейти на киргизскія земли.

Ниже будутъ разсмотрѣны, насколько позволяетъ имѣющійся въ нашемъ распоряженіи довольно неполный и отрывочный матеріалъ, условія пользования арендаторовъ-одиночекъ киргизскою землею. Здѣсь-же представляется умѣстнымъ особо остановиться на бытовыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится та часть арендаторовъ-одиночекъ, которая живетъ въ киргизскихъ аулахъ и если не всегда, то въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не только арендуетъ у киргизъ землю, но и пользуется для обработки послѣдней киргизскимъ скотомъ. Къ сожалѣнію, здѣсь мнѣ придется опираться почти исключительно на официальные свѣдѣнія, такъ какъ я лично почти не имѣлъ возможности входить въ непосредственное соприкосновеніе съ проживающими по ауламъ арендаторами-одиночками и долженъ былъ ограничиться опросомъ

¹⁾ Рапортъ Актюб. у. начальн. отъ 28 апр. 1897 г., № 38.

всего лишь нѣсколько человѣкъ, случайно встрѣчавшихся мнѣ на пути, и показаніями нѣсколькихъ лицъ изъ мѣстныхъ старожиловъ.

Первое извѣстное мнѣ официальное свидѣтельство относительно положенія проживающихъ въ аулахъ переселенцевъ содержится въ одномъ изъ донесеній ¹⁾ завѣдывавшаго въ 1890—91 г.г. поселками Кустанайскаго у. чиновника особыхъ порученій г. Мацуревича. „Въ аулахъ, пишетъ г. Мацуревичъ, проживаетъ до 5.000 душъ обоого пола, которые до того сжились съ киргизами, что жены и дочери ихъ имѣютъ дѣтей отъ киргизъ, (что они) кочуютъ вмѣстѣ, брѣютъ головы, носятъ халаты, а нѣкоторые только изъ нихъ остаются оберегать зимовки и посѣвы. Эти-же новоселы съ киргизами слѣдуютъ на баранту, воровство и разбой. Главное зло, продолжаетъ авторъ донесенія, отъ переселенцевъ, поселившихся среди киргизъ, заключается, по увѣренію духовенства, что они не исполняютъ христіанскихъ обрядностей религіи: дѣти остаются безъ св. крещенія, умираютъ безъ отпѣванія и живутъ безъ бракосочетанія. Ближайшіе высказываютъ желаніе выселиться на отдѣльные поселки на р. Уй, впадающей въ Тоболь, и Ащѣ, но въ виду того, что сильно сжились съ киргизами и прожили свой скотъ, они сдѣлались пролетаріями и находятся въ крайней нищетѣ и зависимости отъ киргизъ“. Донесеніе это, конечно, встревожило губернскую администрацію, которая приняла мѣры къ тому, чтобы выяснитъ дѣйствительное положеніе проживающихъ по ауламъ переселенцевъ ²⁾. Провѣрка сообщеній г. Мацуревича была возложена на мѣстнаго уѣзднаго начальника, который началъ съ того, что потребовалъ отъ г. Мацуревича указанія ему опредѣленныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ объ утратѣ поселенцами русскаго религіозно-правственнаго и бытоваго облика, на что г. Мацуревичъ отвѣтилъ сообщеніемъ о трехъ случаяхъ проживанія русскихъ женщинъ съ киргизами, о нѣсколькихъ случаяхъ погребенія поселенцевъ безъ отпѣванія по православному обряду, а также передалъ слухъ, что выселявшіеся въ Туркестанъ поселенцы, якобы, продавали дѣвочекъ киргизамъ ³⁾. Затѣмъ, производство спеціального дознанія по поводу сообщенныхъ г. Мацуревичемъ фактовъ и слуховъ было возложено на его преемника по завѣдыванію поселками, г. Стадухина, — и на основаніи данныхъ этого дознанія уѣздный начальникъ нашелъ возможнымъ признать, что „г. Мацуревичъ очевидно

¹⁾ Записка, прилож. къ донес. 16. VI. 1891 г., № 56.

²⁾ По этому поводу въ Обл. правленіи заведено особое «дѣло объ утратѣ русскими поселенцами религіозно-правственнаго и національнаго облика» (Хоз. отд. 3 ст., № 108/1819 г.).

³⁾ Отношеніе отъ 6 іюля 1892 г., № 92.

руководствовался народною молвой, не забываясь провѣрить, насколько справедлива и основательна эта молва. Отзывы жѣстныхъ приходскихъ священниковъ, продолжаетъ уѣздный начальникъ, вполне опровергаютъ доставленные г. Мадуревичемъ свѣдѣнія касательно упадка нравственности у русскихъ поселенцевъ, проживающихъ среди киргизъ, ибо жизнь первыхъ само собою поставлена въ такія условія, что они въ силу необходимости должны обязательно вращаться въ киргизахъ, снискивая себѣ такимъ образомъ средства къ существованію, и отнюдь не было случаевъ, чтобы состоятельные русскіе поселенцы, живя среди киргизъ, разстраивали свое благосостояніе, напротивъ, какъ миѣ извѣстно, увеличиваютъ таковое, и что между тѣми и другими никогда не существовало никакой въ матеріальномъ отношеніи зависимости, такъ какъ русскіе поселенцы, по моему миѣнію, сложившемуся за послѣднее время, вслѣдствіе частовременныхъ служебныхъ разъѣздовъ по уѣзду, какъ бы ни были бѣдны, ведутъ совершенно самостоятельную жизнь, ни сколь не зависящую отъ вліянія киргизъ, тѣмъ болѣе что совмѣстная ихъ жизнь составляетъ общій интересъ въ теченіе сравнительно очень короткаго времени, т. е. тогда, когда русскіе занимаются у киргизъ посѣвомъ и уборкой хлѣбовъ, по окончаніи же всѣ разъѣзжаются по русскимъ селеніямъ, гдѣ большинство изъ нихъ имѣетъ собственные дома, и весьма немногіе остаются зимовать въ аулахъ, но и тѣ, какъ миѣ извѣстно, часто ѣздятъ въ ближайшія русскія селенія, имѣющія церкви и молитвенные дома, для исполненія христіанскихъ обрядовъ“, — и изложенныя данныя побуждаютъ уѣзднаго начальника „признать вошедшія въ дознаніе свѣдѣнія вполне опровергающими“ донесеніе г. Мадуревича ¹⁾.

Однако, далеко не всѣ собранныя дознаніемъ свѣдѣнія подтверждали столь категорическое заключеніе уѣзднаго начальника. Въ томъ-же дознаніи имѣется отзывъ назначеннаго спеціально для посѣщенія проживающихъ среди киргизъ русскихъ поселенцевъ священника о. Феодора Соколова ²⁾, въ которомъ указывается на случаи погребенія русскихъ при киргизскихъ зимовкахъ, причемъ о. Соколову неизвѣстно, было-ли отпѣваніе покойниковъ по православному обряду, или нѣтъ; сообщается о трехъ случаяхъ незаконнаго сожитія среди поселенцевъ и присовокупляется, что прежде такіе случаи бывали очень часто; приводится два случая, одинъ — съ полною достовѣрностью, другой — въ видѣ слуха, сожитія русскихъ женщинъ съ киргизами.

¹⁾ Постановленіе у. начальника отъ 26 окт. 1893 г..

²⁾ 29 іюля 1893 г. № 90.

„Случаевъ формальнаго перехода, такъ заключаетъ о. Соколовъ свой отзывъ, мужины въ мусульманство я не встрѣчалъ, хотя виѣшняя жизнь и обстановка многихъ русскихъ семей (среди киргизъ) свидѣтельствуютъ, что многіе русскіе ведутъ тамъ образъ жизни не русско-православный“. Независимо отъ этого отзыва, по словесному предложенію военнаго губернатора, о. Соколовъ сообщилъ ему копію съ представленнаго имъ мѣстному Преосвященному отчета о миссіонерскихъ поѣздкахъ по степи. Въ отчетѣ этомъ приводится, прежде всего, нѣкоторое число фактовъ неутѣшительнаго свойства; незаконныхъ сожитій среди живущихъ въ аулахъ русскихъ поселенцевъ, неисполненія обрядовъ православной церкви, перехода поселенцевъ къ киргизской жизненной обстановкѣ и даже къ кочевому образу жизни; приводятся даже отдѣльные случаи, когда поселенцы высказывали вредныя мысли относительно церкви, случаи совершенія русскими молитвъ по-киргизски и отдачи ими дѣтей въ обученіе киргизамъ. А затѣмъ дается весьма печальная картина, вообще, положенія разбросаннаго по ауламъ русскаго населенія. „Печальна и трудна, говоритъ о. Соколовъ, жизнь этихъ русскихъ семей, въ розницу единицами разбросанныхъ по киргизскимъ ауламъ;... не имѣютъ они никакой осѣдлости въ русскихъ селеніяхъ, — все у нихъ въ аулѣ. И живутъ, терпѣливо перенося всѣ невзгоды отъ своихъ хозяевъ киргизъ. А то, чуть въ чемъ нетактично поступать, нѣсколько въ чемъ-либо не угождать, то и сожгутъ... (приводится примѣръ). А то ни съ чѣмъ выгонять въ открытую степь... (тоже); то вытравятъ скотомъ своимъ посѣвъ... (тоже). И живутъ, бѣдные, въ такихъ условіяхъ, терпѣливо перенося всѣ невзгоды и подчасъ забывая, что они—русскіе православные“.

Какъ-бы то ни было, но областная администрація не могла не удивиться въ ненормальности положенія разбросанныхъ по ауламъ русскихъ поселенцевъ. „Находясь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, писалъ военный губернаторъ мѣстному Преосвященному ¹⁾, въ экономической зависимости отъ киргизовъ, какъ отъ владѣльцевъ земли и рабочаго скота, русскіе люди мало по малу стали безразлично относиться къ своей религіи, а нѣкоторые, правда очень немногіе, опустили нравственно до того, что стали кочевать виѣстѣ съ киргизами и даже отдавать своихъ дѣтей въ ученіе мулламъ изъ киргизъ и татаръ“. „Чтобы поддержать русскихъ людей въ степи и развивать и укрѣплять въ нихъ русское сознаніе“, областная администрація считала необходимою, кромѣ административныхъ мѣръ, еще и

¹⁾ Письмо 15 дек. 1892 г. № 16664.

„живую помощь со стороны людей, которымъ дороги русскіе интересы“, для чего и предполагалось организовать особое „общество религиозно-нравственного попеченія о проживающихъ среди киргизовъ Тургайской области русскихъ переселенцахъ и новокрещенныхъ изъ магометанъ“. Однако общество это, несмотря на старанія областной администраціи, до сихъ поръ еще не осуществилось.

Какъ я уже напоминалъ, я лично не имѣлъ возможности собрать почти никакихъ данныхъ, которыя позволили-бы мнѣ составить себѣ сужденіе о размѣрахъ и значеніи того явленія, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь. Мнѣ довелось видѣть изъ числа живущихъ по ауламъ русскихъ немногимъ болѣе десятка семей, причемъ и относительно ихъ хозяйственнаго положенія, и относительно ихъ бытовой обстановки свѣдѣнія получились весьма разнообразныя ¹⁾: въ однихъ случаяхъ отношенія ихъ къ киргизамъ нельзя не признать выгодными для обѣихъ сторонъ: земля и скоть сдаются на весьма легкихъ условіяхъ, поселенцы пользуются у киргизъ безпроцентнымъ кредитомъ, рассчитываясь за долги деньгами, рубль за рубль, или хлѣбомъ по рыночной цѣнѣ; въ другихъ случаяхъ, наоборотъ, поселенцы несомнѣнно испытываютъ со стороны киргизъ различныя прижимки, облегаемыя, иногда, даже въ форму грубаго вымогательства и беззастѣнливой эксплуатаціи. Что касается до бытовой обстановки, то все вообще видѣнные мною поселенцы тяготятся полнымъ отчужденіемъ отъ церкви и русскихъ людей, — жалуется, что „жить скучно“; большинство, особенно мушницъ, выучилось говорить по-киргизски, а затѣмъ не только живущіе въ аулахъ, но и жители нѣкоторыхъ изъ посѣщенныхъ мною хуторовъ усвоили нѣкоторые киргизскіе приемы чествованія гостей и извѣстныя киргизскія развлечения; одинъ изъ видѣнныхъ мною поселенцевъ два года кочевалъ вмѣстѣ съ киргизами, такъ какъ послѣдніе, во избѣжаніе потравъ, не позволяли ему оставаться на лѣто на зимовкѣ, а одинъ признавался, что, живя съ киргизами, иногда ѣдалъ и конину — „пріѣдешь къ киргизу въ гости — да не увидишь, какъ съѣшь конину за говядину“.

Что касается, затѣмъ, до отзывовъ мѣстныхъ дѣателей, какіе мнѣ пришлось слышать и записать, то они рисуютъ положеніе живущихъ въ аулахъ переселенцевъ въ весьма мрачномъ свѣтѣ: на основаніи этихъ отзывовъ, такіе переселенцы являются въ полномъ смыслѣ слова рабами, крѣпостными; они въ полной зависимости отъ своихъ „господъ“ — киргизъ,

¹⁾ См. приложение, стр. 98 и 121.

которые по своему усмотрѣнію могутъ дать имъ землю или отказать въ ней, могутъ выгнать осенью или среди зимы со своей зимовки, отобрать оплаченный если не сполна, то въ большей части стоимости скотъ; „господа“-киргизы всѣми силами стараются не дать своимъ исполщикамъ „подняться“ и встать на ноги; иногда для этого дѣйствуютъ болѣе тонкими приѣмами,—напр., когда исполщикъ соберетъ хлѣбъ, киргизъ не даетъ ему лошадей, чтобы везти хлѣбъ на базаръ, и затѣмъ самъ покупаетъ за безцѣнокъ; иногда-же прибѣгаютъ и прямо къ насилію: удастся исполщику завести лошадь,—ее сейчасъ-же украдутъ. Говорятъ, затѣмъ, что большинство дѣвушекъ въ проживающихъ по ауламъ семьяхъ обезпечено киргизами, а жаловаться на это боятся изъ боязни мести киргизъ; что много дѣтей не умѣетъ говорить по-русски, отлично владѣя, въ то-же время, киргизскимъ языкомъ, и т. д..

Въ виду крайней недостаточности или даже, вѣрнѣе, почти полного отсутствія личныхъ наблюдений, я не могу опредѣленно высказаться, насколько основательны или, напротивъ, преувеличены эти отзывы. Едва-ли можно однако сомнѣваться въ томъ, что въ бытовомъ отношеніи положеніе живущихъ по ауламъ поселенцевъ представляетъ много ненормальнаго и ведетъ въ большей или меньшей степени къ одичанію русскихъ людей и къ утратѣ ими культурныхъ привычекъ. Менѣе неблагоприятно, по всей вѣроятности, собственно—экономическое положеніе такихъ поселенцевъ и хозяйственные результаты жизни по киргизскимъ ауламъ. Случаи эксплуатаціи, вымогательства и т. п. со стороны киргизъ, несомнѣнно, бываютъ; но едва-ли они составляютъ сколько-нибудь общее правило; по крайней мѣрѣ сами крестьяне, сколько мнѣ приходилось слышать, видятъ въ поселеніи въ киргизскомъ аулѣ и въ веденіи издольнаго хозяйства весьма хорошій способъ для безскотныхъ поселенцевъ обзавестись рабочимъ скотомъ и въ немного лѣтъ стать самостоятельными хозяевами, — и мнѣ лично, при подворныхъ опросахъ, пришлось отмѣтить нѣкоторое число дворовъ, ранѣе не имѣвшихъ собственного инвентаря и ставшихъ на ноги послѣ нѣсколькихъ лѣтъ проживанія въ киргизскихъ аулахъ.

Сказаннымъ въ настоящей и предыдущей главахъ, въ сущности, исчерпываются всѣ типы собственно—*переселенцевъ*-арендаторовъ. Но для того, чтобы получить полную картину арендныхъ отношеній, необходимо еще упомянуть здѣсь объ арендахъ, которыя можно назвать арендами *капиталистическими* или промышленными. Конечно, капиталистическій или про-

мышленный характер имѣютъ, во многихъ случаяхъ, хуторскія аренды и аренды одиночекъ, размѣры которыхъ нерѣдко далеко превосходятъ какъ рабочую силу арендаторовъ, такъ и потребительную норму, какъ-бы широко послѣдняя ни понималась; хозяйство въ этихъ случаяхъ всецѣло направляется на сбытъ хлѣба, который измѣняется, при мало-мальски сносномъ урожаѣ, тысячами пудовъ, и ведется исключительно или преимущественно наемными руками, на наемъ которыхъ расходуются многія сотни и даже тысячи рублей; встрѣчаются въ числѣ хуторянъ и жителей поселковъ даже такіе, которые не имѣютъ собственнаго живаго и мертваго инвентаря, кромѣ, можетъ быть, молотилки, жнеи или косилки, и обрабатываютъ арендуемую землю инвентаремъ и скотомъ нанимаемыхъ для того, обыкновенно за подешатинную плату, работниковъ. Но здѣсь мы имѣемъ въ виду не этого рода случаи, а только тѣ, когда арендаторами являются не переселенцы, а лица городского и вообще не сельскаго состоянія, и когда самая площадь аренды достигаетъ, нерѣдко, многихъ сотенъ десятинъ. И этого рода случаи, безъ спеціальнаго изслѣдованія, не поддаются сколько-нибудь полному учету, такъ какъ не мало такихъ случаевъ остаются незанесенными ни въ какія книги и вообще оффиціально неизвѣстны. Мы ограничимся здѣсь, поэтому, только перечнемъ арендныхъ сдѣлокъ этого рода, занесенныхъ въ книги подлежащихъ уѣздныхъ управленій.

По Кустанайскому у. такихъ сдѣлокъ имѣется очень мало. Такъ, за время, предшествующее вступленію въ дѣйствіе Положенія 25 марта 1891 г., я нашелъ только одну сдѣлку, по которой двумя казаками заарендованъ въ Кумакской вол. участокъ земли въ 100 дес. сотенной мѣры. На основаніи Положенія 1891 г. заключено три арендныхъ сдѣлки: купцомъ Архиповымъ, урядникомъ Усть-Уйской станицы Шарабакинымъ и двумя казаками той-же станицы; первымъ заарендованъ въ Убаганской вол. участокъ въ границахъ, описанныхъ по живымъ урочищамъ, безъ обозначенія площади ¹⁾, вторымъ снятъ въ Миндыгаринской вол. участокъ въ 500 дес., третьимъ — заарендованъ въ Кинь - Аральской вол. участокъ, площадью всего въ 80 дес.

Гораздо больше число оффиціально-извѣстныхъ случаевъ капиталистическихъ арендъ въ Актюбинскомъ у.. По этому послѣдному я имѣлъ возможность ознакомиться съ книгами за 1892 и 1893 г., а затѣмъ съ книгою для договоровъ, заключенныхъ уже на основаніи Положенія 1891 г., въ

¹⁾ Объ этой арендѣ см. выше, гл. III.

которой записи имѣются, однако, только за 1896 годъ. Судя по этимъ даннымъ, на первомъ мѣстѣ по размѣрамъ арендъ разсматриваемаго тина стоитъ ближайшая къ Оренбургу киргизская вол., Буртинская, по которой въ 1892 и 93 г. зарегистрированы слѣдующія сдачи:

Купцу Юрову	200 дес.
„ Захо	500 „
„ Мартынову	200 „
„ Гнѣздилову и Рябцову.	500 „
Казаку Попову	200 „ ,—

причемъ всѣ указанныя цифры изображаютъ только площади, подлежащія распашкѣ, общая-же площадь сданныхъ участковъ, конечно, гораздо больше. Далѣе, большія сдачи отмѣчены въ районѣ, тяготеющемъ къ гор. Орску, — въ Тереклинской и Араль-Тюбинской волостяхъ. По первой за тѣ-же два года значатся слѣдующія сдачи:

Купцу Попову.	76 дес.
„ Шубенкову и Смирнову.	300 „
„ Артеменко.	27 „
Чиновнику Роману.	100 „ ;—

въ 1896 г. въ той-же волости мѣщанину Рѣшетову сдано подъ распашку 300 десятинъ, а по Араль-Тюбинской волости въ концѣ 1895 и началѣ 1896 года сданы были четыре участка подъ выпасъ гуртовъ скота, за плату въ 300 р., 103 р., 105 р. и 150 р., причемъ арендаторами во всѣхъ случаяхъ являлись татары и богатые киргизы. Наконецъ, случаи капиталистической аренды отмѣчены еще и по Бистамаской волости (именно по расположенному вблизи Актюбинска 6-му аулу), гдѣ купецъ Шибаетъ уже много лѣтъ подрядъ арендуетъ участокъ длиною въ 5 в., а шириною въ 3 версты, а одинъ Актюбинскій мѣщанинъ въ 1892 г. снялъ по девяти отдѣльнымъ договорамъ 85 дес. земли; по Тустюбинской, гдѣ у Оренбургскаго мѣщанина Антонова въ 1894 г. оказалось заарендовано по двумъ договорамъ 48 дес. пашни, причемъ на всѣ работы по подготовкѣ земли и посѣву были подражены сами киргизы-сдатчики, и по Буртинской, гдѣ купцы Щербакъ и Ивановъ и войсковой гражданинъ Епанешниковъ въ 1895 г. заарендовали у 50 человекъ киргизъ 217 дес. уже вспаханной земли.

Повторяю, что перечисленные, официально известные сделки далеко не исчерпывают всех аренд капиталистического типа. По удостоверению, напр., бывшего Актюбинского уездн. начальника, г. Ревякина, в районах, тяготеющих къ Орску, Илецкой-Защитѣ и Оренбургу, масса земли продолжаетъ сдаваться купцамъ и мѣщанамъ негласно, богатыми и влиятельными лицами изъ киргизъ, и количество земли, сданной такимъ негласнымъ путемъ, далеко превышаетъ то количество, о которомъ имѣются официальные данныя.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

АРТЕЛЬНЫЯ И ЕДИНОЛИЧНЫЯ АРЕНДЫ.

(ПРОДОЛЖЕНІЕ).

Въ предыдущей главѣ представлена, насколько позволяли имѣвшіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы, характеристика арендаторскихъ товариществъ и арендаторовъ-одиночекъ. Теперь предстоитъ перейти къ разсмотрѣнію собственно *условія арендованія киргизской земли*. Относящійся сюда матеріалъ далеко полнѣе и обстоятельнѣе для арендъ товарищескихъ и тѣхъ, которыя я обозначилъ названіемъ капиталистическихъ, нежели для единоличныхъ переселенческихъ арендъ. Первые всегда или почти всегда оформливаются письменными договорами, заносимыми въ книги уѣздныхъ управленій, а потому при изученіи ихъ можно было опираться, кромѣ разспросныхъ данныхъ, еще и на довольно обширный документальный матеріалъ, особенно полный, какъ кажется, по Актюбинскому уѣзду; вторыя заключаются либо безъ всякихъ письменныхъ документовъ, либо въ роли послѣднихъ выступаютъ простыя росписки, удостоверяющія только полученіе сдатчикомъ денегъ отъ арендатора, — да и эти росписки нигдѣ не регистрируются, а остаются на рукахъ у арендаторовъ, такъ что мнѣ почти не удалось ихъ видѣть; свѣдѣнія объ условіяхъ единоличныхъ арендъ у меня имѣются, поэтому, почти исключительно разспроснаго характера, а потому — гораздо менѣе полныя и обстоятельныя.

По характеру своему, тѣ договоры, на основаніи которыхъ арендуется земля переселенческими артелями или товариществами, а также отдѣльными состоятельными лицами, могутъ быть разбиты на нѣсколько группъ или

типовъ. Наибольше распространенными представляются тѣ случаи, когда въ аренду сдается участокъ, заключенный въ опредѣленные, описанные по живымъ урочищамъ границы, и въ участкѣ этомъ арендаторамъ предоставляется право на всѣ виды сельскохозяйственнаго пользованія: пахоту, сѣнокосеніе, выпасъ скота, а также устройство жилыхъ помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ ¹⁾, причемъ достойно замѣчанія, что значительное

¹⁾ Къ этой категоріи относятся изъ имѣвшихся у меня въ рукахъ письменныхъ договоровъ слѣдующіе: по Кустанайскому у. 26. VI. 92 (пос. Александровск.), 18. X. 92 (Боровской), 28. IV. 93 (Романовскій) по Актюбинскому у. 12. XI. 87 (зас. Можаровскій), 8. X. 89 (хут. Ащибутакскій) 17. IV. 92, 8. XI. 92 (зас. Ново-Уральскій) 23. IV. 93 (хут. Башаринъ или Таста-Сай), 27. VI. 93 (зас. Ново-Уральскій), 23. VIII. 93, 23. IX. 93 (хут. Пароловъ); на тѣхъ же основаніяхъ заключены были не имѣвшиеся у меня въ рукахъ договоры по посѣщеннымъ мною хуторамъ Алакульскому, Никитиныхъ (первый договоръ), по занимаемъ Саратовской, Кислицына, Аледекова, Мѣшкова, Рязанцева. Приведу для примѣра выдержки изъ нѣсколькихъ договоровъ этого типа.

Догов. 8. X. 89. по хут. Ащибутакскому (Актюб. у.)... 1) «Мы, киргизы NN и NN, въ числѣ 6 кибитковладельцевъ, отдали въ аренду Голубцову изъ числа намъ принадлежащей по общему между собой надѣлу земли при вымовахъ нашихъ стойбищахъ участокъ земли для хлѣбопашества, сѣнокосенія и пастбы скота, граница котораго... (слѣдуетъ описаніе), срокомъ на 3 года, т. е. 1890, 91 и 92 г., цѣною за весь срокъ аренды за триста двадцать пять р., плата денегъ должна быть въ сроки при заключеніи сего условія 125 р., къ 1 апр. 1890 г. 100 р. и остальные 100 р. къ 1 сент. 1891 г.; 2) На арендномъ участкѣ Г-въ можетъ производить распашку и сѣнокосеніе самъ лично или нанятыми лицами и допускать постороннихъ, не ограничивая числа десятинъ по его усмотрѣнію, въ чемъ NN и NN и сосѣдніе киргизы препятствовать не должны, а сами хозяева и другіе киргизы на этомъ участкѣ въ теченіе 3-лѣтнаго срока не должны пользоваться никакими угодьями, но по снятіи хлѣбовъ и травъ могутъ пасти скотъ, что не возбраняется и Г-ву на ихъ землѣ; 3) На арендованномъ участкѣ на р. Ори Г-въ и допущенныя имъ лица могутъ имѣть жилища и для скота помѣщенія и для овоща огорода, но не превышая 15 землянокъ, вести разнаго рода скота (за исключ. свиней) и птицу, а по окончаніи трехлѣтнаго срока и если не войдутъ вновь въ соглашеніе, дозволяется арендатору и его допущеннымъ лицамъ безъ права пользованія землею прожить на участкѣ до 1 іюня 1893 г.; 4) Киргизы NN и NN должны ограждать Г-ва отъ всякихъ стѣсненій постороннихъ киргизъ въ правахъ пользованія, не доводя его ни до какихъ издержекъ, а за всѣ потравы... виновные отвѣчаютъ по закону; 5) Въ случаѣ по распоряженію правительства взятая въ аренду земля или часть оной отойдетъ въ другія руки, то въ этомъ арендаторъ Г-въ препятствовать не долженъ, уплативъ NN и NN условленную плату за года пользованія посявами, а буде впередъ выданную сумму NN и NN обязаны возвратить обратно ему Г-ву, взиравъ же отошедшей изъ участка части земли наравнѣ столько-же дес. изъ своей земли съ общаго соглашенія съ арендаторомъ, однако въ случаѣ отчужденія предоставивъ послѣднему право пользованія посявнымъ хлѣбомъ и притоволенной для посява землей...»

Догов. 28. IX. 93 по хут. Пароло (Актюб. у.)... «По приговору выборныхъ № 3 аула Актюб. вол., постановленному 19. IX. с. г., мы вышепоименованные киргизы сдали принадлежащій намъ земельный участокъ, находящійся на р. Карганѣ, грань котораго слѣдующая... (слѣдуетъ описаніе), для распашки и посява хлѣбовъ; въ участкѣ этомъ находится по приблизительному нашему счету въ длину 5 в., а въ ширину 3 в., срокомъ на 3 года..., цѣною за всѣ три года 300 р., изъ которыхъ мы, арендаторы, должны уплачивать слѣдующимъ порядкомъ: при заключеніи настоящаго условія 10 р., 90 р. 1 окт. 1895 г., 100 р. 1 окт. 1896 г. и 100 р. 1 ноября 1897 г.; взятымъ въ аренду участкомъ земля должны пользоваться мы сами, арендаторы, а не сдавать другимъ лицамъ; на сданномъ участкѣ они, арендаторы, имѣютъ право построить 4 землянки съ

большинство договоров этого типа заключено переселенческими артелями — что по подобнаго рода договорамъ существуетъ большинство хуторовъ въ широкомъ смыслѣ этого слова и въ частности — почти всѣ заселки, могущіе обратиться, впоследствии, и частью — уже обратившіеся въ постоянныя земледѣльческія поселенія. Размѣры заарендованныхъ участковъ въ значительномъ большинствѣ договоровъ этого типа вовсе не выражаются въ какихъ-либо числахъ, и только въ немногихъ договорахъ приводятся цифры, дающія приблизительное понятіе о протяженіи участковъ; такъ, въ двухъ изъ извѣстныхъ мнѣ договоровъ ¹⁾ указывается приблизительная длина и ширина участка (въ обоихъ случаяхъ 5×3 верст.), въ двухъ другихъ ²⁾ указывается одна ширина, длина же опредѣляется только живыми урочищами. Что касается до арендной платы, то она во всѣхъ извѣстныхъ мнѣ договорахъ

надворными пристройками (на такомъ-то мѣстѣ); кромѣ сего имъ арендаторамъ предоставляется пасти собственно имъ принадлежащій скотъ, какой у нихъ окажется».

Догов. 12. XI. 87, по зас. Можаровскому (Актюбинск. у.). «1) Мы, киргизы, NN съ прочими, на основаніи § 220 Пол. объ упр. въ степн. обл., съ общаго нашего согласія, въ числѣ 10 человекъ сдаемъ въ аренду Ем. Сафонову съ товарищами, изъ числа намъ принадлежащей по общему между собой надѣлу земли, участокъ, находящійся при зимовыхъ нашихъ стойбищахъ... (слѣдуетъ описаніе границъ), шириною въ концахъ не менѣе 2 верствъ, и сѣнокосное мѣсто по истоку съ горы, для хлѣбопашества и сѣнокосенія, на три года..., съ платой за каждый годъ по 191 р....; 2) Мы, крестьяне, Ем. С-въ съ товарищами, принимаемъ въ аренду участокъ.... съ тѣмъ, чтобы каждагодно производить распашку не болѣе третьей части; 3) Для постройки полевыхъ избъ или землянокъ и помѣщеній для скота..., киргизы.. должны отвести особую мѣстность (тамъ-то), на которой должно быть не болѣе 20 жилыхъ помѣщеній, и по истеченіи 3-лѣтняго срока, если не выйдутъ вновь въ соглашеніе съ киргизами, то арендаторы должны свести всѣ свои постройки безпрекословно; 4) ...Арендаторамъ дозволяется производить распашку и сѣнокосеніе самими лично или нанятыми лицами, или допускать постороннихъ..., а сами (киргизы) на этомъ участкѣ не должны пользоваться никакими угодьями; 5) Мы, арендаторы, не должны дѣлать порубокъ лѣса, но ломка камня въ постройки, заготовленіе топлива, чилиги, курая, ковыля и на крыши камышу имъ не воспрещается; 6) Киргизы... не должны препятствовать арендаторамъ въ прогонѣ скота на водопой по прямой линіи къ р. Ори, а при избушкахъ могутъ имѣть колодцы по усмотрѣнію; 7) Киргизы.... должны ограждать арендаторовъ отъ обидъ и притѣсненій, не дозволяя погравъ... какъ сами, такъ равно и другимъ киргизамъ, что также не должны позволять и арендаторы на киргизскихъ земляхъ; 8) По снятіи хлѣбовъ и уборкѣ сѣна на арендованной землѣ могутъ пасти скотъ и киргизы..., въ чемъ не препятствовать и арендаторамъ на ихъ земляхъ; 9) Въ случаѣ, если по распоряженію правительства взятая въ аренду земля отойдетъ въ другія руки, въ этомъ арендаторы препятствовать не должны, уплативъ NN съ прочими условленную плату по день отчужденія земли...; 10) При заключеніи сего условія мы арендаторы должны выдать киргизамъ... въ число условленной платы за 1888 г. 75 р., а остальные 116 р. къ 1 окт. с. г., а затѣмъ произвести плату каждагодно въ два срока — къ 1 янв. 100 р. и 1 іюля 91 р....».

¹⁾ По кн. Акт. у. упр. 23. VIII. 93 (купца Шибаева) и 28. IX. 93, причемъ въ первомъ добавлено, что «удобной земли для хлѣбопашества едва-ли находится $\frac{1}{3}$ часть, а остальная солонцы и неудобная».

²⁾ По кн. Куст. у. упр. 28. IV. 93 (иос. Романовскій), Акт. у. упр. 12. XI. 87 (зас. Можаровск.).

этого типа, кромя одного ¹⁾), опредѣлена не въ какихъ-либо подесятинныхъ цифрахъ, а въ общихъ за цѣлый участокъ и за всѣ виды пользованія суммахъ, причемъ въ однихъ случаяхъ сумма эта устанавливается погодно, въ другихъ — огульно за весь договорный срокъ.

При видимомъ несходствѣ, вполне тождественными по *внутреннему смыслу* съ договорами очерченнаго только что типа представляются и многіе изъ тѣхъ арендныхъ договоровъ, гдѣ показаны не только границы сдаваемого участка, но и его пространство, а иногда — одно только пространство, границы же хотя и извѣстны договаривающимся сторонамъ, но въ договорѣ не описаны ²⁾. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ

¹⁾ Первонач. договоръ по хут. Никитиныхъ, гдѣ плата была установлена съ десятины дѣйствит. распахки.

²⁾ Сюда относятся изъ извѣстныхъ мнѣ письменныхъ договоровъ слѣдующіе: а) съ платой по дѣйствительной распахкѣ: по книгѣ Кустанайскаго у. упр. №№ 1 и 3/1888 г. (пос. Борисовскій), № 4/1888 г., и догов. 25. VI. 93 (пос. Михайловскій), 20. VII. 89 и 10. VI. 94 (хут. Чистенькій; по книгѣ Актюбинскаго у. упр. 6. X. 92 (хут. Пароло); б) съ платой съ *каждой* десятины — по книгѣ Куст. у. упр. 1888 г. № 2 и догов. 7. IV. 91 (оба по пос. Степановскому); в) съ платой въ одной за весь участокъ общей суммѣ: по книгѣ Кустанайск. у. упр. догов. 1. VI. 90 (хут. Успенскій) и 8. VII. 92; по книгѣ Актюбинск. у. упр. догов. 5. XII. 95 (зас. Можаровскій) и 15. II. 96 (хут. Таста-сай или Башарина). Вотъ нѣсколько примѣровъ договоровъ этого типа.

Догов. 20. VII. 89, по хут. Чистенькому (Кустан. у.)... Киргизы NN (6 именъ) сдали 10 Кустанайскимъ поселенцамъ и 5 крест. Воронежской губ. «изъ находящагося въ пользованіи нашемъ участка земли при урочищахъ... (такихъ-то), между соляними дорогами, заключающею въ себѣ 100 дес. сотенной мѣры, срокомъ на 6 лѣтъ, т. е. произвести 6 посѣвовъ хлѣба и снѣтъ таковой. Плату по количеству распаханныхъ десятицъ, а именно за каждую сотенную дес. залога и оборота по 2 р., а подѣ посѣвъ третьяго хлѣба по 1 р. за дес.. Пастьба скота и покосъ на указанной мѣстности бесплатно. Во время аренды... (арендаторы) вправѣ возвести необходимыя при работѣ полевныя избушки, но не болѣе 15. Водопоемъ... имѣютъ право пользоваться въ оз. Мап-рашкуль бесплатно». Въ задатокъ арендаторы уплатили 100 р., а остальныя деньги, «сколько будетъ причитаться по количеству распаханной земли, — ежегодно къ 1 октябрю». Затѣмъ — оговорки о случаѣ, если земля понадобится правительству, объ охраненіи хлѣбовъ и сѣна отъ погравъ и о томъ, что участокъ долженъ быть обведенъ межою.

Догов. 6. X. 92 по хут. Пароло (Актюб. у.)... «Мы довѣренные и съ нами довѣрители NN съ прочими, согласно приговора аульнаго суда..., отдали вышепоименованнымъ поселенцамъ въ арендное содержаніе собственныя принадлежащія намъ земли, находящіяся... (слѣдуетъ описаніе границъ), съ постройкой нами арендаторами на этой землѣ шести землянокъ... (тамъ-то) и съ дозволеніемъ пастѣ нашъ скотъ на нихъ NN съ прочими землѣ, какъ рогатый, такъ и барановъ, какой окажется у насъ, арендаторовъ, — въ количествѣ 75 дес. сотенныхъ, срокомъ на три года, цѣной по два р. за дес.. Земля была чтобы удобная для хлѣбопашества по обѣ стороны большой Орской дороги; если мы, арендаторы, найдемъ эту землю удобною, то можемъ пользоваться согласно сего условія для посѣва хлѣбовъ, а если мы, арендаторы, признаемъ изъ арендованной нами земли неудобною, то они должны намъ дать удобную землю. Мы NN при заключеніи сего условія съ нихъ, арендаторовъ, получили впередъ за 1898 г. причитающуюся за годъ сумму въ количествѣ 140 р. (?), а остальныя причитающіяся суммы должны получаться съ нихъ, арендаторовъ, ежегодно 1 октября мѣсяца»...

договоровъ этого типа, только въ двухъ (по хут. Успенскому и Таста-Сай) площадь заарендованной земли обозначена въ цифрахъ, болѣе или менѣе соотвѣтствующихъ дѣйствительнымъ размѣрамъ участковъ; во всѣхъ остальныхъ проставлены цифры, которыя въ нѣсколько разъ меньше дѣйствительныхъ размѣровъ заарендованныхъ участковъ; насколько мало эти цифры имѣютъ отношенія къ дѣйствительности, можно видѣть хотя-бы

Догов. 5. XII. 95, по зас. Можаровскому (Актюб. у.)... 1) Я, управитель NN, на основаніи приговора общества... и въ силу 126 ст. Высочайше утвержденнаго 25 марта 1891 г. Положенія, продаю принадлежащую обществу № 2 аула Араль-Тюбинской вол. землю... (описание границъ и смежностей), въ количествѣ 200 удобныхъ десятинъ, изъ которыхъ пахатной 195 дес., а остальные затѣмъ 5 дес. подъ хуторомъ Можаровскимъ и огородами... за 200 р. срокомъ на 6 лѣтъ... Въ счетъ уплаты я при совершеніи сего условія получилъ отъ покушниковъ Герасимова и Коровина... 50 р., а остальные затѣмъ 150 р. долженъ получить слѣдующимъ образомъ: 1. I. 96—50 р., 1. I. 97—50 р., и 1. I. 98—50 р. 2)... 3) Арендаторы Герасимовъ и Коровинъ на снятой ими землѣ имѣютъ право производить распахку и сѣнокошеніе, такъ равно огородное и другое растительное посаженіе, сами и черезъ понятыхъ или лицъ, кромѣ того имѣютъ право заводить всякаго рода постройки и принимать къ себѣ другихъ лицъ во всякое время русскаго происхожденія, но только не превышая 28 землянокъ съ дворовыми для скота пристроями, причѣмъ воздвигнутыя ими землянки съ сѣнами по окончаніи аренды всѣ должны перейти въ пользу общества № 2 аула, если только участокъ не будетъ ими вновь заарендованъ, а въ случаѣ будутъ построены деревянные дома, амбары и сараи, должны остаться въ пользу арендаторовъ, но только на сносъ. 4) Мы, арендаторы Герасимовъ и Коровинъ, хотя и имѣемъ право принимать въ аренду свою исключенное въ 3 п. количество землянокъ, но только лицъ русскаго происхожденія и одобрительнаго поведенія и имѣющихъ установленные виды на жительство и пользующихся довѣріемъ народа... 5) Мы, арендаторы Герасимовъ и Коровинъ, водопоемъ для скота и себя должны пользоваться на р. Ори въ предѣлахъ означенныхъ выше урочищъ и входящихъ въ число арендной земли, но погравъ и вообще вреда жителямъ производить не должны, такъ равно и жители киргизы арендаторамъ погравъ дѣлать не вправѣ, и если-бы это случилось, то должна платить каждая сторона потерпѣвшему по установленной таксѣ. 6) Въ случаѣ отчужденія по распоряженію правительства снятой въ аренду земли или части оной, то мы, арендаторы Герасимовъ и Коровинъ, пренятствовать не должны, а должны войти въ соглашеніе общества на полученіе взаимнаго отчужденной земли того-же размѣра другаго участка. 7) Никто въ объясненномъ участкѣ кромѣ Герасимова и Коровина или съ разрѣшенія ихъ не долженъ пользоваться землею, и о всякомъ стѣсненіи какъ управитель NN, такъ мѣстный аульный старшина должны ихъ ограждать, не доводя ни до какихъ издержекъ. 8) Арендаторы Герасимовъ и Коровинъ... или допущенныя ими лица... имѣютъ право производить всякаго рода торговлю, только съ разрѣшенія начальства и по установленнымъ на то правамъ»...

Догов. 1. XI. 90, по хут. Успенскому (Кустан. у.)... «1) Я, NN, сдать ему, Успенскому, въ арендное содержаніе для хлѣбопашества, сѣнокошенія и пастбы скота Участокъ земли... въ количествѣ 750 дес. удобной и неудобной..., отведенной мнѣ на осн. 216 § Врем. полож. аульнымъ сходомъ выборныхъ, ... (описание границъ), срокомъ на 6 лѣтъ... За пользованіе означеннымъ участкомъ земли мы договорились съ Успенскимъ за весь условленный 6-лѣтній срокъ 900 р. с., съ тѣмъ, чтобы онъ, Успенскій, уплатилъ мнѣ, NN, при заключеніи сего условія 300 р., 15. IX. 94 г. 300 р., и остальные деньги 300 р. уплатилъ 15. IX. 96 г.. 2) Я, NN, сдаваю Успенскому въ аренду землю въ теченіе условленнаго 6-лѣтняго срока какъ самъ, такъ равно и посторонніе киргизы, пользоваться не должны, за исключеніемъ самаго Успенскаго и лицъ, которыхъ онъ, Успенскій, приметъ въ компанію, но съ тѣмъ, чтобы онъ, Успенскій, допускалъ до

изъ слѣдующихъ трехъ примѣровъ: заселокъ Можаровскій, по договору, арендуетъ участокъ площадью всего въ 200 дес., между тѣмъ какъ дѣйствительный размѣръ участка, по сознанию самихъ поселенцевъ, никакъ не ниже 700 десятинъ; хуторъ Чистенькій пользуется землею по двумъ контрактамъ: по одному снятъ участокъ, площадью въ 100 дес., по второму— участокъ, котораго площадь, по показанію хуторянъ, меньше площади перваго,— а между тѣмъ площадь однихъ только произведенныхъ на этихъ участкахъ посѣвовъ оказалась, по моей подворной описи, равною 560 десятинамъ; по поселку Степановскому подъ пашню заарендованъ, по контракту, участокъ въ 125 десятинъ; между тѣмъ, какъ я могъ убѣдиться личнымъ осмотромъ, дѣйствительная площадь этого участка никакъ не менѣе 500 десятинъ; наконецъ въ одномъ случаѣ, когда по жалобѣ не соглашавшейся на сдачу земли части киргизъ уѣздной администраціи пришлось произвести дознаніе по содержанію представленнаго на утвержденіе областнаго правленія приговора о сдачѣ въ аренду участка земли, площадь котораго въ приговорѣ была показана

постройки жилыхъ помѣщеній... не болѣе 10 домовъ или землянокъ, и притомъ ему, Успенскому, и его припущеникамъ не воспрещается противъ своего хутора по лѣвому берегу р. Кумака имѣть огороды... и безпрятственный прогонъ скота для водопоя. 3) Я, NN, также не долженъ препятствовать ему, Успенскому, и его припущеникамъ, пасты скотъ по всѣмъ моимъ земельнымъ угодьямъ, за исключеніемъ лишь сѣнокосныхъ мѣстъ, а по уборкѣ сѣна и хлѣбовъ какъ мой скотъ долженъ пастись на арендованномъ Успенскимъ земельномъ участкѣ, такъ равно не возбраняется пастись и его, Успенскаго, скоту по всѣмъ моимъ земельнымъ угодьямъ и безъ особой за это платы. 4) Уступленная мною въ аренду Успенскому земля, въ случаѣ надобности, должна отойти обществу или казнѣ безпрекословно, и тогда мы, NN и Успенскій, не должны претендовать на возмѣщеніе другъ съ друга или съ кого-бы то ни было убытковъ. 5) Охраненіе хлѣба и луговъ отъ потравъ на заарендованномъ участкѣ я, Успенскій, принимаю на себя. 6) По истеченіи условленнаго 6-лѣтняго срока аренды Успенскій... всѣ воздвигнутыя имъ и его припущениками дома и дворовыя постройки обязаны снести на собственный свой счетъ...

Догов. 15. II. 96, по хут. Таста-Сай (Актюб. у.). Сдается на 10 лѣтъ участокъ земли въ 900 дес., въ описанныхъ границахъ, «подъ посѣвъ разнаго рода хлѣбовъ и сѣнокосеніе, на слѣд. условіяхъ: 1) на арендномъ участкѣ мы, арендаторы, обязываемся дѣлать посѣвы хлѣба всѣхъ родовъ, пасты скотъ, также и косить сѣно, не выходя за границы владѣнія; 2) не возбраняется арендаторамъ или ихъ компаніонамъ устраивать на арендованномъ участкѣ жилья и хозяйственныя постройки, которыя по окончаніи аренднаго срока должны отойти въ собственность общества № 5 Акт. вол. безъ всякаго... вознагражденія». 3) Годовая плата 300 р., вносится въ 1 января (за опозданіе пени въ 1%). 4) «Мы, арендаторы, обязываемся принимать къ себѣ въ компанію не болѣе 20 домохозяевъ, но передача этого участка въ распоряженіе другого лица, безъ разрѣшенія начальства, не допускается... 5) «Мы, арендаторы, обязываемся скотъ свой пасты исключительно на арендованной землѣ съ тѣмъ, чтобы не причинялось никакихъ въ обществѣ потравъ, а въ случаѣ причиненія таковой отвѣчаемъ безпрекословно своимъ имуществомъ, а если же потрава будетъ учинена киргизскимъ скотомъ, то арендаторы должны заявить объ этомъ немедленно по начальству и просить удовлетворенія на законныхъ основаніяхъ, и 7) Расходы по заключенію контракта мы, арендаторы, принимаемъ на себя»...

въ 80 дес., — дознаніе обнаружило, что „площадь участка въ нѣсколько разъ болѣе 80 десятинъ“ ¹⁾), — что и послужило для областнаго правленія однимъ изъ основаній отказать въ утвержденіи приговора. Я могу положительно утверждать, что проставляемыя въ договорахъ этого типа цифры площади участковъ не основываются ни на какихъ, хотя-бы приблизительныхъ, обмѣрахъ, а выставляются, можно сказать, совершенно наобумъ, — но при этомъ почти всегда бывають въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительности. Когда киргизы, впоследствии, замѣчаютъ, что они сдали гораздо больше земли, нежели за сколько взяли деньги, арендаторы пускаются, нерѣдко, въ разныя хитросплетенныя толкованія, — что выставленная въ договорѣ цифра обозначаетъ вовсе не общую площадь участка, а число десятинъ *удобной для пашни* земли, или площадь, могущую быть засѣяною въ каждомъ данномъ году изъ общей площади участка. Но въ дѣйствительности арендаторы отлично знаютъ, что дѣлають, и выставляютъ низкія цифры десятинъ для того, чтобы снять участокъ подешевле, увѣривъ киргизъ, что предлагаемая имъ за участокъ общая сумма составляетъ, по расчету на десятину, достаточно высокую плату ²⁾).

Особенно ясно видна такая цѣль въ тѣхъ случаяхъ, когда въ договорѣ не содержится описанія границъ, а указана *только* площадь: въ этихъ случаяхъ арендаторы, обыкновенно, вели переговоры съ киргизами и составляли арендный договоръ, не условливаясь заранѣе относительно направленія

¹⁾ Указъ Области. Правл. 7. VII. 95 № 5.947 по дѣлу о сдачѣ земли въ 4 аулѣ Актюбинской вол. мѣщанамъ Баранову и Кривоножкову.

²⁾ Самая редакція того пункта договоровъ, гдѣ говорится о количествѣ сданной земли, бываетъ довольно разнообразна и иногда грѣшитъ — вѣроятно намѣреннымъ — неясностью. Такъ, въ договорахъ по хут. Успенскому (1. XI. 90) и Таста-Сай (15. II. 96) прямо показывается общая цифра «десятинъ удобной и неудобной», — цифра, какъ сказано въ текстѣ, приблизительно соответствующая дѣйствительнымъ размѣрамъ участковъ; но сходная редакція встрѣчается и въ рядѣ договоровъ, гдѣ приведены цифры въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительнаго размѣра участковъ; такъ, въ догов. по хут. Чистенькому (20. VII. 89) говорится объ «участкѣ земли, заключающемъ въ себѣ 100 дес. сотенной мѣры»; въ договор. по хут. Пароло (6. X. 92) — о «земляхъ... съ количествомъ 75 дес. сотенныхъ», въ догов. по пос. Борисовскому (3. VII. 88) о «землѣ... всего 200 дес.», и т. д. Иначе опредѣляется размѣръ участковъ, напр., въ договорѣ по хут. Можаровскому (5. XII. 95): здѣсь говорится о «продажѣ» земли «въ количествѣ 200 уд. дес.», — по затѣмъ ближе опредѣляется, что изъ этой земли «пахатной 195 дес., а остальные затѣмъ 5 дес. подъ хут. Можаровскимъ и огородами», — что и даетъ арендаторамъ предлогъ толковать договоръ въ томъ смыслѣ, будто 200 (вѣрнѣе 195) дес. обозначаютъ только площадь ежегодной распашки. Въ договорѣ по пос. Михайловскому сдается, въ описанныхъ границахъ «земельный участокъ для хлѣбопашества въ количествѣ 200 дес. свѣжей земли, кромѣ того 130 дес. раньше ими разработанной», — а по договору отъ 7. III. 93 киргизы сдаютъ «50 дес. сотенной мѣры старой пахатной земли, паханной ранѣе русскими, а также нижеуказанной грани новой земли окажутся удобіе для распашки, также позволяеть распашиваться, не переходя грани, кромѣ старой земли бесплатно».

границь арендуемаго участка, такъ что всѣ переговоры вертѣлись вокругъ определенной цифры десятинъ,—и уже по утверженіи договора участокъ обходился въ натурѣ, причеиъ въ составъ его захватывалось, конечно, гораздо больше земли, а киргизамъ ввучалось, что обойденная площадь именно соотвѣтствуетъ условленному числу десятинъ¹⁾).

Такимъ образомъ включеніе въ договоры разсматриваемаго типа данныхъ о размѣрахъ арендуемыхъ участковъ вовсе не измѣняетъ существа дѣла, которое здѣсь то-же, что и въ договорахъ предыдущей группы: и эти договоры, какъ и договоры предыдущей группы, являются почти исключительно договорами крестьянскими, — и смыслъ ихъ тоже заключается въ арендованіи заключенныхъ въ определенные границы участковъ, съ предоставленіемъ арендаторамъ въ чертѣ участковъ, безъ какихъ-бы то ни было ограниченій, права на всѣ виды сельско-хозяйственнаго пользованія.

Въ виду такого сходства договоровъ разсматриваемаго типа, въ существѣ, съ договорами предыдущей группы, представляется вполне умѣстнымъ болѣе детально разсмотрѣть условія арендныхъ сдѣлокъ совместно для обѣихъ группъ.

Сущность договоръ во всѣхъ разсмотрѣнныхъ до сихъ поръ случаяхъ сводится, какъ мы говорили, къ тому, что арендаторы пріобрѣтаютъ во временное пользованіе участокъ, заключенный въ определенные границы, — описаны-ли эти границы въ договорѣ, или нѣтъ, это безразлично —, и внутри этихъ границъ пріобрѣтаютъ право на всѣ виды сельско-хозяйственнаго пользованія землю. Если, поэтому, въ договорѣ нѣтъ описанія границъ участка—что встрѣчается довольно часто въ Кустанайскомъ у. и, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не встрѣчается въ Актюбйвскомъ, то въ немъ обязательно помѣщается упоминаніе о томъ, что границы эти тотчасъ по засвидѣтельствованіи договора должны быть обозначены въ натурѣ, причеиъ обыкновенно указываются и тѣ знаки, при помощи которыхъ надлежитъ отграничить участокъ: плужныя борозды, земляныя пирамидки или ямки. Но границы участка, описанныя въ договорѣ или обойденныя въ натурѣ, далеко не во всѣхъ случаяхъ имѣютъ, и притомъ не только фактически, но и по буквѣ самихъ договоровъ, безусловное значеніе. Такъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ для устройства *усадебъ* указывается *особое* мѣсто, въѣ описан-

¹⁾ Въ дог. по пос. Борисовскому (3. VII. 88) говорится: «снятый участокъ по засвидѣтельствованіи сего условія тотчасъ-же долженъ быть обведенъ кругомъ плугомъ или обозначенъ условными знаками... въ определенномъ и сданномъ въ аренду *количество десятинъ*».

ныхъ въ договорѣ или имѣющихъ быть обоюдными въ натурѣ границъ участка ¹⁾); въ другихъ видѣ границъ участка договоромъ указываются особня мѣста для *водопоя* и обозначается направленіе, въ которомъ скотъ долженъ быть прогоняемъ въ эти мѣста ²⁾). Но этого рода случаи представляются сравнительно рѣдкимъ исключеніемъ; гораздо чаще случаи другого рода, именно такіе, когда границы сдаваемыхъ въ аренду участковъ не имѣютъ значенія только по отношенію къ *пастьбѣ скота*. Въ большинствѣ договоровъ, правда, арендаторамъ предоставляется пасти свой скотъ исключительно въ чертѣ заарендованныхъ участковъ, не выходя на другія земли киргизъ-сдатчиковъ, — что иногда опредѣленно оговаривается (пасти скотъ „исключительно на арендованной землѣ“ „на той-же мѣстности“, „только на заарендованномъ участкѣ“, участокъ сдается „для хлѣбопашества, сѣнокошенія и пастьбы скота“, пастьба скота „на указанной мѣстности бесплатно“, пасти скотъ „въ извѣстной арендной окружкѣ“ „пасти скотъ на участкѣ“ и т. д.), иногда-же не высказывается опредѣленно, а должно быть подразумѣваемо по всему смыслу договоровъ. Но затѣмъ, въ довольно многихъ договорахъ разсматриваемыхъ типовъ арендаторамъ предоставляется право пасти свой скотъ не только въ чертѣ заарендованныхъ участковъ, но и по всѣмъ вообще владѣніямъ киргизъ-сдатчиковъ ³⁾, причемъ иногда это право предоставляется арендаторамъ безъ всякихъ оговорокъ, въ другихъ случаяхъ изъ числа мѣстностей, доступныхъ для скота арендаторовъ, исключаются сѣнокосныя мѣста, иногда-же этому скоту, во избѣжаніе, очевидно, беспорядочнаго вытравленія пастбищъ, предоставляется пастись лишь совмѣстно со скотомъ киргизъ-сдатчиковъ.

Такимъ образомъ значеніе границъ арендуемыхъ участковъ сводится, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы обезпечить за *арендаторами* право на исключительное пользованіе тою или иною опредѣленною площадью земли, причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ категорически выражается обязатель-

¹⁾ По Куст. у. догов. 1888 г. № 1, дог. 7. IV. 91 (оба по пос. Степановскому) и 8. VII. 92; по Актюб. у. догов. 12. XI. 87 (зас. Можаровскій).

²⁾ По Кустан. у. догов. по хут. Чистенькому (20. VII. 89) и Алакульскому; по Актюбинскому у. догов. 12. XI. 87 (зас. Можаровск.) и 8. XI. 92 (зас. Н.-Уральскій).

³⁾ «Я, NN, не долженъ препятствовать... пасти скотъ по всѣмъ моимъ земельнымъ угодьямъ, за исключеніемъ лишь сѣнокосныхъ мѣстъ» (по хут. Успенскому, 1. XI. 90); «довольется пасти нашъ скотъ на ихъ NN съ прочими землѣ...» (по хут. Пароло 6. X. 92), пасти скотъ «безъ означенія границъ, т. е. совмѣстно съ киргизскимъ скотомъ» (по Актюб. у. дог. 1. IX. 94); см. также договоры по Куст. у. 1898 № 2 и 7. IV. 91 (оба по пос. Степановскому), 25. VI. 93 (пос. Михайловск.) и договоръ по землѣ Кислицына.

ство киргизъ-сдатчиковъ не пользоваться ни въ какой формѣ сданною въ аренду землею ¹⁾),—обязательство, которое однако иногда, какъ мы увидимъ ниже, фактически нарушается, не вызывая со стороны арендаторовъ никакого протеста. Но и независимо отъ такихъ фактическихъ нарушеній неприкосновенности границъ участковъ, такое нарушеніе предусматривается—по крайней мѣрѣ въ одномъ отношеніи, и нѣкоторыми договорами: именно, договоры по всѣмъ заселкамъ и хуторамъ, расположенныхъ въ окрестностяхъ Орска ²⁾), предоставляютъ киргизамъ „по снятіи хлѣбовъ и уборкѣ травъ пасты свой скотъ на арендованной землѣ, въ чемъ не препятствовать и арендаторамъ на ихъ земляхъ“, иногда—съ особою оговоркой—„не учинять погрѣвъ хлѣба и сѣна“.

Каковъ же затѣмъ, спрашивается, объемъ правъ арендаторовъ по отношенію къ снятымъ въ аренду участкамъ? Я указалъ уже, какъ на общую характерную черту разсматриваемыхъ арендныхъ договоровъ, на то, что договоры эти предоставляютъ арендаторамъ право на *всѣ* виды сельскохозяйственнаго пользованія заарендованными угодьями. Обыкновенно въ договорахъ упоминается только о четырехъ, рѣже—только о трехъ видахъ пользованія: на первомъ мѣстѣ всегда говорится о правѣ распашки земли; затѣмъ—о правѣ устройства жилыхъ помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ и о выпасѣ скота, а обыкновенно, кромѣ того, и о правѣ косить сѣно внутри взятыхъ въ аренду участковъ; о правѣ устройства огородовъ упоминается лишь въ сравнительно немногихъ договорахъ ³⁾),—преимущественно тамъ, гдѣ крестьяне, заарендовывая землю, имѣли въ виду возможность болѣе прочнаго водворенія въ заарендованной мѣстности; наконецъ въ отдѣльныхъ случаяхъ въ договорахъ упоминается еще и о правѣ ловить рыбу ⁴⁾ или пользоваться для отопленія мелкою кустарною порослью ⁵⁾).

Не слѣдуетъ однако думать, чтобы право на всѣ перечисленные виды пользованія всегда предоставлялось арендаторамъ безъ всякихъ рѣшительно

¹⁾ ...«Сами въ теченіе трехлѣтняго срока на этомъ участкѣ не должны пользоваться никакими угодьями» (дог. по зас. Можаровскому 12. XI. 87); ...«я NN... сданною въ аренду земель въ теченіе условленнаго 6-лѣтняго срока, какъ самъ, такъ равно и посторонніе киргизы пользоваться не должны» (дог. по хут. Успенскому 1. XI. 90), и т. д.

²⁾ Зас. Ново-Уральскій и Можаровскій, хут. Ащибутаекскій и Успенскій (догов. 8. XI. 92, 12. XI. 87, 8. X. 89 и 1. XI. 90).

³⁾ По зас. Ново-Уральскому (дог. 8. XI. 92 и 27. VI. 93), Можаровскому (5. XII. 95), по пос. Михайловскому (3. VI. 88), хут. Тасто-сай (23. IV. 93), Ащибутаекскому (8. X. 89), Успенскому (1. XI. 90).

⁴⁾ По пос. Боровскому (см. выше, стр. 71) и хут. Лѣтуновскаго.

⁵⁾ По зас. Можаровскому (5. XII. 95).

ограничений. Впрочемъ, по отношенію къ тремъ основнымъ видамъ сельскохозяйственнаго пользованія этихъ послѣднихъ почти не встрѣчается. Такъ, изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ договоровъ только въ одномъ ¹⁾ встрѣчается ограниченіе права распашки правиломъ, „чтобы распашку производить ежегодно не болѣе третьей части земли“, — правило, которое, можно сказать навѣрно, включено было въ договоръ подъ какимъ-либо вліяніемъ извнѣ и на практикѣ вовсе не соблюдалось; равнымъ образомъ, только въ одномъ ²⁾ договорѣ встрѣчается ограниченіе правъ арендаторовъ по разведенію скота, именно имъ категорически воспрещается держать свиней. Во всѣхъ остальныхъ договорахъ право распахать землю и пасти скотъ либо упоминается безъ всякихъ оговорокъ, либо даже сдѣланы особыя оговорки, имѣющія цѣлью предоставленіе арендаторамъ, въ разсматриваемыхъ отношеніяхъ, самаго полного простора: имъ предоставляется напр., „распахивать сколько понадобится“, „распахивать и засѣвать... не ограничивая количества десятинъ“, разрабатывать землю „лично или понятными лицами“, „дѣлать посѣвы хлѣба всѣхъ родовъ“, пасти скотъ „всякаго рода“, „сколько его окажется“ у арендаторовъ, т. е. безъ всякаго ограниченія количествомъ, и т. д. Равнымъ образомъ, ни въ одномъ договорѣ мнѣ не встрѣтилось никакихъ ограниченій права арендаторовъ косить на заарендованной землѣ сѣно, и т. д., — хотя надо замѣтить, что это право, не ограниченное буквой договора, въ большинствѣ случаевъ имѣетъ мало реального значенія: мнѣ извѣстенъ всего одинъ случай, когда въ арендномъ договорѣ упомянуто специальное „сѣнокосное мѣсто по истоку съ горъ“ ³⁾; во всѣхъ остальныхъ договорахъ о такихъ угодьяхъ не упоминается, и изъ распросныхъ свѣдѣній извѣстно, что киргизы безусловно не соглашались включать въ границы сдаваемыхъ по договорамъ участковъ заливныхъ луговъ, даже въ такой мѣстности, какъ побережье Урала, гдѣ такіе луга имѣются въ изобиліи; въ составѣ большинства такихъ участковъ специальныхъ сѣнокосовъ вовсе нѣтъ, и лишь при благоприятной, дождливой погодѣ арендаторамъ удается косить ковыли или траву, вырастающую по солонцеватымъ пространствамъ; если же гдѣ и имѣются болѣе значительныя площади сѣнокосныхъ угодій, — то это — исключительно болотистыя или солонцеватыя низины, иногда полувысохшія озера, въ сравнительномъ изобиліи вкрапленныя среди пахатной степи и вѣроятно лишь

¹⁾ Первый договоръ по зас. Можаровскому (12. XI. 87).

²⁾ По хут. Ащибутакскому (8. X. 89).

³⁾ Первый договоръ по зас. Можаровскому (12. XI. 87).

потому сдаваемые въ аренду киргизами, что ихъ не было возможности отдѣлить отъ земель, для сѣнокосенія непригодныхъ и сдаваемыхъ собственно для земледѣлія.

Что касается затѣмъ до огородовъ, то изъ шести извѣстныхъ мнѣ договоровъ, гдѣ вообще упоминается о правѣ арендаторовъ устраивать огороды, въ трехъ указываются предѣльные размѣры огородовъ, а въ двухъ изъ нихъ, кромѣ того, и ихъ мѣстопоженіе: именно, въ договорѣ по пос. Михайловскому (З. VII. 88) устройство огородовъ допускается „шириною не болѣе 15 саж. и въ глубину 30 саж.“; въ договорѣ по зас. Ново-Уральскому (8. XI. 92) поселенцамъ предоставлено „разводить огороды при заливѣ около своихъ землянокъ..., не занимая таковыми луговыхъ мѣстъ болѣе чѣмъ на 15 саж. хозяйственной мѣры“, а дополнительный договоръ по тому-же заселку (27. VI. 92) дозволяетъ „занять мѣсто для огородовъ около хутора и оврага двѣ десятины земли на все время аренднаго срока“.

Но болѣе существенное и распространенное ограниченіе правъ пользования заарендованными участками относится въ договорахъ разсматриваемой категоріи къ вопросу о возведеніи жилыхъ и при нихъ хозяйственныхъ построекъ. Это и совершенно понятно: за единичными исключеніями, всѣ эти договоры заключались отъ имени крестьянскихъ артелей и товариществъ, или же хотя и отъ имени отдѣльныхъ лицъ, но съ цѣлью устройства на снятыхъ участкахъ болѣе и менѣе значительныхъ арендаторскихъ поселеній. Киргизы, какъ они ни мало предусмотрительны, какъ ни легкомысленно они поступали иногда при сдачѣ земельныхъ участковъ въ аренду, по опыту знаютъ однако, что неограниченный наплывъ на ихъ земли переселенцевъ, хотя-бы даже только на арендномъ правѣ, неизбѣжно приведетъ къ нежелательнымъ для нихъ, киргизъ, послѣдствіямъ: хуторъ, разросшійся до большого числа дворовъ, неизбѣжно будетъ стремиться обратиться въ постоянное селеніе; населеніе его не сможетъ довольствоваться сданною ему въ аренду землею, а будетъ неизбѣжно выходить изъ границъ заарендованнаго участка, либо вынуждая киргизъ къ новымъ и новымъ сдачамъ земли, либо захватывая эту послѣднюю безъ всякаго разрѣшенія. Наконецъ населеніе разросшагося до болѣе значительныхъ размѣровъ заселка уже совершенно иначе будетъ относиться къ сосѣдямъ-киргизамъ, нежели малочисленные обитатели разбросанныхъ среди киргизскаго населенія хуторовъ: оно почувствуетъ свою силу и изъ послушныхъ арендаторовъ, исполняющихъ всѣ законныя требованія киргизъ-землевладѣльцевъ, а нерѣдко — и ихъ незаконныя притя-

занія и вымогательства, сдѣлается, напротивъ, хозяиномъ положенія, и киргизамъ не будетъ съ арендаторами никакого сала. „Послѣдствіемъ такихъ дѣйствій арендаторовъ, — такъ жаловался Тереклинскій вол. управитель по поводу допущенія арендаторами зас. Ново-Уральскаго излишняго сверхъ указаннаго въ договорахъ числа припущенниковъ ¹⁾, можетъ выйти, что для нихъ недостаточно будетъ арендованной земли для распашки и для выпаса скота, и возможно ожидать хищнической распашки киргизской земли, прилегающей къ участку“, — каковое обстоятельство поведетъ „къ стѣсненію киргизъ и возникновенію излишней переписки и тяжбамъ“. — По всему этому киргизы, сдавая землю арендаторамъ-переселенцамъ, уже составляющимъ или имѣющимъ въ виду собрать для аренды товарищество, всегда особенно заботятся о томъ, чтобы это послѣднее не разрослось свыше извѣстнаго, не слишкомъ большаго размѣра; особенно опаснымъ они считаютъ для себя не столько участіе слишкомъ большого числа лицъ въ пользованіи заарендованною землей, сколько водвореніе ихъ на участкѣ, связанное съ устройствомъ усадебной осѣдности: арендаторъ, случайно заарендовавшій на посѣвъ нѣсколько десятинъ земли, уйдетъ такъ-же легко, какъ онъ пришелъ; напротивъ, арендаторъ, обзаведшійся домомъ и вообще постройками, уже гораздо крѣпче присталъ къ заарендованному мѣсту, и чрезмѣрный ростъ числа *такихъ* арендаторовъ именно и можетъ привести къ превращенію хутора въ заселокъ и въ концѣ концовъ — къ изытію заарендованной земли изъ обладанія киргизовъ.

Вотъ почему во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ товарищескихъ крестьянскихъ арендъ въ арендные договоры включены особыя оговорки, ограничивающія число участниковъ аренды опредѣленною цифрою, болѣе или менѣе соответствующею пространству участка и, нерѣдко, степени состоятельности наличныхъ участниковъ арендаторскаго товарищества; изъ

¹⁾ Донесеніе уѣздн. начальнику отъ 14. IV. 06 № 751 въ дѣлѣ Актюбинскаго у. упр. 1 ст. № 92/95 г. Довольно мѣтко характеризуетъ поведеніе переселенцевъ по отношенію къ киргизамъ, въ зависимости отъ численности первыхъ, г. Дѣдловъ въ своей книжкѣ «Переселенцы и новыя мѣста». Артель поселенцевъ, никому ничего не говоря, садится на берегу Тобола, устраиваетъ землянки и начинаетъ пахать и косить. «Наступаетъ осень, возвращаются изъ глубины степей киргизы, видятъ землянки и летятъ къ нимъ карьеромъ съ ружьями и нагайками, — убить хотятъ. А мужики ихъ еще издали увидели, выставляли хлѣбъ-соль, штофъ водки и на тарелкѣ, придавивъ камнемъ отъ вѣтра, три засаленныхъ рублевыхъ бумажки. Киргизы подскакали, мужики — шапки долой, и въ ноги: здравствуйте, батюшки, здравствуйте киргизушки, — примите дары, не побрезгуйте, и т. д.». «На слѣдующій годъ къ двумъ первымъ землянкамъ прибавляется 50 новыхъ. Еще на слѣдующій — сто. Еще черезъ годъ — двѣсти, и тогда уже киргизамъ вмѣсто хлѣба-соли достаются камни въ голову» (стр. 49—50).

этого общаго правила мнѣ извѣстно только одно исключеніе, именно хуторъ Никитиныхъ, гдѣ договоръ, повидимому ¹⁾, вовсе не устанавливалъ въ этомъ отношеніи никакихъ ограниченій. Вотъ почему, далѣе, самая редакція включенныхъ въ договоры, по этому вопросу, ограничительныхъ оговорокъ почти всегда выдвигаетъ на первый планъ не число *участниковъ въ арендѣ*, а число *жилыхъ помѣщеній*, могущихъ быть устроенными на заарендованномъ участкѣ; только въ двухъ изъ извѣстныхъ мнѣ договоровъ вовсе не упоминается о жилыхъ помѣщеніяхъ, а просто указывается предѣльное число „компаніоновъ“ или „пайщиковъ“ ²⁾, а въ одномъ хотя и упоминается о правѣ „построить по хутору“, но на первомъ планѣ стоитъ число „компаніоновъ“ ³⁾. Во всѣхъ остальныхъ договорахъ говорится именно о числѣ *жилыхъ помѣщеній*, дворовъ, допускаемыхъ въ *водворенію* на участкѣ. Одни договоры разрѣшаютъ первоначальнымъ арендаторамъ допустить на участокъ 10 „жилыхъ помѣщеній и такое-же число допустить семействъ“; по другимъ ограничивается просто число „землянокъ“, „землянокъ съ надворными постройками“, „землянокъ съ дворовыми для скота пристройками“, число „полевыхъ избушекъ“; особенно рѣзкій примѣръ этого рода представляетъ договоръ по хут. Успенскому, по которому „допускается *до постройки жилыхъ помѣщеній...* не болѣе 10 домовъ или землянокъ“, а арендаторы, не живущіе на участкѣ, допускаются фактически безъ всякихъ стѣсненій или пренятствій со стороны киргизъ. Что касается до самихъ предѣльныхъ цифръ, то въ нѣсколькихъ договорахъ онѣ соответствуютъ числу товарищей, участвовавшихъ въ заключеніи арендной сдѣлки, хотя и не всегда поименованныхъ въ договорѣ ⁴⁾, и такимъ образомъ увеличеніе арендаторскаго товарищества путемъ принятія въ составъ его по-

¹⁾ Договора я въ рукахъ не имѣлъ, а содержаніе его извѣстно мнѣ лишь по показаніямъ арендаторовъ.

²⁾ По хут. Таста-Сай (15. II. 96) и пос. Степановскому (1888 г., № 2).

³⁾ По хут. Башарина (23. IV. 93).

⁴⁾ Въ обояхъ догов. по хут. Парело (6. X. 92 и 23. IX. 93), по хут. Марадудина (7. III. 93), во второмъ договорѣ по зас. Можаровскому (5. XII. 95) и въ обоихъ догов. по зас. Ново-Уральскому (8. XI. 92 и 27. VI. 93); въ трехъ послѣднихъ договорахъ поименованы однако не всѣ бывшіе налицо во время заключенія договоровъ товарищи, что по зас. Ново-Уральскому вызвало пѣлый рядъ дразгъ и недоразумѣній (см. приложение, стр. 125—128). Нельзя не отмѣтить здѣсь же, что во второмъ договорѣ по зас. Н.-Уральскому число участниковъ ограничивается 10-ю, но затѣмъ добавлено: «а въ случаѣ надобности, то не воспрещается арендаторамъ еще добавить домовъ и семействъ, но лишь небольшое количество», — добавка, очевидно, включенная тайкомъ отъ киргизъ и въ обходъ ихъ требованія объ ограниченіи состава товарищества извѣстными предѣломъ.

выхъ членовъ косвенно не допускается вовсе, — а въ одномъ договорѣ есть даже прямое воспрещеніе — „не сдавать другимъ лицамъ“. Напротивъ, въ большинствѣ арендныхъ договоровъ прямо предусматривается возможность такого увеличенія, и предѣльный размѣръ товарищества въ случаяхъ этого рода опредѣляется обыкновенно въ 10, 15 или 20 дворовъ. — Затѣмъ, никакими дальнѣйшими ограниченіями приемъ новыхъ членовъ въ составъ арендаторскихъ товариществъ, въ видѣ общаго правила, не обставляется, и только во второй договоръ по зас. Можаровскому включены правила о томъ, чтобы принимались только лица русскаго происхожденія, съ надлежащими видами на жительство и „пользующіися довѣріемъ народа“¹⁾.

Разъ договоры допускали устройство на заарендованныхъ участкахъ жилыхъ помѣщеній и хозяйственныхъ построекъ, то естественно возникалъ вопросъ о судьбѣ этихъ построекъ въ случаѣ невозобновленія аренды по истеченіи срока заключаемаго договора. Случай этотъ предусмотрѣнъ въ довольно многихъ договорахъ, причемъ большинство послѣднихъ разрѣшаетъ вопросъ наиболее благопріятномъ для арендаторовъ въ смыслѣ, разрѣшая имъ и даже обязывая ихъ, въ случаѣ невозобновленія аренды, снести всѣ возведенныя ими постройки, а иногда оговаривая еще, что сносъ долженъ совершиться на собственный счетъ арендаторовъ²⁾; затѣмъ, одинъ договоръ предоставляет арендаторамъ на выборъ, въ разсматриваемомъ случаѣ, либо снести постройки, либо оставить ихъ въ пользу киргизъ-землевладѣльцевъ³⁾; одинъ разрѣшаетъ вопросъ различно для землянокъ, которыя оставляетъ въ пользу землевладѣльцевъ, и бревенчатыхъ избъ, которыя остаются арендаторамъ, „но только на сносъ“⁴⁾; и, наконецъ, по одному договору всѣ постройки, каковы-бы онѣ ни были, въ случаѣ невозобновленія аренды остаются землевладѣльцамъ⁵⁾.

Дальнѣйшій вопросъ, весьма интересовавшій, при заключеніи арендныхъ договоровъ, обѣ стороны, — это вопросъ о потравахъ, производимыхъ скотомъ той или другой изъ договаривающихся сторонъ въ хлѣбъ и на лугахъ другой стороны, — вопросъ особенно важный въ виду крайне без-

¹⁾ См. приложение, стр. 112.

²⁾ По Кустан. у. догов. 1. XI. 90; по Актюбинскому у. догов. 12. XI. 87, 15. XI. 92, 27. VI. 93.

³⁾ Дог. 8. XI. 92 (зас. Н.-Уральск.).

⁴⁾ Дог. 5. XII. 95 (зас. Можаровскій).

⁵⁾ Дог. 15. II. 96 (хут. Таста-Сай).

порядочной пастьбы киргизскаго скота. Постановленія по вопросу о потравахъ имѣются, поэтому, въ довольно многихъ арендныхъ договорахъ, но содержаніе этихъ постановленій представляется чрезвычайно разнообразнымъ. Такъ, въ однихъ договорахъ нѣтъ по этому вопросу ничего, кромѣ упоминанія о томъ, что обязанность „ограждать“, „окарауливать“ хлѣба и сѣно отъ потравъ лежитъ на самихъ арендаторахъ¹⁾; по другимъ договорамъ обязанность „не дозволить потравъ хлѣбовъ и травъ“ возлагается на киргизъ—сдатчиковъ земли, которые обязаны даже предупреждать потравы и со стороны другихъ киргизъ²⁾. Затѣмъ, большинство договоровъ опредѣляетъ, такъ или иначе, послѣдствія могущихъ случиться потравъ, причемъ въ нѣкоторыхъ договорахъ нѣтъ ничего, кромѣ общаго указанія на обязанность виновныхъ отвѣчать „своимъ имуществомъ“ или нести взысканіе „по установленной таксѣ“, „по закону“³⁾, другіе же договоры опредѣляютъ и самый порядокъ разбирательства дѣлъ о потравахъ: иногда право разрѣшать такіа дѣла предоставляется „мѣстной власти“ или прямо мѣстному аульному старшинѣ⁴⁾, иногда же арендаторы принимаютъ на себя обязанность подчиниться, въ случаѣ возникновенія дѣла о потравѣ, киргизскому народному суду⁵⁾. Наконецъ особаго упоминанія заслуживаетъ одинъ договоръ, дѣлающій различіе между потравой и „неумышленнымъ перепускомъ скота арендаторовъ на земли киргизъ“, и предписывающій „за такой поступокъ платы не взимать“, предупредивъ объ этомъ арендаторовъ⁶⁾.

Дальнѣйшія оговорки, встрѣчающіяся въ томъ или другомъ видѣ въ большинствѣ арендныхъ договоровъ, имѣютъ въ виду предусмотрѣть послѣдствія, могущія произойти благодаря неурегулированности киргизскаго землевладѣнія и неопредѣленности какъ взаимныхъ земельныхъ отношеній самихъ киргизъ, такъ и отношеній ихъ къ казнѣ, верховному собственнику и распорядителю земли. Благодаря этимъ обстоятельствамъ, какъ было уже выяснено во второй главѣ, интересы арендаторовъ остаются, въ сущности, весьма мало огражденными, такъ какъ снятый ими участокъ земли можетъ оказаться спорнымъ между сдавшими его и какими-нибудь другими киргизами, а съ другой стороны — можетъ быть и совсѣмъ изъятъ

¹⁾ Дог. 1. X. 90, 18. X. 92, 25. VI. 93 (всѣ по Кустан. у.).

²⁾ Дог. 12. XI. 87 (хут. Можаровскій).

³⁾ Дог. 8. X. 89, 28. XI. 92, 5. XII. 95 и 15. II. 96 (всѣ по Актюб. у.).

⁴⁾ Дог. 8. XI. 92 и 28. IX. 93 (по Актюб. у.).

⁵⁾ Дог. 7. IV. 91, 18. X. 92 и 25. VI. 93 (всѣ по Кустан. у.).

⁶⁾ Дог. 8. XI. 92 (зас. Н.-Уральскій).

казною изъ владѣнія киргизъ и получить какое-либо иное назначеніе. И тотъ, и другой случай, иногда оба встрѣтъ, а чаще порознь, предусмотрѣны въ очень многихъ изъ извѣстныхъ мнѣ арендныхъ договоровъ. Особенно часты оговорки предусматривающія „препятствія со стороны начальства въ отношеніи арендованныхъ земель, принадлежащихъ киргизамъ“, „распоряженіе правительства о пережѣнѣ жилыхъ земельныхъ пользованій“ или, какъ точнѣе формулировано въ нѣкоторыхъ договорахъ, „случай, когда по распоряженію правительства взятая въ аренду земля отойдетъ въ другія руки“; оговорки этого рода включены почти во всѣ арендные договоры по Кустанайскому у. и въ довольно многіе изъ договоровъ по Актюбинскому, причѣмъ уже совершенно однообразная, въ большинствѣ случаевъ, редакция убѣждаетъ въ томъ, что оговорки эти включались въ договоры не по собственной инициативѣ сторонъ, а по указанію мѣстной администраціи. Значительное большинство договоровъ не только не предоставляетъ арендаторамъ, на случай подобныхъ „распоряженій“ правительства, права искать съ кого-либо за преждевременное прекращеніе аренды, но прямо обязываетъ арендаторовъ „не препятствовать“, „не претендовать на возмѣщеніе“, или же ограничивается простымъ упоминаніемъ о такомъ „распоряженіи“, какъ о единственномъ случаѣ, когда заключаемый договоръ можетъ утратить свою силу. При наступленіи подобнаго „распоряженія“, арендаторы обязываются только доплатить киргизамъ деньги за все время дѣйствительнаго пользованія отобранною землею и имѣютъ право получить обратно деньги, выплаченныя впередъ, а также, по нѣкоторымъ договорамъ, воспользоваться на одинъ посѣвъ уже разработанной къ данному году землею¹⁾; и лишь немногіе договоры ограждаютъ, на подобный случай, интересы арендаторовъ и обязываютъ киргизъ нарѣзать послѣднимъ, по соглашенію съ ними, такое-же количество земли въ другомъ мѣстѣ²⁾).

Что касается до недоразумѣній, могущихъ произтечь изъ неясности земельныхъ отношеній между самими киргизами, то о нихъ говорится преимущественно въ договорахъ другаго типа, заключенныхъ отдѣльными состоятельными лицами, — а изъ извѣстныхъ мнѣ крестьянскихъ договоровъ соответственныя оговорки встрѣчаются только въ трехъ: въ одномъ просто упоминается объ обязанности сдатчиковъ „ограждать арендаторовъ отъ обидъ“, въ двухъ другихъ киргизы обязуются „ограждать арендатора отъ

¹⁾ По Куст. у. дог. 7. VI. 93, 1. XI. 90, по Акт. у. 12. XI. 87, 27. VI. 93 и др.

²⁾ По Актюб. у. дог. 8. X. 89 и 5. XII. 95.

всяких стѣсненій постороннихъ киргизъ въ правахъ пользованія, не доводя его ни до какихъ издержекъ“¹⁾.

Таковы, собственно говоря, всѣ важнѣйшіе вопросы, затрогиваемые договорами разсматриваемыхъ типовъ,—тѣми договорами, на которыхъ по преимуществу основываются крестьянскія товарищескія аренды. Вопросъ о размѣрахъ арендной платы и о порядкѣ ея выплаты я буду разсматривать ниже, совмѣстно для всѣхъ группъ арендныхъ договоровъ, а теперь мнѣ надлежитъ остановиться еще на вопросѣ о *срокахъ* дѣйствія договоровъ, т. е. другими словами—о продолжительности арендъ.

Насколько можно судить по извѣстнымъ мнѣ документально или по разспросамъ случаямъ, арендные договоры разсматривавшагося до сихъ поръ типа всегда заключаются на сравнительно продолжительные сроки, что и вполнѣ понятно, такъ какъ крестьянскія товарищества, съ одной стороны, всегда стремятся обзавестись на участкахъ нѣкоторою, хотя-бы временною осѣдлостью, что при годичной арендѣ было-бы совершенно неисполнимо; съ другой-же стороны такого рода арендаторы рѣдко распаиваютъ сразу весь заарендованный участокъ, а дѣлаютъ это по частямъ, переходя отъ однихъ цѣлинъ къ другимъ, почему запаса цѣлинныхъ земель имъ хватаетъ, обыкновенно, на довольно длинный рядъ лѣтъ. Мнѣ неизвѣстно и, вѣроятно, не было ни одного случая, чтобы договоръ разсматриваемаго типа былъ заключенъ всего на одинъ годъ; самымъ короткимъ срокомъ является трехлѣтній,—но и на три года заключено было всего семь договоровъ²⁾; затѣмъ три договора³⁾ заключено было на пятилѣтній срокъ, три на 9 или 10 лѣтъ⁴⁾, а во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ двадцати случаяхъ арендные договоры заключены были на *шестилѣтній* срокъ, который и можетъ быть признанъ наиболѣе нормальнымъ, господствующимъ для арендъ крестьянскаго, хуторскаго типа; достойно при этомъ замѣчанія, что четыре изъ семи трехлѣтнихъ договоровъ относятся еще къ концу 80-хъ годовъ, въ девяностыхъ-же годахъ трехлѣтніе договоры, можно сказать, совершенно исчезаютъ.

Совсѣмъ иное слѣдуетъ сказать о договорахъ того типа, который я, для краткости, назвалъ капиталистическимъ. Изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ

¹⁾ По Актыб. у. дог. 12. XI. 87, 8. X. 89 и 5. XII. 95.

²⁾ По Куст. у. ЖЖ 2 и 4/1888 г., по Актыб. у. 12. XI. 87, 8. X. 89, 17. IV. 92, 6. X. 92 и 28. IX. 93.

³⁾ По Куст. у. 28. IV. 93, по Акт. у. 8. XI. 92 и 27. VI. 93.

⁴⁾ По Куст. у. догов. по хух. Алелекова, по Акт. у. 23. IV. 93 и 15. II. 96.

договоровъ этого типа, которые, впрочемъ, всё относятся къ одному лишь Актюбинскому уѣзду, нѣтъ ни одного, который былъ-бы заключенъ на срокъ болѣе четырехъ лѣтъ, и даже этотъ послѣдній срокъ встрѣтился мнѣ всего въ одномъ договорѣ ¹⁾; чаще всего (изъ извѣстныхъ мнѣ 16 случаевъ въ девяти) договоры заключались на три года, а шесть договоровъ ²⁾ заключено всего на годъ или, что тоже, на одинъ посѣвъ. И это, опять-таки, представляется совершенно понятнымъ: если арендаторъ-крестьянинъ въ большинствѣ случаевъ имѣетъ въ виду создать себѣ хоть временную осѣдность, то арендаторъ-капиталистъ не имѣетъ въ этомъ никакой надобности, и продолжительность аренды не играетъ для него, поэтому, никакой роли; онъ желаетъ держать землю лишь до тѣхъ поръ, пока ея нетронутая почва даетъ огромный урожай, способный съ лихвою окупить всё затраты, а потому для него самое подходящее — арендовать землю погодно, чтобы имѣть возможность при первыхъ-же признакахъ истощенія почвы отказаться отъ аренды; если-же такой арендаторъ имѣетъ возможность заарендовать хорошій цѣлинный участокъ и если онъ хочетъ оградить себя отъ конкурентовъ на все время эксплуатаціи цѣлины, то все-же ему нѣтъ смысла арендовать участокъ болѣе, чѣмъ на три года: располагая капиталомъ, онъ тотчасъ-же по заарендованіи можетъ распахать всё обѣщающія дать хорошій урожай пшеницы или другого цѣннаго хлѣба цѣлины, и съ этихъ послѣднихъ онъ сниметъ никакъ не болѣе трехъ хлѣбовъ, послѣ чего заброситъ участокъ и будетъ искать новаго участка и новыхъ цѣлинъ.

По содержанію своему, значительное большинство извѣстныхъ мнѣ арендныхъ договоровъ капиталистическаго типа не представляетъ особенно большого разнообразія: земля сдается не для *всѣхъ* видовъ сельскохозяйственнаго пользованія, а исключительно или преимущественно подъ распашку, въ точно опредѣленномъ количествѣ; обыкновенно арендатору отводится мѣстность въ извѣстныхъ по живымъ урочищамъ границахъ, и въ этой мѣстности ему предоставляется распахать, на выборъ, точно опредѣленное количество десятинъ, обыкновенно выражающееся въ круглыхъ сотняхъ, рѣже въ десяткахъ десятинъ ³⁾. Въ видѣ общаго правила, описаніе

¹⁾ По Акт. у. дог. 28. II. 95.

²⁾ Догов. 21. II, 19. III, 6. IV, 10. IV, 21. V и 28. XI. 1892 г.

³⁾ Такой характеръ имѣютъ напр. договоры: по Кустая. у. 7. VI. 63, по Актюб. у. 21. II. 92, 7. III. 92, 7. III. 92, 19. III. 92, 6. IV. 92, 30. IV. 92, 10. V. 92, 15. XI. 92, 1. IX. 93, 28. IX. 93, 28. II. 95,—всѣ по Буртинской, Тереклинской и Актюбинской волостямъ,—изъ которыхъ впрочемъ два договора (7. III. 93 по Акт. у. и 7. V. 93 по Куст. у.) должны быть

границъ включается въ самый договоръ,—и только въ одномъ договорѣ (8. I. 93) такого описанія нѣтъ, а сдатчики „должны указать арендатору сдаваемую землю по вскрытіи первой весны нынѣшняго года“. Свойства сдаваемой подъ распашку земли въ нѣкоторыхъ договорахъ не опредѣляются ближе, а просто говорится о „пахатной“, „удобной“ землѣ; но чаще съ точностью

отнесены къ разряду не капиталистическихъ, а кусторскихъ. Вотъ почти полный текстъ одного изъ этихъ договоровъ (28. II. 95).

... «слушали: приговоръ общества № 7 аула (Терекл. вол.) отъ 15. IX. 94 о сдачѣ ими изъ предѣловъ изъ зимовыхъ стойбищъ въ арендное содержаніе земли старораспаханной подъ названіемъ залежь въ размѣрѣ 300 дес., срокомъ на 4 года, цѣною за 350 р., запасному унт.-оф. г. Орскѣ П. Г. Рѣшетову. Мѣстность этой земли находится... (тамъ-то). Арендную плату при написаніи прописаннаго выше приговора получили сполна, и употребили уже вносимъ въ кибиточную подать за 1894 г.. Принимая во вниманіе, что общество 7 аула сдало въ содержаніе упомянутую землю вслѣдствіе несостоятельности уплатить пашую на нихъ долю кибиточной подати за 1894 г., и тою землею, отъ которой не можетъ встрѣтиться никакого препятствія, и какъ уже ветхая отъ распашекъ и не имѣя въ себѣ никакой цѣнности, почему... опредѣлили: разрѣшить сдачу земли... на слѣдующихъ условіяхъ: 1) Рѣшетову на снятой землѣ дозволяется производить распашку земли во всякое время и сколько для него будетъ необходимо, но не болѣе 300 десятинъ. 2) Если онъ, Рѣшетовъ, допустить распашку за предѣлы отведеннаго ему количества 300 дес., то онъ, Рѣшетовъ, повиненъ будетъ заплатить за каждую дес. сколько оцѣнено будетъ обществомъ 7 аула,—въ уплатѣ онъ, Рѣшетовъ, препятствовать не долженъ. 3) Рѣшетову на снятой землѣ воздѣлываніе построекъ воспрещается, а дозволяется лишь поставить караулку на мѣстѣ по его усмотрѣнію...»

Приведемъ еще выдержки изъ нѣкоторыхъ другихъ договоровъ того-же типа:

Дог. 21. II. 92. Сдается киргизами участокъ, расположенный «около зимовыхъ ихъ стойбищъ, окружкою, въ которой находится болѣе 150 дес. пахатнаго третьяку, срокомъ на одинъ годъ, т. е. на одинъ посѣвъ сего года, цѣною за каждую дес. по 1 рублю». Затѣмъ слѣдуетъ описаніе границъ. «Кромѣ сего въ округѣ этой въ прошломъ 1891 г. упомянутая земля довѣрителями нашими была распахана и отдана на одинъ посѣвъ проживающимъ въ г. Орскѣ NN, NN и др. Мы, арендаторы, должны засѣять земли не болѣе 150 дес., а въ случаѣ будетъ нами засѣяно болѣе, то за каждую излишнюю дес. должны уплатить по 2 р., а ежели окажется таковой болѣе, то таковая остается въ пользованіи довѣрителей нашихъ». Далѣе—оговорки о правѣ арендаторовъ бесплатно пасты свой рабочей скотъ, въ время полевыхъ работъ, на землѣ сдатчиковъ; о вносѣ всей арендной платы при заключеніи условія; и объ обязанности сдатчиковъ, если кто «въ эту землю вступится», защищать арендаторовъ «не доводя ихъ до расходовъ».

Дог. 30. IV. 92. Сдается въ аренду 300 дес., изъ нихъ 200 дес. залогу и по 50 дес. оборота и третьяка, за 210 р. за всѣ три года. Земля эта—въ описанныхъ въ договорѣ границахъ, внутри которыхъ «выборъ земли по качеству» предоставляется арендаторамъ; сдатчики «обязаны указать арендаторамъ границы по первому ихъ требованію» и сами «не предъявлять претензіи къ распашкѣ земли въ указанныхъ ими границахъ». Арендаторы могутъ устроить токъ и пасты рабочей скотъ на всѣхъ дачахъ 7 аула, могутъ передавать землю, «и ихъ арендаторы пользуются правами, указанными въ семъ пунктѣ (относит. выгона); сдатчики не должны «предъявлять претензіи къ тому, что вырастетъ» на сданной землѣ (падалицы!); за землю, распаханную внѣ указанной межи, арендаторы платятъ по 2 р. съ десятины. Вся плата—при заключеніи договора; за нарушеніе послѣдняго сдатчики платятъ двойную неустойку.

Дог. 15. XI. 92. Сдается «подъ посѣвъ пшеницы или другихъ сѣмянъ земля залогъ, т. е. никогда не паханая», 500 дес. сотенной мѣры, «на выборъ изъ земли, находящейся въ мѣстѣ»

указывается качество и именно—степень свѣжести сдаваемой земли,—опредѣленно говорится о сдачѣ столькихъ-то десятинъ „залога, т. е. никогда никогда не паханной“, „оборота“ или „перелома“, „третьяка“, причеиъ въ большинствѣ случаевъ сдаваемая земля бываетъ, въ смыслѣ свѣжести, однокачественна, иногда-же въ общей цифрѣ сдаваемой подъ распашку земли оказываются и залого, и обороты, и третьяки, и количество каждаго изъ этихъ видовъ пашни показывается особо. Право „выбора земли по качеству“, въ условленныхъ границахъ и не выходя изъ условленной цифры десятинъ, иногда подразумѣвается, въ большинствѣ же случаевъ выражено совершенно опредѣленно, а затѣмъ во всѣхъ безъ исключенія договорахъ предусмотрѣнъ случай, когда арендаторъ распашетъ больше положеннаго по договору числа десятинъ, и за излишне распашанную землю установлено опредѣленное взыскаиіе: только въ одномъ договорѣ размѣръ послѣдняго не выговоренъ заранѣе, а долженъ опредѣляться „по оцѣнкѣ“ киргизскаго общества ¹⁾; въ другомъ за излишне распашанную землю положена такая-же плата, какъ и за условенныя по договору десятины ²⁾; затѣмъ, въ остальныхъ договорахъ, если арендная плата установлена съ распашанной десятины, штрафъ за излишне распашанную землю положенъ въ размѣрѣ отъ полуторнаго до тройнаго противъ нормальной платы; тамъ-же, гдѣ арендная плата условлена въ одной общей за весь участокъ суммѣ,—цифра штрафа значительно выше частнаго отъ дѣленія суммы на число допущенныхъ къ распашкѣ десятинъ. Нарушеніе указанныхъ въ договорѣ территоріальныхъ границъ въ большинствѣ договоровъ не предусмотрѣно, и только въ одномъ договорѣ ³⁾ за землю, распашанную внѣ указанной межи, положена особая повышенная плата по 2 р. съ дес.. Напротивъ, въ другомъ договорѣ ⁵⁾ прямо пре-

ности», описанной по живымъ урочищамъ. Земля сдана по 7 р. съ дес. за два посѣва (1894 и 1895 г.),—но «въ случаѣ если арендаторъ не успѣетъ вспахать и посѣять въ означенные два года, то имѣетъ право посѣять и въ 1896 г., безъ всякой за то приплаты, а также имѣетъ право косить траву на снятой имъ землѣ, и общество препятствовать не должно». Къ распашкѣ земли приступить съ 1898 г. Прогонъ рабочаго скота и выпасъ его по всѣмъ угодыямъ сдатчиковъ бесплатно. Арендаторъ можетъ ставить постройки, которыя по истеченіи срока долженъ снести, можетъ пересдавать землю. Изъ денегъ 500 р. при заключеніи условія, 3000 р. по утвержденіи его. Неустойка съ обѣихъ сторонъ 500 р. За излишне распашанную сверхъ 500 дес. землю — тройной штрафъ (по 21 р. съ десятины).

¹⁾ 28. II. 95.

²⁾ 8. I. 93.

³⁾ 30. IV. 92.

⁴⁾ 20. XI. 92.

⁵⁾ 20. IX. 90.

дусмотрѣнь случай, если „въ означенномъ мѣстѣ удобной земли не достанетъ до 500 дес.“,—въ какомъ случаѣ сдатчики „не препятствуютъ арендаторамъ прирѣзать земли сколько потребуется до проданнаго имъ количества“.

Я упомянулъ уже о томъ, что аренды этого типа всегда имѣютъ цѣлью *распашку* опредѣленнаго числа десятинъ; всѣ остальные виды пользованія, упоминаемые во всѣхъ или въ нѣкоторыхъ договорахъ, имѣютъ второстепенное значеніе и притомъ допускаются, обыкновенно, лишь постольку, поскольку это необходимо для осуществленія основной задачи арендатора — распашки земли. Поэтому, напр., только въ одномъ изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ договоровъ ¹⁾ упоминается о правѣ арендатора косить въ чертѣ сданнаго ему въ аренду участка сѣно; напротивъ, во всѣхъ договорахъ этого типа арендаторамъ предоставляется право пасти скотъ по всѣмъ владѣніямъ киргизь-сдатчиковъ, — но не всякій, а только одинъ *рабочій* скотъ, и притомъ, какъ прямо указано въ нѣкоторыхъ договорахъ ²⁾, только *во время полевыхъ работъ*, — слѣдовательно лишь постольку, поскольку скотъ необходимъ для распашки заарендованной земли. Далѣе, почти во всѣхъ договорахъ арендаторамъ предоставляется право устраивать токи для обмолачиванія хлѣба, и притомъ не только въ чертѣ заарендованныхъ участковъ, но и вообще „на свободныхъ степяхъ“ киргизь-сдатчиковъ; напротивъ, о правѣ арендаторовъ возводить жилища постройки съ обязательствомъ снести ихъ по истеченіи контракта упоминается только въ двухъ договорахъ ³⁾, а въ двухъ другихъ ⁴⁾ имѣется прямое воспрещеніе возводить постройки, по одному изъ нихъ умѣряемое дозволеніемъ поставить караулку. Затѣмъ, о допускѣ кого-либо къ водворенію на заарендованномъ участкѣ въ разсматриваемаго рода договорахъ вовсе нѣтъ рѣчи,—но за то въ нѣкоторыхъ договорахъ ⁵⁾ арендаторы выговариваютъ себѣ неограниченное право передавать землю въ заарендованныхъ участкахъ другимъ лицамъ.

Таково, собственно, наиболѣе существенное содержаніе договоровъ этого типа; сюда прибавляются въ нѣкоторыхъ договорахъ еще тѣ или другія оговорки, съ какими мы уже познакомились, говоря о крестьянскихъ, хуторскихъ договорахъ: такъ, въ нѣкоторыхъ договорахъ упоминается о потра-

¹⁾ 15. XI. 92.

²⁾ 21. II. 92, 19. III. 92.

³⁾ 15. XI. 92 и 1. IX. 93.

⁴⁾ 28. IX. 93 и 28. II. 95.

⁵⁾ 30. IV. 92, 15. X. 92, 27. VI. 93, 23. VIII. 93.

вахъ, и арендаторы соглашаются обращаться, въ случаѣ потравъ, къ киргизскимъ властямъ; въ другихъ выражается обязательство сдатчиковъ отказаться, на во время аренднаго срока, отъ всякаго пользованія въ чертѣ сданнаго участка, а одинъ договоръ ¹⁾ идетъ дальше и позволяетъ киргизамъ-сдатчикамъ, „если-бы они пожелали продать кому-либо земли также для распашки“, сдѣлать это лишь по отводѣ земли, на какую имѣютъ право упомянутые въ данномъ договорѣ арендаторы. Наконецъ довольно часто встрѣчаются въ договорахъ этого типа, какъ я уже упоминалъ, оговорки, направленные къ огражденію арендаторовъ отъ возможныхъ послѣдствій господствующей у киргизъ земельной неурядицы и обязывающія киргизъ-сдатчиковъ, если кто въ сданную землю „будетъ вступаться“, т. е. предъявлять на нее какія претензіи, „то арендаторовъ отъ всего защищать, до какихъ-бы то ни было споровъ или расходовъ не доводить“.

Мы рассмотрѣли, такимъ образомъ, важнѣйшіе типы арендныхъ договоровъ, съ какими намъ удалось познакомиться въ Кустанайскомъ и Актюбинскомъ уѣздахъ: съ одной стороны — договоры на аренду участковъ для всѣхъ видовъ сельско-хозяйственнаго пользованія, съ другой — договоры на заарендованіе подъ распашку опредѣленныхъ количествъ земли, — причѣмъ первые въ значительномъ большинствѣ случаяхъ служатъ основой арендъ крестьянскихъ, хуторскихъ, вторые — почти исключительно арендъ капиталистическаго характера. Затѣмъ, особую группу арендныхъ договоровъ составляютъ договоры издольные, особенно распространенные въ Кустанайскомъ уѣздѣ и служащіе основаніемъ землепользованія довольно значительнаго числа арендаторскихъ хуторовъ. Но этого рода договоры, какъ было объяснено въ своемъ мѣстѣ (гл. II), являются, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, фиктивными, прикрывающими денежную аренду, и заключаются въ обходъ правилъ Положенія 25 марта 1891 г., ставящихъ заключеніе денежныхъ арендныхъ договоровъ въ слишкомъ затруднительныя, особенно для небольшихъ группъ поселенцевъ, условія. Ниже будетъ указано, что издѣльная аренда играетъ, вообще говоря, очень важную роль въ бытѣ Тургайскихъ переселенцевъ; но такая аренда почти никогда не опирается ни на какіе письменные договоры, и притомъ сдѣлки заключаются не товариществами, а отдѣльными переселенческими семьями. Что касается до издольныхъ сдѣлокъ, облеченныхъ въ письменную форму и заключенныхъ отъ имени цѣлыхъ группъ переселенцевъ, то мнѣ извѣстно лишь два небольшихъ хутора (Лѣ-

¹⁾ 20. XI. 92.

туновскаго и Давиденковыхъ), гдѣ такія сдѣлки соотвѣтствуютъ дѣйствительности, — гдѣ сдатчики дѣйствительно получаютъ отъ арендаторовъ вознагражденіе не деньгами, а долей, и именно $\frac{1}{3}$ долей обработанной земли, — причеиъ въ обоиъ этиъ случаяхъ, хуторянами не заарендованы отдѣльные, заключенные въ опредѣленные границы участки, а выговорено право пахать, гдѣ они найдутъ удобнымъ, по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ ¹⁾.

Относительно условій, опредѣляющихъ основанія исчисления и сроки взноса арендной платы, тоже замѣчаются довольно существенныя различія между арендаи товарищескими или хуторскими и группой арендаи капиталистическихъ. Арендная плата при капиталистическихъ арендахъ всегда условливается въ точно *опредѣленномъ заранее размѣрѣ*, не зависящемъ отъ того, насколько арендаторъ *дѣйствительно* использовалъ снятый имъ въ аренду участокъ. При этомъ въ однихъ изъ извѣстныхъ мнѣ договоровъ прописана просто одна общая сумма годовой платы или даже платы за весь договорный срокъ, въ другихъ показанъ размѣръ платы съ распаханной десятины за каждый годъ или за все число посѣвовъ (два или три), какое можетъ быть сдѣлано въ теченіе условленнаго срока; при этомъ иногда ²⁾ подесятинная плата показывается безъ отношенія къ подраздѣленіямъ земли по качеству и свѣжести, иногда же, но значительно рѣже ³⁾, плата показывается особо для различныхъ по степени свѣжести земель — цѣлинъ, оборотовъ и т. д.. Въ дѣйствительности однако всѣ эти различія въ способѣ исчисления арендной платы не имѣютъ практическаго значенія: въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ въ договорѣ показана подесятинная плата, заранее устанавливается и число подлежащихъ распаханію десятинъ, а слѣдовательно извѣстна

¹⁾ Вотъ текстъ договоровъ каждого изъ двухъ арендаторовъ по хут. Лѣтуновскаго (2. VII. 95)... «Я Евстигнѣвъ взялся у него NN распахать землю, срокомъ на 3 года... Я, Е—въ, долженъ пахать на своемъ скотѣ своими рабочими, и вся принадлежность, что только потребуется. И землю, залогъ и оборотъ, сколько я, Е—въ, по успѣху моему могу распахать земли, то долженъ получать изъ всей пашни 2 части, а ему, NN, третья часть изъ всей пашни. Скотъ мой, Е—ва, долженъ пастись подожнымъ кормомъ бесплатно; сѣнокосеніе по степной мѣстности и по лѣвую сторону р. Тобола обязанъ косить пополамъ. Сверхъ вышесказанной ряды я, Е—въ, выдалъ ему, NN, 20 р. деньгами и 10 пуд. пшеничной муки безъ возврата; для жительства рабочихъ должны устроить временныя землянки, а для скота пригоны на указанномъ мѣстѣ. Въ добавленіе сего мы, Е—вы, должны распахать 15 дес. третьяку въ нашу пользу, за что отдать ему, NN, 10 пуд. овса».

²⁾ Дог. по Актыб. у. 21. II. 92, 19. III. 92, 10. V. 92, 15. XI. 92, 8. I. 93, 20. XI. 92, 1. IX. 93, 23. IX. 93.

³⁾ Дог. по Актыб. у. 6. IV. 92 (за дес. оборота по 1 р. 50 к., третьяка 1 р.).

заранѣе и общая сумма, подлежащая выплатѣ ежегодно или за весь срокъ, и сумма эта нерѣдко показывается въ договорѣ въ дополненіе къ цифрѣ подесятинной платы. Тѣ-же способы опредѣленія арендной платы могутъ быть признаны господствующими и при товарищескихъ, крестьянскихъ арендахъ: въ значительномъ большинствѣ извѣстныхъ мнѣ случаевъ (19 изъ 28) арендная плата устанавливалась въ общей за цѣлый заарендованный участокъ суммѣ, большею частью — погодной, а въ нѣкоторыхъ договорахъ ¹⁾ — огульной за весь арендный срокъ; въ нѣсколькихъ договорахъ арендная плата выражена въ подесятинныхъ цифрахъ, но положена на опредѣленное число десятинъ ²⁾, такъ что въ дѣйствительности дѣло и здѣсь сводится къ ежегодному платежу опредѣленной заранѣе суммы. Но затѣмъ въ рядѣ хуторскихъ договоровъ — впрочемъ исключительно по Кустанайскому уѣзду — арендная плата установлена съ десятины *дѣйствительной распашки*, причемъ въ трехъ извѣстныхъ мнѣ случаяхъ ³⁾ эту платою исчерпываются всѣ обязательства арендаторовъ, и общая сумма ежегоднаго платежа не обусловлена никакимъ минимумомъ; въ двухъ случаяхъ ⁴⁾, кромѣ ежегодной подесятинной платы за распаханную землю, положенъ особый единовременный платежъ за усадьбы, а въ одномъ ⁵⁾ установленъ минимальный размѣръ ежегоднаго платежа. Такой-же характеръ имѣетъ, конечно, порядокъ расплаты и въ тѣхъ случаяхъ, когда денежная аренда прикрыта фиктивнымъ договоромъ на аренду изъ части.

Гораздо рѣзче сказывается разница между крестьянско-товарищескими и капиталистическими арендами въ отношеніи *сроковъ* платежа арендныхъ денегъ. При арендахъ капиталистическаго типа арендная плата въ значительномъ большинствѣ случаевъ получается киргизами-сдатчиками цѣликомъ впередъ, обыкновенно — при самомъ заключеніи договора, рѣже — по его утвержденіи или засвидѣтельствованіи. Только въ пяти изъ извѣстныхъ мнѣ

¹⁾ Дог. по Актюб. у. 8. X. 89 (Ачибутаек.), 23. IV. 93 (Башарина), 28. IX. 93 (хут. Пароло); по Кустан. у. 1. XI. 91 (Успенскій), 28. IV. 93 (дополн. догов. по пос. Романовскому).

²⁾ Въ основн. договорѣ по пос. Степановскому (№ 2/1888 г.) по 1 р. 20 к. за каждую изъ фиктивн. 75 дес., да за усадьбы 1 р. въ годъ и 1 п. пшеницы одновременно; во второмъ договорѣ (7. IV. 91) — за 120 дес. по 1 р. 25 к., за усадьбы тоже; въ догов. по хут. Пароло (6. X. 92) — 70 дес. по 2 р., всего 140 р. въ годъ; по хут. Марадудина (7. III. 93) — за 10 дес. цѣликомъ по 2 р., за 40 дес. оборота по 1 р. 50 к., за 10 усадебъ по 1 р., всего 90 р. въ годъ.

³⁾ Дог. 20. VII. 89 (цѣн. и обор. по 2 р., третьяки по 1 р.), 7. VI. 93 (всяк. земля по 1 р. 30 к.) и 25. VI. 93 (по 1 р. 20 к.).

⁴⁾ Дог. 1888 г./№ 1 и 1888/№ 3: за дес. цѣликомъ 2 р., оборота 1 р. 50 к., третьяка 50 к.; за усадьбы по 5 р. одновременно.

⁵⁾ Дог. 1888 г./№ 4: цѣл. и обор. 1 р. 50 к., трет. — 50 к.; минимальный год. платежъ 90 р..

случаевъ, изъ которыхъ, притомъ, три въ отношеніи принадлежности къ капиталистическому типу представляются сомнительными, арендная плата не была внесена впередъ, а подлежала уплатѣ погодно: въ трехъ случаяхъ ¹⁾ — весной, въ мартѣ или апрѣлѣ, въ двухъ ²⁾ — осенью, по окончаніи уборки хлѣба. Въ случаяхъ товарищескихъ арендъ, напротивъ, выплата всѣхъ денегъ впередъ составляетъ самое рѣдкое исключеніе: изъ всѣхъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ этого рода, только въ одномъ ³⁾ была выплачена впередъ вся арендная сумма, — но и здѣсь эта сумма составляла, за весь пятилѣтній срокъ, всего 55 рублей. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ киргизы-сдатчики при подписаніи договоровъ получали только задатки, и самые размѣры послѣднихъ представлялись чрезвычайно разнообразными: въ одномъ случаѣ ⁴⁾ въ задатокъ была выдана сумма, соответствующая двухлѣтнему окладу арендной платы, въ довольно многихъ случаяхъ ⁵⁾ выдавался впередъ годовой окладъ или близкая къ нему сумма; иногда въ задатокъ выдавалась половина, треть годовой арендной платы ⁶⁾, а въ одномъ случаѣ размѣръ задатка не превысилъ десяти рублей ⁷⁾; наконецъ въ довольно многихъ договорахъ ⁸⁾ о задаткахъ совершенно нѣтъ рѣчи, и плата въ первомъ году аренды вносится въ тѣ же самые сроки, какъ и въ послѣдующіе годы. Затѣмъ, самый порядокъ уплаты погодныхъ арендныхъ платежей не представляетъ особеннаго однообразія: по значительному большинству договоровъ разсматриваемаго типа арендная плата вносится ежегодно въ одинъ или — столь же часто — въ два пріема, причеиъ задатокъ обыкновенно удерживается изъ текущихъ платежей перваго года (единственное исключеніе составляетъ договоръ по хут. Марадудина, 7. III. 93, по которому задатокъ подлежалъ удержанію изъ платежей послѣдняго года), самые же сроки взноса денегъ при однократномъ платежѣ устанавливаются чрезвычайно различные — начиная отъ марта и даже января и кончая октябремъ того года, къ которому относится платежъ, при двукратномъ же платежѣ одинъ срокъ назначается на весну или начало лѣта, другой — на

¹⁾ Дог. 17. IV. 92, 23. VIII. 93 и 7. III. 93.

²⁾ Дог. 1. IX и 28. IX. 93.

³⁾ Дог. 28. IV. 93 по Кустан. у..

⁴⁾ Дог. 1. XI. 90 (хут. Успенскій).

⁵⁾ Дог. 8. X. 89, 6. X. 92 по Акт. у., № 2/1888, 20. VII. 89, 7. IV. 91, 8. VII. 92 по Куст. у..

⁶⁾ Дог. 7. III. 93, 23. IV. 93, 27. VI. 93 по Актѣб. у..

⁷⁾ Дог. 28. IX. 93 по Акт. у..

⁸⁾ Дог. 8. XI. 92, 15. II. 96 по Актѣб. у., № 4/1888, 7. VI. 93 и 25. VI. 93 по Куст. у..

осень, по окончаніи уборки хлѣбовъ. Затѣмъ, своеобразныя условія установлены, по рассматриваемому вопросу, двумя договорами: по зас. Можаровскому и по хут. Успенскому ¹⁾: по обоимъ этимъ договорамъ плата установлена въ огульныхъ за весь 6-лѣтній срокъ цифрахъ; по первому четверть этой платы вносится въ задатокъ, а остальные три четверти уплачиваются равными частями въ первые три года; по второму договору впередъ уплачивается треть всей суммы, а остальные двѣ трети подлежатъ уплатѣ, поровну, 15 сентября четвертаго и шестаго года.

Ниже я буду говорить особо о размѣрахъ арендной платы. Здѣсь-же, однако, надлежитъ отмѣтить то обстоятельство, что порядокъ выплаты денегъ за арендуемую землю, сколько можно судить по извѣстнымъ мнѣ случаямъ, совершенно не вліяетъ на арендныя цѣны въ томъ смыслѣ, въ какомъ этого можно было-бы ожидать; что, въ частности, въ тѣхъ случаяхъ по преимуществу капиталистическихъ арендъ, когда арендная плата цѣликомъ выплачивалась впередъ, подесятинныя цѣны оказываются ничуть не ниже и скорѣе даже выше, нежели въ тѣхъ случаяхъ, когда арендная плата подлежала уплатѣ погодно или пополугодно, и лишь нѣкоторая часть ея поступала въ задатокъ: въ большинствѣ случаевъ первой категоріи подесятинная цѣна за цѣлинныя земли не опускалась ниже 2 р. въ годъ, а по расчету на посѣвъ доходила и до трехъ р.; за обороты платили отъ 1 р. 50 к. до 2 р., за третьяки — по 1 рублю, — тогда какъ въ извѣстныхъ намъ случаяхъ контрактной аренды съ погодною уплатой, гдѣ можно опредѣлить цѣну десятины пашни, цѣна эта для цѣлинъ не превышаетъ 2 рублей, а для третьяковъ обыкновенно падаетъ даже до 50 к.. Конечно, болѣе высокія цѣны извѣстныхъ мнѣ капиталистическихъ арендъ объясняются тѣмъ, что аренды эти сосредоточиваются въ окрестностяхъ Оренбурга, Орска и т. п., гдѣ цѣнность земли значительно выше, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ области, а также и тѣмъ, что арендаторы этого типа арендуютъ исключительно самыя лучшіе по качеству и свѣжести почвы участки, — но все-же отсутствіе понижающаго вліянія на цѣны крупныхъ задаточныхъ выдачъ остается фактомъ очень любопытнымъ, и причины этого факта заслуживали-бы тщательнаго выясненія.

Большинство извѣстныхъ мнѣ договоровъ, какъ капиталистическаго, такъ и крестьянскаго типа, совершенно не предусматриваетъ, наконецъ, случаевъ нарушенія договора ни тою, ни другою изъ договаривающихся

¹⁾ 5. XII. 95 и 1. XI. 90.

сторонъ. Изъ договоровъ перваго рода неисправность сторонъ предусмотрѣна только въ трехъ ¹⁾, причеъ въ одномъ говорится только, что виновный въ нарушеніи договора отвѣчаетъ, „по закону своимъ имуществомъ“, въ другомъ назначается, на случай нарушенія его какою-либо изъ сторонъ, неустойка въ 500 р., въ третьемъ же предусматривается только нарушеніе договора киргизами, которые въ такомъ случаѣ обязываются уплачивать неустойку въ двойномъ противъ полученной впередъ суммы размѣрѣ. Что касается до договоровъ крестьянскаго типа, то только одинъ изъ нихъ предусматриваетъ недобросовѣстность со стороны киргизъ, именно второй договоръ по пос. Ново-Уральскому (27. VI. 93), гдѣ необходимость соотвѣтственной оговорки вызывалась раздорами и недоразумѣніями среди киргизъ и уже бывшими проявленіями ихъ недобросовѣстности; въ договорѣ этомъ постановляется именно, что „въ случаѣ киргизы... будутъ препятствовать по какимъ-либо умысламъ къ засвидѣтельствуванію, и нарушенія сего договора, то обязаны уплатить намъ, арендаторамъ, въ видѣ штрафа 100 рублей“, — въ нѣсколькихъ же другихъ договорахъ предусмотрѣнъ только случай неисправной уплаты арендаторами погодныхъ взносовъ; такъ, тотъ-же самый договоръ по зас. Н.-Уральскому предоставляетъ киргизамъ, въ случаѣ неисправнаго платежа, возбуждать противъ арендаторовъ искъ; два договора предоставляютъ киргизамъ, въ подобномъ случаѣ, право расторгнуть договоръ до срока и удалить арендаторовъ ²⁾; два другихъ устанавливаютъ штрафы за запозданіе срочныхъ платежей: одинъ — въ размѣрѣ 1% за мѣсяцъ, другой — 1% за каждый день опозданія ³⁾.

Во всѣхъ остальныхъ извѣстныхъ мнѣ договорахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ оговорокъ, предусматривающихъ нарушеніе сторонами условій договора, и даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вся арендная плата получена киргизами впередъ, не установлено никакихъ неустоекъ на случай неотвода ими земли и нѣтъ даже обязательства возратить взятыя впередъ деньги. Но изъ этого было-бы преждевременно сдѣлать заключеніе, что арендаторы и дѣйствительно не обезпечивали ничѣмъ своихъ интересовъ и въ частности —

¹⁾ Дог. 30. IV. 92, 15. XI. 92, 8. I. 93.

²⁾ Дог. 8. XI. 92 (зас. Ново-Уральск.) и 5. XII. 95 (зас. Можаровскій); въ первомъ соотвѣтствующій пунктъ изложенъ такъ: «въ случаѣ неисправности и несостоятельности арендаторовъ, то рассчитавшись по суммѣ годовой аренды, могутъ уйти или все передать другимъ лицамъ на уменьшая арендной платы».

³⁾ Дог. 15. II. 96 и 8. XI. 92.

выданных впередъ денегъ. Я лично не занимался изслѣдованіемъ на мѣстѣ капиталистическихъ арендъ, такъ что не располагаю данными для выясненія ихъ бытовой, не нашедшей себѣ выраженія въ письменныхъ документахъ обстановки. Но могу указать на одинъ случай, извѣстный мнѣ документально, и могущій служить иллюстраціей тѣхъ способовъ, которые употребляются арендаторами-капиталистами для огражденія своихъ интересовъ. Изъ показанія одного изъ такихъ арендаторовъ, Орскаго мѣщанина Рѣшетова, снявшаго участокъ въ 300 дес. на 4 года за 350 р. и уплатившаго всю рядную сумму впередъ, тотчасъ по составленіи аульнымъ сходомъ приговора о сдачѣ, видно именно, что „такъ какъ названный приговоръ въ то время не былъ еще утвержденъ, то въ уплатѣ сказанныхъ денегъ 350 р. имъ, Рѣшетовымъ, взяты отъ нѣкоторыхъ аксакаловъ въ числѣ 8 человекъ вексель, обязывающій ихъ возвратить деньги по первому его, Рѣшетова, требованію“, и затѣмъ, опираясь на этотъ вексель, Рѣшетовъ имѣлъ возможность начать распаивать заарендованный имъ участокъ, не ожидая даже утвержденія договора ¹⁾).

Переходя, наконецъ, къ той сторонѣ арендныхъ отношеній, которая представляется едва-ли не наиболѣе интересною для арендаторовъ-переселенцевъ и едва ли не въ наибольшей мѣрѣ вліяетъ на наплывъ въ тотъ или другой районъ переселенцевъ, именно къ *цѣнамъ* арендуемой земли, къ размѣрамъ арендныхъ платъ, мы, къ сожалѣнію, находимъ по этому вопросу въ письменныхъ арендныхъ договорахъ лишь весьма мало указаній и потому почти не можемъ составить себѣ представленія о цѣнахъ земли при арендѣ ея болѣе значительными участками. Конечно, въ каждомъ договорѣ указывается, въ числѣ прочихъ условій, и размѣръ платы за сдаваемый участокъ. Но во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда эта плата показывается въ одной общей за цѣлый участокъ суммѣ, привести эту сумму къ десятины или иной единицѣ мѣры нѣтъ возможности, потому что размѣръ участковъ въ арендныхъ договорахъ либо не показывается вовсе, либо показывается въ такомъ числѣ десятины, которое обыкновенно бываетъ въ нѣсколько разъ ниже дѣйствительности, а потому и арендная плата, рассчитанная по этому числу десятины, дала-бы совершенно невѣрное представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ платы за землю. Мнѣ извѣстно всего четыре договора, гдѣ размѣры

¹⁾ Показаніе Р—ва отъ 26. VIII. 1895 въ дѣлѣ Акт. у. упр. 1 ст. № 13/1895 г.

участковъ показаны приблизительно вѣрно, и гдѣ, поэтому, можно приблизительно опредѣлить, какъ оплачивается, при участковой арендѣ, десятина общей площади участковъ, включая сюда какъ пашни и инныя угодья, такъ и вовсе неудобныя земли. Вотъ эти случаи:

1) По хут. Успенскому (дог. 1. XI. 90) заарендовано 750 дес., плата за 6 лѣтъ 900 р.; цѣна десятины въ годъ — 20 копѣекъ.

2) По хут. Пароло (дог. 28. IX. 93)—участокъ въ 5 в. длины и 3 в. ширины, плата за 3 года 300 р.; въ годъ за десятину выходитъ около 7—8 копѣекъ.

3) Купцомъ Шибаевымъ (дог. 23. VIII. 93)—участокъ въ 5 верстъ длины и 3 в. ширины, плата въ годъ 150 р.,—на десятину 10—12 копѣекъ.

4) По хут. Таста-сай (дог. 15. II. 96) — участокъ въ 900 дес., плата въ годъ 300 р.,—на десятину около 33 копѣекъ.

Нѣсколько болѣе опредѣленные свѣдѣнія даютъ письменные договоры о цѣнѣ собственно *пахатныхъ* земель, — но въ сожалѣнію договоры, дающіе подесятинную цѣну послѣднихъ, сравнительно многочисленны только по Актюбинскому уѣзду и въ частности — по волостямъ, прилегающимъ къ Оренбургу и Орску (Буртинская и Тереклинская) и по ближайшимъ окрестностямъ Актюбинска (Актюбинская вол.). Для этихъ мѣстностей мы имѣемъ случаи какъ одногодичной аренды земель разной степени свѣжести, такъ и трехлѣтней аренды цѣлинъ, причемъ однако въ однихъ случаяхъ въ теченіе трехлѣтней аренды допускается договоромъ три, въ другихъ — только два посѣва (первый годъ уходитъ на вспашку). Погодная аренда относится почти исключительно къ „оборотамъ“ и „третьякамъ“, причемъ плата за первые въ трехъ изъ извѣстныхъ мнѣ случаевъ ¹⁾ опредѣлена въ 1 р. 50 к., въ одномъ ²⁾—въ 2 р., а въ одномъ случаѣ, гдѣ одно лицо заарендовало около 90 дес. по девяти отдѣльнымъ договорамъ ³⁾ — по 1 р. за „соровую“ десятину (4000 кв. с.); относительно третьяковъ мнѣ извѣстно всего два случая ⁴⁾, и въ обоихъ подесятинная плата установлена всего въ 1 рубль. Случай аренды на годъ цѣлинной земли мнѣ извѣстенъ только одинъ ⁵⁾, по цѣнѣ 2 р. за десятину. Обычнымъ способомъ арендованія цѣлинныхъ участковъ является, повидимому, аренда трехлѣтняя; въ одномъ изъ пяти извѣстныхъ

¹⁾ Дог. 6. IV. 92, 10. V. 92, 7. III. 93.

²⁾ 19. III. 92.

³⁾ 28. XI. 92 и др.

⁴⁾ 2. III. 92 и 6. IV. 92.

⁵⁾ 7. III. 93.

мнѣ случаевъ этого рода ¹⁾ подесятинная плата за три года установлена въ 7 р., въ другомъ ²⁾—всего въ 4 р. 50 к., въ остальныхъ трехъ случаяхъ ³⁾ плата съ десятины 2 р. въ годъ или 6 р. за все время. — По Кустанайскому уѣзду мнѣ извѣстно всего шесть случаевъ участковой аренды съ платой по числу распаханыхъ десятинъ: въ двухъ изъ нихъ ⁴⁾ плата эта установлена въ однообразномъ размѣрѣ, безъ отношенія къ различіямъ въ степени свѣжести земли, по 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к. за десятину; во всѣхъ остальныхъ плата установлена различная для разныхъ категорій пашень, а именно:

	за цѣлинны	за обороты	за третьяки	за четвертые посѣвы
по дог. № 1/1888 г.	2 р.	1 р. 50 к.	50 к.	—
„ № 4/1888 г.		1 р. 50 к.	50 к.	—
„ 20. VII. 89 г.		2 р.	1 р.	—
по первому дог. по хут. Никитиныхъ		1 р. 50 к.		50 к.

Гораздо болѣе обстоятельныя данныя по вопросу о подесятинныхъ цѣнахъ пахатныхъ земель собраны мною путемъ опроса, въ переселенческихъ поселкахъ, хуторахъ и т. п., *арендаторовъ-одиночекъ*, снимающихъ землю по мелочамъ, либо безъ всякихъ письменныхъ документовъ, либо по простымъ роспискамъ, удостоверяющимъ только фактъ получения сдатчикомъ отъ арендатора всей или части арендной платы. Данныя эти позволяютъ судить о томъ, насколько измѣняются размѣры подесятинной платы за пахатныя земли въ зависимости, главнымъ образомъ, отъ того, насколько великъ наплывъ въ ту или другую мѣстность арендаторовъ-переселенцевъ, — позволяютъ также составить себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, какъ измѣняются арендные цѣны, въ рассматриваемой нами мѣстности, во времени.

Область наиболѣе высокихъ цѣнъ составляютъ, повидимому, ближайшія окрестности Орска, а также Оренбурга и Илецкой-защиты, т. е. другими словами — западная окраина и сѣверо-восточный уголь Актюбинскаго уѣздовъ. Въ окрестностяхъ Орска цѣлинныхъ земель уже почти не осталось; ихъ арендуютъ почти исключительно подъ бахчи, плата по 4 — 5 р. за сороковую десятину; главнымъ образомъ распахиваютъ отдохнувшія старыя

¹⁾ 15. XI. 92.

²⁾ 8. I. 93.

³⁾ 20. XI. 92, 1. IX. 93 и 28. IX. 93.

⁴⁾ 7. VI. 93 и 25. VI. 93.

залежи, за которыя платять по 2 р.—2 р. 50 к. за десятину; за второй посѣвъ по отдохнувшей залежи платять по 1 р., за третій — по 50 к. и дешевле. Относительно окрестностей Оренбурга и Илецкой-защиты у насъ разспросныхъ свѣдѣній не имѣется; но относительно высоты цѣнъ подъ Оренбургомъ даютъ достаточное понятіе вышеприведенныя документальныя данныя; а вблизи Илецкой защиты, какъ видно изъ нѣкоторыхъ документовъ¹⁾, за свѣжія пашни тоже платять не менѣе 3—4 р. за сороковую десятину. Но столь высокія цѣны существуютъ лишь въ самыхъ ближайшихъ окрестностяхъ названныхъ городовъ, не далѣе какихъ-нибудь 15 — 20, много 25 верстъ отъ этихъ послѣднихъ; стоитъ отъѣхать немного дальше, „гдѣ русскаго народа меньше“, — и цѣны на землю оказываются уже вдвое и втрое ниже. Такъ, тѣ-же поселенцы зас. Можаровскаго и Ащибутаскаго, которые за ближнія цѣлины платять по 4 — 5 р., отъѣхавъ верстъ за 15—20 на югъ или на юго-востокъ, платять за такія-же цѣлины не болѣе 1—2 р.; Ново-Уральскіе поселенцы снимаютъ у киргизъ пахатныя цѣлины по 70 к.—1 р., тѣже по 1 р. 50 к., и только при сѣмѣхъ земли поселенцами другъ у друга, въ предѣлахъ заарендованныхъ обществомъ участковъ, цѣна иногда поднимается до двухъ рублей и рѣдко падаетъ до рубля; наконецъ въ окрестностяхъ хут. Успенскаго, который лежитъ отъ Можаровскаго не далѣе 25 в. къ востоку, за лучшія цѣлины платять уже не болѣе рубля, за обороты — по 50 к. и дешевле. Въ окрестностяхъ Актюбинска, несмотря на довольно большое число хуторовъ и вообще на значительный спросъ на землю со стороны жителей этого города, арендныя цѣны далеко ниже, нежели вблизи трехъ названныхъ равне другихъ городовъ: какъ около самаго города, такъ и въ томъ районѣ, гдѣ разбросано довольно большое число хуторовъ (Актюбинская вол.), за цѣлинныя земли платять не дороже двухъ рублей, за обороты и отдохнувшія залежи — 1 р. и 1 р. 50 к. за десятину.

Въ при-Кустанайскомъ арендномъ районѣ, охватывающемъ, главнымъ образомъ, Аракарагайскую и Убаганскую киргизскія волости, цѣны не поднимаются такъ высоко, какъ въ многоарендныхъ мѣстностяхъ Актюбинскаго у., что, можетъ быть, объясняется, большею разбросанностью арендаторовъ — Кустанайцевъ, а слѣдовательно — менѣе сконцентрированнымъ спросомъ на землю. Наиболѣе высокія цѣны стоятъ нынѣ, повидимому, не въ ближай-

¹⁾ См. прошеніе Яковлева и другихъ по поводу аренды земли въ Тустюбинской вол. въ дѣлѣ Тург. обл. правл., 2 отд., 3 ст., № 27/1894.

шихъ окрестностяхъ Кустаная, гдѣ лучшія земли уже всѣ пораспаханы, а потому многіе вовсе перестали арендовать землю, а если арендуютъ — то снимаютъ либо земли уже паханныя ранѣе, либо, если не паханныя, то менѣе доброкачественныя по почвеннымъ свойствамъ. Въ районѣ хуторовъ и замковъ, расположенномъ въ 20—25 верстахъ на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Кустаная, за цѣлины и обороты платятъ не дороже 1 р. — 1 р. 50 к., за третьяки—отъ 70 — 80 к. до 1 рубля за десятину. Немногимъ выше, при „частной“ арендѣ, и цѣны на землю въ ближайшихъ къ Кустаная при-Тобольныхъ поселкахъ — Давыденковскомъ и Жуковскомъ; и въ томъ, и въ другомъ за цѣлины и обороты платятъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р., за третьяки въ первомъ—не дороже 50—60 к., во второмъ — 1 р. и даже 1 р. 50 к.; за отдохнувшія залежи и вообще за „старья“ земли въ обоихъ поселкахъ платятъ не дороже 40 — 60 к.. Замѣтно выше цѣны на землю въ окрестностяхъ болѣе отдаленныхъ отъ Кустаная поселковъ какъ на лѣвомъ берегу Тобола, такъ и къ востоку отъ теченія послѣдняго; такъ, крестьяне пос. Борисовскаго платятъ за цѣлины и обороты не дешевле 2-хъ, а нерѣдко—и по 2 р. 50 к. и до 3 р. за десятину; за Тоболомъ арендные цѣны сравнительно высоки въ лѣсистой мѣстности, лежащей вокругъ пос. Степановскаго, Михайловскаго и Владимірскаго, гдѣ, съ одной стороны, почвенныя условія представляются особенно благоприятными, а съ другой—въ послѣдніе годы наблюдается особенный наплывъ арендаторовъ изъ Кустанайскихъ мѣщанъ и крестьянъ поселковъ Александровской волости. Такъ, въ окрестностяхъ пос. Михайловскаго и Степановскаго за цѣлины и обороты платятъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. 50 к., за третьяки—по 1 рублю за десятину; около Владимірскаго поселка цѣлинная земля арендуется не погодно, а на три года, причемъ за каждый хлѣбъ — первый, второй и третій—платится одинаково по 1 р. 50 к.—2 р., а за „мятыя“, старья земли платятъ по 50 к. и дешевле. Въ районѣ остальныхъ двухъ, болѣе удаленныхъ отъ Кустаная поселковъ Боровской вол., Боровскаго и Ивановскаго, цѣны уже значительно ниже: за дес. цѣлины и оборота платятъ по 1 р. — 1 р. 50 к., и только въ самое послѣднее время Кустанайскіе арендаторы „набили цѣну“ до 2 рублей; за третьяки платятъ по 1 р. и дешевле, за старья земли—не дороже 50 к., а нерѣдко—и по 20—30 к. за десятину. Далѣе къ сѣверу арендные цѣны понижаются все больше и больше, и вдоль сѣверной границы уѣзда, гдѣ арендаторами являются припущенники, живущіе по казачьимъ станицамъ и поселкамъ Оренбургской линіи, цѣна за лучшія цѣлины не поднимается выше 50 к. за сороковую десятину.

Таковы данныя, на основаніи которыхъ мы можемъ судить о высотѣ арендныхъ цѣнъ въ наиболѣе излюбленныхъ арендаторами районахъ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ. Весьма любопытно было-бы, далѣе, прослѣдить исторію измѣненія цѣнъ во времени, — но къ сожалѣнію, мы располагаемъ по этому вопросу лишь весьма немногими указаніями, позволяющія скорѣе догадываться, нежели точно установить характеръ этихъ измѣненій. Само собою разумѣется, что въ первое время по появленіи въ какомъ-либо районѣ русскихъ поселенцевъ цѣны растутъ, и растутъ, сравнительно, очень быстро: первые поселенцы платятъ за десятину копейки; но черезъ немного лѣтъ, если наплывъ ихъ достаточно силенъ, они поднимаютъ цѣну до рубля за десятину, а затѣмъ и выше; такъ, г. Дѣдловъ¹⁾ удостовѣряетъ, что въ окрестностяхъ Кустаная цѣна въ немного лѣтъ поднялась съ 30 коп. до рубля за десятину, и мнѣ лично пришлось удостовѣриться путемъ разспросовъ, что въ средней и сѣверной части киргизской Актюбинской вол., гдѣ арендаторы появились въ сравнительно недавнее время, цѣна цѣлинныхъ земель въ немного лѣтъ поднялась съ одного до двухъ рублей за десятину. Но быстрый ростъ цѣнъ, вообще говоря, довольно скоро останавливается: такъ, въ окрестностяхъ Актюбинска цѣны, повидимому, уже около десяти лѣтъ стоятъ на неизмѣнномъ уровнѣ; не замѣчается общаго повышенія цѣнъ—если взять десятилѣтіе со времени возникновенія поселковъ до настоящаго времени — и въ главномъ арендномъ районѣ Кустанайскаго у., о чемъ свидѣтельствуютъ какъ показанія поселенцевъ, такъ и документальныя данныя. Если, въ самомъ дѣлѣ, взять „общественные“ арендные договоры, заключенные поселенцами арендаторскихъ поселковъ въ третьей четверти 80-хъ годовъ, то въ нихъ мы найдемъ слѣдующія подешатинныя цѣны.

По пос. Александровскому) независимо	отъ степе- ни свѣже- сти	1 р. 25 к.	(1886 г.)
„ Жуковскому . . .			1 „ 50 „	(1886 „)
„ Романовскому. . .			1 „ 60 „	(1887 „)
„ Давыденковскому.)			1 „ 20 „	(1886 „)
„ Борисовскому . . . за цѣлины			2 „ — „	(1888 „)
„ „ „ обороты.			1 „ 50 „	—
„ „ „ стар. земли	— „ 50 „	—		
„ Ивановскому . . . цѣлины	1 „ 20 „	(1887 „)		

¹⁾ Назв. соч., стр. 47 и 51.

По пос. Иваповскому. . за оборот. и
 третьяки 1 р. 50 к. (1887 г.).

Затѣмъ, по разпроснымъ даннымъ, въ окрестностяхъ пос. Жуковского
 въ то время платили:

за цѣлины . . .	1 р. — к. — 1 р. 50 к.
„ обороты . . .	1 „ 50 „ — 2 „ — „ и до 4 р.
„ третьяки. . .	1 „ 50 „ — 2 „ — „ „ 3 „ ;

въ районѣ пос. Владимірскаго:

за цѣлины . . .	1 р. — к. — 1 р. 30 к., рѣдко 1 р. 50 к.
„ обороты. . .	2 „ — „ — 2 „ 50 „
„ третьяки . . .	1 „ 50 „ — 2 „ ;

Степановскіе поселенцы платили за цѣлины по 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к.,
 Боровскіе — по 1 рублю.

Если сопоставить всѣ эти цифры съ относящимися къ послѣднимъ годамъ подесятиными цѣнами, приведенными на предыдущихъ страницахъ, то никакого общаго повышенія цѣнъ въ Кустанайскомъ арендномъ районѣ, разсматриваемомъ какъ одно цѣлое, усмотрѣть нельзя. Но за то бросается въ глаза рѣзкое измѣненіе въ соотношеніи цѣнъ за никогда непаханныя, цѣлинныя земли, и за такія земли, съ которыхъ уже былъ снятъ одинъ хлѣбъ или два хлѣба, — обороты и третьяки. Въ настоящее время сравнительно высокія цѣны платятся только за цѣлины и обороты (которыя цѣнятся равнѣ съ цѣлинами), — за третьяки платятъ уже значительно — вдвое, а иногда и втрое дешевле; десять лѣтъ тому назадъ, при „частной“ арендѣ, за цѣлины платили обыкновенно дешевле, чѣмъ за обороты и даже за третьяки, и цѣна оборотовъ превосходила цѣну цѣлинныхъ земель въ два и даже въ три раза. Причина этого измѣненія отчасти въ томъ, что десять лѣтъ тому назадъ киргизы „ковылемъ не дорожили“, теперь же они хорошо знаютъ цѣну цѣлинныхъ земель, главнымъ же образомъ — въ томъ, что въ то время у поселенцевъ „скота было мало, залого пахать не было силы“, а потому всѣ гнались за оборотами и третьяками, какъ землями еще не истощенными и въ то же время несравненно болѣе легкими для обработки; напротивъ, въ настоящее время большинство поселенцевъ обзавелось скотомъ, а потому земля цѣнится уже по ея плодородію, независимо отъ доступности и легкости ея обработки. — Затѣмъ, нѣсколько измѣнилась и относительная цѣнность земли въ различныхъ частяхъ Кустанайскаго аренднаго района. Десять лѣтъ тому назадъ самыя высокія цѣны на землю стояли

въ ближайшихъ окрестностяхъ Кустаная, а въ районѣ поселковъ Боровской волости земля была замѣтно дешевле; въ настоящее время арендныя цѣны около Кустаная не только не выше, а скорѣе даже нѣсколько ниже, чѣмъ были въ то время, и стоятъ, въ общемъ, ниже, нежели въ районѣ поселковъ Боровской вол., гдѣ возрастаніе цѣнъ было, напротивъ, довольно замѣтно. И это совершенно понятно: десять лѣтъ тому назадъ всѣ Кустанайскіе мѣщане пахали въ ближайшихъ окрестностяхъ города, и районъ ихъ распашекъ соприкасался и пересѣкался съ областью распашекъ поселенцевъ Александровской волости, — въ районѣ же Боровской вол. пахали одни только жители поселковъ этой волости; въ настоящее время болѣе или менѣе всѣ лучшія цѣлинны въ ближайшихъ окрестностяхъ Кустаная пораспаханы и „перепашены“; многіе зажиточные арендаторы-Кустанайцы побросали арендовавшіеся ими здѣсь равнше участки и двинулись, въ погонѣ за цѣлинами, въ болѣе удаленныя отъ города мѣстности, — преимущественно въ районъ поселковъ Боровской волости; сюда-же стали переносить свои запашки многіе изъ наиболѣе зажиточныхъ крестьянъ Александровской вол. — особенно Александровскаго, Жуковскаго и Борисовскаго (см. выше, гл. III и IV). Въ результатъ — усиленный спросъ на землю въ районѣ поселковъ Боровской вол., по сравненію съ которыми повышеніе цѣнъ на землю было, въ сущности, ничтожно; цѣны возрасли-бы еще гораздо сильнѣе, если-бы возросшій спросъ не уравнивался, въ значительной мѣрѣ, возросшимъ предложеніемъ земли со стороны киргизъ; киргизы, по словамъ крестьянъ, въ послѣднее время просто навязываютъ землю крестьянамъ: они чувствуютъ, что будетъ „отрѣзка“ земли подъ переселенцевъ, и хотятъ до „отрѣзки“ „хоть чѣмъ-нибудь за нее попользоваться“. Напротивъ, въ окрестностяхъ Кустаная и ближайшихъ къ нему поселковъ Александровской вол. спросъ на землю значительно сократился, и если цѣны на землю не понизились болѣе замѣтно, то только потому, что и самый запасъ предлагаемыхъ къ арендѣ свѣжихъ земель нынѣ уже очень незначителенъ, а потому на *такія* земли все еще находится достаточное число охотниковъ.

Земли, уже прошедшія чрезъ руки арендаторовъ, можно сказать, совершенно обезцѣниваются: извѣстное понятіе о степени этого обезцѣненія даютъ уже вышеприведенныя поддесятинныя цѣны, изъ которыхъ видно, что за земли, давшія три хлѣба, даже послѣ отдыха, даютъ уже не болѣе 50—60 к. за десятину; а нѣсколько примѣровъ могутъ показать, какъ отражается хозяйство арендаторовъ на цѣнности цѣлыхъ участковъ. Такъ, мѣщанинъ Алелековъ, заарендовавъ участокъ подъ займку, условился платить за первые три года

по 200 р., за слѣдующіе три года—по 100 рублей; артельщики Рязанцевской заимки арендовали участокъ съ 1890 г. по 1895 г. за плату по 400 р. въ годъ, а съ 1896 г. заарендовали тамъ-же участокъ на новое шестилѣтіе всего по 100 р. въ годъ, — каковое пониженіе цѣны прямо мотивировалось тѣмъ, что цѣлины уже всѣ распаханы; по той-же самой причинѣ жители Саратовской заимки, по истеченіи 6-лѣтняго срока аренды, въ 1897 г. сняли землю вновь на условіяхъ обработки изъ пятой борозды, тогда какъ неистощенныя земли въ той-же мѣстности арендовались и арендуются, какъ мы сейчасъ увидимъ, изъ третьей борозды, т. е. почти вдвое дороже ¹⁾).

Изложеннымъ исчерпываются имѣющіяся въ моемъ распоряженіи данныя объ условіяхъ чисто-денежныхъ арендъ. Переходя затѣмъ къ арендамъ *натуральнымъ*, необходимо остановиться, прежде всего, на сдѣлкахъ чисто-аренднаго характера, именно на арендѣ *изъ части* обработанной земли. Сдѣлки этого рода, почти не встрѣчающія въ Актюбинскомъ уѣздѣ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ, особенно послѣдніе 3—4 года, пользуются очень большимъ распространеніемъ. Какъ было, однако, объяснено выше (гл. II), лишь незначительная часть сдѣлокъ этого рода имѣетъ характеръ сдѣлокъ, дѣйствительно, *натуральнаго* характера: въ значительномъ большинствѣ случаевъ такія сдѣлки заключаются фиктивно, и аренда изъ доли вспаханной арендаторомъ земли обставляется такими условіями, которыя обращаютъ ее, въ дѣйствительности, въ денежную: если слатчиезъ самъ не засѣваетъ своей доли вспаханной арендаторомъ земли, онъ обязуется продать ее тому-же арендатору по заранѣе условленной или по ходячей, въ данное время, цѣнѣ; ему-же онъ обязуется сдать распаханную землю подъ посѣвъ по обороту, — и обыкновенно слатчиезъ, дѣйствительно, самъ ничего не засѣваетъ, а арендаторъ откупается отъ него, въ той или другой формѣ, денежнымъ вознагражденіемъ. Тѣмъ не менѣе, довольно часто разсматриваемаго рода сдѣлки имѣютъ и не фиктивный характеръ, — таковы именно тѣ сдѣлки, которыя заключаются безъ письменныхъ документовъ, по словеснымъ уговорамъ, или хотя и по письменнымъ условіямъ, но безъ отвода арендатору заключеннаго въ опредѣленныя границы участка.—Затѣмъ, какъ при

¹⁾ Сходный, повидному, случай имѣлъ мѣсто по зас. Можаровскому: съ 1888 по 1890 г. поселенцы платили за участокъ по 191 р. въ годъ, а съ 1895 г. они сняли тотъ-же участокъ на 6 л. съ платой въ 200 р. за все время, т. е. почти въ 6 разъ дешевле; но выше (гл. II) было выяснено, что въ договорѣ показана была только меньшая часть уплаченной за участокъ суммы, почему приведенныя цифры и не изображаютъ дѣйствительнаго пониженія цѣнности земли.

фиктивной, такъ и при дѣйствительно-натуральной арендѣ наиболѣе обычнымъ типомъ является аренда изъ *третьей борозды*, при которой арендаторъ изъ *каждыхъ* распаханныхъ его рабочими и его инвентаремъ трехъ десятинъ цѣлинной земли получаетъ на свою долю двѣ, а одну уступаетъ сдатчику, который либо боронитъ и засѣваетъ ее самъ, своимъ трудомъ и своими сѣменами, либо — при фиктивной арендѣ — отдаетъ ее арендатору за денежную плату; затѣмъ, всѣ обороты поступаютъ въ пользу сдатчика, который, однако, обыкновенно беретъ на себя обязательство сдать ихъ тому-же сѣмщику, уже за деньги, — третьяки же, повидимому, поступаютъ уже въ неограниченное распоряженіе сдатчика. Въ отдѣльныхъ случаяхъ, въ болѣе удаленныхъ отъ Кустаная мѣстностяхъ, мнѣ встрѣчалась аренда изъ доли и на другихъ условіяхъ: такъ, большинство жителей заселка Аульекуль снимаетъ землю не изъ третьей, а изъ *четвертой борозды*, причѣмъ однако сѣмщикъ не только пашетъ цѣлину, но и боронитъ ее своимъ инвентаремъ; изъ четвертой-же борозды, — но за одну только вспашку, — снимаютъ землю въ окрестностяхъ пос. Степановскаго; обитатели хут. Алакульскаго, расположеннаго въ 90 в. отъ Кустаная, въ мѣстности, гдѣ спросъ на землю еще очень невеликъ, поднимая для киргиза-сдатчика десятину цѣлины, берутъ себѣ за это двѣ такіа-же десятины, но не одинъ, а на *три* посѣва. Наконецъ въ окрестностяхъ Кустаная, какъ я уже сказалъ, бывають случаи сѣмки уже паханныхъ ранѣ земель „изъ *пятой борозды*“, т. е. съ уступкой сдатчику всего $\frac{1}{5}$ части вспаханной залежи.

Такъ какъ, при существующихъ у Кустанайскихъ арендаторовъ порядкахъ обработки земли, для самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства требуется очень значительный инвентарь и въ частности не менѣе 4-хъ паръ быковъ, то какъ денежная аренда, такъ и натуральная сдѣлки чисто-аренднаго характера, доступны лишь сравнительно состоятельнымъ хозяевамъ; многочисленная какъ въ поселкахъ, такъ и среди проживающихъ по ауламъ поселенцевъ бѣднота прибѣгаетъ, особенно для распашки цѣлинъ, къ сдѣлкамъ *смѣшаннаго* типа, которыя, при всемъ своемъ разнообразіи, извѣстны у поселенцевъ подъ однимъ общимъ названіемъ — „пахать“ или „работать съ киргизами“, и при которыхъ поселенецъ получаетъ отъ сдатчика-киргиза не только землю, но и рабочей скотъ, уступая за то соответственно большую долю вспаханной земли. — Обычный типъ этого рода аренды въ при-Кустанайскомъ районѣ, — это „работа изъ третьей борозды“; при такого рода сдѣлкахъ арендаторъ, вспахавъ скотомъ сдатчика-киргиза цѣлину, уступаетъ ему $\frac{2}{3}$ вспаханной площади, а остальную треть получаетъ право засѣять одинъ

разъ въ свою пользу, причеъ бороньба, посѣвъ и всѣ прочія работы производятся каждою стороною для себя, безъ всякаго содѣйствія со стороны другой стороны; иногда съемщикъ, получая треть вспаханной цѣлины, долженъ за то еще и заборонить долю сдатчика, иногда, если земля хороша, онъ долженъ, кромѣ двухъ третей вспаханной земли, заплатить сдатчику „прирядокъ“, — на примѣръ за 5—6 вспаханныхъ на свою долю десятинь выжать сдатчику десятину или заплатить 3—5 р. денегъ; иногда, наконецъ, вспахивая скотомъ сдатчика цѣлину, съемщикъ получаетъ на свою долю только четвертую часть вспаханной земли, а три четверти уступаетъ сдатчику. Все сказанное относится только къ распашкѣ цѣлинь; что касается посѣвовъ по обороту, то съемщики разсматриваемой группы иногда выговариваютъ себѣ право снять ихъ подъ второй посѣвъ за опредѣленную денежную плату, иногда же и для вспашки оборотовъ и даже третьяковъ „работаютъ съ киргизами“, причеъ, вспахивая обороты, получаютъ на свою долю тоже третью часть, вспахивая третьяки, — половину вспаханной площади. Само собою разумѣется, что условія „работы съ киргизами“ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ опредѣляются въ зависимости отъ массы разнообразныхъ обстоятельствъ, а прежде всего — отъ качества земли, условій спроса и предложенія земли и скота, урожая хлѣба и т. п., и напр. въ юго-восточной части Актюбинскаго у., гдѣ русскихъ почти нѣтъ и киргизы очень дорожатъ арендаторами, бывають случаи, когда съемщикъ, работая инвентаремъ киргиза, получаетъ половину вспаханныхъ цѣлинь. Но въ общемъ, по показаніямъ поселенцевъ, условія этого рода аренды въ настоящее время менѣе тяжелы для съемщиковъ и менѣе выгодны для сдатчиковъ-киргизъ, нежели были лѣтъ 10 тому назадъ, въ эпоху возникновенія Кустанайскихъ поселковъ; такъ, Владимірскіе поселенцы прежде пахали „изъ третьей борозды“ даже третьяки; теперь третьяки пахутъ изъ половины, изъ третьей же части — только цѣлины и обороты; Можаровцы нынѣ пахутъ („мятутъ“ землю) изъ половины, безъ всякихъ приплатъ, а прежде, кромѣ того, требовался „прирядокъ“: „вспаши ему, бывало, десятину или двѣ, а остальное пополамъ“, — и объясняется это, по объясненію крестьянъ, тѣмъ, что значительная часть поселенцевъ успѣла завестись скотомъ и вообще инвентаремъ, а потому спросъ на „работу съ киргизами“ значительно сократился. Въ то время, повидному, преобладалъ другой видъ этого рода сдѣлокъ — „работали изъ половины урожая“: киргизъ-сдатчикъ давалъ землю и быковъ, а арендаторъ исполнялъ всѣ работы: пахалъ, сѣялъ, жалъ и молотилъ („какъ помѣщику работали ему“, говорятъ крестьяне), — а собранный хлѣбъ дѣлился попо-

лаиъ. Въ настоящее время, повидимому, такого рода сдѣлки встрѣчаются уже рѣдко, — въ нихъ вступаютъ только бѣднѣйшіе изъ поселенцевъ, которымъ приходится одалживать у сдатчиковъ и сѣмена: „онъ тебѣ дастъ, говорятъ крестьяне, и землю, и быковъ, и сѣмена, — ты ему вспашешь, посѣешь, сожнешь и обмолишь, — хлѣбъ пополамъ, да сѣмена ему отдать надо“. Иногда, наконецъ, сдѣлки „на работу съ киргизами“ заключаются на совершенно другихъ основаніяхъ — не *изъ доли* обработанной земли, а за обработку *опредѣленнаго числа десятинъ*: „возьмешь у киргиза быковъ, вспашешь ему наперво 4 десятины, а потомъ себѣ — сколько успѣешь“, — другими словами съемщикъ, обработавъ сдатчику 4 дес., приобретаетъ право весь остатокъ рабочаго времени пользоваться полнымъ комплектомъ быковъ (4—5 паръ) и вспахать столько земли, сколько успѣетъ.

Нерѣдко „работаютъ съ киргизами“ и не вовсе безскотные поселенцы, но и такіе, которые сами могутъ выставить часть нужнаго для запряжки въ плугъ скота и берутъ отъ киргиза, сдающаго имъ землю, только недостающее имъ число паръ быковъ. Чаще всего, какъ кажется, работаютъ въ этихъ случаяхъ исполу: съемщикъ является съ плугомъ и съ двумя парами быковъ, а двѣ-же пары беретъ у сдатчика; затѣмъ, на съемщикѣ лежитъ обязанность иногда — только вспахать землю, чаще — кромѣ того и заборонить ее и произвести посѣвъ, и обработанная земля дѣлится пополамъ. Не менѣе, если не болѣе, распространены сдѣлки и другого рода, — когда малоскотный съемщикъ, пользуясь землею и скотомъ киргиза, удѣляетъ ему не опредѣленную кратную долю обработанной земли, а работаетъ весь періодъ полевыхъ работъ и либо заранѣе выговариваетъ себѣ, за свой трудъ и свою часть скота, опредѣленное число десятинъ земли, либо, наоборотъ, отдаетъ киргизу заранѣе выговоренное число десятинъ, а самъ пользуется всѣмъ остаткомъ, какой онъ успѣетъ обработать въ теченіе сказаннаго періода. Условія такого рода сдѣлокъ чрезвычайно разнообразны, въ зависимости, прежде всего, отъ числа головъ скота, какимъ располагаетъ съемщикъ и какое онъ беретъ у сдатчика, — и я имѣю возможность привести здѣсь лишь самое небольшое число примѣровъ; такъ, одинъ поселенецъ (въ хут. Успенскомъ) „приставалъ пахать къ киргизамъ, — у него сабанъ и двѣ пары быковъ, у меня самъ да лошадь“, — и изъ обработанной за всю весну земли получилъ 2¹/₂ десятины; другой (пос. Ивановскій) поставилъ на работу, кромѣ себя самого, лошадь да сабанъ, а киргизъ поставилъ пару лошадей, — вспаханная земля дѣлилась пополамъ, причѣмъ однако за свою часть съемщикъ особо уплачивалъ денежную аренду, и т. д..

Нерѣдко, вмѣстѣ того, чтобы вступать съ киргизами въ такого рода сдѣлки, имѣющія, очевидно, на половину супротивный характеръ, малоскотные поселенцы поступаютъ иначе: они арендуютъ землю на деньги, а недостающій до полной рабочей запряжки скотъ нанимаютъ иногда за отработокъ, иногда — просто за деньги. Особенно часто встрѣчаются такого рода случаи среди бѣдной части населенія поселковъ Боровской волости, причемъ лошади иногда нанимаются поденно, по 25—30 и до 35 к. за лошадь, иногда — подесятинно: за тройку лошадей для вспашки десятины цѣлины платятъ по 4 р., для вспашки съ бороньюю десятины старой земли — по 2 р., за одну боронью — 1 р. или 1 р. 50 к., и т. д.; иногда (въ Актюбинскомъ у.) лошадей нанимаютъ на весь весенній періодъ, платя за лошадь по 6—7 р. или вспахивая за нее десятину цѣлины, и т. д.; такимъ-же образомъ иногда нанимаютъ и быковъ, платя за весну, обыкновенно, по 6—7 р. за пару.

Наконецъ, довольно часто малоскотные поселенцы, которымъ не под силу поднимать цѣлины, „покупаютъ“ у киргизъ или у другихъ поселенцевъ уже готовые, вспаханные, а иногда и забороненныя земли — цѣлины и обороты; такого рода сдѣлки особенно распространены въ Кустанайскихъ арендаторскихъ поселкахъ, гдѣ обычная цѣна за обработанную десятину цѣлины или оборота колеблется отъ 5—6 до 7—8 рублей, но при худыхъ урожаяхъ, когда у многихъ поселенцевъ оказывается нечѣмъ засѣять вспаханную землю, падаетъ до 4 и даже 3 рублей. Прежде, когда процентъ безскотныхъ и малоскотныхъ поселенцевъ былъ гораздо выше, и потому спросъ на обработанную землю былъ значительно сильнѣе, а предложеніе ея — меньше, обычная цѣна готовыхъ къ посѣву цѣлинъ и оборотовъ была не ниже 10—12 р., а при нуждѣ, и особенно при арендѣ въ кредитъ, съ выплатой по снятіи урожая, за десятину приходилось платить до 15 и даже 18 рублей. Довольно часты случаи „покупки“ готовыхъ земель и въ Актюбинскомъ у.; въ окрестностяхъ Орска за подготовленную къ посѣву „мягкую“ землю платятъ не дороже 4—5 р., а задавая деньги впередъ съ зимы, — и 3 р. за десятину. Гораздо дороже обработанныя земли около Илецкой защиты, въ Тустюбинской вол., гдѣ „покупка“ переселенцами у киргизъ совершенно подготовленныхъ къ посѣву или только распаханыхъ земель, повидимому, очень распространена: за вспаханные цѣлинныя земли или обороты здѣсь платятъ отъ 7—8 до 10 р., а за совершенно готовые къ посѣву, т. е. вспаханные и забороненныя — по 12—13 р. за десятину.

Переходимъ затѣмъ въ условія арендованія *сѣнокосныхъ угодій*. Въ первой части настоящаго отчета (стр. 156) было уже упомянуто, что этого рода угодья, въ которыхъ у киргизъ Кустанайскаго и Актюбинскаго у.у. далеко не ощущается такого избытка, какъ въ пахатныхъ степяхъ, сдаются киргизами въ аренду очень неохотно, почему и цѣны на сѣнокосныя угодья, сравнительно, напр., съ Западною Сибирью, довольно высоки. Ни въ одномъ изъ тѣхъ болѣе крупныхъ участковъ, которые сданы по договорамъ и на которыхъ устроились заселки или хутора, нѣтъ заливныхъ луговъ, — киргизы ни подъ какимъ видомъ не соглашаются сдавать ихъ „на года“ даже въ такой мѣстности, какъ побережье Урала, гдѣ луга имѣются въ изобиліи и превосходны по качеству; въ составѣ многихъ изъ такихъ участковъ спеціальныхъ сѣнокосовъ нѣтъ вовсе, и если арендаторы и косятъ въ чертѣ заарендованныхъ участковъ, то только бурьянъ, растущій по залежамъ, а въ дождливые годы — ковыль и траву, вырастающую на солонцахъ; въ другихъ сѣнокосныя угодья имѣются въ количествѣ, болѣе или менѣе удовлетворяющемъ или даже превышающемъ потребности арендаторовъ, но и это — исключительно болотистыя и солонцеватыя низины, вкрапленныя среди пахатной степи. Во всякомъ случаѣ, арендные договоры совершенно не содержатъ въ себѣ никакихъ данныхъ о цѣнѣ вошедшихъ въ составъ участковъ сѣнокосныхъ площадей, такъ какъ арендная плата всегда устанавливается либо въ общихъ за цѣлыя участки цифрахъ, либо по расчету на одну только пахатную землю. Нѣкоторое представленіе о цѣнности сѣнокосныхъ угодій можно получить только на основаніи данныхъ, относящихся къ „частнымъ“ арендамъ, — но и эти данныя почти вездѣ имѣютъ болѣе или менѣе случайный характеръ, потому что „частная“ сдача лишь тамъ достигаетъ болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ, гдѣ сами киргизы владѣютъ лугами въ изобиліи, — во многихъ же мѣстностяхъ аренда покосовъ либо вовсе не существуетъ, либо имѣетъ, въ большей или меньшей степени, случайный характеръ: такъ напр. крестьяне поселковъ, расположенныхъ по Тоболу, должны обходиться вовсе безъ заливныхъ луговъ, потому что киргизы сдаютъ ихъ только въ крайней нуждѣ, обыкновенно тогда, когда кому-либо изъ крестьянъ задолжали; крестьяне поселковъ Боровской волости, живущіе въ мѣстности, богатой отличными лѣсными покосами, должны однако довольствоваться ковылемъ и залежнымъ бурьяномъ, такъ какъ „мягкой“ травы киргизы почти вовсе не сдаютъ; киргизы окрестностей Актюбинска сдаютъ луга хуторянамъ не въ „настоящее“ покосное время, а только подъ конецъ лѣта, когда сами „накосятся“, а русскіе по-

селенцы, живущіе въ юго-восточной части Кустанайскаго у. (хут. Смолен. заводъ, зас. Аульекуль), не могутъ достать въ аренду сѣнокосныхъ мѣстъ ни за какія деньги и должны покупать у киргизъ готовое сѣно. Наконецъ въ самое послѣднее время арендованіе покосовъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Кустанайскаго уѣзда еще болѣе затруднилось благодаря мѣропріятіямъ казеннаго лѣснаго управленія, направленнымъ къ стѣсненію пользованія лѣсными полянами и во многихъ мѣстахъ имѣвшимъ послѣдствіемъ совершенное прекращеніе сдачи этихъ полей въ аренду.

Прежде, нежели перейти къ обзору имѣющихся, весьма скудныхъ данныхъ объ арендныхъ цѣнахъ на сѣнокосныя угодья, необходимо замѣтить вообще, что эти послѣднія, при отдѣльной отъ другихъ угодій арендѣ, всегда сдаются не иначе, какъ на одинъ сѣмъ травы, причемъ сдача всегда производится либо съ зимы, слѣдовательно до извѣстной степени на рискъ, либо уже лѣтомъ, когда есть возможность судить о количествѣ сѣна, какое накосится, при данномъ урожаѣ, съ отдаваемого въ аренду участка.

Обращаясь затѣмъ, къ обзору данныхъ объ арендованіи сѣнокосныхъ угодій въ различныхъ мѣстностяхъ, мы находимъ, что крестьяне при-Тобольныхъ поселковъ (Александровская вол.), расположенныхъ въ мѣстности, гдѣ заливные луга имѣются въ довольно большомъ количествѣ, лишь въ исключительно рѣдкихъ случаяхъ имѣютъ возможность снимать такіе луга по близости отъ своего мѣстожителства, у „своихъ“ киргизъ; послѣдніе сдаютъ луга только по нуждѣ, если среди зимы оказывается надобность въ деньгахъ, забирая въ такомъ случаѣ по 4—5 р. за сороковую десятину; охотнѣе сдаютъ заливные луга дальніе киргизы, живущіе на 25—30 в. ниже по теченію Тобола, въ мѣстности, гдѣ русскихъ поселенцевъ еще очень мало, — а потому сюда и направляются, по большей части, тѣ болѣе состоятельные поселенцы, которые хотятъ запастись хорошимъ сѣномъ, и платятъ не менѣе 6—7 р. за десятину. Въ большинствѣ случаевъ поселенцы снимаютъ для сѣнокосенія либо бурьянистыя залежи, за которыя платятъ отъ 50—60 к. до 1 р. за десятину, либо небольшія болотистыя и солонцеватыя низины, а въ дождливый годъ — и ковыльные степи; арендуютъ такого рода покосы не подесятинно и не покосенно, а „углами“, т. е. урочищами, причемъ зажиточные поселенцы обыкновенно берутъ покосы за хлѣбъ, который раздають зимою бѣднымъ киргизамъ, или съ зимы же даютъ „подъ покосъ“ деньги; количество травы, какое удастся накосить на заарендованныхъ „углахъ“, конечно, всецѣло зависитъ отъ случайностей

урожая, а потому и цѣна накошенной травы представляетъ, при такой арендѣ, очень рѣзкія колебанія: „когда дешево обойдется, говорятъ крестьяне, а когда и дорого“, — при нерѣдкихъ же неурожаяхъ травы заданныя впередъ деньги, нерѣдко, и вовсе пропадаютъ; при сравнительно рѣдко случающейся арендѣ на наличныя деньги, безъ задачи впередъ, копна хорошей травы въ хорошій годъ обходится около 10 копѣекъ. — Въ районѣ поселковъ Боровской волости лучшими покосами считаются поселки по лѣснымъ полянамъ и по окраинамъ озеръ; но такіе покосы, какъ я уже упоминалъ, крестьянамъ удастся заарендовать лишь весьма рѣдко, по большей же части и здѣсь снимаютъ на скося травы ковыльные степи и бурьянистыя залежи; арендуютъ и здѣсь всегда „кругами“, „углами“, очень часто — съ задачей денегъ впередъ, съ зимы, почему и здѣсь, конечно, не можетъ быть рѣчи о сколько-нибудь однообразныхъ цѣнахъ на сѣнокосныя угодья; при хорошихъ урожаяхъ травы, сколько я могу судить по отзывамъ крестьянъ и по показаніямъ, полученнымъ при подворныхъ опросахъ, за копну хорошей травы приходится отдавать отъ 5—7 до 10—12 копѣекъ, а при задачѣ съ зимы цѣна опускается иногда и до 3 к.; за ковыль и залежный бурьянъ платятъ, по расчету на копну, по 2—3 к. и дешевле.

Кромѣ денежной аренды покосовъ, въ Кустанайскомъ арендномъ районѣ довольно распространена и натуральная аренда — изъ части накошенной травы. Господствующимъ типомъ этого рода аренды является сѣмка покосовъ изъ *половины* накошеннаго сѣна, причемъ сѣмщикъ только коситъ траву и гребетъ ее въ копны, а метать въ стога приходится каждому свою половину; но затѣмъ отъ этого средняго типа постоянно бываютъ отклоненія и въ ту, и въ другую сторону: сѣмка изъ половины можетъ быть признана, повидимому, нормальной при среднемъ урожаѣ травы и при среднемъ качествѣ травы; при очень хорошемъ урожаѣ или при плохомъ качествѣ травы косать чаще изъ „третьей части“, — т. е. сѣмщикъ уступаетъ сдатчику треть, а себѣ беретъ двѣ трети накошеннаго сѣна; напротивъ, на Тобольныхъ лугахъ, даже въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ центровъ спроса на сѣнокосы, хоть и косать также изъ половины, но сѣмщикъ обязанъ не только сгрести часть сдатчика въ копны, но и сметать ее въ стога.

Въ Актюбинскомъ уѣздѣ покосы сравнительно дешевы въ мѣстностяхъ, лежащихъ вдоль теченія р. Урала, гдѣ избытокъ луговъ у киргизъ настолько великъ, что они охотно сдаютъ ихъ въ аренду не только „своимъ“ поселепцамъ, но и наѣзжающимъ со стороны сѣмщикамъ, напр. жителямъ

хут. Успенскаго и т. д.. За десятину заливнаго луга въ зас. Можаровскомъ платять всего по 1 р. 80 к. — 2 р., съ задачей съ зимы — даже 1 р. 50 к., въ Ащибутацкомъ хуторѣ — отъ 2 до 3 рублей; при натуральной арендѣ косятъ: Ащибутаецы — изъ половины, Можаровцы — изъ $\frac{3}{5}$ („ему двѣ, себѣ три части“). Жители зас. Ново-Уральскаго снимають луга не подесятинно, а „углами“, причеь арендная плата по расчету на копну составляетъ отъ $1\frac{1}{2}$ до 3 — $3\frac{1}{2}$ копѣекъ. Въ средней части уѣзда, гдѣ расположены хутора Пароловъ и др., покосы значительно дороже: какъ я уже говорилъ, въ „настоящее“ сѣнокосное время киргизы вовсе не сдаютъ здѣсь луговъ, и только „накосившись“ сдаютъ остатки своихъ покосовъ, причеь плата колеблется, обыкновенно, отъ 6 до 10 копѣекъ за копну.

Въ заключеніе настоящей главы необходимо еще коснуться важнаго вопроса о томъ, какъ исполняются заключаемыя между переселенцами, съ одной стороны, и киргизами, съ другой, арендныя сдѣлки; другими словами — какъ складываются фактически тѣ арендныя отношенія, договорныя условія которыхъ мы характеризовали въ настоящей главѣ. Говоря вообще, ни та, ни другая сторона не проявляетъ здѣсь особой добросовѣстности. Въ отношеніи взноса арендной платы арендаторы — хуторяне и одиночки, вообще говоря и если не считать случайныхъ исключеній, довольно аккуратны, рѣзко отличаясь, въ этомъ отношеніи, отъ жителей арендаторскихъ поселковъ, о которыхъ была рѣчь въ третьей главѣ. И такое различіе представляется вполнѣ естественнымъ: жители поселковъ, причисленные въ данной мѣстности, получившіе здѣсь административное устройство, чувствуютъ, что согнать ихъ съ занятыхъ мѣстъ киргизамъ не удастся, сознавая въ то-же время за собой извѣстное право получить землю въ надѣлъ, — и въ силу этого они, какъ официально признано, „всемирно уклоняются отъ исполненія арендныхъ условій“. Хуторяне и одиночки вполнѣ сознають, напротивъ, что они — лишь временные арендаторы киргизской земли, а потому не видятъ никакой несправедливости въ томъ, что имъ приходится платить аренду; съ другой стороны, они знаютъ, что ихъ —, особенно если аренда, какъ теперь бываетъ въ большинствѣ случаевъ, не облечена въ легальную форму, — всегда можно безъ особыхъ затрудненій удалить съ заарендованной земли, а потому и не осмѣливаются уклоняться отъ взноса арендной платы. При договорныхъ, хуторскихъ арендахъ они почти всегда вносятъ болѣе или менѣе значительныя задатки, и сроки послѣдующихъ взносовъ назначаются обыкно-

венно такъ, что деньги выплачиваются до наступленія оплачиваемаго срока; наиболее состоятельные хуторяне и арендаторы-капиталисты очень охотно выплачиваютъ впередъ деньги за весь срокъ аренды, — и это обстоятельство, какъ и вообще исправность разсматриваемой группы арендаторовъ во взносъ арендной платы, очень сильно помогаетъ имъ, какъ было указано выше, въ ихъ борьбѣ съ поселками за землю. Что касается до арендаторовъ-одиночекъ, то они обыкновенно обязываются уплатить деньги не впередъ, а осенью, сжавъ и обмолотивъ посѣянный на арендованной землѣ хлѣбъ; но очень часто приходится выплачивать деньги впередъ, до приступа къ обработкѣ заарендованной земли („какъ залогъ пахать въ Петровки, такъ деньги подавай“), а самымъ зауряднымъ дѣломъ является выпрашивание и даже вымогательство киргизами, въ счетъ арендной платы, денегъ или продуктовъ задолго до наступленія времени обработки заарендованной земли. Однако, какъ было уже указано выше, это послѣднее обстоятельство не только не причиняетъ арендаторамъ какого-либо ущерба, но наоборотъ — оно для арендаторовъ очень выгодно, такъ какъ позволяетъ имъ, въ дѣйствительности, платить киргизамъ гораздо дешевле условленной цѣны; многіе арендаторы, какъ изъ одиночекъ, такъ и изъ хуторянъ, прямо строятъ на этомъ свои расчеты — „такъ и наровать, какъ-бы ему (киргизу) взамѣсто платы что-нибудь всучить да подороже взять“.

Благодаря именно этому обстоятельству, киргизы очень часто и можетъ быть — даже въ большинствѣ случаевъ получаютъ въ дѣйствительности за сдаваемую землю значительно меньше, нежели значится въ письменныхъ договорахъ или было условлено по словеснымъ соглашениямъ. Но еще большій ущербъ они терпятъ благодаря тому, что арендаторы обыкновенно пользуются фактически гораздо бѣльшимъ количествомъ земли, нежели киргизы предполагали сдать и нежели сколько показано въ письменномъ условіи или назначено было на словахъ. Иногда въ арендные договоры включаются оговорки, очевидно имѣющія цѣлью затенить смыслъ договора и позволить арендаторамъ воспользоваться фактически бѣльшимъ, нежели то имѣли въ виду предоставить имъ сдатчики, количествомъ земли; напримѣръ артель поселенцевъ, арендуя участокъ въ опредѣленныхъ границахъ и съ обозначенною площадью въ 75 дес., оговариваетъ, „земля была чтобы удобная для хлѣбопашества... , а если мы, арендаторы, признаемъ изъ арендованной земли неудобной, то они должны намъ дать удобную землю“¹⁾; такой-же смыслъ имѣеть, оче-

¹⁾ Догов. 6. X. 92 (Пароло); см. также дог. 20. XI. 92 (купцовъ Гитядилова и Рябцова).

видно, редакція другого договора, по которому киргизы сдаютъ „50 дес. сотенной мѣры старой пахатной земли, паханной раньше русскими, а также промежутки, а также нижеуказанной грани новой земли окажутся удобнѣе для распашки... , также дозволяемъ распахиваться, не переходя грани, кромѣ старой земли бесплатно срокомъ на 3 года“¹⁾; такова же цѣль оговорки, включенной въ арендный договоръ купца Захо о заарендованіи 500 дес. земли на два посѣва (1894 и 1895 г.), и гласящей: „въ случаѣ если Захо все количество земли не успѣетъ вспахать и посѣять въ означенные два года, то имѣетъ право посѣять и въ 1896 г. безъ всякой за то приплаты“, — оговорка, въ дѣйствительности обращающая сдѣлку изъ аренды на 2 посѣва въ аренду на три посѣва²⁾. Но въ большинствѣ случаевъ арендаторы прибѣгаютъ для той-же цѣли къ гораздо болѣе простымъ, грубымъ приемамъ: они, какъ было уже выше упоминаемо, въ самыхъ широкихъ размѣрахъ практикуютъ въ этомъ отношеніи прямой обманъ („на вершокъ сажень накидываютъ!“): арендуя десятину, они въ дѣйствительности распахиваютъ двѣ, три и болѣе десятинъ; показывая въ письменномъ договорѣ небольшое число — 50, 75, 100, 200 десятинъ, они затѣмъ захватываютъ въ границы заарендованнаго участка въ 5 — 6 разъ большее количество земли, или, заранѣе условившись относительно направленія границъ участка, умѣютъ убѣдить киргизъ, что въ этихъ границахъ заключена площадь земли, въ нѣсколько разъ меньшая противъ дѣйствительности. Вообще, крестьяне не одинъ разъ сами сознавались мнѣ, что „охулки на руку не кладутъ“, и что если имъ самимъ и приходится терпѣть отъ обмановъ со стороны киргизъ, то „нашъ братъ еще ловчѣй киргиза“. Впрочемъ, судя по нѣкоторымъ показаніямъ, киргизы, по крайней мѣрѣ въ многоарендныхъ районахъ, теперь уже далеко не тѣ наивные дикари, вѣрнѣе на слово русскому и дающіе безпрекословно себя обманывать и обмѣривать, какими они были лѣтъ 10—15 назадъ: „теперь русскіе киргизъ образумили,—они сами умнѣе русскихъ стали, самъ смѣрять, а не умѣетъ—другого позоветъ мѣрять“.

Если теперь обратиться къ другой сторонѣ дѣла, именно къ вопросу, какъ исполняютъ сами киргизы вытекающія для нихъ изъ арендныхъ сдѣлокъ обязательства, то здѣсь показанія арендаторовъ позволяютъ набросать довольно пеструю картину. По отношенію къ хуторскимъ арендамъ и вообще крупнымъ арендамъ, основаннымъ на письменныхъ договорахъ, на постав-

¹⁾ Дог. 7. III. 93 (Акт. жителя Федорова).

²⁾ Дог. 15. XI. 92 (купца Захо).

ленный вопрос можно дать, повидимому, вполне удовлетворительный отвѣтъ: всѣ хуторяне, какихъ мнѣ приходилось спрашивать, единодушно удостовѣряютъ, что киргизы—если не считать потравъ—вполнѣ точно и добросовѣстно исполняютъ взятые на себя обязательства, не чиня арендаторамъ никакихъ „обидъ“; хуторяне очень охотно подчеркиваютъ рѣзкую разницу въ отношеніяхъ киргизъ къ нимъ, хуторянамъ, и къ жителямъ поселковъ, — разницу, объясняемую, какъ я уже упоминалъ, тѣмъ, что сами хуторяне являются гораздо болѣе исправными и, главное, болѣе спокойными арендаторами, — что они не мечтаютъ о „нарѣзкѣ“ земли въ надѣлъ, не пугаютъ „нарѣзкою“ киргизъ и т. д..

Напротивъ, отношенія киргизъ къ арендаторамъ-одиночкамъ складываются въ разныхъ мѣстностяхъ очень различно. Мѣстами (въ пос. Александровскомъ, Давыденковскомъ, Степановскомъ, Михайловскомъ, Можаровскомъ, на хут. Пароло и др.) поселенцы, стоящіе къ киргизамъ въ отношеніяхъ „частной“ аренды, не нахвалятся своими „хозяевами“: они „молодцы, вѣрно“, дѣла дѣлаютъ „по совѣсти“, „жить съ ними вполнѣ можно“, „обиды отъ нихъ никакой“; конечно, бываютъ случаи обмановъ—но „гдѣ обмановъ не бываетъ“!—и притомъ киргизъ, изблеченный въ двойной сдачѣ земли и вообще недобросовѣстности, легко сознается въ своей винѣ („поспорить, да и смирится“) и старается какъ-нибудь удовлетворить своего арендатора; единственное, чѣмъ въ такихъ случаяхъ тяготятся арендаторы, — это необходимость постоянно угощать „хозяевъ“, которые, по киргизскому обычаю, безпрестанно ѣздятъ къ нимъ въ гости, требуютъ угощеній и подарковъ; а въ угощеніяхъ и подаркахъ нельзя отказывать, потому что обиженный такимъ отказомъ киргизъ легко можетъ отказать въ продолженіи аренды.—Въ другихъ мѣстахъ, напротивъ, „частные“ арендаторы горько жалуются на всяческія „обиды“ со стороны киргизъ. Только въ одномъ случаѣ мнѣ пришлось слышать, что прежде, въ эпоху возникновенія поселковъ, въ этомъ отношеніи хуже было („киргизы любятъ новенькихъ ловить и обходить“), а теперь обмановъ меньше стало. Большинство же показаній имѣетъ противоположный характеръ: поселенцы удостовѣряютъ, именно, что вначалѣ, при первомъ появленіи русскихъ, киргизы относились къ нимъ чрезвычайно дружелюбно, исполняли принимаемыя ими на себя обязательства въ высшей степени добросовѣстно, и только со временемъ, по мѣрѣ наплыва русскихъ поселенцевъ, начали „полукավливать“; весьма характернымъ представляется показаніе крестьянъ пос. Михайловскаго, которые свидѣтельствуютъ, что всякаго рода обманы и т. н. сравнительно часты

лишь со стороны киргизъ, близко живущихъ отъ поселковъ, — а что дальніе киргизы, живущіе отъ послѣднихъ въ 35—40 верстахъ, никогда своихъ арендаторовъ не обманываютъ. Появленіе обмановъ и вообще „обидъ“ поселенцы иногда (пос. Ивановскій) приписываютъ вліянію богачей-хуторянъ, которые „сбиваютъ“ киргизъ. Но дѣйствительную причину этого явленія слѣдуетъ, повидимому, приписать ряду другихъ обстоятельствъ: здѣсь могъ сыграть извѣстную роль дурной примѣръ самихъ поселенцевъ, отношенія которыхъ къ киргизамъ, какъ я говорилъ, не отличаются щепетильною честностью, — могъ повліять возросшій спросъ на землю и конкуренція между самими арендаторами, нерѣдко перебивающими другъ у друга землю; но главнымъ образомъ почва для „обмановъ“ и „обидъ“ создана была безпорядочностью землевладѣнія самихъ киргизъ, а въ послѣднее время — еще и юридическою необезпеченностью огромнаго большинства арендныхъ сдѣлокъ. Киргизскія поземельныя отношенія представляются до крайности запутанными, и запутанность ихъ еще возрасла благодаря многократно повторившимся во многихъ мѣстахъ передѣлкамъ разграниченій земли между отдѣльными кибитковладѣльцами и цѣлыми аулами; масса земли состоитъ въ спорахъ, и уже этимъ естественно создается почва для недоразумѣній и въ частности — двойныхъ сдачъ: на одинъ и тотъ-же участокъ, нерѣдко, ивѣтся два хозяина, и каждый изъ нихъ, вполне добросовѣстно, можетъ сдать данный участокъ какому-либо другому лицу; такъ часто и случается, а еще чаще бываетъ, что къ арендатору, снявшему землю у одного киргиза, является другой, „говоритъ — земля моя“, и сгоняетъ съ заарендованнаго участка; приходится платить ему вторыя деньги, — „ничего не подѣлаешь, земли у нихъ недѣленыя“. Съ другой стороны, лишь ничтожное меньшинство мелкихъ арендныхъ сдѣлокъ оформливается надлежащимъ образомъ: такъ было даже при дѣйствіи Положенія 1868 г., когда порядокъ свидѣтельствванія сдѣлокъ былъ сравнительно простой, но арендаторы все-же не рѣшались свидѣтельствовать мелкихъ арендныхъ сдѣлокъ во избѣжаніе вымогательствъ со стороны киргизскихъ властей: „сунься къ аульному, говорятъ крестьяне, — а онъ безъ трехъ рублей печати не приложитъ“; сами киргизы, во избѣжаніе поборовъ, всачески избѣгали обращаться къ своимъ аульнымъ старшинамъ, — приходилось ограничиваться заключеніемъ сдѣлокъ по „частнымъ“ роспискамъ или просто на словахъ, при свидѣтеляхъ, — чѣмъ, конечно, открывался просторъ для всякихъ обмановъ и „обидъ“, противъ которыхъ арендаторъ не могъ найти защиты. Но еще хуже дѣло стало со времени вступленія въ дѣйствіе Положенія 1891 г.: ни арендаторы-одиночки, ни

даже большинство хуторянъ не имѣютъ возможности заключать сдѣлокъ, по требованію этого закона, съ волостнымъ сходомъ; приходится заключать сдѣлки „на совѣсть“, — и тутъ „ладно если хорошій киргизъ попадется“, потому что права арендатора рѣшительно ничѣмъ не гарантированы: его можетъ „согнать“ и киргизъ, сдавшій ему, землю, и всякій другой, заявившій притязанія на эту землю; администрація и судъ не только не могутъ оградить интересовъ арендатора, — напротивъ, разъ дѣло доходитъ до администраціи официальнымъ путемъ, ей не остается ничего, какъ признать „частную“ сдѣлку недѣйствительною и разсматривать арендатора какъ простаго самовольнаго пользователя. Киргизы, по словамъ арендаторовъ, отлично поняли всѣ преимущества, созданныя для нихъ такимъ положеніемъ дѣлъ, и нерѣдко широко пользуются ими: выпрашиваніе угощеній и подарковъ обращается въ вымогательство, — и угощенія съ подарками обходятся нерѣдко не менѣе, нежели рядная плата; въ случаѣ отказа, киргизы считаютъ себя обиженными и, нерѣдко, передаютъ уже сданную землю въ другія руки, а иногда — какъ утверждаютъ крестьяне — мстятъ за „обиду“ и путемъ покражъ скота; вообще сдачи земли вдвойнѣ, или тройнѣ, отводъ арендатору не той земли, какая была условлена ранѣе, при полученіи денегъ, а другой, худшей, отказъ выполнить условіе относительно сдачи оборотовъ тому-же лицу, которое поднимало цѣлину, и т. п., — всѣ эти и подобные виды обмановъ и „обидъ“ составляютъ, повидимому, во многихъ мѣстностяхъ скорѣе общее правило, чѣмъ исключеніе.

Особое мѣсто среди претерпѣваемыхъ арендаторами „обидъ“ занимаютъ потравы, — явленіе вполнѣ естественное при слабости надзора за киргизскимъ скотомъ и привычекъ его къ беспорядочной пастьбѣ. Жалобы на потравы раздаются очень часто; со стороны какъ одиночекъ и хуторянъ, такъ и жителей поселковъ; но насколько великъ ущербъ причиняемый потравами русскимъ поселенцамъ, — объ этомъ я не могъ составить себѣ даже приблизительнаго представленія. Могу только отмѣтить мнѣніе, слышанное мною отъ нѣкоторыхъ мѣстныхъ дѣятелей, что для жителей поселковъ и хуторянъ потравы скорѣе выгодны, нежели убыточны, такъ какъ убытокъ, причиненный потравою, всегда взыскивается съ киргизъ, и обыкновенно — еще съ большими избытками; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ говорятъ, арендаторы перебрали съ киргизъ за потравы больше, нежели заплатили за аренду участка. Могу также отмѣтить, что многіе хутора, повидимому, вовсе не страдаютъ отъ потравъ, если-же таковыя случаются, мирно сходятся съ киргизами, не заводя съ ними „большихъ кляуз“, — и это тѣмъ болѣе, что и арендаторскій скотъ тоже нерѣдко заходитъ на киргизскіе луга.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ОЧЕРКЪ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНІЯ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВЪ-АРЕНДАТОРОВЪ.

Въ предыдущихъ главахъ сведены данныя, способныя освѣтить, въ наиболѣе существенныхъ чертахъ, исторію русской колонизаціи сѣверныхъ уѣздовъ Тургайской области, а также уяснить условія землепользованія главной массы водворившихся здѣсь переселенцевъ-арендаторовъ. Въ настоящей, заключительной главѣ я попытаюсь дать краткую характеристику хозяйственного положенія этихъ послѣднихъ. Къ сожалѣнію, эта характеристика будетъ не только краткою, но и, въ значительной мѣрѣ, отрывочною. Чтобы дать полную картину хозяйственного положенія переселенцевъ-арендаторовъ, необходимо было-бы располагать сплошными цифровыми данными, собранными путемъ подворнаго опроса. Такого сплошнаго подворнаго опроса я лично, за недостаткомъ времени, не имѣлъ возможности сдѣлать: я произвелъ подворную опись только въ трехъ изъ десяти арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда — Степановскомъ, Ивановскомъ и Романовскомъ, всего съ 214 домохозяйствами, другими словами — моя подворная опись охватила всего около $\frac{1}{7}$ части населенія поселковъ; затѣмъ, въ Кустанайскомъ уѣздѣ я описалъ подворно 13 хуторовъ и заимокъ, всего съ 133 домохозяйствами, — описалъ, слѣдовательно, около третьей части проживающаго по заимкамъ и хуторамъ населенія; наконецъ, въ Актюбинскомъ уѣздѣ я произвелъ подворную опись въ пяти хуторахъ и заселкахъ, съ населеніемъ всего въ 112 семей, что составляетъ, приблизительно, около $\frac{2}{3}$ всего имѣвшагося на лицо въ уѣздѣ количества переселенцевъ-арендаторовъ.

Само собою разумѣется, что собранныя мною лично путемъ подворнаго опроса данныя, охватившія всего 459 домохозяйствъ, или немногимъ болѣе одной пятой части общаго числа, приблизительно, 2100 домохозяйствъ, не

могутъ представить исчерпывающей картины хозяйственнаго положенія Тургайскихъ переселенцевъ-арендаторовъ, а могутъ послужить лишь для нѣкоторыхъ сопоставленій, преимущественно по вопросу о распредѣленіи благосостоянія среди переселенцевъ. Сплошныя же цифровыя данныя мы можемъ извлечь только изъ нѣкоторыхъ официальныхъ источниковъ, но и то — лишь по отношенію къ десяти официально-признаннымъ поселкамъ Боровской и Александровской волостей. Для этихъ поселковъ мы располагаемъ, прежде всего, цифровыми данными, ежегодно-собираемыми мѣстной администраціей, чрезъ волостныя правленія, для общаго обзора области, прилагаемаго къ всеподданнѣйшему отчету военнаго губернатора. По этимъ даннымъ, хозяйственное положеніе поселковъ въ 1895 году обрисовывается слѣдующими цифрами:

Въ поселкахъ:	Число дворовъ	Всего въ 1895 г. было:				Или въ средн. на семью:			
		лошадей	быковъ и коровъ	овецъ	десятины посѣва	лошадей	быковъ и коровъ	овецъ	десятины посѣва
Александровскомъ.	323	350	1.365	921	2.219	1,1	4,2	2,9	6,9
Жуковскомъ	284	318	1.328	1.509	1.973	1,1	4,7	5,8	7,0
Романовскомъ	90	110	465	345	829	1,2	5,2	3,8	9,2
Борисовскомъ	103	114	585	272	966	1,1	5,7	2,6	9,4
Давыденковскомъ	38	50	280	335	290	1,3	7,4	8,3	7,6
Итого по поселкамъ									
Александровской вол.	838	942	4.023	3.382	6.274	1,1	4,8	4,0	7,5
Боровской вол.									
Боровскомъ.	299	152	1.260	1.043	1.908	0,5	4,2	3,5	6,5
Ивановскомъ	32	30	37	25	220	0,9	1,2	0,8	6,9
Михайловскомъ	141	140	470	770	1.159	1,0	3,3	5,5	8,2
Степановскомъ.	94	187	530	720	478	2,0	5,6	7,7	5,1
Владимірскомъ (?).	131	123	290	600	380	0,9	2,2	4,6	2,9
Итого по поселкамъ									
Боровской вол.	697	632	2.587	3.158	4.229	0,9	3,7	4,5	6,1
Всего по 10 поселкамъ.	1.535	1.574	6.610	6.540	10.303	1,0	4,3	4,3	6,7

Къ сожалѣнію, однако, эти цифры представляются весьма далекими отъ достовѣрности; въ этомъ убѣждаетъ хотя бы нижеслѣдующее, возможное по

тремъ поселкамъ, сопоставленіе цифръ, извлеченныхъ изъ названнаго источника, съ цифрами, полученными при произведенной мною лично подворной описи:

	По даннымъ обзора:			По моей подворной описи:		
	лошадей	быковъ и коровъ	десятины посѣва	лошадей	быковъ и коровъ	десятины посѣва
Пос. Романовскій . . .	110	465	829	108	424	910
„ Ивановскій . . .	30	37	220	32	54	150
„ Степановскій . . .	187	530	478	74	388	614.

Отклоненіе въ разныя стороны отклоненій цифръ обзора отъ цифръ, полученныхъ лично мною ¹⁾, достаточно убѣждаетъ, по моему мнѣнію, въ томъ, что цифры обзора, полученныя официальнымъ путемъ, чрезъ волостныя правленія и сельскихъ старостъ, не могутъ притязать на сколько-нибудь серьезное значеніе: цифры эти если не во всѣхъ случаяхъ (напр. по пос. Романовскому цифры обзора очевидно близки къ истинѣ), то въ видѣ общаго правила, не основываются на какихъ-либо специальныхъ исчисленіяхъ, а проставлялись сельскими властями, болѣе или менѣе, на обумъ, иногда — съ явнымъ и намѣреннымъ уменьшеніемъ противъ дѣйствительности; такъ, очевидно гораздо ниже (по крайней мѣрѣ вдвое) дѣйствительности цифры посѣвной площади по пос. Владимірскому; значительно уменьшены тѣ-же цифры по пос. Боровскому: здѣсь, по даннымъ „обзора“ значится всего 1.908 дес., тогда какъ по собственному крестьянскому учету общая площадь посѣвовъ по поселку превышаетъ три тысячи десятины.

Болѣе достовѣрны, можетъ быть, данныя, собранныя завѣдывавшимъ поселками чиновникомъ г. Мацуревичемъ и приведенныя въ его донесеніяхъ военному губернатору области ²⁾. Данныя эти сведутся въ слѣдующую таблицу:

¹⁾ Для своихъ цифръ я, конечно, тоже не претендую на безусловную точность; но въ виду однообразія способа собираенія думаю, что эти цифры, если и представляютъ отклоненія отъ дѣйствительности, то въ одну определенную сторону (уменьшенія) и притомъ въ не широкихъ предѣлахъ.

²⁾ Цифры эти сведены въ запискѣ, приложенной къ донесенію отъ 16 іюня 1891 г. № 56.

Въ поселкахъ:	Число дво- ровъ	Всего г. Мацуровичемъ насчитано:					Или въ сред- немъ на дворъ		
		Лошадей	Быковъ	Коровъ	Овецъ	Десятинъ посѣва	Рабочаго скота	Коровъ	Десятинъ посѣва
Александровскомъ.	284	399	574	436	371	1.865	3,4	1,5	6,6
Жуковскомъ . . .	238	320	580	350	580	1.927	3,8	1,5	8,1
Романовскомъ . . .	90	109	181	82	64	639	3,2	0,9	7,1
Борисовскомъ . . .	88	129	164	93	175	575	3,3	1,1	6,5
Давыденковскомъ .	14	22	46	28	39	110	4,8	2,0	7,8
Боровскомъ	245	178	438	344	491	1.638	2,5	1,4	6,7
Ивановскомъ	32	13	2	12	2	98	0,5	0,4	3,1
Степановскомъ . .	47	100	42	81	164	243	3,0	1,7	5,2
Михайловскомъ . .	103	110	219	138	445	624	3,2	1,3	6,0
Владимирскомъ . .	90	78	10	90	17	492	1,0	1,0	5,5
Итого по 10 пос .	1.231	1.458	2.256	1.654	2.352	8.217	3,0	1,3	6,7

Къ сожалѣнiю, цифры эти относятся къ году, непосредственно слѣдовавшему за страшнымъ неурожаемъ 1890 г., повторившимся и въ 1891 г., а потому онѣ, хотя, можетъ быть, и достаточно вѣрно изображаютъ положенiе поселенцевъ во время регистрацiи, не могутъ считаться характерными для благосостоянiя ихъ въ нормальное, болѣе благоприятное время.

Такимъ образомъ, имѣющiяся въ нашемъ распоряженiи официальные свѣдѣнiя даютъ о благосостоянiи поселковъ лишь самое смутное представленiе. Если затѣмъ обратиться къ разспроснымъ даннымъ, то между различными поселками обнаружатся, въ этомъ отношенiи, довольно существенныя различiя. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ благосостоянiе крестьянъ несомнѣнно стоитъ, въ общемъ, довольно и даже очень высоко: таковы, напр., поселки Александровскiй, Жуковскiй, Борисовскiй, Михайловскiй; о высокомъ уровнѣ ихъ благосостоянiя свидѣтельствуетъ цѣлый рядъ признаковъ: многочисленность домохозяевъ, живущихъ на хуторахъ и вообще арендующихъ землю внѣ границъ „общественныхъ“ участковъ; преобладанiе денежныхъ арендъ и малое развитiе сдѣлокъ, которыя можно назвать арендно-супряжными, — сдѣлокъ, при которыхъ безскотный или малоскотный арендаторъ беретъ у сдатчика-кыргиза не только землю, но и рабочiй скотъ; сравнительно недурная застройка, болѣе или менѣе значительныя клади хлѣба на гум-

нахъ, и т. п.. Напротивъ, хозяйственное положеніе ряда другихъ поселковъ представляется въ болѣе или менѣе неутѣшительномъ свѣтѣ. Особенно печальную картину представляетъ небольшой поселокъ Ивановскій: во всемъ этомъ поселкѣ нѣтъ ни одной бревенчатой избы, — всѣ поселенцы живутъ въ землянкахъ, и какъ эти жилища, такъ и особенно дворы имѣютъ самый жалкій и нехозяйственный видъ; изъ 35-ти наличныхъ домохозяевъ полными хозяевами могутъ быть признаны, при условіяхъ мѣстной земледѣльческой техники, только трое, имѣющіе отъ 7 до 12 быковъ и засѣвающие отъ 12 до 15 дес. каждый; затѣмъ, изъ остальныхъ 32-хъ семей 11 имѣютъ всего по одной лошади, а 18, т. е. болѣе половины общаго числа домохозяевъ, вовсе не имѣютъ рабочаго скота. Правда, размѣры запасекъ не такъ ничтожны, какъ можно было бы ожидать по приведеннымъ даннымъ объ обеспеченіи скотомъ: въ среднемъ на семью въ 1896 г. было засѣяно, по моей подворной описи, по 4,3 дес.¹⁾; только одна семья вовсе не имѣла посѣва, — у остальныхъ же запаски, хотя и небольшія, совершенно или почти совершенно обезпечивали собственное потребленіе; но это — только благодаря распространенности арендно-супряжныхъ сдѣлокъ и вообще возможности на тѣхъ или другихъ условіяхъ пользоваться рабочимъ скотомъ киргизъ. Немногимъ лучше, въ общемъ, хозяйственное положеніе пос. Романовскаго, Владимірскаго и Степановскаго. Въ этихъ поселкахъ довольно значительная часть населенія можетъ быть признана болѣе или менѣе самостоятельной: такъ, въ пос. Романовскомъ, изъ 90 наличныхъ домохозяйствъ, 15 имѣютъ отъ 7 до 10, 12 — свыше 10 быковъ, 21 семья засѣваетъ свыше 10 дес., девять изъ нихъ — свыше 20 дес., а 15 семей прибѣгаютъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, къ найму срочныхъ работниковъ; въ пос. Степановскомъ изъ 96 домохозяйствъ полный комплектъ рабочаго скота, отъ 7 до 15 быковъ, имѣетъ 21 семья, посѣвъ свыше 10 дес. — 11 семей, а 9 семей прибѣгаютъ къ найму срочныхъ работниковъ. Но зато въ пос. Романовскомъ 9 семей вовсе не имѣютъ рабочаго скота, а 32 семьи имѣютъ всего по одной лошади; въ Степановскомъ число семей вовсе безъ рабочаго скота доходитъ до 20, да еще 15 семей — однолошадныхъ и 19 — имѣющихъ по одной парѣ быковъ; 43 семьи (или 44,9%) въ этомъ послѣднемъ поселкѣ вовсе не имѣютъ пахатныхъ орудій, въ пос. Романовскомъ такихъ семей всего 17 (18,9%), но кромѣ того 21 семья

¹⁾ Здѣсь и въ дальнѣйшемъ имѣются въ виду *сороковыя* десятины (4,000 кв. саж. = 1½ кв. десятины).

имѣть, вмѣсто плуговъ, „россійскія“ сохи, совершенно не соответствующія условіямъ мѣстнаго земледѣльческаго хозяйства. Хотя затѣмъ, благодаря указаннымъ выше условіямъ, — именно распространенности супряжныхъ и арендно-супряжныхъ сдѣлокъ и легкости найма скота, запашки имѣютъ почти всѣ домохозяева, но запашки эти у значительнаго большинства домохозяевъ далеко не достаточны для удовлетворенія ихъ потребностей; къ продажѣ рабочей силы прибѣгаютъ, поэтому, въ пос. Романовскомъ 65 семей (72,3%), въ Степановскомъ — 62 семьи (64,8%), причѣмъ 21 семья въ первомъ и 18 во второмъ отпускаютъ работниковъ въ срочный наемъ. Сходными чертами рисуется, повидимому, хозяйственное положеніе поселенцевъ и въ пос. Боровскомъ; здѣсь процентъ состоятельныхъ дворовъ, какъ кажется, болѣе значителенъ — полный инвентарь имѣетъ около половины наличнаго числа домохозяйствъ, запашки же отдѣльныхъ домохозяевъ измѣряются сотнями десятинъ; но и здѣсь около одной четверти наличныхъ дворовъ (до 70 семей) вовсе не имѣетъ рабочаго скота и либо пахнетъ скотомъ киргизь-сдатчиковъ земли, либо вовсе не имѣетъ своей запашки, а только получаетъ по десятинѣ или по двѣ, въ видѣ „прирядка“, при отпускѣ работниковъ въ срочный наемъ.

Если, такимъ образомъ, средній уровень благосостоянія въ отдѣльныхъ поселкахъ представляется весьма разнообразнымъ, то общему всѣмъ поселкамъ чертою является *крайняя неравномѣрность въ распредѣленіи* благосостоянія: въ каждомъ поселкѣ — кромѣ, впрочемъ, Ивановскаго — имѣется болѣе или менѣе значительное число очень зажиточныхъ домохозяйствъ, насчитывающихъ рабочій скотъ десятками головъ, пахущихъ въ два, три и болѣе плуговъ и засѣвающихъ по многу десятковъ десятинъ земли; въ пос. Боровскомъ, Александровскомъ, Жуковскомъ есть домохозяева, засѣвающие до 200 — 300 десятинъ каждый; такія хозяйства, само собою разумѣется, основываются если не исключительно, то преимущественно на наемномъ трудѣ, причѣмъ болѣе крупныя изъ нихъ держатъ по десятку и болѣе постоянныхъ наемныхъ рабочихъ. Съ другой стороны, въ каждомъ поселкѣ имѣется весьма ощутительный процентъ бѣдныхъ дворовъ, вовсе не имѣющихъ собственнаго инвентаря или имѣющихъ неполный инвентарь; такіе дворы либо вовсе не имѣютъ своей запашки, либо пахутъ землю супрагою или инвентаремъ киргизъ, и должны въ болѣе или менѣе значительныхъ размѣрахъ прибѣгать къ продажѣ рабочей силы на сторону. О крайней неравномѣрности распредѣленія благосостоянія среди поселенцевъ свидѣтельствуетъ въ значительной мѣрѣ, и самый вѣршній видъ большин-

ства поселковъ, гдѣ рядомъ съ хорошими бревенчатыми домами поселенцевъ-сѣверянъ и аккуратными мазанками малороссовъ можно видѣть жалкія лачуги или землянки, и именно въ такихъ лачугахъ или землянкахъ живетъ значительное большинство населенія.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ населеніе хуторовъ и заимокъ при-Кустанайскаго аренднаго района. Если въ поселкахъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, преобладаетъ бѣдность или такіе дворы, инвентарь которыхъ едва достигаетъ минимума, допускающаго самостоятельное веденіе хозяйства, то на хуторахъ и заимкахъ бѣдности, можно сказать, нѣтъ вовсе. Изъ какихъ элементовъ складывается населеніе хуторовъ и заимокъ, — объ этомъ могутъ дать понятіе нижеслѣдующія цифры по 10 хуторамъ и заимкамъ, гдѣ я имѣлъ возможность произвести подворную опись. У 97 дворовъ, зарегистрированныхъ на этихъ хуторахъ и заимкахъ, оказалось именно:

рабочихъ лошадей	325,	или въ средн. на дворъ	3,4
" быковъ.	953	" " "	9,8
дойныхъ коровъ	347	" " "	3,6
десятинь посѣва	2.699	" " "	27,8,—

и такимъ образомъ среднее домохозяйство представляется имѣющимъ болѣе 13 головъ рабочаго скота и почти 28 сороковыхъ, т. е. слишкомъ 46 казенныхъ десятинь подъ посѣвомъ. Еще любопытнѣе данныя, рисующія распределеніе благосостоянія среди населенія хуторовъ и заимокъ ¹⁾. Изъ

¹⁾ Вотъ итоговія цифры по всѣмъ 10 хуторамъ (данныя по отдѣльнымъ хуторамъ см. въ приложеніи):

Распределеніе по количеству рабочаго скота:								
	безъ скота	имѣющихъ по 1 лошади или до 3 бы- ковъ	имѣющихъ 2—3 лошади или 4—6 бы- ковъ	Имѣющихъ головъ рабочаго скота.				
				7—10	11—15	болѣе 15		
Число дворовъ	3	2	9	32	29	22		
или въ % къ общему числу.	3,1	2,1	9,2	33,0	29,0	22,7		
Распределеніе по пахатнымъ орудіямъ:								
	безъ орудій	съ сохою	съ 1 плугомъ	съ 2 плугами	съ 3 и болѣе плугами			
Число дворовъ	5	—	50	32	10			
или въ % къ общему числу.	5,2	—	51,2	33,0	10,2			
Распределеніе по размѣру посѣвной площади:								
	безъ посѣва	Засѣвающихся десятинь (4.000 кв. саж.)						
		до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60	болѣе 60
Число дворовъ	—	2	5	22	29	17	8	14
или въ % къ общему числу.	—	2,1	5,2	22,7	29,0	17,2	8,2	14,4

этих данных видно, что лишь совершенно ничтожное меньшинство хуторянъ (всего 5 двор. изъ 97) вовсе или почти вовсе не обзавелось рабочимъ скотомъ и не имѣетъ пахатныхъ орудій; не вполне самостоятельными хозяевами являются еще 9 семей, которыя хотя и имѣютъ плугъ, но не имѣютъ полнаго комплекта быковъ и потому для подъема цѣлины должны нанимать скотъ или спригаться. Минуя затѣмъ 33,0% домохозяевъ, имѣющихъ минимальное количество рабочаго скота (отъ 7 до 10 гол.), необходимо, по мѣстнымъ условіямъ, для самостоятельнаго хозяйствованія, мы находимъ затѣмъ, что болѣе половины общаго числа зарегистрированныхъ домохозяйствъ владѣть такимъ количествомъ рабочаго скота, которое превышаетъ указанный минимальный размѣръ, — и почти половина (43,8%) располагаетъ не менѣе, нежели двумя пахатными орудіями. Въ полномъ соотвѣтствіи съ изложеннымъ стоятъ и цифры, показывающія распределение дворовъ по размѣрамъ посѣвовъ: двѣ пятыхъ наличнаго числа домохозяйствъ (40,1%) засѣваютъ свыше 20 сороковыхъ десятинъ, изъ нихъ болѣе половины — свыше 40 дес., а 14 дворовъ или около $\frac{1}{7}$ общаго числа зарегистрированныхъ домохозяйствъ оказались засѣвающими свыше 60 сороковыхъ или ста казенныхъ десятинъ каждый.

Итакъ, бѣдность на хуторахъ почти отсутствуетъ—представителями ея являются лишь отдѣльные домохозяева, обыкновенно родственники или земляки живущихъ на тѣхъ-же хуторахъ зажиточныхъ хозяевъ, имѣющіе у этихъ послѣднихъ постоянный заработокъ и обыкновенно получающіе отъ нихъ, кромѣ денежнаго вознагражденія, присѣвокъ, болѣе или менѣе обезпечивающій ихъ продовольствіе. Затѣмъ, всю массу населенія хуторовъ и заимокъ составляютъ болѣе или менѣе состоятельные дворы, причѣмъ степень состоятельности для разныхъ хуторовъ представляется очень разнообразною: можно указать на такіе хутора (напр. заимки Саратовская, Рязанцева, Кислицына и др.), гдѣ преобладаютъ среднесостоятельные и умѣренно-зжиточные хозяева, и гдѣ богачи, имѣющіе свыше 15 гол. рабочаго скота, пахующіе двумя плугами и засѣвающіе свыше 20 дес., либо вовсе отсутствуютъ, либо насчитываются единицами; но есть и такіе (Алакуль, Никитина и др.), гдѣ большинство жителей принадлежитъ именно къ этой послѣдней категоріи: такъ, по два и болѣе плуговъ имѣютъ на Алакулѣ 5 хозяевъ изъ 8-ми, на хут. Никитиныхъ — 13 изъ 19-ти; свыше 20 дес. на первомъ засѣваютъ 7 дворовъ, на второмъ — 15, и средній на дворъ размѣръ посѣвной площади на томъ и другомъ доходитъ до 48 сороковыхъ или 80 казенныхъ десятинъ.

Но едва-ли не наиболее характерными для Кустанайских хуторов являются данные о наймѣ и отпускѣ рабочей силы. По этимъ даннымъ, продающими трудъ оказываются, изъ зарегистрированныхъ 97 домохозяйствъ, всего 6, нанимаютъ же рабочихъ 70 домохозяйствъ или 72,2% общего ихъ числа. Изъ этихъ 70 домохозяйствъ 60 нанимаютъ работниковъ не только поденно, но и по срокамъ, причемъ 22 держатъ, кромѣ полугодовыхъ и вообще краткосрочныхъ, по одному годовому, 29 — по нѣсколькимъ годовыхъ работниковъ каждое; всего въ 60 дворахъ оказалось 114 работниковъ, нанятыхъ на круглый годъ, да еще 52 работника — на сроки, меньшіе года. Что касается до поденнаго, подесятиннаго и т. п. найма, то къ этому послѣднему хуторяне прибѣгаютъ, главнымъ образомъ, для уборки хлѣбовъ и травъ; расходъ на этого рода наемъ нечислится у отдѣльныхъ дворовъ многими сотнями, а у нѣкоторыхъ превышаетъ тысячу рублей; общій же итогъ годового расхода 70 домохозяйствъ на поденный и подесятинный наемъ за 1895—96 хозяйственный годъ составилъ 12115 рублей, или въ среднемъ по 173 рубля на домохозяйство. Огромный спросъ на наемныхъ рабочихъ, предъявляемый хуторянами, удовлетворяется, главнымъ образомъ, предложеніемъ рукъ со стороны населенія поселковъ, на сѣвѣ же нанимаются, въ значительной мѣрѣ, и киргизы.

Итакъ, Кустанайскіе поселки характеризуются, вообще говоря, преобладаніемъ бѣдности и среднесостоятельнаго элемента, изъ среды котораго рѣзко выдѣляются болѣе или менѣе малочисленные богачи; Кустанайскіе хутора состоятъ, главнымъ образомъ, изъ зажиточныхъ домохозяевъ, а хозяйственно-слабые элементы въ нихъ вовсе или почти вовсе отсутствуютъ. Выше мы указывали причину, которою вызывается подобнаго рода подборъ: бѣдный и отчасти — и среднесостоятельный крестьянинъ стремится, вообще говоря, въ поселки, потому что его мечта — прочно устроиться въ какой-либо мѣстности и, рано или поздно, получить въ постоянное пользованіе достаточное количество пригодной для культуры земли; напротивъ, богачи предпочитаютъ вести хозяйство на арендныхъ началахъ и переходить съ мѣста на мѣсто, эксплуатируя естественную производительность непаханныхъ ранѣ цѣлий и бросая аренду, лишь только появляются первые признаки того, что земля начала „выпахиваться“; въ то время, поэтому, какъ первые охотно причисляются къ поселкамъ и направляютъ всѣ свои мысли къ тому, чтобы скорѣе получить земельный надѣлъ, — вторые, напротивъ, заботятся главнымъ образомъ, о томъ, чтобы не лишиться свободы передвиженія и не быть вынужденными водвориться гдѣ-либо на постоянное жительство.

Хутора и заселки Актюбинскаго уѣзда ¹⁾ занимаютъ, въ смыслѣ благосостоянія, середину между Кустанайскими поселками и Кустанайскими хуторами: въ нихъ, съ одной стороны, вовсе или почти вовсе нѣтъ такихъ богачей, которые даютъ общій тонъ Кустанайскимъ хуторамъ, а съ другой—почти нѣтъ круглой бѣдноты, которой такъ много въ Кустанайскихъ поселкахъ. Сравнительно больше этой послѣдней въ заселкѣ Ново-Уральскомъ: здѣсь изъ 55 зарегистрированныхъ домохозяйствъ 19 — не имѣющихъ рабочаго скота или однолошадныхъ, 15 не имѣютъ пахатныхъ орудій, а 12 либо вовсе не имѣютъ посѣва, либо засѣваютъ ничтожныя площади, не свыше 2 дес. каждая. Во всѣхъ остальныхъ пяти посѣщенныхъ мною хуторахъ и заселкахъ этой мѣстности безскотныхъ и безпосѣвныхъ домохозяйствъ вовсе нѣтъ; однолошадныхъ, изъ общаго числа 65 дворовъ, оказалось всего 8, засѣвающихъ не свыше двухъ десятинъ—только 4 двора. Зато очень невелико и число домохозяйствъ, относящихся къ высшимъ по благосостоянію категоріямъ: изъ 120 зарегистрированныхъ по шести хуторамъ и заселкамъ домохозяйствъ только 11 оказались имѣющими болѣе десяти головъ рабочаго скота, 13—съ двумя пахатными орудіями, 15—съ посѣвомъ болѣе 10 сороковыхъ десятинъ. Значительное большинство зарегистрированныхъ въ рассматриваемомъ районѣ домохозяйствъ относится, затѣмъ, къ среднесостоятельнымъ или неполнѣ достаточнымъ группамъ: 27 дворовъ или 22,5% имѣютъ отъ 7 до 10 головъ, т. е. полный комплектъ

¹⁾ Къ которымъ въ данномъ случаѣ можно причислить и лежащій вблизи границы Актюбинскаго уѣзда заселокъ Успенскій. Вотъ итоговныя цифры по шести хуторамъ и заселкамъ:

Распределение по рабочему скоту:

	безъ скота	имѣющихъ головъ рабочаго скота				
		съ 1 лош. или 1—3 бык.	съ 2—3 лош. или 4—6 бык.	7—10	11—15	болѣе 15
Число дворовъ	5	22	45	27	6	5
или въ % къ общ. числу .	4,2	18,2	37,5	22,5	5,0	4,2

Распределение по пахатнымъ орудіямъ:

	безъ орудій				съ сохой		
	съ 1 плуг.	съ 2 плугами	съ 3 и болѣе плуг.	съ 1 плуг.	съ 2 плугами	съ 3 и болѣе плуг.	
Число дворовъ	25	20	62	13	—	—	
или въ % къ общ. числу .	20,8	16,7	51,7	10,8	—	—	

Распределение по посѣвной площади:

	безъ посѣва	засѣвающихъ десятинъ					
		до 2	2—5	5—10	10—20	20—40	бол. 40
Число дворовъ	6	10	40	49	13	2	—
или въ % къ общ. числу .	5,0	8,2	33,2	40,8	10,8	1,7	—

рабочаго скота, а 45 или 37,5% имѣютъ по 2—3 лошади или отъ 4 до 6 быковъ, т. е. такое количество скота, которое достаточно для обработки „мятой“ земли, но недостаточно для подъема цѣлинъ; что касается до размѣровъ посѣва, то 49 дворовъ или 40,8% засѣваютъ отъ 5 до 10 дес., 40 двор. или 33,3%—отъ 2 до 5 десятинъ. Соответственно сему, и среднія цифры, характеризующія благосостояніе заселковъ и хуторовъ разсматриваемаго района, не очень высоки, хотя и достаточны, въ общемъ, для удовлетворенія ближайшихъ потребностей поселенцевъ; именно, у всѣхъ 120 дворовъ оказалось:

	Рабочихъ лошадей.	Рабочихъ быковъ.	Дойн. коровъ.	Десятинъ посѣва.
Общее число	223	307	258	793
или въ средн. на семью.	1,9	2,5	2,1	6,6.

Сравнительно равномерному распредѣленію благосостоянія въ заселкахъ и хуторахъ Актюбинскаго района соответствуютъ и данныя о наймѣ и отпускѣ рабочей силы,—данныя, свидѣтельствующія о томъ, что наемъ и отпускъ, болѣе или менѣе, покрываютъ другъ друга: именно, изъ 120 переписанныхъ мною семей нанимающими рабочихъ оказались 34, изъ которыхъ 15 держатъ, между прочимъ, годовыхъ и вообще срочныхъ работниковъ; продаютъ рабочую силу 44 семьи, и изъ нихъ только 6 отпускаютъ работниковъ въ срочный наемъ.

Весьма любопытнымъ и важнымъ представляется, далѣе, вопросъ о томъ, что выиграли Кустанайскіе и вообще Тургайскіе поселенцы отъ переселенія?—Уже разспросныя данныя заставляютъ думать, что хозяйственные результаты переселенія складывались въ разныхъ случаяхъ очень разнообразно: въ то время какъ одни изъ поселенцевъ отзываются о „новыхъ мѣстахъ“ съ посторгомъ, — въ то время какъ однимъ удалось, благодаря переселенію, во много разъ увеличить свое благосостояніе, другимъ, наоборотъ, переселеніе не принесло ничего, кромѣ убытковъ и разоренія, и мнѣ лично довелось видѣть такихъ поселенцевъ, которые на родинѣ запакивали сотни десятинъ и имѣли по нѣскольку десятковъ головъ рабочаго скота, а на „новомъ мѣстѣ“ опустили въ разрядъ совершенно или почти совершенно безхозяйныхъ; въ видѣ примѣра назову, напр., Самарскаго выходца, Харитона Худякова, который на родинѣ засѣвалъ до 200 дес. и вель крупную торговлю, и который, проживъ 10 лѣтъ въ Кустанаѣ, разорился до тла; я засталъ Худякова живущимъ на хуторѣ Никитинныхъ,

безъ права участія въ арендѣ, и существующимъ, главнымъ образомъ, работою по найму у зажиточныхъ хуторянъ. Или, чтобы взять менѣе рѣзкій примѣръ, укажу на первоначальныхъ поселенцевъ пос. Степановскаго, которые хотя въ настоящее время и „живутъ ладно“, но „съ собой денегъ по тысячѣ приносили, а теперь сотни остались“.

Конечно, полное и правильное представленіе о томъ, что выиграли или потеряли Тургайскіе поселенцы отъ переселенія въ степь, могли-бы дать только массовыя цифры. Къ сожалѣнію, я располагаю по этому вопросу лишь очень ограниченнымъ матеріаломъ. Какъ уже упоминалось, мнѣ лично удалось переписать подворно всего 459 домохозяйствъ; но въ настоящемъ случаѣ можно использовать записи, относящіяся къ гораздо меньшему числу дворовъ: съ одной стороны, изъ подсчета приходится исключить всѣ тѣ семьи, которыя прибыли въ данную мѣстность въ самое недавнее время—въ 1895 и 1896 гг.—, и хозяйство которыхъ еще находится, поэтому, въ фазисѣ зарожденія; съ другой стороны, въ карточкахъ многихъ изъ такихъ поселенцевъ, которые оставили родину 20 — 30 и болѣе лѣтъ тому назадъ, графы „хозяйственнаго положенія на родинѣ“ остались невыполненными; особенно часто это случалось въ томъ очень обыкновенномъ случаѣ, когда карточку приходилось составлять со словъ не того лица, которое вело хозяйство на родинѣ, а другого лица — сына, младшаго брата и т. п., оставившаго родину въ дѣтскомъ возрастѣ и сохранившаго о „домашнемъ“ житьѣ-бытьѣ лишь самое смутное понятіе. Воспользоваться для интересующаго насъ сопоставленія мнѣ удалось, поэтому, всего 278 карточками, для которыхъ и получились нижеслѣдующія цифры:

	головъ рабочаго скота	десятины посѣва
имѣли на родинѣ	1.289	2.545
имѣютъ въ настоящее время	1.640	3.332.

Такимъ образомъ количество головъ рабочаго скота въ общемъ для 278 семей итогъ возрасло, по сравненію съ размѣрами ихъ-же хозяйства на родинѣ, на 351 или на 27,2%, размѣры посѣвной площади — на 787 дес. или на 30,9%¹⁾. Въ общемъ выводѣ, такимъ образомъ, поселенцы —

¹⁾ Конечно, было бы весьма интересно расчленивъ переселенцевъ по продолжительности ихъ пребыванія на «новомъ мѣстѣ»; но этого нельзя было сдѣлать въ виду незначительности общаго числа домохозяйствъ, къ которымъ относятся приведенныя въ текстѣ цифровыя данныя.

сколько можно судить по размѣрамъ запасекъ и количеству рабочаго скота, довольно ощутительно выиграли отъ переселенія. Но детализируя наши цифры, мы можемъ увидѣть, что размѣръ выигрыша подверженъ очень широкимъ колебаніямъ, въ нѣкоторыхъ же случаяхъ на мѣсто выигрыша является чистый проигрышъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, приведемъ въ нижеслѣдующей небольшой табличкѣ цифровыя данныя по тѣмъ поселкамъ и хуторамъ, по которымъ можно воспользоваться для нашей цѣли болѣе значительнымъ числомъ карточекъ.

	Число семей.	Имѣли на родинѣ		Имѣютъ теперь		Приростъ (+) или убыль (-) въ %	
		рабочаго скота	десятиль посѣва	рабочаго скота	десятиль посѣва	скота	запаски
Пос. Степановскій .	82	205	423	309	569	+ 50,7	+ 34,5
„ Ивановскій .	25	71	137	28	107	- 60,6	- 21,9
„ Романовскій .	76	412	665	356	792	- 14,6	+ 19,1
Зас. Нов.-Уральскій .	17	84	170	83	148	- 1,2	- 12,9
„ Можаровскій .	14	68	98	71	104	+ 4,4	+ 6,1
Хут. Никитиныхъ .	15	170	467	272	654	+ 60,0	+ 40,9
„ Чистеньскій .	15	65	110	190	435	+ 192,3	+ 295,5
Займ. Саратовская .	5	24	83	60	100	+ 150,0	+ 20,5
„ Кислицына .	5	42	64	62	68	+ 47,6	+ 6,2
Хут. Пароловъ .	5	63	130	45	45	- 28,8	- 65,4

Оказывается, такимъ образомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ — особенно у хуторянъ — выигрышъ отъ переселенія былъ весьма значителенъ; иногда, при этомъ, приростъ количества рабочаго скота былъ гораздо больше, нежели приростъ запаски, — иногда, напротивъ, приростъ этой послѣдней замѣтно обгонялъ приростъ рабочаго скота. Въ другихъ случаяхъ размѣры хозяйства поселенцевъ на „новомъ мѣстѣ“ мало отличаются отъ размѣровъ ихъ хозяйства на родинѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконецъ (пос. Ивановскій, зас. Ново-Уральскій, хут. Пароловъ), переселеніе дало поселенцамъ, въ общемъ итогѣ, чистый убытокъ: современные размѣры ихъ хозяйства значительно ниже, нежели были размѣры хозяйства ихъ на родинѣ.

Если затѣмъ отъ цѣлыхъ поселковъ или хуторовъ обратиться къ подворнымъ даннымъ, то мы увидимъ прежде всего, что изъ общаго числа 278 домохозяйствъ, для коихъ имѣются достаточно полныя цифры, болѣе

половины, именно 144 семьи, несомненно выиграли отъ переселенія: при томъ для значительной части ихъ, именно для 85 семей, выигрышъ былъ очень ощутительнымъ — каждая изъ этихъ 85 семей увеличила запашку по меньшей мѣрѣ вдвое противъ того размѣра, какого эта запашка достигала на родинѣ. Слѣдующую категорію составляютъ 60 семей, для которыхъ переселеніе — насколько можно судить, по крайней мѣрѣ, по количеству скота и размѣрамъ запашекъ — не повело къ существенному измѣненію ихъ хозяйственнаго положенія; къ этой категоріи мы относимъ какъ тѣ дворяне, которыхъ посѣвная площадь вовсе не возрасла въ сравненіи съ площадью, засѣвавшаяся на родинѣ, такъ и тѣ, у которыхъ запашка возрасла на ничтожную величину — не свыше 20% распаханной на родинѣ площади. Наконецъ 74 двора, или 26,6% общаго числа дворовъ, для коихъ мы располагаемъ надлежащими свѣдѣніями, переселеніе принесло чистый убытокъ: всѣ эти 74 двора имѣютъ, въ настоящее время, всего 202 головы рабочаго скота и засѣваютъ 405 десятинъ, тогда какъ на родинѣ имѣли рабочаго скота 458 головъ, посѣвовъ — 1.016 дес., — и такимъ образомъ количество скота у нихъ сократилось на 55,9%, запашки — на 60,1%.

Повторяю, что я-бы не сталъ придавать приведеннымъ цифрамъ, самимъ по себѣ, безусловнаго значенія, такъ какъ цифры эти основаны на слишкомъ небольшомъ матеріалѣ и потому легко могли-бы привести, по отношенію ко всей вообще массѣ поселенцевъ Кустанайскаго и Актюбинскаго уѣздовъ, къ неправильнымъ обобщеніямъ. Но то, что говорятъ эти цифры, вполне подтверждается единодушными отзывами какъ самихъ переселенцевъ, такъ и всѣхъ вообще лицъ, имѣющихъ какое-либо соприкосновеніе съ переселенцами, съ которыми мнѣ только пришлось бесѣдовать. Всѣ эти отзывы вполне убѣждаютъ и въ крайней неравномѣрности распределенія благосостоянія въ арендаторскихъ поселкахъ, гдѣ рядомъ съ болѣе или менѣе незначительнымъ процентомъ зажиточныхъ хозяевъ и даже богатѣй насчитываются десятки и сотни дворовъ бѣдности, не могущей вести самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства и существующей частью рабочей по найму, частью — насчетъ супражныхъ и т. п. запашекъ; и въ высокой зажиточности населенія хуторовъ, гдѣ хозяйство ведется, можно сказать, на чисто капиталистическихъ началахъ и гдѣ подбирается въ артели наиболѣе состоятельная часть поселенцевъ; и въ томъ, что многіе изъ этихъ послѣднихъ обманываются въ своихъ надеждахъ: дѣйствительно направляетъ свои обстоятельства только часть переселенцевъ, болѣе или

менѣе значительная; многіе живутъ на „новомъ мѣстѣ“ не лучше, нежели жили на родинѣ, а многимъ другимъ переселеніе не приноситъ ничего, кромѣ обѣдненія и разоренія.

Весьма важно было-бы, конечно, выяснитъ причины этого явленія, — выяснитъ, почему такой значительный процентъ переселеній въ Тургайскую степь даетъ неудачные результаты въ то время, когда отличныя почвенныя условія, высокая заработная плата, возможность арендовать землю на доступныхъ для послѣдняго бѣдняка условіяхъ и т. п. обстоятельства, казалось-бы, должны были способствовать быстрому росту благосостоянія переселенцевъ. Въ числѣ этихъ причинъ на первомъ мѣстѣ надо поставить частые неурожаи — результатъ рѣзко-выраженнаго континентальнаго климата и въ частности — сильныхъ засухъ и появляющейся при этихъ послѣднихъ кобылки. Особенно пагубное вліяніе имѣлъ, повидимому, общій неурожай, повторявшійся два года подрядъ, въ 1890 и 1891 г.г., и разорившій громадное большинство прибывшихъ до того времени поселенцевъ¹⁾; но кромѣ того, необходимо отмѣтить нѣсколько частныхъ неурожаевъ, поразившихъ тѣ или другія отдѣльныя поселенія или группы поселеній: такъ, въ пос. Ивановскомъ былъ полный неурожай въ 1887 году; въ 1895 году былъ очень плохой урожай на многихъ изъ хуторовъ и въ нѣкоторыхъ поселкахъ Кустанайскаго района, и т. д.. Самая сила, съ которою проявлялось вліяніе неурожаевъ, была очень неодинакова, въ зависимости отъ разныхъ обстоятельствъ; въ числѣ послѣднихъ извѣстную роль

¹⁾ Нѣкоторое представленіе о томъ, какъ сильно повліяли неурожаи 1890 и 1891 г.г., могутъ дать нижеслѣдующія цифры, приведенныя г. Мацуревичемъ (донес. 16. VI. 91. № 56).

Жители по селковъ:	Привели съ собой рабочаго скота			Имѣли въ іюлѣ 1891 г.			Прибыль (+) или убыль (—) рабочаго скота
	Лошадей	Быковъ	Всего	Лошадей	Быковъ	Всего	
Александровскаго . . .	667	—	667	399	574	973	+306
Жуковскаго . . .	653	108	771	320	580	900	+129
Романовскаго . . .	219	—	219	109	181	290	+71
Борисовскаго . . .	260	—	260	129	164	293	+33
Давыденковскаго . . .	50	8	58	22	46	68	+10
Боровскаго . . .	744	123	867	178	438	616	—251
Ивановскаго . . .	43	—	43	13	2	15	—28
Степановскаго . . .	187	—	187	100	42	142	—45
Михайловскаго . . .	253	4	257	110	219	329	+72
Владимірскаго . . .	234	4	238	78	10	88	—150

Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что данныя эти собраны г. Мацуревичемъ въ то время, когда послѣдствія второго неурожаа (1891 г.) еще не успѣли обнаружиться съ полною силой.

играла и степень состоятельности переселенцевъ, т. е. размѣръ принесенныхъ ими съ родины средствъ, — и особенно время ихъ водворенія: неурожай дѣйствовали особенно губительно, когда они непосредственно слѣдовали за водвореніемъ поселенцевъ, и такимъ образомъ подрѣзывали ихъ хозяйственное развитіе, можно сказать, у самаго корня. Такъ, въ Ивановскомъ поселкѣ почти полный неурожай случился въ самый годъ основанія его (1887 г.) и вслѣдствіе этого поселокъ сразу почти совершенно опустѣлъ: большинство поселенцевъ разбрелось, кто по заработкамъ, кто въ киргизскіе аулы, кто на родину, кто куда-нибудь на другія мѣста; часть разбѣжавшихся, правда, мало-по-малу возвратилась назадъ въ поселокъ, кое-кто подошелъ и вновь, — но затѣмъ случился общій неурожай 1890 г.; поселенцы опять „все проѣли“, и до настоящаго времени не могутъ хоть сколько-нибудь оправиться. Столь-же сильно было вліяніе неурожая 1890 года на зас. Можаровскій: здѣсь въ теченіе 1887 — 1888 г. набралось уже свыше 60 семей, — но неурожай разогналъ изъ нихъ болѣе 50-ти: болѣе состоятельные ушли дальше, въ Сыръ-Дарьинскую область, болѣе бѣдные — назадъ на родину, а на мѣсто ихъ, начиная съ 1892 г., начали набираться новые поселенцы. Не менѣе пагубно по существу было, хотя и выразилось въ менѣе рѣзкой формѣ, вліяніе неурожая 1890 г. въ пос. Владимірскомъ и Степановскомъ: этотъ послѣдній поселокъ возникъ въ 1889 г., а первый посѣвъ большинство поселенцевъ имѣло возможность произвести только въ 1890, „голодномъ“ году; почти полные неурожай, случившіеся въ этомъ, а затѣмъ — въ 1891 г. такъ разорили народъ (г. Мацуревичъ засталъ поселенцевъ этого поселка, какъ и Ивановскаго, „въ самомъ плохомъ положеніи“), что поселенцы, въ большинствѣ, до сихъ поръ еще не могли довести запасекъ до нормальнаго размѣра: несмотря на хорошіе урожаи 1892 — 1894 г.г., въ поселкѣ почти ни у кого нѣтъ запасовъ хлѣба, такъ что послѣ перваго-же новаго плохого урожая, случившагося въ 1895 г., значительному большинству Степановцевъ пришлось покупать хлѣбъ. Такъ-же сильно отразились „голодные года“ и на благосостояніи пос. Владимірскаго: по свидѣтельству г. Мацуревича ¹⁾, поселокъ этотъ пришелъ „въ крайнюю бѣдность и даже нищету“; наличные во время его регистраціи домохозяева потеряли почти двѣ трети своего рабочаго скота; большинство вовсе лишилось скота, и когда наступили удовлетворительные урожаи, не имѣло уже ни скота, ни сѣмянъ, чтобы довести свою запашку

¹⁾ Записка, прилож. къ донесенію отъ 16 іюня 1891 г. № 56.

до надлежащаго размѣра. Гораздо слабѣ отразились неурожаи 1890 — 91 годовъ на болѣе раннихъ поселкахъ — Александровскомъ и Жуковскомъ, которые, возникнувъ еще въ срединѣ 80-хъ годовъ, къ „голоднымъ“ годамъ успѣли настолько стать на ноги, что неурожаи, разоривъ не мало отдѣльных домохозяевъ, не помѣшали большинству населенія поселковъ хозяйственно окрѣпнуть и достигнуть болѣе или менѣе высокаго благосостоянія. Мало отразились эти неурожаи и на пос. Михайловскомъ; этотъ послѣдній возникъ всего годомъ раньше Степановскаго, но эта на первый взглядъ ничтожная разница имѣла въ данномъ случаѣ рѣшающее вліяніе: 1889 годъ былъ очень урожайнымъ; Михайловцы, прибывъ годомъ раньше къ этому хорошему урожаю имѣли уже довольно большіе посѣвы, и собранный въ 1889 г. хлѣбъ далъ имъ возможность сравнительно легко перенести неурожайные годы; напротивъ Степановцы, прибывъ въ 1889 г., въ этомъ году либо еще вовсе не сѣяли хлѣба, либо только начинали заводить запашку и засѣвали не болѣе 1 — 2 дес., съ первыми же своими болѣе значительными посѣвами попали какъ разъ подъ неурожай 1890 года.

Немаловажное значеніе въ числѣ причинъ, мѣшающихъ новоселамъ стать на ноги и упрочить свое хозяйство, имѣютъ, главнымъ образомъ въ расположенныхъ къ востоку отъ теченія Тобола поселкахъ Боровской волости, — покражи лошадей и вообще рабочаго скота. Повидимому, такіа покражи являются, если не всецѣло, то въ значительной мѣрѣ, результатомъ крайне обостренныхъ отношеній русскаго населенія этихъ поселковъ къ киргизамъ, — конокрадство является мстью киргизъ за дѣйствительныя и мнимыя обиды, претерпѣваемыя ими отъ поселенцевъ. Но во всякомъ случаѣ, конокрадство является для поселенцевъ тѣмъ болѣе серьезнымъ зломъ, что они совершенно безсильны съ нимъ бороться. Горькія жалобы по поводу этого зла раздавались, при моемъ посѣщеніи, въ каждомъ изъ за-Тобольскихъ поселковъ, особенно-же въ Ивановскомъ и Владимірскомъ; въ этомъ послѣднемъ, по подсчету крестьянъ, за 7 лѣтъ существованія поселка покрадено до 200 лошадей и около 30 головъ рогатаго скота, — и этой цифры вѣтъ основанія считать преувеличенною; по даннымъ произведенной мною въ поселкахъ Ивановскомъ и Степановскомъ подворной описи, въ теченіе одного только послѣдняго года было покрадено: въ первомъ у 10-ти хозяевъ — 13 лошадей и 5 быковъ, во второмъ — 36 лошадей у 18 домохозяевъ; отдѣльные домохозяева утрачивали за одинъ разъ до шести лошадей. Покражи, при этомъ, бываютъ до крайности дерзки: „лошадей и быковъ, говорятъ крестьяне, силой отбиваютъ; ло-

шадь просто изъ рукъ вынустить нельзя, — все за ней гледи, — а то и изъ двора уводить“. А разъ лошадь украдена, то ни сами крестьяне, ни администрація уже никакими силами не могутъ ея розыскать, главнымъ образомъ потому, что конокрады въ сношеніяхъ съ сибирскими киргизами и украденныхъ лошадей перегоняютъ въ Акмолинскую область, гдѣ онѣ исчезаютъ, можно сказать, безслѣдно.

Если такія бѣдствія, какъ неурожай и конокрадство, одинаково поражаютъ всѣхъ поселенцевъ, безъ различія степени ихъ благосостоянія, и особенно тяжело отражается на положеніи бѣдной части населенія, которую одинъ неурожай или покража двухъ-трехъ лошадей можетъ разорить окончательно, — то въ послѣдніе годы явилось одно обстоятельство, которое очень дурно отразилось на интересахъ именно наиболѣе зажиточной части поселенцевъ, и главнымъ образомъ хуторянъ, и привело многихъ изъ нихъ къ болѣе или менѣе полному разоренію. Это именно — низкій уровень хлѣбныхъ цѣнъ. Выше я упоминалъ уже о томъ, что извѣстный процентъ населенія поселковъ и преобладающую часть населенія хуторовъ и заимокъ составляютъ болѣе или менѣе зажиточные, нерѣдко даже богатые хозяева, которые располагаютъ тысячными капиталами и ведутъ свое хозяйство на чисто капиталистическихъ началахъ: всѣ работы исполняютъ исключительно или преимущественно наемными руками и, производя хлѣбъ, имѣютъ въ виду не столько собственное потребленіе, сколько сбытъ продукта на сторону. Для такихъ лицъ хозяйство возможно, конечно, лишь при благопріятномъ соотношеніи между цѣнами продукта и издержками производства. Такое соотношеніе, повидимому, господствовало приблизительно до 1891 г., и благодаря этому хутора и заимки, вообще крупныя арендаторскія хозяйства процвѣтали, а это процвѣтаніе непосредственно отражалось на ростѣ и преуспѣваніи Кустаная и его торговли. Но уже примѣрно съ 1892 года цѣны на хлѣбъ рѣзко падаютъ, и начиная съ 1893 года онѣ ни разу не поднимаются до сколько-нибудь благопріятнаго для рассматриваемой категоріи хозяевъ уровня; въ 1893 — 1894 г.г. цѣна пшеницы колебалась около 30 — 40 к. за пудъ; въ 1895 г. цѣна отборной пшеницы падала въ Кустанаѣ до 28, 25 и даже 23 копѣекъ, цѣна обыкновенной пшеницы — до 15 к., а въ 1896 году ожидалось еще дальнѣйшее паденіе цѣнъ. Между тѣмъ издержки производства, благодаря большому спросу на наемный трудъ, предъявляемому хуторянами и арендаторами-капиталистами и далеко не вполне покрываемому мѣстнымъ предложеніемъ, — весьма высоки: одно жнитво, при хорошемъ урожаѣ, обходится въ 15 — 20 рублей

съ десятины, молотьба съ вѣяніемъ (не считая стоимости вывозки) до 10—15 к. съ пуда; затѣмъ, подъемъ цѣлины, при подесятинномъ наймѣ, обходится по 4—5 р. съ десятины, бороньба — тоже по 4—5 р., а всрѣдко и дороже. Ясно, при такихъ условіяхъ, что капиталистически организованное хозяйство должно претерпѣвать жестокій кризисъ. Не мало, правда, насчитывается хозяйствъ, выдерживающихъ этотъ послѣдній: среди хуторянъ есть такіе, которые, обладая значительнымъ запаснымъ капиталомъ, въ теченіе всего періода дешевыхъ цѣнъ покрываютъ изъ этого капитала издержки производства, а съ продажей продукта выжидаютъ возвращенія болѣе высокихъ цѣнъ; не мало и такихъ хозяйствъ, которыя соединяютъ занятіе сельскимъ хозяйствамъ съ разными кулаческими операціями — раздають разные товары, по двойной цѣнѣ, въ зачетъ арендной платы, даютъ впередъ деньги и хлѣбъ подъ разные виды полевыхъ работъ и т. п., — и такимъ путемъ значительно, въ общемъ итогѣ приблизительно вдвое, понижаютъ для себя издержки производства. Но значительное большинство хуторянъ и вообще болѣе крупныхъ хозяевъ, располагая не слишкомъ значительными капиталами, пускаетъ всѣ свои деньги въ каждый годный оборотъ и потому непременно должно немедленно возмѣстить издержки производства путемъ продажи соответствующаго количества только-что снятаго хлѣба; пока цѣны были высоки, такіе хозяева могли не продавать всего урожая и накапливали нѣкоторые запасы хлѣба; но когда цѣны упали до указанныхъ выше размѣровъ, то даже текущій продуктъ оказался недостаточнымъ для того, чтобы окупить текущія затраты; большинству хуторянъ пришлось поэтому распродать и накопившіеся отъ прежнихъ лѣтъ запасы, многіе изъ нихъ ликвидировали въ деньги часть скота и прочаго инвентаря и соответственно сократили запашки, и только скорое возвращеніе цѣнъ къ болѣе высокому уровню могло-бы спасти такихъ хозяевъ-капиталистовъ отъ окончательнаго разоренія и отъ возвращенія въ ряды земледѣльцевъ, работающихъ собственными руками и для собственнаго потребленія.

Однако, такія обстоятельства, какъ конокрадство, низкія цѣны и т. п., тяжело поражая отдѣльныя домохозяйства и группы домохозяйствъ, въ общемъ играютъ въ ряду причинъ, препятствующихъ хозяйственному процвѣтанію поселенцевъ, совершенно второстепенную роль. *Основною* причиной остаются неурожай, обусловливаемыя, на первомъ мѣстѣ, климатическими особенностями края. Но наряду съ этими послѣдними, неурожай, въ значительной мѣрѣ, обусловливаются и общимъ характеромъ земледѣльческаго хозяйства переселенцевъ, которое отличается, говоря вообще, полнымъ отсут-

ствием предусмотрительности и заботы о будущем, и весь смысл которого сводится къ возможно скорому и полному извлеченію изъ почвы всего того, что она можетъ дать въ данную минуту. „Переселенцы, читаемъ мы въ уже неоднократно цитированной нами статьѣ „Тургайскихъ областныхъ вѣдомостей“¹⁾, особенно на арендаторскихъ участкахъ, загоняютъ участокъ за участокъ, т. е. снявъ два, много три сѣва, перебѣгаютъ впередъ на *новые заломы*, зная, что въ нихъ нѣтъ недостатка, и что киргизы охотно ихъ сдаютъ въ аренду, не ограничивая арендуемыхъ участковъ. Земледѣльцы гонятся здѣсь только за легкой наживой, превращая такимъ образомъ занятіе хлѣбопашествомъ въ родъ торговой аферы. Въ виду этого они сѣютъ по преимуществу яровую пшеницу, оставляя только 40% общей посѣвной площади для другихъ яровыхъ хлѣбовъ.... Отсутствіе правильного хозяйства и малозаботливость о запасахъ зерна при хорошихъ урожаяхъ привела, наир. въ 1889 г., къ тому, что земледѣльцы, получивъ баснословный урожай, постарались поскорѣе почти всю массу зерна... сбыть за самую ничтожную цѣну въ надеждѣ на слѣдующій урожай, котораго вовсе не оказалось“.

Справедливость такой общей характеристики хозяйства Тургайскихъ переселенцевъ вполне подтверждается какъ другими отзывами, какіе намъ удалось найти въ печатныхъ источникахъ²⁾ и слышать во время поѣздки

¹⁾ 1892 г. № 9.

²⁾ Г. Подферовъ, авторъ брошюры «Земледѣліе въ Тургайской области» (Оренб. 1896), характеризуетъ хозяйство переселенцевъ слѣдующими чертами: «Русскіе поселенцы, въ началѣ колонизаціи киргизской степи, рѣзко отступили отъ традиціонной трехпольной системы... Виною этому прежде всего богатство земли и плодородіе почвы. Не требовалась тщательная разработка... — ковыльная цѣльяна обильно родила, весной поднятая и слегка «поцарапанная» неуклюжими плугомъ или сохою.... Особенною урожайностью отличалась пшеница, цѣны на которую, между прочимъ, въ то время держались очень высоко, и благодаря этому Тургайскихъ поселенцевъ охватила «пшеничная горячка». А такъ какъ самыя большіе урожаи получались съ «пластовъ» и съ «оборота», то земли послѣ двухлѣтней эксплуатаціи бросались. Но скоро благоприятныя для успѣшнаго произрастанія хлѣбовъ условія смѣнились неблагоприятными. Наступили годы, когда рѣдко перенаходящіе дожди, суховѣи, холодная мало разливная весна, сухіе туманы сильно понизили урожайность посѣвовъ,.... и тутъ-то сказалась хищническая система землепользованія, увлеченіе пшеницей въ ущербъ воздѣлыванію другихъ хлѣбовъ и наконецъ небрежная раздѣлка почвы» (стр. 32). Или въ другомъ мѣстѣ: «Обиліе удобныхъ земель, находящихся въ пользованіи киргизъ, сдающихъ свою землю за сравнительно невысокую плату, пока даетъ возможность земледѣльцамъ ежегодно пользоваться новыми землями, а плодородіе послѣднихъ позволяетъ воздѣлывать нѣсколько лѣтъ подрядъ одинъ и тотъ-же родъ хлѣба. Такъ, нѣрѣдки случаи, что пшеница 5 лѣтъ сразу высѣвается на одношъ и томъ-же загоновѣ, а 3 — 4 года — обычное явленіе. Послѣ такой эксплуатаціи земля забрасывается. Если внимательно присмотрѣться къ мѣстнымъ полямъ, то прежде всего поражаетъ крайняя безпорядочность въ распашкѣ земель.... Каждый спѣшитъ побольше распашать, выбираетъ лучшіе участки и не пашетъ сплошь, а клочками. Всѣ супеси, суглинки, всѣ небольшіе загоны, покрытые чялигой, орѣшникомъ—бобовникомъ, мелкою галькой, по возможности нѣбѣ-

по области отъ лицъ, болѣе или менѣе долго живущихъ въ краѣ и имѣвшихъ возможность присмотрѣться къ переселенцамъ и ихъ хозяйству ¹⁾, такъ и данными, собранными нами лично при посѣщеніи переселенческихъ поселковъ и хуторовъ. Хозяйство Кустанайскихъ и Актюбинскихъ переселенцевъ всецѣло сводится къ погонѣ за цѣлинами, изъ которыхъ переселенецъ стремится извлечь въ возможно короткое время наибольшее количество наиболѣе цѣннаго продукта, затрачивая на производство послѣдняго возможно менѣе труда. До весьма недавняго времени переселенцы эти не знали никакого хозяйства, кромѣ типичнаго переложнаго, и только въ самое послѣднее время начинаютъ появляться кое-гдѣ робкія попытки примѣненія пара, какъ средства для восстановленія производительности почвы. Къ этимъ попыткамъ мнѣ предстоитъ еще вернуться ниже; что касается до обычнаго типа земледѣльческаго хозяйства переселенцевъ-арендаторовъ, то разъ поднятая цѣлина засѣвается ежегодно, пока естественная производительность почвы позволяетъ рассчитывать, при благопріятныхъ условіяхъ, на хорошій урожай; при первыхъ признакахъ истощенія почвы, нашня забрасывается, и въ видѣ общаго правила на такую заброшенную нашню уже больше не возвращаются, а переходятъ дальше, все на новыя и новыя цѣлины. Продолжительность

гаются... Быстро исчезаютъ цѣлины, беспословные урожаи отходятъ въ область преданій, и разъ переселенцамъ придется обратиться къ раздѣлкѣ мягкихъ земель, то такой системы плодосѣна они продолжать не могутъ» (стр. 39—40).

¹⁾ Привожу нѣкоторые изъ этихъ отзывовъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они занесены въ мою записную книжку:

Я. Я. Пофферовъ (ветерин. врачъ, наблюдавшій Актюбинскихъ переселенцевъ, авторъ цитированной въ предыдущей выноскѣ книжки). Хозяйство переселенцевъ—самое хищническое—настоящая пшеничная горячка. Даже переселенцы, получившіе надѣлы, снявъ по 2—3 хлѣба съ лучшихъ полосъ, предпочитаютъ арендовать землю задешево у киргизъ, чтобы эксплуатировать урожайность цѣлины. Этимъ путемъ получится порча земли, которой производительность придется, пожалуй, восстанавливать удобрительными туками. Необходимо принять мѣры, чтобы предотвратить дальнѣйшее хищническое истощеніе земли.

В. И. Богдановскій (дѣсн. ревизоръ). Переселенцы—отребье, бросившее домъ и землю.

В. М. Шишковскій (дѣсничій въ Кустанай). Переселенцы — «народъ такой, все сивки снимаютъ»: вспашетъ цѣлину, сниметъ 2—3 хлѣба, и переходитъ дальше; «настоящіе кочевники, вродѣ киргизовъ, и даже хуже: тѣ по одному мѣсту кочуютъ, а эти куда не зайдутъ!».

Г. М. Станкевичъ (помощн. Кустан. уѣздн. началн.). Кустанайскіе переселенцы—дикая орда хищниковъ; вся ихъ работа—ограбить землю безъ остатка; ведутъ самое эксплуататорское хозяйство и своими примѣромъ дурно вліяютъ на киргизъ; и чѣмъ они богаче, тѣмъ хуже.

А. Е. Александровъ (инспекторъ училищъ, авторъ книжки «Тургайская область») очень дурнаго мнѣнія о Кустанайскихъ переселенцахъ («проходимцы»!), а потому мрачно смотритъ на будущность Кустаная и поселковъ; думаетъ, что въ этихъ послѣднихъ развѣ только второе или третье поколѣніе поведетъ хозяйство какъ слѣдуетъ

и т. д..

періода обработки поднимаемых цѣлинъ бываетъ очень различна, въ зависимости съ одной стороны отъ естественныхъ условій и именно — отъ степени плодородія почвы, а съ другой — отъ условій экономического характера, именно отъ степени состоятельности переселенцевъ и отъ большей или меньшей легкости заарендованія земли. Въ нѣкоторыхъ поселкахъ и въ большей части хуторовъ, поднявъ цѣлину, снимаютъ съ нея по три, рѣже по четыре хлѣба, послѣ чего пашня забрасывается въ залежь¹⁾; въ другихъ съ поднятой цѣлины снимаютъ обычно по 4—5 хлѣбовъ подрядъ²⁾; а въ нѣкоторыхъ поселкахъ, гдѣ населеніе бѣдно и гдѣ запасъ цѣлинъ, въ окрестностяхъ, болѣе или менѣе истощился, поднятыя цѣлины ежегодно засѣваются хлѣбами съ самаго основанія поселковъ, т. е. по 8—9 лѣтъ подрядъ!³⁾ Въ чередованіи посѣвовъ не замѣчается никакой заботы — не говоря уже о плодосмѣнѣ — даже о сколько-нибудь правильной послѣдовательности различныхъ зерновыхъ хлѣбовъ; сѣютъ тотъ хлѣбъ, какой при данной степени свѣжести почвы, обѣщаетъ достаточный урожай, и продажа котораго притомъ, по условіямъ мѣстнаго рынка, обѣщаетъ дать наибольшую денежную выгоду. Въ Кустанайскомъ переселенческомъ районѣ такимъ выгоднымъ хлѣбомъ является пшеница, и каждый хозяинъ старается засѣять пшеницей возможно бѣольшую площадь: „ее одну, говорятъ богатые хуторяне, за хлѣбъ считаютъ, ее одну и продаютъ“, а такіе хлѣба, какъ рожь, просо, овесъ, даже въ счетъ не кладутъ“; хозяинъ, засѣвающій пшеницей нѣсколько десятковъ десятинъ, занимаетъ рожью или овсомъ по 2—3 десятины, а то и вовсе не сѣетъ этихъ хлѣбовъ; понятно, при такихъ условіяхъ, что пшеницу приходится сѣять по два, по три и даже по четыре раза подрядъ; когда на хорошій урожай пшеницы уже разсчитывать нельзя, многіе зажиточные хозяева прямо забрасываютъ пашню, другіе сѣютъ на такой истощенной пашнѣ рожь или овесъ, а послѣ ржи считается возможнымъ опять сѣять пшеницу. Еще гораздо болѣе истощающее землю хозяйство ведется въ Актюбинскомъ уѣздѣ, и особенно въ сѣверныхъ заселкахъ, расположенныхъ вблизи гор. Орска: здѣсь уже довольно давно пошли въ ходъ посѣвы проса, которое имѣетъ хорошій сбытъ въ Оренбургѣ и Орскѣ; и вотъ, первымъ хлѣбомъ на свѣжеподнятой цѣлинѣ почти всегда сѣется просо, и уже за нимъ слѣдуетъ два, иногда и три посѣва пшеницы; а въ послѣдніе

¹⁾ Поселки Александровскій, Жуковскій, Борисовскій, Ивановскій; хуторъ Чистонскій, заимка Мѣшкова и др.

²⁾ Пос. Владимірскій, хут. Алакуль, Никитинныхъ, Успенскій, Пароловъ.

³⁾ Пос. Романовскій.

два-три года, главнымъ образомъ въ виду крайне низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ („съ однимъ хлѣбомъ теперь и одѣться не на что будетъ“), „бросились на бахчи и подсолнухъ“. И бахчи, и посѣвы подсолнуха есть и въ Кустанайскомъ районѣ; но здѣсь и тѣ, и другіе занимаютъ небольшія, сравнительно съ зерновыми хлѣбами, площади и не играютъ въ хозяйствѣ поселенцевъ особенной роли; напротивъ, въ той мѣстности, о которой идетъ рѣчь теперь, бахчи и особенно посѣвы подсолнуха сдѣлались, можно сказать, основною частью поселенческаго хозяйства и занимаютъ очень значительную часть (отъ четверти до половины) обрабатываемой поселенцами земли.

Ясно, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ самымъ первобытно-хищническимъ хозяйствомъ, по сравненію съ которымъ, напр., сибирское залежно-паровое хозяйство представляетъ уже громаднѣйшій шагъ впередъ. Между тѣмъ, если не идти далѣе внѣшности, то хозяйство Тургайскихъ поселенцевъ и особенно — зажиточныхъ хуторянъ можетъ произвести на наблюдателя благоприятное впечатлѣніе, можетъ показаться весьма способнымъ къ прогрессивному развитію: къ такому заключенію можетъ, именно, дать поводъ распространенность среди зажиточныхъ поселенцевъ и особенно — среди хуторянъ улучшенныхъ орудій и машинъ заводскаго производства.

Обычнымъ пахатнымъ орудіемъ Тургайскихъ поселенцевъ является „сабанъ“, т. е. тяжелый малороссійскій плугъ, запрягаемый для подъема цѣлихъ четырьмя и даже пятью парами воловъ, для пахоты старыхъ земель — тремя, а иногда и двумя парами; у переселенцевъ изъ сѣверо-восточныхъ губерній взаимѣвъ плуга является „чернская“ или „сибирская“ соха, — орудіе, по своей работѣ стоящее между плугомъ и „россійскою“ сохою и запрягаемое либо 2 — 3 лошадьми, либо соотвѣтствующимъ количествомъ воловъ, — а у одношадныхъ домохозяевъ, главнымъ образомъ изъ числа выходцевъ изъ среднихъ губерній, для перенахиванія „мятыхъ“ земель служатъ „россійскія“ одноконныя сохи-рогали. Но рядомъ съ этими, такъ сказать, доморощенными орудіями у переселенцевъ болѣе высокихъ по благосостоянію категорій и особенно — у богатыхъ хуторянъ большимъ распространеніемъ пользуются и желѣзные, заводскіе плуги русскихъ и даже нѣмецкихъ заводовъ, — впрочемъ исключительно двухъ- и трехлемешные. Такихъ плуговъ оказалось, напримѣръ:

на хут. Алакульскомъ (8 дворовъ).	4
„ Никитиныхъ (19 „).	11
на пяти хуторахъ, расположенныхъ на сѣв.-западъ		
отъ Кустаная (40 дворовъ)	17
на хут. Пароловомъ (11 „)	5 и т. д..

Заводскіе плуги, впрочемъ, отнюдь не вытѣсняють доморощенныхъ сабановъ, а употребляются параллельно съ этими послѣдними: по единодушному мнѣнію поселенцевъ, двухъ- и трехлемешные, вообще желѣзные плуги годны только для перепахиванія „мятыхъ“ земель, для подъема же цѣлины они далеко уступаютъ „сабанамъ“, которые, поэтому, одни только и употребляются для указанной цѣли. — Въ большомъ ходу у зажиточныхъ поселенцевъ и въ частности — у хуторянъ, и разныя машины, служащія для уборки хлѣбовъ и травъ и въ особенности — для очистки зерна — молотилки, вѣялки, косилки, жнеи; такъ напр. подобныхъ машинъ имѣется:

	Молоти- локъ ¹⁾ .	Вѣя- локъ.	Коси- локъ.	Жней.
на хут. Алакульскомъ . . .	5	3	2	2
„ Чистенькомъ . . .	7	4	1	—
„ Никитиныхъ . . .	8	7	2	3
на 5 сѣв.-зап. хуторахъ . .	10	6	1	1.

Распространеніе этого рода машинъ является, главнымъ образомъ, слѣдствіемъ дороговизны рабочихъ рукъ, дѣлающей ручную уборку и очистку, для крупныхъ хозяевъ-капиталистовъ, болѣе или менѣе убыточною; въ частности, распространенію косилокъ среди крупныхъ хозяевъ (какъ русскихъ, такъ и киргизъ) не мало способствуетъ еще особое обстоятельство, — именно, недостатокъ мягкихъ покосовъ, заставляющій косить степной ковыль: этотъ послѣдній весьма плохо косится ручною косою, тогда какъ косилка беретъ его безъ всякаго затрудненія.

Повторяю: распространенность улучшенныхъ пахатныхъ орудій и машинъ легко могла-бы ввести въ заблужденіе относительно истиннаго характера хозяйства зажиточныхъ поселенцевъ и въ частности — хуторянъ. Но въ дѣйствительности этотъ характеръ остается въ высшей степени хищническимъ, а улучшенныя орудія и машины являются лишь усовершенствованнымъ средствомъ для извлеченія изъ почвы ея послѣднихъ соковъ. Что хозяйство Тургайскихъ переселенцевъ имѣетъ именно такой, а не иной характеръ, объ этомъ съ достаточною убѣдительностью свидѣлствуютъ обширныя пространства, заросшія бурьяномъ и совершенно ушедшія изъ

¹⁾ Нѣкоторые хозяева имѣютъ по двѣ молотилки и занимаются молотьбой чужого хлѣба въ видѣ промысла.

подъ культуры, которыя широкимъ кольцомъ окружають гор. Кустанай, а также почти совершенно пустующіе „общественные участки“ поселковъ Александровскаго и Борисовскаго: и Кустанайскіе мѣщане, и Александровцы съ Борисовцами успѣли уже вытянуть всѣ соки изъ ближайшихъ къ городу и названнымъ поселкамъ земель и расползлись во всѣ стороны въ поискахъ все за новыми и новыми цѣлинами. О хищническомъ характерѣ хозяйства поселенцевъ свидѣтельствуютъ равнымъ образомъ и приводившіеся уже выше ¹⁾ въ другой связи, случаи, когда участки, пробывшіе нѣсколько лѣтъ въ арендѣ у поселенцевъ, сдавались на новый срокъ по цѣнѣ вдвое, а иногда и четверо пшней противъ прежняго, а также и общее пониженіе арендныхъ цѣнъ въ ближайшихъ окрестностяхъ Кустаная ²⁾. Наконецъ несомнѣннымъ показателемъ хищническаго характера поселенческаго хозяйства является, какъ мы увидимъ ниже, и самое стремленіе Тургайскихъ поселенцевъ къ выселенію въ Акмолинскую область и другія мѣстности, — стремленіе, въ которомъ, въ значительной мѣрѣ, проявляется вся та-же погоня за цѣлиными землями и то-же нежеланіе затрачивать болѣе усиленный трудъ на обработку земли, въ видахъ поддержанія и восстановленія ея производительности.

Я упоминалъ уже выше о попыткахъ перехода къ инымъ, менѣе истощающимъ землю хозяйственнымъ порядкамъ. Объ уваживаніи до сихъ поръ, какъ кажется, не возникало и мысли — ближайшимъ прогрессивнымъ шагомъ отъ господствующаго нынѣ чисто-переложнаго хозяйства является примѣненіе пара и толоки. Наиболѣе широко поставленная попытка этого рода отмѣчена по поселку Александровскому; здѣсь общество, заключивъ, въ 1895 году, новый арендный договоръ, срокомъ на 10 лѣтъ, разбило „общественный“ участокъ на три поля съ тѣмъ, чтобы установить трехпольное чередованіе посѣвовъ съ паромъ; но мѣра эта пока не имѣла никакихъ практическихъ послѣдствій, такъ какъ Александровскіе поселенцы, какъ я уже упоминалъ, почти не пахутъ въ „общественномъ“ участкѣ, а продолжаютъ распахивать цѣлины, которыя снимають, главнымъ образомъ, за Тоболомъ, по частнымъ аренднымъ сдѣлкамъ. Въ поселкахъ Боровской волости — Ивановскомъ, Степановскомъ, Владимірскомъ, гдѣ благодаря наплыву арендаторовъ изъ-за Тобола стало чувствоваться уже нѣкоторое „утѣсненіе“ и цѣлины начали „подбираться“, пары стали пахать въ послѣднее время, по личной инициативѣ, довольно многіе хозяева, — особенно

¹⁾ Стр. 151—152.

²⁾ Стр. 148.

выходцы изъ среднихъ и малороссійскихъ губерній и притомъ — почти исключительно изъ числа бѣдныхъ и среднесостоятельныхъ элементовъ: пашни, давшія три хлѣба, которыя прежде либо тотчасъ-же засѣвались четвертымъ хлѣбомъ, либо — чаще — забрасывались въ залежь, начинаютъ оставлять подъ паръ, съ двукратною перепашкой; результаты такого рода попытокъ вполне удовлетворительны: по однимъ отзывамъ, паровая земля ничуть не уступаетъ цѣлинной; по другимъ она все-же нѣсколько уступаетъ этой послѣдней, какъ по изобилію сорныхъ травъ, такъ и потому, что годится лишь для посѣвовъ протныхъ, а не высокихъ сортовъ пшеницы.

На хуторахъ подобнаго рода попытокъ, сколько мнѣ извѣстно, вовсе не дѣлалось, да и трудно ожидать ихъ, пока предъ хуторянами открыта возможность переходить все на новыя и новыя цѣлинныя земли. На мои вопросы хуторяне пытались иногда объяснить свое нежеланіе перейти къ пару и толокѣ особенностями мѣстныхъ почвъ, — именно утверждали, что почвы эти, благодаря своему песчаному характеру, отъ толоки будутъ не уплотняться, а разбиваться, и что паръ и усиленная механическая обработка почвы поведутъ только къ усиленію роста сорныхъ травъ. Другіе оказывались откровеннѣе и прямо объясняли, что „у насъ посѣвы по 50 да по 100 десятинъ, — гдѣ-же все это передвоить“; другими словами — признавались, что думаютъ только о томъ, какъ-бы побольше распахать и засѣять земли, и вовсе не заботятся о сохраненіи производительности этой послѣдней.

Однако, и въ поселкахъ попытки перехода къ менѣе истощающему землю паровому хозяйству представляются, пока, разрозненными и нерѣшительными. И если не главнымъ, то однимъ изъ главныхъ тормазовъ, мѣшающихъ установленію въ поселкахъ болѣе правильныхъ хозяйственныхъ порядковъ, является неустроенность ихъ въ земельномъ отношеніи, отсутствіе опредѣленнаго земельного надѣла. „Жители (поселковъ) — такъ доносилъ въ 1894 г. Кустанайскій уѣздный начальникъ военному губернатору области ¹⁾ — не имѣютъ собственнаго надѣла, почему самая распахка производится большею частью хищнически и, сорвавъ, такъ сказать, даръ самой природы въ два три года, (земля) бросается и снова избирается цѣлая земля; поэтому правильнаго воздѣлыванія и малѣйшаго удобренія прииѣняемо не было, что неминуемо могло-бы послѣдовать при надѣлѣ для *каждаго поселка* собственной земли, хлѣбопахатной, выгонной и лу-

¹⁾ Донес. отъ 31 дек. 1894 г. № 12093 въ дѣлѣ Тург. обл. правл., 2 отд., 3 ст., № 52/1894.

говой". И въ самомъ дѣлѣ: при настоящихъ условіяхъ ни одинъ поселенецъ не имѣетъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, — онъ не знаетъ, не откажутся-ли киргизы черезъ 2—3 года, отъ возобновленія аренды и не придется-ли ему, поселенцу, искать себѣ другого мѣста водворенія; онъ во всякое время можетъ ожидать, что болѣе или менѣе значительная часть его односельчанъ разбредется во всѣ стороны и что на ихъ мѣсто придутъ новые поселенцы, со своими обычаями и своими хозяйственными порядками. При такихъ условіяхъ, естественно, ни отдѣльному поселенцу, ни цѣлому поселковому обществу нѣтъ разсчета заводить такихъ порядковъ и принимать такихъ мѣръ, которыя разсчитаны на болѣе продолжительное время, — каждый дѣлаетъ то, что обѣщаетъ ему дать сейчасъ-же наибольшую выгоду, — хотя-бы эта немедленная выгода получалась цѣною будущаго ущерба. Каждый поселенецъ отлично понимаетъ, что поселку надо имѣть достаточно обширный присельный выгонъ; что часть ковыльной степи (при отсутствіи спеціально-сѣнокосныхъ угодій) должна быть оставлена подъ покось, и что на той части степи, которая можетъ быть отведена подъ распахку, было-бы полезно установить правильное чередованіе хлѣбовъ съ паромъ или съ залежью. Но такъ какъ каждый изъ нихъ является какъ-бы временнымъ жителемъ поселка, лишь очень слабо связаннымъ съ другими, такими-же временными жителями, то въ дѣйствительности дѣло ведется совершенно иначе: каждый распахиваетъ все, что можетъ распахать, не думая ни о покосахъ, ни о присельныхъ выгонахъ, — такъ какъ знаетъ, что то, чего не вспашетъ онъ, будетъ вспахано кѣмъ-либо другимъ; поднявъ цѣлину, каждый пашетъ ее до полного истощенія, потому что стоять ему оставить въ залежъ не вполне выпаханную полосу, — и эта полоса тотчасъ-же будетъ засѣяна кѣмъ-либо другимъ. Поселенцы — по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые вообще мечтаютъ о прочномъ водвореніи на одномъ мѣстѣ, — отлично сознаютъ, какъ вредно вліяетъ ихъ неустроенность въ земельномъ отношеніи на весь складъ ихъ хозяйства, и въ этой именно неустроенности видятъ корень волягъ отчетливо сознаваемой ими хозяйственной неурядицы: кабы отвели надѣлъ, разсуждаютъ они, все-бы наладилось какъ слѣдуетъ: и выгонъ-бы отдѣлили, и мѣсто подъ покось; передѣлили-бы пашни, — такъ что каждый сталъ-бы знать свою полосу и заботиться о поддержаніи ея производительности, а кромѣ того и общество могло-бы раздѣлить пашни на смѣны и установить опредѣленное чередованіе хлѣбовъ съ паромъ или толокой; покопали-бы при своихъ пашняхъ, а гдѣ нужно — на общественный счетъ, колодцы, чѣмъ устранились-бы тѣ неудобства, которыя поселенцы

почти вездѣ испытываютъ отъ недостатка въ водопояхъ; жилия постройки и особенно — помѣщенія для скота приняли-бы совершенно другой видъ — изъ временныхъ сдѣлались-бы постоянными; самая жизнь поселенцевъ стала-бы согласнѣе: теперь — „народъ бродячій“, а потому другъ къ другу нѣтъ довѣрія, нѣтъ кредита, постоянно происходятъ столкновения изъ-за аренды киргизской земли, — а при „нарѣзкѣ“ установится тѣсная взаимная связь, и поселенцы изъ беспорядочной толпы отдѣльныхъ лицъ дѣйствительно станутъ „обществомъ“.

Для значительной части поселенцевъ „нарѣзка“, отводъ надѣла представляется такимъ образомъ необходимымъ условіемъ ихъ хозяйственнаго преуспѣянія; если „нарѣзка“ не послѣдуетъ въ самомъ непродолжительномъ времени, имъ придется оставить насиженные мѣста и идти куда-нибудь, гдѣ земля отводится переселенцамъ въ постоянный надѣлъ; напротивъ, прочное устройство въ земельномъ отношеніи можетъ совершенно измѣнить весь строй ихъ хозяйства и изъ переселенцевъ-кочевниковъ и хищниковъ обратить ихъ въ настоящихъ осѣдлыхъ земледѣльцевъ.

Но это вѣрно только по отношенію къ *части* Тургайскихъ поселенцевъ. Другая часть послѣднихъ, тоже довольно значительная, не только не мечтаетъ объ отводѣ надѣла, но наоборотъ — всѣми силами старается уклониться отъ прикрѣпленія къ какому-либо опредѣленному мѣсту. Къ этой категоріи относится, прежде всего, довольно значительная и притомъ, говоря вообще, наиболѣе зажиточная часть населенія арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго района. Такъ, въ поселкѣ Борисовскомъ, Александровской волости, до 60 семей (изъ ста съ небольшимъ), въ томъ числѣ почти всѣ наиболѣе состоятельныя, не желаютъ оставаться въ поселкѣ на постоянное жительство и получать здѣсь земельного надѣла, почему не обзаводятся сколько-нибудь цѣнными постройками и отказываются отъ причисленія къ обществу; мотивомъ своего нежеланія оставаться на мѣстѣ выставляютъ недостатокъ водопоевъ и отсутствіе лѣса, и хотятъ либо уйти въ Кокчетавскій уѣздъ, либо водвориться въ томъ-же Кустанайскомъ уѣздѣ, верстъ на 15 ниже по теченію р. Тобола. Въ пос. Романовскомъ выселяться желаютъ 21 семья (изъ 90), почти всѣ зажиточныя; мотивомъ для новаго переселенія выставляется, какъ и въ Борисовкѣ, недостатокъ водопоевъ и лѣса; идти хотятъ въ Кокчетавскій уѣздъ, но не знаютъ, какъ имъ быть: лучшія мѣста въ Кокчетавскомъ уѣздѣ заняты, а садиться на плохіе участки поселенцы, конечно не желаютъ. Въ пос. Степановскомъ, Боровской волости, отъ причисленія и надѣленія землею отказываются 42 семьи (изъ 96), изъ

которых 32 о своемъ нежеланіи оставаться на постоянное жительство заявили въ особомъ прошеніи, поданномъ уѣздному начальнику, а затѣмъ — и военному губернатору; нежеланіе это мотивировалось тѣмъ, что „удобная для хлѣбопашества земля вся опажана посторонними лицами, покосы также всѣ распаханы, площадь скотскаго выпуска сократилась до минимума, воды же почти вовсе нѣтъ“.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, такимъ образомъ, желающіе уходить съ занятыхъ ими мѣстъ и переселяться куда-нибудь въ другія мѣстности, мотивируютъ это свое желаніе тѣми или другими неблагоприятными условиями — плохую почвой, недостаткомъ воды, сѣнокосовъ, лѣса и пр.. Но показанія другихъ поселенцевъ, именно той части послѣднихъ, которая не хлопочетъ о выселеніи, позволяютъ думать, что условія эти никоимъ образомъ не настолько неблагоприятны, чтобы безусловно требовать перехода на другія мѣста. Что мысль о выселеніи не вызывается какою-либо крайнею необходимостью, — это видно уже изъ того, что о выселеніи думаютъ, по преимуществу, наиболѣе состоятельные хозяева ¹⁾, тогда какъ именно бѣднѣйшіе, т. е. тѣ, которые, можетъ быть, имѣли-бы дѣйствительное право быть недовольными своимъ положеніемъ и могли-бы желать улучшить его путемъ перехода на новое мѣсто, вовсе не думаютъ выселяться и наоборотъ — мечтаютъ только о скорѣйшемъ окончательномъ надѣленіи землею. Если, поэтому, довольно значительная часть обитателей поселковъ думаетъ и хлопочетъ о выселеніи, — то дѣло здѣсь не въ невозможности осѣдлаго пребыванія въ Кустанайскихъ степяхъ, а просто — въ погонѣ за цѣлинами и исканіи „мѣсть получше“, — исканіи, не знающемъ никакихъ предѣловъ и заканчивающемся, нерѣдко, лишь съ полнымъ разореніемъ такихъ искателей лучшаго и слѣдовательно — съ прекращеніемъ возможности искать. „Какъ изъ Россіи уйдутъ, — такой отзывъ мною записанъ въ поселкѣ Боровскомъ, точно народъ другой становятся, — все думаютъ, гдѣ-бы получше мѣсто найти; изъ-за этого и не обзаваются порядкомъ: думаютъ, чего я стану заводиться, пожалуй и не поживется здѣсь“. Другими словами, многіе, однажды порвавъ вѣковѣчную связь съ родною землею, уже не привязываются такъ крѣпко ни къ какому „новому мѣсту“, и сравнительно маловажнаго побужденія достаточно, чтобы подвинуть ихъ

¹⁾ Напр. въ пос. Романовскомъ 21 дворъ, желающіе выселяться, имѣютъ, въ среднемъ, по 9,2 гол. рабочаго скота и по 20,5 сорок. десятинъ посѣва, тогда какъ для остальныхъ 69 семей соответственныя цифры равны всего 3,1 и 6,9, — т. е. выселяющіеся, въ среднемъ, втрое состоятельнѣе остающихся.

на новое переселеніе; а такимъ побужденіемъ является, при хозяйственныхъ условіяхъ Кустанайскихъ и Актюбинскихъ поселеній, истощеніе запаса цѣлинныхъ земель. При экстензивномъ, вопліѣ хищническомъ хозяйствѣ такое истощеніе наступаетъ весьма скоро: всѣ наиболѣе доброкачественныя по почвѣ цѣлины оказываются распаханными, и поселенцу приходится либо распахать цѣлинныя-же земли, но уже низшаго качества, либо возвращаться къ землямъ, ранѣе паханымъ и заброшеннымъ въ залежь, либо наконецъ обратиться къ усиленной механической обработкѣ или унаваживанію почвы. Между тѣмъ сніманіе сливокъ съ лучшихъ цѣлинныхъ почвъ успѣло войти въ привычку, и поселенецъ предпочитаетъ идти въ другое мѣсто, искать новыхъ цѣлинъ, нежели отказаться отъ этой привычки.

Многіе изъ поселенцевъ, подѣ влияніемъ такого рода обстоятельствъ, впадаютъ повидимому въ добросовѣстное заблужденіе: мѣсто ихъ водворенія, разъ истощился запасъ цѣлинъ, кажется имъ неудобобитаемымъ,—они мечтаютъ о какой-нибудь другой мѣстности, которая представляется имъ во всѣхъ отношеніяхъ лучшею, и питаютъ увѣренность въ томъ, что удайся имъ только попасть въ эту лучшую мѣстность,—и они устроятся здѣсь окончательно и перестанутъ думать о какомъ-либо новомъ переселеніи,—не сознавая того, что и на новомъ мѣстѣ запасъ цѣлинъ истощится, и опять явится недовольство и новыми условіями, которое побудитъ опять думать о какомъ-либо новомъ мѣстѣ съ новыми цѣлинами. — Другіе не впадаютъ въ подобное заблужденіе: не мало зажиточнѣйшихъ хозяевъ въ поселкахъ и большинство, если не всѣ хуторяне возвели перекочевываніе съ мѣста на мѣсто, въ погонѣ за цѣлинами, въ нѣчто вродѣ системы, и совершенно не желаютъ мѣнять своего полукочеваго образа жизни на осѣдлое проживаніе гдѣ-бы то ни было. „Въ мѣщанахъ жить лучше“, — такой отзывъ мнѣ приходилось неоднократно слышать со стороны хуторянъ и вообще зажиточныхъ поселенцевъ, и этотъ отзывъ вытекаетъ изъ очень опредѣленнаго хозяйственнаго разсчета: людямъ, располагающимъ капиталомъ, тѣсно въ деревнѣ или поселкѣ, и арендованіе цѣлинныхъ участковъ представляетъ гораздо болѣе широкое поприще для приложенія ихъ капиталовъ. Такія лица, поэтому, совершенно сознательно уклоняются отъ приписки къ переселенческимъ обществамъ, и мало того—уходятъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ образуются крестьянскіе поселки, въ такія мѣстности, гдѣ имъ возможно было-бы продолжать, по прежнему, хозяйничать на полномъ просторѣ. Любопытна, въ этомъ отношеніи, исторія пос. Давыденковскаго: когда около послужившей зародышемъ послѣднаго арендаторской заимки стали селиться крестьяне, то основатель

займки, зажиточный мѣщанинъ Давыденковъ, предпочелъ перенести свое хозяйство на нѣсколько десятковъ верстъ дальше на сѣверъ, лишь-бы не жить съ крестьянами и не войти въ составъ ихъ общества, — въ настоящее же время въ поселкѣ происходятъ постоянныя распри между крестьянами и мѣщанами — послѣдніе стараются выжить первыхъ, чтобы остаться однимъ и вернуть себѣ прежній просторъ въ пользованіи киргизскими землями.

Такого рода арендаторы — спекулянты ¹⁾ должны быть признаны наиболѣе вредными хищниками, и ихъ хозяйничаніе, не смотря на ихъ улучшенныя орудія и машины, наиболѣе губительно отразится на производительности почвы: поселенецъ, думающій рано или поздно гдѣ-нибудь оѣсть, и только ищущій получше мѣста, всегда колеблется между желаніемъ уйти въ Кокчетавъ или на „Новый-Кусть“ и боязнью порвать съ насиженнымъ мѣстомъ, а потому онъ никогда такъ безжалостно не вытанетъ изъ земли всѣхъ соковъ, какъ это сдѣлаетъ арендаторъ-спекулянтъ, опредѣленно знающій, что онъ ничѣмъ не связанъ съ землею и не желающій съ нею связаться. Но и та, и другая категорія поселенцевъ представляется весьма мало полезною для колонизаціи края; обѣ онѣ, напротивъ, скорѣе вредны какъ потому, что только портятъ землю, которая могла-бы пригодиться для отвода другимъ, болѣе нуждающимся въ томъ поселенцамъ, такъ и потому, что подаютъ весьма дурной примѣръ аборигенамъ края — киргизамъ, которые учатся отъ нихъ тѣмъ-же хищническимъ приѣмамъ хозяйства.

Переселенцы такого, такъ сказать, кочеваго типа встрѣчаются и въ другихъ колонизаціонныхъ районахъ. Но нигдѣ, повидимому, они не бросаются такъ въ глаза и не играютъ такой видной роли, какъ въ Тургайской области. Съ одной стороны, это обстоятельство объясняется очерченными въ предшествующихъ главахъ особенностями мѣстнаго землевладѣнія и землепользованія, — особенностями, которыя, очень дурно отражаясь на положеніи той части переселенцевъ, которая стремится къ прочному водворенію, особенно благопріятствуютъ, напротивъ, развитію спекулятивныхъ арендаторскихъ хозяйствъ. Но съ другой стороны, не безъ вліянія остался здѣсь, конечно, и самый подборъ переселенцевъ какъ по происхожденію ихъ, такъ и по предыдущей ихъ исторіи.

¹⁾ Существованіе такого-рода арендаторовъ признано и официально: «Нѣкоторые, читаемъ въ «запискѣ военнаго губернатора Тург. области объ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, которыя необходимо сдѣлать въ проектѣ полож. объ упр. Стени. обл.», — желаютъ воспользоваться въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ обильными урожаями дѣвственной почвы», . . . а «по достиженіи цѣли, т. е. наживы, и когда почва уже истощится, возвратятся домой или перейдутъ на другія, еще болѣе привольныя мѣста».

Сплошныя цифровыя данныя относительно происхожденія поселенцевъ мы имѣемъ, къ сожалѣнiю, только по 10 (точнѣе—по девяти) поселкамъ Боровской и Александровской волостей, и притомъ эти данныя, собранныя г. Мацуревичемъ, относятся къ 1891 году. По даннымъ этимъ, оказалось именно¹⁾:

Выходцевъ изъ губерній:	В ѣ н о с е л к а х ѣ :								
	Жуков- скожь	Романов- скожь	Борисов- скожь	Давыден- ковскожь	Боров- скожь	Иванов- скожь	Станов- скожь	Владимир- скожь	Михайлов- скожь
Самарской	66	58	87	4	12	1	—	3	83
Тамбовской	20	4	—	1	6	—	—	—	8
Пензенской	29	—	—	—	11	—	3	3	—
Саратовской	61	—	1	—	—	—	—	—	—
Воронежской	27	—	—	9	27	—	—	—	—
Оренбургской	—	—	—	—	48	3	} 37	} 79	—
Пермской	—	—	—	—	97	26			—
Тобольской	—	—	—	—	19	2	—	—	—
Харьковской	—	4	—	—	14	—	—	—	—
другихъ	—	24 ²⁾	—	—	3	1	7	13	8.

Относительно Александровскаго поселка въ донесенiи г. Мацуревича цифровыхъ данныхъ не приводится, а только отмѣчается, что большинство домохозяевъ „вышло изъ Самарской и Тамбовской губерній“.

По даннымъ г. Мацуревича, такимъ образомъ, значительное большинство переселенцевъ, водворившихся въ десяти арендаторскихъ поселкахъ Кустанайскаго уѣзда, — выходцы изъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ губерній Европейской Россiи: прежде всего—изъ Самарской, затѣмъ—Оренбургской, Саратовской, Пермской и т. п., т. е. изъ такихъ мѣстностей, гдѣ о малоземельѣ, пока, еще не можетъ быть и рѣчи. Въ настоящее время составъ населенiя этихъ поселковъ нѣсколько измѣнился: подъ влiянiемъ неурожаевъ 1890—1891 годовъ, значительная часть населенiя, зарегистрированнаго въ поселкахъ г. Мацуревичемъ, разбрелась въ разныя стороны; на мѣсто ушедшихъ почти во всѣ поселки подошли въ такомъ-же или даже въ большемъ количествѣ, новые поселенцы, и это механическое

¹⁾ Данныя эти взяты изъ донесенiй отъ 12, 17, 19 и 25 мая, 21, 23 и 27 iюня, 18, 20 и 25 iюня 1891 г. №№ 17, 26, 30, 42, 61, 64, 71, 80, 88 и 94; къ одному изъ донесенiй г. Мацуревича была приложена сводная вѣдомость, которой я, однако, въ рукахъ не имѣлъ.

²⁾ Почти всѣ изъ среднихъ губерній.

движеніе населенія было связано съ нѣкоторымъ измѣненіемъ его состава, разсматриваемаго по происхожденію поселенцевъ: уходили изъ поселковъ, по преимуществу, Пермьки, Оренбуржцы, Самарцы — вообще выходцы изъ восточныхъ, многоземельныхъ губерній; подходили имъ на смѣну частью выходцы изъ тѣхъ-же губерній, но главнымъ образомъ — переселенцы изъ разныхъ другихъ мѣстностей, по преимуществу изъ среднихъ и малороссійскихъ губерній — Полтавской, Пензенской, Воронежской и др.. Такъ, въ Александровскомъ поселкѣ убыль должна быть отнесена преимущественно на счетъ Самарцевъ, вновь подселившіеся были по преимуществу Полтавцы; въ Жуковскій поселокъ подсеялись по преимуществу Пензенцы, такъ что въ настоящее время выходцами изъ Пензенской губерніи заселилась почти цѣлая улица; въ Боровской поселокъ взамѣнъ Пермьковъ и Оренбуржцевъ подсеялись частью Самарцы, главнымъ-же образомъ — Воронежцы и Харьковцы, вообще „хохлы“, которые въ настоящее время и составляютъ преобладающую часть населенія поселка. Въ томъ-же направленіи измѣнилось и населеніе пос. Владимірскаго: уходили по преимуществу Пермьки и Оренбуржцы, новые же водворенцы — по преимуществу малороссы изъ Полтавской и Воронежской губерній, затѣмъ — Пензенцы и т. п.. Въ пос. Степановскій, гдѣ во время регистраціи г. Мацуревича населеніе состояло почти изъ однихъ Пермьковъ и Оренбуржцевъ, въ 1895 г. приселилась большая партія Полтавцевъ.

Болѣе или менѣе сходный составъ имѣеть, повидимому, населеніе хуторовъ и заимокъ Кустанайскаго уѣзда; въ 13 заимкахъ, хуторахъ и т. п., гдѣ мною была произведена подворная опись, оказалось именно:

выходцевъ изъ Самарской губерніи . . .	64	семьи,
Воронежской „ . . .	27	„
Оренбургской „ . . .	7	„
Саратовской „ . . .	5	„
Пермской „ . . .	5	„
Астраханской „ . . .	4	„
другихъ губерній . . .	21	„ .

Такимъ образомъ, около половины (48,⁰/₁₀₀) общаго числа зарегистрированныхъ мною на хуторахъ и т. п. дворовъ составляютъ выходцы изъ Самарской губерніи, а если взять всѣ вообще восточныя губерніи, то окажется, что онѣ дали почти двѣ трети (63,⁰/₁₀₀) населенія посѣщенныхъ мною хуторовъ Кустанайскаго уѣзда.

Менѣ замѣтно преобладаніе Самарцевъ и вообще — выходцевъ изъ восточныхъ губерній въ заселкахъ и хуторахъ Актюбинскаго уѣзда: въ пяти заселкахъ и хуторахъ, посѣщенныхъ мною, оказалось именно:

выходцевъ изъ Самарской	губерніи .	23	семьи,
Воронежской	„ .	21	„
Оренбургской	„ .	12	„
Тульской	„ .	12	„
Саратовской	„ .	8	„
Пензенской	„ .	7	„
Екатеринославской	„ .	5	„
другихъ губерній . . .		36	„ , —

и такимъ образомъ Самарская губернія дала здѣсь всего около одной пятой (20,7⁰/о), всѣ вообще восточныя губерніи — менѣ двухъ пятыхъ (38,7⁰/о) общаго числа наличныхъ домохозяйствъ.

Но Актюбинскіе поселенцы — очень немногочисленны, въ Кустанайскомъ-же уѣздѣ, несомнѣнно, преобладаютъ и въ особенности — преобладали равнѣ выходцы изъ восточныхъ губерній и главнымъ образомъ — изъ Самарской. Уже это обстоятельство, само по себѣ, до извѣстной степени объясняетъ какъ многочисленность, въ поселкахъ и хуторахъ Тургайской области, переселенцевъ бродячаго типа, такъ и хищнической характеръ ихъ хозяйства: губерніи Самарская, Саратовская, Оренбургская, Пермская (по крайней мѣрѣ ея южные уѣзды) принадлежатъ къ наиболѣе многоземельной полосѣ Европейской Россіи; о дѣйствительной земельной тѣснотѣ, о дѣйствительномъ недостаткѣ земли здѣсь не можетъ быть пока и рѣчи, — напротивъ — уже самое преобладаніе залежнаго хозяйства свидѣтельствуетъ о томъ, что земли здѣсь, пока, еще очень достаточно. Если, поэтому, крестьяне переселяются изъ такихъ мѣстностей, то переселяются они не изъ-за такого малоземелья, какое, дѣйствительно, гонитъ главную массу переселенцевъ изъ центральныхъ губерній, — а изъ-за истощающаго землю залежнаго хозяйства и его послѣдствій: одна, болѣшая по численности, но менѣ, въ общемъ, состоятельная часть выселяется потому, что земля при залежномъ хозяйствѣ перестала давать хорошіе урожаи; чтобы имѣть возможность существовать на родинѣ, надо было-бы перейти къ другимъ, болѣе высокимъ способамъ хозяйства, — но крестьяне предпочитаютъ выселиться и искать мѣсть, гдѣ земельный просторъ позволилъ-бы имъ остаться при старыхъ, истощающихъ землю, но за то требующихъ менѣ труда хозяйствен-

ныхъ порядкахъ; другая, сравнительно малочисленная, но за то богатая группа выходцевъ изъ этихъ губерній — это лица, которыя и на родинѣ вели кочевое спекулятивно-арендное хозяйство и для которыхъ переходъ на киргизскія земли Тургайской области представляетъ собой лишь естественное продолженіе той погони за цѣлинами, на которой основывалось ихъ хозяйство на родинѣ. Понятно, что и на „новомъ мѣстѣ“ такіе переселенцы поведутъ свое хозяйство не иначе, нежели вели его у себя на родинѣ, — что богачи-арендаторы и здѣсь будутъ переходить съ одного аренднаго участка на другой и въ концѣ концовъ уйдутъ изъ области на какія-нибудь новыя, непочатыя мѣста, — и что среднесостоятельная и бѣдная масса и здѣсь предпочтетъ, какъ предпочла на родинѣ, новое переселеніе усвоенію новыхъ хозяйственныхъ порядковъ.

Я сказалъ выше, что развитію въ значительной части Тургайскихъ переселенцевъ такихъ наклонностей, которыя я рѣшаюсь назвать бродячими, способствуетъ, въ значительной мѣрѣ, и самая исторія ихъ переселеній.

Изъ произведенныхъ мною подворныхъ описей можно извлечь, по этому вопросу, слѣдующія данныя:

	Пришли прямо съ родины	До прибытія въ данную мѣстность про- живали въ другихъ мѣстахъ:			
		въ одномъ	въ двухъ	въ трехъ	въ четырехъ и болѣе
<i>Въ поселкахъ:</i>					
Романовскомъ	53	23	2	1	—
Ивановскомъ	15	13	2	2	1
Степановскомъ	49	42	3	—	—
<i>Въ хуторахъ и т. д. Кустан. у.:</i>					
Аулькуль	—	5	3	5	—
Смоляной заводъ	2	7	5	1	—
З. Мѣшкова	—	2	3	—	—
З. Кислицына	—	9	—	2	—
З. Алелекова	—	1	—	—	—
З. Саратовская	—	1	8	—	—
З. Рязанцева	4	4	4	—	—
З. Давыденкова	—	1	1	—	—
Алакуль	1	1	4	2	—
Чистенькій	1	7	13	—	—
Никитиныхъ	1	15	2	—	—

	Пришли прямо съ родины.	До прибытія въ данную мѣстность про- живали въ другихъ мѣстахъ:			
		въ одномъ	въ двухъ	въ трехъ	въ четырехъ и болѣе
<i>Въ заселкахъ и т. д. Актюбин. у.:</i>					
Ново-Уральскомъ	6	20	19	2	—
Можаровскомъ	1	17	9	2	3
Ащибутаевскомъ.	—	2	2	1	2
Пароловомъ	—	2	6	2	—
Терновскаго.	—	—	2	1	—
<hr/>					
<i>Итого:</i> въ Кустанайск. поселкахъ.	117	78	7	3	1
въ Кустанайск. хуторахъ .	9	53	43	10	—
въ Актюбинск. засел. и пр.	7	41	38	8	5
<hr/>					
Всего	133	172	88	21	6.

Такимъ образомъ лишь сравнительно немногіе изъ переписанныхъ водворно домохозяйствъ—всего 31,7%—пришли съ родины прямо въ тотъ поселокъ или въ тотъ хуторъ, гдѣ ихъ застала регистрація ¹⁾; болѣе двухъ третей (68,3%) ранѣе прожили болѣе или менѣе продолжительное время въ одномъ, двухъ, трехъ и болѣе другихъ мѣстахъ, и затѣмъ уже перешли въ тотъ пунктъ, гдѣ ихъ застала регистрація. При этомъ, однако, замѣчается довольно рѣзкое различіе между тремя переписанными мною поселками, съ одной стороны, и хуторами, заимками, заселками и пр. съ другой. Въ первыхъ свыше половины (56,8%) всѣхъ семей пришло прямо съ родины, и лишь ничтожное меньшинство (5,4%) населенія переимѣнило болѣе двухъ мѣстъ новаго водворенія. Въ хуторахъ и заселкахъ пришедшихъ прямо съ родины оказались всего 16 семей или 7,5% общаго числа зарегистрированныхъ семей; болѣе двухъ пятыхъ (43,0%) этого числа оказались живущими, по выходѣ съ родины, уже на второмъ, почти двѣ пятыхъ (37,8%) — на третьемъ, около одной восьмой (12,6%) — на четвертомъ, пятомъ и даже шестомъ мѣстѣ.

Если, затѣмъ, разобраться въ отмѣткахъ, показывающихъ порядокъ постепенныхъ переходовъ зарегистрированныхъ переселенцевъ, то окажется, что изъ 115 семей, зарегистрированныхъ мною на Кустанайскихъ хуто-

¹⁾ Въ эту цифру вошли и тѣ, которые останавливались гдѣ-либо, но безъ намѣренія окончательно водвориться: семьи, приходившія въ Кустанай и «не принятыя» здѣсь, живавшія гдѣ-либо на заработкахъ и т. д.

рахъ, 104 семьи, до водворенія въ данной мѣстности на хуторѣ, жили въ Кустанай (гдѣ почти всѣ и причислены въ мѣщане) и вели хозяйство частью на земляхъ городского отвода, главнымъ же образомъ — на участкахъ, заарендованныхъ у пригородныхъ киргизъ; затѣмъ, 36 семей, до водворенія въ Кустанай, жили болѣе или менѣе продолжительное время въ станицахъ и поселкахъ Оренбургской линіи и хозяйничали на землѣ, заарендованной у станичныхъ обществъ и отдѣльныхъ казаковъ, или на офицерскихъ участкахъ, отдѣльныя же семьи проживали ранѣе кто въ Сибири и сибирскихъ степяхъ (6 сем.), кто въ заводскихъ мѣстностяхъ Уфимской и Пермской губ. (7 сем.), кто на башкирскихъ земляхъ Уфимской губ. (3 сем.), и т. д.. Приведенныя данныя хотя и относятся къ меньшинству хуторовъ Кустанайскаго уѣзда, но вполне согласуются съ тѣмъ, что намъ уже ранѣе было извѣстно о возникновеніи всѣхъ вообще Кустанайскихъ хуторовъ: какъ было объяснено выше, всѣ эти хутора образованы Кустанайцами, которые, истощивъ запасы цѣлинъ въ городскомъ отводѣ и ближайшихъ его окрестностяхъ, стали затѣмъ расползаться, въ погонѣ за цѣлинами, по болѣе отдаленнымъ отъ города киргизскимъ ауламъ и волостямъ; и расползаніе это шло такъ быстро, что районъ арендаторскихъ распахекъ, еще 3 — 4 года тому назадъ кончавшійся, примѣрно въ 60 верстахъ отъ Кустаная, теперь распространился уже на 150 в. и достигъ до самой сѣверной границы уѣзда.

Аналогичный характеръ имѣетъ населеніе ближайшихъ къ Актюбинску хуторовъ Актюбинскаго уѣзда, въ томъ числѣ — переписанныхъ мною хуторовъ Пароло и Терновскаго: здѣсь всѣ хуторяне — Актюбинскіе мѣщане, ранѣе хозяйствовавшіе на Актюбинскомъ городскомъ отводѣ и ушедшіе на хутора отчасти изъ-за истощенія запаса цѣлинъ, отчасти — изъ-за стѣснительныхъ для болѣе состоятельныхъ хозяевъ порядковъ пользованія городской землею; но большинство обитателей двухъ вышеназванныхъ хуторовъ еще до водворенія въ Актюбинскѣ пожило, болѣе или менѣе продолжительное время, въ другихъ мѣстахъ: 3 семьи — въ Донской области, 2 — на казачьихъ, 2 — на башкирскихъ земляхъ Оренбургской губерніи, и т. д.. — Что касается до заселковъ и хуторовъ при-Орскаго района Актюбинскаго уѣзда — Н.-Уральскаго, Можаровскаго, Ащибутакаскаго, то значительную часть ихъ населенія составляютъ поселенцы, ранѣе жившіе въ Орскѣ и, по большей части, причисленные въ Орскіе мѣщане; такихъ семей въ трехъ поселкахъ оказалось 38 или 39,2% всего ихъ населенія, причемъ 23 изъ нихъ — въ зас. Можаровскомъ; живы въ Орскѣ, поселенцы пахали кто казачьи надѣльныя или офицерскія земли (20 семей), кто киргизскія (6 семей);

5 семей жили раньше на арендованных частновладельческих землях, 27 семей — на башкирских землях, а 6 семей имѣли купленные участки въ Уфимской губерніи.

Что касается до послѣдней и наиболѣе многочисленной группы поселенцевъ, — до обитателей десяти арендаторскихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда, то среди этой группы лицъ, жившихъ въ Кустанаѣ и ведшихъ здѣсь хозяйство, немного (въ Романовскомъ 6 дворовъ, въ Ивановскомъ 3, въ Степановскомъ 7); единственное исключеніе составляетъ въ этомъ отношеніи, какъ кажется, Михайловскій поселокъ. Очень многіе, правда, изъ нынѣшнихъ жителей поселковъ приходили въ Кустанай, привлеченные слухами о „вольномъ городѣ“, — но громадное большинство, узнавъ, что приписка въ мѣщане прекращена, оставалось въ Кустанаѣ лишь столько времени, чтобы приглядѣться къ окрестностямъ и выбрать себѣ мѣсто водворенія въ томъ или другомъ поселкѣ. Сравнительно велико въ поселкахъ — какъ видно на примѣрѣ вышеназванныхъ трехъ, — число поселенцевъ, не осѣдавшихъ нигдѣ, до водворенія въ Кустанайскомъ уѣздѣ; такіе поселенцы либо выходили изъ дому, привлекаемые слухами или письмами болѣе раннихъ поселенцевъ, съ намѣреніемъ поселиться именно въ данной мѣстности, либо проходили черезъ Кустанай, направляясь въ какія-либо другія части Азіатской Россіи — Сибирь, Степной край, Туркестанъ и т. д., и застрѣвали въ Кустанайскомъ уѣздѣ изъ-за недостатка средствъ для продолженія пути, страха предъ длинною дорогою и т. п. побужденій. Впрочемъ, отдѣльные поселки представляютъ въ этомъ отношеніи очень пеструю картину. Такъ напр. пос. Жуковскій населенъ почти исключительно поселенцами, если можно такъ выразиться, перваго порядка, т. е. такими, которые прибыли въ данную мѣстность непосредственно съ родины. Напротивъ, значительную часть населенія смежнаго съ Жуковскимъ поселка Александровскаго проживала ранѣе, въ теченіе болѣе или менѣе значительнаго числа лѣтъ, на „Оренбургской линіи“, по казачьимъ станицамъ и поселкамъ, большая часть поселенцевъ пос. Борисовскаго до водворенія въ поселкѣ „шаталась“ по киргизскимъ ауламъ и аренднымъ участкамъ, — въ „голодные“ же 1891—92 г. въ поселкѣ водворилось довольно много Самарцевъ, которые ранѣе проживали по хуторамъ, а теперь, разоренные неурожаями, увидѣли себя вынужденными причислиться къ крестьянскому обществу. Въ поселкѣ Романовскомъ имѣется 15 семей выходцевъ изъ Тамбовской, Тульской и Рязанской губерній, которыя въ разное время, съ 1867 по 1891 г., выселились съ родины въ Уфимскую губернію (куда большинство и перечислилось), и

здѣсь частью купили земельные участки, частью хозяйничали на арендованной башкирской землѣ; скоро однако имъ и въ Уфимской губерніи „показалось тѣсно“, да и „стали говорить, что въ Кустанаѣ мѣста получше“, — и одна за другой, съ 1888 по 1893 г., эти 15 семей переехали въ данную мѣстность. Въ Ивановскомъ поселкѣ 10 семей ранѣе проживали по казачьимъ станицамъ Оренбургской линіи, двѣ семьи — на башкирскихъ земляхъ; четыре семьи перешли изъ Сибири и Оренбургской губерніи, три — изъ разныхъ другихъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда. Въ Михайловскомъ, какъ я уже упоминалъ, много семей, прожившихъ болѣе или менѣе долгое время въ Кустанаѣ и приписавшихся тамъ въ мѣщане, а также такихъ, которыя ранѣе жили и хозяйствовали на казачьихъ и башкирскихъ земляхъ Оренбургской губерніи. Наконецъ особенно много вторичныхъ переселенцевъ было среди первоначальныхъ водворенцевъ пос. Степановскаго: здѣсь поселилась партія въ 30 семей уроженцевъ Уфимской губ. (бывшихъ горнозаводскихъ людей), которыя въ 1863 г. были переселенцы, съ содѣйствіемъ правительства, въ Челябинскій уѣздъ, Оренбургской губ., но не сумѣли здѣсь устроиться и къ тому-же нашли отведенный имъ надѣлъ весьма неудобнымъ по качеству почвы и отсутствію воды; затѣмъ — 11 семей, перебравшихся въ разное время, съ 1873 по 1889 г., на офицерскіе участки Оренбургской губ., а затѣмъ съ 1890 по 1892 г. перешедшихъ въ данную мѣстность; болѣе десятка семей, переселившихся въ данный поселокъ изъ другихъ поселковъ Кустанайскаго-же уѣзда или изъ гор. Кустаная, и т. д..

Исторія странствованій отдѣльныхъ партій переселенцевъ и даже отдѣльныхъ семей, особенно такихъ, которыя, со времени выхода съ родины, перемѣнили по три, по четыре и болѣе мѣстопробываній, въ подробностяхъ своихъ представляетъ много любопытнаго. Подробности эти приведены, насколько позволяли наши записи, въ приложеніи къ настоящей работѣ, въ описаніяхъ отдѣльныхъ поселковъ и хуторовъ. Здѣсь же я ограничусь приведеннымъ краткимъ обзоромъ. Этотъ послѣдній, какъ мнѣ кажется, въ достаточной мѣрѣ подтверждаетъ высказанное выше общее положеніе, что самый подборъ Тургайскихъ поселенцевъ въ значительной мѣрѣ способствовалъ развитію среди нихъ кочевыхъ, спекулятивныхъ наклонностей: весьма значительный процентъ этихъ поселенцевъ — выходцы изъ болѣе или менѣе многоземельныхъ мѣстностей, выгнанные съ родины не недостаткомъ земли, а неумѣніемъ и нежеланіемъ дать своему хозяйству надлежащее направленіе, или лица, по уходѣ съ родины уже успѣвшія такъ или иначе

устроиться на „новыхъ мѣстахъ“, но и ихъ въ свою очередь, покинувшія подъ вліяніемъ стремленія къ „лучшимъ мѣстамъ“, или наконецъ спекулянты, возведшіе въ систему дешевую аренду казачьихъ, башкирскихъ, киргизскихъ и т. п. земель и поселяющіеся во всякомъ мѣстѣ лишь съ тѣмъ, чтобы, высосавъ всѣ соки, бросить это мѣсто и перейти высасывать соки на другое, еще непочатое мѣсто. Понятно, что ни одинъ изъ этихъ элементовъ не обѣщаетъ ничего хорошаго для колонизаціи края. И нѣкоторую надежду на болѣе прочную и дѣйствительно полезную для края колонизацію позволяетъ питать только тотъ-же упомянутый выше процессъ, который наблюдается въ рядѣ поселковъ Кустанайскаго уѣзда, — процессъ замѣны перечисленныхъ ненадежныхъ элементовъ другими, болѣе надежными, — именно выходцами изъ среднихъ и малороссійскихъ губерній; замѣны переселенцевъ, ищущихъ наживы и „вольныхъ мѣсть“, переселенцами, ищущими, дѣйствительно, куска хлѣба и возможности сноснаго существованія.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Данныя поселеннаго и подворнаго опроса по отдѣль- нымъ поселкамъ и хуторамъ.

А. ПОСЕЛКИ БОРОВСКОЙ И АЛЕКСАНДРОВСКОЙ ВОЛОСТЕЙ ¹⁾.

№ 1. Поселокъ Александровскій ²⁾.

(Александровской волости).

Основателями поселка были 10 семей переселенцевъ родомъ изъ Самарской губерніи, „слѣдовавшія изъ внутреннихъ губерній Европейской Россіи для розысканія свободныхъ земель“; къ нимъ приселялись первое время по преимуществу Самарцы-же и Тамбовцы, частью изъ числа прибывшихъ въ Кустанай и не могшихъ водвориться въ немъ за прекращеніемъ приписки, частью—изъ проживавшихъ „на Оренбургской линіи“, по казачьимъ станицамъ и поселкамъ; другіе подходили по письмамъ ранѣе водворившихся переселенцевъ или останавливались въ поселкѣ случайно, направляясь въ Западную Сибирь или другія болѣе отдаленныя мѣста. Наиболѣе сильный мапльвъ переселенцевъ былъ въ 1886 г.; затѣмъ ростъ поселка, хотя и медленнѣе, по продолжался, пока жители не рѣшили „прекратить дальнѣйшую приѣмку“. По описи 1891 г. въ поселкѣ насчитывалось 284 домохозяйства. Неурожаи 1890—1892 г.г. вызвали значительное выселеніе: изъ числа однихъ только получавшихъ ссуды ушло, по официальнымъ свѣдѣніямъ, 88 семей, причемъ большинство направлялось въ „Ташкентъ“. Съ тѣхъ поръ выселенія

¹⁾ Разпросныя свѣдѣнія по всемъ этимъ поселкамъ отчасти дополнены на основаніи донесеній завѣдывавшаго въ 1891 г. поселками чиновника Мацуревича, собиравшаго свѣдѣнія по предложенной ему къ руководству краткой программѣ (всѣ донесенія — въ «дѣлѣ» Областнаго Правленія, по Хозяйственному отдѣленію, III ст., № 80/1892 г.).

²⁾ Нѣкоторыя данныя извлечены изъ особаго «дѣла о самовольно-образовавшемся поселкѣ въ 40 верстахъ отъ г. Кустаная» (дѣло Кустанайскаго уѣзднаго управленія, № 9/1888 г.).

почти не было, — напротив, изъ ушедших „въ голодные года“ до десяти семей вернулось „чуть не съ крестомъ“, а приливъ новыхъ переселенцевъ возобновился съ новою силой, такъ что лѣтомъ 1896 г. въ поселкѣ числилось уже 323 семьи, въ томъ числѣ однако причисленныхъ только 215; среди переселенцевъ послѣднихъ лѣтъ преобладаютъ уже не Самарцы, а малороссы — Полтавцы.

Первыхъ поселенцевъ киргизы встрѣтили весьма враждебно: когда они, сблюбовавъ мѣсто и никого не спрашивая, выкопали себѣ землянки (счетомъ семь), наѣхала толпа вооруженныхъ киргизъ и стала гнать ихъ прочь, грозя въ случаѣ упорства перебить ихъ; но переселенцы, встрѣтивъ киргизъ самымъ раболѣпнымъ образомъ, умиротворили ихъ, такъ что киргизы оставили ихъ въ покоѣ и вскорѣ согласились допустить ихъ пользоваться землею на арендномъ правѣ. Вскорѣ за этими первыми жителями, повидимому по приглашенію ихъ, пришли еще три небольшія партіи — въ 29, 15 и 24 семьи, всѣ — смѣшаннаго состава, но по преимуществу — Самарцы и Тамбовцы, и согласились съ „первыми жителями“ образовать одинъ поселокъ. На право пользованія землей было, однако, заключено 4 отдѣльныхъ *договора*¹⁾: первую группою переселенцевъ — съ однимъ родовымъ ауломъ, нынѣ принадлежащимъ къ 7-му, остальными тремя группами — съ четырьмя родовыми аулами, нынѣ причисленными къ 8-му административному аулу Аракарагайской волости. Въ главныхъ своихъ чертахъ всѣ четыре договора сходны между собой: арендаторы получаютъ право производить распахку по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ, уплачивая за каждую распахиваемую десятину²⁾, до начала пахоты, по 1 р. 25 к.; получаютъ право бесплатно косить сѣно, но не на заливныхъ лугахъ, а только на степи, какъ на высокихъ, ковыльныхъ мѣстахъ, такъ и по влажнымъ „ямкамъ“, пасты скотъ и завести усадьбы соотвѣтственно упомянутому въ каждомъ договорѣ числу допускаемыхъ домохозяйствъ (10, 29, 15 и 24); при этомъ однако только въ договорѣ первой группы поименованы всѣ допускаемые домохозяева; въ остальныхъ поименовано только по 2—3 довѣренныхъ, допущеніе же другихъ, не свыше указаннаго числа, предоставляло ихъ усмотрѣнію. Затѣмъ первый договоръ, заключенный на 5 лѣтъ, не устанавливаетъ никакихъ платежей, кромѣ вышеуказанной арендной платы; остальные три заключены на восемь лѣтъ, съ 1887 по 1894 годъ, и съ уплатой, кромѣ подесятинаго сбора, одновременно по 5 рублей съ cadaго допущеннаго домохозяйства. „Темныхъ“ расходовъ при заключеніи договоровъ не было; три изъ нихъ были утверждены уѣзднымъ начальникомъ, четвертый же дали только засвидѣтельствовать аульному старостѣ, а на утвержденіе не представляли — „жили частно“.

¹⁾ У меня находятся 3 изъ этихъ договоровъ: отъ 21. III. 86, съ 10 домохозяевами, отъ 19. IV. 86, съ 29 домохозяевами, и отъ 6. VI. 86, съ 15 домохозяевами.

²⁾ Здѣсь и въ дальнѣйшемъ имѣется въ виду «сороковая» десятина, равная 4000 к. с. или 1²/₃ дес. казенной мѣры.

При заключеніи договоровъ, были установлены словесно еще нѣкоторыя дополнительныя условія: во-1-хъ, установлены были границы, въ которыхъ крестьяне имѣли производить распашку и сѣнокошеніе, и въ которыхъ не должны были „вступаться“ сдатчики; во-2-хъ, киргизы-сдатчики словесно обязались не пускать въ свои владѣнія другихъ арендаторовъ; но это условіе, начиная съ 1890 года, подвергалось многократнымъ нарушеніямъ: верстахъ въ 10 къ западу отъ поселка, на арендованной у тѣхъ-же киргизъ землѣ, возникъ рядъ хуторовъ, причемъ г. Мацуревичъ связываетъ сдачу земли подъ эти хутора съ обычными выпрашиваніями впередъ арендныхъ денегъ: откажутъ поселенцы дать деньги впередъ, и киргизы, чтобы насолить, „отдаютъ землю Кустанайцамъ, чѣмъ порождаютъ тяжбы, взаимныя неудовольствія и нерѣдко драки“.

Къ іюлю мѣсяцу 1886 г. въ поселкѣ собралось уже до 50 семействъ. Получивъ объ этомъ свѣдѣнія, уѣздный начальникъ лично выѣхалъ въ поселокъ, гдѣ засталъ уже до 40 землянокъ и нѣсколько жилыхъ избъ, и „во избѣжаніе безпорядковъ“ приказалъ поселенцамъ выбрать старосту и кандидата ¹⁾).

Такъ какъ владѣнія всѣхъ пяти родовыхъ ауловъ, съ которыми заключены были договоры, лежали смежно, то фактически всѣ четыре группы поселенцевъ пользовались землею нераздѣльно, — „гдѣ захватили, тамъ и пахали“. На пріемъ новыхъ членовъ они, по буквѣ и по смыслу договоровъ, очевидно не имѣли права; такъ смотрѣла на дѣло и уѣздная администрація, и по прошеніямъ двухъ небольшихъ переселенческихъ партій о приселеніи къ поселку уѣздный начальникъ отозвался, что поселокъ образованъ на арендованной у киргизъ землѣ, „и потому пріема въ немъ быть не можетъ“ ²⁾). Въ дѣйствительности однако пріемъ происходилъ въ широкихъ размѣрахъ, причемъ принимало новыхъ пришельцевъ все „общество“, безъ различія заключавшихъ тотъ или другой арендный договоръ группъ. За пріемъ брали первое время, „смотря по семьѣ и достатку“, отъ 5—7 до 10 и даже 15 р., и деньги шли по преимуществу на постройку церкви. Теперь пріемная плата понизилась, потому что, съ одной стороны, земли повыпахались, а съ другой — „обществу деньги нужиѣ стали“, и потому оно охотнѣе принимаетъ; большею частью платятъ теперь по 5 р., рѣже („если кто шибко набивается“) — по 7 или 8 р. съ семья. А до 20 семей „живутъ такъ“, ничего не уплативъ и не получивъ пріемнаго приговора.

По истеченіи срока первыхъ договоровъ, было заключено три *новыхъ договора*, уже отъ имени цѣлаго общества. *Первый*, на 10 лѣтъ, съ 1 января 1895 по 1 янв. 1906(?) г. — съ тѣми-же четырьмя родовыми аулами административнаго аула № 8, въ составѣ всего 32 кибитковладѣльцевъ; по этому договору киргизы сдавали, за годовую плату въ 350 р., все то пространство на

¹⁾ Рапортъ 2 октября 1886.

²⁾ Рапорты 2 апрѣля 1887 г., №№ 2888 и 2905.

лѣвомъ берегу Тобола, которымъ уже ранѣе пользовались поселенцы, причемъ, подъ страхомъ неустойки въ 500 р., обязывались сами не пахать, не косить и вообще не пользоваться землей въ сданномъ участкѣ; право возведенія построекъ предоставлялось обществу уже безъ всякаго ограниченія числомъ усадебъ (т. е. другими словами общество получило неограниченное право приѣма новыхъ членовъ),—а по истеченіи 10-лѣтняго срока сдатчики обязывались, если поселенцы пожелаютъ возобновить договоръ, „ни подъ какимъ видомъ не препятствовать“. *Второй* договоръ былъ заключенъ на тотъ-же срокъ съ однимъ родовымъ ауломъ того-же админ. аула, на аренду участка пахатной земли за плату по 60 р. въ годъ; *третьй* договоръ былъ заключенъ значительно ранѣе, съ однимъ-же родовымъ ауломъ изъ 11 кибитокъ; по этому послѣднему договору общество снимало на 6-лѣтній срокъ, считая съ 1 января 1893 г., участокъ пахатной земли въ границахъ, описанныхъ по живымъ урочищамъ, съ платой по 115 р. въ годъ, причемъ сдатчики обязывались прекратить свое пользованіе въ сдаваемомъ участкѣ ¹⁾).

Этотъ послѣдній договоръ, какъ заключенный до вступленія въ дѣйствіе Положенія 1891 г., былъ утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ,—но вскорѣ изъ за пользованія сданнымъ участкомъ у Александровцевъ возникъ споръ съ обществомъ Жуковского поселка, которому тотъ-же участокъ, какъ оказалось, былъ сданъ двумя другими киргизами ²⁾. Разбирательство спора поручено

¹⁾ Изъ этихъ договоровъ въ моиѣ рукахъ были: 1-ый отъ 2. VII. 94, и 3-ий—отъ 26. VI. 92.

²⁾ Споръ этотъ возникъ на почвѣ существованія между киргизскими родовыми аулами двухъ проведенныхъ въ разное время раздѣльныхъ междъ. Какъ видно изъ «дѣла» Кустанайскаго уѣзднаго управленія № 9/1888 г., происхождение этихъ междъ слѣдующее: 26 июля 1887 г. произошла между киргизами и русскими поселенцами серьезная драка; разбирая причины ея, уѣздный начальникъ нашелъ причину частыхъ столкновений изъ за земли, доходящихъ до крупныхъ дракъ, въ томъ, «что отдѣльные киргизы, сдавая свои участки русскимъ, во-1-хъ, не вводятъ въ предварительное соглашеніе со своими одноаульцами на продажу своего участка, а во-2-хъ, не указываютъ какимъ-либо условнымъ знакомъ границу проданной земли»; во избѣжаніе «болѣе крупныхъ несправедливостей», уѣздный начальникъ приказалъ, поэтому, Аракарагайскому волостному управителю явиться въ поселки Александровскій и Жуковский, провѣрить условія на сдачу земли и пронахать въ натурѣ границы владѣнія какъ этихъ поселковъ, такъ и отдѣльныхъ арендаторовъ, живущихъ въ поселковъ (предложеніе 29. VII. 87, № 7126). Однако, убѣжденія и хлопоты волостнаго управителя, продолжавшіяся 8 дней, ни къ чему не привели: крестьяне требовали отвода земли полосой въ 15—20 верстъ длиною, изъ общихъ для всей волости дѣтовокъ, а аульный сходъ, ссылаясь на законъ, отрицалъ законность условій, заключенныхъ крестьянами съ отдѣльными лицами изъ киргизъ, и признавалъ такія условія «мошеничествомъ» со стороны сдатчиковъ,—«самоуправствомъ или самовольнымъ захватомъ земли общества»; сходъ особенно упиралъ на то, что нѣкоторые лица сдали русскимъ участки изъ общеволостныхъ дѣтовокъ, что могъ разрѣшить только волостной или даже чрезвычайный съѣздъ. Тѣмъ не менѣе сходъ, сдавая на настоянія управителя, приступилъ къ указанію границъ пользованія поселанъ; но тогда «возмутились въ свою очередь поселане и не только наотрѣвъ отказались отъ участія въ этомъ дѣлѣ, но было замѣчено, что готовы затѣять драку»; въ силу этого управитель долженъ былъ уѣхать ни съ чѣмъ и просилъ уѣзднаго начальника послать на мѣсто кого-либо изъ русскихъ чиновниковъ «тѣмъ болѣе, что русскіе поселане никакой компетентности по отношенію къ нимъ въ киргизскомъ волостномъ управителѣ не признаютъ» и «ни одному изъ киргизскихъ властей немислимо согласовать интересы пришлыхъ русскихъ поселанъ, накопившихся болѣе 300 или 400 домовъ и стремящихся захватить въ свою пользу неограниченное количество земли, съ интересами киргизъ, желающихъ удержатъ за собой право пользованія владѣнными ими землями» (рапортъ волостнаго управителя 7. VIII. 87, № 620). Тогда былъ командированъ на мѣсто помощника уѣзднаго начальника Эгертъ, который, по указанію аульнаго схода, лично провелъ между временнаго пользованія поселка Александровскаго и провѣрилъ всѣ условія киргизъ съ крестьянами, поселившимися «въ такъ называемомъ поселкѣ Жу-

было уѣзднымъ начальникомъ Александровскому волостному старшинѣ, который при разрѣшеніи его сталъ на чисто формальную точку зрѣнія и рѣшилъ дѣло въ пользу Александровцевъ, какъ опирающихся на формальный, утвержденный уѣзднымъ начальникомъ договоръ, тогда какъ договоръ Жуковцевъ остался безъ утвержденія и имѣлъ лишь „частный“ характеръ (см. актъ старшины Павленко отъ 22 апрѣля 1894); но Жуковцы повели дѣло въ судебномъ порядкѣ и выиграли его какъ у мирового судьи, такъ, по апелляции, и въ Троицкомъ окружномъ судѣ. Впрочемъ, это послѣднее рѣшеніе послѣдовало только въ 1896 г., а до тѣхъ поръ въ спорномъ участкѣ пахали и Александровцы, и Жуковцы, плату же за первый годъ внесли Александровцы; они-же уплатили 75 руб. и за второй годъ,—а затѣмъ, начиная съ третьяго года, за участокъ не платила ни та, ни другая сторона.

Что касается до первыхъ двухъ договоровъ, то они не были утверждены, за вступленіемъ въ дѣйствіе Положенія 1891 г., но засвидѣтельствованы аульнымъ старшиною и дѣйствуютъ „частно“. Крестьяне „сбобчили“ оба участка, разбили землю на три поля и передѣлили ее по рабочимъ душамъ (кромя имѣсть при колодцахъ, которыя оставили подъ выгонъ); передѣль произвели безъ обмѣра: разбили пашни на участки, размѣромъ обратно пропорціональные качеству земли, и разобрали эти участки по жребію.

Арендная плата также разложена по душамъ рабочаго возраста. Прежде она собиралась общественнымъ сборщикомъ и выплачивалась довѣренному киргизъ-сдатчиковъ. Теперь послѣдніе собираютъ деньги „каждый самъ“: каждый киргизъ имѣетъ право взимать плату съ опредѣленнаго числа кварталовъ, сколько приходится „по расчисленію“, и беретъ „чѣмъ попало“: деньгами, хлѣбомъ, вещами и т. п.. При этомъ тѣ, „кто побойчѣй“, забираютъ деньги, нерѣдко, и съ тѣхъ, съ кого получать должны другіе,—но это не причиняетъ ущерба арендаторамъ; если и явится „настоящій хозяинъ“, то достаточно показать ему росписку или даже просто сказать, что деньги уплачены такому-то, — и киргизъ вторыхъ денегъ не потребууетъ: „поахаетъ, говорятъ крестьяне, скажетъ, что видно таланъ у него много, сколько денъга собралъ,—да и поѣдетъ себѣ домой“.

ковскомъ» (донесеніе Эгерта отъ 14. VIII. 87), послѣ чего уѣздный начальникъ донесъ областному начальству о совершенномъ и благополучномъ окончаніи дѣла.

Между тѣмъ въ апрѣлѣ 1888 года три поселенца Кустаная заарендовали у киргизъ участокъ земли, смежно съ пользованіемъ Александровскихъ и Жуковскихъ крестьянъ, но безъ ограниченія участка въ натурѣ. Отсюда вытекли новыя недоразумѣнія, для разрѣшенія которыхъ въ поселки выѣхали конно-полицейскій стражникъ, Аракарагайскій управитель и Кустанайскій волостной старшина Мачневъ; они собрали аульный сходъ, который провелъ новую границу и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ «прежнюю границу, проведенную въ присутствіи старшаго помощника Эгерта измѣнить и не считать ее дѣйствительною, такъ какъ она была проведена не правильно» (актъ 20 апрѣля 88). Эта новая межа была утверждена и вновь собраннымъ въ сентябрѣ того-же года аульнымъ сходомъ (донесеніе Аракарагайскаго волостнаго управителя 15. IX. 88, № 922); тѣмъ не менѣе Жуковцы, для которыхъ она была невыгодна, объясняютъ дѣло взяткой, полученной Мачневымъ отъ Александровцевъ и утверждаютъ, что Мачневъ за благопріятное для нихъ наравленіе дѣла вымогалъ и отъ нихъ взятку въ 25 рублей.

При упоминаемой въ текстѣ двойной сдачѣ киргизы, сдавшіе землю Жуковцамъ, основывались на межѣ Эгерта, а сдавшие ту-же землю Александровцамъ—на межѣ Мачнева (см. актъ волостнаго старшины Павленко отъ 22. IV. 94.).

Въ настоящее время крестьяне въ обоихъ арендованныхъ отъ имени общества участкахъ пахутъ мало — „и десятая доля не пахетъ въ участкахъ: все выпалили, бросились на новую землю“. Огромное большинство посѣвовъ — на землѣ, арендованной „частно“, по одиночкѣ или небольшими артелями; „частно“ арендуютъ и на своемъ берегу Тобола, и за рѣкой („тамъ больше — свѣжія земли ближе“), отъѣзжая для этого за 15—25 и до 60 верстъ: всѣ за-Тобольные поселки жалуются, что „Александровскіе подпахались“; нѣкоторые дворы перебрались на займки, но большею частью, даже и арендуя земли поодаль, остаются жить въ поселкѣ.

Условія арендованія земли довольно однообразны. Прежде снимали землю на деньги, — теперь же чисто-денежная форма аренды для отдѣльныхъ лицъ или небольшихъ группъ, благодаря Положенію 1891 г., стала невозможной. Обычною формою аренды у болѣе или менѣе состоятельныхъ крестьянъ является теперь аренда „изъ третьей борозды“: арендаторъ поднимаетъ цѣлину своимъ инвентаремъ, уступая за это сдатчику третью часть вспаханной земли; если сдатчикъ самъ не засѣваетъ своей доли, онъ обязанъ „продать“ ее тому-же съомщику по заранѣ условленной цѣнѣ — 5 или 6 р. за десятину; ему-же онъ обязанъ сдать землю подъ посѣвъ по обороту (цѣна оборотовъ тоже заранѣ условливается, обыкновенно около 2-хъ, рѣже 3 р. за дес.), — и только въ случаѣ отказа его можетъ сдать и свою долю цѣлины, и обороты, третьему лицу. Чаще всего, впрочемъ, такія сдѣлки являются фиктивными: „дашь ему, говорятъ крестьяне, по 2—3 рубля съ десятины, — онъ уже въ свою часть и не вступается“, — и такимъ образомъ сдача „изъ третьей борозды“ сводится къ сдачѣ за денежную плату по 2—3 рубля съ десятины.

Арендныя сдѣлки другого рода — именно съемъ земли съ обработкой скотомъ сдатчика-киргиза — у Александровскихъ поселенцевъ рѣдки; мало-скотные обыкновенно спрятываются, причемъ плугъ либо заводится на общій счетъ, либо принадлежитъ одному изъ найщиковъ, которому за это пахутъ лишнихъ поддесятины.

Подъ бахчи землю снимаютъ на деньги, по 3 р. за десятину, — но при этомъ нерѣдки „обида отъ своихъ, кто побогаче“: „завелъ бахчу въ 10—15 дес., думаешь на будущій годъ посѣять просо или пшеницу, — а богатый сниметъ на другой годъ большое мѣсто земли и твое бахчевье заберетъ“.

Покосы приходится снимать поодаль, верстахъ въ 15—20 и до 30 ниже по Тоболу — у „своихъ“ киргизъ покосовъ мало; прежде снимали покосы по лѣсамъ за Тоболомъ, — теперь „лѣсничіе отказали“. Снимаютъ покосы „окружками“ — цѣна зависитъ отъ урожая; случаи поддесятиннаго найма луговъ рѣдки; въ одномъ случаѣ за сороковую десятину было заплачено 5 р. и 2 пуда муки. Кобылы снимаютъ только въ дождливый годъ — тоже „окружками“; цѣна — „какъ угодись, гдѣ дешево, гдѣ дорого“. Изъ части не косать.

Со стороны сдатчиковъ при арендахъ „обида никакой“: они — „молодцы, вѣрные“, — дѣла дѣлаютъ „по совѣсти“, „оборотовъ (см. выше) безъ спроса не сдаютъ“. Случаи обмана конечно бываютъ, — но гдѣ не бываетъ обмановъ! — „нашъ братъ ловчѣе киргиза“.

Вообще — *отношенія съ киргизами* самыя дружелюбныя: „сперва страшно было, — не знали ихъ, — да и обижали они, били, коней уводили“. Теперь стало „вовсе хорошо: перезнакомились, тамырами стали; киргизъ насъ за десять верстъ видитъ — говоритъ: „свой человекъ“; всегда за насъ заступится“. Покражи скота сократились, — да и то „этихъ больше русскіе занимаютъ“. Изъ-за потравъ тоже нѣтъ особыхъ недоразумѣній: потравы конечно бываютъ, — но „сходимся миролюбно; когда дорого возьмешь, а когда дешево, а то и вовсе простишь: покоряемся, — въ ихъ вѣдь мы рукахъ!“ Вздять другъ къ другу въ гости, угощаются, каждый по своему обычаю. Молодежь русская выучилась по киргизски, киргизская — по русски.

Киргизскія зимовки стоятъ около самого поселка; вплотную къ полѣдному подходят и покосы киргизъ, — но для сѣнокоса прикочевываютъ къ лугамъ только работники, скотъ же остается на степи. Неудобства отъ близости зимовокъ крестьяне не ощущаютъ. За то сильно стѣсняють въ пространеніи запашекъ арендаторскія займки, которыя расположены въ 10 — 12 верстахъ отъ поселка, пашни же ихъ подходятъ значительно ближе.

У киргизъ-сдатчиковъ и кромѣ пространствъ, состоящихъ въ пользованіи Александровцевъ, еще очень много земли: за Тоболомъ они же сдаютъ массу земли „частно“, а на степи, къ западу отъ поселковъ, на ихъ землѣ расположилось нѣсколько мѣщанскихъ хуторовъ (въ томъ числѣ такой крупный, какъ хут. Никитиныхъ), — въ общемъ же они сдаютъ въ разныя руки еще большую площадь земли, нежели состоятъ въ пользованіи поселка.

Участокъ, арендуемый Александровскимъ обществомъ, расположенъ только на лѣвомъ берегу Тобола; мѣстность представляетъ собою ковыльную степь со слабымъ склономъ къ рѣкѣ, почти сплошь паханную или удобную для пахоты. Специальныхъ покосовъ нѣтъ — косятъ бурьянъ по залежамъ и ковыль на цѣлинахъ или снимають луга ниже по Тоболу; у „своихъ“ киргизъ луговъ мало — „и себѣ не хватаетъ“. Водопой имѣется только въ Тоболѣ, но къ рѣкѣ, по договору, скотъ Александровцевъ до скоса травы не имѣетъ доступа; на это время договоръ предоставляетъ крестьянамъ водопой въ оз. Муюзды, но озеро это нынѣ высохло, такъ что водой пользуются только изъ колодцевъ, глубиной въ 6—8 сажень; на пашню воду возять съ Тобола. Въ случаѣ „нарѣзки“ Александровцы считаютъ необходимымъ получить свободный доступъ къ Тоболу.

Земледѣліе ведется по переложной системѣ; хотя „общественный“ участокъ и разбили на три поля, но паровъ еще никто не пашетъ, а все ищутъ цѣлины. Съ цѣлины снимають 2—3 хлѣба, послѣ чего иногда, давъ

3—4 года отдыха, поднимаютъ опять; сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу — больше кубанку; проса, ржи, овса сѣютъ „по малости“ — всѣ эти хлѣба родятся болѣе или менѣе плохо. Подсолнуховъ сѣютъ совсѣмъ мало; бахчи у нѣкоторыхъ — до $\frac{1}{2}$ дес., но у большинства — не болѣе 2—5 ($\times 40$) сажень: мѣста для подсолнуховъ и бахчей здѣсь хуже, чѣмъ подь Орскомъ. — Пахутъ малороссійскими плугами, на быкахъ; „русскія“ сохи — только у однолошадныхъ.

О *размѣрахъ хозяйства* даютъ приблизительное понятіе слѣдующія среднія цифры, извлеченныя изъ вѣдомости, составленной для „Обзора“ области за 1895 годъ:

Лошадей	1, ₁
Быковъ и коровъ	4, ₂
Овецъ	2, ₃
Десятинъ посѣва	6, ₃

Общій тонъ показаній Александровскихъ поселенцевъ свидѣтельствуетъ о полномъ довольствѣ ихъ своимъ положеніемъ, и вообще поселокъ пользуется репутациею зажиточности. Признаками послѣдней являются уже многочисленность домохозяевъ, живущихъ на хуторахъ, малое развитіе арендныхъ сдѣлокъ съ обработкой скотомъ сдатчиковъ, многочисленныя клады хлѣба. Впрочемъ, нѣкоторые домохозяева ходатайствуютъ о разрѣшеніи перейти „на Ишимъ“, главнымъ образомъ изъ за недостатка въ водопояхъ и въ лѣсѣ; въ послѣднемъ отношеніи „обижаются“ преимущественно усиленіемъ лѣснаго надзора, затруднившимъ безошлинную рубку лѣса („насчетъ лѣсовъ ноньче крѣпко стало“).

№ 2. Поселокъ Жуковскій

(Александровской вол.).

Первый водворился на мѣстѣ нынѣшняго поселка нѣкій солдатъ Жуковъ, родомъ изъ Самарской губерніи, по имени котораго и поселокъ получилъ свое наименованіе. По словамъ г. Мацуревича ¹⁾, „названіе это дано было бывшимъ губернаторомъ Проценко, — причеиъ въ этой мѣстности дозволено было поселиться не болѣе 100 дворовъ, но Кустанай переполнившись новыми выходцами, а отчасти и переселенцы изъ ауловъ, заселили мѣстность до стѣненія, такъ что подворья и огородныя земли стали дробиться и сдѣлалось затруднительнымъ дальнѣйшее поселеніе“. Сами крестьяне описываютъ исторію заселенія поселка совершенно иначе. По ихъ словамъ, дѣйствительными *основателями поселка* были двѣ небольшія артели: 4 семьи Саратовцевъ и 6 семей Самарцевъ, которыя заарендовали

¹⁾ Довес. 21. VI. 91, № 61.

землю по двумъ договорамъ и въ концѣ 1886 г. переехали на заарендованное мѣсто. Къ веснѣ 1887 года они успѣли принять къ себѣ до 50 семей земляковъ, а лѣтомъ того-же года приняли, повидимому по распоряженію мѣстной администраціи, двѣ большія партіи, всего до 200 семей, тоже по преимуществу Саратовцевъ и Самарцевъ, которые направлялись въ Западную Сибирь и остались здѣсь по неизмѣннѣ средства для дальнѣйшаго слѣдованія.

Около того-же времени или нѣсколько позже пришла первая небольшая партія (9 семей) Пензенцевъ; вышли эти Пензенцы изъ дому еще въ 1880 г., направляясь въ Томскую губернію; но услыхавъ въ пути, что „тамъ холодно“, измѣнили намѣреніе и пошли въ Кустанай; и здѣсь однако они не пожелали водвориться, во-1-хъ, потому, что „хотѣли мужиками жить, а не мѣщанами“, а во-2-хъ,—потому, что въ Кустанаѣ церкви не было,—въ Затобольскомъ же поселкѣ не нашли удобныхъ мѣстъ для огородовъ; поэтому они ушли „на ливію“ и жили по станицамъ лѣтъ семь, ожидая устройства крестьянскихъ поселковъ, а какъ только прослышали, что поселки устраиваются, тотчасъ-же перешли въ Жуковскій поселокъ, куда за ними стали подходить и ихъ земляки, число которыхъ нынѣ дошло до 50 семей.

Массовое заселеніе поселка закончилось 1888 годомъ, къ концу котораго было налицо 223 семьи. Къ 1891 году, по регистраціи г. Мацуевича, число дворовъ возросло весьма незначительно, только до 237-ми, изъ которыхъ было: Самарскихъ 66 семей, Саратовскихъ — 61 семья, Пензенскихъ—29, Воронежскихъ — 27, Тамбовскихъ—20. Послѣ этой регистраціи, въ „голодный годъ“, ушло въ „Ташкентъ“ и Семирѣчье до 20 семей (уходили болѣе состоятельные—„у кого силы хватало“); затѣмъ до 20 семей въ разное время ушло „на Ишимъ“, нѣкоторые — назадъ „на старину“,—всего выселилось до пятидесяти семействъ. На мѣсто ихъ *продолжали приселяться*, поодиночкѣ или небольшими группами, родственники и земляки болѣе раннихъ поселенцевъ. Къ лѣту 1896 года число домохозяйствъ дошло до 284, изъ которыхъ однако менѣе половины — 128 семей—были уже перечислены по мѣсту проживанія. Какъ и прежде, среди населенія преобладаютъ Самарцы и Саратовцы, а слѣдующую по численности группу составляютъ Пензенцы, численность которыхъ нынѣ, какъ я уже сказалъ, доходитъ до 50 семействъ. Изъ двухъ улицъ поселка половина одной, главной, заселена Самарцами, другая—Саратовцами; на другой улицѣ половину занимаютъ Пензенцы, другую — переселенцы изъ разныхъ другихъ губерній, представленныхъ менѣе значительными группами дворовъ.

Земля первоначально снята была хотя и у однихъ и тѣхъ-же сдатчиковъ (киргизъ, 7 аула Аракарагайской волости, Джатабая Машенова и Мурзабека Сахандыкова съ одноаульцами), но по *двумъ отдѣльнымъ условіямъ*¹⁾: первое заключено было Саратовцами—С. Починскимъ съ пятью товарищами, второе—Самарцами, П. Бѣляевымъ съ тремя товарищами; оба

¹⁾ Условій этихъ я въ рукахъ не имѣлъ, а записалъ ихъ содержаніе со словъ крестьянъ.

условія заключены были срокомъ на 6 лѣтъ, но съ тѣмъ, что „если долше проживемъ — не притѣснять“; каждой артели отводилось для распашки пространство, обозначенное живыми урочищами и въ натурѣ обведенное бороздою; плата условлена была по 1 р. 50 к. съ каждой распаханной десятины, но съ обязательствомъ уплачивать не менѣе, какъ за 33 десятины; право возведенія усадебъ, выпаса скота и сѣнокошенія на степи предоставлялось переселенцамъ бесплатно; право арендаторовъ принимать новыхъ „товарищей“ не подвергалось никакимъ ограниченіямъ, но за то и сдатчики не брали на себя обязательства прекратить пользованіе въ сданныхъ участкахъ.

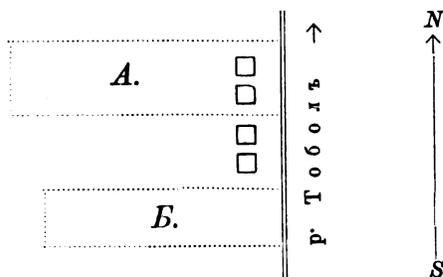
Выше ¹⁾ было уже указано, что сдача земли Жуковцамъ послѣдовала безъ соглашенія сдатчиковъ съ аульнымъ обществомъ, почему и повела къ *крупнымъ недоразумѣніямъ* и даже дракамъ; только личное вмѣшательство помощника уѣзднаго начальника побудило аульный сходъ признать сдачу и указать временному пользованію крестьянъ удобныя для послѣднихъ границы.

Такъ какъ участки, снятыя обѣими артелями, были смежны между собой, то ихъ сейчасъ-же „стыбчили“ и начали пользоваться землею „заодно“. Заодно-же принимали и новыхъ водворенцевъ, взимая съ нихъ за пріемъ отъ 3—5 и до 10 рублей и употребляя всѣ полученныя деньги на постройку церкви. Впрочемъ, такого рода денегъ общество собрало немного: бѣднѣйшихъ принимали бесплатно, и бесплатно-же послѣдовалъ пріемъ обѣихъ крупныхъ партій, направленныхъ въ поселокъ мѣстною администраціей.

Срокъ обихъ арендныхъ договоровъ истекъ въ 1893 году. Жуковское общество, конечно, собиралось *возобновить аренду*, — но это ему не удалось: „перебили городскіе“ — арендаторы изъ мѣщанъ, прельстившіе киргизъ болѣе высокою цѣной и одновременно выплатой всей арендной суммы; на мѣстности, равнѣ состоявшей въ пользованіи Жуковцевъ, возникло пять крупныхъ арендаторскихъ заимокъ, изъ нихъ двѣ — въ 3 и 4 верстахъ отъ поселка, и заимки эти захватили въ свое пользованіе всѣ открытыя воды и лучшія пашни. Крестьянамъ удалось заарендовать у киргизъ только часть прежде арендовавшейся ими земли, смежную съ общественнымъ участкомъ Александровскаго поселка (на чертежѣ лит. А ²⁾); мѣстность

¹⁾ Стр. 4—5, примѣчаніе.

²⁾ Видъ современнаго землевладѣнія Жуковцевъ поясняется слѣдующимъ схематическимъ чертежомъ:

эта снята по условію, заключенному на три года (1895 — 97) съ киргизами того-же 7-го аула Аракарагайской волости, Альжаномъ Жандабуловымъ и Калдарбекомъ Данаевымъ, за плату по 130 рублей въ годъ. Насчетъ остальной земли, прежде состоявшей въ ихъ пользованіи, крестьяне просили помощи уѣзднаго начальника, но „онъ говоритъ — земля киргизская“; тѣмъ не менѣе уѣздный начальникъ посоветовалъ Жуковцамъ снять полосу (на чертежѣ—В), прилегающую съ юга къ пространству, „отбитому“ арендаторами-иѣщанами, якобы обѣщая въ такомъ случаѣ „прогнать“ послѣднихъ. Крестьяне послушались и дѣйствительно сняли указанный уѣзднымъ начальникомъ участокъ (у киргизъ 6 аула Нуржана и Баймухамета Худабаевыхъ), на тотъ-же трехлѣтній срокъ и за такую-же плату въ 130 р. въ годъ. Между тѣмъ уѣздный начальникъ стороннихъ арендаторовъ не устранилъ—а участокъ В самъ по себѣ Жуковцамъ „ни къ чему“, тѣмъ болѣе что сдатчики ихъ обманули: при заключеніи договора отвели участокъ въ болѣе тѣсныхъ границахъ, нежели было условлено при осмотрѣ, исключивъ изъ него водоной и лучшія пахатныя мѣста, которыя тоже сдали арендаторамъ-иѣщанамъ.

Такимъ образомъ въ настоящее время Жуковское общество *пользуется по контрактамъ только двумя неширокими полосами земли* (по поводу одной изъ которыхъ только въ 1896 г. окончательно выиграло тяжбу съ Александровцами); въ промежуткѣ между этими полосами они снимаютъ землю „частно“, — но тоже въ небольшихъ размѣрахъ: лучшія мѣста, ранѣе сдававшіяся Жуковцамъ, теперь заняты упомянутыми уже пятью займками; дальше на западъ, верстахъ въ 15 отъ поселка, тянется цѣлый рядъ займковъ, снимающихъ землю у тѣхъ же сдатчиковъ, а еще дальше, къ сѣверо-западу, начинаются обще-лѣтовочныя пространства, гдѣ земля не сдается въ аренду. Такимъ образомъ на лѣвомъ берегу Тобола, вблизи поселка, „городскіе все распахали, — намъ-бы и въ 20 лѣтъ не распахать цѣлой земли“; изъ этого „и пахать вокругъ поселка негдѣ: они всѣ хорошія мѣста взяли, — остались одни послѣды да выпашки“. Независимо отъ этого, на степи къ западу отъ теченія Тобола Жуковцы неохотно пашутъ и изъ за отсутствія открытыхъ водъ. Въ результатѣ всѣхъ этихъ обстоятельствъ Жуковцы пашутъ по „частной“ арендѣ главнымъ образомъ за Тоболомъ, забираясь за 25—30 верстъ и далѣе (на Жуковцевъ, какъ и на Александровцевъ, жалуются вся Боровская волость, что „подпахались“).

„Частная“ аренды происходитъ большею частью на деньги, причемъ обыкновенно платятъ:

за десятину цѣлины или оборота . . .	1 р. 50 к., рѣже 2 р.
„ „ за озеромъ Кайранкуль, у воды.	до 2 р. 50 к.
„ „ „третьяка“	1 р.—1 р. 50 к.
„ „ старой земли	40—50 к..

Въ первые годы по прибытіи новоселовъ цѣны на цѣлины были дешевле, такъ какъ тогда киргизы „ковылемъ не дорожили“; напротивъ, на обороты и третьяки—гораздо дороже, потому-что „залогѣ распахивать было нечѣмъ“, и всѣ гнались за паханными землями. Въ то время платили:

за десятину цѣлины	1 р., рѣже 1 р. 50 к.
„ „ оборота	отъ 1 р. 50 к.—2 р. до 4 рублей.
„ „ третьяка	„ 1 „ 50 „ —2 „ „ 3 „ .

Впрочемъ такія цѣны, какъ 3—4 р., платили только „по нуждѣ“ и притомъ не киргизамъ, а своимъ-же зажиточнымъ крестьянамъ, снимавшимъ землю задешево у киргизъ и передававшимъ ее враздробь, по значительно повышенной цѣнѣ; по свѣдѣніямъ г. Мацуревича, къ такому съему изъ вторыхъ рукъ прибѣгало 37 изъ 234 наличныхъ въ 1891 г. домохозяйствъ.— Благодаря недостатку у многихъ переселенцевъ рабочаго инвентаря, за обработанныя земли платили очень дорого: отъ 6—8 до 10 и 12 рублей, тогда какъ теперь за поднятую цѣлину платятъ не дороже 5—6 рублей.

Что касается до *натуральной аренды*, то съемъ земли „изъ третьей борозды“ съ обработкой инвентаремъ съемщика у Жуковцевъ не въ обычай: состоятельные крестьяне предпочитаютъ денежную аренду. За то очень въ обычай „пахать съ киргизами“: съемщикъ пашетъ землю быками сдатчика, за что отдаетъ ему двѣ трети, а себѣ беретъ одну треть поднятой цѣлины, и затѣмъ свою часть каждый съѣтъ и убираетъ самъ; чаще всего, впрочемъ киргизы и свои двѣ трети „продаютъ намъ-же, по 5—6 р. за десятину“, т. е. другими словами натуральная форма прикрываетъ собой денежную, причѣмъ три десятины земли вмѣстѣ съ работой скота (4 пары быковъ) обходятся съемщику отъ 10 до 12 рублей.—Обыкновенно съемщикъ выговариваетъ себѣ при этомъ преимущественное право снять и обороты, — но въ этомъ киргизы часто обманываютъ: „дать поднять залогъ,—а оборотъ отдаетъ другому“.

Аренда покосовъ встрѣчается съ затрудненіями: луговъ на Тоболѣ киргизы почти не сдаютъ, а косятъ сами; снимаютъ для сѣнокошенія либо бурьянистыя залежи, по 50—60 к. за десятину, либо лѣсные покосы за Тоболомъ; эти покосы снимаются „кругами, — когда дешево обходится, а когда и дорого“.

Спекулятивная аренда очень въ ходу и до сихъ поръ: зажиточные крестьяне снимаютъ большими площадями обороты и передаютъ ихъ подесятинно бѣднякамъ; другіе „торгуютъ травой“—снимаютъ съ зимы „окружки“ сѣнокоса и переискупаютъ ихъ лѣтомъ по мелочамъ; третьи сдаютъ для сѣнокошенія бурьянъ, выросшій по залежамъ на заарендованныхъ на нѣсколько лѣтъ участкахъ, и т. д..

Крестьяне очень жалуются на *необезпеченность „частныхъ“ арендъ* и на случающіеся на почвѣ ихъ обманы. Главная бѣда—что мелкія аренды

остаются вовсе безъ официальной санкціи: „сунься къ аульному,—а онъ безъ трехъ рублей печать не приложитъ“; сами киргизы ни за что не идутъ къ своимъ аульнымъ, такъ какъ тѣ ихъ обираютъ, а русскіе старосты условій не свидѣлствуютъ; приходится ограничиваться заключеніемъ сдѣлокъ при свидѣтеляхъ, а отсюда—масса обмановъ, двойныхъ и тройныхъ сдачъ и т. п. ¹⁾ Киргизу очень донимаютъ своихъ арендаторовъ постояннымъ выпрашиваніемъ подарковъ, угощеній и т. п., — если-же имъ отказываютъ,—они обижаются и въ сердцахъ передаютъ землю постороннимъ лицамъ ²⁾).

На вопросъ, не обманываютъ-ли сами арендаторы киргизъ, сначала отвѣчаютъ отрицательно: „гдѣ ужъ тутъ—мы у нихъ въ рукахъ!“ Но затѣмъ сознаются, что „развѣ когда на вершокъ сажень накинешь“; впрочемъ „теперь русскіе киргизъ образумили, — они сами умѣе русскихъ стали: самъ смѣрять, а не умѣеть—другого позоветъ мѣрять“.

У киргизъ-сдатчиковъ, какъ уже упоминалось, земли весьма много: кромѣ бывшей „общественной“ земли, на которой устроилось 5 заимокъ, они-же сдаютъ землю дальше на западъ еще подъ цѣлый рядъ крупныхъ заимокъ, а за Тоболомъ сдаютъ много земли „частно“. Впрочемъ, въ избыткѣ киргизы имѣютъ только пахатныя степи; хорошихъ покосовъ у нихъ скорѣе мало, чѣмъ много.

Мѣстность, гдѣ расположенъ поселокъ, весьма благопріятна для водворенія: земля очень хороша — „можно кормиться: года два-три полежить, и опять можно пахать“. Похуже пашни только въ ближайшей къ поселку и Тоболу полосѣ,—дальше (гдѣ заимки) почва очень хороша. Покосовъ хорошихъ въ общественныхъ участкахъ нѣтъ—босятъ „вой-гдѣ по низямъ“, а главное—бурьянъ по залежамъ; у киргизъ есть хорошіе покосы и на Тоболѣ, и по лѣсамъ, но они держатъ ихъ „про себя“ и не сдаютъ. Насчетъ воды—нѣкоторое „утѣсненіе“: къ Тоболу заарендованный участокъ примыкаетъ только у усадебъ, а дальше—сейчасъ начинаются киргизскіе луга и лѣтнія стойбища, такъ что скота къ водѣ прогнать негдѣ; въ полѣ устроена запруда, гдѣ вода обыкновенно держится до конца лѣта,—и два колодца: одинъ, въ 2 саж., выкопанный обществомъ; другой, въ 4 саж. глубины, въ 7 верстахъ отъ поселка, вырытый однимъ крестьяниномъ и предоставленный имъ въ общее пользованіе; еще дальше „на задахъ“—вода на глубинѣ 10—12 сажень.

По степени благосостоянія Жуковскій поселокъ стоитъ приблизительно на одномъ уровнѣ съ Александровскимъ; нѣкоторое понятіе о раз-

¹⁾ Одинъ киргизъ, рассказываютъ крестьяне, сдалъ участокъ земли сначала одному крестьянину, потомъ другому. Когда первый его въ этомъ уличилъ, онъ сконфузился и говоритъ: «твоя другой земля дамъ,—зачѣмъ двой одно мѣсто пахать!»

²⁾ «У киргиза-старика, говорятъ крестьяне, было два сына — *на* и *дай*; *на* померъ, а *дай* остался».

мѣрахъ благосостоянія даютъ слѣдующія среднія цифры, извлеченныя изъ вѣдомости, доставленной для „Обзора“ за 1895 годъ:

На дворъ лошадей.	1,1
„ „ коровъ и быковъ	4,7
„ „ овецъ	5,3
„ „ десятинь посѣва	7,0

Но распределение благосостоянія очень неравномерно: не говоря уже объ индивидуальныхъ различіяхъ, по низкому уровню благосостоянія рѣзко выдѣляется цѣлая группа пензенцевъ; это потому, что они и пришли всѣхъ бѣднѣе, и очень консервативны: они пахутъ по малу и упорно держатся сохъ, — даже состоятельные, которые могли-бы завести плуги. Самарцы, напротивъ, — „кто и худо живетъ, а много пашетъ“, и непременно плугомъ: нѣтъ быковъ, — спражется или съ киргизомъ будетъ работать и непременно плугъ достанетъ.

Въ общемъ очевидно *новоселы довольны* условіями жизни на новомъ мѣстѣ; объ этомъ свидѣтельствуютъ уже постоянные разговоры о „нарѣзкѣ“: поселенцы увѣрены въ своемъ правѣ получить надѣлъ; они ссылаются на обѣщанія прежней мѣстной администраціи, на то, что они причислены и платятъ волостные сборы; особенно упираютъ на то, что выстроили храмъ — „мѣсто недвижимое“, и что подъ давленіемъ администраціи должны были выстроить школу и магазинъ. Къ отсутствію „нарѣзки“ сводятъ всѣ бѣды; при „нарѣзкѣ“ и урожаи были-бы лучше, — „раздѣлили-бы землю на три влина, а то не даютъ и отдохнуть, — чуть брось ее, а бѣдота распашетъ“; и колодцы-бы покопали, — „а сейчасъ нельзя: колодецъ стоитъ 30—40 р., а черезъ 3—4 года еще киргизы земли не сдадутъ“; и водопой у Тобола можно-бы прирѣзать, и луга у киргизъ отобрать. А теперь изъ-за отсутствія „нарѣзки“ и не строятся порядкомъ, и живутъ кое-какъ; изъ-за этой же причины, въ значительной мѣрѣ, происходило и выселеніе, и изъ-за нея-же и теперь до 30 семей ходатайствуютъ о переселеніи въ Акмолинскую область: „если будетъ нарѣзка, пожалуй всѣ здѣсь останутся“.

№ 3. Поселокъ Романовскій.

(Александровской волости).

Главные результаты подворной описи: Наличное число домохозяиствъ: 90, изъ нихъ отдѣлившихся на «новомъ мѣстѣ» 10, вышло съ родины 80.

На родинѣ имѣли: десят. надѣльн. земли 810, гол. рабоч. скота 413, дес. посѣва 677, или въ средн. на семью > > > 10,1 > > > 5,2 > > 8,5.

Въ числѣ 80 семей было:

безземель- ныхъ	имѣвшихъ надѣльной земли.			
	до 5 дес.	5—10 д.	10—20 д.	болѣе 20 д.
7	14	26	24	9
или въ процентахъ 8,7	17,5	32,5	30,0	11,2

Не съав- шихъ	засѣвавшихъ десятинь.				
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	болѣе 20
4	> 5	18	33	18	> 2
или въ процентахъ 5,0	> 6,2	22,5	41,2	22,5	> 2,5

Арендовали землю 50 семей или 62,5⁰/₁₀₀, снимавшія 275 десятинь.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 108, Раб. быковъ 301, Дойн. коровъ 123, Дес. посѣва ¹⁾ 910,
или въ средн. на семью: рабочаго скота 4,5, > > 1,4, > > 10,1.

Отдѣльно для 80 семей, прибывшихъ до 1892 г. включительно:

рабочаго скота 376, дес. посѣва 817
или въ среднемъ > > 4,7 > > 10,2.

Распределение дворовъ по рабочему скоту:

Безъ рабочаго скота 9 сем. или 10⁰/₁₀₀.
Работающихъ лошадьми: однолошадныхъ 32 или 35,6⁰/₁₀₀, двулошадныхъ 6 или 6,7⁰/₁₀₀.
Работающихъ быками: имѣющихъ до 3 головъ . . . 3 или 3,3⁰/₁₀₀
> 4—6 > . . . 12 > 13,3⁰/₁₀₀
> 7—10 > . . . 15 > 16,7⁰/₁₀₀
> 11—16 > . . . 9 > 10,0⁰/₁₀₀
> болѣе 16 > . . . 3 > 3,3⁰/₁₀₀.

Распределение дворовъ по пахатнымъ орудіямъ:

Безъ пахатнаго орудія 17, съ сохою 21, съ плугомъ 44, съ двумя и болѣе орудіями 8,
или въ процентахъ: > 18,9 > > 23,3 > > 48,9 > > > > 8,9

Распределение дворовъ по посѣвной площади:

безъ посѣва	засѣвающихъ десятинь.						
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60	болѣе 60
2	6	36	25	12	6	2	1
или въ процентахъ 2,2	6,7	40,0	28,7	13,3	6,7	2,2	1,1.

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—96 году:

Покупавшихъ хлѣбъ 57 сем. или 63,3⁰/₁₀₀, ими куплено 3.085 пуд.
Продававшихъ > 22 > > 24,4⁰/₁₀₀ > продано 9.110 >
Имѣющихъ старый хлѣбъ 9 > > 10,0⁰/₁₀₀, у нихъ въ запасѣ 2.600 пуд..

Наемъ и отпускъ рабочей силы:

Вообще нанимаютъ работниковъ 18 сем. или 20,0⁰/₁₀₀
Въ томъ числѣ нанимаютъ по нѣскольку годовыхъ 3 семьи
> одному годовому 9 >
на лѣтній или весен. срокъ 5 >

Продаютъ рабочую силу 65 сем. или 72,2⁰/₁₀₀.

Въ томъ числѣ отпускаютъ по нѣскольку годовыхъ 7 семей
> одному годовому 9 >
на лѣтн. или весен. срокъ 5 >

¹⁾ Сороковыхъ.

Изъ 90 семей, составляющихъ наличное населеніе поселка, 60—родомъ изъ Самарской губерніи, въ томъ числѣ 53—Бузулукскаго, 7—Бугурусланскаго уѣзда; затѣмъ, небольшими группами, отъ 3 до 6 дворовъ, представлены губерніи: Тамбовская (Усманскій уѣздъ), Тульская, Рязанская, Орловская, Харьковская (Старобѣльскій уѣздъ), да изъ нѣсколькихъ другихъ губерній имѣется по 1—2 семьи.

Основателями поселка были 22 семьи Самарцевъ; выйдя изъ дому въ 1887 году, онѣ направились, вмѣстѣ съ многими другими, прямо въ Кустанай; когда-же оказалось, что въ Кустанай „больше нѣтъ пріема“, эти 22 семьи отрядили 3-хъ ходоковъ, которые обошли, „высматривая мѣста“, всю мѣстность до озера Убагана; но киргизы нигдѣ не соглашались сдать земли, такъ что въ концѣ концовъ пришлось остановиться на данной мѣстности, гдѣ киргизы сдавали землю „съ однаго“ и гдѣ уже устроился рядъ поселковъ. На слѣдующій годъ подошло еще 27 семей, въ 1889 году—9, а затѣмъ ежегодно приселялось по нѣскольку—отъ двухъ до пяти семей. Изъ числа позднѣйшихъ переселенцевъ выдѣляются, прежде всего, 9 семей Самарцевъ, которыя прибыли въ Кустанай вмѣстѣ съ „первыми жителями“ поселка, но въ этотъ послѣдній перешли уже на слѣдующій, 1888 годъ. Затѣмъ—15 семей крестьянъ родомъ изъ Тамбовской, Тульской и Рязанской губерній, между 1867 и 1881 годомъ выселившіеся съ родины въ Уфимскую губернію, гдѣ семь изъ нихъ купили себѣ земельные участки (отъ 5 до 20 дес.), а восемь вели хозяйство на арендованной землѣ; большинство ихъ уже и перечислилось въ Уфимскую губернію; но скоро и въ Уфимской губерніи „показалось тѣсно“, да и „стали говорить, что въ Кустанай мѣста получше“,—и одна за другой эти 15 семей, съ 1887 по 1893 г., перебрались въ данную мѣстность; самые ранніе изъ нихъ шли въ Кустанай, и уже отсюда „призывали“ себѣ мѣсто; остальные шли уже прямо сюда, „по слуху, какъ ровно овцы“. Далѣе, пять семей Харьковцевъ шли съ надлежащаго разрѣшенія въ Семирѣчье,—но прослышали о землетрясеніи и не рѣшились идти дальше; три семьи изъ разныхъ губерній пробирались въ Томскъ и застряли по недостатку средствъ; одинъ Полтавецъ шелъ за ходокомъ въ поселокъ Стенайовскій, но ему тамъ „не поглянулось“; двѣ семьи перешли съ офицерскихъ участковъ „на Оренбургской линіи“, и т. д.. Наконецъ 19 семей, по преимуществу Самарцы, родственники и земляки „первыхъ жителей“, шли въ Романовскій поселокъ прямо по письмамъ и вообще свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ этихъ „первыхъ жителей“.

Выселеніе изъ поселка было довольно значительно: изъ числа „первыхъ жителей“ нѣсколько семей ушло тотчасъ-же по образованіи поселка—„искать получше мѣста“; затѣмъ, въ „голодный годъ“ ушло 17 семей, по преимуществу въ Туркестанскій край, да въ 1896 году вернулось „на старину“ три семьи Полтавцевъ.

Г. Мацуревичъ ¹⁾ рассказываетъ *исторію возникновенія поселка* такимъ образомъ: „мѣстность, говоритъ онъ, была указана бывшимъ уѣзднымъ начальникомъ Карауловымъ; киргизы сначала сгоняли переселенцевъ, но послѣдніе объявили имъ, что бросятъ киргизамъ женъ и дѣтей, а сами уйдутъ добывать средства къ жизни, послѣ чего киргизы, видя настойчивость русскихъ, отвели мѣста подъ пашни и отвели арендную плату по 1 р. 60 к. за каждую десятину“. По записаннымъ мною показаніямъ, справедливость которыхъ подтверждалъ мнѣ полковникъ Карауловъ, дѣло произошло не совсѣмъ такъ. Посланные „первыми жителями“ довѣренные очень легко сговорились съ тѣми родовыми аулами, которымъ принадлежала намѣченная ими мѣстность (аулы Шолана Келенбетова, Раиса Жангяралова, Сандыбека Баскатаева и Иліусуса Адыльбекова),—и эти аулы согласились сдать крестьянамъ полосу земли, начиная отъ стараго русла Тобола на 20 верстъ вглубь материка, а шириною въ О концѣ болѣе двухъ верстъ, въ W концѣ—въ одну версту и менѣе. Но противъ сдачи возстали другіе киргизы, оспаривавшіе принадлежность упомянутымъ четыремъ группамъ значительной части условленной къ сдачѣ земли (повидимому, они дѣйствовали по наущенію Александровцевъ, имѣвшихъ въ виду не допустить устройства новаго русскаго поселка и сохранить для себя большой просторъ въ арендованіи земли). Для рѣшенія возникшаго спора пришлось созвать сходъ аульныхъ выборныхъ, на которомъ присутствовалъ и помощникъ уѣзднаго начальника Эгерть; на сходѣ, сначала, благопріятно для Романовцевъ высказалось изъ 30-ти выборныхъ только 14; тогда по совѣту другихъ киргизъ Романовцы купили двухъ барановъ и отдали ихъ двумъ выборнымъ изъ противной партіи, которые и перешли на ихъ сторону, и большинствомъ 16 голосовъ противъ 14 граница владѣнія сдатчиковъ была указана, какъ требовалась Романовцамъ ²⁾.

12 августа 1887 года заключенъ былъ *договоръ* на имя тѣхъ-же трехъ довѣренныхъ, утвержденный уѣзднымъ начальникомъ; по договору этому крестьяне снимали участокъ на три года (1888—90), съ правомъ пользоваться имъ во всѣхъ отношеніяхъ, съ однимъ только ограниченіемъ: пахать не ближе семи верстъ отъ Тобола; плата полагалась съ распаханной десятины по 1 р. 60 к., съ обязательствомъ платить не менѣе, какъ за 100 десятинъ; косить траву въ предѣлахъ участка разрѣшалось бесплатно, и притомъ начиная уже съ лѣта 1887 года; что касается до усадебъ, то въ договорѣ сдатчики обязывались, если-бы арендаторамъ пришлось изъ-за какого-либо спора между киргизами уйти со своихъ мѣстъ, „снести для

¹⁾ Въ томъ-же донесеніи.

²⁾ Это обычный приемъ при сдѣлкахъ съ киргизскими стодами: выборные, по словамъ крестьянъ, нерѣдко сами являются и говорятъ: «дай баранъ, я твоя рука держать буду»; богатые вымогаютъ еще пуще бѣдныхъ: «моя земля, согласенъ продать, а не дашь баранъ—не продамъ». Повидимому, здѣсь интересуется не столько матеріальная выгода, сколько выражающійся въ подаркѣ барана почетъ.

ихъ поселенія свои зимовки“; платы за усадебныя мѣста условлено не было,— но въ дѣйствительности за усадьбы было одновременно уплачено 70 руб.; наконецъ, словесно сдатчики обязались прекратить всякое свое пользованіе сдаваемыми участкомъ.

Всего при заключеніи контракта пришлось издержать: 160 р., по условію, впередъ за минимальную распашку перваго года, 70 р. за усадьбу и 250 р. „темныхъ расходовъ“,—итого 480 р.; первые 160 р. разложены были по числу дѣйствительно распаханыхъ въ первомъ году десятинъ, остальные 320 р. разложены равными долями (по 13 р. 60 к.) на всѣхъ первоначальныхъ арендаторовъ¹⁾.

По истеченіи срока договора, крестьяне рассчитывали *продолжить* его дѣйствіе, для чего и вступили въ соглашеніе съ вышеназванными четырьмя главами родовыхъ ауловъ. Но уѣздный начальникъ разъяснилъ, что для возобновленія аренды нужно вновь созывать аульный сходъ; между тѣмъ годъ былъ голодный, созывать сходъ, въ виду „темныхъ“ расходовъ, было „не подъ силу“, а потому крестьяне предпочли не возобновлять формальнаго договора, а ограничились словеснымъ уговоромъ, въ силу котораго продолжаютъ жить на прежнихъ основаніяхъ.

Въ 1893 году, по *условію*, заключенному съ двумя киргизами того-же 8 аула Аракарагайской волости (Куанышемъ Рыспаевымъ и Байтабаномъ Сугуровымъ), снята была еще узкая полоса земли, заключенная между кореннымъ участкомъ Романовцевъ и участкомъ Борисовцевъ. Когда основывался поселокъ, названные киргизы не хотѣли сдавать этой полосы, теперь же сами предложили Романовцамъ снять ее и уступили за очень дешевую цѣну; между тѣмъ у большинства Романовцевъ послѣ голоднаго года не было средствъ, а потому участокъ снятъ былъ всего 10 домохозяевами, которые однако допустили къ пользованію въ немъ и остальныхъ общественниковъ. *Арендный договоръ* заключенъ былъ на пятилѣтній срокъ, причемъ условія, изложенныя въ договорѣ (28 апр. 1893 г.), повидимому, не совпадаютъ съ дѣйствительностью: по договору съемщикъ, уплачивая одновременно 55 р. за всѣ пять лѣтъ, пріобрѣтали право пользоваться участкомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ томъ числѣ — и для „жилыхъ и холодныхъ построекъ“, въ дѣйствительности плата производится по 1 р. 50 к. съ распаханной десятины, а за перенесенныя на этотъ участокъ усадьбы было заплачено киргизамъ особо, отъ 5 до 10 р. за каждую. Дѣло въ томъ, что участокъ былъ заарендованъ главнымъ образомъ потому, что своимъ 0 концомъ онъ подходит къ самому Тоболу, тогда какъ коренной участокъ — только къ полувысохшей старицѣ; вслѣдствіе этого 17 домохозяйствъ перенесли на новый участокъ свои усадьбы, а свои прежнія усадебныя мѣста, большею частью, передали новымъ пришельцамъ.

¹⁾ По удостовѣренію бывшаго у. начальника г. Караулова дѣйствительные «темные» расходы вовсе не были такъ значительны, а большую часть собираемыхъ подъ этимъ названіемъ денегъ довѣренные брали въ свою пользу.

Приливъ этихъ послѣднихъ былъ особенно силенъ въ первое время по образованію поселка, такъ что во времени окончанія срока перваго договора въ поселкѣ насчитывался уже 81 дворъ. Изъ этихъ позднѣйшихъ пришельцевъ нѣкоторые (всего 7 семей, всѣ прибывшія въ 1888 г.) платили обществу за пріемъ по 8 р., притомъ за ту-же плату получали отъ общества и усадебное мѣсто; значительное большинство, однако, платило обществу значительно дешевле—отъ 1 р. до 4 р. 50 к. (чаще всего 3 р. и четверть вина)¹⁾, но уже не получало отъ общества усадебныхъ мѣстъ; эти послѣднія покупались либо у киргизъ, либо у ранѣе прибывшихъ односельчанъ; первымъ путемъ приобрѣли усадьбы всего 5 семей, платя отъ 3 до 5 рублей за мѣсто; у односельчанъ приобрѣли усадебныя мѣста 36 семей,—изъ нихъ 8 купили незастроенныя мѣста и заплатили за нихъ отъ 7 до 15 рублей; другіе покупали мѣста вмѣстѣ съ землянками, и въ этомъ случаѣ покупная цѣна колебалась отъ 10 до 40 рублей, въ зависимости отъ мѣстоположенія и свойства постройки. Покупали усадебныя мѣста и землянки частью у выселившихся изъ поселка (въ 1887 и 1892 гг.), частью—у тѣхъ домохозяевъ, которые перешли на жительство на вновь арендованный добавочный участокъ; нѣкоторые изъ ранѣе прибывшихъ дѣлили свое дворовое мѣсто на 2 или на 3 части и продавали половину или треть его; наконецъ нѣкоторые прямо „тѣмъ торговали“: купить мѣсто у киргизъ за 3—5 р., и переѣхать на край селенія, а свое мѣсто продать за 15—18 р.: новоприбывшіе покупали такія мѣста, чтобы быть поближе къ другимъ и не селиться на краю.

Порядокъ пользованія арендованною землею является источникомъ большихъ раздоровъ: пашнею пользуются захватно, и болѣе бѣдная часть крестьянъ тщетно настаиваетъ на передѣлѣ; сторонники послѣдняго утверждаютъ, что богачи бѣдноту обижаютъ,—все распахали; что при захватномъ пользованіи приходится „украдкой другъ отъ друга пахать“; что если земля будетъ подѣлена, то ее можно и парить, и колодцы копать, а теперь „какъ землю удобрять!“; что богачи подпахались подъ самую деревню, распахавъ и большую часть мѣста, по контракту назначеннаго подъ выгонъ; что наконецъ волостные сборы раскладываются по душамъ, а потому и земля должна быть по душамъ. Противники передѣла возражаютъ, что они несли всѣ расходы по заключенію контрактовъ (что однако по отношенію къ первому договору фактически невѣрно) и потому имѣютъ болѣе права пользоваться землею; что послѣднюю они пашутъ не даромъ, а платятъ за каждую десятину; что наконецъ весь разговоръ о передѣлѣ поднять бѣднотой для того, чтобы завладѣть ихъ оборотами. — По настояніямъ бѣдноты, три раза составлялись приговоры о передѣлѣ пашень; одинъ изъ нихъ былъ утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ и было уже приступлено къ передѣлу,—но богачи

¹⁾ Нѣкоторые «и по сейчасъ не заплатили» обществу за пріемъ; другіе и не просили о пріемѣ, а просто купили усадьбы и поселились, арендуя пашни у киргизъ.

„смутили“ киргизъ, которые испугались, что „подѣлать, такъ не будутъ и аренду платить“, что „бѣдные хотятъ подѣлать землю, чтобы продавать богатымъ,—а мы (киргизы) сами хотимъ продавать“, — и обратились съ жалобой къ уѣздному начальнику; послѣдній вызвалъ уполномоченныхъ отъ крестьянъ и объяснилъ имъ, что такъ какъ они не возобновили аренднаго договора, то и передѣлать не имѣютъ права; если же хотятъ передѣлать, то должны предварительно заключить договоръ и распределить по душамъ или дворамъ арендную плату. Такъ передѣлъ пашень и не состоялся.—Что касается до покосовъ, то они въ 1896 г., въ виду хорошаго урожая травы, были „вой-какъ подѣлены“; при обыкновенныхъ урожаяхъ они такъ ничтожны, что и дѣлать ихъ не стоитъ; богачи косятъ на сторонѣ, а бѣднота косить въ участкѣ на захватъ.

По сообщенію г. Мацуревича ¹⁾, на почвѣ аренды между киргизами и русскими создались въ первое время *крайне ненормальныя отношенія*: „киргизы стѣсняють новоселовъ, отдавая одну и ту-же землю разнымъ лицамъ, порождая тѣмъ тяжбы и увеличивая, несмотря на заключеніе договоровъ, арендную плату, отдавая землю жителямъ селенія Кустаная... Поселенцы, находясь въ зависимости отъ киргизъ, должны подчиняться самымъ унижительнымъ требованіямъ киргизъ-арендодателей, такъ напримѣръ, переселенцы выгоняются со дворовъ нагайками для обсуждения платы, не говоря о всевозможныхъ вымогательствахъ въ хлѣбѣ, просѣ и т. д.. Выгонъ вблизи поселка нерѣдко топчется скотомъ киргизъ-арендаторовъ, а поселенческой скоть долженъ питаться остатками избитыхъ травъ, и не могутъ дѣлать никакихъ замѣчаній, такъ какъ киргизы откажутъ и въ этомъ. Аренда часто взыскивается годомъ впередъ, и въ этомъ случаѣ нѣтъ ограниченія и обезпеченія поселенцевъ“. Въ настоящее время, повидимому, отношенія въ достаточной мѣрѣ сгладились, и ни о какихъ крупныхъ недоразумѣніяхъ съ киргизами мнѣ отъ крестьянъ не пришлось слышать. Что касается, въ частности, арендной платы, то она распределяется между киргизами-сдатчиками „прямо на захватъ“: платятъ, „кто кому тымыръ“ причемъ болѣе „бойкіе“ изъ киргизъ, хотя-бы и бѣдные, забираютъ гораздо больше, нежели „смирны“. Въ сущности, каждый домохозяинъ „знаетъ своего хозяина“ — киргиза, который часто и предупреждаетъ „своихъ“ плательщиковъ другимъ не отдавать денегъ; но нерѣдко отдаютъ деньги первому, кто придетъ; крестьянамъ отъ этого ущерба не бываетъ: если затѣмъ и явится „настоящій“ хозяинъ, онъ никогда не потребуетъ вторыхъ денегъ, а удовольствуется предъявленіемъ росписки или даже словеснымъ заявленіемъ, что деньги уплачены: „скажетъ только: ай-ай, моя было надо, да поѣдетъ домой“. Крестьянамъ такой порядокъ даже очень выгоденъ: киргизы пріѣзжаютъ за деньгами до срока и тогда соглашаются на огромныя скидки съ цѣны: „чудъ муви возьметъ и дастъ росписку, что получилъ за десятину“.

¹⁾ Въ томъ-же донесеніи.

Тѣмъ не менѣе, и теперь крестьяне жалуются на цѣлый *рядъ недоразумѣній и „обидъ“*. Въ виду окончанія срока и невозобновленія перваго договора киргизы, повидимому, смотрятъ на крестьянъ какъ на простыхъ подешатинныхъ арендаторовъ и не считаютъ для себя обязательною границу прежняго отвода, а потому въ дальнемъ концѣ этого послѣдняго согласились допустить пахать горожанъ-арендаторовъ; горожане заключили договоръ съ тѣми-же сдатчиками еще въ 1892 году, и не ожидая утвержденія, начали пахать; между тѣмъ и уѣздный начальникъ, и областное правленіе, куда дѣло поступило за вступленіемъ въ силу закона 1891 года, отказали въ утвержденіи сдачи. Но горожане „озорствомъ пашутъ“—запахали весь дальній конецъ участка, въ длину верстъ на 8, такъ что крестьяне могутъ пахать не далѣе, какъ на 12 верстъ отъ поселка; опираясь на неутвержденный договоръ, горожане не только завладѣли покосами, но даже описали въ 1896 году накошенное крестьянами сѣно. Крестьяне не знаютъ, какъ имъ быть, — „богачи, гдѣ съ ними возиться“. Далѣе, Романовцы жалуются на сосѣдей — Борисовцевъ, которые распахали много земли въ ихъ добавочномъ договорномъ участкѣ. — Дальнѣйшій источникъ недоразумѣній — вопросъ о водопояхъ: первый арендный участокъ примыкаетъ только къ почти высохшей старйцѣ; крестьяне просятъ киргизъ допустить ихъ къ водопою на Тоболѣ; киргизы на это не соглашаются, утверждая, что при-Тобольная полоса нужна имъ для тебеневанія; крестьяне отрицаютъ это, увѣряя, что киргизы эту самую полосу сдаютъ въ аренду ¹⁾, — и несмотря на несогласіе киргизъ пасутъ свой скотъ на лугахъ самовольно.

„*Частная*“ аренда среди Романовцевъ мало развита; какъ видно изъ подворной описи, размѣры „частныхъ“ арендъ въ 1896 году не превышали слѣдующихъ цифръ:

Пашни арендовали	25	дворовъ,	снявшихіе	всего	111	дес.
Покосы	9	„	„	„	1.255	копеевъ.

Пашни снимаютъ больше за Тоболомъ, причемъ при денежной платѣ обычныя цѣны:

за десятину цѣлины	. . .	2	р.
„ оборота	. . .	1	р. 50 к.
„ третьяка	. . .	отъ 50	к. до 1 р.

Крестьяне очень жалуются на *необезпеченность арендъ*, созданную Положеніемъ 1891 года: снимать у волостнаго общества невозможно — „гдѣ его задаришь!“, а простыхъ росписокъ не свидѣтельствуютъ; приходится заключать сдѣлки „на совѣсть“, — и тутъ „ладно если хорошій киргизъ;

¹⁾ Суть дѣла, повидимому, въ томъ, что одни изъ киргизъ-совладѣльцевъ сдаютъ луга съ правомъ пасты скотъ на отавахъ, а другіе, не сдающіе луговъ, не позволяютъ и пасты скотъ по отавамъ.

а на худого нападешь, такъ и отбереть землю, и другому отдасть: многихъ безъ хлѣба оставляютъ“.—Наиболѣе удобная форма аренды, въ настоящее время,—это аренда „изъ третьей борозды“, сдѣлки на которую признаются имѣющими законную силу; чаще всего, поэтому, этого рода сдѣлки заключаются фиктивно, для прикрытія денежной аренды: „возьмешь изъ третьей борозды пахать,—а тамъ отдашь ему деньги и его часть себѣ возьмешь“; въ этомъ смыслѣ обыкновенно редактируются и письменные договоры: съемщикъ выговариваетъ себѣ преимущественное право на съемъ какъ достоящейся сдатчику трети залога, такъ и всѣхъ оборотовъ.

Покосы лишь въ видѣ исключенія снимаютъ на деньги,—и тогда копна обходится въ 10 копѣекъ и дороже; чаще снимаютъ покосы, задавая хлѣбъ съ осени или зимы; при хорошемъ урожаѣ трава достается весьма дешево, за то при частыхъ неурожаяхъ травы заданное пропадаетъ.

Въ послѣднее время, по замѣчанію крестьянъ, киргизы стали особенно сильно навязывать крестьянамъ землю: „какую-то думку себѣ думаютъ насчетъ варѣзки,—хотятъ хоть что-нибудь за землю получить“.

Мѣстность, фактически владѣемая Романовцами, представляетъ собой ленту, протянувшуюся отъ Тобола на *W*, въ длину на 12 верстѣ. Отъ поймы Тобола—очень стлогій подъемъ, шириной въ 3—4 в., съ суглинистою, частью вовсе неудобною для пашни (щельникъ), частью—малоудобною почвой, эксплуатируемой только подъ бахчи; вся эта полоса оставлена подъ выгонъ и только мѣстами занята бахчами. Дальше на *W*—ровная ковыльная степь съ отличною черноземною почвой; здѣсь сосредоточены всѣ пашни, а по впадинамъ—покосы; тѣхъ и другихъ настолько достаточно, что „частная“ аренда существуетъ лишь въ небольшихъ размѣрахъ.—Недостатокъ только въ водопояхъ: на Тоболѣ—только тѣ 17 усадебъ, которыя перенесены на новый участокъ; на степи былъ водопой по озеркамъ,—но теперь послѣднія повьсыхали и водопой—только изъ колодець: въ дальнемъ концѣ участка колодець въ 10 саж., въ другомъ мѣстѣ рыли на 14 саж. и не дорылись.

У киргизъ-сдатчиковъ осталось еще множество земли: на *W* отъ теченія Тобола, за пользованіемъ поселка и арендаторскихъ заимокъ,—еще верстѣ на 15, на *O* отъ Тобола—полоса въ 7—8 верстѣ по открытой степи, до границы лѣсовъ, и отчасти—среди послѣднихъ.—Зимовки киргизъ—за Тоболомъ, противъ самаго поселка; луга ихъ—смежно съ послѣдними, и изъ нихъ довольно много сдается въ аренду. Особыхъ неудобствъ отъ сосѣдства нѣтъ.

Земледѣліе переложное,—сѣютъ почти одну пшеницу. Разъ поднятое поле засѣваютъ очень долго: многія полосы пахутся съ основанія поселка, безъ отдыха; рѣдко у кого земля перележитъ,—больше у богатыхъ. Бахчи не велики; подъ бахчи обществомъ отводятся опредѣленные мѣста; на бахчевѣ обыкновенно сѣютъ просо или пшеницу. Пахутъ всѣ полные хозяева плугами, на быкахъ. Плуги—малорусскіе („сабаны“), но у 6 зажиточныхъ хозяевъ есть и заводскіе 2 и 3-лемешные плуги, употребляемые впрочемъ

только для „матых“ земель. Трехлемешный плугъ запрягаютъ 7 парами быковъ, для простого „сабана“ нужно 4—5 паръ; имѣющіе 3 пары падутъ только „матую“ землю, для подъема же цѣлинъ нанимаютъ или спрягаютъ. Почти четверть населенія (21 сем.)—почти все однолошадные—падутъ „россійскими“ сохами; для подъема цѣлинъ тѣмъ или инымъ способомъ (см. ниже) добываютъ плугъ.—Въ поселкѣ у зажиточныхъ крестьянъ имѣется три молотилки и три вѣялки.

Благосостояніе поселенцевъ, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, крайне неравномерно: съ одной стороны—одна десятая наличныхъ домохозяйствъ засѣваетъ свыше 20 дес., три двора засѣваютъ даже по 60—75 дес. (сороковых!); 17 семей держатъ срочныхъ работниковъ, изъ нихъ 12—по одному или по нѣсколькимъ годовыхъ. Съ другой стороны, напротивъ, почти половина всѣхъ наличныхъ домохозяйствъ либо вовсе не имѣетъ хозяйственнаго инвентаря (9 сем. безъ рабочаго скота и 17 безъ пахатнаго орудія), либо имѣетъ не полный инвентарь (21 сем. съ сохами, 32 однолошадныхъ). Значительное большинство такихъ дворовъ разорилось въ „голодные годы“ и съ тѣхъ поръ не можетъ встать на ноги. Что касается до потребительнаго значенія земледѣлія, то оно, говоря вообще, не столь неблагопріятно, какъ можно думать по цифрамъ подворной описи: урожай 1895 г. въ этомъ поселкѣ былъ совсѣмъ плохъ: многіе сняли одни сѣмена, значительная часть полей осталась необранной; въ силу этого продавали хлѣбъ почти исключительно изъ запасовъ прежнихъ лѣтъ, причемъ многіе окончательно исчерпали эти запасы; очень многимъ изъ обыкновенно продававшихъ хлѣбъ пришлось покупать его, а потому многимъ изъ имѣющихъ среднюю и даже большую запашку пришлось работать „въ людяхъ“, главнымъ образомъ въ Александровкѣ и на хуторахъ, гдѣ урожай былъ очень хорошъ. Масса народу забирала хлѣбъ „подъ страду“, съ условіемъ „жать, почему будетъ цѣна“; но хлѣбъ, при рыночной цѣнѣ въ 30—35 к., засчитывался должникамъ по 40 к. за пудъ.

Если судить по размѣрамъ хозяйства, то большинство, конечно, выиграло отъ переселенія; но четверть всѣхъ наличныхъ домохозяевъ, въ томъ числѣ большинство перешедшихъ сюда изъ Уфимской губерніи, оказывается въ чистомъ убыткѣ; такихъ семей, въ результатѣ переселенія проигравшихъ, по подворной описи оказывается 23 (почти всѣ—1887 и 1888 г.), и размѣры ихъ хозяйства изображаются слѣдующими главными цифрами:

	рабо­чаго скота	де­сят. по­сѣва
на родинѣ . . .	132	211
здѣсь	67	126,—

и такимъ образомъ число головъ скота у нихъ сократилось почти вдвое, площадь запашки—на 40,3 %.

Любопытно отмѣтить еще одинъ фактъ, показывающій, какъ сравнительно высоко стоитъ уровень потребностей переселенцевъ: они такъ привыкли питаться

пшеницей, что при неурожаѣ покупаютъ ее, имѣя въ запасѣ рожь; два-три челоуѣка, которымъ пришлось довольствоваться ржанымъ хлѣбомъ, говорили „рожью питались“ съ самымъ жалобнымъ видомъ.

Выше уже упоминалось, что однолошадные, имѣющіе соху, равно какъ имѣющіе „неполный сабань“ быковъ (3—4 и до 6), своимъ инвентаремъ не могутъ поднимать цѣлины; они спрагаются, выговариваютъ пахоту за отработокъ, „покупаютъ“ уже поднятую землю и т. д.. Вотъ разные случаи подобнаго рода сдѣлокъ:

Одинъ крестьянинъ показываетъ: „Насъ двое, лошадь третья; у него 3 пары быковъ; вспахали и заборонили ему 8 дес., себѣ 4 дес.“.

Нѣкоторые нанимали поднять десятину цѣлины за уборку десятины хлѣба или обазывались жать „почемъ люди жать будутъ“, за подъемъ же цѣлины изъ зажатыхъ денегъ вычиталось по 5 р. съ десятины.

Другіе нанимали поднимать цѣлину по 5—6, а то и по 4 р. за дес.; готовые залого въ первый годъ, когда скота не было, покупали по 13—15 р., теперь—по 5 р. за десятину.

Одинъ крестьянинъ съ лошадью работалъ всю весну до Петрова дня за 3½ дес. пахатной земли (оборота и третьяка), и т. д.

Рабочій скотъ нанимаютъ или на 10 дней, или на все рабочее время, съ платой:

за пару быковъ на 10 дней.	2 р.
на рабочее время	5 „
„ „ лошадей на рабочее время.	10 „

Изъ 90 наличныхъ семей пос. Романовскаго причисленныхъ всего 45. Изъ остальныхъ 45-ти многія отказываются отъ причисленія, такъ какъ собираются переселиться „на Ишимъ“. Всѣхъ желающихъ переселиться—21 семья; среди нихъ преобладаютъ зажиточныя семьи, что видно уже изъ слѣдующихъ цифръ:

	Рабочаго скота.	Дес. посѣва.
у 21 семьи, желающей переселиться	193	431
или въ среднемъ на семью	9,2	20,5,

и такимъ образомъ благосостояніе переселяющихся, въ среднемъ, вдвое выше, нежели среднее благосостояніе всего вообще населенія поселка. Мотивомъ для новаго переселенія выставляется недостатокъ водопоевъ и отсутствіе лѣса. Въ дѣйствительности дѣло, очевидно, въ погонѣ за цѣлинами и исканіи „мѣстъ получше“; многіе зажиточные люди не хотятъ нигдѣ причисляться и получать надѣла, находя, что лучше переходить съ мѣста на мѣсто и арендовать; подавшіе прошеніе о переселеніи заявляютъ, что пойдутъ лишь на мѣсто по собственному избранію, но мѣстъ съ тѣмъ не знаютъ, какъ имъ быть: лучшія мѣста въ Кокчетавскомъ уѣздѣ заняты, остались только плохіе участки; въ Петропавловскомъ же нѣтъ проточныхъ водъ.

Напротивъ бѣднотѣ и вообще большинство уходить не хочетъ, а мечтаетъ только о „нарѣзкѣ“; много говорятъ о томъ, что „вотъ сколько живемъ, нушто насъ такъ оставятъ!“; въ случаѣ „нарѣзки“ и землю-бы передѣлили, и пары стали-бы пахать, и колодцы-бы покопали. И изъ подавшихъ прошеніе о переселеніи нѣкоторые, явно, дѣйствовали по наущенію другихъ и, повидимому, готовы отказаться отъ переселенія: при подворномъ опросѣ они не откликались, и уже инициаторы дѣла напоминали имъ, что они „писались на Ишимъ“.

Эти обстоятельства отражаются и на всей жизненной обстановкѣ поселковъ: въ поселкѣ всего 11 деревянныхъ избъ, все остальное — землянки: богатые не обстраиваются, такъ какъ „не хотятъ жить“, остальные — такъ какъ не увѣрены, что будетъ „нарѣзка“.

№ 4. Поселокъ Борисовскій ¹⁾

(Александровской волости).

Поселокъ этотъ *основанъ* былъ въ 1887 году двумя артелями крестьянъ Самарской губерніи: одною — въ 4 семьи, русскаго происхожденія, другою — въ 12 семей, мордовскаго происхожденія; въ слѣдующемъ, 1888 г. къ нимъ подселилось 40 семей, въ 1889 — 15, въ 1890 — 17 семей, такъ что къ 1891 году число наличныхъ дворовъ, по регистраціи г. Мацуревича, дошло до 88-ми; изъ нихъ только одна семья была родомъ изъ Саратовской губерніи, всѣ остальные — изъ Бузулукскаго уѣзда, Самарской губерніи, въ томъ числѣ 24 семьи — мордва, остальные — русскіе. Большинство этихъ переселенцевъ либо перешло изъ Кустаная, гдѣ не могло водвориться за прекращеніемъ приписки, либо „шталось“ по киргизскимъ ауламъ и аренднымъ участкамъ; нѣкоторые изъ болѣе позднихъ переселенцевъ подошли прямо „со старины“, по письмамъ родныхъ и земляковъ, другіе шли „на Ишимъ“ и остались здѣсь болѣе или менѣе случайно. Въ „голодный“ годъ *выселилось* изъ поселка 15 семей, но пробѣлъ этотъ тотчасъ-же былъ съ избыткомъ заполненъ другими, по преимуществу Самарцами-же, которые ранѣе проживали на хуторахъ и теперь, разоренные неурожаями, рѣшили водвориться въ поселкѣ. Пономногу подсеялись и въ слѣдующіе годы, такъ что къ 1896 году въ поселкѣ набралось до 103 домохозяйствъ, — изъ которыхъ впрочемъ причисленныхъ было только 29; въ 1896 году была принята еще небольшая партія переселенцевъ, а съ другой стороны — еще двѣ семьи выселились „на Ишимъ“.

¹⁾ Поселокъ сначала названъ былъ Ивановскимъ, но переименованъ въ Борисовскій по приказанію у. начальника г. Караулова (донесеніе г. Мацуревича отъ 17 мая 1891, № 26).

Первое время по прибытіи переселенцы *арендовали* землю „частно“, а многіе изъ нихъ даже и проживали по киргизскимъ зимовкамъ; но уже въ 1888 году они заарендовали землю *по двумъ договорамъ*, утвержденнымъ уѣзднымъ начальникомъ. По *первому* изъ нихъ (3 іюня 1888 г.) первая артель — Игнатій Лобовъ съ тремя товарищами — заарендовала у киргизъ 8-го аула Аракарагайской волости Нурмухамета Балгабаева съ тремя одноаульцами, срокомъ на 6 лѣтъ (1889 — 1894), участокъ земли въ 200 дес., отграниченный въ натурѣ, („мѣсто было показано глазомѣрно, а какъ обходили участокъ — мѣрили саженью“), причеиъ за пахоту обязывались платить по дѣйствительной распашкѣ: за цѣлины — по 2 рубля, за обороты — по 1 р. 50 к., и за болѣе старыя земли (о которыхъ впрочемъ въ писанномъ договорѣ не упомянуто) — по 50 копѣекъ съ десятины; косить на участкѣ и пасти рабочій скотъ арендаторамъ предоставлялось бесплатно, что же касается усадебъ, то имъ предоставлялось возвести только „необходимыя при работѣ постройки, какъ-то полевыя избушки“, въ числѣ не болѣе 20-ти, и занять подъ огороды не свыше 15×30 саж. каждый; за усадебныя мѣста арендаторы уплачивали одновременно, при заключеніи условія 100 р. (т. е. по 5 руб. за каждое), да тутъ-же уплачивали 100 р. въ видѣ задатка за пашню, на будущее же время обязывались платить: за цѣлины — половину весной, къ 29 іюня, и половину — осенью, къ 1 октября, за остальные земли — къ 1 октября или на слѣдующую весну. *Вторая* артель — Кокушкинъ съ 11 товарищами-мордвинами сняла у тѣхъ-же киргизъ участокъ въ 100 дес., на совершенно тождественныхъ условіяхъ ¹⁾, съ тою только разницею, что за усадьбы заплатила не по 5 р., а по 6 р. 50 к. за каждую.

Тотчасъ-же по водвореніи этихъ двухъ группъ переселенцевъ между ними начались *недоразумѣнія*, которыя не прекращаются и до настоящаго времени. Прежде всего оказалось, что артель Лобова, снимая землю, выговорила условіемъ, чтобы киргизы — Балгабаевъ съ одноаульцами — не допускали другихъ арендаторовъ; когда, поэтому, была припущена мордовская артель, Лобовъ съ товарищами завелъ съ киргизами тяжбу, которая продолжалась до „голоднаго“ 1892 г., — тогда „тягаться бросили“. — Главнымъ источникомъ взаимныхъ недоразумѣній была неравномѣрность въ обезпеченіи землею: артель Лобова тотчасъ-же по заключеніи договора приняла къ себѣ еще 16 семей, съ которыхъ брала за пріемъ, сверхъ покрытія соотвѣтственной доли издержекъ, отъ 5 до 10 рублей, — и затѣмъ безусловно прекратила дальнѣйшій пріемъ; мордовская артель, снявъ вдвое меньшій участокъ, принимала новыхъ пришельцевъ безъ всякаго ограниченія (вновь приселявшіеся платили киргизамъ за усадьбу по 6 р. 50 к., а въ „общество“ за пріемъ по 3 — 4 р.), такъ что къ 1891 г., по свидѣтельству г. Мацуревича, численность этой артели дошла уже до 68 домохо-

¹⁾ Этотъ договоръ у меня въ рукахъ не былъ.

зайствъ. Не будучи въ состояніи довольствоваться 100-десятиннымъ участкомъ, эти „новоарендаторы“ начали запахивать и участокъ Лобовской артели, откуда происходили, конечно, постоянные раздоры и тяжбы: „Лобовы, говорить г. Мацуревичъ ¹⁾, имѣютъ исполнительный листъ на взисканіе съ многихъ домохозяевъ, ново-арендаторовъ, поэтому большинство, будучи озлобленными, добиваются удаленія Лобовыхъ. Послѣдніе, при распашкѣ ихъ земель, подговариваются киргизъ согнать переселенцевъ нагайками, что тѣ и исполняютъ“. Чтобы прекратить раздоры, г. Мацуревичъ заставилъ Лобовыхъ „прійти въ соглашенію съ ново-арендаторами, съ предупрежденіемъ, что [въ противномъ случаѣ] они не будутъ внесены въ подворный списокъ и будутъ подлежать водворенію, какъ нарушающіе общественную тишину и спокойствіе“. Соглашеніе выразилось въ томъ, что 17 мая 1891 г. всѣ домохозяева, послѣ долгихъ убѣжденій со стороны г. Мацуревича, постановили приговоръ о томъ, „чтобы земли были въ общемъ пользованіи и жить имъ въ мирѣ и согласіи“ ²⁾. Съ этихъ поръ, дѣйствительно, отношенія между Лобовскою и Кокушкинскою артелями стали менѣе рѣзки; но и до настоящаго времени общество осталось раздѣленнымъ на двѣ партіи, между которыми идетъ постоянный „вздоръ“.

По собраннымъ мною внѣ схода свѣдѣніямъ, „первые жители“ и въ той, и въ другой артели сильно „грабили“ подходившихъ поздне; главнымъ образомъ „торговали землею“: сдавали „новенькимъ“ свои обороты по 2 р. за десятину и дороже, тогда какъ у киргизъ можно было снимать такіа-же земли по 50 к. („новенькіе“ дорого платили, потому что „ничего не знали“).

Въ то же время происходили *постоянныя недоразумѣнія съ киргизами-сдатчиками*. По свѣдѣтельству того-же г. Мацуревича ³⁾, „владѣльцы часто вытребиваютъ плату впередъ за нѣсколько лѣтъ, а потомъ, при недостаткѣ (въ деньгахъ), отдаютъ участки другимъ лицамъ, особенно Кустанайцамъ“, — почему г. Мацуревичъ находилъ полезнымъ вообще не допускать Кустанайцевъ къ арендованію земель въ поселкахъ.

По истеченіи 6-лѣтнаго срока арендныхъ *договоровъ*, этихъ послѣднихъ *не возобновляли*, а продолжаютъ жить „по прежнему“: усадьбой и выгономъ пользуются бесплатно, а за распашку платятъ въ прежнемъ размѣрѣ. Но такъ какъ землю сильно повыпахали, то въ чертѣ бывшихъ контрактныхъ участковъ пашутъ очень мало, — слѣдовательно очень мало и платятъ, а усадьбой и выгономъ пользуются фактически почти бесплатно. Киргизы на это въ большой претензіи; особенно они жаждутся на то, что общество въ 1896 г. приняло вновь прибывшихъ Пензенцевъ и взяло съ нихъ за пріемъ по пяти рублей съ семьи, не спросясь киргизъ и не подѣ-

¹⁾ Донес. 17 мая 1891 г. № 26.

²⁾ Донес. 20 мая 1891 г. № 35.

³⁾ Тамъ-же.

лившись съ ними платой; киргизы очевидно правы: Борисовцы не пашутъ въ договорныхъ участкахъ, а потому ничего не платятъ киргизамъ, а между тѣмъ сажаютъ на ихъ землю пришельцевъ и за припускъ берутъ деньги!

Землю для хлѣбопашества почти всю снимаютъ „частно“,—отчасти у тѣхъ-же киргизъ, поименованныхъ выше, большею же частью—у другихъ киргизъ, „гдѣ случится“. Плата при денежной арендѣ колеблется около 2 р.—2 р. 50 к. и до 3 р. за десятину залога или оборота. Но въ силу Положенія 1891 г. „бумагъ“ на денежную аренду теперь заключать нельзя, а потому очень часто случаются обманы, пререканія и даже драки; особенно часты случаи сдачи вдвойнѣ, ведущіе даже къ „отбиванію“ уже распаханыхъ земель: одинъ киргизъ сдаетъ, а другой является, заявляетъ „земля моя“ и требуетъ вторыя деньги, „и ничего не подѣлаешь—земли у нихъ недѣлenna“.—Сравнительно вѣрнѣе, при такихъ условіяхъ, аренда „изъ третьей борозды“, на которую можно заключать „частные“ письменные договоры. Условія тѣ-же, что и въ предыдущихъ поселкахъ: съемщикъ пашетъ своимъ инвентаремъ, уступая за это сдатчику треть распаханной земли и пользуясь правомъ „купить назадъ“ и эту треть, и всѣ обороты.

Цѣна паханыхъ земель зависитъ отъ урожая: при хорошемъ урожаѣ за десятину платятъ отъ 6 до 8 р., при плохомъ—4 рубля.

Покосы снимаютъ больше на степи,—луга на Тоболѣ киргизы берегутъ про себя. Снимаютъ покосы почти всегда съ задачей впередъ, съ зими, причемъ часто бываютъ „ошибки“,—трава на снятомъ мѣстѣ не родится и деньги пропадаютъ даромъ. При сѣмѣ на наличныя деньги сотня копенъ степнаго сѣна обходится: въ хорошей урожай травы—по 5—6 р., въ худой—до 30 рублей. Луга на Тоболѣ снимаютъ съ задачей впередъ по 4 р. за десятину.

Землю сдаютъ, въ настоящее время, больше бѣдняки-киргизы; богатые не только, мало-по-малу, перестаютъ сдавать, но даже сами снимаютъ землю у бѣдныхъ сородичей.

Мѣстность, гдѣ расположенъ поселокъ и бывшіе контрактные участки, Борисовцы на сходѣ усиленно оуждали; въ дѣйствительности однако естественныя условія, какъ сознавались тѣ изъ крестьянъ, которые не думаютъ о выселеніи (см. ниже), ничуть не хуже, нежели въ поселкахъ Романовскомъ и Александровскомъ,—и если Борисовцы гораздо болѣе арендуютъ „частно“, чѣмъ Романовцы, то это потому, что они состоятельнѣе и больше пашутъ. Сравнительно серьезныя затрудненія представляются только относительно воды: поселокъ, правда, стоитъ на Тоболѣ,—но на пашняхъ безусловно нѣтъ открытыхъ водъ; копали колодцы—но на 8—9 саженахъ либо вовсе не получали воды, либо получали очень плохую воду и въ маломъ количествѣ; для себя и рабочаго скота возятъ, поэтому, воду съ Тобола, а другой скотъ приходится гонять пить на Тоболъ. Арендаторскія займки, правда, расположились на колодцахъ; но „займочники—народъ богатый, да и селятся на 2—3 года,—имъ не бѣда и съ Тобола воду повозить“.

Ближайшія киргизскія зимовки расположены за Тоболомъ, прямо противъ поселка; по сую сторону Тобола ближайшія зимовки—въ 2 верстахъ, киргизскіе луга—гораздо ближе. У киргизъ-сдатчиковъ и кромѣ бывшихъ контрактныхъ участковъ очень много земли: эти участки и сейчасъ внѣ ихъ пользованія; кромѣ того, „на задахъ“ они сдали землю подъ два или три мѣщанскихъ хутора, и кромѣ того сдаютъ довольно много земли „частно“.

Земледѣліе имѣетъ такой-же характеръ, какъ и въ Романовскомъ поселкѣ; но въ виду преобладанія „частной“ аренды землю распахиваютъ не такъ долго, —рѣдко болѣе трехъ лѣтъ подрядъ; пшеницу сѣютъ только по залогу и обороту, третьимъ хлѣбомъ идутъ уже по преимуществу овесъ и ячмень; ржи почти не сѣютъ, —„на глинь не растетъ“.

Уровень благостоянія, по даннымъ, изготовленнымъ для „Обзора“ за 1895 г., опредѣляется слѣдующими средними цифрами ¹⁾:

рабочихъ лошадей	1,1
быковъ и коровъ	5,7
десятинъ посѣва	9,4.

Цифры эти выше, нежели заимствованныя изъ того-же источника цифры по всѣмъ остальнымъ поселкамъ Александровской волости; и дѣйствительно —поселокъ пользуется репутаціей большой зажиточности. Однако, кладей съ хлѣбомъ почти не видно, и запасы необмолоченнаго хлѣба имѣются только у 3—4 наиболѣе состоятельныхъ домохозяевъ. Объясняется это тѣмъ, что урожай хлѣба съ самихъ голодныхъ годовъ до 1895 г. ни разу не были вполнѣ удовлетворительны: хлѣба страдали то отъ кобылки, то отъ мышей, а въ 1895 г. урожай благодаря засухѣ былъ настолько плохъ, что крестьяне едва собрали сѣмена; отличный урожай наступилъ только въ 1896 году.

Застройка въ Борисовскомъ поселкѣ тоже немногимъ лучше, чѣмъ въ Романовскомъ: почти сплошь землянки и дерновыя избы съ плетевыми дворами. Это обстоятельство объясняется однако главнымъ образомъ тѣмъ, что большіяство Борисовцевъ, до 60 семей, и въ частности —почти всѣ наиболѣе зажиточные, *не желаютъ оставаться жить здѣсь*, почему и не обстраивается, и отказывается отъ перечисленія: „лучше въ ссылку идти“, говорятъ они, хотя на родину не вернулись-бы, а хотѣли-бы только перейти въ другое мѣсто, гдѣ „насчетъ воды и лѣсу лучше“. Согласились-бы, пожалуй, водвориться верстъ на 15 ниже по Тоболу, въ Кинъ-Аральской волости („земля тамъ, положимъ, не лучше, но водопой есть“), — но тамошніе киргизы не соглашаются сдать земли подъ поселокъ, а сдаютъ только небольшіе участки, на 3—4 двора, изъ 3-ей борозды. О разрѣшеніи пе-

¹⁾ По Романовскому поселку соответственныя цифры изъ того-же источника будутъ: 1,2, 5,2 и 9,2.

рейти въ Кинь-Аральскую волость Борисовцы много разъ просили и уѣзднаго начальника, и Губернатора, — „отвѣтъ одинъ: сходитесь съ киргизами“, — „а какъ съ ними сойдѣшься, когда они не хотятъ“! Весной 1896 г. до сорока домохозяевъ ходили смотрѣть мѣста „на Ишимѣ“, — но „гдѣ глянется — не дозволяютъ, а гдѣ есть участки — не нравятся“; въ октябрѣ собираются опять идти — уже не смотрѣть мѣста („мѣста ужъ насквозь тамъ знаемъ“), а прямо „опредѣляться“.

Меньшинство — слишкомъ 40 семей — о *переселеніи*, „если будетъ нарѣзка“, не думаетъ. Утверждаютъ даже, что дѣйствительно не желающихъ жить здѣсь — очень немного; остальныхъ мутятъ Лобовъ и Кокушкинъ, которыми „надо обирать народъ, какъ здѣсь обирали“: по отзыву представителей меньшинства „мѣста здѣсь хорошія, худаго мѣста немного, воды нѣтъ только отъ нашей лѣни“, — а потому, если бы можно было рассчитывать на „нарѣзку“, осталось бы жить здѣсь значительное большинство.

№ 5. Поселокъ Давыденковскій.

(Александровской волости).

Поселокъ основанъ былъ въ 1886 г. Астраханскимъ выходцемъ Давыденковымъ, приславшимся въ 1881 г. въ Кустанайскіе мѣщане, и затѣмъ, начиная съ того же 1886 года начали приселяться и другіе, частью Кустанайскіе же мѣщане, частью крестьяне — выходцы изъ Воронежской губерніи, направлявшіеся въ Томскую губернію и остановившіеся въ Кустанай, какъ кажется, по недостатку средствъ для дальнѣйшаго пути; многіе, проживъ въ поселкѣ очень недолго, уходили, по преимуществу въ Закаспійскую область, такъ что къ 1891 г., по даннымъ г. Мацуревича, въ поселкѣ налицо было всего 14 семей, изъ нихъ 9 — Воронежцевъ, 5 — Кустанайскихъ мѣщанъ, до 14-же семей успѣло уже разбрестись изъ поселка. Послѣ „голоднаго“ года населеніе опять начало расти, и къ концу 1893 года въ поселкѣ набралось уже до 30 семей, въ 1896 же году налицо состоятъ 38 домохозяйствъ, въ томъ числѣ 9 семей крестьянъ и уже 29 семей мѣщанъ.

Первый *арендный договоръ* заключенъ былъ въ 1886 г. Давыденковымъ и крестьяниномъ Андреемъ Нектовымъ съ тремя киргизами 6 аула Аракарагайской волости — Кушкаромъ Байкаринымъ, Альсугуромъ Бакаевымъ и Чумекеемъ Даулбаевымъ (всѣ трое — „съ одноаульцами“; но по словамъ крестьянъ только эти трое „настоящіе хозяева, остальные — бѣднота“). По договору этому ¹⁾ снимался на 6-лѣтній срокъ участокъ, ограниченный

¹⁾ Договоровъ по пос. Давыденковскому я не видѣлъ.

живыми урочищами, причѣмъ арендаторы обязывались платить сдатчикамъ по 1 р. 20 к. съ распаханной десятины, а за усадьбу и выгонъ вспахивать имъ въ годъ по 2 дес. цѣлины (это послѣднее обязательство впоследствии замѣнено было уплатой 16 р. въ годъ).

Тотчасъ-же по заключеніи договора названныя два лица приняли еще четырехъ товарищей—мѣщанъ, и около 3-хъ лѣтъ продолжали жить заимкою въ 6 дворовъ. Затѣмъ начали приселяться и другіе, частью изъ крестьянъ, частью изъ мѣщанъ-же; принимали новыхъ пришельцевъ сначала охотно („веселѣй будетъ жить“), платить же приходилось киргизамъ за усадьбу отъ 5 до 10 р., да „обществу“ приходилось ставить угощеніе, обходившееся рублемъ 5 на семью. По сообщенію г. Мацуревича ¹⁾, Давыденковъ, у котораго было скота болѣе, нежели у всѣхъ остальныхъ, взятыхъ вмѣстѣ, сильнѣйшимъ образомъ эксплуатировалъ позднѣйшихъ пришельцевъ, не допуская ихъ вступать въ непосредственныя сдѣлки съ киргизами и сдавая имъ по тройной и четверной цѣнѣ землю, которую сами задешево арендовали у киргизъ; многіе изъ выселившихся ушли изъ поселка именно чтобы избавиться отъ его „притѣсненій“; при посѣщеніи поселка г. Мацуревичемъ, „бѣдность“ даже просила его ходатайствовать о выдвореніи Давыденкова и вообще Кустанайцевъ, какъ эксплуататоровъ, изъ поселка. Вскорѣ однако Давыденковъ, да и всѣ вообще мѣщане-„арендатели“ (т. е. лица, ранѣе другихъ принятыя имъ въ договоръ), кромѣ Нектова, сами ушли изъ поселка, такъ какъ кругомъ „отъ мужика тѣсно стало,“—и перебрались на болѣе дальніе хутора.

Къ концу срока договора въ поселкѣ, какъ я упоминалъ, собралось до 30 семей,—изъ нихъ 8 дворовъ крестьянъ и 22 двора мѣщанъ. Весь 93-ій годъ они прожили *безъ договора*, снимая землю „кто какъ срядится“; произошло это оттого, что крестьяне не могли достигнуть соглашенія съ мѣщанами, и весь годъ у нихъ происходилъ „скандалъ“. Только въ концѣ 1893 года былъ заключенъ съ тѣми-же киргизами *новый договоръ*, срокомъ на 3 года (1894—96); по этому договору отведенъ подъ жительство и распашку прежній участокъ, за плату по 2 р. съ усадьбы и по 1 р. 35 к. съ распаханной десятины, съ обязательствомъ платить не менѣе, какъ за 50 десятинъ. Этотъ новый договоръ былъ заключенъ однако только на имя 8-ми домохозяевъ, въ числѣ которыхъ было 7 мѣщанъ и первый „рендатель“ Нектовъ: мѣщане, составлявшіе большинство, *не захотѣли включить крестьянъ* въ договоръ (и Нектовъ включенъ былъ только потому, что онъ велъ переговоры съ киргизами и потому отъ него нельзя было отдѣлаться),— и по заключеніи договора „приняли въ товарищи“ только мѣщанъ-же, а крестьянъ не допустили. Крестьяне объясняютъ такое поведеніе мѣщанъ тѣмъ, что они вовсе не хотѣли образо-

¹⁾ Донес. 25 и 26 мая 1891, № 42 и 45.

ванія селенія и земельного надѣла, а хотѣли жить, по прежнему, „на арендѣ“.

Крестьяне, въ числѣ 9-ти семей, однако остались жить въ поселкѣ: они платятъ за усадьбу киргизамъ по 2 р. съ дома, выгономъ пользуются бесплатно, пашней-же и покосомъ въ участкѣ вовсе не пользуются, а снимаютъ эти угоды „частно“ на сторонѣ. При такой арендѣ платятъ обыкновенно „кой чѣмъ“, — киргизы все берутъ: хлѣбъ, барана, старья валенки и пр., — цѣна въ деньгахъ обыкновенно вовсе не выговаривается. При сравнительно рѣдкой денежной арендѣ платятъ:

за десятину цѣлины или оборота	1 р. 80 к.—2 р.
„ „ третьяка	50—60 к.
„ „ отдохнувшей залежи	50—60 к.
„ „ залежи на сносъ травы	60 к.—1 р..

Въ настоящее время, въ виду истеченія срока втораго договора, крестьяне на общей сходкѣ предложили мѣщанамъ снять участокъ сообща; мѣщане на сходкѣ не дали рѣшительнаго отвѣта, но тотчасъ-же тайкомъ завели съ киргизами предварительные переговоры и начали распахать землю къ посѣву 1897 года; староста, однако, составилъ объ этомъ актъ, и крестьяне прекратили распашку. Крестьяне не знаютъ, что имъ дѣлать: они хотятъ остаться жить въ поселкѣ, но не знаютъ, какъ сладить съ мѣщанами, которые не соглашаются заключать общій съ крестьянами арендный договоръ и въ то-же время объявляютъ, что не уйдутъ изъ поселка.

Вообще въ поселкѣ *масса раздоровъ*, неоднократно вызывавшихъ вмѣшательство и суда, и администраціи: мѣщане предъявляли у мирового судьи искъ къ крестьянамъ за пользованіе выгономъ, — судья имъ отказалъ; они долго отказывались платить волостные сборы, ссылаясь на то, что платятъ мѣщанскую подать, и смирились только предъ угрозой уѣзднаго начальника выселить ихъ обратно въ городъ; не принадлежа, какъ мѣщане, къ составу сельскаго общества, они хотѣли сами выбирать старосту, а избраннаго причисленными крестьянами (которыхъ по свѣдѣніямъ волостнаго правленія всего 4, по показанію самихъ крестьянъ — 9 дворовъ!) старосту не признаютъ, ссылаясь на то, что у нихъ свой, мѣщанскій староста: срывали съ него знакъ, бросали съ кольями и т. д.; только послѣднее время они стали немного „смирнѣ“, но все-же не слушаются старосты. Вообще — постоянныя ссоры изъ-за всякаго повода, часто доходящія до дракъ; сосѣди-киргизы жаловались мнѣ, что „прежде было хорошо жить, а теперь не годится, — все ссоры“.

Отношенія крестьянъ съ киргизами вполне дружелюбны, — „никакой отъ нихъ обиды не видали“. Киргизы жалуются на мѣщанъ, что они, во-1-хъ, валиятъ навозъ въ Тоболъ, и во-2-хъ, не огораживаютъ кладей хлѣба, а затѣмъ взыскиваютъ съ нихъ, киргизъ, за потравы.

Благосостояніе Давыденковцевъ, по официальнымъ даннымъ, измѣняется слѣдующими средними цифрами:

Рабочихъ лошадей	1,3
Быковъ и коровъ	7,4
Десятинъ посѣва	7,6.

№ 6. Поселокъ Воровой ¹⁾.

(Боровской волости).

Первымъ на мѣстѣ нынѣшняго поселка *поселился* (въ 1881 году?) крестьянинъ Челябинскаго уѣзда Игнатій Семеновъ, который прибылъ сюда, первоначально, съ цѣлью устройства смолокуреннаго завода и ловли рыбы въ озерахъ, при которыхъ нынѣ образовался поселокъ. Убѣдившись, что мѣстность весьма пригодна и для земледѣльческаго хозяйства, Семеновъ въ 1883 году заключилъ *контрактъ* на право проживанія и занятія сельскимъ хозяйствомъ. Контрактъ заключенъ былъ съ ауломъ Кокана Буркутбаева (9 кибитокъ 4 адм. аула Убаганск. волости), на 6-лѣтній срокъ, на слѣдующихъ условіяхъ: допустить не болѣе десяти семей, съ платой: за усадьбу—по 2 р. съ двора, за выгонъ—по 15 к. съ лошади, по 10 к. съ головы рогатаго и 5 к. съ овцы, — пашню же и покосъ приходилось арендовать по „частнымъ“ соглашеніямъ.

Первое время договоръ дѣйствительно соблюдался: въ 1883 г. къ Семенову приселилось всего 4 семьи, въ слѣдующіе два года—еще шесть, причемъ пріемъ ихъ опредѣлялся, главнымъ образомъ, усмотрѣніемъ самихъ киргизъ-сдатчиковъ, — „кого захотятъ, того и пустать“; въ это время было „тихо-мирно“, — хотя уже случались покражи скота и лошадей, — но въ общемъ отношенія съ киргизами были недурны, — „другъ дружкѣ уважали“. Дѣло начало измѣняться съ 1886 года. Съ одной стороны, въ это время прекращенъ былъ пріемъ въ Кустанай и начался отливъ оттуда переселенцевъ, которыхъ привлекъ со всѣхъ сторонъ „слухъ про вольный городъ“; съ другой стороны случилось обстоятельство, которое измѣнило отношеніе самихъ киргизъ къ новымъ приселеніямъ: поселилось одновременно 5 семей Худяковыхъ, которые заплатили киргизамъ сразу 50 р. (10 р. за 5 усадебъ и 40 р. за 40 дес. залога); деньги эти такъ раззадорили киргизъ, что они оставили всякую осторожность и начали принимать и даже зазывать всякаго встрѣчнаго („земля много, сдавай больше!“): „переночевать не давали, говорятъ крестьяне, — деньга надо: кто переночуетъ, — утромъ ужъ они при-

¹⁾ Нѣкоторыя данныя по этому поселку извлечены изъ особаго «дѣла объ образовавшемся пос. Воровомъ» (Куст. у. упр., 1 ст., № 45 88 г.).

ходить за деньгами, а не хочешь жить, — вонь гонять“. Въ теченіе 1886 г. было такимъ образомъ принято уже до 20 семей.

Все это время поселокъ существовалъ, повидимому, *безъ вѣдома администраціи*, которая о существованіи его узнала только въ началѣ 1887 году, вслѣдствіе жалобы другихъ киргизъ, не принимавшихъ участія въ приѣмѣ переселенцевъ; аульный сходъ 3 аула Убаганской волости въ приговорѣ отъ 11 января 1887 года, именно, жаловался, что „Коканъ Буркутбаевъ безъ согласія общества, самовольно, и безъ разрѣшенія начальства напустилъ на урочище Карагайлы русскихъ крестьянъ, которые, поселившись тутъ, окончательно стѣснили насъ въ поземельномъ пользованіи“, — почему и просилъ уѣзднаго начальника о выдвореніи поселенцевъ, указывая притомъ, что въ числѣ ихъ есть и безпаспортныя, и даже бродяги ¹⁾. Вслѣдствіе этого уѣздный начальникъ вызвалъ къ себѣ И. Семенова, потребовалъ отъ него списокъ поселенцевъ, которыхъ оказалось уже 42 двора, и приказалъ имъ выбрать старосту. Старостой былъ избранъ тотъ же Семеновъ, которому поручено было, въ видахъ огражденія и общественной безопасности, и интересовъ киргизъ, слѣдить, 1) чтобы никто не проживалъ безъ письменнаго вида; 2) чтобы снятыя отъ киргизъ земли не передавались въ руки постороннихъ лицъ; 3) чтобы поселенцы снимали землю „лишь для себя“, въ размѣрѣ не свыше 20 дес. на семью, и притомъ на краткіе сроки, не свыше 3-хъ лѣтъ, и 4) чтобы условія заключались не съ отдѣльными киргизами, а съ аульнымъ сходомъ, и свидѣтельствовались, согласно требованіямъ временнаго положенія 1868 г., аульнымъ старшиною, волостнымъ управителемъ и уѣзднымъ начальникомъ ²⁾. Распоряженія эти остались, однако, на бумагѣ: утвержденный старостою, И. Семеновъ началъ *усиленно принимать новыхъ поселенцевъ*, не созывая для приѣма никакого схода и взямая „могарычи“ въ свою пользу, — и по поселенному списку, составленному 10 мая 1887 г., поселенцевъ значится уже 126 семействъ, — всего-же въ теченіе 1887 года было вновь принято 117 семействъ. Киргизы продолжали жаловаться на такой наплывъ переселенцевъ: они подаютъ жалобы уже Военному Губернатору, указывая, что „русскіе самовольно принимаютъ къ себѣ селиться новыхъ лицъ безъ ихъ, просителей, согласія“, и ходатайствуютъ „о предоставленіи имъ права допускать русскихъ для заселенія по ихъ усмотрѣнію“. Но эти жалобы и ходатайства киргизъ остались безъ успѣха: имъ было объявлено, что „порядокъ основанія самаго поселенія и числа поселенцевъ не можетъ быть предоставленъ усмотрѣнію киргизовъ; они имѣютъ лишь только право отказываться отъ пользованія предоставленною имъ землею и за это получать известное вознагражденіе, но входить въ дальнѣйшіе порядки переселенцевъ не могутъ“ ³⁾.

¹⁾ Приговоръ 11. V. 87.

²⁾ Приказъ у. начальника Семенову З. II. 87, № 1072, и рапортъ Губернатору Б. III. 87, № 2040.

³⁾ Предложеніе воен. губернатора у. н-ку 21. VII. 87, № 3870.

Что касается до условий приема въ общество, то до 1892 года каждому вновь приселявшемуся приходилось платить по 2 р. (за усадьбу) въ пользу киргизь-сдатчиковъ, по 3 р. — Семенову „на общественные расходы“, да по 3 р. — на церковь. Со времени заключенія договора на имя общества (см. ниже), плата взимается только въ общественныя суммы, — до 10 р. съ семьи, на покрытие расходовъ по постройкѣ церкви, магазина и т. п.; но эти деньги платитъ только „кто дастъ“; другіе обязываются подписками отдать деньги, когда будутъ, а многіе покупаютъ усадебныя мѣста съ домами у выселяющихся, и тогда уже обществу ничего не платятъ, — а обществу „съ ними не пособиться“: арендуя угодыя прямо отъ киргизь, такія лица „не нуждаются въ обществѣ“ и не находятъ нужнымъ исполнять его требованія („кабы надѣлъ былъ, говорятъ крестьяне, другое-бы дѣло“); впрочемъ, въ текущихъ мірскихъ расходахъ участвуютъ и непричисленные.

Въ лицѣ бывшаго уѣзднаго начальника, полковника Караулова, *администрація старалась дать* Боровскимъ поселенцамъ *болѣе прочное земельное устройство*: г. Карауловъ убѣждалъ крестьянъ снять землю у киргизь „окружкою“, по одному общему договору, и особенно старался убѣдить ихъ заарендовать озера, среди которыхъ расположился поселокъ, предлагая даже внести плату за озера изъ собственныхъ денегъ; но поселенцы, увѣренные, что земля вмѣстѣ съ озерами не сегодня-завтра отведется имъ въ надѣлъ, не пошли даже торговаться на озера, которыя и были заарендованы мѣстнымъ торговцемъ Поспѣловымъ; этотъ послѣдній до крайности стѣснилъ Боровчанъ въ отношеніи водопоя, ловли рыбы, пользованія мохомъ, — и только въ 1891 г., по настоянію уѣзднаго начальника, „постыдный договоръ“ съ Поспѣловымъ былъ расторгнутъ и озера поступили сначала въ фактическое, а потомъ — и въ договорное пользованіе крестьянъ ¹⁾. Что касается до земельныхъ угодій, то поселенцы продолжали жить на прежнихъ условіяхъ: платили Буркутбаеву съ товарищами за усадьбу и выгонъ, а пашню и покосъ снимали, у кого случится; пока продолжался срокъ дѣйствія заключеннаго Семеновымъ въ 1883 г. договора, деньги за усадьбу и выгонъ собирались имъ и имъ-же передавались киргизамъ-сдатчикамъ; когда-же этотъ срокъ истекъ, каждый сталъ отдавать деньги непосредственно киргизамъ, что повело къ массѣ недоразумѣній: киргизы подавали жалобы на запоздавшихъ платежей, ссорились изъ-за распределенія денегъ, по нѣскольку разъ являлись за одними и тѣми-же деньгами. Въ концѣ концовъ киргизы, наскучивъ постоянными недоразумѣніями и ссорами, вовсе стали *отказываться возобновлять сдачу* мѣсть подъ усадьбы; чтобы предупредить окончательное распаденіе поселка, пришлось вмѣшаться уѣздною администраціи, и управлявшій уѣздомъ г. Куретниковъ принудилъ обѣ стороны къ заключенію *новаго договора* ²⁾. По этому договору тотъ-же Бур-

¹⁾ Довесеніе г. Мацуевича 19. VII. 91, № 83.

²⁾ 18 октября 1892 г.; изъ другихъ условий этого договора можно отнѣтитъ: 25-рублевую неустойку въ случаѣ промедленія уплаты болѣе нежели на мѣсяць, — и обязательство обнхъ сторонъ въ случаѣ потравъ подчиняться народному суду.

кутбаевъ съ 8 товарищами, въ договорѣ поименованными, сдавали Боровскому обществу подъ усадьбу и выгонъ, на 6-лѣтній срокъ, „часть своего земельного участка“, описанную живыми урочищами, за годовую плату по 380 рублей, съ правомъ ловли рыбы въ вошедшихъ въ черту сданнаго участка озерахъ; договоръ былъ заключенъ при участіи аульнаго схода, причемъ темные расходы стали не болѣе 70 р., и утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ. По этому договору поселокъ существуетъ и по настоящее время,—пахлю-же и покосъ крестьяне заарендовываютъ исключительно по „частнымъ“ сдѣлкамъ, и притомъ въ огромномъ большинствѣ—не у тѣхъ киргизъ, у которыхъ заарендованы усадьба и выгонъ; что касается до арендной платы за усадьбу и выгонъ, то она собирается по 1 рублю съ усадьбы и по 12 к. съ головы крупнаго скота; изъ собранной суммы 380 р. уплачиваются киргизамъ, а остатокъ поступаетъ въ общественную кассу.

Возвращаясь теперь къ вопросу о *ростѣ поселка*, мы находимъ, что ростъ этотъ не прекращается и послѣ 1887 г., хотя идетъ уже далеко не такъ быстро: по даннымъ г. Мацуревича, въ 1888 г. приселилось 43 семьи, въ 1889—47, въ 1890 г.—всего 7 семей, всего-же ко времени регистраціи г. Мацуревича, налицо было 245 дворовъ. Главную массу населенія въ то время составляли Пермьки, которыхъ насчитывалось до 97 семей; затѣмъ, Оренбургская губернія была представлена 48 дворами, Воронежская—27-ю; свыше нежели 10-ю семьями были представлены еще губерніи Тобольская, Харьковская, Самарская и Пензенская, и кромѣ того въ поселкѣ были представители еще 10-ти другихъ губерній; большинство переселенцевъ, по прежнему, принадлежало къ тѣмъ, которыхъ привлекли слухи про „вольный городъ“ и которые либо вовсе не пожелали или не смогли устроиться въ Кустанаѣ, либо, проживъ въ городѣ нѣкоторое время, ушли оттуда изъ за дальности пашень или другихъ неудобствъ городской жизни. Расположенный среди лѣсовъ, Боровской поселокъ привлекалъ, повидимому, не мало и налегальныхъ элементовъ: г. Мацуревичъ доносилъ и о бѣглыхъ каторжникахъ, и о фальшивыхъ кредитныхъ билетахъ, почему и настаивалъ на необходимости подвергнуть Боровской поселокъ особенно бдительному полицейскому надзору ¹⁾).

Послѣ „голоднаго“ 1892 года населеніе Боровскаго поселка продолжаетъ *расти медленно*,—но населеніе его въ эти годы дѣлается *крайне непостояннымъ* и непрерывно мѣняется: „кому не поглянется здѣсь, а у кого силы нѣтъ подняться,—вотъ и уходятъ: кто по ауламъ, кто на старину,—а больше все дальше идутъ, на Ишимъ“. „Какъ изъ Россіи уйдуть, говорятъ крестьяне, точно народъ другой становятся,—все думаютъ, гдѣ-бы получше мѣсто найти; изъ за этого и не обзаводятся порядкомъ: думаетъ—чего я стану заводиться,—пожалуй и не поживется здѣсь“. Особенно видѣляются въ этомъ отношеніи пермяки: „поживетъ годъ, поглянется,—ос-

¹⁾ См. то-же донесеніе.

тается еще на другой годъ, а не поглянется,—домой пойдетъ или куда въ другое мѣсто“. Уходили изъ поселка и бѣдняки, и напротивъ — самыя зажиточныя — „кому еще лучше жить хочется“. Въ общей сложности, по словамъ крестьянъ, изъ поселка „болѣе ушло, нежели осталось“: изъ числа однихъ только получившихъ въ „голодный годъ“ продовольственные ссуды, „выбывшими неизвѣстно куда“ оказывается 129 семействъ, — но эта цифра не даетъ даже и приблизительнаго понятія о числѣ *ушедшихъ изъ поселка*; нѣсколько ближе къ дѣйствительности цифра, которую можно извлечь изъ другого источника, — именно изъ книги прихода мірскихъ суммъ, куда записаны деньги, уплачивавшіяся за пріемные приговоры: изъ числа лицъ, записанныхъ въ эту книгу, выбывшихъ въ разныя мѣстности оказываются уже 233 семьи, — но и эта цифра далеко неполна, ибо не охватываетъ всѣхъ тѣхъ, кто отказался платить за пріемъ, или за кѣмъ платежъ остался въ недоимкѣ, или кто прожилъ въ поселкѣ лишь немного времени и не начиналъ хлопотать о пріемѣ. По мнѣнію мѣстнаго волостнаго писаря, въ эту цифру вошло едва-ли болѣе половины всѣхъ ушедшихъ изъ поселка!... На мѣсто уходившихъ *приходимъ другіе*, и даже въ еще большемъ числѣ, — такъ что въ 1896 году въ поселкѣ числилось не менѣе, а даже нѣсколько болѣе населенія, чѣмъ въ 1891 г., — именно 299 семей, изъ которыхъ однако причисленныхъ къ обществу — всего 189. При этомъ, подъ влияніемъ этого одновременно-происходящаго прилива и отлива, замѣтно измѣнился и самый составъ поселенцевъ: уходили, какъ я упоминалъ, по преимуществу Пермьки и Оренбуржцы, составлявшіе большинство среди болѣе раннихъ дворянцевъ; подходили вновь, главнымъ образомъ, Воронежцы, Самарцы, Харьковцы; въ настоящее время именно они составляютъ преобладающую массу, Пермьки и Оренбуржцы — меньшинство населенія поселка.

Эта *неустойчивость населенія* поселка, въ значительной мѣрѣ, является причиной ненормальныхъ условій землевладѣнія, — такъ какъ мѣшаетъ заключенію общаго на весь поселокъ договора относительно арендованія полевыхъ угодій: „заключить контрактъ, говорятъ крестьяне, — а на будущій годъ половина уйдетъ, и оставшимся за нихъ деньги платить!“ А по одиночкѣ арендовать земли, какъ требуетъ законъ 1891 года, у волостнаго общества — невозможно, такъ какъ ряда съ волостнымъ сѣздомъ сопряжена съ непосильными для огромнаго большинства крестьянъ расходами. Остается одинъ способъ — „частная“ аренда, которая однако ведетъ къ постояннымъ недоразумѣніямъ ¹⁾, главный источникъ которыхъ — неопредѣленность землевладѣнія у самихъ киргизъ: одинъ киргизъ сдаетъ землю, а другой протестуетъ и либо лѣзетъ къ арендатору съ требованіемъ вторыхъ денегъ (что обыкновенно и исполняется, — „рѣдкій хозяинъ вторыхъ денегъ не

¹⁾ Не говоря уже о другихъ неудобствахъ, важно то, что при «частной» арендѣ много земли пропадаетъ даромъ: одинъ пахнетъ здѣсь, другой — тамъ; остаются кливья, которыхъ нѣтъ не пахнетъ, ибо каждый нарываетъ пахать гонами въ 300 сажень.

платилъ, а то и по три раза“), либо обращается съ жалобой къ уѣздному начальнику; а послѣдній, разъ дѣло поставлено на официальную почву, долженъ признать арендную сдѣлку, какъ несогласную съ 126 ст. Положенія 1891 г., недѣйствительною, а потому по всякой такой жалобѣ постановляетъ „воспретить самовольное пользованіе“. Киргизы, по словамъ крестьянъ, поняли, что законъ 1891 г., ставя обычныя арендныя сдѣлки внѣ своего покровительства, даетъ имъ, сдатчикамъ, всѣ преимущества, и широко пользуются ими: деньги за арендованную землю они всегда берутъ впередъ („какъ залогъ пахать въ Петровки, такъ и деньги подавай“),—а потомъ начинаются вымогательства угощеній, подарковъ деньгами и баранами и т. п.,—и угощенія съ подарками обходится не менѣе, нежели рядная плата. Если-же арендаторъ отнесется къ ихъ притязаніямъ грубо, они считаютъ себя обиженными и изъ мести крадутъ скотъ; такой характеръ мести имѣетъ большинство покражъ, составляющихъ одно изъ очень большихъ мѣстъ современнаго положенія переселенцевъ. Въ сравнительно лучшее положеніе поставлены только наиболѣе зажиточные люди: они по одиночѣ или артелями арендуютъ землю по формальнымъ договорамъ, почему не страдаютъ отъ необезпеченности арендныхъ сдѣлокъ, а затѣмъ, выплачивая разомъ всѣ деньги, они получаютъ землю гораздо дешевле, нежели другіе.

Въ послѣдніе годы положеніе еще ухудшилось благодаря тому что арендовать земли въ окрестностяхъ поселка стали Кустанайскіе *купцы* и *зажиточные мѣщане*, которыхъ привлекаетъ сюда какъ свѣжесть почвы, такъ и большая легкость найма въ поселкахъ дешевыхъ рабочихъ; такъ, купецъ Архиповъ снялъ у родовыхъ ауловъ того-же Кокана Буркутбаева и двухъ другихъ (всѣ три—4 аула Убаган. вол.) участокъ земли, вклинившійся между поселками Боровскимъ и Ивановскимъ, гдѣ распаиваетъ до 500 десятинъ; другой большой участокъ снялъ вышеупомянутый Посидловъ, третій и четвертый (у озера Чистенькаго и Алакула) сняли довольно многочисленныя артели Кустанайскихъ мѣщанъ. Всѣ эти участки подошли къ Боровскому поселку на 4—5 верстъ („насъ кругомъ опахали“); а такъ какъ ближайшія окрестности поселка заняты выгономъ, а затѣмъ кольцомъ располагаются уже сильно повыпаханныя земли, то большинству Боровчанъ приходится пахать землю за 10—15 верстъ и далѣе.

Вся совокупность изложенныхъ обстоятельствъ создаетъ полную *неопредѣленность положенія*, тѣмъ болѣе, что, какъ открыто заявляютъ киргизы, они по истеченіи срока дѣйствующаго договора „и за тысячу рублей не сдадутъ мѣста“. Крестьяне не знаютъ, „какой предѣлъ“ имъ будетъ чрезъ два года, не знаютъ, гдѣ и какъ брать землю подъ обработку, и т. д.. Въ силу этого, главнымъ образомъ, плохо обстраиваются, и многіе подумываютъ о переходѣ на другое мѣсто („еще 2—3 года не будетъ распоряженія — и всѣмъ придется уйти!“). Особенно привлекаютъ мѣста „на Ишимѣ“,—„тамъ и участки нарѣзаны, и лѣсъ даютъ, и все, что нужно“;

многіе, запасшись паспортами, ходили на Ишимъ „мѣста смотрѣть“, — но и тутъ опять бѣда: Кустанайцамъ не позволяютъ водворяться на образованныхъ въ Акмолинской области переселенческихъ участкахъ.

Условія „частной“ аренды. Всѣ сколько-нибудь состоятельные хозяева, имѣющіе инвентарь, арендуютъ на деньги, по слѣдующимъ цѣнамъ:

за десятину залога и оборота. 1 р. 50 к., у дальнихъ киргизъ и 1 р. въ послѣднее время Кустанайцы набили цѣну до 2 р.

за десятину третьяка . . . 1 р. и дешевле

подъ четвертый хлѣбъ платять по 50 к., «а тамъ бываетъ и по 20 копѣекъ».

Въ послѣднее время заключается много сдѣлокъ «изъ третьей борозды», съ обработкой инвентаремъ арендатора; но такіа сдѣлки — почти всегда фиктивны и только прикрываютъ денежную аренду. У кого нѣтъ инвентаря, — тѣ „работаютъ съ киргизами“. Вначалѣ работали изъ половины урожая: киргизъ давалъ землю и быковъ, а сѣмщикъ исполнялъ всѣ работы: пахаль, сѣяль, жаль и молотиль („какъ помѣщику работали ему“, говорятъ по псевду этой формы крестьяне), — и собранный хлѣбъ дѣлился пополамъ. Въ настоящее время на такихъ условіяхъ работаютъ только бѣднѣйшіе, которые берутъ у киргиза-сдатчика и сѣмена взаимы: „онъ тебѣ дастъ и землю, и быковъ, и сѣмена; ты ему вспашешь, посеешь, сожнешь и обмолотишь, — хлѣбъ пополамъ, да сѣмена ему отдать“. Обычный въ настоящее время типъ „работы съ киргизами“ — изъ третьей части: крестьянинъ только пашеть, за чтò получаетъ треть зсѣянной земли, а двѣ трети идутъ сдатчику.

Незначительность повышенія цѣнъ на землю объясняется, повидимому, тѣмъ, что киргизы въ послѣднее время стали просто навязывать землю крестьянамъ; по отношенію къ ближнимъ киргизамъ это еще не такъ замѣтно, потому-что на ихъ землю всегда есть спросъ; дальніе же сами пріѣзжаютъ и просятъ взять у нихъ землю: чувствуютъ, что будетъ отрѣзка, и хотятъ хоть что-нибудь получить за свою землю.

Мѣстность — степь, густо устѣянная колками; почва — супесчаный черноземъ, отличнаго качества. Насчетъ покосовъ плохо: прежде косили все больше ковыли, а теперь всѣ ковыли распаханы; есть покосы по озерамъ, и напр. „съ одного Алакуля-бы на всю деревню хватило травы“, — но озера всѣ разобраны крупными арендаторами. Вода въ изобиліи и хорошаго качества, — изъ озера Бороваго и колодцевъ, не глубже 8 — 9 аршинъ; впрочемъ въ колодцахъ вода не всегда хороша: бываетъ, что рядомъ два колодца, въ одномъ — отличная вода, а изъ другого пить нельзя. Насчетъ лѣса очень недовольны: приходится либо брать лѣсорубочные билеты и платить пошлину, либо рубить самовольно и платить большіе штрафы; большинство, однако, продолжаетъ топить дровами, — только теперь начинаютъ вязякъ дѣлать. Въ поддворномъ озерѣ много рыбы, которая по удостовѣренію г. Мацуревича, въ голодный годъ служила существеннымъ подспорьемъ. — Вообще, „кабы надѣлъ получить, такъ жить-бы можно“.

У киргизъ аула Буркутбаева земли, очевидно, еще очень много: они участвуют и въ сдачѣ участка Архипову, и сдаютъ землю „частно“. Что касается до киргизскихъ зимовокъ, то послѣднія прежде были совсѣмъ близко къ поселку, у подворныхъ озеръ; теперь-же киргизы, очевидно чувствуя, что окружающая поселокъ мѣстность уже отъ нихъ навсегда ушла, перенесли всѣ зимовки дальше отъ поселка: однѣ зимовки удалились за 4—5, другія—за 8—10 верстъ.

Земледѣліе—переложное; на брошенные пашни, повидимому, не возвращаются; сѣютъ больше пшеницу; просо стали сѣять съ голоднаго года; бахчей совсѣмъ мало. Работаютъ почти всѣ на быкахъ, главнымъ образомъ потому, во-1-хъ, что безопаснѣе отъ покражъ, и во-2-хъ, — что продажа быковъ даетъ хорошій доходъ. Пашутъ плугами,—только у немногихъ сибирскіе сабаны; довольно много заводскихъ 2 и 3-лемешныхъ плуговъ; покупаютъ ихъ у комисіонера въ Кустанай.

Благосостояніе поселенцевъ, по даннымъ, доставленнымъ для „Обзора“ за 1895 годъ, рисуется слѣдующими средними цифрами:

Лошадей рабочихъ	0,5
Быковъ и коровъ	4,2
Десятинъ посѣва	6,5

причемъ, однако, цифры эти, несомнѣнно, ниже дѣйствительности: общая площадь посѣвовъ, по этимъ даннымъ, менѣе 2.000 дес., въ дѣйствительности-же, по учету крестьянъ, жители поселка засѣваютъ не менѣе 3.000 десятинъ. Распределеніе благосостоянія очень неравномѣрно: въ поселкѣ есть дворы, засѣвающие по 200—300 дес., между прочимъ есть и такіе, которые, не имѣя никакого инвентаря, производятъ обширныя запашки, нанимая пахать крестьянъ, боронить—киргизъ, жать—и тѣхъ и другихъ. Съ другой стороны, до 70 дворовъ—безъ рабочаго скота, а полный инвентарь имѣетъ едва-ли болѣе половины всѣхъ домохозяевъ. Но и не имѣющимъ инвентаря жить не худо, — хлѣбъ свой имѣютъ всѣ: „кто съ киргизами пашетъ, а кто въ работники найметсѣ, да вырядитъ себѣ десятину, а то и двѣ,—да и десятину отдай ему любую“,—и при урожаѣ хватаетъ хлѣба на весь годъ.

Взаимныя отношенія поселенцевъ не важны: поселокъ расселился на три „конца“: въ одномъ пермяки съ оренбуржцами, въ другомъ—хохлы, въ третьемъ—куряне, пензенцы,—а въ общественныхъ дѣлахъ рѣзко проявляется дѣленіе на двѣ партіи, въ одной изъ которыхъ стоятъ пермяки и оренбуржцы, въ другой—всѣ остальные, главнымъ образомъ хохлы.

Съ киргизами отношенія самыя враждебныя: источникъ ихъ — въ неурегулированности поземельныхъ отношеній¹⁾, главное проявленіе — въ

¹⁾ Которая особенно дурно отражается на интересахъ арендаторовъ благодаря расприхъ между киргизами: сдаетъ киргизъ землю, пока все мирно,—сосѣди молчатъ; а поссорятся,—и пойдутъ заявлять о сдачѣ чужой земли и т. п.; между собой у киргизъ гораздо болѣе вражды и ссоръ, чѣмъ съ русскими.

покражахъ лошадей и быковъ: „изъ двора уводятъ, въ полѣ силой отбиваютъ; а тамъ украдутъ - и самъ берется за деньги разыскивать, и только надеется: ничего не разыщеть, — а деньги взялъ“. Главная бѣда въ томъ, что конокрады — въ сношеніяхъ съ сибирскими киргизами и украденныхъ лошадей перегоняютъ въ Акмолинскую область, гдѣ разыскать ихъ уже невозможно.

Болѣ дружелюбное отношеніе киргизъ къ хуторянамъ крестьяне объясняютъ тѣмъ, что тѣ и живутъ, и всё угоды снимаютъ у однихъ и тѣхъ-же киргизъ и состоятъ какъ-бы подъ ихъ охраной; напротивъ жители поселка снимаютъ усадьбы у однихъ, пашни—у другихъ, а потому ни съ кѣмъ не находятся въ болѣ тѣсной связи и имѣютъ болѣ поводовъ для ссоръ.

№ 7. Поселокъ Ивановскій.

(Боровской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличное число домохозяйствъ 35, изъ нихъ отдѣлившись «на новомъ мѣстѣ» 3, вышло съ родины 32 (для 4-хъ о положеніи на родинѣ нѣтъ свѣдѣній).

На родинѣ имѣли ¹⁾:

	головъ рабочаго скота 86,	десятины посѣва 193,
или въ среднемъ на семью	> > > 3,1	> > > 6,9

Въ числѣ 28 семей было:

Несъавшихъ.	Засѣвавшихъ десятины:				
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	болѣе 20
—	9	7	7	4	1
или въ процентахъ	32,1	25,0	25,0	14,3	3,6

Арендovali землю 20 семей или 71,4⁰/₀, снимавшія 142 десятины.

Въ настоящее время имѣютъ:

Рабоч. лошадей 32, раб. быковъ 19, дойн. коровъ 35, дес. посѣва 150
или въ среднемъ на семью: раб. скота 1,5, > > 1,0, > > 4,3

Распределеніе дворовъ по рабочему скоту:

Всѣхъ рабочаго скота 18 семействъ или 51,4 ⁰ / ₀
однолошадныхъ 11 > > 31,4 ⁰ / ₀
Работающихъ быками: имѣющихъ до 3-хъ годовъ 2 > > 5,7 ⁰ / ₀
4—6 > 1 > > 2,9 ⁰ / ₀
7—10 > 2 > > 5,7 ⁰ / ₀
11—16 > 1 > > 2,9 ⁰ / ₀
болѣе 16 > — > > —

¹⁾ Свѣдѣній объ общемъ количествѣ надѣльной земли подсчитать не удалось, потому что большинство могло указать только количество пахатной, а не всей земли.

Распределение дворовъ по пахатнымъ орудіямъ:

Безъ пахатн. оруд. 9, съ «русск. сохой» —, съ колесухой 22, съ плуг. 3, съ 2 оруд. 1
или въ % > > 25,8 > > > —, > > 62,8 > > 8,6 > > 2,8

Распределение дворовъ по полевой площади:

Безъ посѣва.	З а с ѣ в а ю щ и х ъ д е с я т и н ѣ :						болѣе 60
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60	
1	10	15	6	3	—	—	—
или въ %	2,9	28,6	42,9	17,1	8,6	—	—

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—96 г.

Покупавшихъ хлѣбъ 19 семействъ или 54,3%, ими куплено 460 пуд.
Продававшихъ > 8 > > 22,8 > продано 1.350 >
Имѣвшихъ старый > 1 > > 2,8, у нихъ въ запасѣ 200 >.

Наемъ и отпускъ рабочей силы:

Нанимають работниковъ 4 семьи или 11,4%; нанимающихъ срочныхъ работниковъ нѣтъ.

Продають рабочую силу 18 семей или 51,4%.

Въ томъ числѣ отпускають годовыхъ работниковъ 4 семьи или 11,4%
> > > > срочныхъ > 4 > > 11,4%
Отпускають работниковъ на пріиски и заводы . . 6 > > 17,1%
Занимаются ремеслами 10 > > 28,6%.

Изъ 35 семей, составляющихъ наличное населеніе поселка, 23 — крестьяне Пермской губерніи, въ томъ числѣ 17 изъ Камышловскаго и по 3 — изъ Шадринскаго и Екатеринбургскаго уѣздовъ; 5 семей — казаки и мѣщане изъ Пермской же и Оренбургской губерній, 3 семьи — изъ Тобольской губерніи, Курганскаго округа, 3 — изъ разныхъ другихъ мѣстностей. Изъ числа наличныхъ переселенцевъ 13 семей — прибывшихъ въ 1887 году, 5 — въ 1889, 10 — въ 1890 г., остальные 7 семей прибыли въ разное время, съ 1891 по 1896 годъ. Болѣе половины первыхъ водворенцевъ — 7 семей — пришло сюда прямо съ родины, самостоятельно разыскавъ собѣ данную мѣстность для водворенія; 11 семей пришли тоже прямо сюда, уже вслѣдствіе писемъ и т. п. первыхъ поселенцевъ; затѣмъ 7-же семей въ промежутокъ времени съ 1866 по 1888 перешло, „на линію“, на казачьи земли, а затѣмъ, съ 1887 по 1894 г., переехало сюда, подѣ влияніемъ главнымъ образомъ вѣстей, полученныхъ отъ поселившихся въ Кустанай и поселкѣ Александровскомъ земляковъ; далѣе, двѣ семьи переехали въ 1896 г. изъ поселка Боровскаго, куда одна изъ нихъ пришла изъ Акмолинской области, другая — изъ Кустаналя; двѣ семьи, прибывъ въ 1885 г. въ Кустанай, затѣмъ перешли въ Жуковскій поселокъ, потомъ — во Владимірскій, и наконецъ въ 1890 г. — сюда; одна въ 1877 г. переселилась „на линію“, затѣмъ нахала у киргизъ въ Миндыгаринской волости,

потомъ опять на офицерскихъ участкахъ, и наконецъ въ 1895 г. переехала сюда; наконецъ двѣ семьи „изъ за выпашки земель“ ушли изъ Курганскаго округа, куда ихъ отцы переселились въ 1842 году.

Поселокъ основанъ былъ въ 1887 году двумя профессиональными ходоками (одинъ — Шадринскій мѣщанинъ Н. Тагильцевъ, другой — мѣщанинъ же, жившій ранѣе въ поселкѣ Боровскомъ и нынѣ уже умершій), которые набирали другихъ поселенцевъ частью изъ временно-проживавшихъ на казачьихъ земляхъ, частью — изъ пришедшихъ съ разныхъ сторонъ въ ранѣе основавшіеся поселки, главнымъ образомъ Боровской, и еще не успѣвшихъ тамъ устроиться, — получая съ каждой семьи „за хлопоты“ по 3 рубля. По удостовѣренію бывшего уѣзднаго начальника, г. Караулова, Тагильцевъ и его товарищъ набирали все бѣдный и вообще ненадежный народъ, почему г. Карауловъ старался помѣщать образованію поселка и убѣждалъ записавшихся селиться въ Боровомъ, гдѣ „на міру“ имъ было-бы легче устроиться. Но Тагильцевъ съ товарищемъ настояли на своемъ, и имъ, дѣйствительно, удалось набрать до 60 семей, большею частью изъ крестьянъ Камышловскаго уѣзда; правда, довольно многіе были записаны „позаочъ“, и нѣкоторые изъ нихъ вовсе и не явились въ поселокъ, — но все-же къ яровому посѣву 1887 г. въ поселкѣ собралось уже до 50 семей ¹⁾. Но на несчастье поселенцевъ, первый-же посѣвъ далъ почти полный неурожай, а въ 1888 году хлѣбъ хотя и родился хорошо, но поселенцы, за недостаткомъ сѣмянъ, очень мало посѣвали, а потому и сняли очень мало хлѣба. Вслѣдствіе этого поселокъ сразу почти совершенно опустѣлъ: *большинство* поселенцевъ *разбрелось*, кто по заработкамъ, кто въ киргизскіе аулы, — и только часть ихъ, одинъ за другимъ, вернулась въ поселокъ; довольно многіе тотчасъ-же ушли совершенно; изъ такихъ ушедшихъ крестьяне могли вспомнить 13 семей, изъ которыхъ направилось:

7	семей.	„на старину“
2	„	„на Ишимъ“
2	„	въ другіе поселки
2	„	неизвѣстно куда.

Кромѣ того говорятъ, что не мало хозяевъ умерло, семьи же ихъ разбрелись, и что вообще ушедшихъ „всѣхъ не упоминишь“.

Затѣмъ однако часть разбѣжавшихся, какъ я уже упоминалъ, стала *возвращаться* въ поселокъ; вмѣстѣ съ тѣмъ *подходили и новые* поселенцы, земляки прежнихъ, частью по письмамъ этихъ послѣднихъ, большею же частью — по приглашенію Тагильцева, который специально ѣздилъ „набирать народъ“ въ Камышловскій уѣздъ, получая съ каждой семьи по 50 копѣекъ.

¹⁾ Поселокъ сначала былъ безъ названія, а названіе Ивановскаго далъ ему Боровской священникъ въ виду того, что изъ первыхъ водворенцевъ, пострадавшихъ земляки, 6 человекъ оказалась по имени Иванами (Донесеніе г. Мацуевича отъ 27. VI. 91, № 71).

Хлопоталъ онъ частью изъ-за этихъ денегъ, главнымъ же образомъ — по порученію мѣстныхъ киргизъ, которые въ то время старались привлечь возможно больше арендаторовъ и, повидимому, тоже платили Тагильцеву за вновь привезенныхъ имъ поселенцевъ. Изъ числа этихъ послѣднихъ послѣ неурожаевъ 1890—91 г.г. тоже выселилось не менѣе пяти семей.

Договоръ, на основаніи котораго крестьяне пользовались землей въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ, былъ заключенъ съ главами трехъ родовыхъ ауловъ (всѣ—4 аула Убаганской волости)—Тоболомъ Тленевымъ, Кузубаемъ Емангуловымъ и Дисенбаемъ Кожегуловымъ, и явленъ въ уѣздномъ управленіи. Условія были, въ главныхъ чертахъ, слѣдующія¹⁾: за усадьбу платить по 2 р. съ дома, за выгонъ—по 25 к. съ лошади, 20 к. съ коровы, и 15 к. съ овцы, пашню снимать у тѣхъ-же лицъ съ платой: за десятину залога—по 1 р. 20 к., оборота и третьяка—по 1 р. 50 к. (за паханныя земли платили дороже, потому что „народъ былъ безсильный“ и не могъ залого поднимать).

По окончаніи срока этого договора, условія пользованія землею были измѣнены: Ивановцы получили право бесплатно пользоваться усадьбами и пасти скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ, но за то обязались, во-1-хъ, снимать цѣлины не иначе, какъ у „своихъ хозяевъ“ („мятую“ землю предоставлялось снимать у кого угодно), и во-2-хъ, платить послѣднимъ не менѣе, нежели за 50 дес., по 1 р. 50 к. за каждую. Это послѣднее условіе было, въ сущности, довольно обременительно: поселенцы, разоренные неурожаями, запахивали въ сложности менѣе 50 десятинъ; тѣмъ не менѣе платить за это количество приходилось, такъ что по общественной раскладкѣ даже вовсе не имѣвшимъ запаски приходилось вносить по 3 рубля.

Сначала эти условія установлены были простымъ *словеснымъ соглашеніемъ*, но въ 1891 году въ этомъ-же смыслѣ заключенъ былъ на 4 года (1892—95) *письменный договоръ*; договоръ этотъ былъ подписанъ сторонами²⁾, но представить его къ засвидѣтельствуванію киргизы отказались, такъ что землепользованіе Ивановцевъ, фактически, и до сихъ поръ опирается только на словесное соглашеніе (впрочемъ по поводу дѣла Архипова, о чемъ см. ниже, незасвидѣствованный договоръ былъ представленъ въ уѣздное управленіе).

Въ началѣ 90-хъ годовъ произошло еще и другое существенное измѣненіе: первоначально земля сдавалась отъ имени только вышеназванныхъ трехъ лицъ — главъ родовыхъ ауловъ, которые и брали себѣ всѣ деньги, ничего не удѣляя одноаульцамъ; эти послѣдніе, послѣ долгой борьбы, настаивали на измѣненіи этого порядка, и теперь плата распределяется между *всѣми* членами данныхъ родовыхъ ауловъ: каждый поселенецъ имѣетъ своего „хозяина“, у котораго обязанъ снимать цѣлины и которому отдаетъ

¹⁾ Договоровъ по поселку Ивановскому мнѣ не удалось видѣть.

²⁾ См. слѣдующее примѣчаніе.

деньги. Это обстоятельство, однако, дурно отразилось на интересах Ивановцевъ: киргизы перессорились между собой и начали „мошенничать“: одинъ сдаетъ землю, а другой пріѣзжаетъ и силой гонитъ съ пашни. Но особенно *испортилось положеніе* Ивановцевъ со времени тяжбы съ купцомъ Архиповымъ. Этотъ послѣдній по неформальному условію снялъ у родовыхъ ауловъ Тобола Тленева и двухъ другихъ большой участокъ земли (одна запашка Архипова свыше 500 дес.), однимъ краемъ подошедшій почти непосредственно къ Ивановскому поселку. Ивановцы пожаловались уѣздному начальнику, ссылаясь, между прочимъ, на вышеупомянутое условіе, гдѣ киргизы обязывались не допускать вблизи поселка другихъ арендаторовъ, — и уѣздный начальникъ, на основаніи 126 ст. Положенія 1891 г., воспрепятствовалъ Архипову пользоваться заарендованною землею ¹⁾. Но Архиповъ на этомъ не успокоился: онъ заключилъ формальное условіе съ волостнымъ обществомъ, и это условіе, какъ соотвѣтствующее формальнымъ требованіямъ Положенія 1891 года, было утверждено Областнымъ Правленіемъ ²⁾. „Глядя на него, рассказываютъ крестьяне, и другіе поваѣхали и все кругомъ опалили, а Архиповъ, чтобы наказать Ивановцевъ за поднятый ими „скандалъ“, „мутитъ“ киргизъ и подбивалъ ихъ на всякія непріятности крестьянамъ; такъ, въ 1896 году изъ за него у многихъ оказались недосѣвы: они срадились „пахать съ киргизами изъ части“, а онъ нанялъ всѣхъ киргизскихъ быковъ и лошадей пахать свой участокъ, и съемщики остались ни съ чѣмъ“.

„Частная“ аренда происходитъ, если на деньги, на тѣхъ-же условіяхъ — по 1 р. 50 к. за десятину. „Съ киргизами“ безлошадные работаютъ рѣдко; въ этихъ случаяхъ съемщикъ поднимаетъ залогъ своимъ сабаномъ, а лошадьми сдатчика, за что беретъ себѣ треть вспаханной земли, а

¹⁾ Суть этого дѣла хорошо изложена въ предписаніи уѣзднаго начальника на имя Кустанайскаго городского пристава отъ 23 января 1896 г., которое мы и приведемъ in extenso: «23 января 1896 г., по разсмотрѣннй представленной при надписи отъ 27 ноября 1895 г. за № 1959 переписки, возникшей по поводу жалобы жителей Ивановскаго поселка . . . изъ за стѣсненія ихъ въ поземельномъ пользованіи купцомъ И. П. Архиповымъ . . . видно: что 1) по частному условію киргизъ Убагауской волости № 4 аула Т. Тленева и другихъ съ жителями Ивановскаго поселка Я. Кормилицинымъ съ прочими, заключенному 29 сентября 1891 г., было уступлено 50 дес. земли съ 1892 по 1895 г., съ правомъ распахать Ивановцамъ и болѣе указанного количества земли и съ условіемъ, чтобы вблизи нихъ не было другихъ арендаторовъ; 2) изъ составленнаго Борзовскимъ волостнымъ старшиной акта усматривается, что купецъ И. П. Архиповъ распашалъ землю съ сѣверо-западной стороны, рядомъ съ пашнями жителей Ивановскаго поселка, съ прочихъ же двухъ сторонъ пашни Ивановцевъ находятся зимовки киргизъ и принадлежащія имъ луга; 3) отъ купца Архипова требовалось представленіе условія, заключеннаго имъ съ киргизами, но онъ оговаривался, что такое утерять, а гдѣ оно было засвидѣтельствовано не помнитъ. Изъ вышеизложеннаго я прихожу къ заключенію, что купецъ И. Архиповъ, какъ арендовавшій у киргизъ землю вопреки статьѣ 126 положенія 25 марта 1891 года и приказа моего отъ 27 июня 1894 г. № 47, уклоняется отъ исполненія законнаго моего требованія. Увѣдомляя объ этомъ и принимая во вниманіе отсутствіе у купца Архипова документальныхъ данныхъ на пріобрѣтеніе законнымъ порядкомъ земли, предлагаю Вашему Высокоблагородію объявить Архипову, чтобы онъ не пользовался сказанною здѣсь землею, подѣ опасеніемъ отвѣтственности, какъ за самоуправство».

²⁾ По условію этому участокъ, въ описанныхъ живыми урочищами границахъ, сданъ Архипову на 8 лѣтъ, за плату по 60 к. съ десятины.

засѣваетъ каждый свою часть самъ. Но чаще какъ безлошадные, такъ и однолошадные, снимаютъ землю на деньги, а со скотомъ устраиваются однимъ изъ указанныхъ ниже способовъ. — При денежной арендѣ обычный срокъ платежа — Покровъ, когда хлѣбъ снятъ и обмолоченъ; но часто киргизы прѣзжаютъ и тянутъ деньги впередъ, за что впрочемъ дѣлаютъ небольшія скидки. Покоса арендуютъ мало — больше на деньги „мѣстечкомъ“, „какъ случится“; исполу косятъ рѣдко и въ такомъ случаѣ сѣно дѣлать въ копнахъ.

Отношенія съ киргизами, на почвѣ арендѣ, очень дурныя. Вначалѣ жили очень мирно: земли было много, киргизы не нахали и были рады русскимъ — сами приглашали ихъ, учились у нихъ земледѣлю („теперь жать всѣ выучились, а кто — и пахать“). Теперь стало тѣсно, на землю появился большой спросъ, а затѣмъ — и „богатые ихъ сбиваютъ“, а потому киргизы по словамъ Ивановцевъ, „стали подкавливать“. Другой источникъ дурныхъ отношеній, повидимому, въ томъ, что Ивановцы — очень дурные плательщики: тѣмъ киргизамъ, у которыхъ они пользуются усадьбой и выгономъ они, по показаніямъ крестьянъ сосѣднихъ поселковъ, ничего или почти ничего не платятъ. Главная бѣда — покражи лошадей и другого скота: угоняютъ силой и съ поля, и изъ дворовъ; за годъ у 10 хозяевъ было покрадено 18 головъ! Бѣда и изъ-за причиняемыхъ киргизскимъ скотомъ отравъ: были отравы, оцѣненные въ 100 и 180 р., а когда разъ за отраву взыскали 18 р., то въ ту-же ночь исчезли двѣ лошади.

Мьстность Ивановцы не очень одобряютъ: почва — супесчаный черноземъ, но „скоро выпаживается: три хлѣба снимешь, а тамъ надо парить или бросать“. Покосовъ совсѣмъ мало, даже у самихъ киргизъ: они косили больше по лѣснымъ полянамъ, гдѣ пользованіе нынѣ стѣснено мѣрами лѣснаго начальства; у киргизъ, впрочемъ, еще есть кой-какіе покосы, — но мягкой травы они не сдаютъ, а сдаютъ только ковыли. Крестьяне, имѣя мало скота, довольствуются ковылемъ съ межъ и залежнымъ бурьяномъ. — Самыя серьезныя неудобства — съ выгономъ и водопоемъ: выгонъ страшно стѣсненъ новѣйшими арендаторскими заплатами, тѣмъ болѣе, что и киргизскія зимовки подходятъ къ поселку съ одной стороны на 200 съ другой — на 300 саж.; свободное пространство осталось только къ W отъ поселка; со всѣхъ же остальныхъ сторонъ скота выпустить некуда; почти запаханъ и прогонъ къ водопойному озеру, которое, впрочемъ, высохло. Вообще въ водѣ чувствуется недостатокъ, и еще г. Мацуревичъ предсказывалъ, что жители поселка „исчезнутъ безслѣдно, такъ какъ у нихъ нѣтъ озера“¹⁾. Но въ дѣйствительности дѣло едва-ли настолько серьезно: въ поселкѣ колодцы, глубиной отъ 4 до 6 арш., даютъ достаточно воды; нѣтъ водопоевъ только въ полѣ, откуда приходится гонять скотъ на водопой въ поселокъ; можно было-бы поить скотъ въ 5 верстахъ, въ рѣчкѣ Карангалыкѣ, — но

¹⁾ Донес. 27. VI. 91, № 70.

туда киргизы не пускаютъ. — „Обижаются и насчетъ лѣса^а: штрафы дони-маютъ, а на лѣсорубочные билеты денегъ нѣтъ; кизяка дѣлать не умѣютъ, да и нельзя — скота мало.

Земледѣліе — переложное съ преобладаніемъ посѣвовъ пшеницы: свинутъ три хлѣба и бросаютъ. Теперь начинаютъ послѣ трехъ хлѣбовъ пары па-хать, — выходитъ хорошо, „но не противъ новой земли“. Пашутъ только немногіе (4 двора) плугами, остальные — сибирскими (или пермскими) коле-сухами. Онѣ хороши, хотя уступаютъ плугамъ какъ въ отношеніи подъема цѣлины, такъ и потому, что плугами пашутъ на быкахъ, которые хорошо корятся на ковылѣ и залежномъ бурьянѣ, тогда какъ лошадямъ необходимо „мягкое“ сѣно.

Благосостояніе очень низко, — поселокъ извѣстенъ во всемъ округѣ своею бѣдностью („на всю деревню у нихъ одинъ сабанъ“, говорили мнѣ въ поселкѣ Боровскомъ). Независимо отъ указаннаго выше подбора посе-ленцевъ, главное дѣло въ томъ, что „подъ худые годы пришли, а теперь поправиться не могутъ“; едва начавъ оправляться отъ неурожая 1887 г., поселенцы опять „все пробли“ въ голодные 1890—1891 г.г., такъ что на 32 двора, въ то время состоявшіе въ поселкѣ, по регистраціи г. Мадуревича ¹⁾, оказалось всего 17 лошадей, 13 быковъ и двѣ коровы. Немно-гимъ лучше, какъ видно изъ вышеприведенныхъ цифръ, положеніе поселка и въ настоящее время: во всемъ поселкѣ нѣтъ ни одной бревенчатой избы, — всѣ живутъ въ землянкахъ или дерновыхъ избахъ, и какъ жили помѣ-щенія, такъ особенно дворы, имѣютъ самый жалкій и нехозяйственный видъ. Затѣмъ „настоящими хозяевами“ можно признать только трехъ домохозяевъ, имѣющихъ отъ 7 до 12 быковъ и по 1—2 лошади и заставляющихъ по 12—15 десятинъ; 11 семей — однолошадныя, а 18, т. е. *болѣе половины*, не имѣетъ рабочаго скота. Однако безъ посѣва только одна семья: всѣ остальные такъ или иначе сѣютъ хлѣбъ, а 22 семьи имѣютъ пароконныя колесухи; пашня у нѣкоторыхъ — выговоренная за сроковой наемъ, боль-шинство же пашутъ сами: однолошадные „спрягаются“ съ киргизами (крестья-нинъ даетъ свой трудъ, колесуху и лошадь, киргизъ — пару лошадей; вспа-ханная земля дѣлится пополамъ, причемъ за свою половину крестьянинъ платитъ „аренду“), — чаще же какъ они, такъ и безлошадные просто на-нимаютъ лошадей у киргизъ: иногда — поденно, по 25—30 и до 35 к.; чаще — подесятинно: за тройку лошадей для подъема цѣлины безъ бороньбы платятъ 4 р., для вспашки съ бороньбою десятины старой земли — 2 р., за одну бороньбу съ зимы задавали по 1 р. и по пуду муки, и т. д.. Въ результатѣ, какъ было сказано, запашка есть почти у всѣхъ, и въ об-щемъ выводѣ — не слишкомъ ничтожнаго разиѣра; несмотря на плохой уро-жай 1895 г. хлѣбъ покупали немногимъ болѣе половины наличныхъ домо-хозяйствъ, да и тѣ — лишь въ небольшихъ количествахъ. Сравнительно мало

¹⁾ Тамъ-же.

прибѣгали и въ работѣ по найму, — въ частности годовыхъ работниковъ отпускали всего 4 семьи. Это — отчасти потому, что почти треть домохозяйствъ имѣетъ въ своей средѣ ремесленниковъ, отчасти — потому что нѣкоторыя изъ бѣднѣйшихъ семей отпустили работниковъ на Олекминскіе золотые прииски или на Богословскіе заводы.

Въ общемъ Ивановцы очень недовольны своимъ положеніемъ, главнымъ образомъ изъ за „опашки“ и потравъ. 4 семьи Камышловцевъ собираются уходить домой, гдѣ у нихъ земля сдана не окончательно, а только временно, изъ платежа податей, а у двоихъ остались и дома; многіе думаютъ идти „другія мѣста смотрѣть“, другіе же готовы остаться и получить надѣль; ибо, въ сущности, „жить можно“: „можетъ быть, какъ землю отрѣжутъ, такъ и киргизцевъ отдадутъ“.

№ 8. Поселокъ Степановскій.

(Боровской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличное число домохозяйствъ: 96, изъ нихъ отдѣлившихся здѣсь 2, вышло съ родины 94 (для 10-ти о положеніи на родинѣ нѣтъ свѣдѣній).

На родинѣ имѣли:

десят. надѣльн. земли 635, гол. рабоч. скота 208, дес. посѣва 426,
или въ средн. на семью > > > 7,6 > > > 2,5 > > > 5,1.

Въ числѣ 84 семей было:

Безземель- ныхъ.	Имѣвшихъ надѣльной земли:			
	до 5 дес.	5—10 дес.	10—20 дес.	болѣе 20 дес.
12	31	12	23	6
или въ процентахъ 14,3	36,9	14,3	27,4	7,1

Не сѣяв- шихъ.	Засѣявшихъ десятинъ:				
	до 2-хъ	2—5 дес.	5—10 дес.	10—20 дес.	болѣе 20 дес.
10	20	27	20	6	1
или въ процентахъ 11,9	23,8	32,1	23,8	7,1	1,2.

Арендowali землю 45 семействъ или 53,6⁰/₀, снимавшія 225 десятинъ.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 74, раб. быковъ 259, дойн. коровъ 129, дес. посѣва 614,
или въ средн. на семью головъ рабочаго скота 3,5 > > > 1,4 > > > 6,4.

Отдѣльно для 51 семей, прибывшихъ до 1892 г. включительно:

рабочаго скота 209, дес. посѣва 412,
или въ среднемъ > > > 4,1, > > > 8,1.

Распределение дворов по рабочему скоту:

Безъ рабочаго скота.	20	семеиствъ или	20,8 ^{0/0}
Работающихъ лошадыми: однолошадныхъ.	15	>	> 15,6 ^{0/0}
двулошадныхъ	5	>	> 5,2 ^{0/0}
съ 3—4 лошадыми	3	>	> 3,1 ^{0/0}
Работающихъ быками: имѣющихъ до 3-хъ головъ	19	>	> 19,8 ^{0/0} ¹⁾
4—6 >	13	>	> 13,5 ^{0/0}
7—10 >	18	>	> 18,7 ^{0/0}
10—15 >	3	>	> 3,1 ^{0/0}
болѣе 15 >	—	>	> —

Распределение дворов по пахатнымъ орудіямъ:

Безъ пахатн. орудія 43, съ колесухой 13, съ плугомъ 36, съ 2 оруд. ²⁾ 4,
или въ ^{0/0} > > > 44,9, > 13,5, > 37,5 > 4,2.

Распределение дворов по посявной площади:

	Безъ посява.	З а с ѣ в а ю щ и х ъ д е с я т и н ѣ :						болѣе 60
		до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60	
	1	19	39	26	9	1	1	—
или въ процентахъ	1,0	19,8	40,8	27,0	9,4	1,0	1,0	—

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—1896 г.:

Покупавшихъ лѣббъ 64 семейства или 66,7^{0/0}, ими куплено 2.325 пуд.
Продававшихъ > 13 > > 13,5^{0/0} > продано 2.700 >
Имѣющ. старый > 2 > > 2,1^{0/0} у нихъ въ запасѣ 1.500 >

Наемъ и отпускъ рабочей силы:

Вообще нанимаютъ работниковъ 14 семействъ или 14,5^{0/0}.
Изъ нихъ нанимаютъ по нѣскольку годовыхъ 2 семьи
> одному годовому . . . 5 >
на лѣтн. или весен. срокъ 2 >

Продаютъ рабочую силу 62 семьи или 64,6^{0/0}.

Изъ нихъ отпускаютъ по нѣскольку годовыхъ 1 семья
> одному годовому . . . 9 >
на лѣтн. или вес. срокъ. 8 >

Изъ 29-ти семей, составляющихъ наличное населеніе поселка, 31—изъ Оренбургской губерніи, Челябинскаго уѣзда, 31 же — изъ Полтавской, въ томъ числѣ 30 семей — изъ Миргородскаго уѣзда; 11 семей изъ разныхъ уѣздовъ Пермской губерніи, 6—изъ Наровчатскаго уѣзда Пензенской губерніи, по три—изъ губерній Самарской и Екатеринославской, 10—изъ разныхъ

¹⁾ Почти всѣ — по 2 быка.
²⁾ Плугъ и колесуха.

другихъ губерній. По времени прибытія наличные поселенцы распредѣляются такъ: въ 1888 г. пришло 3 семьи, въ 1889—21, въ 1890—19 семей; затѣмъ наплывъ переселенцевъ почти прекращается, и прибывшихъ въ 1891 и 1892 г.г. числится уже всего 7 семей; въ 1893 г. является опять 18 семей, въ 1894—уже 25, и наконецъ, въ 1896 г.—еще 2 семьи.

Первыми водворенцами поселка были исключительно Пермьки и Оренбуржцы: изъ 47 семей, числившихся по регистраціи г. Мацуревича, выходцевъ изъ этихъ двухъ губерній числилось 37 семей. Въ частности, Оренбуржцы—родомъ, въ сущности изъ Уфимской губерніи (уѣздъ не отмѣченъ); происходя изъ бывшихъ горнозаводскихъ крестьянъ, они тотчасъ-же послѣ освобожденія, въ 1863 или 1864 г., переселены были, при содѣйствіи правительства, въ двѣ смежныя волости Челябинскаго уѣзда, гдѣ и получили надѣлъ по 11 дес. на душу; но такъ какъ, во-1-хъ, всѣ лучшія мѣста заняты были старожилами, а во-2-хъ, сами переселенцы, никогда не занимавшіеся пашней, не знали толку въ землѣ, то они попали на плохія земли (солонцеватая, безъ открытыхъ водъ), на которыхъ оказалось „нельзя жить“. Отсюда—переселеніе, окончательнымъ поводомъ котораго для многихъ послужила невозможность добыть передѣла, послѣдній же толчокъ дали извѣстія, полученныя изъ поселка Боровскаго. Въ 1888 году, по уполномочію отъ 30 семей, явились въ данную мѣстность 4 ходока, которые облюбовали мѣстность при озерѣ Сабанкуль, а въ 1889 г. и они сами, и ихъ довѣрители переебрались на участокъ, въ числѣ 30 семей, причемъ однако нѣкоторые, начавъ пахать здѣсь съ 1889 года, окончательно переебрались лишь чрезъ 2—3 года. Позже, въ разное время, прибыло изъ той-же мѣстности еще 8 семей; эти позднѣйшіе пришельцы, вмѣстѣ съ другими, въ числѣ всего до 130 душъ мужскаго пола, хлопотали о разрѣшеніи переселиться „на Ишимъ“, въ Кокчетавскій уѣздъ, и только получивъ окончательный отказъ и отъ бывшаго Генералъ-Губернатора, и отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, рѣшились идти сюда, къ землякамъ.—Еще ранѣе Челябинцевъ въ данной мѣстности появились первые Пермьки, изъ Шадринскаго уѣзда; въ числѣ 3 семей, они ушли изъ дому въ 1887 г., прожили годъ въ поселкѣ Александровскомъ, откуда въ 1888 г. ушли изъ-за безлѣся, прожили годъ въ данной мѣстности, работая „съ киргизами“, а по образованіи поселка въ 1889 г. вошли въ составъ общества; по ихъ письмамъ, съ 1889 по 1891 годъ, пришло еще пять семей. Изъ другихъ болѣе раннихъ водворенцевъ можно остановиться на 6 семьяхъ Пензенцевъ, изъ Наровчатскаго уѣзда; одинъ изъ нихъ ушелъ еще въ 1877 году въ Акмолинскую область, откуда въ 1880 г. переебрался въ Кустанай; затѣмъ однако, когда въ Кустанай „стало тѣсно“, онъ „присмотрѣлъ“ мѣсто въ поселкѣ Степановскомъ, куда, по его письмамъ, въ 1890 г. явились остальные пять семей; затѣмъ—на 11 семей выходцевъ изъ разныхъ губерній, въ разное время (съ 1873 по 1889 г.) переебравшихся на офицерскія земли Оренбургской линіи, а затѣмъ съ 1890 по 1892 годъ переебравшихъ сюда; впрочемъ три изъ нихъ

ранѣе успѣли пожить еще въ поселкѣ Александровскомъ, гдѣ имъ „не поглянулось“, одна—въ Боровскомъ; наконецъ еще 4 семьи, тоже изъ разныхъ губерній, перешли въ поселокъ изъ Кустаная, куда прибыли также въ разное время, съ 1881 по 1891 годъ.—Изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ слагалось первоначальное населеніе поселка, которое объединяется только одною общою чертою: это—почти все вторичные переселенцы, большею частью—выходцы изъ болѣе или менѣе многоземельныхъ мѣстностей или же лица, по уходѣ съ родины уже успѣвшія такъ или иначе устроиться и привлеченныя сюда исканіемъ лучшихъ мѣстъ. Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ прибывшіе въ 1893 и 1894 г.г., въ числѣ 30 семей, Полтавцы: всѣ они на родинѣ были безземельными или малоземельными ¹⁾ и вели свое, хотя и небольшое хозяйство по преимуществу на арендованной землѣ; переселиться они желали въ Южно-Уссурійскій край, а получивъ отказъ, въ 1892 г. послали четырехъ ходоковъ въ Сибирь; слѣдуя чрезъ Оренбургъ, ходоки прослышали о Кустанай и его окрестностяхъ и, дѣйствительно, „присмотрѣли мѣсто“ въ данномъ поселкѣ и вступили въ соглашеніе съ болѣе ранними водворенцами. По возвращеніи ходоковъ, довѣрители ихъ, въ числѣ 40 семей, подали прошеніе о разрѣшеніи переселиться, но 10 семей двинулись въ путь въ 1893 г., не ожидая результатовъ своего ходатайства; другія 20 семей дождались разрѣшенія (въ Сибирь?) и прибыли только въ 1894 г., десять же семей, повидимому, вовсе отказались отъ мысли о переселеніи.

Выселеніе изъ поселка было не очень значительно и имѣло мѣсто только въ „голодные“ годы; въ это время ушло по официалънымъ свѣдѣніямъ—19 семей изъ числа получившихъ ссуды, по показаніямъ крестьянъ—20 семей, изъ нихъ:

„на старину“	6 семей
„на Зеленый Кустъ“ (въ Туркестанскій край)	5 „
„на Ишимъ“	9 „

Первыми на мѣстѣ нынѣшняго поселка *поселились* въ 1888 г., какъ я уже упоминалъ, 3 бѣдныхъ семьи изъ Шадринскаго уѣзда, которыя поставили землянки и „пахали съ киргизами“ изъ третьей части. Эти 3 семьи и посейчасъ живутъ въ поселкѣ, — но основателями послѣдняго считаются не онѣ, а прибывшія ранѣе другихъ 30 семей Челябинцевъ, довѣренными которыхъ въ 1888-же году заключенъ былъ *арендный договоръ*. По договору этому, заключенному на 3 года (1889—91) съ родовымъ ауломъ Джумабека Бафинова (въ числѣ 25 кибит., 4 аула Убаг. вол.), подъ пашню

¹⁾ Эта разница между Полтавцами и, главнымъ образомъ, Пермьяками и Челябинцами, рѣзко отражается и на рядѣ цифръ, выражающихъ распределеніе поселенцевъ по размѣрамъ землевладѣнія: въ рядѣ этомъ значительное большинство принадлежитъ къ крайнимъ группамъ—малоземельнымъ (Полтавцы) и многоземельнымъ (Пермьяки и Оренбуржцы),—средняя же по размѣрамъ землевладѣнія группа представлена очень слабо.

снимался участокъ въ 75 дес., съ платой за *каждую* десятину, независимо отъ размѣровъ дѣйствительной эксплуатаціи, по 1 р. 20 к.; кромѣ того, крестьянамъ отводилось мѣсто подъ усадьбы, съ правомъ водворенія на немъ до 10 семей ¹⁾ и съ платой въ годъ по 1 р. съ дома и одновременно по пуду пшеничной муки, а скотъ пасты крестьянамъ предоставлялось по всѣмъ пастбищамъ сдатчиковъ, вмѣстѣ со скотомъ этихъ послѣднихъ. Арендная плата собиралась уполномоченнымъ крестьянъ „въ одну кучу“ и сдавалась на руки довѣренному сдатчиковъ, между которыми распредѣлялась очень неравномѣрно („кто больше хлопоталъ, тому больше и доставалось“).

Къ истеченію срока дѣйствія договора въ поселкѣ набралось уже до 50 семей, причемъ *вновь приходившіе* только „угощали“ „стариковъ“, согласіе же на водвореніе получали не отъ поселковаго общества, а отъ киргизъ, которымъ платили деньги за пріемъ и отъ которыхъ получали землю; такъ, 6 семей Челябинцевъ, прибывшія позже другихъ, заплатили киргизамъ за право приселиться по 6 р. съ двора, „старикамъ“ же ставили по полуведру вина.

7 іюня 1891 г. былъ заключенъ *новый договоръ*, уже отъ имени 46 домохозяевъ, съ тѣми-же киргизами, срокомъ на 6 лѣтъ (1892—97); по этому договору условія пользованія усадьбой и выгономъ оставались прежнія; подъ водопой назначены были поддворное озеро Сабанкуль и небольшое озерко вблизи Михайловскаго поселка, подъ пашню же отводился участокъ въ 120 дес., съ платой по 1 р. 25 к. не съ каждой, а только съ *распаханной* десятины. По объясненію крестьянъ, они ограничились столь малымъ участкомъ потому, что ослабленные голодными годами они „и того не могли распахать, а не то, что больше“; въ дѣйствительности однако дѣло обстоятъ совершенно иначе: прежде всего, какъ я могъ убѣдиться при личномъ осмотрѣ, площадь отведеннаго подъ пашню („рендбоваго“) участка не 120, а никакъ не менѣе 500 десятинъ, причемъ въ немъ, съ одной стороны, продолжаютъ пахать и киргизы-сдатчики, а съ другой — арендаторы, перепортивъ всѣ цѣлины, почти не пахутъ, и лишь изрѣдка снимаютъ „подъ пары“ старую землю, запашки же ихъ располагаются почти цѣликомъ на землѣ, арендованной „частно“; затѣмъ, тщательные разспросы убѣдили меня въ томъ, что 120-десятинный участокъ, въ сущности, — фикція, а суть дѣлки — въ установленіи подесятинной цѣны въ 1 р. 25 к., по которой киргизы аула Бафинова *обязаны* сдавать землю крестьянамъ — контрагентамъ, не имѣя права сдавать ея, въ указанныхъ границахъ, постороннимъ лицамъ. Необходимо замѣтить еще, что „рендовой“ участокъ начинается, приблизительно, въ 3 верстахъ отъ поселка, потому что ближайшей къ послѣднему мѣстности киргизы въ то время не соглашались сдавать подъ распашку. — Второй договоръ вносилъ существенное измѣненіе

¹⁾ Такое небольшое число указано въ договорѣ потому, что киргизы сначала не соглашались на водвореніе ббльшаго числа крестьянъ.

по вопросу о порядкѣ уплаты арендныхъ денегъ: послѣднія уже не собираются въ однѣ руки, а каждый поселенецъ знаетъ своего „хозяина“ — одного изъ 25 одноаульцевъ, которому и отдаетъ арендные деньги изъ рукъ въ руки; при этомъ киргизы „расписали“ между собою поселенцевъ такимъ образомъ, что каждый изъ нихъ получаетъ приблизительно одинаковую сумму ¹⁾: „къ кому приписали одного богатаго, а къ кому—по нѣскольку бѣдныхъ“.

Послѣ заключенія втораго договора въ поселкѣ водворились — если оставаться лишь на болѣе крупныхъ группахъ — одни Полтавцы; они уплатили обществу за право водворенія въ поселкѣ по 5 р. съ семьи, землю же обязались снимать у киргизъ внѣ „рендоваго“ участка; ограниченіе это касается, впрочемъ, только распахки цѣлинъ; брошенные-же первыми „жителями“ залежи хохлы могутъ арендовать и дѣйствительно арендуютъ, платя отъ 50 к. до 1 р. за десятину.

Какъ-бы то ни было,—но главная масса обрабатываемыхъ нынѣ поселенцами земель снимается по „частной“ *арендѣ*: „за залогами полѣзли во всѣ стороны“: распахали всю ближайшую къ поселку полосу, гдѣ киргизы раньше не сдавали земля; много пахутъ и въ предѣлахъ Аракарагайской волости, гдѣ земли раньше тоже не сдавали, и т. д. Цѣны при такой арендѣ подверглись существеннымъ измѣненіямъ: въ концѣ 80-хъ годовъ за залого, обороты и третьяки платили безразлично по 1 р. 20 к. („скота было мало, залого пахать не было силы“, а потому „мятня“ земли брали даже охотнѣе, чѣмъ цѣлины); теперь за цѣлины и обороты платятъ отъ 1 р. 50 к. до 2 р. и даже 2 р. 50 к., за третьяки — не дороже рубля за десятину. Довольно развита и аренда изъ части: снимаютъ и съ обработкой скотомъ сѣмщика, причемъ послѣдній получаетъ 3 части, сдатчикъ — одну; и съ обработкой скотомъ сдатчика, который въ этомъ случаѣ получаетъ 2 части обработанной земли, сѣмщикъ — третью; въ томъ и другомъ случаѣ сѣмщикъ только пахнетъ часть сдатчика, боронить-же каждый самъ. Покосы снимаютъ преимущественно участками, „какъ придется“, причемъ въ 1896 г. косна обходилась отъ двухъ до 10 копѣекъ; косать и изъ части — обыкновенно исполу, въ хорошіе же урожаи, какъ въ 1896 г., сѣмщикъ беретъ себѣ двѣ трети накошеннаго сѣна.

Сдѣлки „частной“ аренды заключаются либо по роспискамъ, либо „такъ“, словесно. При такихъ сдѣлкахъ не рѣдкость, конечно, и недоразумѣнія, и „мошенства“: крестьяне указываютъ и на случаи, когда одинъ киргизъ сдавалъ одинъ и тотъ-же участокъ земли двумъ лицамъ, и на такіе, когда одинъ участокъ сдавался двумя разными киргизами и т. п.; двойныя сдачи — нерѣдко результатъ запутанности киргизскихъ поземельныхъ отношеній, а иногда — слѣдствіе многократно производившихся пере-

¹⁾ Михайловскій поселокъ снимаетъ землю у тѣхъ-же киргизъ, и Михайловскіе поселенцы «расписаны по хозяевамъ» вмѣстѣ со Степановцами.

дѣлокъ разграниченія угодій между аулами и отдѣльными кибитковладѣльцами. Особаго озлобленія по поводу такихъ случаевъ крестьяне, впрочемъ, не выказывали: „поспорятъ, говорятъ они, — и смирятся“; нѣкоторые утверждаютъ, что вначалѣ въ этомъ отношеніи было хуже („киргизы любятъ новенькихъ ловить и обходить“), а теперь обмановъ меньше стало, — другіе говорятъ, что и теперь обманываютъ не меньше, чѣмъ прежде. Съ другой стороны, многіе отзывались, что „познакомились“ съ киргизами и берутъ у нихъ землю — кто въ долгъ, кто — за „гостинецъ“, безъ денегъ.

Мѣстность, гдѣ расположенъ поселокъ, входитъ въ составъ Сабанкульской лѣсной дачи и представляетъ собой ковыльную степь, довольно густо усѣянную колками. Почва — сильно песчаный черноземъ, который по мѣрѣ распашки становится болѣе сѣрымъ и „на золу похожимъ“; на залежахъ ковыль не возобновляется даже послѣ 8—10 лѣтъ: на свѣжихъ залежахъ растутъ перекатиполо, лѣпуха, полынь, на болѣе вылежавшихся — рѣзунка. Насчетъ покосовъ плохо: луговыхъ мѣстъ нѣтъ, — были ковыли, да распаханы, въ лѣса не пускаютъ; косить приходится „кое-гдѣ по степи“, а больше косятъ бурьянъ по залежамъ; сѣна заготавливаютъ мало („хорошій житель 50 копенъ ставитъ“), и сѣно очень неспорое.

При поселенномъ опросѣ *безконечныя жалобы*: „жизня не стало“, „закрывши глаза бѣжать надо“. Прежде всего — жалуются на недостатокъ водопоевъ: поддворное озеро Сабанкуль совершенно высохло; въ 1896 г., благодаря дождямъ, въ немъ появилась вода — но ея и мало, и на вкусъ она солоноватая, — скотъ не пьетъ; впрочемъ, на деревнѣ въ водѣ недостатокъ нѣтъ: покопаны колодцы, не глубже 7—9 аршинъ, вода въ нихъ хорошая и въ изобиліи; за то въ поляхъ почти совершенно нѣтъ водопоевъ: всѣ болотца, гдѣ ранѣе пасли скотъ, повысыхали, — высохло и общее съ Михайловцами озерко на вершинѣ рч. Карангалыка, и только въ 1896 г., благодаря устроенной Михайловцами запрудѣ, въ немъ опять появилась вода. — Дальнѣйшая тема для жалобъ — что „кругомъ опахали“: владѣнія аула Бафинова кончаются у озера Сабанкуль, за которымъ идутъ владѣнія другихъ киргизскихъ ауловъ и даже другой волости, имѣющихъ своихъ арендаторовъ; вокругъ поселка — зимовки шести родовыхъ ауловъ, подходящія къ поселку на 3—4 версты, одна — даже 1½ в. (раньше ближайшія зимовки находились даже въ 150 саж. отъ поселка, теперь же онѣ „отдалились“), пашни же киргизъ разбросаны чрезполосно съ крестьянскими; при этомъ со всѣхъ сторонъ подошли постороннія аренды: Михайловскаго поселка, Кустанайскихъ мѣщанъ, Александровцевъ и т. д., — такъ что сплошь распахиваемая Степановцами мѣстность вытянулась узкою лентой въ одну сторону, а главная масса ихъ пашень разбросана „смѣшицей“ съ пашнями постороннихъ лицъ. Вообще „хозяевъ у земли много, каждый сдаетъ, кому вздумается, — ждали такъ, что жить нельзя“; главный печальный результатъ „утѣсненія“, — что „новыхъ земель совсѣмъ не стало“. — Затѣмъ, очень жалуются, что „въ лѣса не пускаютъ“: и безъ лѣсныхъ матеріаловъ

трудно, а кромѣ того—въ лѣсахъ лучшіе покосы, которыхъ теперь лѣсное начальство не даетъ косить; вообще жалуются на недостатокъ покосовъ: были прежде ковыли, и кормъ хорошій давали,—но теперь они всѣ распаханы; и пашни тоже не одобряютъ: „три хлѣба снимешь,—а тамъ парить надо“.

Земледѣліе—переложное: на цѣлинѣ сѣютъ 3 года подрядъ пшеницу („хлѣбъ сѣмешь, сейчасъ вспашешь, а на весну опять сѣмешь“), притомъ почти исключительно кубанку и переродку; послѣ трехъ хлѣбовъ землю прежде бросали, теперь, въ виду „утѣсненія“, начинаютъ парить; впрочемъ пока парятъ немногіе,—все ищутъ новой земли, которая хлѣбъ родитъ лучше, безъ сору; на парахъ сѣютъ уже простую пшеницу; ржи прежде совсѣмъ мало сѣяли, теперь начинаютъ сѣять больше; проса тоже мало сѣютъ,—старая земля не родитъ, а новая идетъ подъ пшеницу. Орудія—у Пермиковъ и Челябинцевъ—колесухи, у хохловъ—плуги; плуги впрочемъ начинаютъ перенимать и первые, особенно для подъема цѣлинъ,—быками же пашутъ почти всѣ, запрягая ихъ и въ колесухи; вообще, лошадей держатъ очень мало („хорошій хозяинъ два сабана быковъ имѣетъ да 1—2 лошади“), отчасти изъ за конокрадства („лошадей держать нельзя“), а главное—изъ за недостатка въ хорошемъ сѣнѣ и овсѣ, котораго не сѣютъ: „здѣсь 5 лошадей хозяина сѣдятъ“, говорятъ крестьяне, а быки живутъ больше подножнымъ кормомъ.

Благосостояніе населенія стоитъ на невысокомъ уровнѣ, хотя и значительно выше, чѣмъ въ поселкѣ Ивановскомъ. Причина—въ томъ, что новоселы „не къ году пришли“: въ годъ образованія поселка, когда большинство прибывшихъ еще не сѣяло, былъ, правда, отличный урожай, но за тѣмъ послѣдовали почти полные неурожаи 1890 и 1891 г., сильно разорившіе народъ, такъ что поселенцы не только не могли арендовать земли сверхъ „рендоваго“ участка, но и этотъ послѣдній большею частью пустовалъ; кой-какъ начали поправляться „съ казеннаго хлѣба“,—но еще даже въ 1893 г. „чуть наѣлись“, а настоящій ростъ запасекъ начался только съ 1894 года. Въ настоящее время поселокъ „живетъ ладно“, но „которые денегъ по тысячѣ приносили, а теперь сотни остались“; ни у кого почти не успѣло, несмотря на хорошіе урожаи 1892—1894 г. г., образоваться и хлѣбныхъ запасовъ, такъ что послѣ дурнаго урожая 1895 г. значительному большинству Степановцевъ пришлось покупать хлѣбъ.

По наружности поселокъ производитъ благопріятное впечатлѣніе: въ немъ сравнительно много бревенчатыхъ избъ—у 13 семей, а 10 изъ нихъ имѣютъ пятистѣнные или крестовые дома; хотя затѣмъ большинство живетъ въ домахъ, сложенныхъ изъ дерна, но эти дома и особенно дворы имѣютъ здѣсь аккуратный и хозяйственный видъ, и почти не видно такихъ жалкихъ землянокъ, изъ какихъ состоятъ, напримѣръ, Ивановскій поселокъ. 9 семей, однако, вовсе не имѣютъ избъ, а живутъ въ наемныхъ помѣщеніяхъ. Если затѣмъ обратиться къ инвентарю, то только 29 семействъ—имѣющихъ

не менѣе 6 быковъ или пары лошадей—можно будетъ признать имѣющими полный инвентарь; напротивъ, болѣе половины наличныхъ дворовъ являются либо совершенно безхозайными, либо могущими пахать лишь въ складчину и другими подобными способами: 43 семьи не имѣютъ ни плуга, ни сохи; 20 семей—безъ всякаго рабочаго скота, а 34 имѣютъ по одной лошади или по парѣ, рѣже по тройкѣ быковъ. Такіе дворы либо спягаются или нанимаютъ скотъ на указанныхъ по поселку Ивановскому условіяхъ, либо покупаютъ вспаханныя цѣлины и обороты, платя по 6—7 р. за десятину (прежде, когда у большинства не было скота, платили по 12—15 и до 18 р.), либо наконецъ нанимаютъ пахать: обороты—по 4 р., старую землю—по 1 р. съ десятины. Примѣняя всѣ эти способы, и безъинвентарные хозяева производятъ посѣвъ, причѣмъ однако 19 семей—одна пятая общаго числа—засѣваютъ не свыше двухъ десятинъ.—Продажа рабочей силы достигаешь, конечно, большихъ размѣровъ,—къ работѣ по найму прибѣгаютъ почти двѣ трети общаго числа поселенцевъ, причѣмъ 18 семей отпускаютъ годовыхъ или срочныхъ работниковъ. Самыя обычныя формы найма—это жнитво изъ части урожая, при маломъ спросѣ на трудъ—изъ четвертаго или третьяго снопа, при очень большомъ—и изъ половины, а также заборъ подъ лѣтнюю работу съ зимы, причѣмъ иногда заранѣе условливается опредѣленная, сильно пониженная противъ нормальной цѣна, иногда же за заборную работу разсчитываются „по вольной цѣнѣ“.

Общій тонъ отзывовъ новоселовъ о своемъ житѣи неодобрительный: „земли слабыя, покосовъ нѣтъ, воды мало, отъ лѣсовъ отказано“,—почему „нарѣзки“, т. е. причисленія и надѣленія землею, многіе не желаютъ. Другіе признаютъ, что большинство этихъ жалобъ не имѣетъ основаній,—что дѣйствительный недостатокъ ощущается только въ покосахъ, что же касается до пашень, то все дѣло только въ томъ, что распаханы цѣлины и за ними хотятъ идти куда-нибудь въ другое мѣсто. Какъ-бы то ни было, но 30 семей уже ходатайствовали о разрѣшеніи имъ переселиться въ Кокчетавскій уѣздъ, а 32 семьи (въ томъ числѣ 20—изъ участвовавшихъ въ упомянутомъ ходатайствѣ и 12 новыхъ) въ заявленіи, поданномъ уѣздному начальнику, а затѣмъ и Военному Губернатору, „отозвались, что здѣсь жить не желаютъ“¹⁾. Всего, такимъ образомъ, отказываются отъ полученія надѣла

¹⁾ Вотъ буквальный текстъ этого заявленія (отъ 28. XI. 1895 г.): «... Здѣсь намъ сначала жилось хорошо,—пахатной земли было достаточно, покосовъ тоже, и въ водѣ недостатка не было, но въ настоящее время обстоятельства измѣнились. Удобная для хлѣбопашества земля вся опажана посторонними лицами, почему и цѣны на аренду поднялись; покосы также всѣ распаханы, площадь скотскаго выпуска сократилась до минимума, воды же почти вовсе нѣтъ, такъ какъ бывшія здѣсь въ поляхъ болотца и озера высохли въ первые-же годы поселенія. Самое озеро Сабанкуль въ минувшемъ году тоже лишилось воды, а въ колодцахъ ея такъ мало, что не хватаетъ для скота... Въ настоящее время есть слухи, что предполагается насъ надѣлить здѣсь землею... Принимая во вниманіе, что поселокъ Степановскій для постоянного жительства вовсе неудобенъ, мы отъ земельнаго надѣла здѣсь заблаговременно отказываемся, о чемъ покорнѣйше просимъ В. В.—діе донести подлежащему начальству, съ предоставленіемъ намъ права подыскивать себѣ новое мѣсто для жительства»..

и хотять перейти въ другое мѣсто 42 семьи — изъ нихъ 21 семья Челябинцевъ, т. е. слишкомъ двѣ трети общаго ихъ числа, и всего одна семья — изъ Полтавцевъ. По благосостоянію желающіе уйти стоятъ выше средняго по поселку уровня, но на одномъ уровнѣ съ всѣми вообще дворами, прибывшими до 1892 г. включительно; у нихъ именно имѣется:

Рабочаго скота 173 шт., или въ среднемъ по 4,1 шт.
Посѣва . . . 350 дес. „ „ „ 8,3 „ .

Что касается до Полтавцевъ, то они еще не рѣшили, будутъ ли жить здѣсь, или нѣтъ; послѣднее правдоподобнѣе, главнымъ образомъ потому, что ихъ „жители“ (т. е. болѣе ранніе водворенцы) гонятъ прочь, а затѣмъ и изъ за постоянныхъ инцидентовъ при арендованіи земель („тотъ продаетъ, а другой не даетъ“).

№ 9. Поселокъ Михайловскій.

(Боровской волости).

Исторію возникновенія Михайловскаго поселка г. Мацуревичъ ¹⁾ описываетъ такъ: „въ 1888 г. на мѣстность, именуемую по киргизски „Карангалыкъ“ прибыло сразу 83 семьи Самарцевъ, въ большинствѣ изъ Мордвовъ, и положили основаніе поселку. Прибыли новоселы по веснѣ, а осенью 8 ноября въ ихъ поселокъ прибылъ по дѣлу г. вице-губернаторъ И. П. Кирѣевъ и сталъ стыдить жителей, что они, будучи русскими, именовали свой поселокъ „Карангалыкъ“. Переселенцы, помня, что въ ихъ деревнѣ въ день св. Михаила былъ престольный праздникъ, порѣшили дать названіе поселку Михайловское, каковое онъ носить и понынь“.

Въ поселкѣ имѣются представители 15-ти губерній, которые распадаются на двѣ главныя группы: одну составляетъ мордва изъ Самарской, Казанской и Пензенской губерній, другую — „русскіе“, по преимуществу изъ Самарской-же губерніи (изъ нихъ 14 семей одной волости); къ этой второй группѣ примыкаютъ и немногочисленные малороссы-Воронежцы. — Очень значительная часть населенія поселка ранѣе жила въ Кустанаѣ, гдѣ многіе были приписаны въ мѣщане, или на казачьихъ и башкирскихъ земляхъ Оренбургской губерніи; Воронежцы отстали отъ партіи, направившейся въ Сыръ-Дарьинскую область.

Основателемъ поселка былъ мордвинъ, шедшій въ Томскую губернію и отставшій здѣсь отъ партіи; онъ собралъ по окрестностямъ нѣсколько семей мордовскаго-же происхожденія, а немного позже явилось нѣсколько

¹⁾ Докес. 25. VII. 91 № 94.

семей Самарцевъ-русскихъ; затѣмъ, „по слуху“, народъ сталъ стекаться со всѣхъ сторонъ, причѣмъ русскіе приселялись къ русскимъ, мордва — къ мордвѣ (впрочемъ, это этнографическое различіе не вполне выдержано — нѣкоторые русскіе приселялись къ мордвѣ), — и поселокъ по настоящее время состоитъ изъ двухъ половинъ — русской и мордовской, раздѣляемыхъ церковью, и сохранившихъ самостоятельность и въ земельномъ отношеніи.

Приливъ населенія не прекращался до самаго послѣдняго времени, и окончательно остановился только со времени возникновенія недоразумѣній съ участкомъ новокрещенныхъ киргизъ. Но параллельно съ приливомъ шелъ и отливъ; по официальнымъ даннымъ онъ былъ не очень значителенъ: изъ перечисленныхъ ушло всего 15 семей, изъ получавшихъ ссуды въ голодный годъ, включая неперечисленныхъ, — 35 семей; но по отзыву крестьянъ изъ поселка „больше ушло, чѣмъ осталось“: „у васъ, говорятъ крестьяне, какъ неурожай, сейчасъ уйти охота, а какъ хлѣбъ родится, — ничего, живутъ“. Перечислить всѣхъ ушедшихъ крестьяне не взялись: „такіе, кто ничего не имѣлъ, — гдѣ ихъ упомнишь“, — а также и такихъ, кто „придетъ, оглядится, да идетъ дальше“. Указываютъ однако, что съ „русской половины“ ушли всѣ 10 семей первоначальныхъ „рендателей“, — „разбрелись кто куда“; изъ мордовской-же ушло „на офицерскія земли“ 13 наиболѣе зажиточныхъ семей; вспоминаютъ также о нѣсколькихъ семьяхъ, которыя уходили въ Сырь-Дарьинскую область, затѣмъ вернулись сюда, пожили нѣсколько времени и опять ушли — на этотъ разъ уже въ Сибирь. Нѣсколько семей изъ числа уходившихъ вернулись и живутъ здѣсь, — всѣ онѣ стали „куда бѣднѣе, чѣмъ были“.

Во всякомъ случаѣ, приливъ поселенцевъ былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ выселеніе, и въ настоящее время населеніе поселка дошло до 141 семьи, изъ коихъ однако только 62 причисленныхъ.

„Мордовская“ и „русская“ половины, какъ я уже упоминалъ, совершенно независимы и въ смыслѣ пользованія землей, почему земельныя отношенія надо описать для каждой половины отдѣльно.

а) Мордовская половина. Первоначальными „рендателями“ были 5 семей, которыя заключили съ ауломъ Джумабека Вафинова (тѣмъ-же, на земляхъ котораго устроился Степановскій поселокъ) *арендный договоръ* ¹⁾ на 6 лѣтъ 1888—93); по договору этому разрѣшалось водвореніе десяти семьямъ, которымъ отводился участокъ на W отъ поселка, рядомъ съ участкомъ Степановцевъ, съ платой по 1 р. 20 к. съ распаханной десятины; за усадьбы уплачено было одновременно по 2 р. съ дома, выгонъ — безплатно. Договоръ засвидѣтельствованъ былъ аульнымъ старшиной, причѣмъ расходы составили до 20 рублей. Арендную плату первые три года получалъ одинъ довѣренный — глава родового аула, но затѣмъ среди одноаульцевъ возникли несогласія и они „раздѣлили крестьянъ между собой“, такъ

¹⁾ Этого договора я не видѣлъ.

что каждый крестьянинъ платитъ деньги непосредственно своему „хозяину“ (см. пос. Степановскій).

Приселеніе послѣдующихъ водворенцевъ происходило во время дѣйствія этого договора съ разрѣшенія киргизъ, которые брали „за усадьбу“ уже по 3 р. съ семьи и допускали пользоваться землей на прежнихъ условіяхъ; обществу крестьянъ ставили вино.

Срокъ дѣйствія договора истекъ сейчасъ-же послѣ „голодныхъ годовъ“, когда у многихъ „силъ не хватало“ заключать новый договоръ и нести связанные съ этимъ расходы. *Новый договоръ* (25 іюня 1893 г.) былъ поэтому заключенъ на имя только 23 человекъ („у кого силъ хватало“); и этотъ договоръ заключенъ былъ тоже на шестилѣтній срокъ (1894—99), причемъ киргизы отводили крестьянамъ, на этотъ разъ уже къ 0 отъ поселка, въ границахъ, описанныхъ живыми урочищами, „собственный участокъ земли для хлѣбопашества“, въ количествѣ 200 дес. свѣжей земли ¹⁾, кромѣ того 130 дес. ими раньше разработанной, съ платою тоже по 1 р. 20 к. съ распаханной десятины, причемъ плата за 130 дес. старой земли прекращается по мѣрѣ оставленія ея въ залежь; и усадьба, и выпасъ скота по всей дачѣ сдатчиковъ — по этому договору бесплатно; на случай потравъ обѣ стороны обязываются подчиняться народному суду. Этотъ договоръ засвидѣтельствованъ былъ уѣзднымъ начальникомъ, — расходы по заключенію его, включая гербовый сборъ, составили уже до 70 р. Независимо отъ изложенныхъ условій, внесенныхъ въ писанный договоръ, словесно былъ установленъ такой порядокъ пользованія землею: пока русскій желаетъ пахать полосу, онъ платитъ установленную договоромъ сумму; если онъ бросаетъ ее, киргизы, съ его согласія, могутъ отдать полосу постороннему лицу (такія полосы сдаются по 50 к. и дешевле); крестьяне сохраняютъ право пахать и на сторонѣ, по „частнымъ“ арендамъ, киргизы же въ установленныя границы не могутъ пускать постороннихъ лицъ. Фактически однако киргизы въ послѣднее время стали „пускать городскихъ“, чѣмъ причиняютъ крестьянамъ вѣкоторое „утѣсненіе“.

Лица, не вписанныя въ договоръ, „какъ сидѣли, такъ и остались“, и пользуются землей на одинаковыхъ основаніяхъ съ участвовавшими въ договорѣ; вѣкоторые изъ нихъ впоследствии заплатили свою долю расходовъ по заключенію договора, другіе не платили ничего. — Что касается до прибывшихъ послѣ заключенія втораго договора, то они платятъ обществу по 3 р. (большею частью общество вѣрнѣе эти деньги въ долгъ, и нерѣдко они такъ и остаются неуплаченными), киргизамъ, по соглашенію, — отъ 1 до 3 р., и затѣмъ пользуются землей на равныхъ съ болѣе ранними водворенцами основаніяхъ.

б) Русская половина. *Первоначальный договоръ* ²⁾ заключенъ былъ также 10 домохозяевами съ киргизами того-же 4 аула Убаганской волости

¹⁾ О значеніи этой цифры см. пос. Степановскій.

²⁾ Этого договора я не видѣлъ.

Можаромъ и Жулатомъ Бигдановыми и ихъ одноаульцами, въ числѣ 15 кибитокъ, на 6 лѣтъ, съ 1888 по 1893 г.; по договору этому русскіе снимали на тѣхъ-же условіяхъ, что ихъ сосѣди—мордва, участки, смежный со вторымъ участкомъ этихъ послѣднихъ, въ NO отъ поселка. Позже приселявшіеся ставили „рендателямъ“ по четверти вина, деньгами же „за хлопоты“ одни платили, другіе—нѣтъ.—По истеченіи срока этого договора онъ не былъ возобновленъ; русская половина живетъ теперь „частно“, на прежнихъ условіяхъ.—*Вновь приселяющіеся* входятъ въ общество по пріемнымъ договорамъ, за которые платятъ деньгами, большею частью, по 3 р., а затѣмъ снимаютъ землю десятинно у тѣхъ-же киргизъ.

„Частная“ аренда сравнительно мало развита: въ „рендowychъ“ участкахъ осталось еще много новыхъ земель, а потому пахутъ большею частью въ этихъ участкахъ; отъѣзжаютъ пахать на сторону преимущественно бѣдняки, работающіе „съ киргизами“. Условія „частной“ денежной аренды—тѣже, что по поселку Степановскому; „съ киргизами“ работаютъ на слѣдующихъ условіяхъ:

если съемщикъ исполняетъ всѣ работы, до уборки и молотбы	
включительно	исполн;
если онъ только пахетъ и боронитъ, онъ беретъ себѣ	$\frac{1}{3}$ часть;
если онъ только пахетъ (такія сдѣлки рѣдки), то беретъ себѣ	$\frac{1}{4}$ „ .

Часто безскотныя и малоскотныя нанимаютъ у киргизъ быковъ; платятъ большею частью съ десятины, иногда же прямо нанимаютъ на весь періодъ пахоты; при послѣднемъ способѣ найма за пару быковъ платятъ обыкновенно по 6 рублей.

„Частная“ съемка происходитъ большею частью по роспискамъ, за свидѣтельствомъ аульнымъ старшиною, а если „хорошо знакомый киргизъ“, то и словесно. Двойныя сдачи и вообще обманы со стороны киргизъ—не очень часты; при этомъ чаще обманываютъ „свои хозяева“ и вообще ближніе киргизы; дальніе (за 35—40 в.), у которыхъ работаютъ изъ части, никогда не обманываютъ. Въ общемъ „съ киргизами“ виолнѣ жить можно,—а если киргизы обманываютъ, то и русскіе тоже „нароватъ какъ-бы ему (сдатчику) взамѣсто платы что-нибудь всучить да подороже взять“.

Вообще, *отношенія съ киргизами* очень хороши; на конокрадство, однако, крестьяне очень жалуются: „лошадей и быковъ силой отбиваютъ; лошадь просто изъ рукъ выпустить нельзя,—все за ней гляди,—а то и изъ двора уводятъ“.—„Должно быть, говорятъ крестьяне, начальство ихъ слабо держитъ: когда начальство было строже, меньше пакостили!“

Мѣстность, гдѣ нынѣ пользуются землей обѣ половины, имѣетъ чисто степной характеръ; до изложеннаго ниже „утѣсненія“, возникшаго изъ за участка новокрещеныхъ киргизъ, было, очевидно, очень просторно: зимовки аула Бигданова—въ 5 в., Бафинова—въ 8 в., дальше на О—никакого жилья;

крестьяне сами говорят, что въ „рендowych“ участкахъ было очень много цѣльной земли.—Такъ какъ мордовская половина ранѣе пахала на W, въ кóлочной мѣстности, то могутъ сравнивать степныя и лѣсныя пашни: послѣдняя лучше для ржи, вообще свѣжѣе, степныя—суше; въ общемъ же „жаловаться грѣхъ“—и тѣ, и другія хороши. Насчетъ покосовъ плохо: луговъ вовсе нѣтъ, почти нѣтъ и болотецъ, на O нѣтъ также и лѣсныхъ покосовъ; степь, правда, ковыльная, но ковыль вырастаетъ только въ дождливый годъ, а затѣмъ—по близости всѣ ковыли распаханы; косить поэтому приходится, по преимуществу, залежный бурьянъ. Нехорошо и насчетъ водопоевъ: у деревни—маленькое озерко на рѣчкѣ Карагалыкѣ; въ полѣ—въ 8-ми верстахъ озерко-же на вершинѣ той-же рѣчки, гдѣ устроили запруду; главный источникъ водоснабженія въ полѣ—колодцы, глубиной до 17—18 аршинъ.

Въ настоящее время положеніе Михайловскихъ поселенцевъ грозитъ значительно ухудшиться благодаря неудобному для нихъ отводу земли къ устроенному специально для *новокрещенныхъ киргизъ поселку* Макарьевскому. На основаніи какъ разспросныхъ, такъ и главнымъ образомъ документальныхъ данныхъ ¹⁾, исторія этого отвода рисуется въ слѣдующихъ чертахъ.

¹⁾ Документальныя данныя содержатся въ «дѣлѣ о самовольно-выстроенной въ поселкѣ Михайловскомъ церкви школѣ» (Куст. у. упр., 1 ст., № 152/1896 г.), гдѣ къ дѣлу о земельномъ отводѣ относятся слѣдующія бумаги:

Репортъ уѣздничю начальника Военному Губернатору 4. IX. 95, № 14943. Уѣздный начальникъ доноситъ Военному Губернатору, что начальникъ миссіи Одигитрѣвскій началъ строить въ Михайловскомъ поселкѣ саманныя дома для новокрещенныхъ. «Имѣя въ виду, что для образованія самостоятельнаго поселка изъ новокрещенныхъ киргизъ особымъ съѣздомъ представителей Кустайвскаго и Перовскаго уѣздовъ, подъ предсѣдательствомъ г. вицегубернатора, въ мѣнушемъ году отведенъ особый участокъ земли, и что распоряженія о возведеніи построекъ для новокрещенныхъ киргизъ въ Михайловскомъ поселкѣ на арендуемой у киргизъ землѣ, срокъ которой окончится въ будущемъ 1896 г., я не получилъ»,—уѣздный начальникъ списывался съ начальникомъ миссіи, но отвѣта отъ него не получалъ.

Письмо Епископа Оренбургскаго и Уральскаго Военному Губернатору 4. IX. 95 № 128. Начальникъ миссіи, устроивъ нѣсколько домовъ для новокрещенныхъ на «бесплатно отведенной для сего» Михайловцами землѣ, проситъ ходатайства Комитета Православнаго Миссіонернаго общества «о замѣнѣ отведенной новокрещеннымъ по распоряженію Вашего Превосходительства земли другою вблизи Михайловскаго поселка, такъ какъ ранѣе отведенная земля находится въ 8 в. отъ этого поселка». Комитетъ, признавая водвореніе новокрещенныхъ при поселкѣ Михайловскомъ «соотвѣтствующимъ религіозно-правственнымъ задачамъ миссіи и цѣлямъ государственнымъ», ходатайствуетъ объ измѣненіи границы отведеннаго новокрещеннымъ участка, «въ томъ, чтобы лѣвый берегъ рѣчки Карагалыкъ противъ поселка Михайловскаго, а далѣе за поселокъ—оба берега этой рѣчки, внизъ по ея теченію, и пространство земли между Карагалыкомъ и участкомъ новокрещенныхъ были отведены во владѣніе новокрещенныхъ, такъ чтобы этотъ проектируемый участокъ примыкалъ къ отведенному ранѣе для новокрещенныхъ, а взаменъ проектируемаго уступлена была въ пользу киргизъ-мусульманъ отдаленная восточная половина этого участка». Пресвященный, со своей стороны, поддерживаетъ ходатайство миссіонерскаго комитета.

Предложеніемъ 18. IX. 95 № 8532 Военный Губернаторъ поручаетъ уѣздному начальнику созвать особый съѣздъ представителей всѣхъ волостей Кустайвскаго уѣзда и «склонить съѣздъ сдѣлать измѣненіе границъ участка по возможности согласно заявленію преосвященнаго Макарія».

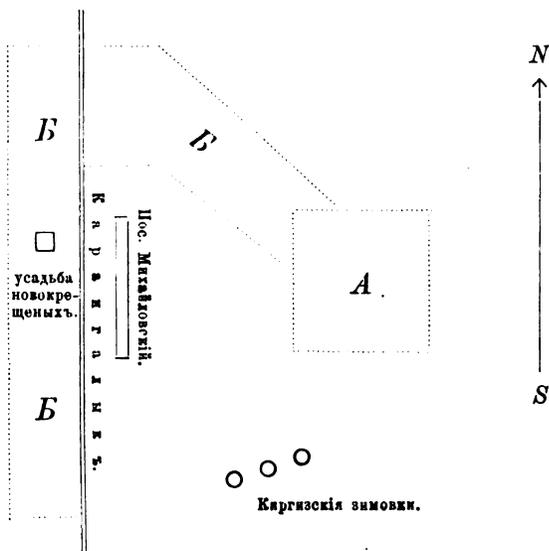
Приговоръ особаго съѣзда 30. X. 95. «Отведенный въ 1894 г. особымъ съѣздомъ... участокъ земли оставить въ тѣхъ границахъ, какъ это указано въ составленномъ актѣ. Къ этому участку добавляемъ: отъ самой вершины рѣчки Карагалыка внизъ по ея теченію вдоль лѣвый берегъ на разстояніи 5 верстъ (до загиба съ запада на востокъ), а въ глубь отъ этого берега (въ степь) 2-верстаюю полосу. Правый берегъ этой-же рѣчки Карагалыка, отступивъ отъ конечности Михайловскаго поселка на 1½ в., на протяженіи 3½ в. вдоль ея теченія, т. е. ровень съ лѣвымъ берегомъ или со сказаннымъ загибомъ съ запада на востокъ, и все пространство находя-

Подъ проектированный для водворенія новокрещенныхъ киргизъ поселокъ въ 1894 году отведенъ былъ участокъ, величиной около 40 кв. верстъ, по приговору особаго сѣзда представителей отъ киргизскихъ волостей Кустанайскаго и Перовскаго уѣздовъ; предсѣдательствовавшій на сѣздѣ вице-губернаторъ предварительно объѣхалъ мѣстность въ сопровожденіи довѣренныхъ отъ Михайловцевъ, которые указали ему всѣ урочища, гдѣ пахутъ крестьяне,—и участокъ, ближній край котораго отстоялъ въ 8 верстахъ отъ поселка, отведенъ былъ, почти совершенно не задѣвая пользованія крестьянъ. Но новокрещенные заявили, что отведенный участокъ, по безводности, непригоденъ для водворенія; со своей стороны Михайловцы, рассчитывая повидимому получить общій съ новокрещеными надѣлъ, согласились принять ихъ въ одно съ собою общество и указали для ихъ водворенія мѣсто напротивъ поселка, на лѣвомъ берегу Карангалыка. Здѣсь начальникомъ миссіи устроено было для новокрещенныхъ 10 саманныхъ домиковъ, а такъ какъ, такимъ образомъ, отведенный для нихъ ранѣе участокъ оказался въ 8 верстахъ отъ усадбъ, то по ходатайству начальника миссіи, съ согласія, опять-таки, особаго сѣзда, къ этому участку было присоединено пространство земли вдоль лѣваго, а отчасти—и вдоль праваго берега Карангалыка, а также полоса, соединяющая это пространство съ первоначально-отведеннымъ участкомъ ¹⁾. Такимъ образомъ поселокъ оказался въ клину между землями,

щееся между берегомъ рѣчки Карангалыка вплоть до границы вышесказаннаго отведеннаго участка до котловины Тажирь-Асталь». Отводъ киргизамъ взаимнѣ отдаваемой земли другого мѣста предоставляется волостному сѣзду.

Отводъ этотъ, по полученіи одобрительнаго отзыва отъ Преосвященнаго, *утвержденъ указомъ Областнаго Правленія 19. I. 96. № 1191.*

¹⁾ Вотъ схематическій чертежъ первоначальнаго (А) и добавочнаго отвода (Б):

отведенными повокрещенымъ, — а такъ какъ съ оставшейся свободною SO стороны неподалеку расположены киргизскія зимовки, то крестьяне оказались „какъ въ мѣшкѣ“: „съ трехъ сторонъ насъ охватили, скота некуда выпустить“, — и отводъ поселку надѣла едва-ли будетъ возможенъ иначе, какъ при условіи соединенія крестьянъ въ одно общество съ новокрещеными и отвода тѣмъ и другимъ земли въ одной общей дачѣ. Крестьяне думали-было продолжать пахать въ участкѣ новокрещенныхъ, уплачивая послѣднимъ арендные деньги, — но уѣздный начальникъ призналъ этого рода сдѣлки незаконными и приказалъ прекратить всякое пользованіе въ отведенномъ повокрещенымъ участкѣ ¹⁾. Крестьянамъ дозволено было только снять посѣянный хлѣбъ, обороты и третьяки отъ нихъ отошли, — а такъ какъ объявленіе о запрещеніи пахать въ участкѣ послѣдовало только лѣтомъ 1896 г., то крестьяне нигдѣ не успѣли заарендовать и другой земли; поэтому въ 1896 г. никто не поднималъ цѣлинъ, а потому на будущій 1897 годъ крестьяне рискуютъ остаться безъ хлѣба.

Благосостояніе Михайловцевъ по даннымъ, представленнымъ для „Обзора“ за 1895 г., рисуется слѣдующими средними цифрами:

Лошадей	1,0
Быковъ и коровъ	3,8
Десятинъ посѣва.	8,8

среди окрестнаго же населенія поселокъ считается гораздо болѣе состоятельнымъ, нежели Степановскій; объ этомъ свидѣтельствуетъ и нѣсколько лучшая, въ общемъ, хотя и весьма разнообразная застройка, и особенно — довольно многочисленныя гумна съ большими скирдами необмолоченнаго хлѣба, какихъ въ Степановкѣ вовсе не видно. Разница между двумя смежными поселками объясняется отчасти тѣмъ, что довольно многіе изъ Михайловцевъ пришли съ большими деньгами, нажитыми отъ посѣвовъ на казачьихъ земляхъ, главнымъ же образомъ — тѣмъ, что Михайловскій поселокъ возникъ годомъ раньше, а потому къ хорошему урожаю 1889 года крестьяне имѣли уже довольно значительныя посѣвы, съ которыхъ завели запасы хлѣба и вообще „заправились“; Степановцы же въ 1889 г. сѣяли еще понемногу — по 1—2 десятины, а больше посѣяли уже въ 1890 г., который оказался неурожайнымъ.

¹⁾ Предложеніе уѣзднаго начальника Боровскому волостному старшинѣ 28. VI. 96 № 10933.

№ 10. Поселокъ Владимірскій.

(Боровской волости).

„Первыми жителями“ поселка Владимірскаго были крестьянинъ Периской губерніи, Шадринскаго уѣзда, Юровскій съ двумя товарищами ¹⁾. Прибывъ въ 1886 году въ Кустанай, они не остались здѣсь на жительство, а сговорившись съ киргизами пахать землю изъ части, прожили годъ въ киргизскомъ аулѣ; затѣмъ, въ началѣ 1887 года они переехали на расположенное въ 2 верстахъ отъ нынѣшняго поселка озеро Карагуга, гдѣ устроили заимку; живя здѣсь, эти три лица вмѣстѣ съ тремя другими земляками, нынѣ выселившимися, заарендовали, срокомъ на три года (1888—90), мѣстность у озера Кайранкуля. Аренда оформлена была въ видѣ *двухъ договоровъ*: первый изъ нихъ заключенъ былъ съ четырьмя киргизами 7 аула Аракарагайской волости, Савамбаемъ и Жингильдою Кинжибаевыми и двумя ихъ двоюродными братьями, второй—съ киргизомъ того-же аула Абдекеемъ Ахметекковымъ ²⁾. По первому договору Юровскій съ товарищами снималъ ограниченную живыми урочищами мѣстность подъ усадьбу и выгонъ, съ платой по 80 рублей въ годъ, съ правомъ пасты свой скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ; послѣдніе отказывались отъ права пахать въ обозначенныхъ границахъ (но фактически не только сами продолжали пахать, а сдали много земли Кустанайцамъ и Александровскимъ и Жуковскимъ поселанамъ); сверхъ того, крестьянамъ предоставлялось право засѣять вошедшіе въ черту участка обороты, площадью до 67 десятинъ (но и эти обороты „не послѣдовали“ съемщикамъ, такъ какъ киргизы отдали ихъ другимъ лицамъ). По второму договору Юровскій съ товарищами снимали подъ нашу участокъ въ 50 десятинъ за плату по 100 рублей въ годъ, — причеиъ однако сами крестьяне признаютъ, что участокъ былъ въ нѣсколько разъ больше („неужели охулку на руку положимъ!“). Оба контракта были представлены на утверженіе уѣзднаго начальника, который однако засвидѣтельствовалъ ихъ очень скоро—только въ слѣдующемъ, 1888 году.

По заключеніи договоровъ, Юровскій сталъ *приглашать на житье другихъ* крестьянъ, съ которыхъ бралъ, якобы на покрытіе темныхъ расходовъ и въ вознагражденіе „за хлопоты“, большею частью по рублю съ души мужского пола, а „кому шибко нужно было, — то и больше, до 5

¹⁾ Г. Мацуревичъ (донесеніе 20. VII. 91 № 86) называетъ основателемъ поселка крестьянина Самарской губерніи Степана Мещерякова; но бывшій уѣздный начальникъ г. Карауловъ подтверждаетъ мнѣ, что основателемъ его былъ, дѣйствительно, Юровскій.

²⁾ Договоръ по поселку Владимірскому я не видѣлъ.

и даже 10 рублей. По произведенному впоследствии учету, Юровский набрал таким образом до 600 рублей, за что уездный начальник собрался даже предать его суду.

Къ марту 1888 года на заарендованную землю съѣхалось до 70 семей, преимущественно Пермяковъ, земляковъ Юровскаго, и Оренбуржцевъ, а затѣмъ—и выходцевъ изъ разныхъ другихъ губерній, причемъ нѣсколько семей водворились на землѣ у озера Карагуга, остальные же поселились при озерѣ Кайранкуль и образовали поселокъ, который сначала носилъ то-же названіе, а затѣмъ былъ переименованъ уезднымъ начальникомъ во „Владимірскій“.—Но когда поселенцы приступили къ устройству землянокъ, нагрянуло до 100 человекъ киргизъ, одноаульцевъ Кинжибаева („очень ужъ имъ озера было жаль“, говорятъ крестьяне), его самого избилъ нагайками, а сложенные поселенцами землянки грозили разорить. На счастье поселенцевъ, въ это время проѣзжалъ Военный Губернаторъ области, къ которому они и обратились съ просьбой о заступничествѣ,—и Губернаторъ разрѣшилъ имъ селиться, рекомендовалъ имъ только „платить миролюбно“.

Такимъ образомъ возникъ поселокъ. Плату за усадьбу и выгонъ поселенцы распредѣляли между собою поровну по домохозяйствамъ, плата же за пахатный участокъ распредѣлялась по дѣйствительному пользованію.— Въ теченіе трехлѣтняго срока дѣйствія договоровъ, изъ поселка *разбрелось* до двухъ третей упомянутого выше числа жителей— „кто на старину, кто на Ишимъ, кто куда“,—а взаимнѣ ихъ подошло нѣкоторое число новыхъ поселенцевъ изъ разныхъ губерній, такъ что къ концу трехлѣтняго срока въ поселкѣ оказалось опять до 50 семей. Приходившіе платили по 5 р. съ семьи, но уже не въ пользу Юровскаго, а въ общественную кассу, почему Юровский, по словамъ крестьянъ ставилъ водворенію ихъ всякія препятствія.

По истеченіи срока дѣйствія договора, киргизы *вовсе не хотѣли больше сдавать* земли Владимірскимъ новоселамъ; чувствуя, что если крестьяне проживутъ еще нѣсколько лѣтъ, то ихъ потомъ уже не удалить никакими силами, они наставляли на совершенномъ удаленіи крестьянъ, и только благодаря убѣжденіямъ и настояніямъ уезднаго начальника г. Караулова („они ваши старшія братья, говорилъ уездный начальникъ,—неужто имъ умирать дадите“) согласились позволить поселенцамъ еще 2—3 года прожить на занятомъ ими мѣстѣ; но договора киргизы не захотѣли заключать, и крестьянамъ пришлось прожить два года „такъ“, платя за усадьбу и выгонъ: въ 1891 г.—по 15 копѣекъ, въ 1892 г.—по 25 копѣекъ съ головы скота.

Къ концу 1892 г. въ поселкѣ опять набралось 78 семей (не считая проживавшихъ „частно“ и не вошедшихъ еще въ составъ общества), которыя и заключили съ Кинжибаевыми *новый арендный договоръ*, срокомъ на 6 лѣтъ (1893 — 98), по которому подъ усадьбу и выгонъ поселку отводилась уже болѣе обширная мѣстность, съ платой по 2 р. съ двора. Договоръ этотъ былъ представленъ уездному начальнику, который однако

не могъ утвердить его, такъ какъ условіе было представлено къ утверженію 13 октября, а съ 1 октября вступило въ дѣйствіе новое Положеніе. Договоръ такъ и остался безъ утверженія, и тѣмъ не менѣе дѣйствуетъ и по настоящее время.—Темныхъ расходовъ по договору не было, главнымъ образомъ потому, что Юровскій былъ совершенно устраненъ отъ участія въ его заключеніи.

По договору сдатчики, между прочимъ, обязывались не допускать постороннихъ лицъ ближе, чѣмъ на 2¹/₂ версты къ поселку. Но это обязательство они начали нарушать съ перваго-же года, и роздали Кустанайцамъ въ аренду массу земли какъ подъ пахоту, которая подошла къ поселку ближе, чѣмъ на 400 саж., такъ и подъ устройство мельницъ (нѣкоторыя изъ которыхъ стоятъ у самаго поселка), съ правомъ выпаса скота. Крестьяне неоднократно протестовали противъ такого нарушенія договора, и наконецъ въ 1896 г. совершенно перестали вносить арендную плату.

И при дѣйствіи этого договора народъ продолжалъ и продолжаетъ и *подходить, и уходитъ*: „въ годъ 5 человекъ придетъ, а 6 уйдетъ“; особенно много народу ушло въ голодные годы: тогда „начальство многихъ отослало, чтобы не кормить здѣсь; которымъ давали на дорогу, увозили на подводахъ“. Въ общей сложности ушло болѣе народу, нежели состоитъ налицо въ поселкѣ,—но послѣдній все-же, хотя и медленно, растетъ; наличное населеніе состоитъ изъ 131 семьи, изъ которыхъ впрочемъ только 62 численныхъ. Нѣсколько измѣнился, въ сравненіи съ прежнимъ, и составъ населенія: подходили и подходят изъ разныхъ губерній, но по преимуществу малороссы — Полтавцы, Воронежцы, затѣмъ Пензенцы и пр.; Пермь и Оренбуржцы почти не подходят больше,—напротивъ, среди ушедшихъ они составляютъ, вѣроятно, большинство.

Пашню и покосъ Владимірцы *арендуютъ „частно“*. За время существованія поселка дѣны на свѣжія земли поднялись, на „мятня“ — упали, такъ какъ у переселенцевъ явилось болѣе скота и потому на „мятня“ земли менѣе, на дѣлины — болѣе спроса. Такъ, въ 1888—89 г.г. платили:

за десятину дѣлины	1 р.—1 р. 30 к. и до 1 р. 50 к.
„ „ оборота	до 2 р. и 2 р. 50 к.
„ „ третьяка	1 р. 50 к.—2 р..

Теперь обыкновенно снимаютъ дѣлинныя земли на три хлѣба, съ платой по 1 р. 50 к. — 2 р. за каждый хлѣбъ; отдѣльно обороты снимаютъ, „кому нужно“, изъ вторыхъ рукъ — у арендаторовъ, уже снявшихъ одинъ хлѣбъ, платя по 2 р. 50 к.—3 р. и до 5 р, за третьяки платятъ не болѣе рубля; старыя земли подъ пары берутъ по 50 к. и дешевле.

Условія „работы съ киргизами“ теперь болѣе выгодны для съемщиковъ, такъ какъ крестьяне завели больше скота и потому спросъ на такого рода аренду сильно сократился. Прежде, работая скотомъ сдатчика, съемщикъ всегда получалъ на свою долю только треть вспаханной и заборонен-

ной земли; теперь въ третьей части папуть только цѣлины и обороты, третьяки-же папуть изъ половины. При этомъ, если земля хороша, иногда даютъ „прирядокъ“: вспахавъ на свою долю 5 — 6 десятинъ цѣлины, съемщикъ обязуется выжать десятину или заплатить 3—5 р. денегъ.

Сдѣлки „частной“ аренды заключаются либо словесно, либо по роспискамъ, которыхъ однако начальство не свидѣтельствуетъ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ обманъ—обычное дѣло: бывають случаи сдачи одной и той-же земли вдвойнѣ и втройнѣ; бываетъ, что сдаютъ хорошую землю и получаютъ деньги, а затѣмъ „отпираются“ и отводятъ дальнія и плохія земли; что „одинъ хозяинъ сдаетъ, а другой согонитъ“, что сдатчикъ самъ засѣваетъ или сдаетъ подъ посѣвъ землю исполщика, и т. д.. Независимо отъ этого, очень вреденъ временный характеръ аренды: „сегодня пашешь здѣсь, а на другой годъ откажутъ и пашешь за 10 верстъ; нельзя ни колдца выкопать, ни избушки поставить“.

Мѣстность, гдѣ расположенъ поселокъ, принадлежитъ къ Аракарагайской лѣсной дачѣ и густо усѣяна колками; но открытая степь начинается недалеко: на О—въ 3—4 верстахъ отъ поселка, на W—еще ближе. На О—очень хорошая степь, но все-же уступающая лѣснымъ пашнямъ: послѣднія лучше терпятъ жаръ и засуху, менѣе страдаютъ отъ кобылки и вообще при всякихъ условіяхъ даютъ лучшей хлѣбъ; на W—до самаго Тобольнаго увала мѣста плохія—сильно песчанья, годныя только подъ бахчи, а не подъ хлѣбъ,—и въ самомъ дѣлѣ, эта полоса стоитъ совершенно не паханная: Жуковскіе и Александровскіе крестьяне, распахавъ уваль, потянулись теперь пахать въ лѣса, къ самому Владимірскому поселку, этой же полосы вовсе не папуть.—Въ общемъ „хлѣбопашество здѣсь очень глянется, похаять ужъ никакъ нельзя,—можно и въ нарѣзку принять, хоть и выпажана земля“. Зато насчетъ покосовъ „большое утѣсненіе“: кой-какой „настоящій покосъ“ есть только по окраинамъ колковъ; были ковыли, — но киргизы все посадали подъ распашку, такъ что теперь нечего косить, кромѣ бурьяновъ.—„Утѣсненіе“ и насчетъ выгона. такъ какъ арендаторскія пашни подошли почти вплотную къ поселку. Водоемъ служило озеро Кайранкуль, гдѣ въ 1888—89 г.г. было воды до 3 аршинъ; теперь оно совершенно высохло, а другихъ нѣтъ; воду брать приходится исключительно изъ колодцевъ, которые впрочемъ въ деревнѣ не глубже 3—4 аршинъ, въ полѣ—до 5—6 аршинъ, и даютъ отличную воду.

Собственная зимовка сдатчиковъ киргизъ—менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ поселка; другія зимовки въ разстояніи 1—3 верстъ; нѣсколько дальше зимовки отступили только съ W стороны (на S верстѣ), гдѣ однако крестьяне не хотѣли-бы получить „нарѣзки“ въ виду плохаго качества земли, и съ N (на 4 версты), гдѣ папуть Жуковскіе крестьяне. Близко подошли и займки арендаторовъ-горожанъ: на SW есть займка въ верстѣ, на SO—въ 6-ти, на W—въ 8 верстахъ (пашни ея подошли ближе,—на 4 версты), а на O, въ разстояніи 15 верстъ, тянется цѣлый рядъ такихъ займокъ,—причемъ

одинъ, Абдекей Ахметековъ (у котораго поселокъ прежде снималъ пахатный участокъ) сдать землю пяти зайкамъ. Благодаря этому, цѣлинныхъ земель вблизи поселка почти не осталось, — приходится снимать ихъ въ 4 — 5 и даже 10 верстахъ отъ поселка.

Верстахъ въ 4-хъ къ О отъ поселка начинается довольно обширное пространство, протянувшееся вплотную до Степановки и далѣе, гдѣ киргизы вовсе не сдаютъ земли въ аренду, а берегутъ мѣсто для тебеневки и для лѣтованія во время уборки хлѣбовъ; крестьяне думаютъ, что это пространство обширнѣе, нежели площадь, сданная киргизами въ аренду.

Земледѣліе — переложное; съ цѣлинъ снимаютъ до пяти хлѣбовъ краду: три раза — пшеницу, затѣмъ — рожь и овесъ. Такъ какъ цѣлины начинаютъ „прибираться“, то кое-кто начинаетъ пахать пары, — большинство однако этого еще не дѣлаетъ; хлѣбъ на парахъ родится хорошо, — по мнѣнію однихъ немногимъ хуже цѣлинъ, по мнѣнію другихъ — даже наравнѣ съ цѣлинами. Бахчи у большинства небольшія, — „больше для забавы“, такъ какъ земля недостаточно песчаная; по Тоболу бахчи болѣе значительны, такъ какъ тамъ почва болѣе подходящая. Подсолнуха сѣютъ много, больше на цѣлинѣ, хотя онъ нехудо родится и на старой землѣ; послѣ него сѣютъ пшеницу. Пахутъ больше малорусскими плугами, на быкахъ; у многихъ есть пермскія колесухи, — но онѣ выходятъ изъ употребленія, главнымъ образомъ потому, что приспособлены для работы на лошадяхъ, которыхъ неудобно держать и по кормовымъ условіямъ, и благодаря покражамъ.

Благосостояніе поселка повидимому невысоко — приблизительно равнѣ со Степановскимъ и ниже Михайловскаго ¹⁾). Главная причина — неурожайные года, которые „очень позорили“; по свидѣтельству г. Мацуревича ²⁾, поселокъ послѣ неурожаявъ „находился въ крайней бѣдности и даже нищетѣ“; въ частности наличныя во время его регистраціи семьи, приведшія съ собою 234 лошади и 4 быка, сохранили къ іюлю 1891 г. всего 78 лошадей и 10 быковъ, — т. е. потеряли почти двѣ трети своего скота; большинство вовсе лишилось скота и, когда вновь наступили лучшіе урожаи, не имѣло уже сѣмянъ, чтобы надлежащимъ образомъ развить свою запашку. Чередованіе урожаевъ, по показаніямъ крестьянъ, было слѣдующее:

1887 и 1888 г.	хорошіе урожаи
1889 г.	еще лучше
1890 и 1891 г.	почти полный неурожай
1892—95 г.	средніе урожаи
1896 г.	отличный урожай.

¹⁾ Среднія цифры, по даннымъ для «обзора» за 1895 г., слѣдующія: лошадей—0,9, быковъ и коровъ—2,2, дес. посѣва—2,9; цифры эти, очевидно очень искажены.

²⁾ Донес. 20. VII. 91 № 85.

Среди причинъ, мѣшающихъ крестьянамъ встать на ноги, важную роль играютъ покражи скота. Объ этомъ заводили со мной разговоръ въ нѣсколько пріемовъ, просили принять прошеніе, совѣтовались и т. д.. По подсчету крестьянъ, за 8 лѣтъ существованія поселка покрадено до 200 лошадей и около 30 штукъ рогатаго скота. Главными конокрадами считаютъ киргизъ, но подозрѣваютъ и нѣсколькихъ своихъ, у которыхъ бывали обыски, которыхъ замѣчали въ подозрительныхъ сношеніяхъ и т. п.. Кражи крайне дерзки: лошадей уводятъ изъ дворовъ—каждую лошадь караулить надо; а стали беречь лошадей—принимаются за быковъ.

Выселяться собираются и нынѣ нѣсколько десятковъ семей, подававшихъ и прошенія въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ, и т. д.. Причины— „утѣсненіе“ запашками хуторянъ, конокрадство и проч.,— но главное—, что „россійскій народъ привыкъ къ надѣлу: не будетъ надѣла, — всѣмъ придется бѣжать, будетъ — и здѣсь жить можно“. Въ отсутствіи надѣла видятъ корень всѣхъ золъ: при надѣлѣ „всякъ будетъ знать свою землю и ее удабривать“, покопаютъ колодцы при своихъ пашняхъ, будутъ беречь покосы. И жить станутъ согласнѣе: теперь „народъ бродячій“, а потому другъ къ другу нѣтъ довѣрія, нѣтъ кредита („повѣрь ему, — а онъ уйдетъ“), постоянныя столкновенія изъ за арендъ, покупки чужихъ участковъ и пр.. Сократится и конокрадство, потому что можно будетъ „отдалить киргизъ“, которые теперь для переговоровъ о сдачѣ земли, полученія денегъ и т. п. постоянно ѣздятъ и въ поселокъ, и въ поле, такъ что за ними невозможно услѣдить.

Б. ХУТОРА КУСТАНАЙСКАГО УѢЗДА ¹⁾

№ 11. Хут. Гребеннинъ (Алакулъ, Долгушка).

(въ 5 аулѣ Миндыгаринской вол.).

Главные результаты подворной описи. Наличное число домохозяевъ—8.

О положенія *на родинѣ*—свѣдѣнія только для 3 семей, которыя имѣли надѣльной земли по 15 дес. на душу, держали отъ 9 до 10 лошадей и засѣвали отъ 20 до 45 дес. каждая, причѣмъ двѣ имѣли 30 дес. арендованной земли.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 41, раб. быковъ 106, дойн. коровъ 36, дес. посѣва 387,
или въ средн. на семью: головъ рабочаго скота 18,4, > > 4,5, > > 48,4.

¹⁾ Многие изъ хуторовъ и занюкъ вовсе не имѣютъ названія; такіе обозначены у меня звѣздочкой и наименованы по фамиліямъ «первыхъ рендателей».

Распределение дворов по рабочему скоту:

	Работающих быками и имѣющих головъ:				
	до 3-хъ	4—6	7—10	11—15	болѣе 15
или въ процентахъ	—	1	2	1	4
	—	12,5	25,0	12,5	50,0.

Распределение дворов по пахатнымъ орудіямъ:

Безъ орудія	1,	съ 1 плугомъ	2,	съ 2 плугами	4,	съ 3 плугами	1
или въ процентахъ:	> 12,5,	>	> 25,0,	>	>	50,0,	> — > 12,5.

Распределение дворов по полевой площади:

безъ посѣва	Засѣвающихся десятинъ:				
	до 10	10—20	20—40	40—60	60—100
или въ процентахъ: —	—	1	3	1	3
	—	12,5	37,5	12,5	37,5.

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—1896 г.:

Покупавшихъ хлѣбъ	—
Продававшихъ хлѣбъ	5 сем. или 62,5 % ₀ , или продано 4.000 пуд.
Имѣющихъ стар. хлѣбъ	3 > > 37,5 % ₀ , у нихъ хлѣба 1.200 >

Наемъ и отпускъ рабочей силы:

Нанимаютъ работниковъ	7 сем. или 87,5 % ₀
Изъ нихъ нанимаютъ по нѣскольку годовыхъ	4
> одному	1
на лѣтн. или весен. срокъ	—
Число нанимаемыхъ батраковъ: годовыхъ	23, на сроки—4
Издержано на подневный и задѣльный наемъ	2.050 р.
Продающихъ рабочую силу нѣтъ.	

Изъ 8 семей, составляющихъ населеніе хутора, 6—Кустанайскіе мѣщане, родомъ: одна семья изъ Воронежской, пять — изъ Самарской губерніи; всѣ эти 6 семей до поселенія въ Кустанаѣ проживали болѣе или менѣе продолжительное время въ Оренбургской губ. и вели хозяйство на арендованныхъ (одна семья—у башкиръ, 5—у казаковъ) земляхъ; въ Кустанаѣ онѣ принадлежали къ числу самыхъ богатыхъ мѣщанскихъ семей; одна изъ нихъ, проживъ недолго въ Кустанаѣ, перешла и перечислилась въ Боровской поселокъ; остальные имѣютъ дома въ Кустанаѣ и четыре изъ нихъ и въ настоящее время живутъ главнымъ образомъ въ городѣ, и только рабочая часть семьи лѣто и осень проводятъ на хуторѣ. Проживая въ Кустанаѣ, вели хозяйство на земляхъ, арендованныхъ у подгородныхъ киргизъ; перешли на хуторъ, примѣрно въ 90 верстахъ отъ Кустаная, главнымъ образомъ потому, что тамъ „поселки стѣснили“.

Основателями хутора были однако не эти 6 семей, а уроженецъ Челябинскаго уѣзда Игн. Семеновъ,—тотъ самый, который былъ основате-

лемъ и первымъ старостой пос. Боровскаго. Когда вокругъ поселка „земли опахались“, онъ началъ прискивать себѣ другое мѣсто, что ему было легко сдѣлать, такъ какъ онъ успѣлъ свести знакомство со всѣми окрестными киргизами. „Высмотрѣвъ“ мѣсто на оз. Алакулѣ, онъ пригласилъ свояка, который перешелъ изъ Челябинскаго уѣзда на 6 лѣтъ специально для того, чтобы дать отдохнуть своей надѣльной землѣ, — и 4 семьи зажиточныхъ мѣщанъ. Въ шестеромъ они *заарендовали землю* у киргизъ 5 аула Миндыгаринской вол. Кинжетая Кугулбаева съ одноаульцами въ числѣ 33 кибитокъ, на слѣдующихъ условіяхъ¹⁾: участокъ сданъ въ описанныхъ по живымъ урочищамъ границахъ, въ длину и въ ширину, по показаніямъ арендаторовъ, 3×3 версты, а по показаніямъ Кинъ-Аральскихъ киргизъ, — 4×6 верстъ (последнее, какъ я могъ убѣдиться при объѣздѣ по участку, вѣрнѣе); договоръ заключенъ на 6 лѣтъ (1894—99), плата—220 р. въ годъ, вносимая въ два срока; въ участкѣ арендаторы могутъ пахать, косить, пасти скотъ, устроить усадьбы, для водопоя же отведено небольшое озерко, на которомъ хуторяне устроили запруду; однимъ угломъ участокъ примыкаетъ къ оз. Алакулю, но киргизы, во избѣжаніе погравъ покосовъ, взяли съ хуторянъ обязательство не поить скота въ озерѣ до окончанія уборки травъ. Арендный договоръ былъ засвидѣтельствованъ аульнымъ старшиною.

Значительная часть площади, вошедшей въ составъ заарендованнаго хуторянами участка, оказалась спорною между Миндыгаринскою и Кинъ-Аральскою волостями: Кинъ-Аральцы утверждаютъ, что почти вся эта площадь принадлежитъ къ общелѣтовочнымъ пространствамъ общаго владѣнія обѣихъ волостей, и что до 300 дес. входятъ даже въ составъ призимовочныхъ угодій 4 аула Кинъ-Аральской волости. Возникшій отсюда споръ пока на интересахъ арендаторовъ не отразился.

Заарендовавъ участки, хуторяне разбили землю, а вмѣстѣ съ тѣмъ — распредѣлили плату на 6 паевъ: одинъ изъ мѣщанъ взялъ два пая, остальные трое — по одному, Семеновъ и его своякъ — по полупая. Затѣмъ въ 1895 году вошли въ артель еще двѣ семьи мѣщанъ, которыя купили у двухъ изъ первоначальныхъ арендаторовъ на оставшіеся до конца срока 4 года по полупая, причемъ за оба полупая заплатили 185 р. за все время; получившіеся цѣлый пай эти вновь вошедшіе раздѣлили между собой такъ, что одному досталось пашни до 50 дес., другому всего 30 дес..

Арендная плата вручается Кинжетая Кугулбаеву, который часть денегъ удѣляетъ одноаульцамъ; впрочемъ, Кугулбаевъ беретъ себѣ львиную долю, остальнымъ же отдаетъ „по пустяку“ — по 1—2 рубля, и то — „только чтобы жаловаться не пошли“; больше онъ даетъ только тѣмъ, кто „погромче разговариваетъ“.

Тотъ-же Кугулбаевъ сдалъ въ 1896 г. еще одинъ участокъ тремъ семьямъ, проживавшимъ до тѣхъ поръ въ хут. Чистенькомъ (см. ниже).

¹⁾ Договора я не видѣлъ.

Большинство хуторянъ, кромѣ участія въ арендѣ участка, снимаютъ землю и по „частной“ арендѣ. Пашню снимаютъ 4 семьи, въ количествѣ всего до 100 дес.; аренда — почти исключительно денежная, съ платой:

за дес. цѣлины и оборота	1 р.—1 р. 50 к.
„ „ третьяка	70—80 к..

Изъ части арендуютъ на такихъ условіяхъ: съемщикъ поднимаетъ для сдатчика десятину цѣлины, и за это беретъ себѣ двѣ такія-же десятины на *три года*. Покосы снимаютъ и на деньги, и „углами“; въ первомъ случаѣ за 100 копень платятъ отъ 3 до 7 р., во второмъ съемщикъ беретъ въ хорошій урожай половину, въ худой — треть накошеннаго сѣна, причеиъ дѣлежъ производится въ стогахъ.

Всѣ сдѣлки „частной“ аренды — либо словесныя, либо по „частнымъ“ роспискамъ, засвидѣтельствованнымъ аульнымъ старшиной. Случаевъ обмана, однако, не бывало. Вообще, *отношенія съ киргизами* вполнѣ дружелюбны: нѣтъ ни потравъ, ни покражъ скота. Дурныя отношенія киргизъ съ жителями поселковъ хуторяне объясняютъ тѣмъ, что эти послѣдніе сами стремятся „киргизъ оставить ни на чемъ“: мечтаютъ о „нарѣзкѣ“, пугаютъ этимъ киргизъ, затягиваютъ платежи и т. д.. Къ арендаторамъ-мѣщанамъ киргизы относятся гораздо лучше, такъ какъ тѣ имъ не опасны, — и даже землю сдаютъ имъ охотнѣе; такъ, подъ городомъ здѣшнимъ мѣщанамъ предлагали землю по 1 р. 20 к. — 1 р. 30 к., а съ крестьянъ берутъ по 1 р. 50 к. и дороже.

Участокъ расположенъ примѣрно въ 5 верст. къ N отъ Бороваго; участокъ очень обширенъ и хорошъ: на нѣв распахиваютъ до 90 десятинъ; пахать можно всю площадь участка, кромѣ озеръ и небольшихъ клочковъ солонца, — и пашни такъ хороши, что „простыхъ хлѣбовъ не стоять и сѣять“. Специальныхъ покосовъ въ участкѣ мало, — но степной ковыль косится въ большихъ массахъ; для лошадей (на мѣшанину) онъ очень хорошъ — лучше „листоваго“ сѣна, которое предпочитается для коровъ и овецъ. Недостатокъ, благодаря конфигураціи участка, только въ водѣ: для питья берутъ воду изъ колодцевъ, глубиной на хуторѣ до 3 саж., въ полѣ — до 6—7 саж.; для скота — запруда, надъ которой два дня работали всѣмъ хуторомъ.

Земледѣліе — переложное: сѣютъ три раза кряду пшеницу, затѣмъ рожь, затѣмъ опять пшеницу или овесъ. Паровъ хуторяне не пахутъ — „у насъ посѣвы по 50 да по 100 дес., — гдѣ-же все это передвоить!“ Въ поселкахъ хохлы послѣ 3—4 хлѣбовъ начинаютъ парить, и въ перемежку съ паромъ сѣютъ до 8—10 хлѣбовъ, — но хлѣба получаются ужъ очень сорные; впрочеиъ „и хохлы, которые обживутся, бросаютъ парить“. Главную роль въ посѣвахъ играетъ пшеница: овесъ сѣютъ „про себя“, рожь — только „на квась“; на залагахъ и оборотахъ сѣютъ пшеницу-кубанку и вообще крупную, третьимъ хлѣбомъ и позже — мелкую.

Пашутъ всѣ малорусскими плугами, на быкахъ; у 4-хъ хозяевъ есть и заводскіе плуги, двухъ- и трехлемешные, — но ихъ употребляютъ только для „мятыхъ“ земель, а не для цѣлинъ. На хуторѣ много машинъ, а именно имѣютъ:

молотилки	5	семей
вѣялки	3	”
косилки	2	”
жнеи	2	” ¹⁾

Хуторяне, какъ я упоминалъ, всѣ *болѣе или менѣе зажиточны*: только одна семья въ 1896 г. засѣвала 17 дес., три — отъ 25 до 35, три же — отъ 50 до 65, одна — 100 десятинъ; быковъ наиболѣе зажиточные имѣютъ по 20—30 головъ, боронъ — по 15—20 шт.; болѣе половины — 5 семей — имѣютъ по два и по три плуга. Къ содѣйствію наемныхъ рабочихъ прибѣгаютъ въ крупныхъ размѣрахъ: нанимаютъ 7 дворовъ, которые въ 1896 г. на поденный и издѣльный наемъ издержали свыше 2000 р.; пять изъ нихъ держатъ и срочныхъ работниковъ: у всѣхъ пяти оказалось 23 годовыхъ и 4 лѣтнихъ работника. Одинъ изъ хуторянъ (Семеновъ), засѣвающій до 35 десятинъ, самъ не пашетъ, а нанимаетъ на всѣ работы задѣльно: пашутъ ему крестьяне своими плугами, боронятъ киргизы, которыхъ онъ снабжаетъ для работы своими боронами.

Результаты хозяйства за рядъ послѣднихъ лѣтъ были очень плохи: хлѣба ежегодно страдали отъ засухъ, которыя особенно губельны на цѣлинахъ (такъ, въ 1895 г. собирали по 25—30 пудовъ съ десятины, много осталось не жатымъ), — а потому крупные пахары терпѣли большіе убытки, и чтобы свести концы съ концами почти совершенно распродали имѣвшіеся запасы стараго хлѣба.

Какъ я уже упоминалъ, большинство хуторянъ имѣетъ дома (а также мельницы, кожевни и пр.) въ Кустанаѣ, а одинъ — въ Боровомъ; постоянно и въ полномъ составѣ живутъ на хуторѣ талько четыре семьи, три изъ которыхъ имѣютъ бревенчатыя избы, изъ нихъ двѣ — пятистѣнные. Изъ неизмѣющихъ постоянного жительства три семьи имѣютъ землянки, а одна на хуторѣ вовсе не имѣетъ жилыхъ построекъ.

Въ общемъ хуторяне своимъ положеніемъ *довольны* и по окончаніи срока договора собираются возобновить его. Любопытствуютъ, скоро-ли земля отберется отъ киргизъ, — „намъ все равно, въ казну будемъ аренду платить“. Образовать поселка, однако, не желаютъ: „лучше въ мѣщанахъ, — попашемъ, пока глянется, а тамъ поидемъ на свѣжія мѣста“.

¹⁾ Гривва.

№ 12. Хуторъ Давыденковыхъ (*)

(Въ 1 аулѣ Кинь-Аральской волости).

Главные результаты подворной описи. Налицо—4 домохозяйства, изъ нихъ 3—недавно образовались изъ одного раздѣлившагося домохозяйства, такъ что съ родины пришло собственно 2 семьи. *На родинѣ* одна заставляла 5, другая 10 дес.

Въ настоящее время имѣютъ:

Рабочихъ лошадей 32, рабочихъ быковъ 8, дойныхъ коровъ 9, дес. посѣва 70. или въ средн. на семью: головъ рабочаго скота 10,0 > > 2,2 > > 17,5. Всѣ работаютъ быками; имѣютъ: 3 семьи по 9—10 головъ, одна—11 головъ рабочаго скота.

Засѣваютъ: одна семья 10 десятинъ, три—по 20 десятинъ.

Пахатныхъ орудій (плуговъ) имѣютъ: 2 семьи по два, 2—по одному.

Хлѣбъ въ 1895—96 г. продавали всѣ, въ количествѣ всего 750 пудовъ.

Запасовъ нѣтъ ни у кого.

Нанимаютъ рабочія руки 3 семьи; изъ нихъ двѣ держатъ по одному годовому работнику, одна—на лѣтній срокъ.

Хуторъ состоитъ изъ трехъ раздѣлившихся братьевъ, сыновей Давыденкова, основателя поселка того-же наименованія, и ихъ шурина.

Давыденковы ушли въ 1881 г. изъ Астраханской губерніи въ Кустанай, гдѣ приписаны въ мѣщане и посейчасъ имѣютъ домъ. Изъ Кустаная они въ 1886 году выселились на Тоболь, гдѣ около нихъ возникъ поселокъ; не сойдясь съ образовавшимся обществомъ и не желая, вообще, жить совмѣстно съ крестьянами, они перешли на земли 1 аула Кинь-Аральской волости, наѣхали себѣ здѣсь мѣстность въ 80 верстахъ отъ Кустаная и устроились хуторомъ, заключивъ *арендный договоръ* съ 3 двоюродными братьями—Ищаномъ Тлеубердинымъ, Исмагометомъ Манатаевымъ и Байсарой Шабдаровымъ, образующими отдѣльный родовой аулъ. По этому договору ¹⁾, засвидѣтельствованному аульнымъ старшиною, хуторяне не снимали какого-либо опредѣленнаго участка, а условливались пахать и косить „изъ двухъ третей“, получая вмѣстѣ съ тѣмъ право бесплатнаго пользованія водопоемъ, усадьбой и выпасомъ скота на приривочныхъ мѣстахъ сдатчиковъ.

Трое, дѣйствительно, пахутъ *изъ двухъ третей*: они работаютъ своимъ скотомъ, уступая сдатчикамъ треть вспаханной земли; четвертый „работаетъ вмѣстѣ“ съ киргизомъ: послѣдній даетъ землю, первый—свой трудъ, и

¹⁾ Договора я не видѣлъ.

каждая сторона ставить по двѣ пары быковъ, вспаханная же земля дѣлится пополамъ.—Покосы снимаютъ на степи; раздѣлъ сѣна производится въ коннахъ, причемъ сдатчикъ получаетъ одну треть, сѣмщикъ—двѣ трети; на Тобольныхъ лугахъ условія иныя: косятъ изъ половины, причемъ сѣмщикъ долженъ и сметать все накошенное сѣно.

Мѣстность, гдѣ устроился хуторъ, оказалась спорною: Миндыгаринскіе киргизы утверждаютъ, что эта мѣстность принадлежитъ къ общимъ лѣтовкамъ трехъ волостей—Миндыгаринской, Кинъ-Аральской и Убаганской, и притомъ очень близко подходитъ къ нѣкоторымъ зимовкамъ Миндыгаринцевъ.—На интересахъ сѣмщиковъ этотъ споръ пока нисколько не отражался.

Благополучіе хуторянъ не слишкомъ высокое: засѣваютъ 3 семьи по 20, одна—10 десятинъ, имѣютъ всѣ по 9—11 шт. рабочаго скота; двое имѣютъ по 2 плуга—изъ нихъ по одному заводскому; эти послѣдніе употребляютъ только для „мятыхъ“ земель, такъ какъ на цѣлинахъ они слишкомъ скоро изнашиваются. Сильно пострадали отъ ряда плохихъ урожаевъ: запасовъ хлѣба нѣтъ ни у кого, и приходится расходовать на поддержаніе хозяйства старыя деньги.

№ 13. Хуторъ Чистенькій.

(Въ 8 аулѣ Аракарагайской волости).

Главные результаты подворной описи. Налицо 21 семья; изъ нихъ 4 отдѣлились «на новомъ мѣстѣ», пришло 17 (для двухъ о положеніи на родинѣ нѣтъ свѣдѣній).

На родинѣ имѣли:

надѣльной земли	113 дес.,	головъ раб. скота	65,	дес. посѣва	111,
или въ среднемъ на семью	> 7,5	>	>	> 4,3	> 7,4

Въ числѣ 15 семей было:

безземельныхъ	имѣвшихъ земли			
	до 5 д.	5—10 д.	10—20 д.	бол. 20 д.
—	8	2	4	1
или въ процентахъ . . .	53,3	13,3	26,7	6,7

не сѣявшихъ	засѣвавшихъ десятинъ				
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	бол. 20
1	1	7	2	4	—
или въ процентахъ . . .	6,7	6,7	46,7	13,3	26,7

Арендowali землю 11 семей или 73,3%, снимавшія 51 десятину.

Сдавали > 2 семьи!

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 47, раб. быковъ 202, дойн. коровъ 86, дес. поскѣва 560
или въ средн. на семью: рабоч. скота 11,9 > > 4,1 > > 26,7.

Распределение дворовъ по рабочему скоту:

Однолошадныхъ	1	или	4,8 ⁰ / ₀
Работающихъ быками: имѣющихъ до 3 головъ	—	>	—
4—6 >	2	>	9,5 ⁰ / ₀
7—10 >	6	>	28,8 ⁰ / ₀
11—15 >	8	>	38,1 ⁰ / ₀
болѣе 15 >	4	>	19,0 ⁰ / ₀

Распределение дворовъ по пахатнымъ орудіямъ:

безъ орудія 1, съ однимъ плугомъ 13, съ 2 плугами 7
или въ % > > 4,8⁰/₀, > > 61,9, > > 33,4.

Распределение дворовъ по поскѣвной площади:

	безъ поскѣва	засѣвающихся десятинъ					
		до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60 бол. 60
	—	—	2	6	2	6	4 1
или въ процентахъ	—	—	9,5	28,8	9,5	28,8	19,0 4,8

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—96 г.

Покупавшихъ хлѣбъ . . . 2 сем. или 9,5⁰/₀, ими куплено . . . 40 пуд.
Продававшихъ > . . . 18 > > 85,7 > продано . . . 14.050 >
Имѣющихъ старый хлѣбъ 14 > > 66,7, у нихъ въ запасѣ 16.120 >

Нанимаютъ работниковъ 15 сем. или 71,4⁰/₀.

Изъ нихъ нанимаютъ по нѣскольку годовыхъ 5 сем.
по одному > 7 >
на весну и лѣто . . . 2 >

Число нанимаемыхъ батраковъ: годовыхъ 21, на сроки—6.

Издержано на поденный и задѣльный наемъ 2.260 рублей.

Продающихъ рабочую силу 1 дворъ.

Хуторъ образованъ выходцами изъ двухъ губерній: Воронежской и Самарской; значительное большинство ихъ (14 семей) въ разное время, съ 1880 по 1885 годъ, прибыло въ Кустанай, но изъ нихъ лишь 5 семей пришли въ Кустанай прямо съ родины; другія 5 семей раньше жили болѣе или менѣе продолжительное время на арендованныхъ земляхъ въ Оренбургской губерніи; остальные 4 семьи, родомъ изъ Воронежской губ., въ 1877 году, въ составѣ большой партіи, вышли въ Семирѣчье; одна изъ нихъ отстала отъ партіи и осталась жить въ Оренбургской губерніи; остальные три, проживъ 3 года въ Семирѣчьи и „не управившись“, въ 80 году перешли въ Кустанай; туда-же въ 1890 г. пришелъ и землякъ ихъ, оставшійся въ Оренбургской губ.,—но онъ не пожелалъ жить въ Кустанай, а

„присмотрѣль“ данную мѣстность, куда за нимъ пришли и остальные трое. — Всѣ 14 семей причислились въ Кустанайскіе мѣщане; ушли же изъ Кустаная главнымъ образомъ изъ-за того, что „земли повыпахались“; дальнѣйшія причины — обращеніе городской земли въ общественную собственность, сдача ея слишкомъ мелкими участками, высыханіе водопойныхъ озеръ; у большинства (11 семей) въ Кустанаѣ остались дома, а у двухъ семей — и часть семьи. — Затѣмъ, изъ остальныхъ трехъ семей одна пришла прямо съ родины, одна перешла изъ поселка Александровскаго, одна — съ башкирскихъ земель.

Мѣсто для хутора первоначально *присмотрѣли*, еще въ 1889 году, два человѣка, которые и заключили съ киргизами предварительный уговоръ, причѣмъ издержали деньгами 20 рублей (волост. управителю, писарю), не считая расхода на угощенія. Затѣмъ они стали приглашать въ Кустанаѣ товарищей, съ которыхъ брали, кромѣ угощенія виномъ, по 5—6 рублей съ семьи на покрытіе расходовъ и „за хлопоты“. Всего набралось 15 человѣкъ (10 поселенцевъ Кустаная и 5 крестьянъ Воронежской губерніи), которые 20 іюля 1889 г. заключили съ 6 кибитковладѣльцами 8 аула Арагайской волости (Стыбаемъ Саркинымъ, Бикбасаромъ Майлибаевымъ и другими) *арендный договоръ*; по этому договору, заключенному срокомъ на 6 лѣтъ, хуторянамъ сдавалась мѣстность „при урочищахъ Чагасалы, Мапрашкуль и Бискызыль, между соляными дорогами, заключающая въ себѣ 100 десятинъ сотенной мѣры“ съ платой за каждую распаханную десятину: залога и оборота — по 2 рубля, третьяка — по 1 рублю; арендаторамъ предоставлялось поставить до 15 избушекъ, повосъ и пастьба скота — въ указанныхъ границахъ бесплатно, водопой — въ озерѣ Мапрашкуль. Условіе было засвидѣтельствовано волостнымъ управителемъ.

Изъ 15 человѣкъ первоначальныхъ арендаторовъ девять въ „голодный годъ“ *ушло* въ Туркестанскій край; осталось всего 6 человѣкъ, а на мѣста ушедшихъ въ 1892—1893 г.г. вошло 9 человѣкъ новыхъ. Вновь приселявшіеся покупали у уходившихъ усадьбы, угощали „общество“ виномъ и становились съ киргизами въ одинаковыя съ „первыми жителями“ отношенія.

Срокъ договора кончался 1 января 1896 года; но еще 10 іюня 1894 года хуторяне заключили съ тѣмъ-же Стыбаемъ Саркинымъ дополнительное условіе, на срокъ съ 1895 по 1897 г. (включительно), съ добавленіемъ къ прежнему участку еще новаго, нѣсколько меньшаго; условія пользованія тѣ-же, что по прежнему договору, — вновь установлена цѣна только за „мягкія“ земли (послѣ 3-го хлѣба), по 50 коп. съ десятины. Условіе это никѣмъ утверждено не было, но тамга сдатчика засвидѣтельствована аульнымъ старшиной.

Дѣйствительныя условія пользованія землей однако не вполне совпадаютъ съ указанными въ письменныхъ условіяхъ: выпасомъ скота хуторяне пользуются по всѣмъ владѣніямъ киргизъ-сдатчиковъ, которые, съ другой стороны, продолжаютъ понемногу пахать и въ чертѣ сданнаго участка.

Водопоешъ, кромѣ указаннаго въ договорахъ оз. Мапрашкуль, хуторяне пользовались и въ оз. Шагаликуль, на которомъ расположенъ хуторъ. Изъ за этого озера, однако, возникъ рядъ недоразумѣній. Прежде всего, на это озеро заявили притязанія киргизы 3-го аула Убаганской волости; они обращались съ жалобами къ уѣздному начальнику, — и въ концѣ-концовъ хуторяне заплатили имъ 40 руб. и взяли отъ нихъ миролюбивую подписку. Вскорѣ, однако, озеро Шагаликуль высохло; а такъ какъ оз. Мапрашкуль оказалось окруженнымъ сплошнымъ кольцомъ пашенъ, то скотъ остался безъ естественнаго водоема. На 1895 г. хуторяне сняли у стороннихъ киргизъ озеро для водоема за 60 руб.; на 1896 г. срядились-было за 16 руб. и 20 пуд. муки, — но разошлись изъ-за того, что хуторяне требовали росписки, киргизы же таковой дать не соглашались; во время моего прѣзда на хуторъ киргизы требовали уже 50 руб. и 30 пуд. муки, чего хуторяне не соглашались дать; скотъ, поэтому, приходилось поить изъ колодезь, что сопряжено съ существенными неудобствами.

Дальнѣйшее недоразумѣнiе возникло изъ-за того, что договоры заключены были съ 6-ю кибитко-владѣльцами, а позже явились еще двое и заявили себя совладѣльцами сданной земли; „чтобы не доходить до вышшаго начальства“, хуторяне дали имъ 30 руб., а они обязались „болѣе ничего не требовать и никакія кляузные дѣла впредь не возбуждать“ (подписка 20. VI. 90), — и теперь эти двѣ семьи участвуютъ въ полученіи арендной платы наравнѣ съ первыми шестью.

Самая уплата прежде производилась такимъ образомъ, что земля по окончаніи пахоты сосчитывалась, и всѣ хуторяне вносили деньги одному изъ „рендателей“, который и отдавалъ ихъ киргизамъ. Теперь установился другой порядокъ: „пріѣдетъ киргизъ къ кому вздумается, — дай ему денегъ, а то пшеницы, а то овса“, — и платятъ; неудобствъ изъ этого не происходитъ — вторыхъ денегъ никогда не требуютъ: достаточно сказать, что отдалъ деньги такому-то, — и они вѣрятъ; и относительно количества распаханной земли вѣрятъ на слово.

Послѣ заключенія втораго договора, въ 1894 — 96 гг., *приселилось* еще 4 семьи; изъ нихъ одна мѣсто для усадьбы купила, а землю снимаетъ у киргизъ на тѣхъ-же условіяхъ, какъ и „рендатели“; другая пашетъ киргизскую землю изъ части: поднимаетъ землю своимъ инвентаремъ, уступая треть вспаханной земли сдатчику, который обязанъ эту треть либо засѣвать самъ, либо сдать тому-же съемщику по 4 — 5 руб. за десятину; двѣ семьи пересняли землю по своей цѣнѣ у „рендателей“.

Отношенія съ киргизами, несмотря на выше указаннаго недоразумѣнiя, вполне дружелюбны: на потравы крестьяне не жалуются, вообще не ссорятся; въ расчетахъ признаютъ киргизъ вполне добросовѣстными.

Мѣстность — степь съ рѣдкими колками; и пашни, и покосы въ участкѣ имѣются въ изобиліи и хорошаго качества, такъ что къ „частной“ арендѣ прибѣгать вовсе не приходится. Но серьезныя неудобства испытываютъ

изъ-за высыхания озеръ: пить и поить скотъ приходится изъ колодцевъ, глубиной отъ 7 до 9 саж. Въ силу этого, большинство по истеченіи срока договора собирается уходить; нѣкоторые уже посвннали землю въ Миндыгаринской волости—на оз. Алакулѣ и въ двухъ другихъ мѣстахъ. Всѣ очень хотѣли-бы совсѣмъ перечислиться изъ Кустанаа; „если-бы пустили, всѣ-бы ушли и разошлись по поселкамъ“.

Земледѣліе — переложное; сѣютъ главнымъ образомъ пшеницу — „ее одну за хлѣбъ почитаютъ, ее одну и продаютъ“,— всего остального сѣютъ по немногу: „и рожь, и просо даже въ счетъ не кладутъ“. Много сѣютъ подсолнуха; состоятельные по 2—3 и до 5 десятинъ. Пашутъ плугами, притомъ исключительно деревянными, хохлацкими, на быкахъ; для подъема цѣплинъ нужно 5—6 паръ быковъ, а потому имѣющіе 2—3 пары сами пашутъ только „мятыя“ земли, а для подъема цѣплинъ спрагаются подвое. У зажиточныхъ хозяевъ есть разныя машины: на хуторѣ имѣется 7 молотилокъ, 4 вѣялки, одна косилка.

Благосостояніе хуторянъ довольно разнообразно: въ числѣ ихъ есть одинъ бѣдный дворъ, однолошадный, живущій, главнымъ образомъ, работой по найму и имѣющій нѣсколько десятинъ присѣвковъ, — и два двора, имѣющихъ по 2 пары быковъ, засѣвающихъ по 5—6 дес. и занимающихся въ видѣ подспорнаго заработка пастьбой скота; 3 двора съ 3 парами быковъ и 8 десятинами посѣва каждый. Остальные 15 дворовъ—всѣ полные хозяева, и 11 изъ нихъ должны быть отнесены къ разряду зажиточныхъ, такъ какъ засѣваютъ болѣе 20 десятинъ; 7 изъ нихъ пашутъ въ два плуга, а у пяти размѣръ посѣвной площади превышаетъ 40 десятинъ и колеблется отъ 50 до 80 дес.; 15 семей пользуются услугами наемныхъ рабочихъ, 12 изъ нихъ держать годовыхъ батраковъ, въ томъ числѣ пять—по нѣсколько человекъ. Урожай послѣдніе годы были отличные, а потому и результаты хозяйства представляются вполне благопріятными: прикупали, и то ничтожныя количества хлѣба, всего 2 сѣмьи, еще одна только свела концы съ концами; остальные 18 семей продавали хлѣбъ въ количествѣ свыше 14 тыс. пудовъ, да у 14 семей имѣется еще свыше 16 тыс. пуд. запаса. Застройка хутора однако неважная: хуторяне считаютъ себя лишь временными жителями данной мѣстности, а потому только одна семья построила бревенчатую избу, — всѣ остальные живутъ въ дерновыхъ избахъ и землянкахъ.

№ 14. Хуторъ Нивитина (*).

(Въ 7 аулѣ Аракарагайской волости).

Главные результаты подворной описи. На лицо 19 семей, изъ нихъ 2 отдѣлились на новомъ мѣстѣ, пришло 17 (для двухъ о положеніи на роднѣхъ нѣтъ свѣдѣній).

На родниѣ имѣли:

надѣлн. земли 238 дес., гол. раб. скота 135, дес. посява 462.
или въ средн. на семью > > 15,9 > > > > 9,0 > > 30,8.

Въ числѣ 15 семей было:

безземельныхъ.	имѣвшихъ земли.			
	до 5 д.	5—10 д.	10—20 д.	бол. 20 д.
1	1	2	6	5
или въ процентахъ 6,7	6,7	13,3	40,0	33,3

не сѣвавшихъ.	засѣвавшихъ десятииъ.				
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	бол. 20
2	—	—	3	5	5 ¹⁾
или въ процентахъ 13,3	—	—	20,0	33,3	33,3

Арендвали землю 11 семей или 73,3^{0/0}, снимавшія 373 дес.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 91, раб. быковъ 243, дойн. коровъ 83, дес. пос. 904.
или въ средн. на семью: рабочаго скота . . 17,6, > > 4,4 > > 47,6.

Распределение дворовъ по рабочему скоту:

Безлошадныхъ	3 семьи или 15,8 ^{0/0}
Одношадныхъ	1 > > 5,3
Работающихъ быками: имѣющихъ до 6 головъ	— > > —
7—10 >	1 > > 5,3
11—15 >	5 > > 26,3
болѣе 15 >	9 > > 47,4.

Распределение дворовъ по пахатнымъ орудіямъ:

безъ орудія 3, съ 1 плугомъ 3, съ 2 плугами 9, съ 3—4 плуг. 4.
или въ %о > > 15,8, > > 15,8 > > 47,4 > > 21,1.

Распределение дворовъ по посяной площади:

безъ посява.	засѣвающихъ десятииъ.						
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	20—40	40—60	бол. 60.
—	—	1	2	1	6	2	7
или въ %о —	—	5,3	10,6	5,3	31,6	10,6	36,8.

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—96 г.

Покупавшихъ хлѣбъ 1 сем. или 5,3^{0/0}, куплено 170 пуд.
Продававшихъ > 14 > > 73,7, продано 27.000 >
Имѣющихъ старыи хлѣбъ 7 > > 36,8, въ запасъ 18.000 >

¹⁾ Одинъ засѣвалъ 70, одинъ—200 дес..

Наемъ и отпускъ рабочей силы:

Нанимають работниковъ 15 семей или 79,0⁰/о).

Изъ нихъ нанимають: по нѣскольку годовыхъ	8
по одному годовому и нѣсколько сроковыхъ	4
по одному годовому	1
однихъ сроковыхъ	1

Число нанятыхъ батраковъ: годовыхъ 27, сроковыхъ 25.

Издержано на поденный и задѣльный наемъ 5.530 рублей.

Отпускають рабочую силу 3 семьи или 15,9⁰/о.

Изъ нихъ отпускають: нѣсколько годовыхъ	1 семья.
нѣсколько сроковыхъ	1 »

Изъ 19 наличныхъ домохозяевъ 16 — Кустанайскіе мѣщане, родомъ изъ Вузулукскаго уѣзда, Самарской губ., два — родные братья, причисленные одинъ — къ Кустаная-же, другой — къ пос. Жуковскому, родомъ изъ Усманскаго у., Тамбовской губ., одинъ — Кустанайскій купецъ, не имѣющій на хуторѣ ни усадьбы, ни инвентаря, а только участвующій вмѣстѣ съ прочими въ арендѣ и ведущій хозяйство на чисто-коммерческихъ началахъ. Изъ числа 16 семей Кустанайскихъ мѣщанъ обозначаются двѣ группы: одна — въ 7 семей, прибывшая въ Кустанай въ 1881 г., вторая — въ 2 семьи, прибывшая въ Кустанай на годъ раньше; первая группа, проживая въ Кустанай, пахала на арендованной киргизской землѣ, а въ 1890 г. основала данный хуторъ; вторая ушла изъ Кустаная еще въ 1887 г., жила 4 года на другой землѣ, а въ 1891 г. перешла сюда. Изъ остальныхъ пяти семей Самарцевъ три прибыли въ Кустанай позже, съ 1886 по 1890 годъ, а сюда пришли въ числѣ первыхъ „жителей“; остальные двѣ пришли въ 1894 г., — одна изъ Кустаная-же, другая — „къ своимъ“, прямо „со старины“. На родинѣ двѣ семьи были совершенно бѣдными и не вели самостоятельнаго хозяйства; три засѣвали отъ 6 до 12 дес., семь — отъ 20 до 30, одна — 70, одна — 200 дес.; при надѣлѣ въ 5½ дес. на душу, хозяйство велось главнымъ образомъ на арендованной землѣ, а самый уходъ съ родины былъ вызванъ повышеніемъ арендныхъ цѣнъ („побольше сѣять охота, а цѣна дошла до 10—12 р.“); въ Кустанай жили и по его окрестностямъ пахали, „пока было вольно“, на хутора же перешли главнымъ образомъ вслѣдствіе отрѣзки подъ заводскую конюшню лучшихъ подгородныхъ земель, а главное — всѣхъ луговъ („ближе 30 верстъ отъ Кустаная хорошаго покоса не достанешь“). Почти всѣ, живя въ Кустанай, значительно расширили свое хозяйство, — но одинъ, самый богатый (сѣявшій до 200 дес.), совершенно раззорился и теперь не имѣетъ самостоятельнаго хозяйства. — Что касается до Тамбовцевъ, то они въ 1871 г. ушли въ Уфимскую губ., гдѣ купили участокъ въ 30 дес.; одинъ изъ братьевъ въ 1881 г. перешель

¹⁾ Для одной семьи по этому вопросу нѣтъ свидѣній.

въ Кустанай и записался въ мѣщане, другой пришелъ въ 1888 г. и поселился въ Жуковскомъ поселкѣ; первый въ Кустанай познакомился съ Самарцами, которые приняли въ свою артель и его, а по его рекомендаціи— и другого брата.

Основателями хутора были 12 дворовъ—10 Самарцевъ и 2 Тамбовца; по довѣренности ихъ, одинъ изъ нихъ, Никитинъ, *снялъ у* киргизъ 7 аула Аракарагайской волости Чиченгары Казыбекова, Джаватая Балтабаева и трехъ другихъ (всѣ пятеро—совладѣльцы земли, сданной Александровскому поселку), съ ихъ одноаульцами, *участокъ земли* въ границахъ, описанныхъ живыми урочищами, въ длину около 7 верстъ, въ ширину — около 4½ верстъ, съ платой по дѣйствительной распашкѣ: за первые три хлѣба — по 1 р. 50 к., начиная съ 4-го — по 50 к. съ десятины, — и съ правомъ бесплатнаго пользованія въ участкѣ покосомъ и выгономъ и возведенія усадебъ (число послѣднихъ въ договорѣ не ограничено). — Договоръ, засвидѣтельствованный аульнымъ старшиной, заключенъ былъ на 6 лѣтъ, съ 1890 по 1895 включительно, — и съ весны 1890 года устроился и самый хуторъ, въ составѣ 11 домохозяйствъ (двѣнадцатый—купецъ, не имѣющій на участкѣ никакого домообзаводства); одинъ изъ этихъ „первыхъ жителей“ скоро ушелъ, а взамѣнъ его вошли два новыхъ пайщика, каждый изъ которыхъ получилъ по полу-пая („киргизы приняли, а мы согласились“; было угощенье); затѣмъ въ разное приселились еще три семьи „бѣднаго состоянія“, существующія исключительно работой на богатыхъ земляковъ-хуторянъ и получившія отъ послѣднихъ разрѣшеніе поставить землянки; двѣ изъ нихъ вовсе не ведутъ хозяйства и получаютъ только присѣвки, третья завела верблюдовъ и съ разрѣшенія хуторянъ имѣетъ небольшую запашку.

По истеченіи срока, арендаторы *сняли* тотъ-же участокъ *на новые 6 летъ* (1896—1901), но въ виду закона 1891 г. облекли аренду въ форму аренды „изъ третьей борозды“, на обычныхъ условіяхъ, фактически превращающихъ ее въ денежную, т. е. съ преимущественнымъ правомъ съемщиковъ „покупать назадъ“ достающуюся сдатчикамъ треть; и дѣйствительно — сдатчики сами засѣваютъ лишь ничтожную часть достающейся имъ пашни, постороннимъ же лицамъ не сдаютъ ничего, такъ что хуторяне засѣваютъ почти всю распахиваемую ими площадь, уплачивая киргизамъ по 5—6 р. съ каждыхъ трехъ десятинъ.

Заарендованный участокъ первоначально разбитъ былъ на приблизительно-равные пай: каждому пайщику отмѣрили на одной изъ короткихъ сторонъ участка по 200 саж., а затѣмъ „каждый гналъ свою полосу, сколько силы хватало“; со времени заключенія втораго договора дѣленіе участка на пай отмѣнено: каждый пашетъ „по возможности“; по преимуществу держатся старыхъ павыхъ участковъ, — но „не обижаются“, если кто заѣдетъ въ границы чужаго пая.

1) Подлинныхъ договоровъ я не видѣлъ.

Съ киргизами-сдатчиками *отношенія самыя лучшія*: „скандалу никогда — киргизы добры“.

Мѣстность — ровная черноземная степь, въ 12 — 15 в. къ W отъ Тобола; почва, несомнѣнно, отличная, и всѣхъ угодій настолько достаточно, что хуторяне не снимаютъ на сторонѣ ни пашень, ни покосовъ. — Открытыхъ водъ нѣтъ — воду берутъ изъ колодцевъ, глуб. отъ 8 до 12 саж., да и тѣ не богаты водой: „изъ пяти колодцевъ воды на три двора мало“.

Земледѣліе — переложное: на залогахъ сѣютъ по 3 раза подрядъ пшеницу — кубанку, овесъ идетъ изрѣдка третьимъ, чаще четвертымъ хлѣбомъ, рожь — тоже четвертымъ; подъ рожь землю парятъ, и послѣ нея сѣютъ опять пшеницу; залежей еще не распахиваютъ. — Для пахоты всѣ пользуются хохлацкими плугами, которые особенно хороши для подъема цѣлины („лучше его нѣтъ — нашеть и широко, и глубоко“); для „мятыхъ“ земель 11 семей имѣютъ трехъ- и двухлемешные плуги Эккерта, которые запрягаются 5 парами быковъ и пахутъ до 2½ дес. въ день. Изъ машинъ на хуторѣ имѣется:

молотилокъ	8
вѣялокъ	7
косилокъ	2
жней (Гривеза и Адриансъ-Платтъ)	3.

Въ отношеніи *благосостоянія* надо выдѣлить прежде всего три позже-приселившіяся семьи, существующія исключительно или преимущественно работою по найму, — хотя и эти три семьи имѣютъ посѣвъ и двѣ изъ нихъ въ 1895—96 г.г. обошлись безъ покупки хлѣба. Всѣ пайщики, въ числѣ 16 семей участвующіе въ арендѣ участка, болѣе или менѣе зажиточны, — и въ среднемъ на семью имѣютъ по 20,8 головъ рабочаго скота и по 55,4 дес. (сороковых!) посѣва; только одна семья засѣваетъ всего 17 дес.; у пяти семей посѣвная площадь равна 30 дес., у трехъ — 40—50 дес.; пять семей засѣваютъ по 70—80 дес., двѣ — по 100 дес. каждая. Что касается до инвентаря, то одна изъ этихъ 16 семей (купецъ Степановъ, засѣвающій 80 дес.) такового не имѣетъ, а исполняетъ всѣ работы, нанимая: для пахоты — русскихъ поселенцевъ, для бороньбы — киргизъ, и т. д.; изъ остальныхъ пятнадцати одна только имѣетъ 4 пары быковъ, шесть — по 5—6 паръ, столько же — отъ 8 до 10 паръ, двѣ — 12 и 18 паръ быковъ, не считая болѣе или менѣе значительнаго числа лошадей; девять дворовъ пахутъ въ два плуга, четыре имѣютъ по 3 и по 4 плуга. Понятно, при такихъ условіяхъ, что хозяйство основано главнымъ образомъ, если не исключительно, на наемномъ трудѣ: изъ 15 семей 13 держатъ годовыхъ работниковъ, восемь изъ нихъ — отъ двухъ до пяти человѣкъ; всего въ 15 дворахъ живетъ 27 годовыхъ работниковъ, на весну или на лѣто нанимается еще до 25 человѣкъ сроками, а на подневный наемъ эти 15

семей за 1895—1896 годъ издержали до 5.530 рублей! Продано хлѣба за тотъ-же періодъ было до 27 тысячъ пудовъ; при этомъ урожай 1895 г. былъ очень плохъ, такъ что все показанное количество продано не изъ этого урожая, а изъ старыхъ запасовъ,—и тѣмъ не менѣе у восьми дворовъ имѣется въ запасѣ еще до 18 тысячъ пудовъ; независимо отъ этого, на заимкахъ стоятъ огромныя клады попорченной туманами ржи, которую однако не молотятъ, а скармливаютъ скоту.

Что касается до застройки, то хуторъ разбросался своими усадьбами по четыремъ заимкамъ (8, 7, 1 и 1 дворъ): „копали колодцы, да и строились“; только на одной изъ этихъ заимокъ преобладаютъ деревянные дома, пятистѣнные, на остальныхъ — все землянки, плохо построенныя и неопрятныя; но при каждомъ дворѣ стоятъ по нѣскольку бревенчатыхъ амбаровъ.— Впрочемъ, постоянно живутъ на хуторѣ только три бѣдныя семьи, а изъ арендаторовъ — только одинъ; затѣмъ, у купца Степанова на участкѣ нѣтъ никакихъ построекъ, а одна семья, имѣя на участкѣ только хозяйственныя постройки и избу для работниковъ, продолжаетъ лѣто и зиму жить въ поселкѣ Жуковскомъ. Всѣ остальные живутъ въ Кустанаѣ, и только на лѣто всю семью или частью ея переѣзжаютъ на хуторъ.

По истеченіи срока договора хуторяне *думаютъ продолжать жить* на томъ-же мѣстѣ: „отстать нежелательно, хоть водой и трудно“. Охотно заключили-бы, по истеченіи срока перваго договора, новый договоръ на 12 лѣтъ, но „ждутъ перемиръ, а потому—боятся: снимешь участокъ, — а тамъ земля отойдетъ подъ нарѣзку“.

№ 15. Саратовская заимка.

(Въ 5 аулѣ Аракарагайской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ 9 семей. Свѣдѣнія о хозяйственномъ положеніи на родинѣ есть только для пяти, которыя имѣли:

надѣльной земли	91 дес.	головъ рабоч. скота	24,	дес. посѣв.	82,
или въ средн. на семью:	> 18,2	> > >	> > >	4,8	> > 16,4

Въ числѣ 5 семей имѣли земли	отъ 5 до 10 дес.	. . .	2 семьи	или 40%
	> 10 > 20	> . . .	3 >	> 60 >
засѣвали	> 5 > 10	> . . .	2 >	> 40 >
	> 10 > 20	> . . .	3 >	> 60 >

Арендowali землю 4 семьи или 80%, снимавшія 40 десятинъ.

Въ настоящее время имѣютъ:

Рабочихъ лошадей	22,	рабоч. быковъ	68,	дойн. коровъ	27,	десят. посѣва	142,
или въ среднемъ: рабочаго скота .	. . 10,0	>	>	3,0	>	>	15,8.

Распределение дворовъ:

<i>по рабочему скоту.</i>		<i>по пахатн. орудіямъ.</i>	
съ 7 лошадыми	1 или 11,1 ⁰ / ₀	съ однимъ плугомъ 5 или 55,5 ⁰ / ₀	
работ. на бык.: съ 4—6 голов.	2 > 22,2 >	> двумя плугами 3 > 33,3 >	
> 7—10 >	5 > 55,5 >	> тремя > 1 > 11,1 >	
> 11—15 >	— > — >		
болѣе 15 >	1 > 11,1 >		

Распределение по полевой площади:

засѣвають отъ 5 до 10 десятинъ	3 семьи или 33,2 ⁰ / ₀
> 10 > 20 >	5 > > 55,5 >
50 десятинъ	1 > > 11,1 >

Покупали хлѣбъ 4 семьи, ими куплено 290 пудовъ.

Продавали > 2 > > > 300 > .

Запасовъ хлѣба нѣтъ.

Нанимають работниковъ 5 семей, изъ нихъ:

по одному годовому работнику 4 семьи

нѣсколько > > 1 >

Число нанятыхъ батраковъ: годовыхъ 8, срочныхъ 4.

Продающихъ свой трудъ 2 семьи.

Всѣхъ наличныхъ 9 домохозяйствъ — Кустанайскіе мѣщане; изъ нихъ пять — родомъ изъ Саратовской губерніи, Балашовскаго уѣзда, три — изъ Тамбовской губерніи, Моршанскаго уѣзда, и одинъ — изъ Самарской губерніи. Саратовцы вышли „на новыя мѣста“ въ 1877 г., безъ опредѣленнаго плана; прослышавъ по дорогѣ про „новый городъ“, они остались жить „на линіи“, а въ 1880 г., въ числѣ первыхъ поселенцевъ, пришли въ Кустанай; здѣсь они пахали городскую землю, а въ 1891 г. перешли въ данную мѣстность на займку. Тамбовцы ушли изъ дому въ 1876 г. и до 1882 г. жили на офицерскихъ участкахъ въ Оренбургской губерніи; въ 1882 г. они перешли въ Кустанай, съ 1891 по 1894 г. — на займку.

Займка образована была въ 1891 году 12 лицами, въ томъ числѣ священникомъ Малышевымъ (изъ одной изъ ближайшихъ казачьихъ станицъ) и 11-ю Кустанайскими мѣщанами; по 6-лѣтнему договору (1891 — 96), засвидѣтельствованному аульнымъ старшиной, они *заарендовали* у киргизъ 5 аула Аракарагайской волости Бикмухамеда Умурзакова, Хожа Утешева и трехъ другихъ *участковъ земли* въ границахъ, обозначенныхъ живыми урочищами, съ платой по 120 р. въ годъ; земля распределена была на 12 паевъ, причежъ раздѣлъ произведенъ былъ не сразу, а постепенно, по мѣрѣ распашки земли.

Когда истекъ срокъ договора, священникъ Малышевъ и еще три пайщика перешли на другую займку, дальше къ сѣверо-западу; остальные восемь съ однимъ новымъ пайщикомъ сняли тамъ-же участокъ по *новому трехлѣтнему* (1897—99) *договору*, утвержденному тоже аульнымъ стар-

пиною. Въ виду Положенія 1891 г. арендѣ приданъ видъ обработки *изъ пятай борозды* (сдатчикъ получаетъ $\frac{1}{5}$ долю вспаханной съемщикомъ земли; доля сдатчика столь низка потому, что *всѣ земли распаханы* и цѣлины нѣтъ, — слѣд. участокъ обезцѣненъ), причеиъ въ договоръ включены оговорки, свидѣтельствующія о фиктивности сдѣлки: если киргизы пожелаютъ сдать свою долю необработанную или вспаханную, то съемщики „берутъ ее за себя“, платя въ первомъ случаѣ по 50—70 к., во-второмъ по 3 р. 50 к.—4 р. съ десятины; если-же сдатчики пожелаютъ, они имѣютъ право потребовать отъ арендаторовъ огульную сумму въ 120 р. и тогда уже отказываются отъ права на свою часть вспаханной земли.—Фактически киргизы своей доли вовсе не засѣваютъ, а все отдаютъ арендаторамъ и берутъ деньги.—Новая артель разбила участокъ на 9 паевъ, причеиъ одинъ хозяинъ взялъ себѣ два пая, двое — по полупая, остальные — по пая; пашни на каждый пай отведена въ четырехъ мѣстахъ.

Отношенія со сдатчиками дружелюбны, — „вздору никакого: они намъ ничего, мы имъ тоже“.

Къ *частной арендѣ* пашень хуторяне не прибѣгаютъ, — пахутъ исключительно въ „рендовомъ“ участкѣ; покосы обыкновенно снимаютъ въ городской дачѣ; въ 1896 г. не арендовали и покосовъ, такъ какъ урожай травы былъ хорошъ и удалось достаточно накосить въ „рендовомъ“ участкѣ.

Участокъ расположенъ въ 7 верстахъ къ *N* отъ ст. Ивановской (первой отъ Кустаная по Троицкому тракту). Угодья въ немъ, повидимому, посредственные: почва не черноземная, а суглинистая, — теперь вспахана и даетъ плохіе урожаи. Специальныхъ покосовъ нѣтъ: въ дождливый годъ косятъ залежи, въ сухой — жнутъ камыши по болотцамъ и снимаютъ покосы на сторонѣ. Водопой былъ въ озеркѣ, которое однако теперь высохло; покосили колодцы — но вода въ нихъ солоноватая.

Въ отношеніи *благосостоянія* выдѣляется одна семья, имѣющая 3 плуга и 12 паръ быковъ и засѣвающая до 50 десятинъ; всѣ остальные хуторяне не имѣютъ значительнаго хозяйства: три семьи не имѣютъ даже полнаго „сабана“ или комплекта быковъ и засѣваютъ по 6 десятинъ, остальные пять имѣютъ достаточно для работы плуга число быковъ или лошадей и засѣваютъ отъ 13 до 17 десятинъ каждая. Работниковъ, однако, и въ этой группѣ нанимаетъ большинство, такъ что изъ девяти наличныхъ семей батраковъ держатъ 5 семей, изъ нихъ одна — 4 человекъ, а во всѣхъ пяти дворахъ живетъ 8 годовыхъ работниковъ, и лѣтомъ — еще 4 сроковыхъ; напротивъ, двѣ изъ семей съ малою запашкой находятъ подспорье въ продажѣ своего труда. Продовольственные результаты послѣдняго года, благодаря очень плохому урожаю, неудовлетворительны: запасовъ хлѣба нѣтъ ни у кого и только два двора смогли продать небольшія количества хлѣба, — четыре же двора должны были прикупать хлѣбъ.

Будутъ ли жить дольше на участкѣ, по истеченіи срока договора, не знаютъ: „если не поглынется, можно уйти, а поглынется—можно жить“. Впрочемъ „жить вѣчно“ на данномъ участкѣ считаютъ неудобнымъ: „пока земли были новыя, хорошо было,—а теперь старыя стали“,—главное-же—недостатокъ воды.

Въ городѣ жить остаются потому, что „тамъ мѣсто вѣчное, а здѣсь—Богъ его знаетъ“,—а потому съ городомъ порывать связь рисковано.

№ 16. Заимка Кислицына (*).

(Въ 5 аулѣ Аракарагайской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ 11 семей, изъ нихъ, одна—отдѣлившаяся здѣсь.

Свѣдѣнія о положеніи на родинѣ есть только для 6 семей; у нихъ было:

надѣльной земли 44 дес., головъ раб. скота 41, посѣва 63 дес.
или въ средн. на семью: > > 7,3 > > > > 6,8 > 10,5 >

Въ числѣ 6 семей было:

безземель- ныхъ	имѣвшихъ земли		
	до 5 д.	5—10 д.	10—20 д.
2	—	2	2
или въ ‰ 33,3	—	33,3	33,3

не сѣяв- шихъ	засѣявавшихъ десятинъ				
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	бол. 20
1	—	1	3	—	1
или въ ‰ 16,7	—	16,7	50,0	—	16,7.

Арендвали землю двѣ семьи или 33,3 ‰, снимали 43 десятины.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 19, раб. быковъ 96, дойн. коровъ 34, дес. посѣва 129
или въ средн. на семью: рабочаго скота 10,5 > > 3,1 > > 11,7.

Распределение по рабочему скоту:

Распределение по пахатн. орудіямъ:

имѣютъ	{ 4—6 . . 2 семьи или 18,2 ‰ быковъ съ { 7—10 . . 2 > > 18,2 ‰ лошадыми { 11—15 . . 7 > > 63,6 ‰	Съ 1 плугомъ . . 7 или 63,6 ‰
		Съ 2 > . . 4 > 36,4 ‰

Распределение по посѣвной площади: отъ 2 до 5 дес. . 2 семьи или 18,2 ‰
> 5 > 10 > . 3 > > 27,2
> 10 > 20 > . 6 > > 54,5

Покупала хлѣбъ 1 семья или 9,1⁰/₀, куплено 10 пудовъ.
Продавали > 7 > > 63,6⁰/₀, > 1620 >
Имѣли запасъ 4 > > 36,4⁰/₀, въ запасѣ 1100 >

Нанимають работниковъ 8 семей или 72,7⁰/₀.

изъ нихъ держать по одному годовому . . . 4
 > 2—3 > 2

Продающихъ трудъ нѣтъ.

И эта заимка, какъ и предыдущія, поселена Кустанайскими мѣщанами; изъ нихъ 5 семей—родомъ изъ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, 4—изъ разныхъ уѣздовъ Воронежской, остальные двѣ—изъ Пензенской и Харьковской. Всѣ принадлежать къ „первымъ жителямъ“ Кустаная (одинъ изъ Воронежцевъ ушелъ изъ дому еще въ 1870 г. и 5 лѣтъ жилъ въ Семирѣчьи, а затѣмъ—5 лѣтъ жилъ „на линіи“, въ ожиданіи допущенія въ „новый городъ“) и имѣютъ постоянное жительство въ городѣ, на заимкѣ же устроили только землянки или дерновыя избушки, гдѣ живутъ только лѣто.

Заимка возникла въ 1888 г., въ составѣ всего 4 дворовъ, которые по 6-лѣтнему (1888—93) *договору*, засвидѣтельствованному аульнымъ старшиною, заарендовали у тѣхъ-же киргизъ, что и жители Саратовской заимки, участокъ, земли „угломъ“, съ платой за всѣ виды пользованія по 100 р. въ годъ; сдатчики обязывались въ участокъ „не вступаться“, а арендаторы приобрѣтали право пасти свой скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ.

Участокъ разбитъ былъ на 4 равныхъ пая,—но за 6 лѣтъ хуторяне успѣли распахать только небольшую часть его площади—мѣстечки съ лучшею почвой, остальнымъ же пользовались для покоса и выпаса скота.

Къ концу срока договора одинъ изъ пайщиковъ умеръ, а другой ушелъ; оставшіеся двое, находя, что „народу мало—жить скучно“, стали приглашать новыхъ товарищей, и желающихъ, въ виду близости участка къ городу, оказалось очень много. Принято было въ артель еще 8 человекъ, и всѣ десять сняли по 6-лѣтнему-же *договору* (1894—99), засвидѣтельствованному аульнымъ старшиною, у тѣхъ-же киргизъ, прежній участокъ земли (а) съ присоединеніемъ новаго, нѣсколько бѣльшаго (б), съ платой за оба участка по 150 р. въ годъ; а такъ какъ къ тому времени высохло „домашнее“ озерко, то они сняли на тотъ-же срокъ, но у другихъ киргизъ, смежный участокъ (в), удобный для устройства усадебъ и копанья колодезь, за 40 р. въ годъ.

Въ договорахъ этихъ названы всѣ 10 пайщиковъ; но такъ какъ къ веснѣ 1894 г. двое изъ нихъ не явились, то участокъ (а) былъ раздѣленъ между наличными 8 пайщиками; а когда двое запоздавшихъ осенью пришли, то остальные 8 не захотѣли переиначивать раздѣла,—и опоздавшие получили пай только въ участкахъ б и в; этому соотвѣтствуетъ и разница въ арендной платѣ: эти двое платятъ по 14 р., остальные—по 19 р. въ годъ.

Съ киргизами-сдатчиками „живемъ мирно сколько лѣтъ — не ссоримся“.

Къ „частной“ арендѣ не прибѣгаютъ, — все пользованіе въ „рендонныхъ“ участкахъ.

Участки расположены смежно съ участкомъ Саратовской заимки. Угодья хуторяне не одобряютъ: много щеловатыхъ и солонцеватыхъ площадей; мѣста съ хорошею почвой разбросаны клочками и всѣ уже паханы; цѣлинъ, пригодныхъ для распашки, еще много, но съ плохую, суглинистою и щеловатою почвой. — Повосовъ и пастбищъ очень много, воды открытой нѣтъ, но колодцы глубиной не болѣе 3—4 арш. и съ отличною водою.

Благосостояніе хуторянъ равномернѣе, чѣмъ на Саратовской заимкѣ: ни совсѣмъ бѣдныхъ, ни очень богатыхъ нѣтъ. Небольшіе посѣвы, по 5—6 десятинъ, имѣютъ всего три семьи, три-же засѣваютъ по 10—11 десятинъ, остальные пять — по 15—17 десятинъ каждая; пахутъ всѣ быками, которыхъ имѣютъ: двѣ семьи по 2 пары, двѣ — по 3—4, остальные 7 — по 5—6 паръ. Значительное большинство — 8 семей — нанимаетъ работниковъ, изъ нихъ двѣ держатъ по 2—3 годовыхъ, а четыре нанимаютъ на лѣто по одному сроковому; къ продажѣ труда никто не прибѣгаетъ. Продовольственные результаты послѣдняго года гораздо лучше, чѣмъ на Саратовской заимкѣ: купить хлѣбъ — и то всего 10 пуд., — пришлось только одной семьѣ; продавали хлѣбъ 7 семей, въ количествѣ 1.620 пуд., да у 4 семей въ запасѣ 1.100 пудовъ.

Будутъ-ли арендовать участокъ дальше — не знаютъ: едва-ли, а впрочемъ „Богъ его знаетъ“; да и киргизы сдадутъ-ли — неизвѣстно: „не то позволятъ имъ, не то нѣтъ“.

№ 17. Заимка Алелекова (*).

(Въ 5 аулѣ Аракъарагайской волости).

Заимка расположена въ 7 в. къ NW отъ той-же ст. Ивановской и состоитъ изъ одного двора. Владѣлецъ ея, богатый Кустанайскій мѣщанинъ, родомъ изъ Пензенской губ., живетъ въ Кустанаѣ и владѣетъ тамъ тремя домами; заимку держитъ съ 1891 г., по 9-лѣтнему договору (1891—99), засвидѣтельствованному аульнымъ старшиной, съ киргизами 5 аула Аракъарагайской волости Жултаемъ Тлеубаевымъ и Доспуломъ Ермековымъ съ ихъ одноаульцами; участокъ земли заарендованъ „угломъ“, съ платой за первые три года по 200 р., затѣмъ — по 100 р. въ годъ (дешевле потому, что „всѣ залогои распашутся“). Угодья въ участкѣ — какъ въ предыдущемъ: хорошая почва разбросана клочками и вся распашана; остались мѣста вовсе неудобныя или плохія.

на три равных пая, и одинъ изъ товарищей взялъ полный пай, остальные трое—по $\frac{2}{3}$ пая („въ двухъ паяхъ по третьей части“); затѣмъ, вслѣдствіе семейнаго раздѣла, два изъ этихъ трехъ дворовъ развернулись въ 3 двора, которые раздѣлили свои два неполныхъ пая на три равныя доли, такъ что теперь имѣется 5 товарищей, которые владѣютъ: одинъ — полнымъ паямъ, одинъ— $\frac{2}{3}$ пая и три—по $\frac{1}{3}$ пая.

Живутъ съ киризами-сдатчиками „мирно — не обижаютъ насъ“. Къ „частной“ арендѣ не прибѣгаютъ.

Участокъ—въ 2 верстахъ къ NO отъ ст. Ивановской. Угодья не-важныя, вродѣ двухъ предыдущихъ участковъ: „мѣста — суглинокъ, хорошее выбираемъ по малости, а джо сильнаго хлѣба никогда не живетъ“. Поселеніе—на колодцахъ; глубина ихъ—6 или 7 арш., вода отличная; было озерко, да пересохло.

По *благосостоянію* всѣ заимочники близки къ уровню среднесостоя-тельныхъ крестьянъ: двѣ семьи имѣютъ по 3 пары быковъ и засѣваютъ по 6 дес., три семьи — по 4 пары быковъ и засѣваютъ отъ 12 до 17 дес.. Въ 1895—96 г., благодаря очень дурному урожаю, почти всѣ покупали хлѣбъ.

Что будутъ дѣлать дальше — „впередъ неизвѣстно“; скорѣе бросать участокъ,—„всѣ три года своего хлѣба не ѣли“.

№ 19. Займка Рязанцева (*).

(Въ 5 аулѣ Аракарагайской волости).

Главные результаты подворной описи. Налицо 14 семей. 0 поло-женіи на родинѣ свѣдѣній нѣтъ.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 48, раб. быковъ 122, дойн. коровъ 38, дес. посѣва 297 или въ среднемъ на семью: головъ раб. скота 12,1 > > 2,7 > > 21,2.

<i>Распределение по рабочему скоту:</i>		<i>Распределение по пахатн. орудіямъ:</i>	
	Съ 3 лошадей . 1 дв. или 7,1 ⁰ / ₀	Съ 1 плугомъ . 10 дв. или 71,4 ⁰ / ₀	
Быковъ съ лошадьми.	7—10 . . 6 > > 42,9 ⁰ / ₀	> 2 плугами . 2 > > 14,2 ⁰ / ₀	
	11—15 . . 5 > > 35,7 ⁰ / ₀	> 6—8 > . 2 > > 14,2 ⁰ / ₀	
	болѣе 15 . . 2 > > 14,2 ⁰ / ₀		

Распределение по посѣваемой площади:

Два двора только «начинаютъ пахать». Изъ остальныхъ:

засѣваютъ по	10 дес.	2 двора или	16,7 ⁰ / ₀
>	> 11—20 >	7 >	> 58,3 ⁰ / ₀
>	> 30 >	1 >	> 8,3 ⁰ / ₀
>	> 65 >	2 >	> 16,7 ⁰ / ₀

Покупами хлѣбъ 2 семьи ¹⁾ или 15,4 0/0, ими куплено 90 пуд.
Продавали > 5 > > 38,8 0/0, продано 3.500 >
Запасъ имѣютъ 6 > > 46,2 0/0 у нихъ хлѣба 5.050 >.

Нанимаютъ работниковъ 12 семей или 85,7 0/0
изъ нихъ по нѣскольку годовыхъ держать 8 семей
одного сроковаго > 1 >.

Число навятыхъ батраковъ: годовыхъ 19, сроковыхъ 8.

Продающихъ трудъ—нѣтъ.

Изъ наличныхъ 14 семей 5—изъ Бузулукскаго уѣз., Самарской губ., остальные—изъ Воронежской: семь—Павловскаго, двѣ—Новохоперскаго уѣзда. Всѣ Самарцы пришли въ Кустанай въ 1880—1882 г.; изъ числа Воронежцевъ одна семья жила на казачьихъ земляхъ съ 1875 по 1880 г., когда перешли въ Кустанай; три семьи ушли изъ дому въ 1878 г.,—двѣ изъ нихъ 3 года прожили „въ казакахъ“, одна шла въ Кокчетавскій уѣздъ и тоже застряла на казачьей линіи, а въ 1881 г. всѣ три переехали въ Кустанай; остальные пять семей пришли прямо въ Кустанай въ разное время, начиная съ 1882 и кончая 1894 годомъ. Въ настоящее время всѣ 14 семей числятся Кустанайскими мѣщанами и имѣютъ въ Кустанай дома (одна семья—три дома) и постоянное жительство.

Изъ числа наличныхъ займочниковъ *первыми* въ данной мѣстности *водворились* три семьи (всѣ родомъ изъ Воронежской губ.), которыя въ 1885 году *сняли* у киргизъ 5 аула Аракарагайской волости Абата Айдабулова и Нурмухамеда Кулюкова, на 5-лѣтній срокъ, *участокъ* земли. Въ теченіе 5-лѣтняго срока къ нимъ подошелъ еще одинъ землякъ, а къ концу срока участокъ, со всею окружающею мѣстностью, былъ изъятъ изъ пользованія киргизъ и вошелъ въ дачу Кустанайской заводской конюшни.

Вслѣдствіе этого, указанные 4 лица, съ четырьмя вновь вошедшими товарищами (изъ нихъ два Воронежца и два Самарца) *сняли* у тѣхъ-же сдатчиковъ *другой участокъ*, площадью около 2.000 дес.; договоръ, засвидѣтельствованный аульнымъ старшиной, заключенъ былъ на 6 лѣтъ (1890—95), плата установлена въ размѣрѣ 400 р. въ годъ. И земля, и плата распределены были на 8 равныхъ паевъ; земля была разбита на „столбы“, а каждый столбъ по мѣрѣ надобности, дѣлили на отрѣзки по 15—20 дес., которые и разбирали по жребію.

По истеченіи этого срока, *участокъ заарендовали на новое шестилѣтіе* (1896—1901), по договору, засвидѣтельствованному тѣмъ-же порядкомъ. Возобновили аренду главнымъ образомъ потому, что „построились,—неохота отстать“; но такъ какъ цѣлины уже всѣ успѣли распахать (см. ниже), то *арендную плату понизили четверо*—до 100 р. въ годъ. Участокъ остался по прежнему раздѣленнымъ на 8 паевъ.

¹⁾ Для одной семьи нѣтъ свѣдѣній.

Паи эти имѣютъ однако лишь идеальное, такъ сказать, значеніе; при дѣйствіи какъ перваго, такъ и вынѣшняго договора, составъ пайщиковъ постоянно измѣнялся: одни уходили въ разныя другія мѣста (напримѣръ на хуторъ Гребенкинъ — см. выше), взамятъ ихъ подходили другіе, которымъ „первые жители“ уступали, кому треть, кому—полпая; изъ наличныхъ 14 дворовъ, такимъ образомъ, только два „первыхъ жителя“ имѣютъ по полному паю; четыре двора имѣютъ по полупая, всѣ остальные—по трети пая.

Что касается до „частной“ аренды, то до недавняго времени она была мало развита: арендаторы поднимали цѣлины въ „рендвомъ“ участкѣ, на сторонѣ же снимали изрѣдка и по мелочамъ. Въ настоящее время доброкачественныхъ цѣлинъ въ чертѣ участка осталось мало, а потому въ послѣдніе годы бѣльшая часть посѣвовъ (въ 1896 году 170 дес. изъ 297) производится на цѣлинахъ, снятыхъ „по частной“ арендѣ, къ которой прибѣгаютъ 11 изъ числа наличныхъ 14 семей, — въ участкѣ же землѣ „даютъ отдыхать“.—Очень много снимаютъ и сѣнокосовъ: въ 1896 г. къ арендѣ покосовъ прибѣгло тоже 11 семей, и сняли онѣ до 3.350 копеекъ.

Участокъ расположенъ въ полуверстѣ на SW отъ той-же Ивановской станціи; „участокъ для хлѣбопашества хорошъ“: земля черноземъ, урожаи отличные, качество зерна тоже. Покосовъ маловато. Вода была въ озерахъ, которыя теперь высохли; поконали колодцы и на небольшой глубинѣ нашли въ изобиліи хорошую воду: „100 быковъ изъ колодца поили — не выпивали воды“.

Усадьбы стоятъ надвое—„такъ для скота лучше, — прежде его было сильно много“. Изъ наличныхъ дворовъ 6 имѣютъ бревенчатыя избы, 4 — землянки, а 4 не имѣютъ на займкѣ усадебной осѣдлости.

Что касается до *размѣровъ хозяйства*, то изъ числа другихъ выдѣляются два полныхъ пайщика, имѣющіе по 6—8 плуговъ, работающіе на 8—10 парахъ быковъ и засѣвавшіе въ 1896 г. по 65 десятинъ; еще одна семья работаетъ пятью парами быковъ и засѣяла 30 дес.; 7 семей имѣютъ быковъ по 3—4 пары, и двѣ изъ нихъ засѣваютъ по 10, остальные—по 15—20 дес.. Послѣднія 4 семьи перешли на участокъ въ 1896 г. и еще только обзаводятся, что однако не помѣшало двумъ изъ нихъ засѣять уже по 14—15 десятинъ. — Продовольственные результаты послѣдняго года—, особенно если отбросить эти послѣднія 4 семьи,—довольно хороши: прикупить по немногу хлѣба пришлось только двумъ семьямъ; продавали хлѣбъ 4 семьи, которыми продано всего 3.000 пуд., — но у пяти семей имѣется еще запасъ хлѣба въ количествѣ всего до 5.000 пудовъ. Ведется хозяйство преимущественно наемнымъ трудамъ: если отбросить тѣ-же 4 вновь прибывшія семьи, то окажется, что всѣ остальные прибѣгаютъ къ услугамъ наемныхъ работниковъ, а семь изъ нихъ держатъ отъ 2 до 4 годовыхъ работниковъ каждая; всего на займкѣ живетъ 19 годовыхъ работниковъ, а лѣтомъ—еще 8 сенокосныхъ.

Что́ будутъ дѣлать далше— „Богъ знаетъ“: „шесть лѣтъ продержали землю,—понравилось и остались,—а что́ будетъ далше—неизвѣстно“; а „можетъ случиться и притѣсненіе“, т. е. отрѣзка земли отъ киргизъ въ казну!

Общія замѣчанія по пяти займамъ, расположеннымъ въ 5-мъ аулѣ Аракарагайской волости, вокругъ станціи Ивановской (№№ 15 — 19).

Арендаторы на всѣхъ займахъ очень хорошо знаютъ, что заключенные ими въ послѣдніе годы, послѣ вступленія въ дѣйствіе закона 1891 г., договоры¹⁾ не имѣютъ законной силы. Арендаторы займки Мѣшкова ходили совѣтоваться къ мировому судѣ и спрашивали послѣдняго, не надо-ли представить договоръ по начальству, — „а онъ говоритъ: не трогають, — и не надо“.

Земледѣліе — переложное, какъ вездѣ. Сѣютъ почти одну пшеницу, и понемногу — проса, ячменя, овса; ржи почти вовсе не сѣютъ, отчасти потому, что она плохо родится, а главное —, что „разчетовъ нѣтъ“: ржи купцы почти не берутъ, — приходится распродавать ее по мелочамъ, „кому нужно на квась или лошадямъ“, и по цѣнамъ вродѣ 12 копѣекъ за пудъ; а сами „забыли какъ рожь ѣдятъ“.

Орудія — плуги, работаютъ быками. У всѣхъ болѣе состоятельныхъ хозяевъ — заводскіе двухъ —, рѣже трехлемешные плуги; по всѣмъ пяти займамъ ихъ имѣется 17 штукъ. Хотя у всѣхъ есть, кромѣ заводскихъ, и простые малорусскіе „сабаны“, — но такъ какъ цѣлинь на всѣхъ займахъ, кромѣ Рязанцевской, почти не папуть, то у имѣющихъ заводскіе плуги „сабаны“ лежатъ безъ дѣла, — „развѣ когда имъ залогъ вспашешь“. Однако, на заводскіе плуги „не надѣются“, — „какъ-бы не запустошить ими землю, да опять за сабаны не принятъся“. — Изъ машинъ на этихъ займахъ сравнительно больше молотилокъ — до 10 штукъ, причемъ одинъ хуторянинъ имѣетъ двѣ молотилки и занимается молотьбой чужого хлѣба въ видѣ постояннаго заработка; у 6 дворовъ есть вѣялки, у одного — жнея, у одного — косилка.

Уровень благосостоянія заимочниковъ довольно разнообразенъ; впрочемъ, богатыхъ дворовъ немного, нѣтъ и совсѣмъ бѣдныхъ: изъ 38 домохозяйствъ засѣвають:

отъ 50 до 75 дес.	4 двора
30 „	1 „
" 15 " 20 " 	16 „
" 10 " 14 " 	9 „
" 5 " 6 " 	8 „

¹⁾ Ни одного изъ этихъ договоровъ я не видѣлъ.

Такимъ образомъ преобладаютъ дворы съ посѣвною площадью отъ 10 до 20 дес., имѣющіе по 4, рѣже по 5 или по 3 пары быковъ. Впрочемъ, запашки „всѣ убавили“ вслѣдствіе плохихъ урожаевъ 1894 и 1895 г.г.: въ 1894 г. хлѣбъ „все былъ зеленый“ и три раза подвергался нападеніямъ кобылки; въ 1895 г. онъ такъ пострадалъ отъ жары, что многіе собрали не болѣе 20—30 пуд. съ десятины; благодаря этому обстоятельству цифры продажи хлѣба, приведенныя выше, далеко ниже нормальныхъ: эти два года продавали исключительно старый хлѣбъ, такъ что и продажи были гораздо меньше, чѣмъ обыкновенно, а многимъ пришлось даже покупать, — и запасы хлѣба почти совершенно истощились. — Подспорьемъ служить главнымъ образомъ скотоводство, развѣры котораго за эти года сильно убавились, — и особенно быки: „продашь парку старыхъ, купишь молодыхъ, — тѣмъ и окупаешься“.

Обычныя условія „частной“ аренды пашенъ:

за дес. залога или оборота 1 р. — 1 р. 50 к.
 „ „ третьяка 70 к. — 1 р.

№ 20. Хуторъ Лѣтуновскаго (*).

(Въ 5 аулѣ Дамбарской волости).

Главныя результаты подворной описи. Наличныхъ 5 семей, — изъ нихъ 4 раздѣлились изъ одной. Такимъ образомъ съ родины пришло 2 семьи. У нихъ на родинѣ было:

Надѣльной земли 10 и 15 дес.
 Рабоч. скота 12 и 13 головъ
 Десятинъ посѣва 10 и 12 дес.
 Обѣ арендовали землю, снимая до 8—10 дес.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 12, раб. быковъ 52, дойн. коровъ 21, дес. посѣва 79 дес.
 или въ средн. на семью: рабочаго скота > 12,8 > > 4,2 > > 15,8.

Распределение по рабочему скоту:

Быковъ съ
 лошадьми { 6 гол. . . 1 дв. или 20%
 7—10 > . . 3 > > 60%
 29 > . . 1 > > 20%

Распределение по пахатн. орудіямъ:

Съ однимъ плугомъ . 4 дв. или 80%
 > 3 > . . 1 > > 20%

Распределение по площади посѣвовъ:

з а с ѣ в а ю щ и х ѣ .
 5—10 дес. 10—20 дес. 20—40 дес.
 3 1 1
 или въ % 60,0 20 20.

Покупавшихъ хлѣбъ небыло.

Продавали хлѣбъ 4 семьи или 80 0/0, ими продано 1.700 пуд.

Въ запасъ у 2 семей 700 пудовъ.

Нанимаютъ работниковъ 4 семьи или 80 0/0,

изъ нихъ 3 держать по одному годовому.

Продающихъ трудъ нѣтъ.

Хуторъ образованъ въ 1892 году двумя семьями (изъ которыхъ одна вскорѣ раздѣлилась на 4), Лѣтуновскаго и Евстигнѣева, родомъ изъ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда; одна изъ нихъ пришла въ Кустанай въ 1880 г., другая вышла изъ дому еще въ 1876, но 8 лѣтъ прожила по киргизскимъ ауламъ, и только въ 1884 г. перешла въ Кустанай. Изъ Кустаная, гдѣ обѣ семьи зачислены въ мѣщане, онѣ ушли потому, что „тамъ и насчетъ пашни поширяться негдѣ, и для скота утѣсненіе“. Обѣ, однако, сохранили въ Кустанаѣ дома; одна частью продолжаетъ жить въ Кустанаѣ, другая сдаетъ домъ въ займы.

Обѣ семьи пришли одновременно и заключили каждая особый договоръ, срокомъ на три года, а затѣмъ, съ 1895 г., снова на 3 года, съ киргизомъ 6 аула Дамбарской волости Джаманчаломъ Культаевымъ, — бѣднымъ старикомъ, который существуетъ исключительно продуктами обрабатываемой съемщиками пашни и вообще доходомъ отъ сдачи земли. Условія договора слѣдующія: „я Евстигнѣевъ (или Лѣтуновскій) долженъ пахать на своемъ скотѣ своими рабочими, и вся принадлежность, что только потребуетса; и землю, залогъ и оборотъ, сколько я, Евстигнѣевъ, по успѣху моему могу распахать, то долженъ получать изъ всей пашни 2 части, а ему, Культаеву, третья часть изъ всей пашни. Скотъ мой, Евстигнѣева, долженъ пастись подножнымъ кормомъ бесплатно; сѣнокосеніе по степной мѣстности и по лѣвую сторону рѣки Тобола обязанъ косить пополамъ. Сверхъ вышесказанной рады я, Евстигнѣевъ, выдалъ ему, Культаеву, 20 рублей деньгами и 10 пудъ пшеничной муки, безъ возврата (за усадьбу и выгонъ),...; въ добавленіе сего мы, Евстигнѣевы, должны распахать 15 десятинъ третьяку въ нашу пользу, за что отдать ему, Культаеву, 10 пудовъ овса“.

Сданная хуторянамъ земля оказалась однако спорной: по объясненію киргизъ ¹⁾, сдатчикъ Культаевъ былъ ранѣе безземельнымъ, и допущенъ

¹⁾ Вотъ что пишутъ киргизы въ поданной по этому дѣлу жалобѣ: «Однообщественникъ нашъ Дж. Культаевъ съ сыновьями... въ 1892 г. безъ всякаго спроса доверителей нашихъ (55 кибитковладѣльцевъ) самоуправно отдали въ аренду общественную землю... русскимъ жителямъ гор. Кустаная Л. и Е. съ прочими въ числѣ 4 семействъ, несмотря на... (слѣдуютъ ссылки на ст. 220 положенія 1868 г. и ст. 126 положенія 1891 г.). Эти русскіе въ 1892, 1893 и 1894 г. распахали земли болѣе 250 дес. сотенной мѣры, въ 1894 г. еще вспахали залогу 40 дес. и въ прошломъ 1895 г. много десятинъ оборота... Мы всѣ нѣсколько разъ просили Лѣтуновскаго и проч. занятые ими земли оставить и выѣхать въ свое жительство; но они, ссылаясь на своего хозяина К-ва, на наши просьбы не обращаютъ вниманія и нынѣ уже готовятъ для распашки земли 8 плуговъ».

былъ къ пользованію землею „изъ чести“, но засѣлъ такъ крѣпко, что когда дѣйствительный владѣлецъ земли Урунбай Жайсановъ, послѣ 6—7 лѣтъ, захотѣлъ вернуть ее себѣ, то Культаевъ отказался возвратить ее; дѣло доходило даже до Губернатора; чтобы покончить дѣло миромъ, Жайсановъ уплатилъ Культаеву за сносъ построекъ 200 р., послѣ чего тотъ ушелъ съ захваченнаго мѣста, но чрезъ 2 года вернулся назадъ. — На крестьянъ киргизы жалуются, что они не попытались вступить въ соглашеніе съ киргизскимъ обществомъ, которое якобы охотно дало-бы имъ земли, — «а такъ ежели каждый свою землю продавать будетъ, — скоро ничего не останется». Крестьяне, однако утверждаютъ, что киргизское общество съ самаго начала не соглашалось ихъ допускать, и что вообще Дамбарскіе киргизы не желаютъ сдавать земли въ аренду русскимъ; крестьяне считаютъ жалобщиковъ-киргизъ неправыми и въ томъ отношеніи, что Культаевъ, сдавая много земли, зато не пашетъ самъ, — жалобщики же пользуются землей помногу и притомъ пускаютъ русскихъ пахать изъ третьей борозды. — Затѣмъ есть небольшой частный спорный вопросъ: Культаевъ отдалъ арендаторамъ скосить 3 десятины залежи, — киргизы же заявили претензіи, утверждая, что залежь была пахана другимъ лицомъ, которое и имѣло право на выросшую на ней траву.

Всѣ эти обстоятельства, однако, не повели къ особому обостроенію отношеній: киргизы говорятъ, что они „не на русскихъ сердятся, а на Культаева“, — русскіе подтверждаютъ это. Отношенія, затѣмъ, вполне мирныя, — даже потравы не ведутъ къ особымъ осложненіямъ: „если немного потравить, — на это мы не глядимъ, а большая потрава — взыщемъ“. „Большихъ кляузъ“ изъ за потравъ не заводятъ, тѣмъ болѣе, что „и наша скотина къ нимъ заходитъ“.

Мѣстность, гдѣ расположенъ хуторъ, — слабо волнистая ковыльная степь со склономъ къ рѣкѣ Тоболу; почва — сильно песчаный черноземъ, до 1 аршина глубины, мѣстами переходящій въ сѣрую песчаную почву; покосы — степные и заливные по Тоболу.

Земледѣліе — переложное; земля „больше трехъ хлѣбовъ не даетъ“, но послѣ отдыха въ 3—4 года „можетъ опять родить хлѣбъ“; сѣютъ больше пшеницу, затѣмъ — овесъ; проса — очень мало, подсолнуха — тоже.

Въ отношеніи *благосостоянія* выдѣляется семья Лѣтуновскаго, имѣющая 3 плуга и 12 паръ быковъ и засѣвающая 40 десятинъ; Естигнѣевы засѣваютъ отъ 8 до 12 десятинъ; трое изъ нихъ имѣютъ по 4 пары быковъ и пахутъ самостоятельно, одинъ имѣетъ всего двѣ пары и пашетъ „съ киргизомъ пополамъ“; киргизъ даетъ землю и три пары быковъ, сѣмщикъ — свой трудъ, плугъ и двѣ пары быковъ, а обработанная и засѣянная земля дѣлится пополамъ. Урожай хлѣбовъ съ самаго „голоднаго года“ были неважные, что отразилось и на цифрахъ продажи хлѣба; только въ 1896 г. рассчитываютъ на очень хорошій урожай. Важнымъ источникомъ дохода

является выращивание скота: „молодой покупаемъ, старый продаемъ, — все что нибудь себѣ остается“.

Мѣстомъ хуторяне довольны и хотѣли-бы „остаться жить“; очень интересуются слухами о „нарѣзкѣ земли“.

Въ томъ-же 6-мъ аулѣ зарегистрировано 7 семей исполщиковъ; изъ нихъ 3 семьи живутъ небольшимъ хуторомъ въ верстѣ отъ хутора Лѣтуновскаго, остальные—по киргизскимъ зимовкамъ. Всѣ исполщики, кромѣ одной семьи, родомъ изъ Самарской губерніи, Бузулукскаго уѣзда, и причислены въ Кустанайскіе мѣщане; въ Кустанай 5 семей пришли прямо съ родины, двѣ раньше жили по нѣскольку лѣтъ на казачьихъ земляхъ. Затѣмъ, двѣ семьи „какъ пришли въ Кустанай, сейчасъ пошли ходить по ауламъ пахать“,—остальные пожили по нѣскольку лѣтъ въ Кустанай и ушли по разнымъ причинамъ.

Всѣ, кромѣ одной семьи, получающей пашню за отработокъ, „работаютъ съ киргизами изъ 3-ей борозды“: пахутъ землю инвентаремъ киргизъ, получая за это треть обработанной пашни; покосъ нѣкоторые косятъ изъ половины, большинство же для своихъ 1—2 головъ скота „косить такъ, — по ложкамъ да по ямамъ, —гдѣ сколько наберешь“. Живутъ въ землянкахъ, которыя ставятъ при киргизскихъ зимовкахъ, съ обязательствомъ оставить ихъ сдатчикамъ въ случаѣ ухода.

Размѣры хозяйства у большинства незначительны: на свою долю шесть семей имѣютъ отъ 2 до 4 десятинъ пашни, а одна, многосемейная, — до 11 десятинъ. Добавочные заработки у тѣхъ-же киргизъ, и у нихъ-же при худыхъ урожаяхъ пользуются кредитомъ.

Хозяйственныя отношенія исполщиковъ къ сдатчикамъ складываются различно. Типы отношеній видны изъ слѣдующихъ примѣровъ:

Одинъ „и хлѣбъ, и деньги на всякую нужду у хозяина (киргиза) беретъ“; деньги отдаетъ рубль за рубль, хлѣбъ—пудъ за пудъ или деньгами по базарной цѣнѣ, —или-же отработываетъ „почемъ цѣна стоять будетъ“.

Другому киргизъ, давъ вспахать землю и сложить землянку, заявилъ: „десятину выжнешь, —зимуй, а нѣтъ—ступай куда знаешь и землянку отдай“.

Третій выговорилъ у киргиза корову за бороньбу 2 десятинъ; затѣмъ они не сошлись на счетъ земли, и киргизъ, „ничего не говоря, увелъ корову“.

У *четвертаго*—хозяинъ хорошій, — „и хлѣба, и денегъ даетъ, а отработывать —почемъ цѣна будетъ“.

Всѣ исполщия сдѣлки—словесныя.

№ 21. Хуторъ Успенскій

(Въ 1 аулѣ Кумакской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ семей 8 (9-ый пастухъ, въ пользованіи землей не участвующій). О положеніи на родинѣ для большинства свѣдѣній нѣтъ.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 15, раб. быковъ 20, дойн. коровъ 20, дес. постьва 65, или въ средн. на семью: головъ раб. скота 4,4, > > 2,5, > > 8,1

<i>Распределение по рабоч. скоту:</i>				<i>Распределение по пахатн. орудіямъ:</i>			
Работающ.	{	съ 1 лошадейю . . 2 дв. или	25,0	съ сохой . . 2 двора или	25,0		
лошадьми	{	> 2 > . . 4 > >	50,0	> плугомъ . 6 > >	75,0		
Работающ.	{	съ 7 гол. } рабочаго { 1 > >	12,5				
быками	{	> 16 > } скота { 1 > >	12,5.				

Распределение по площади постьвогъ:

З а с ѣ в а ю щ и х ъ д е с я т и н ѣ :				
до	2-хъ	2—5	5—10	10—20
	—	2	5	1
или въ ‰	—	25,1	62,5	12,5

Продавали хлѣбъ 8 двор. или 100 ‰, ими продано 1.230 пуд.

Имѣютъ запасы 7 > > 87,5 ‰, у нихъ въ запасѣ 1.690 пуд.

Нанимаютъ работниковъ 2 двора или 25 ‰

Продаютъ свой трудъ 4 двора или 50 ‰,

изъ нихъ отпускаетъ въ сроковой наемъ 1 дворъ.

Изъ наличныхъ 8 семей 4 — родомъ Оренбургской губерніи и уѣзда, одинъ — Оренбургскій казакъ, остальные 3 — изъ Рязанской, Тамбовской и Самарской губерній. 7 семей — переселенцы, перемѣнившіе по два или болѣе мѣстъ жительства: такъ, четыре семьи съ родины переехали прямо въ Орскъ, гдѣ пахали башкирскія и казачьи земли; двѣ изъ нихъ послѣ Орска жили еще въ казачьей станицѣ, третья — въ заселѣ Можаровскомъ (см. ниже), четвертая изъ Орска перешла прямо сюда. Двѣ семьи съ родины переселились въ Троицкій уѣздъ, отсюда — въ казачью станицу подъ Орскомъ, и отсюда уже перешли на данный хуторъ. Одна семья въ 1883 г. ушла съ родины въ Бійскій округъ; отсюда „изъ за морозовъ“ въ 1886 г. перешла на Оренбургскую линію, въ 1887 г., вмѣстѣ съ другими, осно-

вана Можаровскій заселокъ, а въ 1891 г. перешли сюда. Наконецъ восьмая семья (Оренбургскій казакъ) перешла сюда изъ смежной станицы, женившись на дочери одного изъ хуторянъ.

Хуторъ образованъ въ 1891 году 10 семьями, которыя вошли въ компанію со священникомъ поселка Кумацкаго о. Успенскимъ, имѣвшимъ въ виду пристроить своего брата къ сельскому хозяйству, и сняли съ нимъ пополамъ землю у киргиза 1 аула Кумацкой волости Тильгары Умбетбаева. *Арендный договоръ*, срокомъ на 6 лѣтъ (1891 — 96 включительно), засвидѣтельствованный уѣзднымъ управленіемъ, заключенъ былъ на имя о. Успенскаго; послѣднему предоставлялось „принимать въ компанію“ товарищей, въ числѣ не свыше 10 человекъ, и отводился „для хлѣбопашества, сѣнокошенія и пастбы скота“ участокъ земли, площадь котораго опредѣлялась въ 750 десятинъ, въ границахъ, описанныхъ по живымъ урочищамъ, и кромѣ того предоставлялось право бесплатной пастбы скота; плата за все время условлена была въ 900 р., съ выплатой въ три срока, по 300 р. въ каждый. Расходы на угощеніе аульнаго общества составили до 200 р. — Какъ я уже упоминалъ, половина участка предназначалась о. Успенскому, половина — десяти пайщикамъ — крестьянамъ; что касается до платы, то первые 300 р. внесъ полностью о. Успенскій, а крестьяне послѣ уже выплачивали ему за свою долю по 15 р. съ семьи; слѣдующій платежъ также вносился ему, и уже онъ рассчитывался съ Умбетбаевымъ.

Между тѣмъ братъ о. Успенскаго, посидѣвъ на участкѣ съ годъ, бросилъ хозяйство и ушелъ, — въ настоящее время о. Успенскій раздаетъ землю изъ своей половины участка въ аренду крестьянамъ и казакамъ, причемъ обязанности его прикащика исполняетъ одинъ изъ хуторянъ. — Затѣмъ, изъ числа этихъ послѣднихъ въ „голодный годъ“ *ушло* 6 человекъ, — всѣ въ Сыръ-Дарьинскую область; свои доли въ участкѣ ушедшіе передали „за свою цѣну“ о. Успенскому, а этотъ послѣдній переуступилъ ихъ казакамъ изъ ближайшихъ станицъ, которые и производятъ здѣсь посѣвы, но на хуторѣ не живутъ. Съ другой стороны, въ 1893 и 1894 г.г. *пришло* снова 3 семьи; онѣ испрашивали согласіе хуторянъ, которое давалось язустно и даже безъ угощенія, а затѣмъ покупали у кого-нибудь изъ нихъ по полупаю или по четверти пая либо „по своей цѣнѣ“, либо съ небольшою надбавкой. Такимъ образомъ, изъ наличныхъ хуторянъ полнымъ паемъ пользуется только одинъ; четверо имѣютъ по полупая, одинъ — $\frac{1}{4}$ пая. Земля дѣлилась по паямъ не сразу, а по мѣрѣ надобности: ежегодно на каждый пай отводилось по нѣскольку десятинъ лучшей по почвеннымъ условіямъ цѣлинны; въ 1896 г. подѣлили послѣднія доброкачественныя цѣлинны, причемъ всего на пай досталось по 16 десятинъ.

Кромѣ долей въ участкѣ, землю *арендуютъ и „частно“*, — впрочемъ не всѣ и въ небольшихъ размѣрахъ: пашни арендуютъ 4 двора, снимающіе всего 12 десятинъ; напротивъ покосы арендуютъ всѣ, — снимаютъ на лугахъ по Ори близъ хutora Можаровскаго. Арендныя цѣны пашень гораздо

дешевле, чѣмъ подѣ хуторомъ Можаровскимъ (см. ниже), главнымъ образомъ потому, что „русскихъ меньше“; именно платять:

за цѣлину подѣ бахчи	1 р.	за десятину
за паханную землю	50 к.	„ „

Довольно многіе вступаютъ въ *испольныя и супряжныя сдѣлки*; вотъ отдѣльные случаи такихъ сдѣлокъ:

Одинъ, однолошадный, чтобы поднять цѣлину, спягается съ двулошаднымъ, имѣющимъ сабань, и изъ вспаханной земли получаютъ: первый — десятину, второй — $2\frac{3}{8}$ десятины.

Второй — „приставалъ пахать въ киргизамъ: у него сабань и двѣ пары быковъ, у меня — самъ да лошадь“; изъ обработанной за всю весну земли получилъ $2\frac{1}{2}$ десятины.

Третій получилъ $1\frac{1}{2}$ десятины пашни за весенній срочный наемъ.

По арендѣ участка нѣтъ никакихъ споровъ и недоразумѣній; „частныя“ арендныя сдѣлки заключаются словесно, — и тоже обмановъ и недоразумѣній не бываетъ („еще цѣны не знаютъ землѣ“!). Вообще, *отношенія съ киргизами* дружелюбныя, — у всѣхъ хуторянъ есть „шабры“ и т. д.; потравы случаются, — но дѣло всегда кончаютъ мирно: загоняютъ скотъ и ждутъ, пока виноватый заплатитъ, — а то и такъ выпустятъ; случается, что и покотятъ. Во всякихъ общихъ съ киргизами дѣлахъ придерживаются киргизскихъ обычаевъ: „залетѣлъ въ воронье стадо, — надо кракать (sic) по вороньему“.

Участокъ расположенъ при р. Кумака, на низменной мѣстности; почва — сильно песчаная, хуже чѣмъ почва окрестныхъ болѣе высокихъ степей: цѣлинная земля очень хороша подѣ просо и бахчи, но зерновые хлѣба родятся плохо; покоса „настоящаго“ въ участкѣ вовсе нѣтъ. — Вокругъ участка — прекрасная холмистая черноземная степь, совершенно безлѣсная; спеціальныя покосы имѣются по р. Кумаку, а затѣмъ — небольшіе клочки по ложкамъ и впадинкамъ; впрочемъ, и на степи немало удобныхъ для коше-нія мѣстъ, хотя и не очень хорошихъ; ихъ косять, когда не родится трава на лугахъ.

Тильгары Умбетбаевъ, владѣлецъ заарендованнаго участка, принадлежитъ къ числу довольно богатыхъ киргизъ: и кромѣ участка у него еще столько земли, что онъ сдаетъ ее и „частно“, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ возможность держать довольно много скота (сейчасъ до 45 лошадей — до голоднаго года было гораздо больше); деньги всѣ идутъ ему, — аульное „общество“ получило только угощеніе.

Земледѣліе — переложное; изъ хлѣбовъ преобладаютъ просо, пшеница, рожь, — овса совсѣмъ мало; но послѣдніе два-три года, главнымъ образомъ въ виду крайней дешевизны хлѣба („съ однимъ хлѣбомъ теперъ и одѣться

не на что будетъ“), „бросились на бахчи и подсолнухъ“; о значеніи посѣвовъ подсолнуха даютъ понятіе слѣдующія цифры:

у <i>одного</i>	хуторянина	изъ 7	десят.	посѣва	4	десятины	подсолнуха,
„ <i>другого</i>	„	8	„	„	2 ¹ / ₂	„	„
„ <i>третьего</i>	„	18	„	„	1	„	„

Орудія у двухъ однолошадныхъ — сохи, у остальныхъ — хохлацкіе плуги, которыми пахутъ на быкахъ и на лошадяхъ.

Въ смыслѣ *благосостоянія* выдѣляется одна состоятельная семья, имѣющая 7 паръ быковъ и засевающая 18 десятинъ, — и двѣ однолошадныя, приобъгающія къ супругѣ и засевающія по 4—5 десятинъ; всѣ остальные имѣютъ по 2—3 лошади или 2—3 пары быковъ и засеваютъ отъ 6 до 8 десятинъ. Продовольственные результаты хозяйства очень хороши; всѣ 8 семей продавали хлѣбъ, хотя и не по многу, и у всѣхъ, кромѣ одной семьи, есть, хотя и небольшіе запасы хлѣба, — приче́мъ, однако, главнымъ источникомъ дохода является не хлѣбъ, а бахчи и посѣвы подсолнуха. Живутъ всѣ въ землянкахъ.

Какъ быть, въ виду истечения срока аренды, хуторяне не знаютъ: по качеству земли можно-бы дѣржать тотъ-же участокъ еще 3 года, а то—и 5 лѣтъ („дольше пельзя, — земля вовсе выпашетса“); можно-бы и снять по сосѣдству другой участокъ, получше (владѣлецъ самъ предлагаетъ),—но все это очень трудно въ виду необходимости, по Положенію 1891 г., соглашенія съ волостнымъ сѣздомъ: во-1-хъ, — очень большіе темные расходы, во-2-хъ, — платить пришлось-бы вдвойнѣ — и волостному обществу, и дѣйствительному владѣльцу участка, — а при небольшомъ размѣрѣ артели всѣ эти расходы оказались-бы совершенно непосильными. Поэтому хуторяне думаютъ хлопотать вмѣстѣ съ Можаровцами (см.) объ отводѣ „навѣчно“, въ надѣль, мѣстности у Араль-Тюбинской волостной мечети; переходить туда на аренду, по мнѣнію большинства, не стоитъ („лучше ужъ здѣсь остаться“),—но одинъ изъ хуторянъ, перебравшійся сюда съ Можаровскаго хутора, окончательно собрался туда обратно и уже купилъ тамъ пай, главнымъ образомъ изъ за того, что тамъ легче луга снимать.

№ 22. Заселовъ «Смоляной заводъ».

(въ Аманъ-Карагайской лѣсной дачѣ).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ — 15 семей. 0 положеніи на родинѣ есть свѣдѣнія только для 7 семей, которыя имѣли:

Надѣльной земли	26 дес.,	рабоч. скота	14 гол.,	дес. посѣва	18,
или въ среднемъ:	>	>	3,7 >	>	>
				2,0 >	>
					2,6.

Изъ этихъ семи домохозяйствъ три были совершенно безземельными и безкозьяными, изъ остальныхъ имѣли:

надѣльной земли:	1 семья	4 дес.
	3 >	по 7—8 >
посѣвной площади	1 >	3 >
	3 >	по 4—6 >

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 22, быковъ 9, дойн. коровъ 23, дес. посѣва 42,
или въ среднемъ: рабочаго скота . . . 2,1 > > 1,5 > > 2,8.

Распределение по рабочему скоту:

Безъ раб. скота . .	3 сем. или 20 %
Съ 1 лошадейю . .	5 > > 33,3 %
> 2 >	5 > > 33,3 %
> 4 >	1 > > 6,7 %
> 9 быками . . .	1 > > 6,7 %

Распределение по орудіямъ:

Безъ пах. орудія .	10 сем. или 66,7 %
Съ плугомъ . . .	5 > > 33,3 %

Распределение по посѣвной площади:

Безъ посѣва.	засѣвающихся десятины:			
	до 2-хъ	2—5	5—10	
2	5	6	2	
или въ %	13,3	33,3	40,0	13,3.

Покупали хлѣбъ 6 сем. или 40,0%, ими куплено 250 пуд. (1 семья—150 пуд., одна—50 пуд., прочія по 10—20 пуд.).

Продававшихъ хлѣбъ не было.

Нанимающихъ работниковъ—1 дв., держитъ годоваго работника.

Продающихъ трудъ—8 дв. или 53,3%, изъ нихъ въ сроковой наемъ—1 семья.

Занимающихся промыслами: Смолокуровъ 10
Пильщиковъ 3
Валяльщиковъ 1.

Изъ 15 наличныхъ домохозяйствъ 9 — родомъ изъ Самарской губ., Бузулукскаго у., 3—изъ Пермской губ., Шадринскаго у., остальные—изъ Вятской и Оренбургской губерній. 7 семей перечислены въ Кустанайскіе мѣщане.

Изъ всѣхъ 15 домохозяйствъ только два пришли сюда прямо съ родины; изъ остальныхъ 13-ти семей 10 болѣе или менѣе продолжительное время жили въ Кустанаѣ: три изъ нихъ направились „въ новый городъ“ еще до основанія Кустанаа, жили отъ 1 до 4 лѣтъ „на линіи“ и въ 1880 г., въ числѣ первыхъ, водворились въ Кустанаѣ; пять семей пришли прямо въ Кустанаѣ въ разное время, съ 1880 по 1888 г., одна—ранѣе прожила годъ „на линіи“, другая—12 лѣтъ жила на Миасскомъ заводѣ.

Что касается до остальных трех семей, то две из них, прослышавъ про „новый городъ“, ушли изъ дому еще въ 1871 г., но остались на работахъ въ Миасскихъ борахъ, прожили тамъ 20 лѣтъ, затѣмъ 5 лѣтъ провели „на линіи“, откуда перешли уже прямо сюда; третья 12 лѣтъ прожила по желѣзнымъ заводамъ, а сюда перешла потому, что „тамъ тяжело“.

Заселокъ возникъ около 1888 года, и населеніе его постоянно перемѣнялось: одни приходили вновь, другіе — уходили, причемъ какъ въ числѣ наличныхъ дворовъ, такъ и особенно среди уже ушедшихъ изъ заселки преобладали Кустанайскіе мѣщане, родомъ, главнымъ образомъ, изъ Самарской и Пермской губерній.

Привлекала сюда, главнымъ образомъ, возможность „смолячить“, — заниматься *смолокурениемъ*, которое у большинства является главнымъ занятіемъ; въ настоящее время этимъ промысломъ занимается 10 семей, которыя добываютъ смолу въ четырехъ ямахъ; одна семья владѣетъ цѣлою ямой, остальные — $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{3}$ и $\frac{1}{4}$ долями, причемъ въ этихъ случаяхъ совладѣльцы курятъ поочередно. Изъ остальныхъ 5 семей четыре занимаются ремеслами — пильнымъ и валяльнымъ, а большинство поселенцевъ (8 семей), кромѣ того, въ лѣтнее время зарабатываетъ деньги и хлѣбъ, занимаясь на сѣнокосъ и жнитво хлѣба; *запашка*, правда, имѣется почти у всѣхъ, — но играетъ лишь второстепенную роль, доставляя однимъ только необходимый на продовольствіе хлѣбъ, а другихъ не освобождая и отъ необходимости покупать этотъ послѣдній.

Усадьбную осѣдлость имѣетъ 12 семей, — изъ нихъ две построили бревенчатыя избы, а остальные живутъ въ землянкахъ. — Мѣсто для устройства жилищъ, равно какъ и право занятія смолокурениемъ, приобрѣтены непосредственно отъ казны; выгонъ для скота поселенцы снимаютъ у двухъ киргизъ Аманъ-Карагайской волости, Мукаша и Рестана Тайгужиныхъ, съ платой по 30 к. съ лошади и коровы (впрочемъ въ 1896 г. киргизы „еще не просили денегъ“). Что касается до пашень, то ихъ снимаютъ „частно“ у разныхъ киргизъ: иногда на деньги, по 1 — 2 р. за десятину, чаще — изъ той или другой части, на разныхъ условіяхъ, характеризуемыхъ слѣдующими примѣрами:

Одинъ домохозяинъ снялъ „землю и скотъ исполу“: „скотъ пополамъ, работа (пахать, сѣять и боронить) моя, — убирать каждому свою половину“.

Другой снялъ исполу землю и получилъ отъ сдатчика весь скотъ: „земля и скотъ его, вся работа и жнитво мое, сѣмена въ долгъ, хлѣбъ въ снопахъ пополамъ“.

Два домохозяина сняли: одинъ — 5, другой — 7 дес., каждый — за полную обработку, посѣвъ (сѣменами сѣмщика) и уборку одной десятины.

Одинъ домохозяинъ вспахалъ себѣ, своимъ скотомъ, 7 дес., — за что ставилъ сдатчику „народъ“ для обработки столькихъ-же десятинъ и долженъ еще 2 десятины выжать.

Поковъ киргизы вовсе не сдаютъ въ аренду,—крестьяне покупаютъ у нихъ, по мѣрѣ надобности, готовое сѣно.

Всѣ обитатели заселка *переходятъ на Аульекуль* (см.), съ намѣреніемъ и тамъ заниматься смолокурениемъ. Переходить рѣшили потому, что „тамъ поселокъ,—охота къ мѣсту опредѣлиться,—а здѣсь не знаешь, что дальше будетъ“.

№ 23. Заселокъ Аульекуль

(На Аманъ-Карагайскомъ школьномъ участкѣ).

Главные результаты подворной описи. На лицо 13 семей. 0 положеніи на родинѣ есть свѣдѣнія для 8 семей, которыя имѣли:

Надѣльн. земли 42 дес., раб. скота 27, посява 42 дес.,
или въ среднемъ > 5,2 > > 3,4 > 5,2 >.

Изъ 8 семей имѣли:

<i>надѣльной земли:</i>		<i>десятинаъ посява:</i>	
до 5 дес.	2 семьи или 25 %	до 2 дес.	1 сем. или 12,5 %
5—10 >	6 > > 75 %	2—5 >	6 > > 75,0 %
		20 >	1 > > 12,5 %

Арендowali землю 3 семьи, снявшія 24 дес..

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 15, раб. быковъ 39, дойн. коровъ 18, дес. посява 55,
или въ среднемъ на семью раб. скота 4,2 > > 1,4 > > 4,2.

Распределение по рабоч. скоту:

Распределение по пахатн. орудіямъ:

Безъ рабочаго скота	2 семьи или 15,4 %	Безъ орудій	6 сем. или 46,2 %
Съ 1 лошадыю	2 > > 15,4 %	Съ 1 плугомъ	6 > > 46,2
> 2 >	4 > > 30,8 %	> 2 >	1 > > 7,7
съ быками } 4—6 гол. 2 > > 15,4 %			
и лошадыи } 10—13 > 3 > > 23,1 %			

Распределение по посявн. площади: засѣваютъ до 2 дес. . . . 3 семьи или 23,1 %
> 2—5 > 8 > > 61,5 %
> 8—10 > 2 > > 15,4 %

Вопросъ о покупке и продажѣ хлеба, за новизной заселка, не ставился.

Нанимаютъ работниковъ 2 семьи или 15,4 %,

изъ нихъ одна—2 годовыхъ, одна—1 сроковаго.

Продаютъ трудъ 2 семьи или 15,4 %.

Занимаются промыслами: Плотниковъ 4
Смолокуровъ 4
Заним. извозомъ 1
> торговлей 2.

Изъ наличныхъ 13 семей 7—изъ Самарской губерніи, Вузудукскаго уѣзда, остальные—изъ разнообразныхъ другихъ губерній; 7 семей перечислены въ Кустанайскіе мѣщане, двѣ—въ крестьяне Затобольскаго поселка.—Ни одна изъ этихъ 13-ти семей не пришла сюда прямо съ родины, а всѣ успѣли ранѣе перемѣнить одно или нѣсколько мѣстъ жительства. Такъ, пять семей пришли съ родины въ Кустанай (4—въ 1881 г., одна—въ 1888), гдѣ три изъ нихъ и проживали постоянно, а двѣ, проживъ нѣсколько лѣтъ, перешли въ Затобольскій поселокъ; двѣ семьи перѣѣхали въ Кустанай, проживъ ранѣе по нѣсколькѣ лѣтъ на Оренбургской казачьей линіи, а двѣ-же прямо съ казачьихъ или башкирскихъ земель перешли въ данную мѣстность; три семьи (Самарцы) въ 1871 г. ушли на Миасскіе заводы, а оттуда въ срединѣ 80 хъ годовъ переехали въ Кустанай; отсюда одна изъ нихъ ушла назадъ на Миасскіе заводы, съ которыхъ пришла уже прямо на Аулькеуль, другая въ 1890 г. уходила въ Сибирь, откуда вернулась, такъ какъ не получила земельного надѣла; наконецъ одна семья въ 1871 г. ушла на казачьи земли въ Петропавловскій уѣздъ, оттуда въ 1877 переехала въ Троицкій уѣздъ, а въ 1883 г.—въ Кустанай.—Три семьи, до водворенія на Аулькеуль, прожили по нѣсколькѣ лѣтъ на Смоляномъ заводѣ.

Мѣстность на оз. Аулькеуль¹⁾ „высмотрѣли смоляки“, проживавшіе и частью еще проживающіе на „Смоляномъ заводѣ“ при Аманъ-Карагайскомъ кордонѣ (№ 22). Такъ какъ на этой мѣстности за нѣсколько времени предъ тѣмъ киргизами отведенъ былъ участокъ для устройства волостной школы, то „смоляки“ обратились къ мѣстному инспектору школъ съ просьбой о разрѣшеніи устроить на этомъ участкѣ поселокъ. Инспекторъ посоветовалъ имъ обратиться къ Военному Губернатору; при проѣздѣ послѣдняго, лѣтомъ 1895 г., 16 семей „смоляковъ“ дѣйствительно обратились къ нему съ ходатайствомъ о разрѣшеніи водвориться на Аулькеуль, и начальникъ области разрѣшилъ имъ—,если не будетъ препятствій со стороны учебнаго начальства,—селиться на межѣ школьнаго участка, но съ тѣмъ, чтобы насчетъ выгона и полевыхъ угодій поселенцы „сходились съ киргизами“ и на земельный надѣлъ не рассчитывали²⁾. Послѣ этого „смоляки“ опять обрати-

¹⁾ Эта мѣстность еще въ 1884 г. была намѣчена бывшимъ уѣзднымъ начальникомъ Сипайловымъ для устройства оскѣлаго населенія (см. рапортъ Сипайлова отъ 24. VIII. 84. № 5, въ дѣлѣ Тургайскаго областного правленія, хозяйственнаго отд., 3 ст., № 86/1884 г.).

²⁾ Въ дѣлѣ Кустанайскаго уѣзднаго управленія, 2 стола, № 87/1895 г., имѣется прошеніе домохозяевъ, желающихъ возвратиться на оз. Аулькеуль, гдѣ они пишутъ: «по словесному изъявленію на то согласія Военнаго Губернатора Тургайской области симъ обратитъ къ Вашему Высокоблагородію съ покорнѣйшей просьбой, не найдете-ли возможнымъ войти съ ходатайствомъ объ утвержденіи поселка на вышеупомянутомъ урочищѣ... и о надѣленіи насъ, будущихъ поселенцевъ, землей усадьбой, выгонной и подъ распахку». На этомъ прошеніи уѣзднымъ начальникомъ 30 мая 1896 г. положена резолюція «Ни Его Превосходительство, ни я не разрѣшали этимъ лицамъ поселяться на урочищѣ Аулькеуль, да еще съ надѣленіемъ ихъ землею. Былъ только разговоръ, что если г. инспекторъ школъ не будетъ имѣть противъ того, что если они поселятся на участкѣ отведенной для Аулькеульской волостной школы, но всетаки безъ надѣла землей. Такъ и нужно имъ отвѣтить».

лись къ инспектору школь, по распоряженію котораго учитель мѣстной школы нарѣзалъ имъ, на самой межѣ школьнаго участка, мѣста подъ усадбы; затѣмъ къ нимъ стали присоединяться и другія лица, по преимуществу изъ числа приписанныхъ къ Кустаная и Затобольскому поселку: они являлись къ инспектору, который, если находилъ ихъ достаточно надежными, направлялъ ихъ къ учителю, а послѣдній уже отводилъ имъ усадебное мѣсто ¹⁾. Ко времени моего посѣщенія Аулиекульскаго заселка число записавшихся и получившихъ усадебныя мѣста домохозяйствъ дошло уже до 33-хъ, изъ которыхъ однако только 13 уже переѣхали въ заселокъ: три — изъ „Смолянаго завода“, остальные — изъ Кустаная и пос. Затобольскаго; изъ остальныхъ 20-ти семей 15 еще проживали на Смолянѣ заводѣ, остальные — по разнымъ причинамъ, причеиъ, однако, довольно многіе изъ еще не переѣхавшихъ уже приступили къ постройкѣ домовъ.

Только начавъ устраиваться, Аулиекульцы уже весной 1896 года обратились къ уѣздному начальнику съ ходатайствомъ объ отводѣ усадбы и полевыхъ угодій, ²⁾ а затѣмъ въ августѣ — и къ вновь проѣзжавшему Военному Губернатору; но и этотъ послѣдній, конечно, только подтвердилъ то, что объявилъ крестьянамъ годъ передъ тѣмъ, — именно, что „разрѣшилъ только занять мѣсто подъ усадбу“, больше же ничего не можетъ сдѣлать для крестьянъ. Тѣмъ не менѣе эти послѣдніе увѣрены въ томъ, что получить и земельный надѣлъ, да и киргизы усматриваютъ въ разрѣшеніи водворенія крестьянъ на Аулиекулѣ только прелюдію къ отводу имъ изъ киргизскаго пользованія земельного надѣла ³⁾.

Какъ-бы то ни было, — но въ настоящее время Аулиекульцы сняли выгонъ у одного родоваго аула въ 12 кибитокъ, срокомъ на одинъ годъ, за плату въ 25 р.; на эту аренду есть и „бумага“, писанная учителемъ и не получившая никакой оффиціальной санкціи. Что касается до полевыхъ угодій, то покосовъ киргизы вовсе не соглашаются сдавать; пашни Аулиекульцы снимаютъ „частно“: нѣкоторые арендуютъ на деньги, причеиъ за десятину платятъ:

„ковыля“	. . .	2 р.
оборота :	. . .	1 „ 50 к.
третьяка	. . .	1 „.

Но преобладаетъ аренда натуральная; большинство снимаетъ землю „изъ четвертой борозды“: съемщикъ пашетъ и боронитъ землю своимъ инвентаремъ, и изъ засѣянной площади три четверти беретъ себѣ, а четверть отдаетъ сдатчику (который на эту четверть даетъ сѣмена); нѣкоторые сняли землю на другихъ условіяхъ:

¹⁾ Инспекторъ, г. Алекторовъ, сообщалъ мнѣ, что онъ лишь очень неохотно допускалъ къ водворенію Кустанайцевъ, какъ бродячій и вообще ненадежный элементъ.

²⁾ См. выноску на стр. 106.

³⁾ Въ этомъ смыслѣ они говорили довольно рѣзко съ уѣзднымъ начальникомъ.

Одинъ пахалъ и боронилъ своимъ-же инвентаремъ, но сдатчику уступилъ не четверть, а треть обработанной земли.

Другой пахалъ и боронилъ скотомъ киргиза, за что уступилъ ему двѣ трети обработанной земли, а убирали хлѣбъ каждый самъ.

Третій, имѣющій 4 быковъ, взялъ „землю и скотъ исподу“: киргизъ далъ землю и 4 быковъ, съемщикъ вспахалъ и боронилъ землю, которая и была раздѣлена пополамъ.

Мѣстность — слабо-волнистая степь у южной окраины Аманъ-Карагайской лѣсной дачи. Пашни — главнымъ образомъ по р. Ащѣ: „для хлѣба хороши—средній урожай 100 пуд.“. Покосовъ много: ложки, озера, лиманы; по р. Ащѣ есть неширокіе заливные луга. Насчетъ воды не совсемъ хорошо: одинъ конецъ поселка у хорошаго озера, другой—у воючаго; въ колодцахъ вода тоже съ сѣрководороднымъ запахомъ. — *Въ общемъ* — мѣстность по естественнымъ условіямъ равняе съ окрестностями Кустаная, — но лучше тѣмъ, что земли не выпаханы, что „лѣсъ, хоть и казенный, да возить ближе“, а главное—, что удобнѣе для скотоводства: въ Кустанаѣ „для скота утѣшеніе: на выгонъ теленка надо гнать за 2 версты,—а держать дома сѣно полиція не дозволяетъ“.

Хозяйство поселенцевъ на новомъ мѣстѣ—еще въ стадіи зарожденія, но можно думать, что оно скоро разовьется: безъ скота или съ одною лошадыю, во время посѣщенія мною заселка, были только 4 семьи, и только онѣ засѣвали ничтожныя площади, не выше 2¹/₂ дес.; изъ остальныхъ 9-ти семей семь засѣвали уже по 4—5 дес., двѣ—по 8—10 дес. каждая, рабочаго-же скота имѣли: 3 семьи — „по полному сабану“ быковъ, остальные— по парѣ лошадей или по 4—6 быковъ. Очень быстро подвигалась и застройка: изъ наличныхъ 13 семей только одна жила на квартирѣ, одна-же— въ землянкѣ; 11 семей имѣли уже бревенчатыя избы, три изъ нихъ—въ два или болѣе помѣщеній. Въ общемъ заселокъ произвелъ на меня гораздо болѣе хозяйственное и надежное впечатлѣніе, нежели какой-бы то ни было изъ поселковъ Кустанайскаго уѣзда,—поселенцы устраиваются прочно и повидимому уже не думаютъ о переходѣ куда-либо на другое мѣсто.

В. ПОСЕЛКИ И ХУТОРА АКТЮБИНСКАГО УЪЗДА ¹⁾.

№ 24. Заселоеъ (или хуторъ) Можаровскій.

(Въ 1 аулѣ Аралъ-Тюбинской вол.).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ дворовъ 36, изъ нихъ 5 отдѣлившихся «на новомъ мѣстѣ». О положеніи на родинѣ есть свѣдѣнія только для 19 семей, у которыхъ было:

Надѣльн. земли 188 ²⁾ дес., рабочаго скота 86, дес. посѣва 137, или въ среднемъ: > > 11,8 > > > 4,5 > > 7,2.

Изъ 16 семей было имѣвшихъ надѣльной земли:

безземельныхъ	3	или	18,7	%
имѣвшихъ до 5 дес.	5	>	31,2	%
> 5—10 >	2	>	12,5	%
> 10—20 >	3	>	18,7	%
> болѣе 20 >	3	>	18,7	%

Изъ 19 семей было засѣвавшихъ:

безъ запашки	2	или	10,5	%
засѣвавшихъ до 2 дес.	1	>	5,2	%
> 2—5 >	2	>	10,5	%
> 5—10 >	11	>	57,9	%
> 10—20 >	3	>	15,8	%

Арендowali землю 12 семей или 63,2 %/о, снимавшія 58 дес..

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 65, раб. быковъ 67, дойн. коровъ 72, дес. посѣва 237, или въ среднемъ: головъ раб. скота 3,7, > > 2,0, > > 6,8.

Распределение по пахатнымъ орудіямъ:

Безъ пахатнаго орудія	8	сем.	или	22,2	%
Съ сохою	4	>	>	11,1	%
> плугомъ	22	>	>	61,1	%
> 2 орудіями	2	>	>	5,1	%

Распределение по рабоч. скоту:

Безъ раб. скота	—	—
Съ 1 лошадыю	11	сем. или 30,8 %/о
> 2 >	7	> > 19,4 %/о
> 3—4 >	7	> > 19,4 %/о
Имѣющихъ быковъ и лошадей.	до 3-хъ	2 > > 5,5 %/о
	4—6	3 > > 8,3 %/о
	7—10	4 > > 11,1 %/о
	11—16	2 > > 5,5 %/о

Распределение по площади посѣва:

Безъ посѣва	—	—
Засѣва- щихъ.	до 2 дес.	2 сем. или 5,5 %/о
	2—5 >	14 > > 38,9 %/о
	5—10 >	16 > > 44,4 %/о
	10—20 >	4 > > 11,1 %/о

¹⁾ Данныя, лично собранныя мною, проверены и кое-въ-чемъ пополнены по записамъ посѣтителя всѣхъ русскихъ поселеній Актюбинскаго уѣзда, по порученію Тург. статист. комитета, г. Катаринскаго.

²⁾ О количествѣ надѣльн. земли нѣтъ свѣд. еще для 3 семей.

Продовольственные результаты хозяйства въ 1895—96 г.г.:

Покупали хлѣбъ 4 двора или 11,1 ‰, ими куплено 100 пуд.
Продавали > 21 > > 58,3 ‰, > продано 1.595 >
Запасы имѣютъ 20 > > 55,5 ‰, у нихъ въ запасѣ 4.660 пуд..

Наемъ и отпускъ рабочихъ:

Вообще *нанимаютъ* работниковъ 10 дв. или 27,8 ‰,
 изъ нихъ: *нанимаютъ* нѣсколько годовыхъ 1 дв..
 по одному > 3 >
 срочовыхъ 2 > .

Вообще *продаютъ* рабочую силу 10 дв. или 27,8 ‰,
 изъ нихъ отпускаетъ нѣсколько годовыхъ 1 дв.
 срочовыхъ 1 >

Изъ 36 наличныхъ семей однородную группу составляютъ только 5 семей выходцевъ изъ Екатеринославской губ., Славяносербскаго уѣзда; затѣмъ имѣется: 8 семей изъ разныхъ уѣздовъ Воронежской губ., по 7-ми — изъ Самарской и Оренбургской, 5 — изъ Саратовской, 4 — изъ разныхъ другихъ губерній. По времени прибытія наличныя семьи распредѣляются такъ: съ 1887 и 88 г.г.—13 сем., съ 1892 г.—одна, 1893 г.—15, 1896 г.—6 семей. 22 семьи перечислены въ Орскіе мѣщане.

За исключеніемъ двухъ семей коренныхъ Орскихъ мѣщанъ, которыя пришли на хуторъ прямо изъ Орска (впрочемъ, одна изъ нихъ раньше прожила нѣсколько времени на хут. Ащибутацкомъ),—всѣ остальные либо переехали сюда изъ разныхъ другихъ мѣстъ—главнымъ образомъ изъ разныхъ станицъ и поселковъ Оренбургской линіи, — либо направлялись въ разнообразныя другія мѣстности и остались здѣсь по тѣмъ или другимъ случайнымъ причинамъ. Къ этой послѣдней категоріи можно отнести, напр., 5 семей Екатеринославцевъ, которыя шли въ Сырь-Дарьинскую область и застряли по недостатку средствъ: 4 семьи — въ Орскѣ, одна — въ станицѣ, откуда и „высмотрѣли“ данную мѣстность; затѣмъ, 3 семьи Воронежцевъ, изъ которыхъ одна шла въ Кустанай, но зазимовала въ Орскѣ и перешла сюда, другая шла на Амуръ, но повернула назадъ изъ Тобольской губ. и жила нѣкоторое время въ станицѣ, третья направлялась въ Семирѣчье, но свернула назадъ изъ Акмолинской области въ Орскъ, а затѣмъ жила 4 года въ Ащибутацкѣ; двѣ семьи Саратовцевъ, изъ коихъ одна еще въ 1866 г. выселилась въ Троицкій уѣздъ, откуда — въ Орскъ, а другая въ 1867 г. ушла въ Тобольскую губернію, откуда въ 1877 г. перешла на Оренбургскую линію, а еще чрезъ 10 лѣтъ—сюда; наконецъ одну—изъ Рязанской губ., которая въ 1877 г. ушла въ Томскую губ., но не смогла тамъ устроиться, и прійдя въ казачью станицу, затѣмъ перешла въ заселокъ. Всѣ остальные— въ томъ числѣ всѣ Самарцы и Оренбуржцы и большинство Воронежцевъ и Саратовцевъ, шли „со старины“ въ Орскъ (куда маячили слухи о дешевой

арендѣ и ничтожной мѣщанской подати), причислялись здѣсь къ мѣщане и заводили хозяйство на арендованной землѣ: кто—на казачьей или офицерской, кто—на башкирской, а кто пробирался въ Тургайскую степь и снималъ землю у окрестныхъ киргизъ; затѣмъ, однако, въ Орскѣ, благодаря наплыву массы переселенцевъ, обнаружилось „утѣсненіе“: ближайшія къ городу цѣлинныя земли оказались распаханными, за цѣлинами приходилось ѣхать слишкомъ далеко; съ другой стороны, бѣольшая часть башкирскихъ земель была распродана „навѣчно“ и перестала сдаваться въ аренду; нѣкоторые поселенцы просто хотѣли водвориться отдѣльными поселками,—и вотъ, набравшіеся въ Орскѣ переселенцы начали разбредаться въ разныя стороны; результатомъ такого разбреданія и было возникновеніе Можаровскаго хутора, причеиъ одни дворы перешли сюда прямо изъ Орска, другіе предварительно уходили по казачьимъ станицамъ, а 5 семей жили нѣкоторое время на хут. Ащибутаевскомъ.

Основаніе хутора относится къ 1887 году, а „первыми жителями“ его были 18 семей, изъ нихъ 6—изъ Екатеринославской, по 4—изъ Рязанской и Самарской и по двѣ—изъ Курской и Харьковской губерній; собирали артель четыре человекъ (изъ которыхъ трое впоследствии совсѣмъ ушли, четвертый же перешелъ на хуторъ Успенскій (№ 21), а теперь собирается возвращаться сюда),—остальныхъ же они подобрали въ Орскѣ и въ окрестныхъ казачьихъ поселкахъ и станицахъ. Эти 18 семей заключили съ 10 киргизами (Жабага Байсаовъ съ товарищами) 1 аула Араль-Тюбинской волости *договоръ* (12. XI. 87), который засвидѣтельствованъ былъ уѣзднымъ управленіемъ и по которому крестьяне снимали на трехлѣтній срокъ 1888—1890 г.) участокъ земли, въ границахъ, описанныхъ по живымъ урочищамъ, „шириною въ концахъ не менѣе 2 верстъ“, на слѣдующихъ условіяхъ: плата—191 р. въ годъ, вносимая ежегодно въ 2 срока; крестьяне могутъ пользоваться участкомъ для пашни и сѣнокошенія, но распахать въ годъ не болѣе третьей части; для усадебъ—„особая мѣстность“, съ правомъ возвести не болѣе 20 дворовъ, для водопоя—свободный прогонъ къ рѣкѣ Ори; сдатчики не должны пользоваться въ сланный участкѣ никакими угодьями, и только по снятіи хлѣбовъ и уборкѣ сѣна могутъ пасти на немъ свой скотъ; арендаторы обязуются не рубить на постройки лѣса и не ломать камня, но могутъ заготовлять чилигу, курай и ковыль на топливо и камышъ на крыши.

Заключивъ договоръ, 18 семей „первыхъ жителей“ осенью 1887 г. переехали на заарендованный участокъ и раздѣлили между собой землю на 18 равныхъ паевъ. Затѣмъ, въ ту-же зиму и на слѣдующую весну къ этимъ „первымъ жителямъ“ *приселилось* 42 семьи изъ Саратовской и 12 семей изъ разныхъ другихъ губерній; всѣ эти вновь прибывшіе взяли у „первыхъ жителей“ по $\frac{1}{2}$ или по $\frac{1}{4}$ пая, уплачивая за переуступку отъ 5 до 10 р. за полъ-пая,—а затѣмъ, для расширенія хозяйства, стали арендовать землю „частно“, за деньги или отработокъ.

Ко времени истечения срока договора, дѣтомъ 1890 г., былъ уже изготовленъ проектъ новаго договора — но въ это время наступилъ „голодный годъ“, — хуторяне совершенно разорились, и болѣе 50 семей *разбредось* во всѣ стороны: болѣе состоятельные ушли дальше, въ Сыръ-Дарьинскую обл., откуда получали свѣдѣнія частью отъ ранѣе ушедшихъ, частью — отъ ходокъ; бѣдняки ушли назадъ „на старину“; землянки свои и движимость частью побросали, частью — распродали киргизамъ. На хуторѣ осталось всего 11 дворовъ, въ томъ числѣ — только трое изъ „первыхъ жителей“ и 8 семей — изъ вошедшихъ послѣ заключенія перваго договора; эти 11 дворовъ не стали заключать новаго договора, а жили, арендуя землю „частно“: артелями по 3 — 5 семей снимали небольшіе участки пашни, площадью по 50 — 60 дес., съ правомъ имѣть землянки на мѣстѣ прежняго хутора и пасти скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ, за плату по 30 — 40 р. въ годъ.

Затѣмъ, въ 1892 и 1893 г.г. *подошло вновь* еще 16 семей, — изъ нихъ четыре перешедшихъ съ хутора Ащибутацкаго; всѣ новыя пришельцы покупали у киргизъ усадьбы выселившихся, полевныя же угоды, какъ и болѣе ранніе водворенцы, снимали, по мѣрѣ надобности, „частно“, соединяясь для этого въ небольшія артели.

Такимъ образомъ, къ 1894 году на хуторѣ опять собралось 28 семей, отъ имени которыхъ два довѣренныхъ заключили *новый договоръ* (5. XII. 94), на этотъ разъ уже съ волостнымъ обществомъ, согласно требованіямъ „положенія“ 1891 г., и съ утвержденія Областнаго Правленія. По этому договору сдача совершалась на имя сказанныхъ двухъ довѣренныхъ которымъ уже предоставлялось „принимать къ себѣ другихъ лицъ“, въ числѣ однако не свыше наличныхъ 28 дворовъ, и притомъ „только лицъ русскаго происхожденія и одобрительнаго поведенія и притомъ имѣющихъ установленныя виды на жительство“¹⁾; лицамъ этимъ сдавался участокъ въ границахъ, указанныхъ по живымъ урочищамъ, и притомъ съ обозначенною площадью въ 200 сотенныхъ десятинахъ (изъ нихъ 195 дес. подъ пашней и 5 дес. подъ усадьбами), съ водопоемъ на рѣкѣ Ори, срокомъ на шесть лѣтъ (1895 — 1900), съ платой *за все время* въ 200 р.,²⁾ которые подлежали внесенію въ четыре срока. — „Темныя“ расходы при заключеніи договора составили до 500 р., а къ тому же и самая арендная плата далеко не ограничилась цифрой въ 200 р.: какъ сообщаетъ г. Катаринскій, крестьяне еще до заключенія договора переплатили дѣйствительнымъ владѣльцамъ сданной земли до 300 р., — каковыхъ денегъ, какъ внесенныхъ не въ волостныя суммы,

¹⁾ Эта оговорка, очевидно, вмѣстѣ съ рядомъ другихъ, введена въ договоръ по указанію администраціи, и притомъ не соответствуетъ дѣйствительности: въ числѣ 28 семей были 2 семьи чувашъ, слѣд. лицъ не русскаго происхожденія

²⁾ Пониженіе платы сравнительно съ первымъ договоромъ почти шестеро (33 р. 33 к. въ годъ вмѣсто 191 р.) — отчасти вѣрное, такъ какъ кромѣ этой суммы, поступающей въ волостную кассу, арендаторамъ пришлось, какъ указано въ текстѣ, болѣе того заплатить дѣйствительнымъ владѣльцамъ сданной земли, отчасти же — результатъ того, что цѣлины уже распаханы, а потому участокъ утратилъ значительную долю своей цѣнности.

волостное управленіе не признаетъ за дѣйствительный платежъ и требуетъ внесенія, своимъ чередомъ, 200 рублей въ волостную кассу; между тѣмъ не давая киргизамъ денегъ на руки нельзя было, такъ какъ они всегда могли воспротивиться сдачѣ земли волостнымъ съѣздомъ и потребовать удаленія поселенцевъ.

Изложенныя постановленія договора заключали въ себѣ двусмысленность (со стороны арендаторовъ, несомнѣнно, преднамѣренную), изъ-за которой между хуторянами и киргизами возникъ серьезный споръ: хуторяне, чтобы снять участокъ подешевле, увѣрили киргизъ, что площадь его не превышаетъ 200 десятинъ, — почему эта цифра и упоминается въ договорѣ, — тогда какъ дѣйствительная площадь участка, по признанію самихъ крестьянъ, болѣе 700 дес.. Въ настоящее время крестьяне распаиваютъ землю, конечно, по всей площади участка, утверждая, что означенная въ договорѣ цифра — 200 (точнѣе 195) дес. пашни указываетъ лишь предѣлъ *ежегодной* распашки; напротивъ киргизы полагаютъ, что крестьяне имѣютъ право распашивать *всего* 200 дес., всѣмъ же остальнымъ пространствомъ могутъ пользоваться только для выпаса скота.

Другой источникъ неудовольствія со стороны киргизъ — въ томъ, что крестьяне въ 1896 г. приняли въ составъ своего общества еще 8 семей сверхъ тѣхъ 28-ми, которыя были допущены по договору. Вновь принятые ставили „обществу“ хуторянъ по четверти вина, а затѣмъ покупали пай у тѣхъ изъ болѣе раннихъ пришельцевъ, которые при первоначальномъ распределеніи взяли по два пая, или у бѣдняковъ; платили за полъ-пая по 15—16 р., за $\frac{1}{4}$ пая — 8 рублей.

„Частная“ аренда очень развита: значительная часть посѣвовъ (около $\frac{2}{3}$), правда, еще сосредоточивается въ „общественномъ“ участкѣ, — но такъ какъ здѣсь уже вовсе не осталось цѣлинъ, то эти послѣднія каждый, „по состоянію своему“, арендуетъ „частно“; изъ 36 наличныхъ дворовъ къ „частной“ арендѣ пашень прибѣгало 35, которые сняли всего 73 дес. земли; при этомъ только 11 дворовъ арендуютъ сравнительно большія площади — отъ 3 до 7 дес. каждый, — а 10 дворовъ арендуютъ совсѣмъ ничтожныя площади — по $\frac{1}{4}$ или по $\frac{1}{2}$ десятины. Болѣе состоятельныя, конечно, арендуютъ на деньги, болѣе бѣдные — помощью той или иной формы супряжныхъ сдѣлокъ. — Покосовъ въ участкѣ, можно сказать, вовсе нѣтъ, а потому къ „частной“ арендѣ луговъ прибѣгаютъ 33 семьи, снимающія всего 83 десятины и кромѣ того покосенно около 500 копенъ; покосы снимаютъ болшею частью на деньги, рѣже — изъ части.

Условія „частной“ аренды. А) *Пашенъ*, за десятину; при *денежной* арендѣ:

Цѣлины подъ бахчи	до 4 р.
Залежь подъ пшеницу.	2 р.—2 р. 50 к.
Оборотъ изъ-подъ залежи.	1 р.
„Мятая“ (послѣ 2 хлѣбовъ).	50 к..

Малоскотные нерѣдко покупаютъ у киргизъ уже вспаханную землю, причемъ за десятину платятъ по 4—5 р.; иногда задаютъ съ осени, — тогда цѣна понижается до 3 р., но „бываютъ кляузы“: „заберетъ деньги, — а весной говоритъ: дай хлѣба, а не то уѣду свою землю пахать, а ты жди“. — Аренда *изъ доли* обработанной земли сводится, въ сущности, къ супряжнымъ сдѣлкамъ, причемъ земля играетъ уже мало роли: если киргизъ даетъ свой плугъ и своихъ быковъ, то условія не измѣняются, все равно, пашетъ-ли исполнительъ землю на своемъ паѣ „рендоваго“ участка или землю киргиза; въ томъ и другомъ случаѣ вспаханная земля дѣлится пополамъ; прежде, когда наплывъ безскотныхъ исполнительковъ былъ больше, условія были тяжелѣе: „вспаши ему десятину или двѣ, а остальное пополамъ“. — Нерѣдко малоскотные крестьяне устраиваются и иначе: въ дабавку къ своимъ нанимаютъ у киргизъ по 1—2 лошади, платя за весну по 5—6 р. съ лошади или вспахивая по одной десятинѣ, — или же идутъ въ работники на „весенний срокъ“, выражая за это по 1½ дес. вспаханной земли.

Б) За *заливные покосы*, при денежной арендѣ, платятъ:

лѣтомъ. . . . по 1 р. 80 к. за дес.
впередъ съ осени. . . 1 р. 50 „.

Сравнительно немногіе косятъ изъ части: „ему (сдатчику) двѣ, мнѣ три копы“.

Сдаютъ землю по „частнымъ“ сдѣлкамъ отдѣльные кибитковладѣльцы, но всегда — съ согласія аульнаго схода; если сдается болѣе или менѣе значительная площадь, — сходъ распределяетъ плату между всеми совладѣльцами, причемъ однако распределение происходитъ очень неравномѣрно („въ аулѣ который горлопанъ все себѣ заберетъ — и землю, и деньги“); если сдается немного — ½ десятины или десятина, то сходъ позволяетъ тому кибитковладѣльцу, который сдаетъ землю, взять деньги въ свою пользу. — Сдаютъ землю по преимуществу среднесостоятельные киргизы, бѣдняки же — почти поголовно; богачи не сдаютъ вовсе. — Арендныя сдѣлки заключаются либо словесно, либо по частнымъ роспискамъ; обмановъ при этомъ не бываетъ, — но сдатчиковъ приходится угощать, давать имъ хлѣбъ и т. д.: „не угодишь ему, — сейчасъ грозитъ землю отобрать“, — „у крестьянъ на это много хлѣба уходитъ“.

Что касается, вообще, до *отношеній съ киргизами*, то они могутъ быть признаны посредственными: какъ выше было указано, у киргизъ съ хуторянами есть крупный споръ, который, конечно, портитъ отношенія; далѣе, крестьяне недовольны тѣмъ, что киргизы-сдатчики ихъ „объѣдаютъ“; не рѣдки потравы, — главнымъ образомъ изъ-за того, что скотъ у киргизъ ходитъ на свободѣ, и только теперь они начинаютъ заводить пастуховъ; дѣла о потравахъ, впрочемъ, болѣею частью кончаются миромъ, тѣмъ болѣе, что потравы взаимны: „они на нашей землѣ стоятъ (кибитки киргизъ и

видѣлъ у самаго поселка), мы на ихъ землю гоняемъ“. — Вообще особыхъ „кляуз“ объ стороны избѣгаютъ, и взаимной враждебности не замѣтно: киргизы учатся по русски, усваиваютъ русскія орудія, обувь и пр.,—русскіе говорятъ по киргизски; русскіе имѣютъ „шабровъ“ среди киргизъ, и т. д..

Характеръ мѣстности, въ смыслѣ естественныхъ условій, — см. хуторъ Ащибутакскій, — но существенная разница въ томъ, что въ Можаровскомъ „общественномъ“ участкѣ совсѣмъ не осталось, а кругомъ — очень мало цѣлинъ; поэтому хуторяне „полѣзли“ за цѣлинами во всѣ стороны, — хотя надѣются, что послѣ 5-лѣтняго отдыха земля опять будетъ давать хорошіе урожаи. — Однако участкомъ своимъ, — если вѣрить отзывамъ, записаннымъ г. Катаринскимъ и мною, — хуторяне очень недовольны: охуждаютъ песчаную почву, хотя она едва ли хуже, чѣмъ въ Ащибутакѣ, — а особенно жалуются на то, что усадебныя мѣста почти ежегодно затопаются разливами Ори, — а на другое мѣсто усадьбы перенести нельзя за отсутствіемъ водооя.

Земледѣліе — переложное; сѣютъ больше всего проса и пшеницы; ржи сѣютъ мало — она плохо наливадается. Большія бахчи, много подсолнуховъ, — тѣ и другіе играютъ въ хозяйствѣ большую роль. — О переходѣ къ пару или толокѣ хуторяне не думаютъ: утверждаютъ, что песчаная почва отъ толоки будетъ только разбиваться, а не уплотняться, и что паръ и вообще усиленная механическая обработка поведетъ къ усиленію роста сорныхъ травъ.

Что касается до *благополучія* поселенцевъ, то г. Катаринскій, посетивъ поселокъ въ 1895 г., пришелъ къ заключенію, что поселенцы „не поправляются, а разоряются“. Такой отзывъ, дѣйствительно, имѣетъ за себя нѣкоторое основаніе: если, въ самомъ дѣлѣ, взять тѣ 19 семей, о хозяйственномъ положеніи которыхъ на родинѣ мы имѣемъ свѣдѣнія, — то, средніе размѣры ихъ хозяйства изобразятся слѣдующими цифрами:

	имѣли на родинѣ	имѣютъ въ настоящее время
Головъ рабоч. скота	4,5	4,2
Десятинъ посѣва	7,2	6,7,—

и такимъ образомъ оказывается, что эти 19 дворовъ — сколько можно судить *по размѣрамъ* хозяйства — не только ничего не выиграли, но даже нѣсколько потеряли отъ хожденія по „новымъ мѣстамъ“. Но отъ этого до разоренія — еще очень далеко. Разсматриваемыя абсолютно, данныя о современномъ положеніи поселенцевъ представляются, напротивъ, довольно благоприятными: на хуторѣ, правда, вовсе нѣтъ богачей, такъ что никто не засѣваетъ болѣе 20 дес., и только 4 семьи — болѣе 10 десятинъ; за то, съ другой стороны, на хуторѣ вовсе нѣтъ дворовъ безъ рабочаго скота; и если 11 дворовъ имѣютъ всего по одной лошади, то это, при легкости суаряжныхъ сдѣлокъ, не мѣшаетъ имъ имѣть запашку, такъ что не сѣ-

ющихъ дворовъ нѣтъ ни одного на весь заселокъ, и ни одинъ дворъ не засѣваетъ менѣе двухъ десятинъ; только 9 дворовъ (все однолошадные) засѣваетъ по 2—3 дес., 15 дворовъ засѣваетъ отъ 5 до 7 дес., а у 11-ти размѣръ посѣвной площади колеблется между 9 и 11 десятинами. Эти цифры, очевидно, свидѣтельствуютъ о весьма равномерномъ распредѣленіи благосостоянія среди поселенцевъ. Такой-же характеръ имѣютъ и цифры, показывающія результаты хозяйства: только четыремъ семьямъ пришлось прикупать хлѣбъ; напротивъ, продавали хлѣбъ 21 дворъ, т. е. почти $\frac{3}{5}$ наличнаго числа домохозяйствъ; продажи, правда, были очень невелики, — но за то у 20 дворовъ оказались запасы хлѣба, въ общей сложности — втрое болѣе, нежели было продано за 1895—96 хоз. годъ; и эти данныя рисуютъ положеніе переселенцевъ въ тѣмъ болѣе благопріятномъ свѣтѣ, что бахчеводство и разведеніе подсолнуха являются для нихъ весьма существенными источниками благосостоянія, едва ли уступающими по своему значенію разведенію зерновыхъ хлѣбовъ.

Что касается до застройки, то она очень плоха: во всемъ заселкѣ имѣется только одна бревенчатая изба; 4 семьи вовсе не имѣютъ собственныхъ жилыхъ помѣщеній, а всѣ остальные живутъ въ дерновыхъ избахъ, обмазанныхъ желтою глиной; изъ этой послѣдней группы, однако, 4 семьи живутъ въ заселкѣ только лѣтомъ, зиму же продолжаютъ жить въ Орскѣ, гдѣ имѣютъ собственные дома.

Вообще Можаровскіе поселенцы не считаютъ себя постоянными жителями данной мѣстности: уже въ 1895 г. они заявляли г. Катаринскому, что „не желаютъ оставаться надолго, а тѣмъ болѣе навсегда, если-бы даже дали землю въ вѣчное владѣніе“, „такъ какъ земля очень плохая“, — что „отживуть срокъ аренды и уйдуть на другое мѣсто“. — То-же, въ существѣ, поселенцы заявляли и мнѣ, причемъ однако высказывали, что охотно поселились-бы „навѣчно“ въ пяти верстахъ выше по теченію Ори, около киргизской мечети, гдѣ земли свѣжѣе, — и собираются ходатайствовать объ отводѣ имъ здѣсь надѣла.

№ 25. Заселокъ (хуторъ) Ащибутакскій.

(Въ 5 аулѣ Араль-Тюбинской волости).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ домохозяйствъ 7. 0 положеніи на родинѣ есть свѣдѣнія для 4 семей, которыя имѣли:

Надѣльн. земли 76 дес., раб. скота 12 гол., посѣва 30 дес.
или въ среднемъ: > > 19,0 > > > 3,0 > > 7,5 >.

Изъ нихъ имѣли надѣльн. земли:

отъ 5 до 10 дес. . . . 2 семьи или 50 %
> 10—20 > . . . — > > —
болѣе 20 > . . . 2 > > 50 %

Имѣли посѣва:

до 5 дес. . . . 3 семьи или 75 %
5—10 > . . . — > > —
10—20 > . . . 1 > > 25 %.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 9, раб. быковъ 36, дойн. коровъ 16, дес. поства 70,
или въ среднемъ: головъ рабочаго скота 6,4 > > 2,3 > > 10,0.

<i>Распределение по раб. скоту:</i>		<i>Распределение по пахатн. орудіямъ:</i>	
Съ одною лошадыю . . .	2 дв. или 28,6 ⁰ / ₀	Съ сохой . . .	1 дв. или 14,3 ⁰ / ₀
Съ быками и { 5—6 гол. . .	4 > > 57,2 ⁰ / ₀	> плугомъ . . .	5 > > 71,4 ⁰ / ₀
лошадьми { 20 > . . .	1 > > 14,3 ⁰ / ₀	> 2 плугами . . .	1 > > 14,3 ⁰ / ₀ .

Распределение по поствной площади:

2—5 дес.	5—10 д.	10—20 д.	20—40 д.
2	3	1	1
или въ ⁰ / ₀ : 28,6	42,9	14,3	14,3.

Продавали хлѣбъ 7 семей или 100⁰/₀, ими продано 3.530 пуд.

Имѣютъ запасы 2 > > 28,6⁰/₀, у нихъ въ запасѣ 2.700 пуд.

Нанимаютъ работниковъ 4 семьи или 57,2⁰/₀

изъ нихъ одна—годоваго и сроковыхъ.

Продающихъ трудъ 2 семьи или 28,6⁰/₀.

Ащибутацкіе поселенцы—родомъ изъ пяти различныхъ губерній, и всѣ до водворенія въ заселкѣ перемѣнили одно или нѣсколько мѣстъ жительства. Такъ, двѣ семьи Курянъ въ 1886 г. ушли съ родины въ Оренбургскую губернію, здѣсь купили землю у башкиръ, но проживъ 4 года, бросили ее и перешли сюда. Три семьи Оренбуржцевъ и Самарцевъ въ 1870—71 г.г. ушли въ Орскъ, перечислились въ мѣщане, и живя здѣсь, арендовали и пахали то казачью или офицерскую, то башкирскую или киргизскую землю; двѣ изъ нихъ, раньше чѣмъ водвориться въ заселкѣ, прожили по нѣскольку лѣтъ и пахали въ киргизскихъ аулахъ южной части Араль-Тюбинской волости. Одинъ Астраханецъ, имѣвшій дома до 500 овецъ, около 1865 г. ушелъ изъ дому въ Сибирь; здѣсь „мѣста скрозь проѣхалъ и мѣста не нашель“, почему вернулся въ Оренбургскую губернію и жилъ 12 лѣтъ на башкирской землѣ, во время своихъ скитаній „все проходилъ“ и теперь имѣетъ самыя ничтожныя средства. Наконецъ одинъ-же, Пензенецъ, ушелъ съ родины около 1845 г. въ Оренбургскую губернію, гдѣ былъ надѣленъ землею; около 1868 г. онъ перешель въ Орскъ, гдѣ причислился въ мѣщане и посейчасъ владѣетъ домою; пахалъ свачала въ окрестностяхъ Орска, а затѣмъ—4 года жилъ въ киргизскомъ аулѣ.—Уходъ свой съ башкирскихъ земель поселенцы объясняютъ тѣмъ, во-1-хъ, что башкиры стали продавать земли „навѣчно“, а купить неначто было, и во-2-хъ,—что „голодный годъ разорилъ“; изъ киргизскихъ ауловъ уходили потому, что „скучно безъ церкви да безъ русскихъ людей“.

Основателемъ заселка былъ Орскій мѣщанинъ, родомъ изъ Самарской губерніи, Ем. Голубцовъ. Перезнакомившись съ киргизами, онъ услышалъ

отъ нихъ о данной мѣстности, гдѣ ему было предложено снять землю въ аренду. Осмотрѣвъ мѣстность дважды—въ іюнь и осенью 1889, онъ 8 октября того-же года заключилъ *договоръ* съ 6 кибитковладѣльцами 2 аула Араль-Тюбинской волости Акдаулетомъ Балтаевымъ и 5 братьями Токтаровыми; по этому договору онъ снималъ на 3 года (1890—92) участокъ земли въ границахъ, описанныхъ живыми урочищами, съ правомъ распашки, сѣнокосенія и пастьбы всякаго скота (кромя свиней); сдатчики обязывались не пользоваться въ участкѣ никакими угодыми, и только послѣ окончанія уборки хлѣбовъ и травъ имъ предоставлялось выпускать на участокъ свой скотъ, взамятъ чего Голубцову дозволялось пасти свой скотъ по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ; Голубцову предоставлялось переуступать пахатныя и сѣнокосныя земли другимъ лицамъ безъ ограниченія, но къ проживанію на участкѣ съ устройствомъ землянокъ онъ могъ допустить не болѣе 15 семей; плата—325 р. за все время, подлежала внесенію въ 3 срока. Независимо отъ этого, расходы на угощенія и т. д. составили до 100 рублей.

Въ 1890 г. Голубцовъ перебрался на снятый участокъ, и въ томъ-же году, по его приглашенію, *приселилось* 15 семей Воронежскихъ, Самарскихъ и Курскихъ переселенцевъ; съ каждаго изъ послѣднихъ Голубцовъ бралъ сумму, соответствующую долѣ его издержекъ (225 р. уже выплаченныхъ за аренду + 100 р. темныхъ), пропорціальной количеству работниковъ въ семьѣ и числу головъ рабочаго скота, съ прибавленіемъ нѣкоторой „пользы“; размѣровъ послѣдней однако не удалось выяснитъ, такъ какъ большинства платившихъ я уже не засталъ въ поселкѣ.

Дѣло въ томъ, что въ 1893 г., когда кончился срокъ дѣйствія договора, новый договоръ, по силѣ Положенія 1891 г., пришлось-бы заключать уже съ волостнымъ обществомъ, что было-бы связано съ непосильными для маленькаго заселка расходами. Вслѣдствіе этого 12 семей *ушли* изъ заселка, а именно:

- 4 семьи — на купленные земли въ Орскій уѣздъ, Оренбург. губ.
- 4 „ въ зас. Можаровскій („хохлы къ хохламъ,—да и общество тамъ больше“)
- 3 „ „на старину“ („степь не поглянулась“)
- 1 „ въ Туркестанѣ.

Взамѣнъ ихъ въ томъ-же 1893 г. и въ 1895 г. *пришли вновь* три семьи, изъ которыхъ одна заплатила Голубцову „вкупъ“ (4 р. 50 к.), остальные же „живутъ такъ“.

Съ тѣхъ поръ и до настоящаго времени хуторяне живутъ *безъ всякихъ формальныхъ договоровъ*, по простымъ словеснымъ соглашеніямъ, причемъ никакихъ „обидъ“, обмановъ и т. п. не случалось. Отъ имени всей артели заключенъ только словесный договоръ съ обществомъ 5 аула Араль-Тюбинской волости, по которому хуторяне приобрѣли право на усадебное мѣсто, выпасъ скота на зимовочныхъ мѣстахъ близъ Ори и въ особомъ „кружкѣ“

внѣ долины этой рѣки,—все это за плату въ 30 р. въ годъ, которую хуторяне разверстываютъ между собой по числу головъ скота.

Пашню и покосъ хуторяне *арендуютъ „частно“*, какъ въ упомянутомъ „кружкѣ“, такъ и въ другихъ мѣстахъ, у киргизъ разныхъ ауловъ. Это связано съ немаловажными неудобствами: киргизы сдаютъ землю только погодно, и притомъ стараются затянуть сдачу до весны, чтобы взять подороже,—а благодаря этому становится невозможною осенняя вспашка, и т. д.. Вообще, положеніе очень необезпеченное: „пока хочетъ Дербисали ¹⁾, мы живемъ, а не захочетъ—придется уйти“; между тѣмъ заключать формальный договоръ „маленькому обществу не подѣ силу“, а приглашать новыхъ участниковъ не хотятъ—боятся раздоровъ.

Условія „частной аренды“. Состоятельные арендуютъ землю преимущественно на деньги, бѣдные — изъ части. При *денежной* арендѣ пашень платятъ:

за ближнія цѣлины до	4—5 р. за дес.
обороты	1—2 „ „ „
„мягкія“	70 к.—1 р. „
за дальнія цѣлины	2 р. и до 1 „ „ .

Аренда *изъ части* смѣшивается съ супрагой и принимаетъ слѣдующіе виды:

Цѣлины подѣ бахчи, съ обработкой инвентаремъ арендатора, снимаютъ исполу.

„Мятую“ землю съ обработкой скотомъ сдатчика, снимаютъ изъ двухъ третей („одну часть себѣ, двѣ—ему“); иногда условливаются иначе: „берешь у него быковъ, вспашешь ему наперво 4 десятины, а потомъ себѣ—сколько успѣешь“.

„Мятую“-же землю снимаютъ исполу, причемъ половину быковъ для пахоты ставитъ сдатчикъ, а другую половину, свой трудъ и плугъ—съемщикъ.

За срочный ваемъ на весну („пахать и кизяки дѣлать“) даютъ 50 × 100 саж. вспаханной земли.

При чистой супрагѣ одна сторона даетъ лошадь и плугъ, другая—пару лошадей, пашня пополамъ.

За покосы платятъ: при денежной арендѣ по 2 и до 3 р. за дес., нѣкоторые косятъ исполу.

Отношенія съ киргизами — повидимому вполне дружжелюбныя. Хотя арендные сдѣлки словесныя, но „кляузъ“ не бываетъ; случаются поправки —

¹⁾ Дербисали Беркимбаевъ, братъ управителя Араль-Тюбинской вол., сверхъ-штатный чиновникъ особыхъ порученій при Военномъ Губернаторѣ,—лицо, пользующееся огромнымъ вліяніемъ среди своихъ единоплеменниковъ.

но дѣло всегда кончается мирно, тѣмъ болѣе, что и самыя потравы случаются съ обѣихъ сторонъ; послѣднее время киргизы начали нанимать пастуховъ, такъ что можно надѣяться, что вопросъ о потравахъ скоро утратитъ значеніе. Всѣ хуторяне имѣютъ „шабровъ“ между киргизами, очень пристрастились къ взаимному хожденію въ гости, рѣжутъ по киргизскому обычаю барановъ, любятъ скачку верхомъ; трое изъ семи хозяевъ отлично говорятъ по киргизски. Въ свою очередь, киргизы сильно подучились по русски и сдѣлали большіе успѣхи въ земледѣліи.

Характеръ мѣстности. Долина Ори, гдѣ расположенъ заселокъ, представляетъ двѣ террасы: нижняя—великолѣпный заливной лугъ; вторая—превосходная, чисто-ковыльная степь съ сѣрою, иловато-суглинистою почвой, очень рѣдко заливаемая весенними водами (и притомъ разливы не только не вредны, а скорѣе полезны — „какъ вода зальетъ, въ то и лѣто хлѣбъ родится“); тѣмъ не менѣе, здѣсь не пашутъ, во 1-хъ, изъ-за кобылки, которая появляется здѣсь почти ежегодно, и во 2-хъ, — потому, что киргизы здѣсь не соглашаются сдавать земли. Всѣ пашни — „на горѣ“, внѣ долины Ори; почва тамъ болѣе песчаная, но тоже „всякій хлѣбъ хорошо родитъ, — и рожь, и пшеницу, и для бахчей хороша, и для подсолнуха“. Лѣсу нѣтъ. Водопой—изъ Ори, для питья—колодцы въ 3 саж. глубины.

Земледѣліе—переложное: снимаютъ три хлѣба—просо и два раза пшеницу, затѣмъ бросаютъ; но если послѣ третьяго хлѣба посѣять рожь, то она очищаетъ землю и послѣ нея можно сѣять еще пшеницу. Залезъ послѣ 5—6 лѣтъ опять зарастаетъ ковылемъ и можетъ идти подъ пшеницу (такую залезъ называютъ „залогомъ“, а цѣлину, въ отличіе отъ нея — „настоящимъ залогомъ“). Сѣютъ главнымъ образомъ просо, по преимуществу потому, что оно лучше переноситъ засухи: „только-бы взошло, а тамъ ужъ оно родится“. Большую роль играютъ бахчи, занимающія у отдѣльныхъ хозяевъ до 2—3 десятинъ.

Въ смыслѣ *благосостоянія* преобладаютъ дворы, имѣющіе „неполный сабанъ“ быковъ (4—5 штукъ) и засѣвающіе отъ 8 до 11 дес., прибѣгая для подъема цѣлинь къ сунягѣ съ киргизами, отъ которыхъ они берутъ для работы по двѣ пары быковъ и пашутъ ихъ землю исполу; два двора — однолошадные, обрабатываютъ землю киргизскими быками и засѣваютъ на свою долю по 3—4 дес.; наконецъ одинъ дворъ—зажиточный, съ 9 парами быковъ и посѣвомъ въ 25 дес.. *Результаты* хозяйства—по крайней мѣрѣ въ 1895—96 г., были вполне удовлетворительны: всѣ 7 дворовъ продавали хлѣбъ, и притомъ въ сравнительно значительныхъ количествахъ; запасы имѣютъ однако только два двора, у которыхъ лежитъ хлѣба до 2.700 пудовъ.

Дальнѣйшія намѣренія хуторянъ еще не вполне выяснились, но можно думать, что заселокъ распадется: основатель его Голубцовъ уже купилъ участокъ земли у башкиръ, другой хуторянинъ имѣетъ домъ въ Орскѣ;

остальные хета и высказывают желаніе заключить арендный договоръ, но не смущаются перспективой уйти еще куда-нибудь, если договора заключить не удастся.

Двое изъ Ащибутакскихъ хуторянъ жили въ аулахъ въ S части Араль-Тюбинской волости, гдѣ, по ихъ показанію, киргизы очень дорожатъ русскими (послѣдніе учатъ ихъ пахать, налаживаютъ плуги) и зовутъ ихъ селиться и снимать землю.— *Одинъ* изъ нихъ прожилъ два года, причеиъ лѣто приходилось кочевать съ киргизами, такъ какъ послѣдніе не позволяли проводить лѣто на зимовочномъ мѣстѣ. *Другой* прожилъ 4 года, имѣлъ землянку на зимовочномъ мѣстѣ и не кочевалъ.

Оба снимали землю изъ части, причеиъ, не имѣя никакого инвентаря, работали плугами и быками сдатчиковъ и изъ обработанной пашни отдавали сдатчикамъ половину. Такія выгодныя условія объясняютъ съ одной стороны тѣмъ, что русскихъ мало и потому спроса на землю нѣтъ, а съ другой— тѣмъ, что киргизы въ той мѣстности мало привычны къ земледѣлію и очень дорожатъ пахарями.

Тяжело было, въ особенности, полное отчужденіе отъ деревни,—вообще „очень скучно было“; жить приходилось вполнѣ по киргизски,—даже конину ѣли („пріѣдешь къ киргизу въ гости—да и не увидишь, какъ съѣшь конину за говядину“).

№ 26. Заселокъ Новоуральскій.

(Въ 2 аулѣ Тереклинской вол.).

Главные результаты подворной описи. Наличныхъ дворовъ 55, изъ нихъ отдѣлившихся на новомъ мѣстѣ—4. 0 хозяйств. положеніи на родинѣ есть свѣдѣнія для 38 дворовъ, у которыхъ было:

Десят. надѣльн. земли 355, рабоч. скота 152, дес. посѣва 278,
или въ средн. на семью: > > > 9,3 > > 4,0 > > 7,3.

Изъ 38 семей было:

Безземель- ныхъ.	Имѣвшихъ надѣльную землю:					
	до 5 дес.	5—10 дес.	10—20 дес.	болѣе 20 дес.		
3	15	7	8	5		
или въ процентахъ:	7,9	39,5	18,4	21,1	13,2	
Безъ посѣва.	з а с ѣ в а в ш и х ѣ д е с я т и н ѣ :					
	до 2-хъ	2—5	5—10	10—20	болѣе 20 дес.	
1	2	17	13	6	1	
или въ процентахъ:	2,6	5,3	44,7	34,2	15,8	2,6

Арендovali землю 31 семья или 81,6%, снимавшія 110 десятинъ.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 118, быковъ 92, дойн. коровъ 89, дес. посява 317,
или въ среднемъ: головъ раб. скота 3,8 > > 1,6 > > 5,8.

Распределение по рабочему скоту:

Безъ скота	5 дв. или	9,1 ^{0/0}
Три двора имѣютъ въ складчину 2 лошади		
имѣющихъ { по одной	10 дв. или	18,2 ^{0/0}
лошадей { > 2—3	17 >	30,9 ^{0/0}
{ > 4—6	6 >	10,9 ^{0/0}
съ быками { до 3 гол.	1 >	1,8 ^{0/0}
и лошадыми { 4—6 >	3 >	5,5 ^{0/0}
{ 7—10 >	6 >	10,9 ^{0/0}
{ 11—16 >	3 >	5,5 ^{0/0}
{ 20 >	1 >	1,8 ^{0/0}

Распределение по пахатн. орудіямъ:

Безъ орудій	15 дв. или	27,3 ^{0/0}
Съ сохой	13 >	23,6 ^{0/0}
Съ плугомъ	24 >	43,6 ^{0/0}
Съ 2 орудіями	3 >	5,5 ^{0/0}

Распределение по полевой площади:

Безъ посява.	Засѣвающихся десятинъ:					
	до 2-ухъ	2—5	5—10	10—20	20—40	болѣе 40
6	6	19	16	7	1	—
или въ процентахъ 10,9	10,9	34,5	29,1	12,7	1,8	—

Данныхъ о покупкѣ—продажѣ хлеба нѣтъ.

Наемъ и отпускъ рабочихъ:

Нанимаютъ рабочихъ 7 дв. или 12,7^{0/0}, изъ нихъ 1 дв. держитъ сроковаго работника.

Продаютъ рабочую силу 26 дворовъ или 47,3^{0/0}, изъ нихъ 2 дв. отпускаютъ сроковыхъ работниковъ.

Отбрасывая 14 семей, прибывшихъ въ 1896 г., для 41 семьи, прибывшей съ 1892 по 1895 г., получимъ слѣд. цифры:

Раб. лошадей 99, быковъ 88, дойн. коровъ 83, дес. посява 291
или въ среднемъ: раб. скота 4,6 > > 2,0 > > 7,1.

Безъ пахатныхъ орудій 9 сем. или 21,9^{0/0}.

Распределение по рабоч. скоту:

Безъ рабоч. скота. 3 или	7,3 ^{0/0}
имѣющихъ { по одной	8 > 19,5 ^{0/0}
лошадей { > 2—3	11 > 26,8 ^{0/0}
{ > 4—6	6 > 14,6 ^{0/0}
съ быками { до 3 гол.	1 > 2,4 ^{0/0}
и лошадыми { 4—6 >	2 > 4,9 ^{0/0}
{ 7—10 >	6 > 14,6 ^{0/0}
{ 11—16 >	3 > 7,3 ^{0/0}
{ 20 >	1 > 2,4 ^{0/0}

Распределение по площади посява:

Безъ посява	—	—	—
Засѣвающихся до 2 дес.	4 дв. или	9,8 ^{0/0}	
2—5 >	15 >	36,6	
5—10 >	14 >	34,1	
10—20 >	7 >	17,1	
20—40 >	1 >	2,4	
болѣе 40 >	—	—	

По времени прибытія наличныя 55 семей распредѣляются такъ: въ 1892 г. прибыло 16 семей, въ 1893 и 1894—14, въ 1895 г.—11, въ 1896 г.—еще 14 семей. Въ отношеніи происхожденія выдѣляется только одна однородная группа—12 семей изъ Богородицкаго уѣзда, Тульской губерніи; изъ остальныхъ 43 семей 14—родомъ изъ Самарской губерніи, а затѣмъ небольшими группами, отъ 3 до 7 семей каждая, представлены губерніи Пензенская (7), Тамбовская (5), Курская (4), Оренбургская (4), Воронежская (3) и Саратовская (3).

За исключеніемъ 6-ти семей, которыя, пустившись „со старинны“ „искать мѣсть“, остановились прямо на данной мѣстности, всѣ поселенцы Новоуральскаго заселка попали сюда, проживъ болѣе или менѣе продолжительное время въ разныхъ другихъ мѣстахъ и нерѣдко—перемѣнивъ по нѣскольку мѣсть жительства. И здѣсь изъ среды другихъ выдѣляются выходцы изъ Тульской губерніи; они, въ числѣ 8 семей, въ 1877 г. переселились въ Оренбургскую губернію, гдѣ купили земельные участки и куда къ нимъ въ 1885 г. подошли еще двѣ семьи; затѣмъ однако въ 1888 г. всѣ 10 семей, продавъ свои участки, перешли неподалеку на участокъ, заарендованный на 4 года, а по истеченіи срока аренды, въ 1892 г., перешли въ данную мѣстность. Изъ остальныхъ 39 семей 31 семья, въ разное время ¹⁾, перебралась изъ разныхъ мѣсть на арендованныя земли въ Оренбургскую губернію, причемъ 22 семьи успѣли и перечислиться: десять—въ крестьяне, 12—въ мѣщане, по преимуществу къ городу Орску; 11 семей заарендовали землю у башкиръ, причемъ одна изъ нихъ позже перешла въ частновладѣльческое имѣнье; 16 семей заарендовали землю у казаковъ, и изъ нихъ три потомъ перешли на башкирскія земли; наконецъ 3 семьи поселились въ частновладѣльческихъ имѣньяхъ, а затѣмъ перешли либо на казачьи, либо на башкирскія земли. Далѣе, 6 семей, тоже въ разное время, выселились на башкирскія же земли въ Уфимскую губернію, куда всѣ шесть были и перечислены. Уходъ свой съ башкирскихъ и казачьихъ земель поселенцы объясняютъ разными причинами: съ башкирскихъ земель уходили кто изъ за неудовлетворительнаго якобы качества земли („не поглянулось“, „пшеница не родится“), кто изъ-за обмановъ при сдачахъ, кто—вслѣдствіе послѣдовавшаго запрещенія сдавать башкирскія земли; съ казачьихъ—главнымъ образомъ изъ-за „прижинокъ“ со стороны казаковъ. — Наконецъ, остается упомянуть еще о двухъ семьяхъ, изъ которыхъ одна выселилась въ 1886 г. въ Тобольскую губернію, а затѣмъ жила на башкирскихъ земляхъ; другая же въ 1880 г. ушла въ Самарскую губернію, гдѣ нѣсколько лѣтъ жила по заработкамъ, а затѣмъ перешла къ родственнику на купчій участокъ.

Основателемъ поселка былъ проживавшій въ Орскѣ „ходатель“ ²⁾, ко-

¹⁾ Одна семья—въ 1846 г., 8—въ 60-хъ годахъ, 12—въ 70-хъ, 10—въ 80-хъ и 90-хъ годахъ.

²⁾ Онъ жилъ въ поселкѣ всего два года, а затѣмъ вслѣдствіе смерти сына, ведшаго его дѣла въ Орскѣ (мельницу), вернулся въ этотъ послѣдній.

торый, „высмотрѣвъ“ данную мѣстность и узнавъ по слухамъ, что мѣстные киргизы намѣрены сдать землю, собралъ изъ числа временно-проживавшихъ въ Орскѣ переселенцевъ артель въ 15 семей, которая и положила начало заселку. Однако, осматривали участокъ и вели переговоры съ киргизами не всѣ 15 домохозяевъ, а только шесть, на имя которыхъ и былъ заключенъ арендный договоръ; сами эти „рендатели“ утверждаютъ, что сдѣлали такъ по приказанію уѣзднаго начальника, другіе — что это было сдѣлано ими изъ чисто корыстныхъ видовъ (см. ниже).

Мѣстность, на которой поселенцы остановили свой выборъ, принадлежала восьми кибитковладѣльцамъ 2-го аула Тереклинской волости, которые и предложили имъ снять участокъ „на горахъ“, поодаль отъ р. Урала, за годовую плату въ 100 р.; но такъ какъ крестьяне непремѣнно хотѣли водвориться при Уралѣ, то киргизы согласились присоединить къ сказанному участку усадебное мѣсто у рѣки, но за то подняли плату до 200 р. въ годъ, на что крестьяне и согласились.

Затѣмъ былъ составленъ договоръ ¹⁾ слѣдующаго содержанія: киргизы Жумагали и Берестапъ Баймуратовы, Калижаметъ Турсунбавъ и проч., въ числѣ 8 человекъ, сдаютъ поселенцамъ Громакову, Гусеву и др., въ числѣ 6 человекъ, на 5 лѣтъ, мѣстность для хлѣбопашества и сѣнокошенія, въ границахъ, описанныхъ по живымъ урочищамъ, съ правомъ возведенія домовъ или землянокъ, не болѣе однако, нежели на 15 семей, и устройства огородовъ на луговыхъ мѣстахъ; право выпаса скота предоставляется арендаторамъ только въ предѣлахъ заарендованнаго участка, на которомъ, по окончаніи уборки хлѣбовъ и травъ, могутъ пасти свой скотъ и киргизы; плата—1.000 р. за все время, должна вноситься равными долями пополугодно, подъ опасеніемъ устраненія отъ аренды и неустойки въ 1%, причежъ въ договорѣ есть оговорка, что платежъ долженъ производиться непремѣнно въ присутствіи всѣхъ восьми землевладѣльцевъ.

Договоръ былъ составленъ въ этомъ смыслѣ еще въ самомъ началѣ 1892 года; но для засвидѣтельствованія его оказалось нужнымъ удостовѣреніе аульнаго схода о принадлежности сдаваемого мѣста сдающимъ кибитковладѣльцамъ; сѣздъ, созванный въ мартѣ, продолжался 6 дней (11—16 марта),— все это время выборные ѣли и пили насчетъ крестьянъ и получали отъ нихъ денежные подарки, такъ что удостовѣреніе схода обошлось крестьянамъ до 460 рублей. Но и послѣ этого окончательное заключеніе, а тѣмъ болѣе — засвидѣтельствованіе договора состоялось не скоро: договоръ сначала написали на простой бумагѣ,—оказалось, конечно, что нужно было написать его на гербовой, за которою одинъ изъ „рендателей“ ходилъ пѣшкомъ въ Орскъ; затѣмъ гербовый листъ испортили, и въ концѣ концовъ опять написали на простой бумагѣ и наклеили гербовыя марки. За всѣмъ этимъ, конечно, проходило время, и окончательное заключеніе договора со-

¹⁾ 8. XI. 92.

стоялось только 8 ноября 1892 г., а въ книгу уѣзднаго управленія онъ записанъ былъ болѣе, нежели чрезъ годъ—27 ноября 1893 года.

Между тѣмъ крестьяне начали строиться еще весной 1892 г.; но сдатчики-киргизы,—которые, какъ оказалось, уже ранѣе успѣли обмануть двѣ другія артели переселенцевъ,—получивъ задатокъ, начали выживать и эту артель: не давали имъ строиться и т. д.,—такъ что понадобилось вмѣшательство администраціи, и только позднею осенью поселенцамъ удалось окончательно устроиться, а до тѣхъ поръ пришлось много терпѣть отъ холода и непогоды.

На заарендованномъ участкѣ, какъ я упоминалъ, сразу водворилось 15 семей; съ той-же осени 1892 г., а главнымъ образомъ съ 1893 года, къ нимъ начали приселяться и другіе, и приселеніе продолжалось до самаго послѣдняго времени, такъ что къ іюлю 1896 г. число дворовъ дошло уже до 55-ти. Вновь входившіе брали отъ прежнихъ водворенцевъ „приговоръ“¹⁾ и вносили за пріемъ плату, которая колебалась между 7 и 40 рублями съ домохозяйства и лишь до извѣстной степени было пропорціональна той долѣ въ пользованіи угодьями, на какую желалъ получить право принимаемый. По даннымъ подворной описи, именно, при вступленіи платилось:

	за цѣлый пай	за полъ-пая	за четверть пая
въ 1893 г.	20—35 р.	12—15 р.	7 р.
„ 1894 „	40 „	7—30 „	8 „
„ 1895 „	40 „	15—18 „	8 „
„ 1896 „	30 „	18—19 „	12 „ ,

не считая угощенія виномъ (бравшіе пай ставили $\frac{1}{2}$ ведра, бравшіе полъ-или $\frac{1}{4}$ пая—четверть вина). Въ 1895 и особенно 1896 г. многіе изъ вновь вступившихъ не брали приговора „отъ общества“, а покупали пай или долю пая по частному соглашенію съ кѣмъ-либо изъ болѣе раннихъ пришельцевъ: одни покупали у обѣднѣвшихъ, другіе—у первоначальныхъ „рендателей“, взявшихъ на свою долю по 2 пая и не могшихъ съ ними совладать; въ этомъ случаѣ почти всѣ брали по $\frac{1}{2}$ пая и платили столько-же, какъ при полученіи приговора, или нѣсколько дороже (за $\frac{1}{2}$ пая отъ 18 до 25 рублей).

Пріемъ новыхъ членовъ послужилъ первымъ поводомъ къ непрекращающимся *недоразумѣніямъ* какъ внутри общества, такъ и съ киргизами. Поводомъ къ несогласіямъ внутри общества послужило то, что шесть „рендателей“, поименованныхъ въ договорѣ, считали себя однихъ вправѣ при-

¹⁾ Вотъ содержаніе одного такого «приговора»: «1894 г. Окт. 11 дня, мы нижеподписавшіеся жители разныхъ губерній и уѣздовъ, проживающіе... на Новоуральскомъ хуторѣ, бывъ сего числа въ общемъ нашемъ собраніи, въ присутствіи нашего выборнаго И. Г. Журбина, судили о томъ, что мы жители приняли на арендованный нами участокъ мѣшанъ и крестьянъ NN, срокомъ на три года, съ платой аренды съ прочими жителями вравѣ. Аренду мы, NN, обязуется платить по ерекамъ, безъ недоимки». Слѣдуетъ 9 подписей.

нимать новыхъ членовъ, и получавшюся съ нихъ плату брали въ свою пользу,—и только позже, и то лишь благодаря вмѣшательству уѣздной администраціи, вкупныя деньги стали дѣлиться между всѣми наличными поселенцами, и каждый вновь принимаемый тотчасъ-же получалъ право наравнѣ съ прочими участвовать и въ рѣшеніи вопроса о дальнѣйшемъ приѣмѣ, и въ дѣлѣжѣ вкупныхъ денегъ. — Что касается до киргизъ, то они, съ полнымъ конечно основаніемъ, жалуются на нарушеніе арендаторами того пункта договора, въ силу котораго на арендованномъ участкѣ допускалось къ водворенію не болѣе 15 семей; они требовали на этомъ основаніи даже расторгненія аренднаго договора,—но это требованіе, хотя и поддержанное уѣздною администраціей ¹⁾, уважено не было.

Съ перваго-же года по образованіи заселка поселенцы начали подумывать о заарендованіи *второго участка*, такъ какъ первый лежалъ поодаль отъ мѣста, отведеннаго подъ усадьбы и былъ соединенъ съ этимъ мѣстомъ только прогономъ, длиной около трехъ верстѣ. Сначала поселенцы думали заарендовать все пространство между ранѣе-снятымъ участкомъ и усадьбами,—пространство, принадлежавшее тѣмъ-же восьми кибитковладѣльцамъ, но исполненіе этого намѣренія встрѣтилось съ непреодолимыми затрудненіями. Дѣло въ томъ, что при раздѣлѣ первыхъ-же денегъ, полученныхъ отъ арендаторовъ, среди этихъ кибитковладѣльцевъ возникли крупныя несогласія: четверо изъ нихъ, въ томъ числѣ Берестанъ Баймуратовъ, „обидѣли“ остальныхъ четырехъ, и возникшія отсюда дразги привели къ распаденію родоваго аула надвое: одинъ самостоятельный аулъ образовалъ Баймуратовъ съ тремя товарищами, другой—Бектыбай Мендыбаевъ, тоже съ тремя товарищами. И вотъ, эти послѣдніе четыре кибитковладѣльца сразу изъявили согласіе сдать Новоуральцамъ землю, первые же четыре не только не согласились, но одинъ изъ нихъ—Берестанъ Баймуратовъ, повелъ противъ сдачи весьма энергическую борьбу: онъ подавалъ жалобы уѣздному начальнику, мучилъ киргизъ и даже подговорилъ многихъ изъ нихъ распяхать землю въ той полосѣ, которую крестьяне намѣревались снять, такъ что, когда аренда въ концѣ концовъ состоялась, то въ заарендованномъ

¹⁾ Встѣ что доносилъ отъ 21. V. 96 за № 5735 управлявшій уѣдомъ г. Хаитинскій Обл. Правленію: «... Арендаторы хутора Н.-Уральскаго безъ вѣдома подлежащей власти продолжаютъ допускать на арендованный участокъ разныхъ пришельцевъ... Послѣдствія безмѣрнаго принятія въ свою среду могутъ выразиться въ недостаточности земельного участка для коренныхъ арендаторовъ, отсюда послѣдуютъ выпасы киргизской земли, захваты ея подъ пашню и связанныя съ этимъ недоразумѣнія и споры. Одновременно съ сими мѣрою сдѣлано распоряженіе о привлеченіи къ отвѣтственности арендаторовъ за нарушеніе договора... Мѣры эти, конечно, крайне палліативныя...; для фундаментальнаго разрѣшенія этого вопроса въ смыслѣ предупрежденія въ будущемъ дальнѣйшихъ незаконныхъ приписаній... слѣдовало-бы выдворить нелегально поселившихся, но эти лица могутъ оказаться съ запашками, лишить которыхъ ихъ невозможно безъ ущерба для ихъ состоянія. Посему я имѣю честь просить указаній Областнаго Правленія, возможно-ли незаконно поселившихся выдворить съ Нижне-Уральскаго участка, равно возможно-ли допустить уничтоженіе договора киргизскаго общества съ коренными арендаторами, какъ неоднократно нарушаемаго послѣдними». Областное Правленіе отъ 5. VI. 96 № 3723 отвѣтило, что къ отвѣтственности слѣдуетъ привлечь только не имѣющихъ установленныхъ видовъ, «что-же касается киргизъ, права конхъ окажутся нарушенными, то таковымъ слѣдуетъ предоставить вѣдаться установленнымъ судебнымъ порядкомъ».

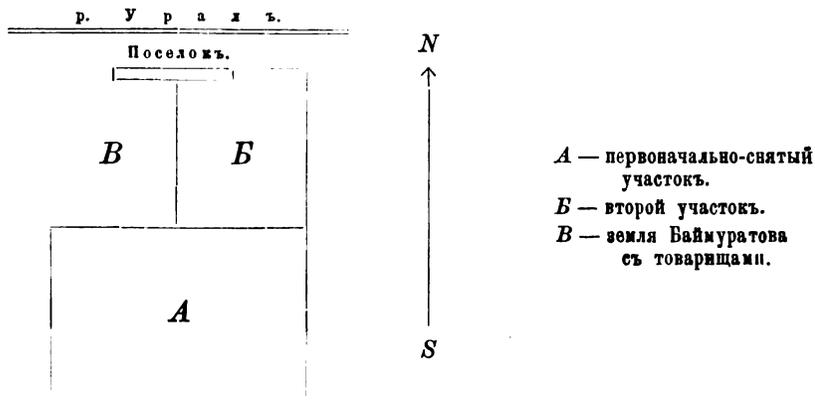
участкѣ оказалось распахано киргизами болѣе 100 десятинъ (крестьяне хотѣли было составить опись и взыскать съ киргизъ за эту распашку, но отказались отъ этой мысли по совѣту уѣзднаго начальника). Чтобы положить предѣлъ возникшему спору, уѣздный начальникъ приказалъ аульному старшинѣ провести между между раздѣлившимися аулами, что старшина и исполнилъ, не созывая аульнаго схода, и составилъ разграничительный актъ. Баймуратовъ оспариваетъ подлинность и даже законность этого акта, — но тѣмъ не менѣе, опираясь на этотъ документъ, Мендыбаевъ съ товарищами сдалъ Новоуральцамъ свою часть ближайшей къ усадебнымъ мѣстамъ полосы земли ¹⁾ ²⁾.

Договоръ на сдачу этого участка заключенъ былъ 27 іюня 1893 г., на 5-лѣтній срокъ (1894—98); по договору этому Мендыбаевъ съ товарищами сдаютъ землю, отведенную имъ якобы по приговору аульнаго схода, съ правомъ произвести распашку „сколько таковой ежегодно понадобится“ и возвести жилыя помѣщенія въ числѣ не болѣе десяти, за что арендаторы обязываются платить имъ въ годъ по 85 р. и кромѣ того распахивать подъ хлѣбъ по 2½ десятины. Въ договорѣ опредѣленно оговаривается, что земля сдается „помимо части, принадлежащей киргизу Берестану Баймуратову съ товарищами, какъ неизъявившаго продать свою часть въ аренду“, а на случай какихъ-либо претензій со стороны Баймуратова постановляется, что „отвѣтственность по поводу этому мы принимаемъ на себя, а арендаторы должны пользоваться участкомъ земли безпрепятственно, и Баймуратовъ долженъ во всемъ имѣть дѣло съ нами, а не съ арендаторами“.

Тотчасъ-же по заключеніи договора, послѣдній былъ представленъ въ уѣздное управленіе, гдѣ около года лежалъ безъ движенія, повидимому въ виду новыхъ жалобъ и „кляузъ“ Баймуратова. Между тѣмъ вступило въ

¹⁾ Исторія этой аренды, до нельзя запутанная, выяснена мною главнымъ образомъ по объясненіямъ разбиравшаго дѣла Новоуральцевъ, по порученію Военнаго Губернатора, чиновника особыхъ порученій Беркимбаева.

²⁾ Характеръ землевладѣнія Новоуральскаго заселка видѣнъ на слѣдующемъ схематическомъ чертежѣ.

дѣйствіе Положеніе 1891 года, и Областное Правленіе долго затруднялось утверждать договоръ, какъ не соответствующій требованіямъ этого закона, — и только 24 апрѣля 1895 года договоръ былъ, наконецъ, утвержденъ уѣзднымъ начальникомъ, такъ какъ оказалось, что договоръ, какъ представленный къ утвержденію за нѣсколько дней до вступленія въ дѣйствіе закона 1891 г., долженъ утверждаться въ порядкѣ, установленномъ Временнымъ положеніемъ 1868 г.. Аренда добавочнаго участка, въ свою очередь, повела къ крупнымъ недоразумѣніямъ среди самихъ поселенцевъ. Дѣло въ томъ, что вопросъ о заарендованіи этого участка возбужденъ былъ тремя изъ „рендателей“ — лицъ, поименованныхъ въ первомъ договорѣ, — Гусевымъ, Громаковымъ и Чигинымъ; эти три лица вели переговоры и съ киргизами, и съ уѣздною властью, отъ имени всего общества, но договоръ заключили только на свое имя; остальные поселенцы, узнавъ объ этомъ, начали жаловаться, и въ концѣ концовъ отъ уѣзднаго начальства послѣдовало рѣшеніе пользоваться и добавочнымъ участкомъ всѣмъ сообща, и въ этомъ смыслѣ между Гусевымъ, Громаковымъ и Чигинымъ, съ одной стороны, и всѣми остальными поселенцами, съ другой, заключенъ былъ 19 авг. 1895 г. особый „договоръ“¹⁾. Дѣло это породило среди самаго общества массу вражды и раздоровъ, и въ этомъ отношеніи Новоуральское общество приобрѣло себѣ весьма дурную репутацію.

И такъ, Новоуральское общество арендуетъ въ настоящее время два участка: первый — срокомъ по 1 янв. 1898 г., что же касается до второго, то крестьяне склонны считать срокъ со времени утвержденія договора, т. е. съ лѣта 1895 г., тогда какъ по тексту договора срокъ аренды истекаетъ 1 января 1899 года. — Самый заселокъ стоитъ на старомъ руслѣ Урала; межа заарендованнаго участка проходитъ сейчасъ-же за дворами, такъ что почти нѣтъ мѣста даже подъ огороды; нѣтъ совершенно и заливныхъ луговъ, которые киргизы оставили въ своемъ пользованіи. Что касается до остальныхъ угодій, то добавочный участокъ, расположенный на второй террасѣ долины Урала и представляющей собой отличную ковыльнюю

¹⁾ Вотъ текстъ этого договора: «... мы нижеподписавшіеся арендаторы Новоуральскаго хутора Чигинъ, Громаковъ и Гусевъ, и временнопроживающіе на томъ-же хуторѣ крестьяне и мѣщане... заключили между собой настоящій договоръ въ томъ, что первые изъ насъ принимаютъ послѣднихъ въ товарищество по арендованію у киргизъ... земли на точномъ основаніи условій, заключенныхъ ими съ владѣльцами земли 8 ноября 1892 г. и 27 июня 1893 г. ...; послѣдніе изъ насъ, вступая съ первыми въ товарищество, приобрѣтаютъ совершенно одинаковое съ первоначальными арендаторами право пользоваться и распоряжаться арендованной землей въ предѣлахъ сказанныхъ двухъ условій, являясь одинаковыми такимъ образомъ предъ кѣмъ надлежитъ отвѣтчиками за святость исполненія помянутыхъ выше двухъ условій съ киргизами заключенныхъ, причемъ мы припайщики обязаны причитающуюся на долю каждаго изъ насъ арендную плату, пропорціонально паевымъ надѣламъ, въ установленный срокъ вносить арендаторамъ, т. е. Чигину, Громакову и Гусеву, получая въ томъ отъ нихъ квитанціи, а сами же арендаторы обязаны рассчитываться съ владѣльцами земли, давая въ томъ по мѣрѣ надобности отчетъ намъ припущенкамъ. Засимъ всѣ вопросы, имѣющіе какое-либо отношеніе къ дѣламъ арендованія участковъ, должны рѣшаться при участіи припущенковъ въ составѣ двухъ третей большинствомъ голосовъ, за тѣмъ лишь исключеніемъ, что арендаторамъ предоставляется право допустить къ пользованію землей, на одинаковыхъ съ нами условіяхъ, три извѣстныхъ имъ семейства».....

степь, гораздо лучше первоначального, значительная часть котораго — подъ горами, каменистыми и солонцеватыми мѣстами. Лѣса на участкахъ нѣтъ вовсе.

Полюются землею по паямъ; на каждый наличный пай ежегодно отводилось по равной и приблизительно равноцѣнной полосѣ земли, а затѣмъ такія-же полосы нарѣзывались и каждому вновь приселявшемуся двору; по показанію поселенцевъ на каждый пай отведено, пока, всего по 6 полосъ:

- въ 1-мъ участкѣ: 1) „по сотеннику“ (100×100 саж. = $2\frac{1}{2}$ сороков. десятины).
2) „по 20 саж.“ ($\times 100$) подъ бахчи
3) по 3 десятины
4) по 2 дес. „подъ просо“
во 2-мъ участкѣ: 5) по $2\frac{1}{2}$ дес.
6) „по 25 саж.“ ($\times 100$), —

всего въ этихъ 6 полосахъ приходится на пай по $11\frac{1}{8}$ сороковыхъ десятинъ; въ дѣйствительности, однако, на пай приходится нѣсколько больше земли: изъ подворныхъ карточекъ видно, что на четверти пая засѣваютъ до 3 дес., на полупай — до 6—7 дес., такъ что на пай приходится всего не менѣе 13 или даже 14 дес.. При этомъ довольно много удобной земли въ первоначально снятомъ участкѣ еще не поступало въ раздѣлъ.

„*Частная*“ аренда по отношенію къ *пашнямъ* мало развита: по подворной описи, пашни арендовали „частно“ только 9 дворовъ, которые снимали всего 28 десятинъ; изъ нихъ 10 десятинъ было снято у пяти дворовъ хуторявъ-же, остальные 18 дес. — у киргизъ. За пахатныя земли платятъ:

- при арендѣ „у своихъ“ — 1 р. 50 к. — 2 р., рѣже 1 р. за десятину
„ у киргизъ — 70 к. — 1 р., рѣже 1 р. 50 к. за дес.

Кромѣ аренды-сдачи на деньги, и киргизы, и бѣднѣйшіе поселенцы практикуютъ сдачу „въ распашку“: бѣдный отдаетъ свою цѣлину состоятельному хозяину, который, поднявъ цѣлину, снимаетъ съ нея одинъ хлѣбъ, а на слѣдующій годъ засѣваетъ еще $\frac{1}{3}$ оборота, а $\frac{2}{3}$ отдаетъ владѣльцу.

Гораздо болѣе развита „частная“ аренда по отношенію къ *покосамъ*: по подворной описи, покосы снимали 31 дворъ, которые накосили на заарендованныхъ лугахъ свыше 5.600 копенъ сѣна. Покосы снимаютъ „углами“, причеъ аренда плата на сотню копенъ накошеннаго сѣна колеблется отъ 1 р. 50 к. и даже 1 р. 20 к. до 3 р. и 3 р. 50 к..

Сдѣлки „частной“ аренды, въ виду Положенія 1891 г., совершаются „тайкомъ“, причеъ, перезнакомившись съ окрестными киргизами, землю снимаютъ только у „хорошихъ“, а „кляузниковъ“ избѣгаютъ. Тѣмъ не менѣе обманы при арендахъ не рѣдкость: чаще всего случается, что сдатчики „на чужіе покосы указываютъ“. Впрочемъ, и хуторяне въ этомъ слу-

чаѣ поступаютъ далеко не безъукоризненно: такъ, съ одного крестьянина общество взяло часть вкупныхъ денегъ, а потомъ и не пустило; другой, заплативъ деньги за пріемъ, ушелъ за семьей, а когда онъ вернулся, съ него взяли вторыя деньги; одного „прогнали, а потомъ пустили“.

Земледѣліе. Пашутъ пока исключительно цѣлины: поднявъ залогъ въ Петровки, сѣютъ на слѣдующую весну пшеницу или просо, затѣмъ по обороту— пшеницу-же; и третьимъ хлѣбомъ можно сѣять пшеницу, но лучше— овесъ или рожь. Паровъ не знаютъ,—даже подъ рожь перепашиваютъ только одинъ разъ. Необходимости уваживать землю не предвидятъ (да и нельзя—навозъ на кизякъ нуженъ): когда цѣлины подберутся, достаточно будетъ разбить пашни на три поля и пускать одно надъ толоку.— *Орудія*—главнымъ образомъ малорусскіе плуги, которыми пашутъ либо на быкахъ, либо на лошадяхъ; у нѣкоторыхъ—желѣзные плуги, которые однако для цѣлинъ не годятся; у нѣсколькихъ бѣдняковъ—„россійскія“ сохи; такіе двory цѣлинъ вовсе не пашутъ, а сдаютъ за деньги или въ распахку, а сами пашутъ только „мятыя“ земли; нѣкоторые для цѣлинъ устраиваются съ киргизами (см. ниже) или нанимаютъ пахать.

Благосостояніе поселенцевъ не очень высоко: если даже отбросить двory, прибывшіе въ 1895 году и еще не успѣвшіе надлежащимъ образомъ устроиться, то получатся среднія цифры 4,6 головъ раб. скота и 7,1 дес. посѣва, и въ общемъ выводѣ поселенцы, повидимому, ничего не выиграли отъ переселенія: если взять тѣ 27 семей, прибывшихъ до 1895 г. включительно, для которыхъ есть свѣдѣнія о положеніи на родинѣ, то окажется, что у нихъ было на родинѣ и имѣется теперь:

	раб. скота	дес. посѣва
на родинѣ	128	226
теперь	142	212,—

причемъ разница въ количествѣ рабочаго скота—результатъ лишь перехода къ работѣ на быкахъ. Изъ числа 41 семьи, прибывшихъ до 1895 г., наиболѣе многочисленная группа—14 семей—засѣваетъ отъ 5 до 7 дес.; 9 семей засѣваютъ всего по 3—4 дес., и почти столько-же—8 семей—отъ 8 до 11 дес.; болѣе послѣдней цифры засѣваютъ только 5 семей. Правда, въ поселкѣ среди прибывшихъ до 1895 г. вовсе нѣтъ дворовъ безъ посѣва и только 5 дворовъ засѣваютъ ничтожныя площади, не свыше 2 дес.; но, за то болѣе четверти общаго числа—11 дворовъ—безлошадные или однолошадные; 9 дворовъ вовсе не имѣютъ пахатныхъ орудій, 9-же имѣютъ только сохи,—и слѣдовательно 18 семей для обработки земли должны прибѣгать къ разнымъ видамъ найма, супраги и т. д.. Недостаточность общаго уровня благосостоянія поселка доказывается и цифрами найма и отпуска рабочей силы: нанимаютъ работниковъ только 7 семей, тогда какъ, напротивъ, продаетъ рабочую силу почти половина общаго числа—26 домохозяевъ.

Не имѣющіе полного инвентаря, чтобы поднимать цѣлины, „пашутъ киргизскими быками исполу“ („пошоламъ берутъ быковъ“): берутъ у киргиза быковъ и сабанъ и пашутъ день ему, день себѣ; очень распространены также разныя супряжныя сдѣлки. — Напротивъ, для многихъ, имѣющихъ плуги и полный комплектъ быковъ, серьезнымъ заработкомъ является наемка у киргизъ поднимать цѣлины: пашутъ весной по 8 р., въ іюлѣ—по 4—5 р. за десятину.

Застройка поселка сравнительно очень недурна: 37 дворовъ имѣютъ бревенчатые дома (изъ нихъ 3—пятистѣнные), большею частью съ каменными, дерновыми или саманными сѣнями; 4 семьи имѣютъ саманная избы, 8 — землянки или дерновые избы.

Въ общемъ крестьяне мѣсто очень одобряютъ: „земля хорошая, жить на ней вполнѣ-бы можно, — да аренда кончается, не знаемъ, что будетъ дальше“. *Выселенія* изъ заселка не было; правда, были такіе, что „прідетъ, задатокъ внесетъ, — а потомъ ему не поглянется, онъ и уйдетъ себѣ“; но изъ успѣвшихъ водвориться не уходилъ никто и не собирается, — „развѣ земли не дадутъ“. Въ этомъ отношеніи крестьяне очень тревожно глядятъ на будущее, потому что киргизы, повидимому, только и ждутъ конца срока договоровъ, чтобы согнать своихъ арендаторовъ, которые имъ подошли вѣчными „кляузами“. *Отношенія* съ киргизами очень обостренныя: по всякимъ поводамъ затѣваются ссоры и драки; за Берестаномъ Баймуратовымъ гнались, чтобы избить его или убить, якобы по подозрѣнію въ кражѣ лошадей; одного киргиза поранили косою вслѣдствіе спора изъ-за арендованнаго покоса. Крестьяне очень жалуются на потравы, хотя признаютъ, что при существующихъ очертаніяхъ заарендованныхъ участковъ и при привычкѣ киргизскаго скота къ пастьбѣ на просторѣ потравы неизбежны. — Несмотря на обостренность отношеній, крестьяне признаютъ, что среди киргизъ много и хорошихъ людей, — имѣютъ среди нихъ „пріятелей“, которые оставляютъ имъ свою движимость, уходя на лѣтовку: „отъ воровства это, говорятъ крестьяне; прежде все такъ оставляли, а теперь нашъ братъ русскіе пришли, — гдѣ худо лежитъ и утащатъ“.

Жалуются на то, что не имѣютъ своего выборнаго управленія: на киргизъ „нельзя управы найти: начальство не свое, а киргизское—оно киргизамъ и потакаетъ“. Жалуются также, что все за Ураломъ—и церковь, и базаръ. Очень хотятъ школы, — уже заготовили матеріалъ для построекъ, на что затратили всѣ полученные въ 1896 г. вкупныя деньги.

№ 27. Хуторъ Пароловъ.

(Въ 3 аулъ Актюбинской вол.).

Главные результаты подворной описи. Налицо 11 дворовъ; о положеніи *на родинѣ* есть свѣдѣнія только для 5 семей, у которыхъ было:

Надѣльной земли 58 дес., раб. скота 63, дес. посява 128,
или въ среднемъ > > 11,6, > > 12,6, > > 25,6.

Изъ 5 семей были:

безземель- ныя.	и м ѣ л и з е м л и.			
	до 5 дес.	5—10 д.	10—20 д.	болѣе 20 д.
1	1	—	2	1
не сѣяли хлѣба.	в а с ѣ в а л и д е с я т н и ц ѣ :			
	до 5	5—10	10—20	болѣе 20
—	—	2	1	2.

Арендовали землю 4 семьи.

Въ настоящее время имѣютъ:

Раб. лошадей 12, быковъ 74, дойн. коровъ 44, дес. посява 86,
или въ среднемъ: головъ рабоч. скота 7,8 > > 4,0 > > 7,8.

Распределение по рабоч. скоту:

быковъ и ло- шадей	до 3.	—
	4—6.	4 или 36,4 %
	7—10.	5 > 45,4 %
	11	2 > 18,2 %

Распределение по пахатн. орудіямъ:

Безъ орудій.	1 сем. или 9,1 %
Съ 1 плугомъ.	5 > > 45,4 %
> 2 >	5 > > 45,4 %

Распределение по посявн. площади:

Засѣваютъ:	4 дес.	1 сем. или 9,1 %
	6—10 >	9 > > 81,8 %
	11 >	1 > > 9,1 %

Продавали хлѣбъ 10 сем. или 90,0 %, ими продано 3.600 пуд.

Имѣютъ запасы 9 > > 81,8 %, > > 4.100 >

Нанимаютъ работниковъ 9 сем. или 81,8 %, изъ нихъ 5 сем. по одному сроковому.

Продаетъ трудъ 1 семья или 9,1 %.

Населеніе хутора, кромѣ одной семьи, состоитъ изъ малороссовъ, родомъ большею частью изъ Воронежской губерніи. Изъ нихъ 3 семьи еще въ 1866 году перешли „по сосѣдству“ въ Донскую область, куда и перечислены, оттуда же ушли потому, что „казаки всю землю забрали“; какъ эти три семьи, такъ и пять другихъ, которыя пришли въ данный районъ прямо съ родины, по собственнымъ развѣдкамъ или сообщеніямъ ходоковъ прибыли въ Актюбинскъ въ 1886—1888 г.г.; около того же времени въ Актюбинскѣ остановилась еще одна семья, направлявшаяся-было въ Семи-рѣчье, и другая, которая съ родины переселилась сначала въ окрестности Орска и была перечислена въ Орскіе мѣщане. Последняя, 11-я семья принадлежитъ къ первымъ поселенцамъ бывшаго Актюбинскаго укрѣпленія, гдѣ проживала съ 1868 года. Въ настоящее время всѣ 11 семей перечислены въ Актюбинскіе мѣщане; на хуторъ перешли отчасти потому, что „земля стала городская“, главнымъ же образомъ потому, что здѣсь „мѣста лучше: въ Актюбинскѣ земли малосильныя, да и народу много набралось — всѣмъ не помѣстится“.

Основателями хутора были 5 семей Воронежцевъ; онѣ ушли изъ Актюбинска въ 1890 г. и поселились сначала на хут. Кулешовомъ (Герновскаго, см. ниже), но не могли остаться жить тамъ, потому что киргизы отказались сдать землю; тогда эти пять семей, высмотрѣвъ данную мѣстность, 6 окт. 1892 г. заключили арендный договоръ съ киргизами 3 аула Актюбинской волости Кинжебаемъ Назаровымъ и др., въ числѣ всего 16 кибитковладѣльцевъ; по этому договору они снимали на трехлѣтній срокъ (1 апр. 1893—1 апр. 1896) участокъ на лѣвомъ берегу р. Джахсы-Каргалы; границы участка описаны въ договорѣ по живымъ урочищамъ, площадь же опредѣлена въ 75 дес. (цифра эта очевидно не имѣетъ никакого сходства съ дѣйствительностью—см. ниже), съ платой по 2 р. за десятину, т. е. всего 150 р. въ годъ, уплачиваемой ежегодно въ октябрѣ мѣсяцѣ; сдатчики при этомъ обязывались допустить скотъ арендаторовъ пастись по всѣмъ ихъ владѣніямъ, а относительно распашки брали на себя не совсѣмъ понятное обязательство „земля была чтобы удобная для хлѣбопашества“, и на случай, если-бы арендаторы признали часть арендованной земли для себя неудобной, обязывались отвести имъ взамѣнъ другую, удобную землю. Условіе это было засвидѣтельствовано аульнымъ старшиной, причемъ темные расхды по заключенію условія составили около 50 р..

Срокъ этого договора истекалъ 1 апрѣля 1896 года. Между тѣмъ еще въ началѣ 1893 года хуторяне узнали о новомъ Степномъ Положеніи и сообразили, что со времени вступленія его въ дѣйствіе „снимать землю куда труднѣе будетъ“, а потому 28 сентября 1893 г. заключили договоръ на дальнѣйшее трехлѣтіе, съ 1 апр. 1896 г. по 1 апр. 1899 года (охотно заключили-бы договоръ на болѣе долгій срокъ—хоть на 30 лѣтъ, но киргизы не соглашались болѣе, чѣмъ на 3 года). По этому договору границы участка описаны такъ-же, какъ по прежнему, но о 75 дес. уже

нѣтъ упоминанія, а говорится, что участокъ „по приблизительному нашему счету въ длину 5 в., а въ ширину 3 в.“; плата за всѣ три года—300 р., приче́мъ арендаторы обязуются, „пользоваться участкомъ сами, а не передавать другимъ лицамъ“ и имѣютъ право поставить на участкѣ только четыре землянки.

Первый договоръ заключенъ былъ отъ имени пяти арендаторовъ; но одинъ изъ нихъ (Терновскій) остался на старомъ мѣстѣ и передалъ свой пай, равными долями, двумъ другимъ крестьянамъ, которые и водворились на участкѣ весной 1893 г., одновременно „съ первыми жителями“. Въ слѣдующемъ, 1894 году прибыло еще двѣ семьи, которыя взяли у артели „первыхъ жителей“ по нѣскольку десятинъ пашни; одна изъ нихъ арендуетъ землю подсеятинно и по настоящее время, а вторая вскорѣ сдѣлалась участникомъ артели, съ правомъ на $\frac{1}{2}$ пая.

Особое положеніе занимаютъ двѣ послѣднія семьи: онѣ въ 1893 году сняли участокъ за р. Джаксы-Каргалой вмѣстѣ съ другими 8-ю семьями; эти послѣднія не имѣли оцѣдлости на заарендованномъ участкѣ, а вели хозяйство наѣздомъ изъ города, данныя же двѣ семьи построили себѣ землянки на этомъ берегу Джаксы-Каргалы, вблизи хутора Паролова. Когда истекъ 3-лѣтній срокъ ихъ аренды, артель распалась, 8 семей перешли на другое мѣсто, а эти двѣ семьи въ 1896 г. прижкнули къ Пароловцамъ, но не полными товарищами: они тоже сняли у „первыхъ жителей“ по нѣскольку десятинъ земли, съ платой по 1 р. 80 к. за десятину, живутъ же на старыхъ усадьбахъ, за которыя платятъ киргизамъ по 1 р. въ годъ.

Что касается до полныхъ пайщиковъ, то они передѣлили между собой лучшую землю (которую только и распахиваютъ) по паямъ; на каждый пай отведено до десяти полосъ, размѣромъ, большею частью, по десятинѣ; столь мелкія полосы—ради уравниенія разстояній и различій въ естественныхъ свойствахъ и свѣжести земли.

Къ „частной“ арендѣ пашенъ хуторяне не прибѣгаютъ, во-1-хъ, потому, что и въ договорномъ участкѣ распахали еще далеко не все, и во-2-хъ, потому, что въ виду новаго Положенія аренда стала почти невозможной; прежде, когда жили въ городѣ, много арендовали по „частнымъ“ роспискамъ, теперь же „начальство не велитъ“, „да и боязно: сними да посьи хлѣбъ,—а онъ себѣ заберетъ, либо другой киргизъ придетъ да отберетъ землю, а управы нѣтъ“.

Цѣны около Актюбинска лѣтъ десять стояли безъ измѣненія:

за „мягкую“—1 р.—1 р. 50 к.

за цѣлину . . 2 „.

Послѣднее время и здѣсь были тѣ-же цѣны, а прежде за лучшую землю давали не болѣе рубля.

Покосы арпадуютъ всё, ибо въ участкѣ луговъ вовсе нѣтъ, ковыля же не косать, такъ какъ подъ рукою есть луга. Цѣны дорогія (6—10 к. за копну), главнымъ образомъ потому, что въ „настоящее“ покосное время киргизы очень неохотно сдаютъ луга, а потому приходится платить дорого; подъ осень они сдаютъ гораздо дешевле, — но тогда некогда, надо хлѣбъ косить.

Участокъ расположенъ на лѣвомъ берегу р. Джаксы-Каргалы, въ долинѣ а своими О концомъ захватываетъ междурѣчную холмистую мѣстность; холмы — большею частью каменисты и вовсе не эксплуатируются иначе, какъ для пастбы скота; но и въ долинѣ „мѣста не ровныя“: не мало бугорковъ съ каменистою почвой, которыхъ пока не пашутъ; для пашни выбираютъ только лучшіе участки съ густымъ ковыльнымъ дерномъ, главнымъ образомъ въ ложбинкахъ. Земля—куда лучше чѣмъ на Илекѣ, подъ Актюбинскомъ, — „мѣсто крѣпче, глиноватѣе“; особенно благоприятна почва для пшеницы, но и всякій другой хлѣбъ хорошо родится.

Земледѣліе—переложное; хуторяне снимаютъ уже по четвертому хлѣбу, безъ пара или отдыха; сѣютъ почти одну пшеницу, — другихъ хлѣбовъ совсѣмъ мало. Пашутъ плугами, на быкахъ; у пяти хозяевъ—заводскіе двухлемешные плуги, которыми пользуются однако только для „вятыхъ“ земель.

Благосостояніе очень равномерное: 5 семей имѣютъ по 2—3 цары, 6 семей—по 4—5 паръ быковъ; посѣвная площадь у четырехъ семей колеблется отъ 4 до 7 дес., у семи—отъ 8 до 11 десятинъ; благодаря трехлѣтнему хорошему урожаю почти у всѣхъ—именно у девяти семей—есть запасы хлѣба, въ количествѣ всего свыше 4.000 пудовъ, — а 10 семей продавали хлѣбъ, — всего продали до 3.600 пудовъ. Почти всѣ хуторяне—9 семей—пользуются услугами наемныхъ рабочихъ: на покосъ нанимаютъ бѣдноту изъ Актюбинска, на жпитво—киргизъ, башкиръ и пр.; 5 дворовъ весною держатъ срочныхъ работниковъ. Въ общемъ хуторяне производятъ очень благоприятное, хозяйственное впечатлѣніе; застройка плоха—все дерновыя избы и землянки, —но это объясняется тѣмъ, что большинство хуторянъ имѣетъ домообзаводство въ Актюбинскѣ, гдѣ и проживаетъ большую часть года.

Отношенія съ киргизами вполне хороши: „ни мы ихъ, ни они насъ; конечно, ужъ уважаемъ имъ: арбузы они любятъ, а у самихъ нѣтъ—все къ намъ за арбузами ходятъ“.

Участкомъ хуторяне очень довольны: мечтаютъ о „нарѣзѣ“ или о долгосрочной арендѣ; на короткій срокъ арендовать худо: „только распашешься, — а тамъ и срокъ отошелъ; да и землю не такъ уважаешь“. — Что будетъ по истеченіи срока договора, — хуторяне не знаютъ: хотѣли-бы остаться, —да боятся, что дорого запросятъ: за старую цѣну киргизы ужъ ни за что не сдадутъ земли. Съ другой стороны—очень боятся вліянія Положенія 1891 года: темныхъ расходовъ потребуется не 50 руб., какъ прежде, а 500 руб., — „да и времени надо много, пока всѣхъ выборныхъ уговорить“.

№ 28. Хуторъ Терновскаго (* бывшій Кулешовъ).

(Въ 3 аулѣ Актюбинской волости).

По подворной описи палицо три двора; изъ нихъ одинъ существуетъ за-работками и пашню имѣеть только въ видѣ присѣвка; изъ остальныхъ двухъ имѣють:

одинъ—1 лош., 10 бык., 10 коровъ, 100 овецъ, 8 дес. посѣва,
другой—2 > 8 > 7 > 25 > 7 > > .

Каждая продала по 100 пуд. хлѣба, въ запасѣ имѣють: одна 600, другая—200 пуд.; обѣ пользуются наемными руками, причемъ одна держигъ годоваго, другая—весенняго работника.

Хуторъ основанъ былъ еще въ 1889 г. 7 Актюбинскими мѣщанами (изъ нихъ 6 изъ Ярославской, одинъ—изъ Астраханской губерніи), кото-рые по трехлѣтнему *договору*, заключенному на имя двухъ изъ нихъ (Ку-лешова и Каюдина), сняли участокъ земли „окружкою“, съ платой по 1 р. за распаханную десятину.

Къ концу срока договора, т. е. къ 1893 г., большая часть хуторянъ *разбрелась*,—главнымъ образомъ потому, что здѣшніе киргизы „упирались“ и не хотѣли сдать земли: 4 семьи ушли на хуторъ Пароловъ (см. выше), двѣ—въ Терскую область, откуда одна впоследствии вернулась совершенно разо-ренною, одна ушла въ Кунградъ (?), откуда скоро вернулась въ Актюбинскъ.

Затѣмъ однако киргизы согласились сдать землю, и 26 октября 1892 г. былъ заключенъ между двумя хуторянами (тѣми-же, что прежде) и 7 кибитко-владѣльцами-киргизами *новый договоръ*, на слѣдующихъ условіяхъ: киргизы сдаютъ на три года (1893—95) 35 дес. земли (25 дес. старой и 10 дес. залогу) съ платой въ годъ по 1 р. 50 к. съ десятины; мѣсто для четы-рехъ землянокъ—бесплатно, мѣста подъ посѣвъ,—„гдѣ понравится арен-даторамъ“; пастъба скота—до 9 мая по всѣмъ владѣніямъ сдатчиковъ, не исключая луговъ, съ 9 мая—только на мѣстахъ, свободныхъ отъ посѣвовъ и не сѣнокосныхъ; если арендаторы сами не вспашутъ всей земли, имъ предоставляется принимать товарищей, если-же вспашутъ болѣе 35 дес.,—то платятъ тоже по 1 р. 50 к., безъ штрафа; „падалицы“ достаются тому, чьи были сѣмена, съ тою-же платой по 1 р. 50 к. съ десятины.

По истеченіи срока этого договора *ушли* еще двѣ семьи (въ томъ числѣ самъ Кулешовъ) и остались только два самостоятельныхъ домохозяй-ства (Терновскій и Каюдинъ).

Причиной ухода сказанныхъ двухъ семей послужило то, что киргизы не желаютъ сдавать земли на основаніяхъ, указываемыхъ Положеніемъ 1891 г. („намъ деньги не попадаютъ!“). Наличныя три семьи остались, сознавая,

что „переходка не находка“; „метались повсюду“, чтобы устроиться на болѣе продолжительное время,—по ничего не могли добиться. Въ концѣ концовъ волостной управитель разрѣшилъ имъ прожить годъ „частно“, общая въ теченіе года образовать и сдать имъ мирскую оброчную статью, какъ было сдѣлано на рч. Косъ-Иstekъ; между тѣмъ и на Косъ-Иstekъ дѣло „замялось“, да и здѣсь управитель оттягиваетъ дѣло.

На этотъ годъ Терновскій и Каюдинъ сняли всего 20 десятинъ пашни съ платой по 1 р. 50 к. за десятину (усадебна и выгонъ—бесплатно); но съ темными расходами (одинъ аульный старшина взялъ 15 рублей!) эти 20 дес. обошлись въ 70 рублей.

Что будетъ дальше—хуторяне не знаютъ: „надо-бы жнива подь-зиму пахать,—а не знаешь, что дѣлать“. Если-бы даже управитель исполнилъ общаніе,—то все-таки съ волостнымъ сѣздомъ маленькой артели трудно имѣть дѣло: прежде бралъ деньги одинъ аульный,—а теперь каждому илюлюку (выборному) надо дать по 5 р.,—десятина и обойдется въ 5, а то и въ 7 р.. „Частно“ на болѣе значительный срокъ не сдаютъ („черезъ то, что сдай землю русскимъ—а они останутся и землю отнимутъ“),—да и вообще рисковано: „и волостной не велитъ, и уѣздный начальникъ не велитъ“; а главное—, что „у нихъ хозяевъ много: одинъ землю продасть, а другой придетъ и скандалъ подниметь“.

Кабы можно было получить землю на долгій срокъ или въ надѣлъ,—ни за что не ушли-бы: земля отличная,—„попашешь ее, полежить 3 года,—и опять ее хоть куда“.—А въ Актюбинскъ возвращаться не годится: „если мы всѣ въ Актюбу вернемся, то и дѣваться некуда будетъ“.

Хутора и заимки Кустанайскаго уѣзда

по свѣдѣніямъ списка населенныхъ мѣстъ, заготовленнаго для всеобщей переписи ¹⁾.

<i>Киргизскія волости:</i>	<i>Аулы:</i>	<i>Названія населен. пунктовъ:</i>	<i>Число душъ об. пола:</i>
Аманъ-Карагайская.	2	Аульекульскій поселокъ.	51
„	3	Заимка Уракова.	53
„	4	„ Ересковскаго.	66
Убаганская.	1	Хуторъ Полумискова.	41
„	„	Заимка Голубцова.	12
„	„	„ Корнилова.	6
„	„	„ Ослоповскаго.	13
„	„	„ Путникова.	5
„	„	„ Сошкина.	13
„	2	Хуторъ Бѣляева.	30
„	„	Заимка Шумкова.	25
Дамбарская.	1	Хуторъ Абрамянова.	37
„	6	Заимка Комарова.	22
„	„	„ Лѣтуновскаго.	33
Аракарагайская.	1	„ Нивульшина.	36
„	„	„ Колесникова.	31
„	„	„ Рясвинныхъ.	86
„	„	„ Калашевыхъ.	42
„	„	„ Яшунина.	19
„	„	„ Родионова.	25
„	„	„ Кодина.	49
„	2	„ Алексѣева.	64
„	3	„ Беркова.	13
„	„	„ Воробьевская.	53

¹⁾ Въ этотъ списокъ вошли только тѣ пункты, гдѣ русскіе живутъ совершенно отдѣльно отъ киргизъ,—слѣд. не вошли всѣ русскіе, живущіе въ киргизскихъ аулахъ; не вошли также тѣ хутора, гдѣ Кустанайцы ведутъ хозяйство наѣдомъ, продолжая жить весь годъ или зиму въ городѣ.

<i>Киргизскія волости:</i>	<i>Аулы:</i>	<i>Названія населен. пунктовъ:</i>	<i>Число душъ об. пола:</i>
Аракарагайская.	3	Займба Колпакова	46
"	5	" Колесникова.	9
"	"	" Косменкова.	85
"	"	" Лукьянова.	78
"	"	" Исенбая.	78
"	"	" Кирьбятева.	80
"	"	" Шонова.	109
"	"	" Тулаева.	12
"	"	" Ремнева.	23
"	"	" Буртабаева.	20
"	"	" Маргунова.	12
"	6	" Сухарева.	108
"	"	" Золотухина.	144
"	"	" Бережнова.	173
"	7	" Негодяева.	95
"	"	" Денисова.	10
"	"	" Ниялтина.	35
"	8	" Фанина.	5
"	"	" Загороднева.	9
"	"	" Сыровятегина.	235
Кумакская.	1	Хуторъ Успенскій.	64
Бистюбинская.	2	Займба Борзенкова.	18
Кинь-Аральская.	1	" Кругленко.	10
"	"	" Давыденко.	43
"	"	" Харина.	8
"	"	" Черканина.	17
"	"	" Горшкова.	9
"	2	" Кутукова.	142
"	4	" Кривоносова.	6
"	"	" Трубочаникова.	61